

РУССКОЕ СЛОВО.

Х.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОНЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1860.

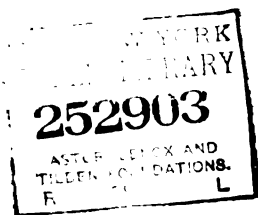

ОКТАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Семена Съдинкина, въ торговой 17.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 15 Октября 1860 года.

Ценсоръ *А. Ярославцовъ.*

Ө. Размакинъ.

П. Дубровский.

РЕФОРМА И КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ ВЪ ВЕНГРИИ.

Статья вторая.

VII.

Comes Tököli qui pro Deo et Patria pugnat! Таковъ былъ девизъ на знаменахъ полковъ, выведенныхъ Емерикомъ Тэкели въ верхнюю Венгрію, для подкрѣпленія возрождавшихся силъ угнетенныхъ патриотовъ. Онъ явился на сцену дѣйствій, въ 1677 году, во всемъ блескѣ молодости и силы, съ неукротимымъ стремленіемъ наказать Австрію за поруганную свободу своей родины. Позднѣйшіе историки, какъ-то Майлатъ и Гаммеръ, всячески старались очернить эту благородную личность; но портретъ ея, нарисованный современникомъ и, вѣроятно, очевидцемъ дѣйствій Тэкели, достаточно опровергаетъ всё *) извѣты приверженцевъ австрійскаго дома. Высокій ростъ, прекрасное выразительное лицо, умъ, ловкость и привѣтливость въ обращеніи, располагали къ нему всякаго, кто только хотя одинъ разъ видѣлъ его. Съ этими природными качествами онъ соединялъ самое непоколебимое хладнокровіе и рано развившуюся въ немъ опытность. Мы знаемъ уже, какія обстоятельства окружали его юность, и съ той поры, пока грозный слѣдъ его открылся

*) Histoire d'Emeric comte de Tekeli. Cologne. M. DC. XCIV.

въ верхней Венгріи, онъ выросталъ среди опасностей, готовясь съ ранняго возраста къ боевой жизни. Зная, какъ трудно было бороться ему одному съ Австріей, онъ рѣшился на средство смѣлое, отчаянное, бывшее причиною тѣхъ нареканій со стороны приверженцевъ Австріи, о которыхъ говорено выше. Средство это былъ союзъ съ Турками, вызвавшій впоследствии осаду Вѣны. Видно, что Тэкели обдуманно и систематически готовилъ себя и Венгрію къ рѣшительному удару. Онъ зналъ не только языки мадарскій, латинскій и нѣмецкій, но говорилъ также по-турецки, и судя по легкости, съ какою онъ выражался на этомъ языкѣ, видно, что онъ учился ему еще въ ранней молодости. Огромныя родовыя помѣстья, которыми онъ владелъ въ верхней Венгріи и Трансильваніи, не смотря на то, что первыя изъ нихъ были конфискованы Леопольдомъ, ему было достаточно и остальныхъ, чтобы поддержать вліяніе, какое имѣлъ онъ, какъ мадарскій магнатъ, надъ своими приверженцами. Емеріку было не болѣе двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, когда онъ открыто выступилъ противъ Австріи, и тутъ же, на первыхъ порахъ, онъ показалъ столько быстроты соображенія, столь необходимой въ битвахъ, такую твердость характера и умную распорядительность, что не замедлилъ обратить на себя общее вниманіе патріотовъ, и сосредоточить въ себѣ одномъ все ихъ надежды. Главною заботой его было увеличить по возможности число войска, и, не ограничиваясь малой войной, повести наступательныя дѣйствія противъ Австріи, быстро и рѣшительно. Онъ взялъ клятву по всемъ концамъ мадарской земли, и кто только могъ носить оружіе, немедленно являлся на зовъ его. Въ прокламаціи своей онъ объявилъ Мадярамъ, что взялся за оружіе возвратитъ Венгріи ея прежнюю независимость, прежнія права и вольности. Призывая всѣхъ къ оружію, онъ объявилъ, что тѣ изъ Мадяръ, которые не только-что не примутъ участія въ народной войнѣ, но останутся нейтральны, будутъ преслѣдуемы, какъ измѣнники. Эта прокламація имѣла свое дѣйствіе. Цѣлыя массы народа стекались къ нему, равнымъ образомъ присоединились къ его войску и отдѣльныя шайки, дѣйствовавшія противъ Австрійцевъ безъ всякой дисциплины.

Въ самое непродолжительное время, Тэкели увидѣлъ себя во главѣ двадцати тысячъ воиновъ, съ которыми могъ предпринять одинъ, безъ посторонней помощи, изгнаніе непріятеля изъ мадярской земли, такъ-какъ полки имперцовъ были гораздо малочисленнѣе рати инсургентовъ. Но Тэкели готовилъ Леопольду ударъ гораздо болѣе чувствительный. Вся сѣверная сторона Венгріи, вся цѣпь Карпатскихъ горъ были для него открытыя поприщемъ, гдѣ города на перерывѣ, одинъ передъ другимъ, снѣжили открывать ему свои ворота, изгоняя предварительно гарнизоны Австрійцевъ. Генераль Вюрбенъ, смѣнившій, какъ видѣли, Копна, находился съ своимъ корпусомъ не вдалекѣ отъ Эперіеса; но малочисленность его силъ принудила его держаться въ укрѣпленномъ лагерѣ, и дать мадярскимъ полкамъ возможность, безирепетивно добратся до самой Кашавы. Не обращая никакого вниманія на укрѣпленный станъ Вюрбена, Тэкели бросился на западъ, прошелъ мимо Нейсоля, молодецкимъ налетомъ накрылъ Кремницъ, богатый своими золотыми и серебряными рудами, и безирепетивно овладѣлъ имъ. Здѣсь, за исключеніемъ золотыхъ и серебряныхъ слитковъ, которые нашли Мадяры, было заготовлено также и сто восемьдесятъ тысячъ червонцевъ, сдѣлавшихся также ихъ добычею. Взятіе Кремница было чрезвычайно важно и въ стратегическомъ отношеніи: отсюда открывалась Мадярамъ свободная дорога къ Пресбургу, котораго занятіе могло-бы угрожать самой Вѣнѣ, остававшейся въ это время безъ всякаго прикрытія. Но Леопольдъ предупредилъ дальнѣйшее вторженіе Мадяръ тѣмъ, что предложилъ имъ перемиріе. Однакожь прежде чѣмъ начались переговоры, императоръ предложилъ Мадярамъ распустить большую часть ихъ дружинъ, общая разобрать ихъ жалобы и удовлетворить ихъ желаніямъ. Но можно-ли было вѣрить Леопольду, который первымъ условіемъ мира полагалъ, что Венгрія должна была оставаться подъ управленіемъ вице-короля изъ дома Габсбурговъ. Вотъ почему война возобновилась съ большимъ противъ прежняго ожесточеніемъ. Леопольдъ, окончивъ дѣла свои съ Лудвикомъ XIV, съ которымъ воевалъ съ 1673 года, былъ уже въ состояніи двинуть въ Венгрію новыя силы. Но это не

устрашило Тэкели. Страшная рѣзня въ сѣверной Венгріи, продолжавшаяся четыре года съ ряду, обрушила на эту прекрасную страну всѣ бѣдствія, какія только можетъ породить воображеніе. Къ довершенію этихъ несчастій, явился другой бичъ — чума, поражавшая свои жертвы тамъ, гдѣ не достигалъ мечъ вонна. Леопольдъ оставался безжалостнымъ зрителемъ этихъ неимовѣрныхъ несчастій, а его наперстные друзья, ближайшіе совѣтники, іезуиты, словно сфинксы египетскихъ степей были безмолвны.

Что-бы сломить это пробочное упорство австрійскаго дома, что-бы наказать жестокое обращеніе его съ Мадырами, что-бы отмстить за то безсудіе, которому подвергался цвѣтъ мадарской націи, Тэкели рѣшился вызвать другого врага на Леопольда, и разомъ покончить съ его недоступной гордостью. Въ послѣднихъ числахъ Декабря 1681 года, онъ послалъ въ Константинополь трехъ уполномоченныхъ, что-бы заключить союзъ съ Турками, называвшими его *куруць-кисали*, кралемъ или, королемъ *куруцовъ*, испорченное слово отъ латинскаго *сигх* *). Въ началѣ Января слѣдующаго года посланные его имѣли первую аудіенцію у великаго визаря Кара-Мустафы, въ которой, по указанію Гаммера **), находился и одинъ переодѣтый іезуитъ, успѣвшій проникнуть въ залу совѣщаній, что-бы передать въ Вѣну предметъ этихъ тайныхъ переговоровъ. Но это не помѣшало Кара-Мустафѣ съ одной стороны, Емерику Тэкели съ другой, приступить къ такимъ приготовленіямъ, которыя заставили поблѣднѣть фанатическаго Леопольда. И было наконецъ надъ чѣмъ задуматься, чего устрашиться. Мусульманскіе полки стали собираться зимой 1682—1683 годовъ въ Адрианополь, мѣсто перваго сбора, откуда имѣли двинуться къ Дунаю. Изъ раз-

---

*) Такъ названъ онъ въ дипломѣ, выданномъ ему высокою Портой. Производство слова *куруць* двоякое: Феслеръ думаетъ, что оно взято изъ турецкаго языка *куруджи*, что значить — опытный, знатный воинъ; другое же производство, и болѣе вѣроятное, отъ *сигх*, крестъ. Оно напоминало возстаніе крестьянъ при Владиславѣ II въ 1514 году, которые носили на своей груди изображеніе креста. Дипломъ въ турецкомъ оригиналѣ хранится въ тайномъ вѣнскомъ архивѣ. Копія же съ него въ переводѣ приложена къ примѣчаніямъ у Гаммера, Hist. de l'Empire Ottoman. t. XII. p. 504.

**) Hist. de l'Empire Ottoman. t. XII. Paris 1838. 62. seqq.

ныхъ концовъ турецкой имперіи, изъ Азіи и Африки собирались новые союзники возмущившихся Мадяръ, становивъсь подъ санджакъ-шерифомъ, или священнымъ знаменемъ Кара-Мустафы. Двѣсти шестьдесятъ тысячъ мусульманъ, не считая ихъ мадарскихъ союзниковъ, готовы были обрушиться на Австрію. Самъ Могаммедъ IV явился въ обширный лагерь подъ Адрианополемъ, откуда, давъ приказаніе выступить, онъ сопровождалъ войско до самаго Вѣлграда. Поднявшись вверхъ по Дунаю и перейдя Драву у Эссека или Осѣка, полчища мусульманъ соединились съ шестидесяти тысячнымъ корпусомъ Ткели, который состоялъ изъ тридцати трехъ тысячъ Мадяръ, двѣнадцати тысячъ Татаръ и пятнадцати тысячъ спагивъ и япычаръ, занимавшихъ ту часть Венгрии, которая находилась во власти Турокъ. Достаточно было и одного этого корпуса, чтобы утратить Австрію. Какія-жъ силы могла противопоставить она столь страшному вторженію? Леспольдъ могъ располагать не болѣе какъ тридцатью тремя тысячами воиновъ, находившихся подъ начальствомъ Карла Лотарингскаго. Правда, въ совѣтъ, бывшемъ въ Эденбургѣ, немногіе изъ магнатовъ Венгрии, остававшіеся болѣе изъ страха, чѣмъ изъ чистосердечной привязанности, вѣрными Австріи *), хотя и обѣщали ей, что Мадаре южныхъ и среднихъ комитатовъ массою возстанутъ на мусульманъ, но когда приступлено было къ созванію ихъ подъ знамена Австріи, ихъ явилось не болѣе трехъ тысячъ человекъ.

Кара-Мустафа, обогнувъ лѣвый флангъ австрійской арміи, двинулся на Фюпфъ-Кирхенъ, и пройдя баконьскій лѣсъ, явился въ виду Рааба. Это была впрочемъ одна демонстрація, потому что, главная цѣль его нападенія была Вѣна. Карлъ Лотарингскій, наблюдая за движеніями турецкой рати, отдѣляя пѣхоту свою и направилъ ее къ столицѣ, чрезъ островъ Шютъ, потому что рисковать на противодѣйствіе столь огромному непріятелю было-бы совершеннымъ безуміемъ, и рассчитавъ, что гораздо лучше усилить своей пѣхотой вѣнскій гарнизонъ, Карлъ направился съ кавалеріей къ

---

*) А это были Црини, Падасти и др.

Алтенбургу. Подходя къ Петронеллю, онъ былъ встрѣченъ почти въ упоръ пятнадцатитысячнымъ отрядомъ Татаръ. Пораженные ужасомъ Нѣмцы смѣшались, хотѣли бѣжать, и только немовѣрныя усилія Карла Лотарингскаго удержали ихъ на мѣстѣ. Татарскій отрядъ былъ отбитъ. Но въ тотъ же самый день множество бѣглецовъ, достигнувъ Вѣны, распространили слухъ, что Турки зарубили всѣ австрійскіе полки. Извѣстіе это заставило Леопольда рѣшиться на побѣгъ и вся его забота сосредоточена была съ этой минуты на поспѣшности, съ какою онъ собирался оставить столицу. Побѣгъ императорской фамилии совершился около восьми часовъ вечера. Огромный поѣздъ ея, перейдя Дунай и подымаясь вдоль лѣваго его берега, направился къ Линцу. Отрядъ изъ двухъ сотъ кавалеристовъ окружалъ карету Леопольда. Ужасъ, объявшій императора, объялъ также и дворянство Вѣны, купцовъ и мѣщанъ. Все высшее дворянство сиѣшило бѣжать, такъ что, впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, экипажи вѣнской аристократіи не переставали сплошною массою переѣзжать черезъ мостъ на Дунаѣ. Многіе изъ нихъ, озабоченные только спасти жизнь свою, уѣзжали на-легкѣ. Другіе же, нагрузивъ черезъ чуръ свои возы, были настигаемы турецкими наѣздниками, которые лишали ихъ жизни и имущества. Вообще всѣ тѣ изъ вѣнскихъ жителей, которые устремились къ югу, доставались въ руки Туркамъ. Въ два дня болѣе шестидесяти тысячъ народа вышло изъ Вѣны, и только тѣ, которые не имѣли средствъ къ побѣгу, принуждены были оставаться въ стѣнахъ города и безмолвно ожидать страшнаго непріятели. Таковъ былъ героизмъ, который Габсбурги умѣли возбуждать и поддерживать вокругъ себя! А между тѣмъ главные члены этого семейства, остановившись на первый роздыхъ въ Корнейбургѣ, могли видѣть отсюда пожарное зарево, освѣщавшее высоту Каленберга. Разлученная отъ багажныхъ подводъ, императорская фамилія едва могла найдти нѣсколько свѣжихъ яиць, что-бы утолить своей голодь. Продолжая путь свой къ Кремсу, Леопольдъ неоднократно слышалъ, какъ забѣгавшіе ему дорогу поселяне, кричали ему вслѣдъ самыя оскорбительныя слова. Въ ихъ глазахъ онъ оказался тру-

сомъ и измѣнникомъ. Вслѣдъ за нимъ отправлены были въ Дяницъ и сокровища императорскаго семейства.

Турецкія силы показали въ виду Вѣны 12-го Іюля. Приближенію ихъ предшествовали постоянные пожары, огненными кругами растлавшіеся все ближе и ближе къ столицѣ Австріи. Впереди показались снаги, которые подходили къ Вѣнѣ въ видѣ полумѣсяца и облегли городъ отъ юга къ западу. Къ полудню, 13-го Іюля, сильный отрядъ снагеевъ приблизился къ предмѣстьямъ, но былъ остановленъ вспыхнувшимъ въ одно мгновеніе и въ разныхъ мѣстахъ пожаромъ и вслѣдъ за тѣмъ сильной канонадой съ бастіоновъ города. Начальствовавшій вѣнскимъ гарнизономъ, Шгарембергъ, приготовилъ заблаговременно жгучія вещества, чтобы предать огню всѣ предмѣстья столицы. Но эта жертва, едва не погубила самую Вѣну: сильный западный вѣтеръ повернулъ пламя къ палисадамъ, и бревнамъ, наваленнымъ въ огромныхъ массахъ у самыхъ городскихъ стѣнъ, за которыми тутъ же начинались городскія зданія. Только одною безпримѣрною дѣятельностью, употребленною и войсками и жителями, могли остановить быстро распространявшійся огонь, и воспрепятствовать сообщенію его городскимъ домамъ. Въ тотъ же вечеръ новый отрядъ Карла Лотарингскаго вошелъ въ Вѣну въ сѣверныя ворота, и успѣлъ собою слабый ея гарнизонъ, трепетавшій предъ баснословными силами, которыя все болѣе и болѣе прибывали подъ ея стѣны. И было отчего затрепетать, когда утромъ 14-го Іюля солнце вдругъ освѣтило двадцать пять тысячъ шатровъ непріятельскаго войска, раскинутыхъ подъ стѣнами Вѣны, и на пригородныхъ ея возвышеніяхъ. Вся масса турецкой рати, находившейся подъ верховнымъ начальствомъ великаго визаря Кара-Мустафы, состояла изъ 200,000 воиновъ, при 300 орудіяхъ, съ военнымъ обозомъ отъ 60,000 до 70,000 человекъ. Если бы Кара-Мустафа, ускорилъ походъ свой нѣсколькими днями, Вѣна не выдержала-бы и одного часа осады, потому-что, только положительныя извѣстія о переходѣ Турокъ черезъ Дунай, заставили надменное австрійское правительство серьезно подумать объ укрѣпленіи столицы. Но и послѣ вновь воздвигнутыхъ укрѣпленій, при видѣ столь сильной рати,

нужно было особое чудо, что-бы спасти ее, а вмѣстѣ съ нею и Габсбурговъ, и дѣйствительно, чудо это совершилось! Ниже мы увидимъ въ чемъ оно состояло. Пока однакожъ осажденные смотрѣли на обширный непріятельскій лагерь, представлявшій собою какъ бы второй городъ, но болѣе раскинутый, болѣе живучій и двигавшійся своимъ многочисленнымъ населеніемъ, ихъ глаза поразили шатеръ главнокомандующаго, расположенный по обыкновенію въ центрѣ турецкаго стана, имѣя впереди пять воткнутыхъ въ землю бунчуковъ. Онъ былъ весь изъ зеленой ткани и вмѣщалъ въ себѣ нѣсколько отдѣленій. Устланный дорогими коврами, какъ внутри, такъ снаружи, онъ поражалъ своимъ богатствомъ, роскошью и удобствомъ обстановки. Въ этомъ подвижномъ дворцѣ были устроены фонтаны, бани, даже звѣринецъ. Золото и серебро, бархатъ и шелкъ, даже драгоценныя каменья, украшавшіе нѣкоторые отдѣльныя части шатра, стоили болѣе милліона червонцевъ. Съ тою же роскошью и богатствомъ были убраны шатры янычаръ - аги, главнѣйшихъ эмировъ европейскіхъ, азіатскіхъ и африканскіхъ областей Турціи, шатры господарей Молдавіи и Валахіи, воеводы Трансильваніи, и наконецъ шатеръ главнаго зачинщика этой войны, графа Емерика Тэкели. Что должна была чувствовать Вѣна, при видѣ столь безчисленной рати, въ сравненіи съ тѣми скудными средствами, которыя она имѣла у себя подъ рукой? Гарнизонъ Вѣны, собранный съ большимъ усиленіемъ, не превышалъ двадцати двухъ тысячъ человекъ. Къ нимъ присоединились студенты университета въ числѣ семи сотъ человекъ, подъ начальствомъ своего ректора. Мѣщане составили изъ себя отрядъ въ двѣ тысячи восемьсотъ тридцать два волонтера. Цеховые мастера, какъ-то: сапожники, трактирщики, мясники, портные — сформировали каждый изъ себя по небольшому отряду, и весь этотъ гарнизонъ, по достовѣрному исчисленію Майлата, состоялъ изъ 21,960 наскоро и чѣмъ попало вооруженныхъ воиновъ *). Все это въ сравненіи съ непріятельскою арміею было, можно сказать, ничтожною горстью. Но въ Вѣнѣ были еще довольно свѣжя

*) Gesch. des Oester. Kaiserstaates. t. IV. p. 176.

воспоминанія первой ея осады, при Солиманѣ. Полтора года не сгладили изъ ихъ памяти вторженія 1529 года, и мѣры, хотя позднія, были однакожь съ энергіей приняты для защиты себя отъ перваго натиска, и нужно сказать правду, дѣятельность жителей Вѣны въ этомъ отношеніи, ихъ самоотверженіе и постоянныя работы на валахъ и брустверахъ, на вновь воздвигавшихся укрѣпленіяхъ и редутахъ, была до того развита, что къ 16-му Іюля двѣсти орудій были уже готовы открыть огонь по непріятельскимъ аванпостамъ. При этой кипучей дѣятельности, проявившейся въ первые дни осады, іезуиты также приняли участіе въ защитѣ столицы Австріи. Они устроили вышку на колокольнѣ св. Стефана, откуда могли слѣдить за движеніемъ непріятеля. Приходило-ли имъ на мысль, что кровь, которая уже проливалась, что опустошенія, которыя уже начались, что страшное побоище, готовившееся разорить огромныя пространства цвѣтушихъ окрестныхъ мѣстъ, однимъ словомъ, что вся эта непріятельская масса — была вызвана ими же, вслѣдствіе ихъ фанатическихъ извѣтовъ? Съ высоты устроенной ими вышки они легко могли видѣть своими глазами послѣдствія, какія принесло вызванное ими вторженіе.

Турки между тѣмъ, выбивъ генерала Шульца изъ Леопольдштата (одно изъ предмѣстій Вѣны), окончательно охватили всю столицу Австріи и отрѣзали сообщенія со всѣхъ ея сторонъ. Осадныя орудія, выдвинутыя впередъ, начали громить стѣны. Показались бреши, нѣсколько десятковъ янычаръ ворвались даже въ городъ, но были изрублены отрядомъ, предводимымъ Штаренбергомъ. Мы не намѣрены описывать всѣхъ подробностей этой знаменитой осады. Скажемъ, что только во время этой осады жители Вѣны могли вполне оцѣнить услуги, оказанныя австрійскому дому учениками Лойолы. Только тогда начали они громко кричать и обвинять ихъ въ причиненныхъ ими гоненіяхъ Мадьярамъ, отчаянное положеніе которыхъ заставило вызвать подъ стѣны австрійской столицы столь страшнаго непріятеля, грозившаго не только ей, но и всему западному христіанству,

какъ выражались историкки того времени, какъ обыкновенно выражаются они и въ настоящее время *).

VIII.

Но Вѣнѣ не было суждено пасть. Австрія, а вмѣстѣ съ ней Габсбурги были спасены какимъ-то чудеснымъ счастьемъ, которое неоднократно ставило, можно сказать, въ тупикъ всѣ расчеты политиковъ предшествовавшихъ столѣтій, которое и въ послѣдующее за тѣмъ время неоднократно удерживало эту имперію на краю гибели. Въ эпоху нашего разсказа Австрія была спасена Яномъ Собѣскимъ, и спасена въ ту именно минуту, когда защитники Вѣны напрягали послѣднія усилія, что-бы сдержать напоръ мусульманскихъ дружинъ. Еще одинъ день и было-бъ поздно.

Союзъ съ Яномъ Собѣскимъ, заключенный за два мѣсяца до прибытія осаднаго войска Турокъ, приписываютъ штригамъ его жены, Маріи-Казимірѣ. Лудовикъ XIV употребилъ всѣ свои силы, что-бы отклонить польскаго короля отъ союза съ Леопольдомъ; но онъ упустилъ изъ виду то вліяніе, которое во всю жизнь имѣла Марія-Казимира надъ своимъ мужемъ. Происходя отъ французскаго дворянскаго рода маркизовъ д'Акрентъ, Марія просила короля Франціи возвести въ герцогское достоинство ея отца, но получивши отказъ, она, зная какое могущественное вліяніе имѣла надъ слабымъ,

---

*) Походъ 1683 г. подъ Вѣну и ея осада были неоднократно описываемы, какъ современниками этого событія, такъ и позднѣйшими историками. За исключеніемъ специальныхъ сочиненій объ этой осадѣ, какъ напримѣръ: *Bæke: en, — Vienna a Turcis obsessa, 1683*; *Hocke, — Beschreibung der Wiener Belagerung, Wien, 1685*; *Huhn, — Umständliche Belagerung, was Anno 1683 vor, bei und in der Belagerung Wiens vorgelaufen, написанное однимъ teste oculato, Breslau 1717*; *Contarini, — Istoria della guerra di Leopoldo, dall' Anno 1683 sino alla pace, Venezia 1710*; *Beregani, — Historia delle guerre d'Europa dalla comparsa dell'armi Ottomane nell' Hungaria l'anno 1683, Venetia 1798*, и наконецъ извѣстія, собранныя у Катоны въ т. XXXV. — Кроме этихъ сочиненій, въ новѣйшее время издано еще одно, которое содержитъ въ себѣ множество весьма любопытныхъ подробностей, это *Das Leben des Kaiserlichen Feldmarschalls Grafen Guido Starhemberg, Wien 1853. v. Areth.*

до безумія влюбленнымъ въ нее Яномъ Собѣскимъ, склонила его на сторону Австріи. Историки долго были той мысли, что этотъ неестественный, противоположный союзъ Собѣскаго съ Леопольдомъ, былъ слѣдствіемъ безкорыстнаго, рыцарскаго чувства перваго, былъ, по понятіямъ того времени, вдохновеніемъ религіозныхъ идей, неостывшихъ еще со времени знаменитыхъ громителей турецкаго владычества, — Скандербега и Гуніади. Но что-бы придать видъ болѣе прочности этому союзу, Леопольдъ вынужденъ былъ, — вещь неслыханная! — предложить польскому к ролю упрочить его даже узами родства, лишь только сынъ Собѣскаго, Яковъ, достигнетъ совершеннолѣтія. Что-бы расшевелить еще болѣе честолюбіе Маріи-Казимиры, онъ предложилъ также возвести ея отца и брата въ достоинство князей австрійской имперіи. Онъ не ограничился этимъ, и предложилъ также содѣйствовать присоединенію къ Польшѣ господарствъ Молдавіи и Валахіи. Но вѣды Яна Собѣскаго были иные. Вышеприведенныя предложенія онъ ставилъ на второмъ планѣ, и дѣйствуя болѣе въ интересахъ Рѣчи-Посполитой, онъ потребовалъ у Австріи отказаться на всегда отъ притязаній, которыя она постоянно имѣла на солянные копи Велички, и затѣмъ просилъ пособіе въ 1,200,000 флоринновъ на военные расходы. Кромѣ того Янъ предложилъ Леопольду заключить между собою тайный трактатъ о возстановленіи Пелопонезской республики; предложилъ проектъ плана привлечь къ этому союзу Венецію, Россію, даже Персію. Таковы были предварительныя сношенія Леопольда съ Собѣскимъ, которыми этотъ послѣдній рѣшился выступить на помощь Австріи. Послѣдующія событія показали исполнила-ли эта держава, хотя одно изъ тѣхъ предположеній, представленныхъ ей Яномъ, на которыя она повидному охотно соглашалась. Между-тѣмъ время проходило, а обѣщанная помощь еще не показывалась. Владѣтельные князья Германіи, къ которымъ Леопольдъ также обращался за помощію, выслали ему весьма незначительные отряды. Собственныя силы Австріи не превышали, какъ сказано выше, и двадцати семи тысячъ воиновъ. Польша вызвалась поставить двадцать шесть тысячъ; Саксонія — одиннадцать тысячъ четырехста; Баварія — одиннадцать тысячъ триста; Франконія и

Швабія — восемь тысяч четыреста, такъ-что вся наличная сила, какъ австрійскихъ, такъ и вспомогательныхъ войскъ, состояла изъ 84,800, изъ которыхъ 38,700 пѣхоты, 46,100 конницы, при 146 орудіяхъ.

Любопытно узнать однакожъ, что дѣлалъ въ это время самъ Леопольдъ, когда судьба его вперіи, судьба всего его семейства, видимо висѣла на волоскѣ. Думалъ-ли онъ о тѣхъ несчастіяхъ, которыя готовы были обрушиться на его голову? Вѣроятно дѣятельность его и заботы не знали границъ; вѣроятно все его вниманіе, всѣ мысли были обращены къ тому, что-бы избѣжать несчастія, которыя висѣли надъ его главой, и его государствомъ? Ни чуть не бывало. Все вниманіе его было сосредоточено на собственной его августѣйшей особѣ, и изъ позднѣйшихъ документовъ, открытыхъ и напечатанныхъ Гормайеромъ, никогда кретинизмъ этого государя не являлся въ столь рельефномъ видѣ, какъ во время его бѣгства изъ осажденной его столицы. Доѣхавъ до Линца, онъ получилъ здѣсь ложное извѣстіе, что Турки, обойдя Вѣну, слѣшатъ въ слѣдъ за нимъ, что заставило храбраго Леопольда на-скоро сняться съ пюста и поспѣшить далѣе, въ Пассау, на границу Баваріи. Два цѣлыхъ мѣсяца провелъ онъ въ этомъ городѣ, беззаботно гуляя по берегу Таунскаго озера, въ живописныхъ мѣстахъ Салцкаммергута. Онъ, слѣдуя примѣру предка своего, Рудольфа II *),

---

*) Рудольфъ II умеръ въ 1612 году. Замѣчательное фізіологическое явленіе представляетъ собою этотъ членъ габсбургскаго дома. Нужно сказать, что какал-то семейная болѣзнь, долгое время державшаяся у первыхъ Габсбурговъ, проявилась въ полной силѣ въ Рудольфѣ II, Фердинандѣ II и Леопольдѣ. Болѣзнь эта состояла въ особомъ родѣ умопомраченія, привитаго имъ Иоанной-помянутой, женой Филиппа красиваго, бывшей матерью Карла V. У Рудольфа II, напримѣръ, болѣзнь эта проявилась въ полной силѣ, и онъ ни чуть не старался скрывать ее. Онъ чувствовалъ самое глубокое отвращеніе къ государственнымъ дѣламъ, и принимался за нихъ иногда собственно изъ зависти, когда видѣлъ ихъ въ рукахъ искусства министра, принимался за нихъ для того только, чтобы опять привести все въ безпорядокъ. Алхимія, астрологія, бѣлая магія, разные рѣдкости, — были постоянными его занятіями. Невидимый, недоступный ни для кого, онъ сдѣлался добровольнымъ затворникомъ въ градчинскомъ замкѣ (въ Прагѣ). Онъ окружалъ себя только толпою плутоватыхъ волшебниковъ и дѣтски вѣрилъ въ возможность создать челоуѣка, воскрешать муміи, предсказывать будущее,

занимался нумизматикой, устройствомъ часовъ, разными рѣдкостями, выливалъ восковыя свѣчи, украшая ихъ разноцвѣтными изображеніями. Нѣсколько успокоенный, что турецкіе наѣзники не достигнутъ его, онъ къ концу Августа воротился опять въ Линцъ, въ тотъ самый именно день, когда, какъ мы сказали, палисады были разметаны, сожжены, и нѣсколько янычаръ ворвались было въ Вѣну.

Наконецъ время рѣшительной помощи настало, а Собѣскаго и его полковъ не было еще видно. Войска германскихъ союзниковъ Леопольда перешли Дунай у Тульна, который не былъ занятъ турецкими отрядами. Гористая мѣстность Винервальда, которую слѣдовало затѣмъ пройти, была-бы гибельной для союзниковъ, если-бы Кара-Мустафа занялъ ее хотя нѣсколькими батальонами, и поставилъ бы на высотахъ ея артиллерію. Пользуясь безопасностью турецкаго главнокомандующаго, а еще болѣе его невѣжествомъ въ стратегическомъ отношеніи, союзники скорѣ заняли высоты въ виду осажденнаго города. На возвышенности, называющейся Леопольдсбергъ, они водрузили красное знамя съ изображеніемъ бѣлаго креста, что-бы тѣмъ дать знать жителямъ Вѣны о своемъ прибытіи. Все населеніе осажденной столицы высыпало на валы и бастіоны, что-бы удостовѣриться въ этой неожиданной помощи. Это было 11-го Сентября, когда никто болѣе не сомнѣвался, что еще нѣсколько часовъ и городъ долженствовалъ пасть непремѣнно, потому что вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ начали развиваться болѣзни; городская стража ежедневно теряла до сорока человѣкъ; отрядъ осажденныхъ лишился уже до 6,000 солдатъ; жизненные припасы вздорожали, а Турки ближе и ближе подходили къ укрѣпленіямъ. Нужно было скорѣ покончить, такъ или иначе, а спасительныхъ полковъ Собѣскаго еще не было видно. До

видѣть посредствомъ магическаго зеркала на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль, дѣлать золото и повелѣвать стихіями. Иногда цѣлые часы просиживалъ онъ въ глубокомъ молчаніи, неподвижно, и вдругъ, вскочивъ съ мѣста венство ломалъ мебель, статуи, часы, картины и дорогія вазы. Но эта наслѣдственная болѣзнь, проявилась въ сынѣ его и наслѣдникѣ Фердинандѣ II и Леопольдъ совершенно въ другомъ видѣ, такъ-что при чтеніи ихъ дѣяній даже тацитовы ужасы блѣднѣютъ и становятся на второмъ планѣ.

какой степени безнадежно было положеніе осажденныхъ можно судить изъ того, что въ ночь съ 11-го на 12 го Сентября, Штарембергъ отправилъ къ принцу Лотарингскому записку, которую доставилъ ему одинъ смѣльчакъ, вилавъ переправившійся черезъ Дунай. Штарембергъ извѣщалъ принца, что нѣтъ возможности держаться долѣе, что ежедневно онъ теряетъ много народа, что снаряды, особенно гранаты, составляшія лучшее средство къ защитѣ, вышли всѣ, а вмѣстѣ съ ними и самыя орудія оказываются негодными. Онъ просилъ не терять болѣе времени, иначе все будетъ кончено... И дѣйствительно, Турки усилили свой натискъ, передовые бастионы были разрушены, Штарембергъ началъ воздвигать окопы при входахъ въ улицы самой Вѣны. Такимъ образомъ прошло еще два дни, а при наступленіи ночи постоянныя ракеты, пускаемыя съ высоты колоколни, давали знать союзникамъ и имперцамъ, что послѣднія минуты наступаютъ.

Въ ту самую ночь, когда, какъ казалось, вся надежда осажденныхъ висѣла, можно сказать, на волоскѣ, вышка, устроенная на колокольні св. Стефана, вдругъ огласилась криками радости. Лишцы первые почували кровь, которая долженствовала пролиться. Онѣ замѣтили, что на вершинѣ Калемберга, черезъ которую неминуемо лежалъ путь вспомогательныхъ польскихъ полковъ, освѣтилась походными огнями. Когда же утренній туманъ разсѣялся, ясно можно было видѣть черную, движущуюся массу полковъ, готовившихся спуститься съ этой возвышенности. Въ зрительную трубу ясно видѣли густой лѣсъ движущихся коней, украшенныхъ разноцвѣтными значками: это были польскіе гусары, не разъ обращавшіе въ бѣгство мусульманскія дружины. Въ то-же время произошло движеніе и въ турецкомъ лагерѣ. Войско Кара-Мустафы раздѣлилось на три отдѣльные корпуса, изъ которыхъ одинъ направился на встрѣчу вновь прибывшему непріятелю, другой двинулся къ Вѣнѣ, что-бы усилить осадныя работы, а третій, состоявшій изъ безчисленной, разнообразной толпы всякаго сброда, уже спѣшилъ, вмѣстѣ съ награбленною добычей, укрыться по направленію въ Венгрію.

Первая встрѣча произошла при Нусдорфѣ. Турки окопались здѣсь въ садахъ и домахъ, откуда они были выбиты имперцами, которые отбросили ихъ къ Гейлигенштату, и затѣмъ къ Дѣбригу, гдѣ, на возвышенности, была поставлена турецкая батарея, устилавшая землю на огромное пространство трупами нѣмецкихъ солдатъ. Битва продолжалась еще на этомъ пунктѣ до пяти часовъ вечера, когда имперцамъ и саксонцамъ удалось наконецъ оставить за собою мѣстность. Но окончательный ударъ мусульманамъ нанесъ Янъ Собѣскій, который, имѣя въ центрѣ своей рати баварскій отрядъ, на флангахъ польскія дружины, двинулся къ атакѣ только къ полудню. Собѣскій наткнулся на огромный турецкій редутъ, остановившій его на этомъ мѣстѣ. Главную и многочислѣннѣйшую часть его войска составляла кавалерія, которая не могла, поэтому, броситься на непріятельскія батареи, но не трогаясь съ мѣста, подъ усиленнымъ огнемъ турокъ, она выждала, пока пѣхота, находившаяся подъ начальствомъ князя Вальдека, состоявшая изъ имперцевъ и Баварцевъ, выбила ихъ оттуда. Тогда польскіе эскадроны, устремились на непріятеля съ удвоеннымъ бѣшенствомъ и поразили его на голову. Ворвавшись въ мусульманскій лагерь, они соединились здѣсь съ войскомъ имперцевъ и ихъ союзниками около шести часовъ вечера. Вѣна была спасена, а огромная рать Кара-Мустафы обратилась въ бѣгство.

Нѣсколько полковъ имперскихъ драгуновъ и польскихъ улановъ и гусаровъ, бросились въ погоню, поражая отстававшихъ Турокъ. Но Собѣскій и Карлъ Лотарингскій оставили кипучее мужество своихъ воиновъ и всю ночь поддерживали ихъ подъ ружьемъ. Какъ-бы ни были разбиты Турки, число ихъ было достаточно и послѣ ихъ пораженія составить грозную рать, что-бы вырвать побѣду изъ рукъ христіанъ. Но на это нужно было имѣть храбраго и даровитаго главнокомандующаго, а не азіатскаго сатрапа, каковъ былъ Кара-Мустафа. Нужно признаться, что въ этой побѣдѣ, болѣе сдѣлало имя Яна Собѣскаго, чѣмъ матеріальная сила его дружинъ и союзниковъ. Рассказываютъ, что когда аванпосты польской рати еще не доходили до Каленберга, одинъ мурза подѣхалъ къ нимъ и спросилъ, — чьи эти новые полки?

ему отвѣчали, что это король польскій идетъ помѣряться съ пресловутымъ вождемъ, Кара-Мустафой. «Король польскій! сказалъ недовѣрчиво мурза, — правда, намъ извѣстно, что онъ послалъ нѣсколько эскадроновъ, которые ведетъ Любомірскій, но это не *сѣверный левъ*», — какъ называли Турки Яна Собѣскаго. Когда же началась битва, и спаситель Вѣны явился среди своихъ эскадроновъ, предшествуемый храбрымъ Мачинскимъ, который несъ предъ нимъ его щитъ, королевское копье и золотой лукъ съ таковымъ же колчаномъ за плечами, тогда Татары и спаги не могли не узнать своего грознаго громителя. Не было ни какого сомнѣнія, что самъ Собѣскій ведетъ побѣдоносную рать свою. «Аллахъ, Аллахъ! вскричалъ тогда Селимъ-Гирей, — самъ король предводительствуетъ ими!» Видя, что крымскій ханъ также готовился обратиться въ бѣгство, Кара-Мустафа не выдержалъ, какъ ребенокъ залпся слезами, и сказалъ ему: «я ты также бѣжишь! неужели не можешь помочь мнѣ! — «Знаю хорошо польскаго короля, отвѣчалъ ему Селимъ-Гирей, — я говорилъ вамъ, что съ нимъ нечего тягаться, лучше уйти поскорѣе. Посмотри, — добавилъ онъ, — посмотри, если самъ Богъ не противъ насъ!» Въ это время онъ указывалъ на луну, которая заволоклась тучами. Мы привели эти обстоятельства, чтобы показать какой страхъ наводило на Турокъ одно имя Яна Собѣскаго.

Побѣдители, какъ мы сказали, съ разныхъ сторонъ сошлись въ обширномъ лагерѣ трехъ-сотъ-тысячной мусульманской рати, оставившей въ рукахъ христіанъ баснословную добычу. По исчисленію современниковъ добыча эта состояла изъ трехъ-сотъ семидесяти орудій разнаго калибра, изъ безчисленнаго множества знаменъ и пятнадцати тысячъ шатровъ, въ бѣльшомъ числѣ которыхъ найдены были еще неостывшія кушанья, поданыя къ обѣду. Сто тысячъ мѣръ зерноваго хлѣба, десять тысячъ воловъ, десять тысячъ барановъ и шесть тысячъ верблюдовъ, навьюченныхъ награбленными вещами и готовыхъ пуститься въ путь. Затѣмъ, огромные запасы разнаго продовольствія и военныхъ снарядовъ. Золото, серебро, дорогія матеріи были въ столь бѣльшомъ изобиліи, что множество изъ нихъ было оставлено въ

раздѣлъ между жителями Вѣны. Эти послѣдніе не заставили себя долго ожидать, и заключенные тѣсной осадой почти два мѣсяца съ ряду, они бросились, черезъ бреши и валы, на разрушеніе лагеря, и каждому изъ нихъ досталось что-нибудь на долю. Ставка Кара-Мустафы, одна занимавшая пространство большаго города, досталась герою дня, Яну Собѣскому. Въ ней найдены были огромныя богатства, состоявшія изъ сбруй, осыпанныхъ дорогами камепьями, поясовъ, колчановъ, украшенныхъ сапфиромъ и рубинами. Кромѣ того, найдено было до пятисотъ христіанскихъ дѣтей обоего пола, которыхъ ждала неволя или несламизмъ. Только отдѣленіе гарема представляло кровавое зрѣлище: жены и наложницы были всѣ изрублены, по приказанію Кара-Мустафы, который въ послѣдности, съ какою бросился въ бѣгство, не хотѣлъ оставить въ рукахъ христіанъ ни одной изъ этихъ несчастныхъ живою. Но то, что найдено было въ особенномъ изобиліи въ турецкомъ лагерѣ, это былъ кофе, употребленіе котораго въ первый разъ появилось въ Австріи и на западѣ послѣ осады Вѣны. Первый, открывшій съ разрѣшенія правительства кофейню, былъ полякъ Кольчпцкій, подвергавшій нѣсколько разъ жизнь свою опасности, для передачи разныхъ извѣстій Карлу Лотарингскому. Онъ и слуга его Михаловичъ отличились во время вѣнской осады столь рѣдкою смѣлостію и присутствіемъ духа, что мы не вправѣ умолчать объ этихъ въ своемъ родѣ замѣчательныхъ личностяхъ. Это еще приключеніе того непонятнаго счастья Габсбурговъ, какое находятъ они даже въ частномъ быту Славянъ преданныхъ имъ слугъ на жизнь и смерть.

Съ 13-го на 14-е Августа командовавшій въ Вѣнѣ графъ Штарембергъ, вызвалъ охотника, чтобы доставить Карлу Лотарингскому infernскую записку. Ни кто не рѣшался на столь отчаянное предпріятіе, одинъ только Георгій Кольчпцкій вызвался проникнуть, черезъ непріятельскій лагерь, и исполнить въ точности столь трудное порученіе. Кольчпцкій, зная хорошо по-турецки, въ сопровожденіи слуги своего Михаловича, который также говорилъ на этомъ языкѣ, вышелъ ночью изъ города, во время дождя и непогоды, и безъ всякаго приключенія вошелъ въ турецкій лагерь. Дождь по-

лялъ еще сильнѣе и не смѣя чѣмъ укрыться, онъ приѣлъ въ самой среднѣ лагеря, ожидая разсвѣта. Когда наступилъ день Кольчицкій отправился далѣе, наиѣвая турецкую плѣсню. Какой-то ага, мимо палатки котораго онъ проходилъ, подозвалъ его къ себѣ, пригласилъ отдохнуть, и поднесъ ему чашку кофе. Пожалѣвъ, что онъ весь промокъ отъ дождя, ага спросилъ его, куда онъ идетъ по такой погодѣ. Кольчицкій отвѣчалъ, что идетъ собрать нѣсколько плодовъ и винограду для продажи, на что ага сказалъ ему, чтобы онъ предостерегъ себя и не попалъ бы въ руки гаурамъ. Пробираясь такимъ образомъ, Кольчицкій счастливо вышелъ изъ лагеря, миновалъ виноградники и достигнулъ берега Дуная. Съ одного изъ близлежащихъ острововъ, занятыхъ персскими постами, начали стрѣлять по немъ, принявъ его за Турка; но убѣдившись въ противномъ по данному Кольчицкимъ знаку, онъ вскорѣ былъ перевезенъ на другую сторону къ генералу Гейстеру, который велѣлъ препроводить его къ принцу Лотарингскому. По данному, заранѣе условленному знаку, въ десять часовъ вечера, Штарембергъ узналъ о счастливомъ прибытіи Кольчицкаго къ мѣсту назначенія. Но тѣмъ не кончился подвигъ этого молодца. Возвращаясь назадъ въ городъ тѣмъ же путемъ, Кольчицкій чуть было не попалъ въ руки къ Туркамъ. Усталый, онъ спрятался съ Михаловичемъ въ одинъ погребъ, гдѣ рѣшился уснуть. что-бы собраться съ новыми силами, и проснувшись, онъ имѣлъ неосторожность разговориться съ своимъ слугой по-польскя. Шедшій мимо Турокъ, услышавъ ихъ рѣчь, бросился отъ нихъ со всѣхъ ногъ, вѣроятно что-бы позвать кого-нибудь схватить ихъ. Увидѣвъ бѣгущаго Турка, они сами поспѣшили удалиться изъ своего убѣжища, и счастливо достигли города. Кольчицкій вызвался было еще разъ выйдти изъ Вѣны, но въ это время, пойманный нѣмецкій дезертиръ, котораго собирались повѣсить, сказалъ ему, что всѣ его примѣты стали извѣстны Туркамъ, и такимъ образомъ предостерегъ его отъ вѣрной и бесполезной смерти. Но это не остановило Михаловича, который вторично, взявъ порученіе, счастливо достигнулъ лагеря принца Лотарингскаго и передалъ ему записку. На возвратномъ пути въ Вѣну присталъ

къ нему одинъ турецкій всадникъ. Михаловичъ пустился съ нимъ въ дружескій разговоръ и улучивъ минуту, ловкимъ ударомъ сабли отрубилъ ему голову, вскочилъ на его коня и влетѣлъ съ своей добычей въ городъ. Таковы были слуги, таковы были спасители габсбургскаго дома!

Вечеромъ того дня, когда турецкія полчища были такъ счастливо отбиты отъ вѣнскихъ стѣнъ, Карлъ Лотарингскій отпривилъ своего адъютанта къ Леопольду съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ. Недѣли три какъ императоръ, воротившись изъ Пассау, жилъ безвыѣздно въ Линцѣ, откуда, лишь только получилъ радостное извѣстіе, тотчасъ прибылъ въ Нусдорфъ Дунаемъ, и 14-го Сентября совершилъ торжественный въѣздъ свой въ Вѣну. У воротъ, называемыхъ Штубенторъ, у тѣхъ самыхъ, чрезъ которыя Леопольдъ такъ трусливо убѣжалъ изъ своей столицы, встрѣтилъ его теперь весь городской совѣтъ, и поднесъ ему ключи города. Наканунѣ его въѣзда Янъ Собѣскій былъ также въ спасенномъ имъ городѣ, слушалъ молебень въ Августинской церкви, и затѣмъ обѣдню въ церкви св. Стефана, но поспѣшилъ выйдти изъ Вѣны, чтобы расположить войско свое подалѣе отъ городскихъ стѣнъ. Этому причиной было то обстоятельство, что нечистоты, оставленныя Турками, и вредныя испаренія заразили до того воздухъ, что грозилъ повальными болѣзнями. Слѣдовательно, свиданіе между двумя государями, было отложено до другаго времени.

Это замѣчательное свиданіе, записанное у многихъ изъ современниковъ, повторяемое часто и повѣйшими историками, давало поводъ нѣкоторымъ, особенно послѣднимъ, какъ напримѣръ Майлату, оправдывать Леопольда въ томъ обращеніи и пріемѣ, какія оказалъ онъ своему спасителю. Мы пеналѣрены опровергать мнѣніи Майлата. Доводы его, приводимыя для оправданія Леопольда, сами-собою рушатся, если вспомнимъ о насильственной смерти, какою выкупилъ Майлатъ свое пристрастіе къ габсбургскому дому. Лучшій источникъ, изъ котораго можно почерпнуть вѣрныя свѣдѣнія о свиданіи Леопольда съ Собѣскимъ, есть безъ сомнѣ-

нія, письма его къ королевѣ Маріи-Казимірѣ *). Избѣжать свиданія было-бы невозможно; но императоръ разборчивый въ церемоніаль, какимъ хотѣлъ обстановить это свиданіе, дѣлалъ его почти невозможнымъ. Какъ-бы то ни было, Собѣскій, по его мнѣнію, былъ ничто иное, какъ избирательный король Польши, и могъ-ли Леопольдъ, по понятіямъ, свойственнымъ однимъ Габсбургамъ, унижить свое достоинство, какъ самостоятельный властитель наследственной монархіи, если ему первому пришлось-бы поспѣшить на встрѣчу своему избавителю? — Нужно прибавить, что когда Собѣскій вошелъ въ Вѣну, гдѣ народъ принялъ его съ неподдѣльнымъ восторгомъ, Леопольдъ нарочно промедлилъ своимъ пріѣздомъ, что-бы не сойтись съ нимъ въ виду восторженныхъ жителей своей столицы. Но когда послѣ благодарственнаго молебствія въ Августинской церкви, Янъ Собѣскій отправился въ соборъ св. Стефана, гдѣ совершилось торжественное богослуженіе, и проповѣдникъ обратилъ къ нему благодарственное слово на текстъ: *бысть человекъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ*, тогда не было сомнѣнія, что Леопольдъ принялъ это за манифестацію, и вся непомирная гордость Габсбурговъ заговорила сильнѣе въ его сердцѣ, чѣмъ благодарность, какою обязанъ онъ былъ польскому королю. Рассказываютъ, что онъ даже спросилъ Карла Лотарингскаго: «какъ-бы мнѣ встрѣтить польскаго короля?» — Разумѣется, съ раскрытыми объятіями, какъ своего спасителя — отвѣчалъ Карлъ, въ которомъ рыцарская французская натура не была задущена нѣмецкимъ формализмомъ. Но и тутъ строгой этикетъ взялъ верхъ надъ этимъ благороднымъ совѣтомъ, и все-таки Леопольдъ не рѣшился показать Собѣскому, что онъ обязанъ ему не только престоломъ, но быть можетъ и жизнію. Его особенно беспокоило, — слѣдовало-ли ему протянуть руку королю, тогда какъ церемоніаль двора позволялъ ему этотъ снисходительный знакъ его величія только въ отношеніи къ наследствен-

*) Lettres du roi de Pologne, Jean Sobieski, à la reine Marie-Casimir pendant la campagne de Vienne, traduites par le comte Plater et publiées par M. de Salvandy. 1 vol. in-8.

нымъ государямъ Германіи, и отнюдь не въ отношеніи избирательныхъ князей и королей. Эта смѣшная, можно сказать жалкая щепетильность, вывела наконецъ изъ терпѣнія польскаго короля, который рѣшился удалиться не видѣвшись съ Леопольдомъ. Но дѣло кое-какъ уладилось, и оба вѣнценосца сошлись послѣ долгаго колебанія со стороны императора на свиданіи, которое передаемъ читателямъ, какъ оно описано самимъ Собѣскимъ *).

«Я видѣлся съ императоромъ третьяго дни, т.-е., 15-го Сентября. Онъ пріѣхалъ въ Вѣну нѣсколькими часами послѣ того, какъ я уѣхалъ оттуда. Я отправилъ къ нему вице-канцлера съ поздравленіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ ему одно изъ знаменъ визиря, въ память нашей побѣды. Въ полночь доложили мнѣ, что послѣдно прибылъ отъ императора Шафгошъ, который сталъ увѣрять меня, что его величеству будетъ прискорбно если сношенія его со мной ограничатся посредничествомъ вице-канцлера; что императоръ желаетъ видѣть меня, а не моего посланнаго. Поэтому онъ проситъ отозвать назадъ вице-канцлера и написать ему, что-бы онъ не настаивалъ получить аудіенцію. Я написалъ ему, и чрезъ два часа, тотъ же графъ Шафгошъ пріѣзжаетъ снова. «Какое-то недоразумѣніе случилось, — сказалъ онъ мнѣ, — и виновать въ этомъ Галецкій». Видя, что все это ничто иное, какъ низкая придирка, я объявилъ, что если дѣло идетъ что-бы говорить съ государями, я не употребляю для этого никакого посредника; а что касается моего канцлера, то обязанность его вести переговоры съ посланниками и другими властями. Такимъ образомъ напрасно вы беспокоитесь, и лучше объяснитесь откровеннѣе, что вамъ угодно? Все затрудненіе состоитъ въ томъ, кто къ кому долженъ явиться первый. Но все это легко можетъ устроиться, и нужно только согласиться. Шафгошъ отвѣчалъ: «въ-самомъ-дѣлѣ, это самое и затрудняетъ императора. Онъ не можетъ явиться первый, потому что онъ не одинъ, а съ нимъ находятся и курфюрсты, представители, такъ-сказать, имперіи». Тогда я предложилъ слѣдующее средство: лишь только императоръ

---

*) Въ десятомъ его письмѣ къ Маріи-Казимірѣ.

подѣдетъ къ моему стану, я выѣду къ нему на встрѣчу, затѣмъ поклонимся другъ-другу не сходя съ коней, и такимъ образомъ онъ будетъ стоять со стороны своей арміи и столицы, я же со стороны моего лагеря. Свита его будетъ состоять изъ курфюрстовъ, а я выѣду къ нему въ сопровожденіи моего сына, гетмановъ, и сенаторовъ.

«Шафгошъ согласился на мое предложеніе. Но императоръ явился въ сопровожденіи одного только баварскаго курфюрста; саксонскаго не было. Свита его состояла изъ полсотни придворныхъ, чиновниковъ и министровъ. Впереди его ѣхали трубачи, а за нимъ конвой и до десятка камеръ-лакеевъ. Онъ ѣхалъ на конѣ гнѣдой масти, испанской породы. На немъ былъ богато-вышитый кафтанъ, шляпа какую носятъ Французы, съ богатой застежкой и съ бѣлыми и красными перьями. Поясъ его былъ усыпанъ драгоценными каменьями, шнага то же. Мы поклонились одинъ другому довольно вѣжливо. Привѣтствіе мое я сказалъ ему по-латыни, и онъ отвѣчалъ мнѣ въ изысканныхъ выраженіяхъ на томъ же языкѣ. Стоя такимъ образомъ другъ передъ другомъ, я представилъ ему моего сына, который подоидя поклонился ему; но императоръ даже не поднесъ руки своей къ шляпѣ, что меня совершенно поразило. Точно также обошелся онъ съ сенаторами и гетманами, и даже съ своимъ родственникомъ княземъ — боеводой Бѣлцкимъ *). Что-бы избѣжать толковъ я сѣвшилъ сократить свиданіе, сказалъ еще нѣсколько словъ императору, и затѣмъ оборотилъ моего коня. Поклонившись снова другъ-другу я поѣхалъ по дорогѣ къ своему стану...» «Послѣ этого свиданія, — продолжаетъ Собѣскій въ томъ же письмѣ, — вдругъ все измѣнилось: насъ какъ будто никто и не знаетъ. Шафгошъ и легаты насъ оставили. Намъ отказываютъ и въ фуражѣ и въ продовольствіи. Папа прислалъ на этотъ случай денегъ къ аббату Буонвизи; но аббатъ остался въ Липцѣ».

Собѣскій изъ скромности, не внесъ въ свое письмо тѣхъ выраженій, которыя сохранились во всѣхъ современныхъ ре-

---

*) Князь Константинъ Вишневецкій, братъ короля Михаила Вишневецкаго, который былъ женатъ на эрцгерцогинѣ Элеонорѣ.

ляціяхъ объ этомъ свиданіи. Когда онъ выѣхалъ на встрѣчу къ Леопольду, ему приписываютъ слѣдующія слова, которыя онъ сказалъ императору: «я счастливъ, что оказалъ вашему величеству эту малую услугу». Это странное свиданіе происходило на эберсдорфской долині. При представленіи своего сына король сказалъ, что не смотря на его молодость, онъ наречно взялъ его съ собою, что-бы на дѣлѣ показать ему, какъ слѣдуетъ обходиться съ союзниками; и когда Леопольдъ отмалчивался, не находя словъ, что сказать, король прибавилъ: «Вы желаете, вѣроятно, братъ мой, посмотрѣть мое войско! Я приказалъ моимъ генераламъ показать его вамъ». Затѣмъ Собѣскій повернулъ коня и уѣхалъ, а Леопольдъ, дотогѣ безмолвный, только тогда двинулся съ мѣста, что-бы обозрѣть польскіе полки. Свиданіе это продолжалось не болѣе четверти часа и произвело сильное негодованіе въ рядахъ польской рати. Впрочемъ въ этомъ поведеніи Леопольда не было ничего новаго. Лѣтъ двадцать передъ тѣмъ, послѣ побѣды надъ Турками при Сентъ-Готгардѣ, одержанной союзными французскими войсками, Австрійцы, чуть было не замучили ихъ голодомъ, потому что даже на вѣсъ золота не давали имъ ни фуража ни припасовъ *). Такъ случилось и теперь съ войскомъ Собѣскаго; недовольствуясь отказывать полякамъ въ жизненныхъ припасахъ, Австрійцы отказывали даже въ погребеніи павшимъ на полѣ битвы. Эта черная неблагодарность Леопольда достаточно изображена въ письмахъ короля, которому однакожъ было очень хорошо извѣстно изъ какого источника она происходила. Иезуиты, стремясь остаться исключительными властителями Леопольда, возбудили въ душѣ его подозрѣніе, будто Собѣскій прочилъ на престолъ Венгріи сына своего, Якова. Этого было достаточно, что-бы возбудить противъ него зависть австрійскаго двора, забыть все благодареніе, которое онъ оказалъ ему еще наканунѣ.

---

*) Битва при монастырѣ С. Готгардѣ у устья рѣки Лау-Финца, впадающей въ Раабъ, происходила 1 Августа 1664 года.

IX.

Тэкели, бывший, можно сказать, главнымъ виновникомъ вѣнской осады, какъ союзникъ Кара-Мустафы, уклонился однакожь принять въ ней дѣятельное участіе. Явившись съ частію своего войска въ виду столицы Австріи, онъ вскорѣ послѣ того снялся оттуда, чтобы освободить изъ-подъ австрійскаго владычества тѣ компаты Венгрии, которые находились еще во власти нѣмецкихъ гарнизоновъ. Дѣло этого освобожденія онъ хотѣлъ пачать съ Пресбурга, куда пришелъ съ двадцатью тысячами Мадаръ и восьми-тысячнымъ отрядомъ Турокъ. Австрійскій гарнизонъ, засѣвшій въ цитадели Пресбурга, едва не сдался, если-бы Карлъ Лотарингскій не успѣшилъ заставить Тэкели снять осаду и удалиться къ границамъ Моравіи. Но вскорѣ, вѣсть о пораженіи Кара-Мустафы, заставила возмутившихся Мадаръ вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ искать убѣжища въ турецкихъ владѣніяхъ, гдѣ онъ, оклеветанный Мустафой, чуть было не подвергся опасности лишиться жизни. Пораженный визирь едва успѣлъ опомниться только подъ Граномъ, откуда послалъ султану отчетъ въ несчастномъ своемъ походѣ. Причину своего пораженія онъ приписывалъ трусости и дурнымъ распоряженіямъ будскаго пашы, и измѣнѣ Емерика Тэкели. Что-бы избавить себя отъ уличителей онъ велѣлъ удавить Ибрагима-пашу и вмѣстѣ съ нимъ еще до пол-сотни начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ. Тэкели чуть было самъ не подвергся той же смерти, если-бы Мадаре не приняли свои мѣры для защиты своего вождя, который не замедлилъ написать султану, и открыть всю истину дѣла, такъ-что оправданіе его, подтвержденное янычарь-агой, т. е., начальникомъ корпуса янычаръ, и многими другими начальниками, было вполне одобрено Могаммедомъ IV-мъ. Въ этомъ оправданіи Тэкели всю вину пораженія турецкой рати сложила на ошибки, которыя бездарный визирь допускалъ на каждомъ шагу, такъ-что на немъ одномъ лежала вся отвѣтственность пораженія. Притомъ же вдова Ибрагима, бывшая сестрой

султана, не переставала требовать казни убійцы своего мужа. Кара-Мустафа былъ удушенъ въ Бѣлградѣ, со всѣмъ обычнымъ церемоніаломъ восточной процедуры, и былъ похороненъ въ мечети, выстроенной имъ до вѣнскаго похода. Когда, лѣтъ пять послѣ того, курфюрстъ баварскій завоевалъ Бѣлградъ *), іезуиты успѣли обратить эту мечеть въ христіанскую церковь. Однажды нѣсколько Кроатовъ, зная что въ пей похороненъ былъ Кара-Мустафа, вошли туда ночью, что-бы поживиться цѣнными вещами, зарытыми вмѣстѣ съ гробомъ бывшаго визиря. Двое іезуитовъ, заставъ этихъ солдатъ на мѣстѣ преступленія, дали имъ спокойно взять все, что они нашли во гробѣ, и только потребовали у нихъ голову и саванъ Кара-Мустафы, который, когда стоялъ въ виду Вѣны, поклялся, какъ говорятъ, отрубить Колоничу голову, и послать ее султану. Думалъ ли бѣдный визирь что, напротивъ, его голова будетъ во власти Колонича? Іезуиты съ тѣмъ намѣреніемъ и взяли ее, что-бы послать къ нейштадскому епископу, впоследствии кардиналу Колоничу, который въ свою очередь подарилъ ее городу Вѣнѣ. Тамъ, въ арсеналѣ, черепъ бѣднаго Мустафы и въ настоящее время можетъ видѣть каждый изъ посѣтителей **).

Пораженіе и изгнаніе Турокъ изъ австрійскихъ владѣній, дало возможность съ достовѣрностью узнать, какою жертвою была искуплена побѣда христіанъ надъ невѣрными. Во все время пребыванія мусульманъ въ предѣлахъ Австріи болѣе четырехъ-тысячъ селеній было ими разрушено, или стерто съ лица земли. Десятки тысячъ молодыхъ женщинъ, дѣвушекъ и юношей уведено было ими въ неволю *). Читая

*) 6 Сентября 1688.

**) Въ томъ же арсеналѣ находится и дарственное письмо кардинала Колонича, при которомъ препроводилъ онъ голову и саванъ Кара-Мустафы. Въ особенности саванъ замѣчателенъ по вышитымъ на немъ украшеніямъ.

*) Способъ угона въ плѣнъ представленъ графомъ Марсильи въ его довольно рѣдкомъ сочиненіи *Stato militare dell' Imperio Ottomanno*, in-fol. In *Amsterdamo* 1732. Марсильи самъ былъ въ плѣну у Турокъ во все время австрійской кампаніи, а въ издапомъ впоследствии сочиненіи оставилъ также любопытныя изображенія, планы и осады крѣпостей, равно также и изображеніе угона плѣнныхъ (т. II. р. 49), въ числѣ которыхъ и онъ самъ находился.

современныя реляціи и спеціальныя сочлененія о второй осаде Вѣны и ея послѣдствіяхъ, нельзя не пожалѣть о близорукости и выѣстѣ съ тѣмъ себялюбивомъ австрійскомъ правительствѣ, которое своимъ безсудіемъ и тираническимъ управленіемъ въ Венгрію, заставило послѣднюю указать Туркамъ дорогу къ стѣнамъ австрійской столицы. Историки всѣхъ временъ повторяли и теперь еще повторяютъ избитую и давно-изнѣченную фразу, что Вѣна остановила варварскія полчища, готовившія хлынуть на западную Европу и грозившія христіанству и цивилизаціи. Не Вѣна и не эрцгерцогство австрійское было этимъ оплотомъ противъ фанатической силы мусульманъ, а королевство Венгрія, которое за два съ половиною вѣка до того доказывало не однажды, что оно самою природою было поставлено оплотомъ для европейской цивилизаціи и христіанства противъ возраставшей власти Османовъ. Здѣсь нельзя не вспомнить Яна Гуниади, который, не выжидая вторженій со стороны Турокъ, самъ отправлялся за Дунай искать ихъ на высоты Троянова-балкана, къ берегамъ Чернаго моря и на Косовопольскую равнину. Не можемъ не вспомнить также и о той политико-стратегической параллели, которую представляли румынскія господарства съ одной стороны, и венгерское королевство съ другой, въ отношеніи къ турецкимъ завоеваніямъ по-сю сторону Дуная. Изъ исторіи Молдавіи XVI-го вѣка видно, что Польша постоянно стремилась поддерживать самостоятельность этого господарства, думая ограждать себя этимъ передовымъ княжествомъ отъ вторженій Турокъ и Татаръ. Австрія напротивъ того, стремясь задушить независимость и народность мадарскую, едва сама не сдѣлалась жертвою исламизма.

Но урокъ мало подѣйствовалъ на пробочное упорство Габсбурговъ. Дѣйствія іезуитовъ, система ихъ обращенія и невыносимыя притѣсненія вызвали, какъ мы видѣли, страшную бурю, которая едва не погубила Австрію. Случай помогъ ей, и такихъ случаевъ было нѣсколько, исторія ихъ записала всѣ до одного; спрашивается: откуда это столь непонятно-слабое счастье тамъ, гдѣ существовали всѣ данныя для конечнаго разложенія? Эти протипорѣчія откры-

вають въ исторіи человѣчества какую-то новую сторону ея характера, сторону, такъ-сказать, исторической морали. Замѣчательны слова Наполеона I, имѣвшего случай изучить политику Австріи со всею прозорливостью своего гения. Въ немногихъ словахъ онъ очертилъ ее въ одной изъ своихъ нотъ къ князю Метерниху, адресованной въ Іюль 1813 года въ Дрезденъ *). «Я могъ бы имѣть еще довѣріе къ личной коммѣ привязанности моего тестя, — говорилъ между прочимъ Наполеонъ въ своей нотѣ, — по политика его кабинета въ настоящее время составляетъ для меня горькое испытаніе. Политика эта остается неизмѣнною, постоянно одна и та же. Трактаты, брачные союзы, могутъ только иногда сдерживать ее, но никогда не измѣняютъ ея направленія. Австрія никогда не откажется отъ того, что вынуждена уступить иногда съ боя, или другой силѣ. Если она въ проигрѣшѣ, то снѣшеть находить себѣ утѣхище въ мирѣ; но этотъ миръ для нее ничто иное, какъ перемиріе, и въ то время, когда она скрѣпляетъ его своею подписью, она обдумываетъ уже разорвать его. Размотрите ея поступки втеченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ: потерпѣвъ отъ насъ рѣшительныя пораженія въ шести сраженіяхъ, она только для того принимаетъ въ 1797 году капитуляцію Леобенскую, что-бы защитить отъ насъ Вѣну. Въ слѣдующемъ году, зная, что я нахожусь въ Египтѣ, она снова начинаетъ наступательныя дѣйствія, и только потому рѣшается подписать въ 1801 году люневильскій миръ, что-бы удалить отъ своей столицы гогенлинденскихъ побѣдителей. Въ 1805 году она снова подымаетъ противъ насъ оружіе, думая застать насъ въ располохъ во время приготовленій къ войнѣ съ Англіею; но въ это время она дѣйствительно теряетъ Вѣну, потерпѣвъ безпримѣрныя пораженія при Ульмѣ и Аустерлицѣ. Наконецъ, нужно-жъ ей послѣ этихъ несчастій и неудачъ покориться, и что же! едва проходятъ три года, какъ она забываетъ уже эти уроки. Въ 1809 году, видя насъ занятыми въ глубинѣ Испаніи, она нападаетъ на насъ съ бѣльшею противу прежняго увѣренностію; тог-

*) *Tiara Hist. du Consul. et de l'Empereur. I. t. I. VX.*

да—взятіе Вѣны, пораженіе при Ваграмѣ, заставляютъ ее снова заключить миръ. Теперь же она воображаетъ, что обстоятельства будутъ ей благоприятствовать, и вы сами видите, какъ она поступаетъ съ нами. Открывая союзникамъ путь въ Богемію, она даетъ имъ средства заставитьъ французскія войска измѣнить свою позицію, угрожая отрѣзать имъ путь къ отступленію.» Уполномоченный австрійскимъ дворомъ безпрекословно выслушалъ это историческое показаніе, и не нашелъ что отвѣчать на справедливость изложенныхъ упрековъ. Дальнѣйшій разсказъ о реакціонной системѣ Леопольда въ Венгріи, покажетъ намъ яснѣе, въ какой мѣрѣ сильна была традиціонная система австрійскаго дома.

Х.

Освободивъ Вѣну, Собѣскій соединился съ Карломъ Лотарингскимъ и Штарембергомъ, что-бы продолжать войну въ Венгріи и окончательно очистить эту страну отъ мусульманскаго занятія. Остатки турецкаго войска, еще довольно многочисленнаго, сосредоточились въ Гранѣ и Парканахъ. Гранъ, расположенный на правомъ берегу Дуная, почитается по своему мѣстоположенію однимъ изъ укрѣпленнѣйшихъ городовъ Венгріи. Переброшенный черезъ Дунай мостъ соединяетъ этотъ городъ съ цитаделью Парканъ, которая защищаетъ его съ лѣвой стороны Дуная. Сюда спѣшили Собѣскій и Карлъ Лотарингскій, что-бы нанести рѣшительный ударъ Османамъ, которые ожидали христіанскіе полки на долину, примыкавшей къ Парканамъ. Турки не выдержали натиска имперской пѣхоты и польской конницы, которые, прижавъ непріятеля къ Дунаю, отрѣзавъ его совершенно отъ цитадели, заставили столпиться на деревянномъ мосту, и спѣшить укрыться за твердынями Грана. Мостъ не выдержалъ тяжести, провалился и увлекъ съ собою огромное число непріятелей. Вслѣдъ за побѣдой у Парканъ послѣдовала осада самого Грана, который вскорѣ принужденъ былъ сдаться. Семьдесятъ восемь лѣтъ крѣпость эта находилась во власти Турокъ и когда побѣдителя вошелъ въ нее, то Собѣскій

не могъ не удивляться легкости, съ какою достался имъ этотъ городъ, столь сильно и такъ искусно укрѣпленный. Во время битвы подъ Парканами, именно въ самыя минуты, когда тысячи Турокъ обрывались съ проваливашагося моста въ Дунай, когда остальные падали подъ саблями Поляковъ и бердышами имперцевъ *), вдругъ показался на сосѣднихъ высотахъ Емерикъ Тэкели съ сорока тысячами Мадяръ. Появленіе его было поздно, было - бы даже слишкомъ смѣло спуститься подъ Парканы на помощь своимъ союзникамъ, и видя, что дѣло ихъ проиграно, онъ удался, что-бы сохранить свою рать для будущихъ дѣйствій противъ Австріи.

Паденіе Грана повлекло за собою сдачу многихъ другихъ городовъ, такъ-что мадарское населеніе комитатовъ Нитры, Тревчины, Тырнавы, не замедлило также покориться. При этихъ успѣхахъ польско-австрійскаго оружія настала зима. Имперцы расположились на квартиры вдоль Дуная, польскіе же полки заняли берега Тиссы, въ комтатахъ Эперіесѣ и Токаѣ. Собѣскій, не имѣя болѣе въ виду непріятельскіе полки, прилагалъ всѣ свои старанія помирить Тэкели съ Леопольдомъ, но непомѣрныя требованія императора, и недобѣрчивость предводителя Мадяръ, дѣлали невозможнымъ всякое между ними сближеніе. Вскорѣ, однакожъ, другія обстоятельства заставили Тэкели обратить оружіе и противъ полковъ Собѣскаго. Литовскій корпусъ, предназначенный идти на соединеніе съ польскими войсками, прибылъ слишкомъ поздно, когда дѣло подъ Вѣной было уже рѣшено. Литвины вошедши въ Венгрію, начали грабить и убивать жителей безъ разбора, что вывело наконецъ изъ терпѣнія и самаго Тэкели, который дотогѣ удерживалъ себя отъ непріязненныхъ столкновеній съ польскими войсками. Но грабежи Литовцевъ заставили его напасть не только на нихъ, но и на Поляковъ, такъ-что изъ горъ и лѣсовъ, изъ каждой деревни, изъ-за каждаго куста, являлись мстители безчестствъ, воздвигнутыхъ Литовцами. Способный по преимуществу къ

* Изъ 14,000 спягивъ и 10,000 пѣхоты турецкой, успѣли спастись едва 300 человекъ; такъ по-крайней-мѣрѣ говорятъ всѣ историки, основываясь на исчисленіяхъ современныхъ реляцій.

веденію малой войны, Тэкели, быстрыми своими нападеніями не давалъ покоя чужеземцамъ; это въ высшей степени огорчало Собѣскаго, который рѣшился наконецъ оставить Венгрію. Въ концѣ Декабря онъ былъ уже въ Краковѣ, но главнѣйшія причины, заставившія его удалиться, были безъ сомнѣнія сочувствіе, которое онъ питалъ къ Мадырамъ и неблагодарность Леопольда, возмутившая его рыцарскую честь.

Собѣскій, удалившись въ Польшу, оставилъ за собой Карла Лотарингскаго, и затѣмъ принца Евгенія Савойскаго докапчивать начатое имъ дѣло, между тѣмъ какъ онъ самъ содѣйствовалъ имъ своими диверсіями въ Молдавіи и Бессарабіи. Послѣ гранской побѣды Карль и Евгенийъ разбили снова Туръ къ у Буды, уничтожили ихъ армию подъ Могачемъ въ 1687, и эта послѣдняя побѣда окончательно отторгнула Венгрію изъ рукъ Османовъ, но зато передала ее снова на жертву іезуитамъ.

Лишь только побѣды Собѣскаго и Карла Лотарингскаго уступили мѣсто этимъ мрачнымъ дѣятелямъ, какъ снова послышался во всей странѣ зловѣщій звукъ тюремныхъ затворовъ, снова засверкала тоноръ надъ головами дворянъ и магнатовъ. Раздались опять крики насилуемыхъ дѣвушекъ, плачь и стоны цѣлыхъ семействъ несчастныхъ Мадыръ. Эти нестерпима заставляли еще крѣпче собираться вокругъ знамени графа Тэкели угнетенныя жертвы двойнаго деспотизма, и дарованія, храбрость, слава мадырскаго предводителя, вели къ тому, что могли содѣлать его страшнымъ противникомъ правительству Леопольда. Вотъ почему все вниманіе послѣдняго было обращено на то, какъ-бы сбить съ рукъ этого грознаго вожда. И дѣйствительно, правительство, при содѣйствіи іезуитовъ, усилло въ своемъ намѣреніи такъ некустно, что устраненіе Тэкели можно почитать самымъ ловкимъ, и, въ своемъ родѣ, доблестнымъ его подвигомъ. Австріицы овладѣли одною изъ первокласныхъ крѣпостей Венгріи, а именно Нейгаузелемъ. Эсперіесъ также сдался и имперскія войска снѣшли осадить Кашаву. Турки вездѣ были разбиваемы; Тэкели не могъ принести имъ никакой пользы, а воевода Трансильваніи, Михаэль Аняфи, держась въ сто-

ронъ отъ текущихъ событій, лишилъ предъ вѣнскимъ дворомъ, а съ другой стороны избѣгалъ прямыхъ сношеній съ предводителями недовольныхъ Мадяръ. Тогда Тэкели, оставшись съ одними своими средствами, не рѣшался вступить въ открытую борьбу съ Австріей, а предпринялъ попытку счастье начать съ императоромъ переговоры. Еще переть тѣмъ онъ имѣлъ случай получить изъ Вѣны охранный листъ для своихъ уполномоченныхъ. Желаніе его должно было храниться подъ стражайшей тайной, и веденіе переговоровъ поручено было, по этому случаю, Стефану Ширмаю, пениланному другу Емерика, который и прежде былъ неоднократно посылаемъ къ Леопольду. Эти переговоры должны были храниться въ тайнѣ, въ-особенности отъ турекъ и мадарскихъ начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ. Что-бы удалить отъ себя всякое подозрѣніе, Ширмай тайно сговорился съ генераломъ австрійскимъ Капрарей, и однажды вечеромъ, принявъ участіе въ небольшомъ числѣ охотниковъ, выхавшихъ, что-бы напасть на австрійскій отрядъ не вдалекѣ отъ Самоша, онъ отдался въ плѣнъ, и отвезенъ былъ въ Вѣну. Здѣсь, явившись къ Леопольду, Ширмай представилъ ему письмо Тэкели, въ которомъ этотъ послѣдній вызывался служить императору какъ другой Скандербегъ, славный князь Епира. Онъ былъ готовъ, писалъ Тэкели далѣе, разорвать окончательно союзъ свой съ Турками и сдать все укрѣпленныя мѣста, бывшія въ его рукахъ, Австріи. Уполномоченный Тэкели былъ увѣренъ въ успешномъ окончаніи порученнаго ему дѣла, но онъ забылъ принять во вниманіе коварство іезуитовъ, которые, пользуясь этимъ случаемъ, привлекли въ свои сѣти его самого, и жестоко обманули его надежды. Они, думая порѣшиться съ предводителемъ Мадяръ разомъ, отирали къ султану и письма и инструкціи данныя Емерикомъ Тэкели Ширмаю. Этимъ предательскимъ способомъ іезуиты думали однимъ ударомъ разорвать союзъ недовольныхъ съ Турками, и, изблечивъ вождя въ плѣнѣ султану, предавъ его въ руки Туркамъ, разсчитали, что и полки Мадяръ, не имѣя болѣе предводителя, сами-собою разсыются. Тогда подчиненіе комитатовъ верхней Венгрии дѣлалось несомнѣннымъ. Отправивъ къ Могаммеду IV-му обвиня-

тельные противъ Тѣкели акты, вѣнское правительство не упускало изъ виду Ширмая, и когда разсчитали, что султанъ уже получилъ ихъ доносъ, тотчасъ схватили уполномоченнаго Мадяра и отправили въ Глацъ, гдѣ безъ всякаго суда заключили въ темницу. Иезуиты не ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Паша Гросварадина получилъ изъ Константинополя приказъ, схватить Емерика Тѣкели и препроводить его въ цѣбняхъ въ Адрианополь. Молодой графъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнiя объ ожидавшей его участи. Когда въ концѣ Октября 1685 года генералъ Капрара осадилъ Кашаву, Тѣкели явился по ту сторону Тиссы съ весьма незначительными силами и расположилъ ихъ верстахъ въ пяти отъ Гросварадина. Взявъ съ собою затѣмъ только трехъ офицеровъ своего штаба, онъ отправился въ Гросварадинъ, гдѣ, командовавшій паша, имѣя уже на его счетъ инструкцию великаго визиря Кара-Ибрагима, поджидалъ его съ нетерпѣнiемъ. Тѣкели прибылъ къ нему условиться, какъ-бы скорѣе подать помощь осажденной Кашавѣ, и заставить Капрару удалиться. Паша встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ, пригласилъ къ роскошному обѣду, и когда по окончанiи его онъ вставалъ изъ-за стола, тотчасъ, по данному знаку агя янычаръ, былъ схваченъ и закованный въ цѣпи, отведенъ въ Адрианополь подъ стражей. Никто изъ его партизановъ не зналъ причинъ, побудившихъ Турокъ поступить съ ихъ предводителемъ такимъ предательскимъ образомъ. Никто изъ нихъ не зналъ также ничего и о судьбѣ Ширмая. Только впоследствии обстоятельство это разъяснилось, когда порта предложила австрiйскому правительству выдать ему графа Тѣкели, если вѣнскiй дворъ приметъ тѣ самыя предложенiя мира, которыя онъ уже нѣсколько разъ отвергалъ. Разсчетъ Австрiи былъ въ высшей степени вѣренъ: вмѣстѣ съ паденiемъ Тѣкели распалась и собранныя имъ силы, одна велѣтъ за другой. Одна часть войска недовольныхъ отправилась прямо въ городъ Калло и привнесла повинную Леопольду. Другая, въ числѣ семи тысячъ челоуѣкъ, пришла въ лагерь генерала Капрары съ обѣщанiемъ не предпринимать впередъ ничего противъ правительства. Это самое ускорило и сдачу Кашавы, которую неза-

медляли вскорѣ послѣ того занять австрійскими полками. Заключение Тэкели распространило безсиліе и на города, бывшіе дотогѣ ему вѣрными. Регечъ, Унгваръ, Токай, Патокъ и другіе сдались молча и безъ всякаго ропота. Уныніе было общее; только одна жена Тэкели, дочь Цринц, бана Кроаціи, сложившаго, какъ выше видѣли, голову свою на плахѣ, неустрашимо держалась въ укрѣпленномъ своемъ замкѣ Мункачѣ. Здѣсь, за его крѣпкими стѣнами, возвышавшимися въ мѣстности еще болѣе укрѣпленной природою, она выдерживала осаду австрійскаго войска и никакія хитрости, никакія усилія не могли преодолѣть преграды, воздвигнутой природою и защищаемой доблестною женой бывшаго предводителя недовольныхъ.

Между-тѣмъ заключеніе Емерика Тэкели продолжалось не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Его спасъ новый взвиръ, Сюлейманъ, назначенный на мѣсто Кара-Ибрагима. Сюлейманъ понялъ ошибку, сдѣланную его предшественникомъ, и видѣлъ ясно, сколько потеряло турецкое владычество въ Венгріи выстѣ съ арестованіемъ Тэкели. Онъ получилъ свободу и снова былъ возведенъ портой въ номинальное достоинство князя Венгріи, но это возстановленіе въ прежнихъ его правахъ было уже слишкомъ позднее. Тэкели былъ уже одинъ, безъ войска, безъ приверженцевъ, безъ денегъ. Австрійцы занимали уже и крѣпости и комитаты, которые прежде признавали его власть. Напрасно силился онъ возстановить свое вліяніе жаркими и краснорѣчивыми воззваніями, которыя посылалъ къ Мадьярамъ; никто не отозвался на его призывы. Весьма немногіе высказали свою радость, узнавъ о его освобожденіи, — и тѣ, однакожъ, были казнены смертію въ Дебрецинѣ. Тэкели, хотя и продолжалъ вести противъ Австріи партизанскую войну, но онъ не имѣлъ болѣе ни прежняго политическаго вліянія, ни прежняго значенія, какъ предводитель военныхъ силъ. Впродолженіе почти двадцати лѣтъ, которые были остальными годами его жизни, онъ провелъ ихъ въ постоянно-тревожныхъ попыткахъ возвыситься, при содѣйствіи Турокъ, но кончилъ жизнь свою въ малой Азіи, не оставивъ послѣ себя даже потомства.

XI.

Договоримъ послѣднее слово объ этомъ замѣчательномъ поборникѣ мадарской свободы конца XVII столѣтія. Незвѣстный біографъ его *), вмѣстѣ съ тѣмъ и современникъ, кончаетъ обзоръ политической и военной его жизни 1693 годомъ; но Тэкели является на сцену дѣйствій, почти незамѣтнымъ лицомъ и въ послѣдующихъ войнахъ Турокъ съ Австрійцами до Карловецкаго мира (1699). Конецъ же его былъ въ высшей степени печаленъ. Во время переговоровъ, по случаю Карловецкаго мира, которымъ окончилась, какъ извѣстно, долголѣтная война Турокъ съ Австрійцами, объ Емерикѣ Тэкели не было упомянуто почти ни слова **). Оставленный, забытый всѣми, онъ жилъ уединенно съ 1695 года въ Константинополѣ, получая весьма ограниченное содержаніе, которое порта назначила ему съ доходовъ нѣкоторыхъ деревень малой Азіи. Здѣсь, въ одномъ изъ кварталовъ Стамбула, видѣлъ его часто, удрученнаго горемъ, больного подагрой, путешественникъ Де-ла-Мотрэ, оставившій нѣкоторыя свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ жизни знаменитаго предводителя мадарской партіи ***). Получая до шестидесяти талеровъ въ день, Тэкели употреблялъ почти все свое содержаніе, бывшее весьма достаточнымъ обезпечить его матеріальную жизнь въ изгнаніи, на поддержаніе споше-

---

*) Histoire d'Emeric comte de Tekeli.

***) Къ статьямъ карловецкаго мира, драгоманъ Маврокордато хотѣлъ прибавить — (къ статьѣ, относящейся къ Трансильваніи), особенный параграфъ, касающійся жены Тэкели, для которой хотѣлъ выговорить свободное пользованіе доходами замка Мункачъ, которые самъ Леопольдъ предоставилъ ей, послѣ сдачи замка. Но уполномоченные Австріей никакъ не соглашались оставить редакцію этого параграфа въ томъ видѣ, въ какомъ онъ составленъ былъ Александромъ Маврокордато. Они измѣнили его смыслъ слѣдующимъ выраженіемъ: «Притязанія Елены Црини касательно ея правъ будутъ зависѣть отъ доброй воли императора.» См. Histoire de l'Empire Ottoman, par Hammer t. XII. p. 206. Paris. 1838.

***) De la Motraye. Voyages en Europe, en Asie et en Afrique. A la Haye, 1727.

ній съ Венгріей, которыя ни ему, ни его родивѣ не могли принести болѣе никакой пользы *).

Связь, которыя имѣлъ Тэкели съ Франціей, и надежды, которыя питали его съ этой стороны, видны изъ того, что предъ открытіемъ конференцій въ Карловицѣ, англійскій посланникъ въ Константинополь, лордъ Паджетъ, далъ ему нѣкоторую надежду относительно возвращенія ему правъ его, если онъ прекратитъ свои сношенія съ французскимъ дворомъ. Подстрекаемый, но обманутый французскимъ агентомъ Арженталемъ де-Феріоля, Тэкели неоднократно жаловался, что поддержка, обѣщанная французскимъ правительствомъ, была только на словахъ **). «Король — говорилъ въ 1701 г. Тэкели де-ла-Мотрэ, — одинъ въ выигрышѣ, а я остаюсь въ презрѣніи и забвеніи, потому только, что слѣдовалъ совѣтамъ Феріоля. Съ-тѣхъ-поръ, какъ тамъ (во Франціи) стали думать, что я ни къ чему не гожусь болѣе, я не получалъ даже и десяти талеровъ» ***). Но не одинъ лордъ Паджетъ отвернулся отъ него, даже высокая порта оставила безъ всякаго вниманія прежняго своего союзника. Когда онъ, по совѣту Феріоля, отправился въ Іюль 1701 года въ Адрианополь, гдѣ находился тогда султанъ, что-бы возбудить его снова къ войнѣ съ Австріей, его даже недопустили въѣхать въ городъ, и подъ предлогомъ, что онъ

*) *Contarini* въ своей любопытной *Istoria della guerra di Leopoldo Primo Imperatore e de' Principi collegati contro il Turco dall' anno 1683 sino alla pace. Venezia, 1710*, упоминаетъ также о пребываніи Тэкели въ Константинополь. *Allo Tekeli*, говоритъ онъ въ началѣ 1695 года, — *che come inutile stromento nell' Ungheria*, fu mandato nel principio della campagna a soggiornare in Constantinopoli, si assegnò dal Sultano in sostenimento di se e di sua famiglia le rendite di alcuni piccoli villaggi nell' Asia, *di modo che discreditato, e mal veduto, veniva tenuto in poca considerazione da' Turchi*. Но подробнѣе съ немъ говоритъ де-ла-Мотрэ (*Voyages*, 199 seqq.), такъ-какъ онъ былъ съ нимъ лично знакомъ и часто съ нимъ видѣлся. Между другими подробностями, которыя приводитъ французскій путешественникъ, касающіяся характеристики Емерика Тэкели, приводимъ и слѣдующую: «Il avait une des plus heureuses phisionomies du monde, il parlait mieux latin qu'aucun homme de qualité que j'ays rencontré dans tous mes voyages. Au reste il était aussi maltraité de la goutte que de la Fortune.

***) Король обѣщалъ ему ежегодной субсидіи въ 400 тысячъ талеровъ

***) См. также и у *Contarini*, pag. 287 и 310.

безъ султанскаго позволенія отлучился изъ Цареграда, сосланъ былъ въ малую Азію. Мѣсто его ссылки было назначено ему не вдалекѣ отъ Никомидіи, въ такъ-называемомъ Чиджекъ-Мейданѣ или *поле цвѣтовъ*. Здѣсь, въ довольно бѣдномъ загородномъ домикѣ, провелъ онъ остальную жизнь свою. Сюда послѣдовала за нимъ также и жена его Елена, прибывшая къ нему съ небольшимъ домашнимъ штатомъ, состоявшимъ изъ одного секретаря, одного канцлера, какого-то тайнаго совѣтника и одного дворецкаго. Изъ безчисленнаго ея богатства осталось у ней нѣсколько драгоценныхъ вещицъ, доставшихся ей отъ перваго ея мужа, князя Георга Ракочи. Охота на фазановъ и куропатокъ сокращала печальные дни Емерика, этой жертвы обманутой надеждъ. Къ довершенію несчастія, сильно страдая подагрой, онъ попалъ въ руки какому-то лѣкарю-шарлатану, выманившему у него послѣднія деньги.

Что-бы довершить его горькую долю, ему суждено было и въ изгнаніи прійти снова въ столкновеніе съ прежними его гонителями, съ іезуитами. Жена Тэкели, рожденная и воспитанная въ католицизмѣ, до конца дней своихъ осталась вѣрною своей религіи, и находилась постоянно въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ членовъ ордена Лойолы. Они были ея постоянными *directeurs de conscience*, какъ называетъ ихъ де-ла-Мотрэ, даже въ изгнаніи. Что-бы показать все довѣріе, которое она къ нимъ питала, Елена поручила этой братіи, жившей тогда въ Галатѣ, европейской части Константинополя, не большую шкатулку съ 4,000 червонцевъ, и нѣкоторыми другими драгоценностями. Какъ тѣ, такъ и другія она назначала частію на предполагаемое ею путешествіе въ Іерусалимъ, частію на панихиды послѣ ея смерти. Тэкели, ревностный лютеранинъ, не зналъ ничего о существованіи этого небольшого сокровища, и только во время сильной болѣзни его жены, сведшей ее въ могилу, узналъ объ этой тайнѣ отъ одного изъ ея слугъ, при содѣйствіи котораго онъ рѣшился возвратитъ шкатулку, находившуюся въ рукахъ іезуитовъ. Что-бы не возбудить ихъ подозрѣній онъ отправилъ того же самого слугу въ Константинополь сказать братіи, что графиня, желая передъ смертію присо-

вокупить еще кое-какія деньги къ оставленнымъ имъ на сохраненіе, проситъ прислать ей шкатулку. Вскорѣ послѣ того, 17-го Февраля 1703 года, Елена умерла, и іезуиты потребовали обратно завѣтную шкатулку. Но Тэкели велѣлъ сказать имъ, что — «такъ-какъ жена его назначала эти деньги для путешествія въ земной Іерусалимъ, но отправившись теперь въ Іерусалимъ небесный, она, по этому случаю въ деньгахъ не имѣетъ болѣе нужды *)». Получивъ этотъ отвѣтъ, іезуиты впрочемъ не теряли надежды возвратить завѣтную шкатулку. Они положили, во-что бы ни стало, овладѣть не только ею, но и душою самого Тэкели. Вскорѣ распространилась молва, что частыя и тайныя поѣздки въ Никомидію отца Бранконіэ, настоятеля галатскихъ іезуитовъ, имѣли цѣлю обращеніе Емерпка Тэкели въ католицизмъ. Они направили свои нападенія на самую чувствительную сторону изгнанника, въ надеждѣ успѣть въ своемъ намѣреніи. Французскій дворъ, желая поддержать въ Венгрии и Трансильваніи неурядицы, нашель другого дѣятеля, Франца Ракочи, которому, покровительствуя въ тайнѣ, доставлялъ тѣмъ случай продолжать начатое Емерпкомъ освобожденіе мадарской націи. Ракочи въ это время, дѣйствительно, убѣжавъ изъ тюрьмы, явился во главѣ партіи недовольныхъ, и легко можно понять съ какимъ тревожнымъ чувствомъ слѣдилъ Тэкели за всѣмъ, что происходило на его роднѣ по тѣмъ извѣстіямъ, которыя передавалъ ему іезуитъ Бранконіэ. Когда уже этотъ послѣдній увидѣлъ, что Тэкели достаточно подготовленъ принять его предложеніе, тогда онъ сказалъ ему, что орденъ, имѣвшій большое вліяніе на Людовика XIV и на папу, легко можетъ выхлопотать ему приличное его сану содержаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволеніе поселиться въ какомъ угодно ему будетъ мѣстѣ Франціи или Италіи, если только онъ отречется отъ лютеранской ереси и возвратится снова на лоно католичества. Тэкели, слабый, больной, и разочарованный, не имѣя другихъ желаній, какъ провести остатокъ немногихъ дней своихъ въ тишинѣ и довольствѣ, позволилъ себѣ небольшую хитрость, и объ-

*) *De La Motraye, Voyages etc. p. 298.*

явилъ Бранконіэ, что онъ, пожалуй, рѣшится принять его предложеніе, если не откладывая далѣе, онъ доставитъ ему возможность сѣсть на корабль съ своимъ малочисленнымъ штатомъ, и уѣхать во Францію или Италію. Но это не было во власти іезуитовъ, которые уже распространили было слухъ, будто Тэкели обращенъ ими въ католицизмъ. Де-ла-Мотрэ, у котораго заимствуемъ эти подробности, говоритъ, что Емерикъ, узнавъ о распространившемся слухѣ, не вынесъ и умеръ съ горя, въ концѣ Сентября 1704 года. Передъ смертію онъ написалъ формальное показаніе, что обманутый іезуитами, онъ никогда не думалъ серьезно отказаться отъ лютеранскаго исповѣданія, въ которомъ жилъ, и въ которомъ умираетъ. Показаніе это, подписанное какъ имъ, такъ и его приближенными, которые послѣ его смерти вернулись въ Венгрію, дѣликомъ занесено въ неоднократно упомянутомъ уже сочиненіи де-ла-Мотре *). Такъ кончилъ многотрудную и полную тревогъ жизнь свою графъ Емерикъ Тэкели, послѣдній въ своемъ родѣ.

Относительно прекращенія этой фамиліи нельзя не упомянуть объ томъ обстоятельстве, или игрѣ случая, прекратившемъ, вмѣстѣ со смертію жены Емерика Тэкели, Елены Црини, и нѣкоторые другіе роды мадарскихъ магнатовъ. Мать ея, какъ извѣстно изъ предшествовавшихъ главъ, была послѣднею въ родѣ *Франджипани*. Теща ея по первому браку была послѣднею изъ *Батори*. Братъ ея былъ послѣдній *Црини*. Со смертію второго ея мужа угасъ и родъ *Тэкели*. Наконецъ внука ея, отъ перваго брака, была послѣднею изъ *Ракоци*.

XII •

Внѣшняя гроза отхлынула. Равнины Венгрии, горы Эрделии снова явились во власти іезуитовъ. Тогда-то настала и часъ мести, исполненіе которой было поручено одному изъ тѣхъ безжалостныхъ негодяевъ, которые во всѣ

*) Voyages p. 373—376.

времена позорили родъ человѣческой. Неаполитанецъ Антоній Караффа, бывшій когда-то мальтійскимъ рыцаремъ, и получившій въ 1665 году мѣсто камергера при дворѣ Леопольда, пошелъ въ ходъ по протекціи своего двоюроднаго брата и однофамильца, кардинала Караффы, апостольскаго нунція въ Австріи, того самаго, который при Фердинандѣ II принималъ столь ревностное участіе въ гоненіи, воздвигнутомъ въ Чехіи. Вынужденный принять участіе въ войнѣ, Антоній оказался малоспособнымъ къ ней, потому что въ 1665 году, не смотря на всѣ благопріятные случаи отличиться, онъ все еще оставался простымъ полковникомъ. Но карьера его двинулась очень успѣшно и быстро, лишь только іезуиты завербовали его въ число своихъ агентовъ.

Въ 1686 году онъ былъ назначенъ комендантомъ верхней Венгрии, затѣмъ генераломъ, военнымъ комиссаромъ, гофратомъ, наконецъ военнымъ совѣтникомъ двора. Почести и отличія полились на этого дюжиннаго, чтобы не сказать, бездарнаго человѣка. Онъ щедро отслуживался тою ненавистью и гоненіемъ, которыя такъ ревностно обнаруживалъ къ Мадырамъ, и съ гордостью называлъ себя бичемъ Божиимъ, Атилою мадырскаго народа. Руководимый низкими побужденіями, онъ давалъ двору самыя безчеловѣчныя совѣты. По случаю собранія сейма въ Пресбургѣ, назначеннаго съ цѣлю исторгнуть силу и коварствомъ у Мадыръ послѣднія ихъ права, Караффа предложилъ цѣлую систему террора, въ которой главную роль играли конфискаціи и пытки. При этомъ онъ выказалъ сколько безчеловѣчія, столько и корыстолюбія, желая обогатиться на счетъ своихъ жертвъ. Ему приписываютъ изреченіе, показывающее, въ какой мѣрѣ этотъ человѣкъ былъ одержимъ звѣрскими чувствами къ несчастнымъ Мадырамъ. «Если-бы во всемъ моемъ тѣлѣ, говорилъ онъ, нашлась хоть одна артерія, которая билась-бы въ пользу Мадыръ, то я вырѣзалъ-бы ее и бросилъ-бы въ огонь. Пусть же пользуются мною для ихъ порабоженія; я смѣюсь надъ ихъ правами, законами, судебными формами и конституціей!» Дѣйствительно, подобный человѣкъ былъ чрезвычайно удачно выбранъ для исполненія воли Леопольда. Въ помощники ему въ этомъ безчеловѣчномъ дѣлѣ были на-

значены два іезуита — хитрый Перцигофъ, знаменитый своею ненавистию къ протестантамъ, и его крестный братъ Келіо, хотя не столь коварный, но еще болѣе свирѣпый.

Въ Эперіесѣ былъ учрежденъ трибуналъ, составленный изъ императорскихъ слугъ, невѣжественныхъ офицеровъ, военнаго аудитора, отячавшагося постояннымъ насилиемъ, и гугенотовъ-отступниковъ. Эперіесъ, городъ окруженный горами и преданный свободнымъ учрежденіямъ, храбро защищался противъ императорскихъ войскъ, и наконецъ сдался только по полученіи амнистіи и свободы совѣсти. Поводомъ къ собранію этого кроваваго трибунала былъ заговоръ, вымышленный іезуитами и Караффою. Этотъ послѣдній, назначенный правителемъ верхней Венгрии, и имѣя резиденцію свою въ Эперіесѣ, вскорѣ послѣ вступленія въ эту должность, донесъ въ Вѣну, что открылъ слѣды обширнаго заговора, начатаго современіемъ Фердинанда I (т. е. съ 1560 годовъ) и продолжавшагося до его времени. Цѣль этого, почти полторацѣтковаго заговора, состояла будто-бы въ томъ, что-бы извести Габсбурговъ, разорить всѣ королевства и всѣ области, находившіеся въ ихъ владѣніи, и истребить христіанство. Это былъ главный, капитальный пунктъ доноса Караффы, который прибавлялъ, что насталъ случай самый удобный вырвать съ корнемъ мятежный духъ изъ мадярскаго народа. Далѣе — онъ обвинялъ протестантовъ и аристократію въ сношеніяхъ съ Тэкели, съ его женою, безстрашною Еленою, которая въ сосѣдствѣ отъ Эперіеса, съ изумительною храбростию защищала свое послѣднее убѣжище отъ полковъ Леопольда.

Доказательства, приведенныя приверженцемъ іезуитовъ для подкрѣпленія этого ложнаго обвиненія, были столь же низки, какъ и онъ самъ. Онъ ссылался на двухъ женщинъ дурнаго поведенія, которыя утверждали, что онѣ служили лазутчицами у заговорщиковъ и употреблялись ими для письменной корреспонденціи владѣтельница Мункача, Елены Тэкели, съ венгерскими дворянами и протестантами. Свидѣтельство ихъ было признано достаточнымъ, что-бы начать преслѣдованіи, хотя онѣ не показали ни одного письма, не привели ни одного доказательства. Одна изъ этихъ тварей

отличалась въ-особенности своимъ безстыдствомъ и ненавистью къ Мадырамъ, и была во всѣхъ отношеніяхъ достойною помощницей генерала Караффы.

Немедленно, по составленіи трибунала, приступлено было къ заключенію въ темницы мнимыхъ заговорщиковъ. Уланы разсѣялись по комитатамъ для арестованія лицъ, указанныхъ имъ Антономъ Караффою; ихъ брали на улицахъ, въ домахъ, въ церквахъ, на охотѣ, вездѣ гдѣ только находили ихъ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ схваченъ съ оружіемъ въ рукахъ, явное доказательство, что они не крамольствовали. Ими наполнялись тюрьмы Эперіеса, Дебрецина, Пресбурга и другихъ городовъ. На площади перваго изъ этихъ городовъ, Караффа велѣлъ воздвигнуть плаху, передъ окнами своего собственнаго отеля, получившую отъ современниковъ особенное, характеристичное названіе, *Fleischbank von Eperies*. Для казни этихъ импровизованныхъ заговорщиковъ онъ опредѣлялъ тридцать палачей, которыхъ одѣлъ въ зеленое платье, между тѣмъ какъ испанскіе сыщики, одѣтые въ сѣрые кафтаны, были разсѣяны по Эперіесу, и брали подъ стражу всѣхъ, кто казался имъ подозрительнымъ. Многимъ изъ осужденныхъ Караффа предоставлялъ, съ какимъ-то демонскимъ сарказмомъ, право апелляціи, право обращаться ко двору, но прежде нежели получался отвѣтъ, несчастнаго уже судили и рубили ему голову, не внимая ни какимъ оправданіямъ. Караффа имѣлъ даже дерзость объявить публично, что Леопольдъ разрѣшилъ ему не обращать вниманія даже на императорское прощеніе, если таковое представлено будетъ кѣмъ-бы то ни было изъ осужденныхъ.

Обвиненные являлись передъ трибуналомъ только для формы, а не для серьезнаго допроса. Роль донощиковъ и обвинителей играли: Владиславъ Сентивани, Стефанъ Гечи, да Елизавета Угели, эта *табори эрсокъ*, какъ называли ее Мадыре, т. е., непотребная лагерная дѣвка. Первые двое находились въ числѣ судей, но вмѣстѣ съ тѣмъ они также доносили на обвиненныхъ, участь которыхъ потомъ сами же рѣшали. Ни одинъ законъ мадырской конституціи не былъ соблюденъ. Обвиненнымъ не давали даже времени защищаться. Мадыре, хотѣвшіе оправдаться, получали отъ іезуита въ

мундирѣ слѣдующій гнусный отвѣтъ: «оправданія ваши будутъ разсмотрѣны послѣ казни.»

Рѣзня началась 20-го Февраля 1687 года. Если обвиненный не сознавался въ преступленіи, вымышленномъ обвинителями, его подвергали пыткамъ; но самыя утонченныя мучки не въ состояніи были побѣдить ихъ упорство или ослабить ихъ мужество. Очевидцы передали намъ по этому случаю ужасныя подробности *).

Самыя благородныя личности, наиболѣе уважаемыя въ народѣ, герои, участвовавшіе въ войнѣ за независимость, были приводимы на эстраду обвиненныхъ вмѣстѣ или порознь съ жертвами нисшаго класса. У однихъ вытягивали, ломали члены на особо для того устроенныхъ станкахъ, у другихъ сжимали головы посредствомъ веревокъ или металлическихъ обручей, продолжая эту пытку до-тѣхъ-поръ, пока у несчастныхъ не выкатывались глаза изъ орбитъ. Ихъ привѣшивали за кисти рукъ, привязывая къ ихъ ногамъ огромныя гири. Въ то же время палачи жгли у нихъ свѣчами подъ мышками и медленно обливали ихъ нагое тѣло кипящею смолою. Ихъ пытали раскаленными щипцами, забивали въ ногти рукъ и ногъ желѣзные осколки и гвозди, накаленные до бѣла. Многіе изъ нихъ полуизжаренные, выпускали духъ во время пытки. Караффа обѣщалъ шестьсотъ флориновъ тому, кто изобрѣтетъ новый родъ пытки. При описаніи одной изъ нихъ, самой ужасной изъ всѣхъ, приведенныхъ историками, волосы становятся дыбомъ на головѣ. Обвиненнымъ пропускали въ мочевоі каналъ и отверстие задне-проходной кишки до красна накаленное желѣзо! Если невыносимыя мучки ослабляли ихъ мужество, если у нихъ вырывалось малѣйшее неосторожное слово, то ихъ немедленно казнили. Имъ отрубали сначала кисть руки, потомъ го-

---

*) Подробности оперіескихъ убійствъ изложены: у *Johan. Vicus'a, De rebus et gestis Ant. Caraphaei*. Въ *Histoire d'Emeric comte Tokoli*. Въ *Histoire des Révolutions de Hongrie, t. I*. Изъ этихъ трехъ сочиненій, почти современныхъ событію, можно вывести ясное представленіе о безчеловѣчности и безсудіи тогдашняго австрійскаго правительства. Даже патетическій разсказъ Іоанна Вика, о личности и дѣйствіяхъ Караффы, не можетъ скрыть истины.

лову, или колесовали, сажали на колъ, четвертовали, смотря по расположенію, въ какомъ находились судьи.

Безчеловѣчіе Антона Караффы этимъ неограничивалось. Въ то время, какъ жертвы стонали, умоляли его о помилованіи, или умирали въ невыносимыхъ мукахъ передъ его окнами, онъ проводилъ время съ зазорными женщинами, упивался и игралъ въ кости, однимъ словомъ предавался адской радости и скотскому удовольствію. Нужно однакожь сказать, что нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ получали также помилованіе, но это дѣлалось цѣною денегъ и огромныхъ жертвъ.

Многіе Мадяре, одаренные сверхъестественною силою и волею, выносили до конца пытки этихъ злодѣевъ, не обнаруживая ни малѣйшаго знака слабости и оставаясь твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ числѣ этихъ героевъ, особенно заслуживаютъ вниманія Францискъ Ботали и Мартинъ Кенде. Ихъ подвергли пыткѣ съ цѣлію заставить обвинить двухъ важныхъ лицъ, Стефана Саки и Владислава Кароли, людей съ сильнымъ вѣсомъ, которыхъ не смѣли казнить, не имѣя къ тому никакого повода. Хотя эти несчастные и могли избавиться мукъ, пожертвовавъ другими лицами, но они не хотѣли клеветать на невинныхъ, и самая жестокая пытка не могла, не въ состояніи была заставить ихъ сдѣлать ложное показаніе. Но эти непобѣдимые мученики ни въ какомъ случаѣ не освобождались даромъ: съ нихъ брали огромный выкупъ и конфисковали все ихъ имущество. Друзья одного дворянина, Михаила Роты, съ изумительною стойкостію перенесшаго всѣ ужасы пытки, заплатилъ за него десять тысячъ талеровъ; освободившись, онъ отправился на пресбургскій сеймъ и показалъ депутатамъ страшные слѣды претерпѣнныхъ имъ мученій. Нѣкоторые изъ осужденныхъ сходили съ ума во время ихъ истязаній, многіе также вытерпѣвъ пытку, лишались разсудка уже въ темницѣ. Давидъ Фая, родомъ изъ Туроча, человѣкъ честный и неукоризненнаго поведенія, бывшій городовымъ судьей въ Кашавѣ, безстрашно вынесъ самыя ужасныя мученія; но, возвратившись въ тюрьму, онъ потерялъ разсудокъ и вскорѣ умеръ. Трупъ его четвертовали и окровав-

ленные части вздернули на висѣлицу. Трибуналь, раздраженный тѣмъ, что у него ускользнула эта жертва, которую онъ надѣялся употребить орудіемъ доноса или новыхъ показаній, велѣлъ схватить мясника того же города, Самуила Зани и безъ всякаго допроса, приказалъ отрубить ему голову. Каждая смерть этихъ несчастныхъ, говоритъ Феслеръ, (*Die Geschichte der Ungern. t. IX p. 396*) умножала число приверженцевъ Тэкели, которые, послѣ его смерти, стали подѣ знамена Франца Ракочи. Симонъ Фальдмейеръ, сражавшійся подѣ знаменами Тэкели, но потомъ отличившійся въ императорскихъ рядахъ при осадѣ Офена, былъ арестованъ; но, чтобы избѣжать вѣрной и позорной смерти, пронзилъ самъ себя ножемъ. Трупъ его былъ четвертованъ, и въ тотъ же день пинитѣйшіе изъ Мадяръ — Андрей Секели изъ Добы, Георгъ Бесегъ, Георгъ Радванскій, Гавріилъ Паласди и братья Фридрихъ и Даниилъ Веберъ, сложили также головы свои на плахѣ.

Особенно преслѣдуемы были кальвинисты; но и исповѣдывавшіе католическую вѣру магнаты и дворяне подвергались не менѣе первыхъ гоненію, пыткамъ и убійствамъ. Достаточно было владѣть большимъ имуществомъ и имѣть вліяніе въ народѣ, что-бы съ трудомъ и огромными пожертвованіями, какъ показано выше, избѣжать вѣрной смерти на плахѣ или въ тискахъ орудій пытки.

Имущество ихъ дѣлалось добычею казны и судей. — Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ, находясь подѣ вліяніемъ страха и обѣщаній Караффы, обвиняли самихъ себя, будучи увѣрены въ помилованіи; но проконсулъ съ варварскою пропіею, приказывалъ рубить имъ головы и потомъ класть у ногъ ихъ, утверждая, что онъ сдержалъ данное обѣщаніе, и что они не потеряли своихъ головъ. Жены, матери, сестры, родственники, друзья заключенныхъ спѣшили въ Вѣну, бросались къ ногамъ Леопольда и со слезами и рыданіями умоляли его о дарованіи жизни ихъ роднымъ. Императоръ принималъ ихъ съ видомъ соболазнованія, выслушивалъ ихъ просьбы и охотно давалъ имъ письменные приказы о помилованіи, увѣренный однакожь, что жертвы неизбѣгутъ плахи.

Съ облегченнымъ сердцемъ спѣшили они назадъ; но во время ихъ отсутствія, близкіе ихъ сердцу были уже казнены. Случалось, что гнусный Караффа съ сардоническимъ смѣхомъ принималъ грамоту Леопольда о прощеніи кого-либо изъ осужденныхъ, хладнокровно клалъ ее себѣ въ карманъ и затѣмъ приказывалъ рубить головы, даже тѣмъ, которые считали себя внѣ всякой опасности. Казалось, что императорское помплованіе только увеличивало его ярость. Вскорѣ объяснилась тайна его чудовищнаго поведенія. Когда ему надоѣдали наконецъ частыя посѣщенія просителей съ грамотами Леопольда, Караффа показывалъ имъ собственноручное письмо Леопольда, въ которомъ было сказано: «Просителямъ не запрещается обращаться къ милосердію монарха; но всѣ его помпловательныя и смягчительныя грамоты, не должны имѣть никакого значенія. Посланный государя обязанъ неутомимо и безъ пощады преслѣдовать свою цѣль.» Трудно найти въ исторіи человѣчества личности съ болѣе рельефнымъ лицомърїемъ.

Имѣя въ рукахъ подобный документъ, Караффа мало заботился о челоуѣколюбіи, еще менѣе о правосудіи. Сѣкира палача поражала его личныхъ враговъ столько же, сколько и противниковъ правительственной тираніи. Онъ ненавидѣлъ маркграфа Германна Баденскаго, графа Ивана Драшковича, канцлера Венгріи, и, желая оклеветать ихъ посредствомъ честныхъ людей, засадилъ послѣднихъ въ тюрьму, требуя отъ нихъ ложныхъ показаній и угрожалъ, въ случаѣ несогласія, пыткой. Нѣкоторые изъ нихъ уступили, потомъ отправились въ Вѣну протестовать противъ претерпѣннаго ими насилія и отречься отъ собственныхъ показаній. Маркграфъ Баденскій былъ отравленъ, подъ видомъ почетной ссылки, въ Ратисбоннъ, не смотря на заступничество и гнѣвъ принца Лудовика Баденскаго, его двоюроднаго брата, искуснаго полководца и преданнаго Австріи.

Между-тѣмъ въ Пресбургѣ собрались представители мадьярской аристократіи. Леопольдъ хотѣлъ заставить ихъ отречься отъ всенародныхъ своихъ правъ, и потребовалъ у сейма уничтожить право повсемѣстнаго вмѣшательства въ дѣла общественныя, высшей государственной важности. Пра-

во это было установлено въ 1222 году декретомъ короля Андрея II, и составляло главную основу индивидуальной свободы мадарской націи. Видно, что Леопольду трудно было пережевать тотъ пунктъ мадарскихъ вольностей, дарованныхъ еще Андреемъ, гдѣ сказано, что магнаты имѣли право *resistendi et contradicendi nobis et nostris successoribus in perpetuum facultatem*, въ тѣхъ случаяхъ, когда король посягаетъ на привилегіи дворянства и штатовъ *).

Кромѣ того императоръ требовалъ, что-бы избирательная корона Венгріи сдѣлалась наследственной въ Габсбургскомъ домѣ. Эперіеская рѣзня должна была предупредить возраженія и устрашать недовольныхъ. Что-бы еще болѣе поразить умы, Леопольдъ лично присутствовалъ на пресбургскомъ сеймѣ съ своимъ сыномъ Юсифомъ. Немногіе изъ магнатовъ имѣли смѣлость противорѣчить ему, только одинъ неустрашимый Николай Драшковичъ оставался непоколебимымъ въ своей мысли и одинъ удерживалъ оппозицію сейма. Леопольдъ, обратившись къ нему съ угрожающимъ видомъ, сказалъ раздраженнымъ голосомъ: «И такъ, ты одинъ презираешь до такой степени моего сына, что отказываешь ему въ коронѣ?» Эти слова подобно грому поразили Драшковича. Онъ ясно видѣлъ, что Венгріи не устоять; что свобода этой страны, ея права и вольности, однимъ словомъ, что все счастье Мадаръ должно рушиться, должно пасть передъ неумолимымъ Леопольдомъ, и онъ невыдержалъ, слегъ въ постель, гдѣ, на другой день, нашли его мертвымъ. Такъ по-крайней-мѣрѣ говорятъ о его смерти историки, оправдывавшіе вообще всѣ дѣйствія Леопольда. На томъ же сеймѣ іезуиты получили право гражданства въ Венгріи, наравнѣ съ туземцами.

Это достопамятное засѣданіе происходило 31-го Октября 1687 года. Именитѣйшіе изъ магнатовъ верхней Венгріи, графъ Николай Берсени и Владиславъ Баркочи, отправились въ Вѣну ходатайствовать предъ Леопольдомъ о прекращеніи рѣзни въ Эперіесѣ. Палатинъ Венгріи, графъ Павелъ Эстер-

---

*) Этотъ любопытный памятникъ юридической жизни Мадаръ, составляющій основу *Bulla Aurea, R. Andreae II*, см. у Прая, *Annales Reg. Hung.* p. 220.

гази представилъ императору ходатайство объ удаленіи изъ Венгріи Караффы и Леопольдъ незамедлилъ, съ свойственнымъ ему лицемѣріемъ, показать при этомъ случаѣ весь ужасъ, съ какимъ онъ слышитъ о совершавшихся неистовствахъ. Уроки графа Оньято были, какъ нельзя лучше, поняты его ученикомъ. Разсчитывая, что цѣль его достигнута, онъ велѣлъ прекратить убійства и кровавая плаха, на которой погибло столько невинныхъ жертвъ, была разрушена въ Ноябрь того же года. Леопольдъ, какъ мы сказали, выказалъ притворное отвращеніе къ жестокостямъ, онъ даже казался растроганнымъ при видѣ вдовъ и спротивъ знаменитѣйшихъ мучениковъ. Казни и пытки продолжались не мѣнѣе девяти мѣсяцевъ! Но безчеловѣчный палачъ продолжалъ быть въ милости у императора. Леопольдъ оставилъ его комендантомъ верхней Венгріи и даже пожаловалъ ему орденъ Золотого Руна, украсивъ имъ грудь, въ которой было самое безчеловѣчное сердце. Вскорѣ послѣ того, а именно въ концѣ 1687 г., старшій сынъ Леопольда, Іосифъ, бывшій тогда не болѣе восьми лѣтъ, былъ коронованъ насмѣдственною короною Венгріи. Габсбургскій домъ достигъ наконецъ своей цѣли, къ которой такъ неусыпно стремился при содѣйствіи іезуитовъ и Антонія Караффы.

Выше, рассказывая о послѣдней судьбѣ Емерпка Тэкели, мы позволили себѣ забѣгать впередъ, упомянувъ и о его женѣ, Еленѣ Тэкели, знаменитой своимъ мужествомъ и стойкостью, съ какою она сопротивлялась австрійскимъ полкамъ. Во второй половинѣ 1687 г. она все еще держалась въ своемъ замкѣ Мункачѣ, все еще сопротивлялась силамъ императорскаго правительства. Она не упала духомъ даже послѣ несчастныхъ обстоятельствъ, принудившихъ ея мужа удалиться къ Туркамъ. Во все время, до самой сдачи Мункача, Елена одна держала всѣ нити обширнаго заговора, господствовавшаго въ верхней Венгріи. Нельзя не удивляться этой необыкновенной женщицѣ, которая оставалась вдали отъ своего мужа, одна лицомъ къ лицу съ столь страшнымъ врагомъ, каковъ былъ Леопольдъ и іезуиты, бывшая притомъ самою ревностною католичкою. Когда счастье и успѣхи измѣнили ея мужу она пожертвовала всеѣмъ: безчисленными

богатствами, положеніемъ въ свѣтъ, радостями жизни, и съ необыкновенною энергіей все-таки продолжала бороться за померкшую звѣзду Емерика. Когда же она увидѣла, что ужъ ни что болѣе не вызоветъ его снова стать за родную свободу и независимость, только тогда рѣшилась сдаться и добровольно послѣдовать, какъ видѣли, за нимъ въ изгнаніе. Три года съ-ряду, пренебрегая угрозами и силой Австрійцевъ, держалась она въ Мункачѣ, и только послѣ трехъ лѣтней осады рѣшилась сдать замокъ на капитуляцію. Ее и двухъ ея дѣтей отъ перваго брака съ Ракочи (Юліаной и Францомъ Ракочи), отправили въ Вѣну, гдѣ она провела еще три года въ монастырѣ урсулянокъ, а въ 1691 г. она была отпущена къ мужу, въ размѣнъ за австрійскаго генерала Гейстера, бывшаго въ плѣну у Турокъ. Елена умерла, какъ мы видѣли, въ Никомидіи, въ 1703 г., 60-ти лѣтъ отъ роду, и была погребена въ Перѣ, въ церкви іезуптовъ.

Казалось — все было кончено и народное дѣло Мадырь проиграно на всегда. Не смотря однакожъ на то, воспомнанія о прошедшемъ не исчезли совершенно изъ памяти народной. Въ Венгріи явился вскорѣ другой дѣятель, который тутъ же напомнилъ, что дѣло Емерика Тэкели не совсѣмъ окончено.

Въ 1701 году, когда война за испанское наслѣдство совершенно истощила Австрію, Мадыре снова взялись за оружіе по зову молодаго Ракочи, воспитаннаго матерью, какъ будущій мститель отечественной свободы. Въ 1704 году Мадыре достигли до самыхъ стѣнъ Вѣны, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ опустошали окрестности австрійской столицы. Австрія, истощенная борьбою съ Франціею, заключила съ ними въ 1711 г. сатмарскій договоръ, возвращавшій имъ политическую констатцію, ихъ гражданскіе законы, религіозную свободу и право повсемѣтнаго протеста магнатовъ и дворянства, бывшее однимъ изъ коренныхъ учрежденій мадырской конституціи, подтвержденное также особенной статьею золотой булы Андрея II. Это право, называвшееся *Insurrectio*, состояло въ протестаціи мадырскаго народа противъ рѣшеній короля, превышавшихъ его власть. При избирательномъ правленіи право это понятно. Съ того вре-

мени Маляре правили сами-собою. Ихъ неукротимый патриотизмъ стоилъ имъ ста тридцати семи лѣтняго спокойствія и благосостоянія. Первые пять возстаній не могли освободить ихъ, но все-таки обуздывали деспотизмъ Австрiи. Шестое — дало имъ возможность возстановить свой сеймъ, трибуналы, свободное установленіе налоговъ, и право сражаться подъ національнымъ знаменемъ.

ХІІІ.

Непосредственная связь, соединяющая возстаніе Емерика Тэкели, съ возстаніемъ Франца Ракочи, заставляетъ насъ войти также въ нѣкоторыя подробности и о личности этого послѣдняго двигателя народности мадарской. Въ ряду защитниковъ народной свободы племя великой дунайской долины, явленіе Ракочи занимаетъ не менѣе знаменательное мѣсто. Характеры, подобные Скандербегу и Яну Гуниади, Михану храброму и Стефану великому, — подобные Яну Заполъ, Бетленъ-Габору, Емерику Тэкели, и Францу Ракочи, далеко не вырождались вмѣстѣ съ своимъ вѣкомъ. И повѣйшее время воспроизводило не менѣе энергичныхъ народныхъ двигателей между племенами юго-востока, что показываетъ живучесть тѣхъ народныхъ токовъ, которые ключемъ бьютъ на огромномъ пространствѣ отъ верховьевъ Бескидъ, и до Матапанскаго мыса, отъ всего протяженія адриатическаго побережья и до береговъ малоазіатскихъ. Духовное общеніе этихъ племенъ, не смотря на религіозное ихъ разъединеніе, съ каждымъ днемъ усваиваетъ себѣ сознательное разумѣніе своихъ племенныхъ правъ, и время религіознаго фанатизма видимо начинаетъ уступать мѣсто округленію народностей юго-востока Европы.

Часто судьба цѣлаго народа связана съ судьбой одного человѣка, и въ этомъ отношеніи на Франца Ракочи нельзя не смотрѣть, какъ на продолжателя Емерика Тэкели, тѣмъ болѣе, что онъ съ самаго дѣтства имѣлъ передъ глазами примѣръ доблестной своей матери, Елены Тэкели. Правда,

изъ всего что извѣстно о Францѣ Ракочи, и изъ тѣхъ новѣйшихъ документовъ о немъ и его эпохѣ, изданныхъ недавно *), хоть и видно, что въ первые годы своей молодости, родная страна мало его занимала; но это объясняется тѣми предостереженіями, какими окружено было образованіе его втораго возраста. Вотъ почему считаемъ не излишнимъ познакомить нашихъ читателей, хотя вкратцѣ съ судьбою его молодости.

Въ предыдущей главѣ мы рассказали, какъ Елена Тэклъ послѣ сдачи Мункача, удалилась въ Вѣну вмѣстѣ съ дѣтьми своими Францомъ и Юліаною Ракочи. Къ нимъ приставленъ былъ, по назначенію Леопольда, опекуномъ, архіепископъ Колоничъ, который въ свою очередь выбралъ душеприказчика надъ имѣніями обоихъ Ракочи въ Венгріи, землинскаго вице-жупана Клобужицкаго. Францъ Ракочи былъ посланъ для воспитанія въ Чехію, гдѣ и провелъ пять лѣтъ, сначала въ Нейгаузѣ, потомъ въ Прагѣ, у іезуитовъ. Вернувшись въ Вѣну, онъ получилъ отъ императора позволеніе посѣтить Италію, гдѣ пробывъ не болѣе одного года и возвратившись снова въ Вѣну, былъ отправленъ съ порученіемъ на Рейнъ къ австрійскимъ войскамъ, и въ Кельнѣ женился на одной гессенской княжнѣ. Прибывъ опять въ Вѣну, уже женатымъ, онъ, хотя и съ большимъ трудомъ, получилъ отъ императора позволеніе посѣтить свои помѣстья въ Венгріи, гдѣ оставался весьма не долгое время и снова прибѣжалъ въ столицу Австріи. Вообще жизнь въ Вѣнѣ правилась ему болѣе другихъ мѣстъ. Видимо забывая Венгрію, одѣваясь постоянно по-нѣмецки, не употребляя никогда въ разговорѣ языка своей родины, онъ говорилъ иногда, что если-бы чувствовалъ въ себѣ хотя одно ребро, которое тянуло-бы его къ Венгріи, то непременно вырвалъ и выбросилъ-бы его отъ себя. Въ это время случилось въ Венгріи, въ комитатахъ, гдѣ были расположены помѣстья Ракочи, небольшіе безпорядки, которые были вскорѣ усмирены императорскими отрядами. Солдаты, преступая, какъ это обыкновенно случалось, власть свою, раззорили нѣсколько деревень, принадле-

---

*) См. выписку въ концѣ XIV главы.

жавшихъ Францу Ракочи, что заставило послѣдняго поспѣшить изъ Вѣны въ Венгрію, для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ и для остановленія дальнѣйшихъ раззореній. Приѣхавъ въ Кашаву, онъ узналъ, что военачальникъ, генераль Бодемонъ, получилъ приказаніе арестовать его безъ всякой видной причины, что заставило Ракочи поспѣшить въ Вѣну, гдѣ также узналъ отъ графа Марсилы, что уже сдѣлано распоряженіе о взятіи его подъ стражу. Испуганный Ракочи бросился къ своему духовнику Манеготти, котораго просилъ доложить Леопольду, что онъ желаетъ промѣнять свои венгерскія помѣстья на таковыя же въ другихъ областяхъ нѣмецко-австрійской имперіи. Леопольдъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, отказалъ ему въ этомъ, но съ другой стороны арестованіе Ракочи было отмѣнено. Прошло, такимъ образомъ, четыре года, и жизнь Франца не была ни чѣмъ возмущена, какъ вдругъ, въ Апрѣлѣ 1701 года онъ былъ схваченъ въ Венгріи, привезенъ въ Вѣну, и заключенъ въ ту самую темницу въ Винеръ-Нейштадѣ, въ которой нѣскольکو лѣтъ передъ тѣмъ былъ преданъ мучительной смерти дѣдъ его, съ матерней стороны, Петръ Црини.

Причины ареста Ракочи такъ темны, какъ темно все то, что дѣлалось тогда въ Австріи. Изъ извѣстій, сохранившихся объ этомъ обстоятельствѣ, можно вывести, что неосторожная откровенность Ракочи, которая была ничто иное, какъ обыкновенная болтовня, едва не погубила его предъ тревожнымъ, мучительно-подозрительнымъ правительствомъ. Въ этомъ однакожъ темномъ, но тѣмъ не менѣе любопытномъ дѣлѣ, является и другой случай. Въ Эперіесѣ былъ расположенъ по квартирамъ полкъ Людовика Баденскаго. Въ числѣ офицеровъ этого полка находился и одинъ молодой человекъ, который, по своему отличному образованію и пріятной наружности, привлекъ къ себѣ вниманіе Ракочи, а частыя свиданія съ нимъ сблизили такъ молодыхъ людей, что вскорѣ между ними завязалась самая тѣсная дружба. Молодой офицеръ назывался Лонгевилемъ и часто ѣздилъ къ Ракочи въ Сарось, имѣніе послѣдняго, расположенное не вдалекѣ отъ Эперіеса. Черезъ нѣсколько времени Лонгевиль получилъ домашній отпускъ въ Голландію, и Ракочи

поручилъ ему по этому случаю письмо къ Людовику XIV, котораго содержаніе, однакожь, никогда не было извѣстно. Это-то самое письмо чуть-было не погубило молодаго Мадяра. Вскорѣ однакожь, какъ рассказываютъ, Ракочи раскаялся въ своемъ порученіи, и убѣдительно просилъ Лонгевилля сжечь данное ему письмо, на что тотъ отвѣчалъ, что письмо уничтожено, и затѣмъ уѣхалъ изъ Эперіеса. Былъ ли онъ шпиономъ правительства, взявшій на себя печальную обязанность узнать направленіе и мысли Ракочи, или же онъ въ-самомъ-дѣлѣ хотѣлъ вовлечь его въ перепяску съ французскимъ дворомъ, рѣшить трудно. Но что онъ дѣйствовалъ противъ Ракочи нечисто, явствуетъ изъ того, что когда поздне привели его на очную ставку, Французъ не могъ прямо смотрѣть въ глаза Мадяру.

Не успѣлъ Лонгевилль уѣхать, какъ Ракочи получилъ отъ своей сестры Юліаны извѣстіе, что онъ былъ арестованъ въ Липци, и что при немъ найдены были письма мадярскихъ магнатовъ. Хотя это извѣстіе и разстроило видимо Франца, но онъ вскорѣ успокоился, увѣренный, что письмо его къ французскому королю было сожжено. Но вдругъ явился ночью въ Саросѣ отрядъ солдатъ, окружилъ замокъ, и, ворвавшись въ спальню Ракочи, схватилъ его съ постели, отвелъ сначала въ Эперіесъ, затѣмъ въ Нейштадъ, гдѣ онъ былъ заключенъ въ темницу, о чемъ мы упомянули уже выше. Въ то же время были схвачены и многіе другіе магнаты, какъ-то: Степанъ Ширманъ, Михаилъ Вай, Околиншани и Францъ Слуга. Берсени, которому также угрожало арестованіе, узнавъ объ этомъ въ-время и успѣлъ убѣжать въ Польшу.

Шесть мѣсяцевъ Ракочи находился въ заточеніи, и ему также удалось наконецъ спасти себя бѣгствомъ. Побѣгъ его изъ тюрьмы сопровождался довольно любопытными обстоятельствами, такъ-что мы рѣшаемся познакомить съ ними нашихъ читателей. Соучастникомъ его побѣга былъ вѣкто Леманъ, родомъ Пруссакъ, офицеръ австрійской службы. Находясь смотрителемъ тюрьмы, въ которой содержался Ракочи, онъ способствовалъ ему въ перепискѣ съ женою, передавая ей письма заключеннаго, и получая ея отвѣты. Отъ жены своей узналъ Ракочи, что короли Англій и Пруссій,

равно также курфирсть Майнцкій, сильно хлопотали объ его освобожденіи, что вѣроятно и склонило самого Лемана, надѣявшагося получить отъ своего узника богатое вознагражденіе, содѣйствовать и съ своей стороны къ его побѣгу. Однажды вечеромъ, осматривая дозоромъ часовыхъ, Леманъ подошелъ къ дверямъ, за которыми былъ заключенъ Ракочи и потребовалъ у стоявшаго здѣсь на часахъ солдата принести огня; но когда этотъ послѣдній замѣтилъ ему, что онъ не можетъ оставить своего поста, Леманъ сказалъ, что онъ самъ станетъ на часахъ до его прихода. Лишь только часовой удаллся, какъ Леманъ, отворивъ дверь темницы, и набросивъ на Ракочи солдатскую шинель, сказалъ ему удалться какъ можно скорѣе. Ракочи счастливо прошелъ мимо часовыхъ, но выйдя изъ воротъ въ незнакомыя улицы, онъ заблудился. Что-бы не возбудить подозрѣнія онъ прикинулся пьянымъ, такъ-что дорогу въ предмѣстье города указалъ ему какой-то пранорцикъ, онъ вышелъ въ городскія ворота именно въ то время, когда за нимъ затворяли ихъ. Еще минута, и онъ былъ бы схваченъ. Въ предмѣстьи, куда онъ вышелъ, въ домѣ какой-то вдовы, братъ Лемана, бывшій поручикомъ въ полку Монтекукули, держалъ готовую уже лошадь, на которой Ракочи поспѣшно усакала по направленію къ Дунаю, гдѣ на рыбацкѣй лодкѣ переѣхалъ на островъ Шютъ. Здѣсь какой-то хирургъ, Андрей Шпацъ, выбрилъ ему бороду, послѣ чего Ракочи, переправился снова на лѣвый берегъ Дуная и прибылъ въ Сарфэ. Здѣсь начальникъ почты, Стефанъ Ротъ, далъ ему лошадей и экипажъ, и хотя ямщикъ, который назывался Бондоръ, и узналъ славнаго магната, но не подалъ никакого вида, не смотря на то, что голову его успѣли уже оцѣнить и публиковать повсюду. Побѣгъ Ракочи произвелъ въ Нейштатѣ сильное волненіе. Леманъ объявилъ, что онъ убѣжалъ черезъ окно, и дѣйствительно стекло было выбито и отъ него до низу висѣла веревка, по которой, будто-бы, спустился арестантъ. Леманъ былъ взятъ подъ стражу, а Ракочи счастливо переѣхалъ польскую границу. Но жизнь его въ Польшѣ была полна тревогъ и опасеній. Онъ жилъ уединенно, часто переодѣваясь, мѣнялъ мѣста своего жительства, что-бы избѣжать корыстные виды

тѣхъ, для которыхъ, назначенная за его голову цѣна, могла бы направить противъ него ножъ убійцы. Долго переѣзжалъ онъ съ одного мѣста на другое и наконецъ достигъ Варшавы. Здѣсь встрѣтился онъ съ Берсени, который укрывался въ одномъ монастырѣ, и оба они зажили самою уединенною жизнью, потому что Августъ II не отказалъ-бы Леопольду въ выдачѣ этихъ магнатовъ. Только французскій посланникъ зналъ объ ихъ пребываніи въ Варшавѣ, гдѣ они скрывались одинъ въ монастырѣ, а другой у разныхъ польскихъ магнатовъ, французской партіи, впродолженіе почти двухъ лѣтъ. Ясно было, что французское правительство, покровительствуя тайно Ракочи, готовило въ Венгріи диверсію противъ Австріи. Когда Леопольдъ выслалъ противъ Франціи почти всѣ войска, занимавшія венгерскіе комитаты, оставивъ въ Дебрецинѣ одинъ только полкъ Монтекукули, элементы возстанія въ верхнихъ комитатахъ были достаточно собраны, и только недоставало имъ главнаго предводителя. Нѣкоторые изъ Мадяръ отправились тайно въ Польшу чтобы пригласить Ракочи, который не замедлилъ явиться на границѣ Венгріи въ Іюнѣ 1703 года. Тогда начали стекаться подъ его знамена нестройныя толпы поселянъ, и если бы остававшійся въ Дебрецинѣ полкъ тотчасъ началъ дѣйствовать противъ воставшихъ, то нѣтъ сомнѣнія, что по недостатку средствъ, Ракочи былъ бы разбитъ, не вступая даже во внутренніе комитаты Венгріи. Но безопасность Австрійцевъ дала ему возможность и время организовать довольно сильную армію, такъ-что Калло, Солнокъ и другія укрѣпленныя мѣста, переходя въ его руки, доставили ему возможность образовать также и артиллерійскій паркъ.

Быстро стало распространяться возстаніе. Отъ Вааза и до Седмиградія все населеніе объявило себя на сторонѣ Ракочи. Крѣпости: Нитра, Тренчинъ, Орава, Ликава, Мурани были осаждены разомъ. Весь островъ Шютъ, важный въ стратегическомъ отношеніи, присталъ также къ сторонѣ Ракочи. Возстаніе разлилось до границъ Моравіи. Леопольдъ, занятый войной съ Франціей, не могъ противопоставить волнующейся Венгріи, какъ только самыя незначительныя силы. Тогда онъ рѣшился войти въ переговоры съ смѣлымъ

предводителемъ недовольныхъ, и употребилъ для этого Павла Сечени, архіепископа Колоша. Не смотря на старанія Сечени склонить Ракочи къ перемирію, этотъ послѣдній не соглашался, видя съ каждымъ днемъ увеличивавшіеся успѣхи своего предпріятія. Въ это самое время явилось знаменитое его воззваніе, написанное его секретаремъ Радаи на прекрасномъ латинскомъ языкѣ, бывшее извѣстнымъ въ Венгрии подъ именемъ «rescruDESCUNT», словомъ, которымъ самое воззваніе начиналось. Въ немъ Ракочи излагалъ причины, побудившія его поднять оружіе противъ Австріи, что доставило ему еще болѣе приверженцевъ. Тогда же появилась и новая монета съ надписью «Libertas Hungariae». Онъ окружилъ себя великолѣпнымъ штатомъ и успѣлъ привлечь на свою сторону двухъ изъ знатнѣйшихъ мадярскихъ магнатовъ, графа Симона Форгаша, и двухъ графовъ Эстергази. Главные начальники, принявшіе его сторону, кромѣ сейчасъ поименованныхъ, были еще — Николай Берсени и Александръ Кароли. Самъ Ракочи оставался на Тиссѣ, чтобы покорить находившіеся по ея теченію императорскіе замки. Берсени занялъ долину Ваага, а Александръ Кароли, перейдя Дунай, пытался возмутить правый его берегъ. Города Штулвайсенбургъ, Сарваръ, Кэрмендъ, Капосваръ, Канпша и другіе, присягнули въ вѣрности Францу Ракочи. Отрядъ Кароли, остававшійся на правомъ берегѣ Дуная, простеръ свои опустошенія до самой Вѣны. Съ другой стороны Ракочи овладѣлъ двумя важными пунктами — Токаемъ и Эрлау. Епископъ этого послѣдняго города, Степанъ Телегди, былъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ поборниковъ возстанія. Положеніе генерала Гейстера, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи довольно ограниченное число войска, было не столько опаснымъ, сколько, можно-сказать, смѣшнымъ. Онъ мѣтался съ одной стороны Дуная на другую, такъ-что Кароли и Берсени играли имъ, и уклонялись войти въ рѣшительную съ нимъ битву. Если Гейстеръ переправлялся на правый берегъ Дуная, Кароли отступалъ, а съ лѣваго берега направлялъ Берсени. Гейстеръ спѣшилъ напасть на него, а онъ быстро удалялся, что-бы дать въ свою очередь возможность своему товарищу привлечь на другой берегъ Гейстера, такъ

что этотъ послѣдній пришелъ въ совершенное изнеможеніе.

Рѣкочи, между-тѣмъ, приготовлялся нанести Австрійцамъ самый чувствительный ударъ. Онъ рѣшился овладѣть укрѣпленнымъ Нейгаузелемъ, куда направилъ изъ Кашавы, сдѣлавшейся ему не задолго передъ-тѣмъ, осадныя орудія. Генераль Гейстеръ, получивъ въ то время помощь изъ Баваріи, спѣшилъ встрѣтиться съ предводителемъ Мадяръ, который съ своей стороны также пошелъ ему на встрѣчу. Битва произошла у Тырnavы, во второй день Р. X. (26-го Декабря) 1704 года. Сраженіе это было несчастнымъ для Рѣкочи. Нѣмецкіе дезертиры, служившіе въ его рядахъ, измѣнили, и во время схватки, обратили оружіе свое противъ Мадяръ. Хотя Рѣкочи и не былъ разбитъ, но долженъ былъ отступить, сохраняя такимъ образомъ свою армію, которая, однакожь, начала утрачивать свое нравственное обаяніе.

Приверженцы Рѣкочи были столь многочисленны, что онъ въ состояніи былъ удѣлать графу Форгашу 14,000 чело-вѣкъ для подчиненія Седмиградіи. Но Форгашъ, ведя жизнь разгульную, проводя все время въ шпрахъ и увеселеніяхъ, былъ неспособенъ привести въ исполненіе порученное ему завоеваніе Седмиградіи. Отрядъ его, разбѣянный по равнинамъ этой богатой области, предавался, подобно своему начальнику, безчестіямъ и тунеядству. При этихъ обстоятельствахъ, когда во всей Венгріи кипѣло движеніе, когда со всѣхъ сторонъ страна эта была въ огнѣ, умеръ императоръ Леопольдъ (5-го Мая 1705 г.), носившій королевскій вѣнецъ Венгріи втеченіе почти полу столѣтія. Со смертію его Рѣкочи задумалъ идти по слѣдамъ своего предшественника, Тэкели, и войти въ сношенія съ Турками.

XIV.

Было-ли искренно желаніе новаго императора Юсѳа I помириться съ Мадярами? Мы знаемъ, что Габсбурги, избираемые на престолъ Венгріи, должны были при коронаваніи ихъ въ корони этой страны, приносить торжественную клят-

ву на конституціи св. Стефана, и обѣщать сохраненіе всѣхъ правъ и вольностей, дарованныхъ мадарскому народу прежними его королями. Новый властитель Австріи, что-бы быть избраннымъ въ короли Венгрии, не замедлялъ выразить свое голословное желаніе о сохраненіи народу его древнихъ правъ. Это самое вызвало со стороны Ракочи также желаніе примирить обѣ враждующія стороны. Онъ написалъ Иосифу, что готовъ первый присягнуть ему въ вѣрности, если онъ дѣйствительно рѣшается отбѣнить тѣ начала узурпаціи, которыя введены были въ Венгрію министрами его предшественника. Императоръ уклонился отъ прямого отвѣта, и война снова возгорѣлась въ горахъ и равнинахъ Венгрии. Австрійскій генералъ Гербервальдъ, смѣнившій Гейстера, успѣлъ завлечь Ракочи къ Пудмерцу, гдѣ, разбивъ его войско, овладѣлъ тридцатью орудіями и сорока шестью знаменами. Въ войскѣ Мадаръ находилось нѣсколько французскихъ офицеровъ, а при Ракочи состоялъ въ качествѣ французскаго дипломатическаго агента Дезалеръ, игравшій впоследствии немаловажную роль въ его судьбѣ. Но ни офицеры, ни Дезалеръ не были въ состояніи ввести въ необузданную рать Мадаръ военную дисциплину, такъ-что держаться имъ въ открытомъ полѣ, противъ австрійскихъ полковъ, было невозможно. Ракочи возлагалъ большія надежды на Францію, откуда съ нетерпѣніемъ ожидалъ оружія и денегъ, въ чемъ постоянно поддерживалъ его агентъ этого правительства. Но ни денегъ, ни оружія онъ не получалъ.

Иосифъ между тѣмъ, желая скорѣе утихомирить Венгрію, что-бы удалить отъ нея французское вмѣшательство, предложилъ созвать конгрессъ въ Тырнавъ. Сюда явились, какъ посредники враждующихъ сторонъ, послы англійскій и голландскій. Какъ для Англии, такъ и для Голландіи усмиреніе Мадаръ было необходимо, потому что оно доставляло Австріи возможность вмѣшаться въ войну за испанское наслѣдство. Кромѣ этихъ двухъ посредниковъ явился еще третій, это была сестра Ракочи, графиня Юліана Аспремонъ, которая также всѣми силами старалась склонить брата своего къ миру и покорности. Но ни она, ни иностранные посред-

ники не могли ни въ чемъ успѣть. Ракочи крѣпко держался за полную независимость Венгрии, предлагая Иосифу одну номинальную власть надъ этою страной.

Видя тщетными свои усилія, Ракочи рѣшился еще во время тырнавскихъ переговоровъ обратиться къ Туркамъ, къ чѣму не менѣе возбуждалъ его и французскій агентъ Де-залеръ. Въ Юнѣ 1706 года онъ отправилъ въ Константинополь двухъ своихъ уполномоченныхъ, Хорвата и Папая. Богатые подарки, которые они привезли великому визирю и капу-кехаѣ, доставили имъ легкій доступъ въ порту, гдѣ они нашли поддержку и во французскомъ посланникѣ, извѣстномъ уже намъ, Феріолѣ. Этотъ послѣдній всѣми силами работалъ, что-бы убѣдить султана послать помощь Ракочи, но ни онъ, ни малярскіе уполномоченные, не могли успѣть въ своемъ предпріятіи. Австрійскій посланникъ, при содѣйствіи одного іезуита изъ французскаго посольства, подкупивъ также какую-то ренегатку - Нѣмку, Фатьму, имѣвшую доступъ въ гаремъ одного изъ высшихъ сановниковъ порты, разузнавалъ обо всемъ что ни предпринимали агенты Ракочи. Узнавъ, какая сумма была поднесена великому визирю и капу-кехаѣ, онъ удвоилъ ее, и кромѣ того, расположивъ на сторону Австріи великаго муфтія и драгомана порты Маврокордато, предложилъ каждому изъ нихъ по тысячи червонцевъ. Дѣло малярской партіи было проиграно и Ракочи рѣшился продолжать войну собственными средствами.

И онъ продолжалъ ее до самой смерти Иосифа, когда нашлся вынужденнымъ въ свою очередь удалиться въ чужія края. Счастіе Ракочи начало ему измѣнять съ-тѣхъ-поръ, когда французское правительство прекратило всякую поддержку съ своей стороны, ему обѣщанную. Кромѣ того, проигранное имъ сраженіе при Тренчинѣ (въ августѣ 1708) повлекло за собою самыя гибельныя послѣдствія для малярской партіи. Армія Ракочи начала распадаться; нѣкоторые изъ его приверженцевъ измѣнили ему, и въ-особенности храбрый Бесереды, собственноручно убившій втеченіе этой войны семьдесятъ два офицера австрійской арміи, хотѣлъ также перейти на сторону императора. Намѣреніе его было открыто, онъ былъ арестованъ и по приговору совѣ-

та, лишень былъ жизни. Но не смотря на эти примѣры строгости, Ракочи не могъ уже удержать строгой дисциплины и порядка въ рядахъ своей арміи, а потеря Симонторни, Весприма, и разбитіе корпуса Берсени, заставили его снова обратиться къ высокой портѣ, куда были тайно отправлены Михаилъ Телеки, Саки и Янъ Папъ.

Уполномоченные Ракочи поѣхали на Темесваръ, гдѣ были съ честію приняты намѣстникомъ султана, Гассанъ-пашой; но австрійскій резидентъ въ Константинополѣ, Тальманъ, узнавши объ ихъ прибытіи, громко протестовалъ противъ пріема, сдѣланнаго имъ Гассаномъ и требовалъ, что-бы ихъ вовсе не слушали и не пускали далѣе. Что-бы устранить всякія непріязненныя столкновенія съ Австріей, Гассанъ-паша удержалъ уполномоченныхъ въ Темесварѣ, а письма ихъ отправилъ въ Константинополь съ однимъ французскимъ полковникомъ. Ракочи просилъ помощи, просилъ признать его, подобно какъ его предшественника Тэкели, королемъ Венгрии, и извѣщалъ, что если оставятъ его безъ поддержки, онъ обратится за нею къ Польшѣ и Швеціи. Великій визирь Али-паша-Чорли былъ на сторонѣ Ракочи, великій же муфти—противъ него. Порта была-бы и не прочь вмѣшаться въ дѣла Венгрии, если-бъ болѣе важныя обстоятельства не заставили ее искать тѣснѣйшаго союза съ Австріей. Обстоятельства эти были отношенія ея къ Россіи, съ которой война казалась неминуемой (1711 г.). Ракочи снова былъ оставленъ одинъ.

Обманутые въ надеждѣ получить помощь извнѣ, приверженцы Ракочи стали охладѣвать къ своему предводителю. Довѣріе, которое они питали къ нему, сильно поколебалось и тѣмъ обстоятельствомъ, что Іосифъ объявилъ общую амнистію всѣмъ недовольнымъ Мадырамъ, за исключеніемъ Ракочи и Берсени. Эта амнистія, сопровождаемая пораженіемъ Кароли въ Седмиградіи, и Ракочи при Вадкертѣ, заставила послѣдняго откинуться къ границамъ Польши. Города верхней Венгрии одинъ-за-другимъ начали сдаваться Австрійцамъ, и Андраси отворилъ имъ ворота Нейзоля. Въ слѣдъ за нимъ сдались Нейгаузель, Эрлау и Эперіесъ. Кругъ дѣйствій Ракочи съ каждымъ днемъ уменьшался.

Во время этих неудач и поражений, Иосифъ, сильно желавшій усмирения малярскихъ смуть, поручилъ графу Пальфи еще разъ войти въ мирные переговоры съ вождемъ недовольныхъ Мадяръ. Въ этихъ переговорахъ Ракочи явился вполне достойнымъ высокаго своего призванія и цѣли, къ которой онъ стремился. Пальфи обратился къ Александру Кароли, и просилъ доставить ему случай видѣться съ Ракочи. Свиданіе было назначено въ небольшомъ городкѣ Фая, куда они не замедлили съѣхаться. Говоря отъ имени императора, Пальфи предложилъ Ракочи полное забвеніе прошедшаго, возвращеніе ему всѣхъ его имѣній, и восстановленіе въ прежнихъ правахъ, за исключеніемъ права, какое онъ имѣлъ на владѣніе Седмиградіей. Кроме того императоръ облыбывался утвердить прежнія права Венгріи и Трансильваніи. Ракочи отвѣчалъ, что готовый принять эти предложенія, онъ, имѣя въ виду благоденствіе малярскаго народа, безъ сената и безъ штатовъ ничего рѣшительнаго сказать не можетъ. Какъ частное лицо, онъ также не желаетъ входить ни въ какія условія, что-бы не показаться въ глазахъ своихъ земляковъ человѣкомъ своекорыстнымъ и измѣнникомъ общественныхъ интересовъ своей родины. Переговоры продолжались всю ночь; на разсвѣтѣ они разстались. Черезъ нѣсколько дней Ракочи пригласилъ на совѣщаніе членовъ конфедеративнаго сената, которые находились въ ближайшихъ комитатахъ. Сообщивъ имъ предложеніе императора, они отвѣчали, что вопросъ о мирѣ долженъ быть рѣшенъ полнымъ собраніемъ сената и комитатскихъ штатовъ всей Венгріи. Тогда Ракочи предложилъ имъ другой вопросъ: долженъ-ли онъ укрѣпиться въ Мункачѣ и ждать отъ времени разрѣшенія вопроса мира или войны, или же ѣхать тотчасъ въ Польшу и просить помощи у Петра-Великаго, котораго ждали тогда въ этой странѣ? Последнее предложеніе болѣе всего понравилось Мадярамъ, которые, надѣясь на быстро-возраставшую власть русскаго царя, поспѣшили одобрить мысль, поданную имъ предводителемъ, вслѣдствіе чего Ракочи отправился въ Польшу *).

*) Эти и другія любопытныя подробности изложены у Вагнера: *Historia Josephi*, помѣщенная у Катоны — *Hist. critica t. XXXVII*. См. также *Historie des Révolutions de Hongrie. t. I*.

Антонъ Эстергази и многіе другіе изъ его друзей и приверженцевъ, которые рѣшились до конца раздѣлить участь своего предводителя. Кратковременное пребываніе его въ Польшѣ, есть самая темная сторона его многотрудной дѣятельности. Намѣреніе его вступитъ въ сношенія съ Петромъ - Великимъ не осуществилось. Вскорѣ послѣ того прибылъ, почти слѣдомъ за нимъ, и Кароли, котораго послалъ Пальфи съ новыми предложеніями. Вообще этотъ Кароли, съ-тѣхъ-поръ, какъ вошелъ въ сношенія съ Пальфи, сдѣлался чрезвычайно подозрительнымъ къ тѣмъ немногимъ приверженцамъ, которые оставались еще при Ракочи. Они даже совѣтовали ему арестовать его, но Ракочи, видя, что влияние его со дня на день слабѣетъ, не хотѣлъ исполнить желанія своихъ друзей. И онъ и его приверженцы были правы. Кароли, возвратившись въ Венгрію, еще тѣснѣе сошелся съ Пальфи, и скорѣ послѣдняя твердыня недовольныхъ Мадяръ, Кашава, сдалась австрійскимъ войскамъ. Тогда заключенъ былъ между обѣими сторонами договоръ въ Сатмарѣ (29 - го Апрѣля 1711 года), по которому объявлено было всепрощеніе всѣмъ воевавшимъ подъ знаменами Ракочи; даже ему самому объявлена была свобода возвратиться въ Венгрію и довольствоваться свободнымъ пользованіемъ своихъ имѣній. Но Ракочи, имѣя въ виду содѣйствіе Франціи, оставилъ Польшу, и сопутствуемый своими друзьями, уѣхалъ въ Парижъ.

Шесть лѣтъ провелъ онъ здѣсь въ совершенномъ бездѣйствіи, когда новая война снова вызвала его на сцену дѣйствій. Австрія готовилась отнять у Турокъ Бѣлградъ. Приготовленія съ обѣихъ сторонъ были громадны. Тогда-то султанъ вспомнилъ о Ракочи, къ которому былъ отправленъ нарочный ага, пригласить его въ Турцію. Онъ прибылъ въ Адрианополь, гдѣ былъ принятъ султаномъ со всѣми знаками отличія, потому что обстоятельства принудили Турокъ смотрѣть на него, какъ на владѣтельнаго князя Венгрии. Но взятіе Бѣлграда въ Августѣ 1717 года, и затѣмъ миръ, заключенный въ Пожаревцѣ, отняли у него и послѣднюю надежду быть когда-либо полезнымъ своей родинѣ *).

*) Довольно подробный сводъ главнѣйшихъ событій о возмущеніи Ф. Ра-

XV.

Договоромъ въ Сатмарѣ окончилось возмущеніе, котораго двигателемъ былъ, какъ мы видѣли, Францъ Ракочи. Возмущеніе это было седьмымъ въ ряду тѣхъ, которыя неоднократно побуждали Мадяръ обнажать мечъ свой противъ преобладанія австрійскаго дома. Оканчивая нашъ рассказъ неудавшеюся попыткой Франца Ракочи, полагаемъ, что краткій обзоръ предшествовавшихъ движеній Мадяръ будетъ весьма кстати, что-бы дать, по-крайней-мѣрѣ, понятіе, какой характеръ преобладалъ во всѣхъ этихъ движеніяхъ.

Первое изъ нихъ вспыхнуло тотчасъ послѣ несчастной битвы при Могачѣ (29-го Августа 1526), въ которой погибъ король Лудовикъ. Янъ Заполя былъ выбранъ одною частію Венгріи въ короли, между тѣмъ какъ другая признала Фердинанда I. Долголѣтняя война этихъ двухъ партій, была войной за обладаніе венгерскимъ престоломъ; она не касалась конституціонныхъ учреждений Мадяръ. По обоюдному соглашенію Фердинанда съ Заполей, положено было, что, въ случаѣ смерти послѣдняго, Седмиградія должна будетъ подчиниться Фердинанду. Но Янъ Заполя оставилъ малолѣтняго сына, котораго мать, желая удержать за нимъ права ея мужа, обратилась за помощію къ Туркамъ. Слѣдовательно характеръ борьбы Заполи, какъ мы сказали, былъ чисто завоевательный, а не преобразовательный. Второе возмущеніе было поднято *Степаномъ Бочкаемъ*, княземъ Седмиградскимъ. Рудольфъ вынужденъ былъ уступить силѣ, и вѣнскимъ договоромъ (1606), долженъ былъ по неволѣ при-

---

кочи, находится у Феслера, — Die Geschichten der Ungarn und ihrer Landschaften. t. IX. Затѣмъ у Майлата, — Geschichte der Madjaren, t. III. (новое изданіе, Regensburg, 1853). Но совершенно въ новомъ свѣтѣ являются событія этой эпохи въ недавно изданныхъ: «Actenstücke zur Geschichte Franz Rakoczy's und seiner Bedingungen mit dem Auslande,» взятыхъ изъ бумагъ Кэкенэсди Фетеса, бывшаго агента Ракочи въ Баваріи, Франціи, Пруссіи и Россіи, съ 1705—1715 г. Они изданы Іосифомъ Фидлеромъ въ Вѣнѣ, 1855. въ собраніи Fontes rerum Austriacarum t. IX.

знать свободу протестантскаго вѣроисповѣданія въ Венгріи. Третья борьба между австрійскимъ преобладаніемъ и чисто-мадарскимъ элементомъ, была поднята, и блистательно подержана Гавріиломъ Бетленомъ, или, какъ онъ обыкновенно назывался, по древнему мадарскому обычаю ставить имя послѣ фамиліи, *Бетлень-Габоромъ*. Избранный въ короли Венгріи, но не коронованный, хотя и держалъ въ рукахъ своихъ вѣнецъ и регалии св. Стефана, Бетлень принялъ сторону протестантовъ Чехіи, и политическія выгоды, которыхъ онъ ожидалъ отъ союза противъ Австріи, побудили его тѣснѣе вступить съ ними въ союзъ, равно также и съ Моравіей и съ другими возмущившимися противъ Австріи народами. Сила и власть Бетлена съ каждымъ днемъ увеличивались, такъ-что, въ 1617 году онъ осадилъ Вѣну, занялъ Эденбургъ, и, заставивъ ихъ присягнуть себѣ, возвратился въ Ноябрѣ въ Пресбургъ. Полководцы императора Фердинанда избѣгали рѣшительнаго сраженія, и самъ Фердинандъ вынужденъ былъ посредствомъ мирныхъ переговоровъ возстановить въ Венгріи свое владычество. Десять лѣтъ еще Бетлень продолжалъ борьбу съ Австріей, именно до никольсбургскаго трактата, который состоялся въ Лейтшау, въ концѣ Декабря 1627 года; но и тутъ обманутый австрійскою дипломатіей, онъ, хотя и соблюдалъ условія мира до конца своей жизни, но тайнѣ участвовалъ во всѣхъ пропскахъ противъ Австріи и былъ въ постоянныхъ связяхъ съ Густавомъ-Адольфомъ. Онъ умеръ черезъ два года (1629) послѣ никольсбургскаго мира, и очистилъ мѣсто другому дѣятелю, *Георгу Ракоци*, сражавшемуся подъ его знаменами. Это было четвертое возмущеніе Мадарь, поднявшихся противъ Фердинанда III, что-бы заставить его признать свободу протестантскаго вѣроученія. Въ Августѣ 1645 года былъ заключенъ миръ, которымъ Фердинандъ утвердилъ снова права мадарскихъ протестантовъ всѣхъ состояній, что было вторымъ основаніемъ, на которое неоднократно упирался Мадаре впоследствии. Первое законное основаніе, какъ мы видѣли, положено было Бочкаемъ. Замѣтимъ еще кстати, что Георгъ Ракоци, былъ первымъ изъ седмиградскихъ князей, ратовавшихъ противъ Австріи безъ турецкой помощи.

Затѣмъ слѣдовалъ обширный, но неудавшійся заговоръ *Црини, Надасти и Франджитани*. Захваченный во-время топоромъ и пыткой, онъ не успѣлъ развиться, но зато, вызвалъ, какъ видѣли, страшнаго борца, *Емерика Ткели*, котораго девизомъ была защита отечественной свободы. Опираясь на помощь Турціи, поддерживаемый вліяніемъ и интригами Франціи, онъ, не смотря на то, что былъ ревностнымъ протестантомъ, отнюдь не употреблялъ новое вѣроученіе орудіемъ въ борьбѣ своей съ австрійскимъ домомъ. Виды его были шире, стремленіе его благороднѣе. Какъ тѣ, такъ и другія высказывались въ непогихъ словахъ, которыя, какъ мы видѣли, были начертаны на знаменахъ его дружины. Правда, судьба его зависѣла отъ успѣха или отъ неудачи турецкаго оружія, и явившись подъ стѣнами Вѣны вмѣстѣ съ трехъ-сотъ-тысячной арміей Кара-Мустафы, онъ кончилъ жизнь свою въ изгнаніи, поддерживая остатокъ дней своихъ скудными милостями султана. За нимъ слѣдомъ явился *Францъ Ракочи* предводителемъ угнетенныхъ Мадяръ, или, какъ называли ихъ современные австрійскіе бюрократы, — *Malkontenten* — недовольными. Обманутый надеждой на турецкую помощь, слабо поддержанный Франціей, онъ не могъ устоять одинъ противъ силы австрійскаго оружія, и въ свою очередь, подобно Емернку Ткели, кончилъ жизнь свою, какъ увидимъ, въ изгнаніи.

Нужно сказать, что изъ числа этихъ семи возстаній, первыя четыре были счастливы для Мадяръ. Стремленіе Австріи къ преобладанію надъ Венгріей было задержано кипучею ихъ энергіей. Янъ Заполя на лезвіи сабли своей вынесъ королевское достоинство, Седмиградскую область и часть Венгрии. Бочкай добился также преобладанія надъ частію Венгрии, и законнаго признанія новаго вѣроученія. Бетленъ Габоръ доставилъ Венгрии еще болѣе правъ, нежели его предшественники, а Георгъ Ракочи заставилъ Австрію вторично подтвердить свободу протестантовъ. Слѣдовавшія затѣмъ остальные три возстанія, были, какъ для Мадяръ, такъ и для ихъ предводителей, не только что неудачны, но и несчастны. Много могли бы выиграть Црини, Надасти и Франджитани отъ Турокъ, если-бы не преждевременная ихъ смерть;

потому что въ эпоху, когда они рѣшились возстать противъ австрійскаго владычества, турецкое завоеваніе въ пограничныхъ земляхъ съ Австріей было въ самомъ разгарѣ. При Тэкели поддержка Турціи оказалась безплодною, потому что самая власть османовъ въ Европѣ, достигшая зенита своей силы, не пошла далѣе, а видимо стала склоняться къ упаденію. Необходимо прибавить однакожь, что ни одно изъ этихъ семи возстаній не имѣло характера религіозныхъ распрей: онѣ были чисто политическаго направленія, и вопросъ, который онѣ стремились разрѣшить, былъ тотъ самый, который и въ настоящее время бродитъ въ народахъ юго-востока Европы. Это былъ вопросъ своеобразнаго народнаго развитія. Хотя обезпеченіе свободы протестантскаго вѣроученія и находилось въ тѣсной связи съ движеніемъ народнымъ, оно однакожь ни чуть не составляло главную цѣль этихъ движеній, и Бочкай и Георгъ Ракочи, хотя и являлись поборниками и защитниками протестантскихъ идей, но они болѣе всего ижили въ виду обезпеченіе народной свободы.

Мы сказали, что послѣдній изъ этихъ семи двигателей, Францъ Ракочи, умеръ въ изгнаніи, подобно своему предшественнику Тэкели. Дѣйствительно, вызванный султаномъ Ахметомъ III, онъ прибылъ въ турецкую землю полный надеждъ, но онѣ были разсѣяны штыками имперцовъ. Послѣ мира въ Пожаревцѣ, Ракочи поселился въ Еникюе, неподалеку отъ Константинополя; но подозрительный австрійскій дворъ, не могъ быть покоенъ, зная, что на европейскомъ материкѣ, хотя и у преддверій Азии, свободно проживаетъ человекъ, бывшій такъ недавно его страшнымъ врагомъ. Дворъ этотъ не могъ успокоиться доколѣ резидентъ его въ Цареградѣ, Тальманъ, не вынудилъ у Порты согласія переселить Ракочи куда нибудь подальше. Турецкое правительство назначило ему мѣсто жительства въ небольшомъ городкѣ Родосто, лежащемъ на Мраморномъ морѣ, между тѣмъ, какъ нѣкоторыхъ изъ его приверженцевъ, рѣшившихся раздѣлить участь своего предводителя, переселило въ Малую Азію.

Семнадцать лѣтъ жилъ еще Францъ Ракочи въ Родосто, проводя жизнь свою въ совершенномъ одиночествѣ, развле-

кая иногда себя охотой и мучась подъ-часъ прппадкамъ по-дагры. Онъ постоянно пиѣлъ своихъ агентовъ въ Венгріи и при высокой Портѣ; но напрасны были всѣ его труды, всѣ предположенія, потому что каждый его шагъ, скажемъ болѣе, каждая его мысль была извѣстна австрійскому резиденту въ Цареградѣ. Какимъ образомъ успѣвалъ этотъ послѣдній слѣдить за изгнанникомъ такъ зорко, было весьма просто: духовникомъ Ракочи былъ одинъ іезуитъ, подкупленный австрійскимъ резидентомъ, котораго онъ постоянно извѣщаль о дѣйствіяхъ своего духовнаго сына. Получая отъ Порты самое скромное содержаніе, Ракочи кое-какъ переживалъ длинный остатокъ своихъ дней и умеръ скоропостижно въ апрѣлѣ 1735 года. Внутренности его были погребены въ Родосто, въ оградѣ православной церкви; тѣло же его, набальзамированное, отправлено было на кораблѣ въ Константинополь и похоронено въ іезуитской церкви, рядомъ съ тѣломъ его матери, Елены Црини. Сердце свое онъ завѣщаль отвезти и предать землѣ во Франціи. Умирая, онъ оставилъ письмо къ султану Махмуду, котораго благодарилъ, равно какъ и его предѣстника за покровительство и защиту, оказанныя ему въ изгнаніи, и просилъ не оставлять своихъ друзей, оставшихся ему вѣрными до конца и раздѣлившими добровольно его участь. Но большая часть изъ нихъ еще прежде его смерти, не вынесли ударовъ судьбы, а главнѣйшій изъ нихъ, Берсени, обрѣлъ вѣчный покой въ той же самой іезуитской церкви въ Галатѣ, гдѣ лежалъ уже его вождь и соратникъ.

С. ПАЛАУЗОВЪ.

ТРУДЪ И КАПИТАЛЪ,

ГЛАВА I,

въ которой читатель знакомится съ героями повѣсти.

Просимъ читателя перенестись въ Берлинъ, на одну изъ самыхъ отдаленныхъ улицъ, въ пяти-этажный, нештукатуренный домъ, почернѣвшій отъ старости и непогоды.

Мы въ маленькой, невзрачной комнаткѣ пятого этажа, единственное окно которой выходитъ къ брандмауеру сосѣдняго дома. Сырость и холодъ безвыходно господствуютъ въ комнатѣ; стѣны и потолокъ потрескались и штукатурка съ ихъ мѣстами обвалилась, обнаживъ темный кирпичъ. Скучная мебель, состоящая изъ ветхаго дивана, письменнаго стола грубой работы, двухъ-трехъ стульевъ и кровати свидѣтельствуетъ о крайней бѣдности хозяина квартиры. По столу, стульямъ и дивану разбросаны бумаги, книги и принадлежности туалета. Нѣкоторые, предметы, именно тѣ, которые, повидимому, рѣже въ употребленіи, покрыты густымъ слоемъ пыли, нѣкоторые даже заплѣснѣли отъ сырости. По всему замѣтно, что хозяинъ не имѣетъ времени или охоты заниматься своей обстановкой. А живетъ въ описанной нами комнатѣ кандидатъ философій, котораго зовутъ Францемъ Мейеромъ. Ему лѣтъ двадцать съ небольшимъ. Это блѣдный, худой молодой человѣкъ, меньше средняго роста, съ лицомъ, носящимъ на себѣ печать усталости и нѣкотораго унынія, но съ высокими благороднымъ лбомъ, съ большими полными души голубыми глазами и гордымъ поворотомъ головы — одна изъ тѣхъ наружностей, въ которыхъ молодость споритъ съ выраженіемъ постояннаго умственного труда, подъ напоромъ двухъ

повидимому, несогласныхъ двигателей душевныхъ силъ, нужды и нравственнаго долга.

Францъ Мейеръ былъ единственный сынъ фабричнаго конторщика, Иосифа Мейера, и жены его, Марьи. Отецъ Франца, честный, трудолюбивый бюргеръ, жилъ маленькимъ жалованьемъ котораго едва доставало на покрытіе издержекъ его семейства. Онъ былъ человекъ весьма не глухой, кой-чему учился, но какъ по бѣдности, такъ и по желанію своихъ родителей, рано оставилъ школьную скамью, и, совершенно наперекоръ своему призванію, опредѣлился сначала въ контору писцемъ, а окончилъ конторщикомъ.

Сознаніе неисполненнаго призванія навсегда разочаровало Иосифа Мейера и, вѣроятно, ускорило его смерть: онъ умеръ пятидесяти съ небольшимъ лѣтъ. Въ-особенности въ послѣднее время своей жизни, когда въ подрастающемъ сынѣ онъ уже могъ мысленно переживать свою собственную, богатую надеждами, юность, когда всякій урокъ, заданный мальчику въ гимназій, напоминалъ Иосифу такой же урокъ, когда-то затверженный имъ самимъ; когда въ спорахъ между товарищами Франца все чаще стали рѣшаться, при старикѣ, вопросы современной науки, онъ глубже почувствовалъ и яснѣе понялъ, что, при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ могъ бы употребить прожитое время на болѣе полезное дѣло, чѣмъ на занятіе конторскими счетами.

Тогда старикъ, еще съ большимъ жаромъ, принялся за чтеніе ученыхъ сочиненій, изъ которыхъ дѣлалъ выписки и нагружалъ память фактами и цитатами, которыя съ трудомъ уживались въ головѣ его съ заботами о насущномъ хлѣбѣ.

Посреди этой поздней гоньбы за потеряннымъ временемъ, Иосифа Мейера часто настигали минуты тяжелаго разочарованія въ собственныхъ силахъ, безотраднaго унынія, почти отчаянія: онъ запирался въ своемъ кабинетѣ и, горько упрекая судьбу въ своемъ неудавшемся существованіи, плакалъ жгучими слезами, пожилаго человекa, слезами, которыхъ болѣе не въ состояніи осушить розовая надежда на будущность. Но изъ этихъ одинокихъ бесѣдъ съ судьбою, Иосифъ Мейеръ всегда выносилъ бодрую увѣренность въ непрерывную связь поколѣній, изъ которыхъ одно передаетъ другому плодъ своихъ стремленій и опытовъ, вѣряя ему довершеніе того, чего не успѣло или не могло само сдѣлать. И старикъ переносилъ всѣ надежды на своего сына. Онъ часто толковалъ Францу о величій грядущихъ поколѣ-

ній; онъ любилъ рисовать передъ нимъ идеаль челоуѣка, въ томъ видѣ, какъ его понимаетъ самая смѣлая мысль современной науки высотѣ полного развитія общественной жизни. И говоря объ этомъ, старикъ доходилъ до пламеннаго энтузіазма, изливавшагося то слезами, то теплою молитвою. Его вѣра въ лучшій порядокъ вещей была такъ глубока, что когда онъ выражалъ ее, чувство его невольнo сообщалась слушателямъ.

А ихъ обыкновенно было двое, жена его и сынъ; оба они мало понимали старика, но чувство обoимъ замѣняло пониманіе. Францъ хотя и былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы заглядывать въ будущность, о которой говорилъ отецъ, однако восприимчивымъ сердцемъ всасывалъ теплое слово отца и хранилъ его въ молодой памяти. Упованія и обѣты Юсіафа были для Франца источникомъ, изъ котораго онъ позже почерпалъ утѣшеніе каждый разъ, когда уныніе, вслѣдствіе неудачъ въ жизни, готово было овладѣть имъ, каждый разъ, когда горькая слеза нужды навертывалась на его рѣсницахъ, молодой челоуѣкъ часто удивлялся, вспоминая рѣдкій умъ и душевную теплоту старика, который всю жизнь провелъ въ сухой, тяжелой борьбѣ за дневное пропитаніе.

Въ университетѣ Францъ былъ первымъ студентомъ на избранномъ имъ факультетѣ; профессоры гордились имъ, товарищи постоянно искали его совѣта и помощи, зная, что для его способностей и трудолюбія трудности въ наукѣ не существуютъ. За окончательный экзаменъ онъ былъ удостоенъ золотой медали и званія кандидата философіи. Францъ велъ скромную жизнь, на которую доставало ничтожныхъ доходовъ его съ частныхъ уроковъ. Онъ почти не выходилъ изъ дому, и ни съ кѣмъ не знакомился; его стоическое уединеніе было полнымъ отчужденіемъ отъ всего внѣшняго міра. Страстно отдавшись наукѣ, Францъ на нее одну тратилъ всю теплоту своего безпріютнаго сердца, въ ней онъ жилъ своими мечтами и надеждами; въ ней находилъ радости и утѣшенія, энергію и обновленіе утомленныхъ силъ. Въ часы отдыха онъ населялъ будущность созданіями своего воображенія, воскрешая золотой вѣкъ всеобщаго счастья нравственной высоты. Въ своей маленькой непривлекательной комнаткѣ, Мейеръ находилъ миръ и отраду, и потому не искалъ внѣ ея ничего, кромѣ средствъ для своего физическаго существованія. Здѣсь была любовь его, надежда и вѣра.

По свойству своихъ способностей, настроенныхъ болѣе на точный анализъ, Францъ сначала шелъ по отдѣленію чистой

математики, но впоследствии нашелъ необходимымъ окончить курсъ на камеральномъ факультетѣ.

Уже передъ окончательнымъ экзаменомъ, силы Франца были истощены продолжительнымъ, усидчивымъ трудомъ: грудь у него болѣла, одышка часто овладѣвала имъ почти до обморока, кашель не давалъ ему спать по ночамъ, иногда даже кровь показывалась горломъ. Профессоры съ участіемъ смотрѣли на молодого человѣка, изнемогавшаго подъ бременемъ добровольно взятой на себя ноши, совѣтовали ему лечиться, бросить книги хоть на время, подсылали къ нему другихъ студентовъ, чтобы отвлечь его отъ работы и пригласить вмѣстѣ покутить.

Францъ и самъ видѣлъ, что жажда знанія слишкомъ сильно овладѣла имъ. Но остановиться было не въ его волю: необъяснимое желаніе вело его впередъ, впередъ, въ эту безпредѣльную область новыхъ открытій и изысканій науки... Здоровье все болѣе разстроивалось, платы за уроки едва доставало на скудную пищу и холодную сырую квартиру, а Францъ, и по выходѣ изъ университета не имѣлъ времени подумать о вѣрномъ обезпеченіи для жизни.

Еще будетъ время позаботиться о будущемъ, думалъ онъ..... А теперь некогда..... И такъ откладывая день за день, онъ и не замѣтилъ, какъ первыя годы молодости его прошли среди безпрерывныхъ занятій.

Словомъ, въ двадцать два года, Францъ все еще готовился къ жизни и самъ не предвидѣлъ когда это приготовленіе кончится..... Ему хотѣлось вступить въ дѣйствительный міръ во всеоружіи многосторонней учености, съ полными руками теоретическихъ знаній, ожидающихъ одного примѣненія на жизненной аренѣ.

Глава II,

въ которой оправдывается пословица, что гора съ горою не сходится, а люди непременно встрѣтятся.

Въ тотъ вечеръ, съ котораго начинается нашъ рассказъ, Мейеръ, сидя за письменнымъ столомъ, прочитывалъ свою докторскую диссертацию, за которую уже провелъ не одну бессонную ночь, но которая еще далеко не удовлетворяла его требованіямъ. Усталое лицо молодого человѣка было одушевлено свѣтлою улыбкою; глаза изъ глубокихъ впадинъ сияли радостной надеждой, — по временамъ Мейеръ бралъ перо и зачеркивалъ нѣ-

сколько строкъ, замѣняя ихъ новыми..... Впадая грудь его съ трудомъ переводила дыханіе; на щекахъ горѣлъ лихорадочный румянецъ, морщинка между бровями свидѣтельствовала о напряженіи мозга.

Тишина комнаты прерывалась однимъ скрипѣніемъ пера, шестомъ бумаги и неровнымъ дыханіемъ. Вдругъ у запертыхъ дверей раздался стукъ, и вслѣдъ за тѣмъ кто-то закричалъ за ними:

— Да, тутъ, что-ли, живетъ кандидатъ, Францъ Мейеръ? Кажется, выше и квартиръ нѣтъ?

Мейеръ, не слышавшій стука въ дверь, при первыхъ звукахъ голоса обернулся и всталъ съ своего стула. Удивленіе и нѣкоторая досада выразились на его лицѣ. Онъ никого не желалъ видѣть, никого не ожидалъ: ему было такъ хорошо наединѣ съ его диссертациею. При томъ, хотя голосъ и казался Мейеру знакомымъ, однако онъ не могъ вспомнить, гдѣ и когда слышалъ его. Впрочемъ дѣлать было нечего: Францъ, съ тетрадью въ рукѣ, пошелъ къ дверямъ, чтобы створить непрошенному гостю, и тутъ же почувствовалъ себя въ медвѣжьихъ объятіяхъ своего бывшаго университетскаго товарища, Вальтера Наумана, съ которымъ уже года два не видался.

Науманъ былъ настоящій типъ германскаго бурша.

Въ университетѣ онъ проводилъ время въ одномъ куреніи кнастеру изъ гигантской пѣнковой трубки въ серебрянной оправѣ; затѣмъ онъ любилъ выпить, приволокнуться за хорошенькой дѣвушкой, побуянить за городомъ, побить педеля, подраться на дуэли за пустяки, отбить у лучшаго пріятеля любовницу, поставить на карту послѣдній грошъ.... Когда же не было ни денегъ, ни случая пошалить, что случалось довольно рѣдко, Науманъ, для разнообразія и отдохновенія отъ кутежей, готовъ былъ послушать лекцію какого-нибудь знаменитаго профессора, или побывать въ анатомической клиникѣ, или въ университетскомъ музеѣ, или въ химической лабораторіи.

Поэтому можно судить, что Науманъ былъ рѣшительнымъ контрастомъ съ скромнымъ, тихимъ, трудолюбивымъ Мейеромъ. Но это не мѣшало имъ быть добрыми товарищами. Особенно Науманъ, въ бытность въ университетѣ, всегда оказывалъ Мейеру привязанность и родъ, ему одному свойственнаго, уваженія.

Когда Науману случалось трунить надъ тѣми изъ своихъ товарищей, которые, по его мнѣнію, слишкомъ много и безъ тол-

ку, сидѣли за книгами, и если въ это время кто нибудь напоминалъ ему, что и Мейеръ такъ же много занимается, тогда Науманъ обыкновенно выпрямлялся, закручивагь свой безконечный рыжій усъ, подымалъ густыя брови и восклицалъ торжественнымъ голосомъ:

— О! это тысяча чертей! со всѣмъ другое дѣло! Францъ — особая статья! Францъ — человѣкъ съ высокимъ призваніемъ! Онъ далеко пойдетъ и много сдѣлаеть. А вы что? Мелюзга... пигмен... Вы молиться должны ему.... Да! молиться! Говорить вамъ это Вальтеръ Науманъ... Кто хочетъ противорѣчить, тотъ выходи!...

И послѣ подобной тирады Науманъ обыкновенно поведеть свѣтло-сѣрыми глазами вокругъ всего общества, порядкомъ хлебнетъ изъ стакана и примется насасывать свою безконечную трубку. Почему Науманъ такъ твердо вѣрилъ въ высоту ума Мейера, въ его великое призваніе, этого онъ не говорилъ ни кому... Да никто и не смѣлъ спрашивать, зная его обыкновеніе, за неимѣніемъ другихъ доводовъ, доказывать свои голословныя положенія ударомъ эскадрона или пулю.

Впрочемъ Науманъ былъ добрый малый, готовый подѣлиться съ бѣднымъ товарищемъ послѣднимъ рублемъ, вѣчно-веселый и беззаботный гуляка, пьяница и рубака, готовый вступить за обиду, нанесенную вовсе незнакомому человѣку, чуждый лжи и коварства, хотя, какъ всѣ слабоумные люди, считавшіи нѣкоторую хитрость умомъ, а прощеніе обидъ слабостью.

Хотя Мейеръ, съ своей стороны, не чувствовалъ къ Науману особенной привязанности, но цѣнилъ его дружбу и любилъ въ немъ, по контрасту характеровъ, самые недостатки. Въ-особенности когда Мейеръ замѣтилъ, что Науманъ подчиняется его вліянію, слушается его совѣтовъ, тогда онъ считалъ себя какъ бы обязаннымъ сблизиться съ товарищемъ для его же пользы.

Войдя въ комнату, Науманъ съ минуту жалъ Мейера въ объятіяхъ, царапалъ его пѣжное лицо безконечными усами, и не скоро замѣтилъ, что Францъ чуть не кричитъ отъ его дружескихъ ласкъ. Наконецъ онъ выпустилъ товарища изъ рукъ, отскочилъ на шагъ назадъ, взглянулъ Мейеру прямо въ лицо и заревѣлъ басомъ:

— Чортъ побери! Что съ тобою, мой бѣдный Францъ?

— Ничего, любезный Вальтеръ! отвѣчалъ Мейеръ, обѣими руками взявшись за грудь, которая, отъ небережнаго обхожденія гостя, тяжко заныла у него.

— Какъ ничего? заголосилъ Науманъ:—Тысяча чертей! Вѣдь ты боленъ, страшно боленъ! На тебѣ лица нѣтъ! Куда дѣваешь свое здоровье? Говори, злодѣй: куда дѣваешь свое драгоценное здоровье? А? Исповѣдайся въ своихъ неистовствахъ, въ своей ненасытной жадности къ знанію.

Чѣмъ далѣе Науманъ говорилъ, тѣмъ голосъ его становился тише, нѣжнѣе и печальнѣе: Науманъ съ грустью покачивалъ головою и осматривалъ своего товарища взглядомъ, въ которомъ свѣтлосло искреннее участіе къ Мейеру.

— Да когда же я отличался такимъ непомѣрнымъ здоровьемъ? сказалъ Мейеръ, бросаясь на диванъ, чтобы скрыть отъ гостя легкую дрожь, пробѣжавшую по его тѣлу отъ боли и слабости.

— Громъ и молнія! развѣ такъ насилуютъ себя? На что это похоже? продолжалъ Науманъ, не слушая его.

Мейеръ съ улыбкою посмотрѣлъ на своего товарища и потомъ сказалъ вполонину про себя, хотя и обращаясь къ Науману:

— Ты, можетъ быть, отчасти правъ, любезный Вальтеръ! Я работаю не совсѣмъ по своимъ силамъ. Но, какъ быть? Винавать ли я, что мой организмъ слабъ, а дѣла накапливается все больше и больше.... Плохъ солдатъ, который, при первой ничтожной царапинѣ, бѣжитъ съ поля битвы.... Но, довольно обо мнѣ! беззаботнымъ тономъ присовокупилъ онъ, стараясь занять разговоръ о самомъ себѣ:— Скажи-ка лучше, гдѣ ты пропадаешь столько времени? Вѣдь, тебя года два не было нигдѣ видно?

— Экъ, хватилъ дружище! съ громкимъ хохотомъ воскликнулъ Науманъ:— Спасибо, ты и не освѣдомлялся обо мнѣ втѣченіе этихъ двухъ лѣтъ.... Хорошъ! А я былъ далеко.... да и гдѣ я не былъ.... Вѣдь ты помнишь, что у меня былъ дядя, старый холостякъ, здѣшній фабрикантъ, да и капиталистъ порядочный.... Ну, нельзя помянуть излишними добродѣтелями.... по-крайней-мѣрѣ, онъ не могъ похвалиться особенной щедростью при жизни.... Впрочемъ: *de mortuis nihil aut bene*.... Относительно меня, онъ былъ очень щедръ, только ужъ послѣ своей смерти.... Еще имѣлъ онъ, при жизни, одну расточительную страстишку: любить не совсѣмъ въ мѣру выпить хорошенькаго вина.... Въ этомъ отношеніи, между нами всегда было удивительное фамиліальное сходство вкусовъ....

— Вотъ года два тому назадъ въ то самое время, какъ

ты кончилъ курсъ , а я еще только начиналъ свой, дядюшка, почувствовалъ , что , семейная добродѣтель ему измѣняется, поги перестаютъ служить, грудь заложилъ, въ животѣ что-то бульбукаетъ, однимъ словомъ, водяная во всемъ тѣлѣ. Отъ къ лѣкарямъ.... Тѣ посмотрѣли, посмотрѣли на него, за каждое смотрѣнье, конечно, брали деньги, да и отпразднили пациента на воды.... Старикъ отдалъ свои фабрики на аренду, послалъ за мною и приказалъ сопровождать его въ Висбаденъ. Я собственно послушался его приказанія и поѣхалъ съ нимъ, потому что, въ то самое время, кредиторы одолживали меня; жить было нечѣмъ, шить не на что.... За одно пропалъ! думаю себѣ.... Приѣхали мы на воды. Дядя лѣчиться хочетъ, а я отъ скуки бутылку на столъ.... да и уговорю его раздѣлить ее со мной пополамъ.... Надо шить, пока пьется.... Въ Висбаденѣ мнѣ открылся неограниченный кредитъ, потому что все знали богатство старика, и думали, что я уполномоченъ имъ въ расходахъ.... А дядюшка-то думалъ, что я пою его на свой собственный счетъ, на остатки отцовскаго наслѣдства, которое я, какъ тебѣ извѣстно, за долго передъ тѣмъ успѣлъ до-чиста спустить....

Науманъ перенелъ духъ и, всеело засмѣявшись, продолжалъ:

— Такимъ образомъ мы прожили пѣтый годъ. Дядюшка, между прочимъ, и лѣчиться не оставлялъ: пилъ не одно вино, но и воды.... купался.... да ничто не помогло.... Водяные лѣкаря, впрочемъ, при первомъ же осмотрѣ, шепнули мнѣ, что старику прожить много — много года полтора.... Не многимъ не дотянуло до этого срока мой милый родственникъ.... На половинѣ второго сезона Богу душу отдалъ.... Я нашлся на его похоронахъ такъ, что не помню ни одного обстоятельства изъ этой печальной и вмѣстѣ торжественной церемоніи, а на другой день очутился, какъ единственный родственникъ покойника, обладателемъ довольно изряднаго капитала и двухъ фабрикъ, приносящихъ чистаго дохода до пятидесяти тысячъ талеровъ, а въ хорошій годъ, да при порядочномъ управленіи и больше.... Такъ, по-крайней-мѣрѣ, думаю! Я, разумѣется, оставилъ арендатору фабрику еще на годъ, сдѣлался съ банкирами на счетъ своихъ векселей, да и пустился шататься по свѣту.... Былъ и въ Вѣнѣ, и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Римѣ, и въ Неаполѣ.... Сорилъ деньгами на пропадую.... понстратилъ значительную часть наслѣдственнаго капитала.... И вотъ, мѣсяца два тому назадъ, воротился въ Берлинъ, принялъ свои фабрики отъ арендатора и

хочу самъ заняться дѣломъ.... А ты — до-сихъ-поръ и не зналъ, что я богачъ, чуть-чуть не миллионеръ!..

— Не зналъ, совершенно не зналъ! говорилъ удивленный Мейеръ, пожимая Науману руку и смотря ему въ глаза своимъ ласковымъ голубымъ взглядомъ:—Ну, радуюсь за тебя, Вальтеръ! Сколько добра ты можешь сдѣлать, сколько слезъ осушить, сколькихъ людей спасти отъ холода и голода....

— А, не самъ ли ты говорилъ мнѣ.... воскликнулъ Науманъ: ни нѣтъ!... не мнѣ, а при мнѣ, другимъ: что частное добро иногда можетъ стать поводомъ ко злу, развивая праздность, лѣнь, пьянство и другіе пороки.... что надо стараться сдѣлать добро обществу: тогда это добро разойдется и на частныя лица.... И многое еще говорилъ ты въ подтвержденіе этихъ словъ, только я-то забылъ подробности?... но ты, вѣроятно помпишь?

— Помню, помню! отвѣчалъ Мейеръ:—п не отрекаюсь отъ своихъ словъ! Но что же изъ этого?

— Что? вскричалъ Науманъ, всплеснувъ руками и прискочивъ на диванъ:—Что? Да понимаешь ли, что я неучъ, ни чѣмъ порядочно не занялся въ университетѣ?... Какъ же я угадаю, что нужно обществу, что у него болитъ и гдѣ надо лѣчить его? Средствъ у меня много, да царя въ головѣ нѣтъ. Я и радъ бы полезному предпріятію, да взяться за него не умѣю; а хорошія вещи, какъ я замѣтилъ, дѣлаются не большими деньгами, а большими и разумными силами. Коротко, мнѣ нужны твои честные совѣты, твой умъ, твои познанія!... Дай мнѣ ихъ, и мы что нибудь сдѣлаемъ. Безъ нихъ все мое богатство то же, что домъ безъ жильцовъ, огородъ безъ овощей. Вотъ если бы ты былъ около меня, и я во всякое время могъ бесѣдовать съ тобой, выслушивать твои наставленія, тогда можно бы надѣяться, что мое богатство послужитъ въ прокъ обществу. А такъ....

— Ну что-жъ? перебилъ Мейеръ:—Я очень радъ иногда бывать у тебя; и всегда готовъ подѣлиться съ тобой и совѣтомъ и услугами.

— Только-то, Францъ?! Нѣтъ, я приглашаю тебя не бывать у меня, а жить.... У меня есть флигель въ двѣ комнаты, окна въ садъ: онъ не занятъ и не будетъ ни кѣмъ занятъ, если ты не захочешь переѣхать въ него изъ этой отвратительной конуры. Столъ у меня ежедневно готовится на двѣнадцать или пятнадцать человѣкъ, а объѣдаетъ часто двое, трое.... Гдѣ тебѣ заботиться о всѣхъ этихъ мелочахъ.... Даже прислуга у ме-

ня есть для тебя.... Напросилась ко мнѣ одна старуха, взявъ я ее къ себѣ, да самъ не знаю куда дѣвать.... Она стара, слаба... у меня она совершенно лишняя.... Тебѣ же старая Урсула какъ разъ подъ руку.... Тихенькая, хлопотливая, чистенькая, аккуратная. Совершеннѣйшій стражъ ученаго кабинета. Переѣзжай, дружище, сдѣлай милость!...

Сначала Мейеру показалось, что такого предложенія вовсе нельзя ему принять, что воспользоваться расположеніемъ къ себѣ Наумана, для того, чтобы ѣсть его хлѣбъ и жить у него на всемъ готовомъ несообразно съ правилами честности и личнаго достоинства. Онъ старался, подъ разными предлогами отговориться.

Но Науманъ убѣдилъ его, представивъ ему всѣ выгоды такого сближенія, всѣ лучшія цѣли, ради которыхъ онъ приглашалъ Мейера. Побѣжденный съ этой стороны, Францъ боялся еще другаго обстоятельства. Ему было страшно оставить свое мирное убѣжище, въ которомъ онъ такъ долго трудился, и поселиться по сосѣдству съ богачемъ, гдѣ можетъ быть жаръ его дѣятельности остынетъ, роскошь ослабитъ энергію и разовьетъ эгоизмъ и празднолюбіе!...

Но Науманъ, и съ этой стороны, сумѣлъ успокоить Мейера, увѣривъ, что онъ вполне будетъ хозяиномъ въ распоряженіи своимъ временемъ, въ устройствѣ и образѣ ежедневной жизни.

— Пойми же, дружище! говорилъ онъ:—вѣдь я не предлагаю тебѣ ни излишней нѣги, ни шумныхъ вечеровъ, я зову тебя къ себѣ для отдыха и хочу поучиться у тебя трезвой, бережливой и дѣятельной жизни.

Когда разсѣялись послѣднія сомнѣнія Мейера, онъ далъ слово, по-крайней мѣрѣ, попытаться жить у Наумана, выговоривъ себѣ право во всякое время, если вздумается, перебраться на другую квартиру.

Школьные товарищи разстались до скорого свиданія. Науманъ, довольный тѣмъ, что сдѣлалъ доброе дѣло, сѣлъ въ великолѣпную коляску и поспешилъ въ игорный домъ, вѣроятно, для того, чтобы начать приводить въ исполненіе свой планъ трезвой, бережливой и дѣятельной жизни.

Между-тѣмъ, Францъ, осаждаемый тревожными думами о новой жизненной перспективѣ, бросился на свой оборванный диванъ и старался заснуть, что бы быть въ состояніи по утру опять приняться за работу.

ГЛАВА III,

изъ которой видно, что легче верблюду пройти черезъ игольное ушко, чѣмъ вѣтреннику остепениться.

Черезъ недѣлю послѣ встрѣчи товарищей, Мейеръ переѣхалъ въ домъ Наумана, гдѣ занялъ отдѣльный флигель. Въ двухъ большихъ комнатахъ, свѣту и воздуху было вдоволь. Мягкая, удобная старинная мебель роскошно покоила его утомленные члены. Изъ дому была дверь въ небольшой отдѣльный садъ, нѣсколько запущенный, но тѣмъ болѣе привлекательный для Мейера, который не любилъ слишкомъ явнаго вмѣшательства искусства въ дѣло природы. Молодой ученый никогда и не мечталъ о такомъ комфортѣ.

Онъ привыкъ къ большому воздержанію во всемъ что относится къ пищѣ и первымъ потребностямъ жизни. Нынѣ не мѣшалъ ему продолжать прежній образъ жизни, не смотря на окружавшіе его обиліе и роскошь. Науманъ очень рѣдко заходилъ во флигель и, каждый разъ, такъ наивно высказывалъ свою радость, что видить товарища спокойнымъ и довольнымъ, что Мейеру вскорѣ стало казаться, что онъ дѣлаетъ ему большое одолженіе, живя въ его домѣ. Мейеръ поздоровѣлъ, грудь у него болѣла рѣже, цвѣтъ лица сталъ лучше. А между тѣмъ и дѣло его подвигалось впередъ: онъ приготовился къ докторскому экзамену и весьма хорошо окончилъ его; диссертация его была одобрена. Берлинскій университетъ приобрѣлъ одного новаго доктора философіи. Между тѣмъ, какъ Мейеръ страстно преслѣдовалъ свою цѣль, проводя дни и ночи за книгами, не доѣдая и не досыная, Науманъ продолжалъ жить, по-прежнему, весело.

Огромный, прекрасно-отдѣланный, богато-омеблированный домъ его составлялъ разительный контрастъ съ скромнымъ флигелемъ, который казался Мейеру все-таки слишкомъ роскошнымъ для него. Тамъ—все, что самая утонченная прихоть можетъ придумать для притупившейся чувственности, здѣсь — во всемъ строгій, суровый стиль; тамъ — вѣчный шумъ, говоръ, пѣсни, смѣхъ хорошенькихъ жепцинь и веселящейся молодежи, звонъ бокаловъ и золота о зеленые столы, здѣсь — тишина, только, отъ времени до времени, прерываемая тяжелыми грудными вздо-

хами и скрыпомъ пера или голосомъ старой Урсулы, служанки Мейера.

И правда и тамъ и здѣсь хозяйниъ квартиры живетъ торопливо, какъ будто, боясь потерять мгновеніе изъ дарованнаго ему жизненнаго капитала. Но какъ различны понятія того и другаго о жизни! Какая бездна раздѣляетъ труженническій путь одного отъ широкаго, раздольнаго пути другаго, страданіемъ купленное наслажденіе Мейера отъ безотчетнаго, самозабвеннаго разгула Наумана! И тотъ, и другой, въ различныхъ сферахъ, достигли апооса жизни, а жизненный апоосъ граничить съ смертью.

Мейеръ сидѣлъ на старинномъ мягкомъ креслѣ передъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами и кипгами. стаканъ пахучаго кофе и настоящая гаванская сигара, накунутыя присланная ему на пробу Вальтеромъ, напрасно ожидали, чтобы молодой человѣкъ обратилъ на нихъ вниманіе.

Мейеръ былъ совершенно погруженъ въ разсматриваніе своего докторскаго диплома, стѣившаго ему столькожъ бессонныхъ ночей, столько здоровья, но съ лихвою вознаграждавшаго его за всѣ труды и мученія.

Утреннее майское солнце розовымъ блескомъ обливало блѣдное лицо молодаго человѣка. Птицы пѣли въ саду; по временамъ, лернатыя шалуныи садились на вѣтку спрени и, съ веселымъ щебетаньемъ, заглядывали въ отворенное окно. Ласковые глазки ихъ, какъ будто спрашивали задумчиваго Мейера, какъ это онъ не пользуется прекраснымъ утромъ, чтобы погулять и по рѣзвиться вмѣстѣ съ ними.

Бальзамическій воздухъ широкою полосой врывается въ комнату и вноситъ въ нее смѣшанный гулъ пробуждающейся городской и сельской дѣятельности.

Я забылъ сказать, что фабрика Наумана находилась въ двухъ-трехъ верстахъ отъ городской заставы. Оттого шумъ экипажей многолюдной столицы сливался съ блеяньемъ коровъ и овецъ, со скрыпомъ телѣгъ, фхавшихъ на поля съ поселянами, съ трелью пастушескаго рожка, съ однообразнымъ шумомъ жернововъ на ближней мельницѣ и со стукомъ паровой машины на фабрикѣ.

Мейеру было такъ хорошо и уютно, что, еслибъ отъ него зависѣло, онъ никогда не разстался бы съ этимъ домкомъ и садомъ, съ этими птичками и цвѣтами, съ этою близостью города и селеній, даже съ этою фабрикою, ея владѣльцемъ и старушкою Урсулою. Но дипломъ напоминалъ ему, что личное его

достойнство требуетъ, чтобы, получивъ возможность жить собственными средствами, онъ отказался отъ благодѣяній Наумана, благодѣяній, которыми пользовался уже около году. Дипломъ давалъ ему право занять кафедру въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній или даже въ университетѣ. Слѣдовательно приходилось оставить все, къ чему онъ уже такъ привыкъ, и начать скучное существованіе профессора или учителя гимназіи.

Бѣдность не пугала Мейера; онъ выросъ въ ней и сжился съ нею. Весь погруженный въ міръ идей и высшихъ соображеній, онъ быть вполне доволенъ, если имѣлъ подъ ногами нѣсколько квадратныхъ аршинъ земли, для дыханія — нѣсколько кубическихъ футовъ воздуха, немного свѣта для своихъ занятій, да кружку воды и кусокъ хлѣба.

Но, съ одной стороны, Мейеръ боялся обидѣть Наумана переѣздомъ изъ его дома, съ другой, какъ я уже сказалъ, онъ привыкъ къ своей обстановкѣ, а съ привычкою часто почти также трудно разставаться, какъ и съ давнею привязанностью.

Было еще третье обстоятельство, заставлявшее Мейера размышлять при взглядѣ на свой дипломъ. Еще готовясь къ докторскому экзамену, въ комнатѣ, въ которой засталъ его Науманъ, Францъ задумалъ дѣло, которое должно было произвести переворотъ во всей фабричной промышленности. Дѣло это могло покрыть славой изобрѣтателя, благотворно отозваться на всеобщество и доставить огромныя матеріальныя выгоды тому, кто первый примѣнитъ его къ человѣческому труду; Мейеръ не желалъ славы, по-крайней-мѣрѣ, она не была главной побудительной причиною его изобрѣтенія. Матеріальныя выгоды предпріятія также не занимали его воображенія. Одна мысль руководила имъ при составленіи плана, — мысль — принести пользу обществу. Раздумывая о томъ, чѣмъ онъ обязанъ Науману, Мейеръ, изъ благородности, рѣшился предоставить ету осуществленіе своего плана, который въ общихъ чертахъ уже совершенно сложился въ головѣ доктора. Въ вознагражденіе за это, Мейеръ хотѣлъ потребовать отъ Наумана одного, — а именно: употребленія части денежныхъ выгодъ въ пользу бѣдныхъ рабочихъ, которые необходимо должны будутъ пострадать вслѣдствіе нововведенія. Когда Мейеръ раздумывалъ объ этомъ планѣ, къ нему вошла Урсула, вѣчно озабоченная и неустанно хлопотливая.

— Что же это, господинъ докторъ? сказала старушка, съ упрекомъ поглядывая то на Мейера, то на стаканъ кофе. Вы не кушаете кофе? Развѣ онъ сегодня не удался мнѣ?

— Напротивъ! ласково отвѣчалъ Мейеръ, хлѣбнувъ изъ стакана и закуривая сигару:—кофе вашъ, любезная Урсула, хорошъ, какъ всегда.... даже, кажется, лучше вчерашняго....

— Да, вѣдь, онъ уже остылъ! Позвольте мнѣ убрать его... и налить вамъ горяченькаго!..

— Нѣтъ благодарю; не надо!... Я не люблю очень горячаго кофе.... А вотъ, чтѣ.... когда можно будетъ видѣть вашего господина?

— О! воскликнула старушка, возводя къ потолку глаза и всплеснувъ руками, съ выраженіемъ сожалѣнія и неудовольствія: господинъ Науманъ встаетъ только тогда, когда добрые люди обѣдаютъ, потому-что ложится, когда добрые люди встаютъ.... Онъ ведетъ безбожную жизнь: я всегда говорю это.... Вѣдь долго нельзя вести себя такъ. Богъ не даромъ создалъ день для труда, а ночь для отдыха....

Мейеръ улыбнулся про себя.

— Такъ вы думаете, сказалъ онъ:—что трудиться по ночамъ нехорошее дѣло?

— Трудиться? Да еслибъ мой господинъ трудился также, какъ вы.... Это было бы другое дѣло!... А то, вѣдь, у него только и на умѣ, что вино да карты, да еще.... съ позволенія сказать.... актрисы, плясуньи разныя....

Произнося послѣднія слова, старая Урсула даже слегка покраснѣла и въ замѣшательствѣ стала одергивать передникъ.

— Неужели? спросилъ Мейеръ:—будто Вальтеръ продолжаетъ вести все ту же сумасбродную жизнь, какую велъ прежде?..

— Хуже, во сто разъ хуже прежняго! отвѣчала Урсула тономъ утвержденія:—Онъ чтѣ мѣсяцъ, тѣ — больше кутить.... А приказники на пропажу обманываютъ его, всячески обираютъ... Еслибъ я не пошла къ вамъ, господинъ докторъ, то тотчасъ оставила бы этотъ домъ, на которомъ ужъ не долго будетъ благословеніе божье.... Господинъ Науманъ добрый человѣкъ.... кто-жъ говоритъ противъ этого.... Лучшаго хозяина нельзя прислугѣ и желать.... Только ужъ живеть онъ.... извините?... неполюдски.... праздники за праздниками....

Мейеръ, уже давно переставшій слушать ее, остановилъ ее на послѣднемъ словѣ и сказалъ твердымъ тономъ:

— Скажите кому-нибудь изъ прислуги, чтобы доложили Науману, когда онъ встанетъ; я желаю видѣться съ нимъ.... потомъ извѣстите меня объ этомъ!

Урсула торопливо вышла изъ комнаты, а Мейеръ большими шагами заходилъ изъ угла въ уголъ, размышляя о томъ, что слышалъ.

Совѣсть упрекала его въ томъ, что онъ не воспользовался добрыми намѣреніями Наумана и не отдалилъ его отъ того разгульнаго круга, въ которомъ онъ привыкъ вращаться.

— Теперь, можетъ быть, уже и поздно! думалъ Мейеръ: можетъ быть, банкротство уже грозитъ Вальтеру.... А въ такомъ случаѣ, что будетъ дѣлать человѣкъ, который ничему не учился, ничего не хочетъ дѣлать?... Вѣроятно, и я также содѣйствовалъ его разоренію тѣмъ, что жилъ у него.... Во всѣхъ отношеніяхъ я поступилъ дурно, скверно! Я могъ направить къ общеплезному дѣлу капиталъ, который Вальтеръ, безъ толку, мотаетъ со вредомъ и себѣ, и обществу.... и я не сдѣлалъ этого... Я могъ пробудить въ Вальтерѣ усыпленные обстоятельствами, обезсилившія, подъ вліяніемъ страстей, благія побужденія и я не шевельнулъ для этого пальцемъ. И я смѣю утверждать, что люблю человѣчество, желаю прогресса, всеобщаго счастья. По правдѣ сказать, я люблю одного себя, свое спокойствіе, удовлетвореніе своей пытливости.... Что въ этой теоретической любви къ человѣчеству? Мало ли кто говоритъ, что любить человѣчество, а на самомъ дѣлѣ готовъ уложить его въ гробъ ради личнаго счастья. Вотъ она — лѣнивая филатронія, гуманность на словахъ! Гораздо больше пользы отъ эгоистическаго труда невѣжественнаго сапожника, который кормитъ свою семью, и цѣлый околотокъ снабжаетъ прочной обувью, между тѣмъ какъ изъ моей безкорыстной любви не сошьешь и пары дрянныхъ башмаковъ....

Мейеръ еще долго разхаживалъ по комнатѣ, то горько упрекая себя въ своемъ дилетантизмѣ и равнодушіи къ человѣку, которому былъ столько обязанъ, то раздумывая о томъ, какъ бы поскорѣе помочь горю.

Размышленія его были прерваны приходомъ Урсулы, которая доложила, что Науманъ ожидаетъ Мейера въ своемъ кабинетѣ.

— Надѣюсь, что Вальтеръ одинъ? спросилъ Мейеръ.

— Одинъ-то одинъ! отвѣчала Урсула съ прощескою улыбкою: — Да не знаю — на долго ли?

— Такъ я посиѣшу! вскричалъ Мейеръ, хватая шляпу и трость, и оставляя комнату.

ГЛАВА IV,

изъ которой становится яснымъ, что докторскій дипломъ — плохой панцирь
для сердца.

— Попрошу Вальтера, чтобы велѣлъ отказать всѣмъ гостямъ, пока изложу ему свои предположенія и добьюсь отъ него положительнаго отвѣта!..

Мысленно повторяя про себя эти слова, Мейеръ, быстрыми шагами, входилъ за великолѣпную чугунную рѣшетку, окружавшую довольно большую площадку передъ главнымъ корпусомъ дома, въ которомъ жилъ Науманъ. Вдругъ онъ услышалъ за собой громкій крикъ: «gare! gare!» и мимо него пронесся щегольской тильбюри, которымъ управляла женщина въ амазонкѣ и мужской шляпѣ подъ вуалемъ. Рядомъ съ женщиною сидѣлъ маленький грумъ, съ длиннымъ бичомъ въ рукѣ.

Мейеръ издали видѣлъ, какъ тильбюри остановился передъ главнымъ подъѣздомъ дома, амазонка бросила груму возжи, соскочила на землю и исчезла за парадною дверью.

— Вотъ тебѣ и на! сказалъ про-себя Мейеръ, съ досады кусая набалдашникъ своей трости: — съ этимъ вѣтренникомъ, кажется, никогда серьезно поговорить не удастся. Ни свѣтъ, ни заря, а ужъ у него какая-то женщина. Да и у этихъ женщинъ ни стыда, ни совѣсти: публично, при всѣхъ ѣдетъ къ холостому человѣку... Ну, ужъ, если только хватить у меня духу, проповимъ обнимъ пѣсенку.

— Кто эта дама? спросилъ Мейеръ, входя въ швейцарскую, у того самого слуги, который помогалъ амазонкѣ выйти изъ тильбюри.

— Это? отвѣчалъ долговязый лакей, съ хитрою и вмѣстѣ глупою улыбкою: это — первая танцовщица здѣшняго театра, Фанни Готзегенъ... Господинъ нашъ содержитъ ихъ!..

Мейеръ пробормоталъ что-то въ родѣ проклятiя и вошелъ въ барскую переднюю. Но когда онъ хотѣлъ продолжать свой путь въ комнаты, другой слуга остановилъ его словамъ:

— Господинъ Науманъ проситъ васъ извинить его и подождать во флигелѣ: онъ скоро будетъ къ вамъ.

Мейеръ съ видомъ досады опять надѣлъ шляпу и собрался уйти, какъ вдругъ голосъ Наумана произнесъ за нимъ:

— Францъ, дружище! Не слушай этого дурака... Войди, безъ церемоній.

Мейеръ оглянулся: на порогѣ зала стоялъ Вальтеръ, въ халатѣ, съ сигарою во-рту, а изъ—за него выглядывалъ осмѣяющееся, розовое личико амазонки. Мейеръ, нѣсколько сконфуженный этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, едва нашелся сказать:

— Какъ же мнѣ понять это противорѣчіе между словами слуги, который ссызается на своего господина, и твоими подлинными словами, любезный Вальтеръ?

— Пойдемъ только! отвѣчалъ Науманъ, пожимая Мейеру руку.

Когда онъ, вслѣдъ за хозяиномъ, вошелъ въ залъ, амазонка бросила на него безстыдно-любопытный взглядъ, вслѣдствіе чего ему сдѣлалось еще болѣе неловко, и онъ старался придать самому себѣ бодрости, призвавъ къ себѣ на помощь все свое сознаніе личнаго достоинства. На основаніи этого, Мейеръ показывалъ видъ будто не замѣчаетъ амазонки и не поклонился ей.

— Вотъ видишь... что касается недоразумѣнія, то... началъ Вальтеръ, идучи по залу между Мейеромъ и амазонкою, которая на первыхъ же словахъ прервала его, сказавъ съ непринужденной наивностью ребенка:

— Объясненіе противорѣчія должно быть предоставлено мнѣ, потому что я была причиной его. А какъ незнакомымъ людямъ неловко вступать въ объясненія, а хозяинъ нашъ такой неучъ, что даже не догадался познакомить насъ съ вами, г-нъ докторъ, то я сама рѣшаюсь исправить его оплошность...

Сказавъ эти слова, Фанни жестомъ остановила Наумана и, сдѣлавъ шагъ впередъ къ Мейеру, глубоко присѣла и сказала комически торжественнымъ голосомъ:

— Имѣю честь рекомендоваться, г-нъ докторъ: танцовщица королевскаго берлинскаго театра, Фанни Готтзегенъ. А теперь — пойдете далѣе!

Мейеръ молча поклонился; Науманъ громко захохоталъ. Когда вошли въ гостиницу, Фанни небрежно бросилась на диванъ и, поджавъ подъ себя ножки, извинилась, что очень устала отъ церемоніальнаго представленія много ученому доктору. Мейеръ очень хорошо понималъ, что она смѣется надъ нимъ, но не нахотѣлъ, что отвѣчать.

Науманъ, замѣчая, что Францъ готовъ серьезно разсердиться, скорѣе подвинулъ ему кресло и усѣлся возлѣ него передъ диваномъ, на которомъ полулежала Фанни.

— И такъ, начала она, извольте выслушать мое объясненіе. Ваша покорная слуга, уже давно просила Вальтера познакомиться меня съ вами... Я — большая охотница до общества серьезныхъ людей, но судьба вѣчно сводитъ меня съ усатыми буршами и другими подобными имъ шутами...

Фанни посмотрѣла на Наумана, который принялъ видъ обиженнаго; молодая женщина, не извиняясь передъ нимъ, продолжала:

— И такъ я просила моего добраго усача познакомиться меня съ вами. Онъ и обѣщаль мнѣ нѣсколько разъ, но просто на просто трусилъ васъ и вовсе не имѣлъ намѣренія исполнить данное слово...

— Какъ? возразилъ Науманъ.

— Да, точно такъ! перебила его Фанни: — ты боялся, что докторъ Мейеръ будетъ оуждать твою связь со мной... И подѣломъ! Вѣдь я разоряю тебя, Вальтеръ, хоть и не прямо, какъ дѣлають другія женщины, т. е., я, кажется, до-сихъ-поръ деньгами не осталась у тебя въ долгу ни одной копейки. Но я разоряю тебя тѣмъ, что не даю тебѣ заниматься дѣлами. Это я очень хорошо понимаю! Но ужъ у меня такой нравъ... Первый мой недостатокъ въ томъ, что я не умѣю сообщать другому человѣку направленія, напротивъ всегда поддаюсь влиянію своего любовника...

— Но... сказалъ хозяинъ съ плохо-сдержанною досадою: — но ты отдалилась отъ тѣмы, которую хотѣла доказать...

— А именно? сказала Фанни: — я что-то забыла, въ чемъ состояла эта тема...

— Такъ я напомню тебѣ: ты хотѣла доказать, что я боялся строгости и упрековъ Франца.

— Да тутъ нечего доказывать — стоитъ только рассказать все какъ было... Вообразите, г-нъ докторъ! какъ только я пріѣхала, Вальтеръ, не зная, что вы уже въ передней, послалъ къ вамъ слугу сказать, что онъ не можетъ принять васъ, а самъ придетъ къ вамъ... хорошо еще, что, узнавъ въ чемъ дѣло, я притащила его самого для опроверженія оскорбительнаго для васъ приказанія, отданнаго слугѣ... Не правда-ли, г-нъ докторъ дѣло ясно какъ день?..

— Нисколько! началъ было Науманъ, но Фанни снова прервала его, вскричавъ:

— Довольно объ этомъ! Г-нъ Мейеръ пришелъ сюда для

важныхъ разговоровъ... Я никогда не слыхала серьезныхъ вещей... и такъ къ дѣлу, господа!

Фанни свѣсила съ дивана ноги и, приняла солидную позу слушательницы.

— Вотъ еще что вздумала! съ громкимъ хохотомъ вскричалъ Науманъ, уже забывъ свою досаду:—какіе тутъ, къ черту, важные разговоры, какія серьезныя вещи? Будто для нихъ не найдется у насъ времени?.. Францъ, просто, нашъ на весь сегоднешній день; мы сдѣлаемъ изъ него такого же бездѣльника, каковы сами... Нельзя же ему вѣчно заниматься дѣломъ: надо отдохнуть!..

— И прекрасно! вскричала Фанни: повторяю — я не умѣю давать направленіе, а всегда принимаю его отъ другихъ. Но остается убѣдиться, такъ-ли сговорчивъ г-нъ Мейеръ, какъ я, или нѣтъ?..

Францъ во все это время не открывалъ рта, во-первыхъ, потому что былъ сконфуженъ неперемонностью и нѣкоторою странностью обхожденія Фанни, во-вторыхъ, потому что считалъ себя нѣсколько обиженнымъ, какъ приемомъ Наумана, такъ и насмѣшками Фанни надъ его докторствомъ, въ-третьихъ, потому что засмотрѣлся на Фанни.

— Какъ хороша эта женщина! думалъ онъ. И думая объ этомъ одномъ, онъ чувствовалъ странное стѣсненіе въ груди, которому не хотѣлъ измѣнить, и потому глоталъ одинъ за другимъ вздохи, готовые предательски вырваться наружу.

Но теперь, когда Фанни, хотя косвеннымъ образомъ, обращалась къ нему, было бы смѣшно не отвѣчать на ея вопросъ. Мейеръ и дѣйствительно собрался было съ силами на такой подвѣгъ, но въ эту минуту встрѣтилъ устремленный на него взглядъ Фанни и только могъ пробормотать:

— Я былъ бы очень радъ, еслибы...

Когда онъ произнесъ послѣднее слово, сердце бѣднаго ученаго затрепетало и забилося, совершенно какъ птичка, которую долго держали въ клеткѣ и которой вдругъ показали голубое небо и широкое поле, и зелень рощи и золотое солнышко. Мейеръ покраснѣлъ какъ вареный ракъ и замолчалъ, а между тѣмъ Науманъ, пользуясь мгновениемъ молчанія, воскликнулъ:

— Вотъ, видишь, Фанни! Я говорилъ тебѣ... онъ очень радъ сегодня побездѣльничать вмѣстѣ съ нами... И такъ, да здравствуетъ веселье и чертъ побери всѣ серьезныя дѣла на свѣтѣ!

— Это чрезвычайно радуетъ меня! прибавила Фанни, весело хлопая въ ладоши:—начнемъ же съ того, что напьемся кофе, по-

томъ поѣдемъ на ближнюю ферму, гдѣ и будемъ обѣдать. Потрудитесь, г-нъ докторъ, позвонить, чтобы пришелъ слуга!.. Сонетка у насъ за спиной...

Исполняя просьбу молодой женщины, Мейеръ послѣшилъ обернуться и въ разсѣянности съ такою силою дернуть за сонетку, что бронзовая ручка осталась у него между пальцами. На отчаянный звонъ колокольчика, трое слугъ съ испуганными лицами опростетью вбѣжали въ комнату.

Фанни и Науманъ хохотали, какъ безумные, глядя на сконфуженного Мейера, который вертѣлъ въ рукахъ оторванную ручку сонетки. Вдругъ, молодой докторъ, смѣшавшись окончательно, положилъ ручку въ карманъ, въ который полезъ за носовымъ платкомъ.

Тогда истерическій смѣхъ обонхъ собесѣдниковъ достигъ неистовства, и у Фанни перешелъ въ припадокъ. Науманъ бросился въ кабинетъ за одеколономъ, лакеи выбѣжали въ другую дверь за водой, а Мейеръ, продолжая сидѣть на мѣстѣ, вертѣлъ въ рукахъ шляпу и смотрѣлъ какими-то посоловѣлыми, мутными глазами на всю эту сцену.

Наконецъ Фанни пришла въ себя и извинилась передъ Францемъ въ неделикатной веселости, имѣвшей такія непріятныя послѣдствія. Когда же Мейеръ отвѣчалъ на извиненія довольно важнымъ поклономъ, Фанни вскочила съ дивана и поцѣловала сврѣпаго доктора въ самыя губы. Мейеръ чуть не оттолкнулъ ее отъ себя, такъ раздосадовала его дерзость молодой дѣвушки. Не смотря на то, поцѣлуй зажегъ въ немъ кровь: въ ухахъ у него загудѣло, виски сильно забились. Мейеръ, въ первый разъ въ жизни, былъ въ объятіяхъ хорошенькой женщины.

Послѣ кофе, Науманъ одѣлся и везѣлъ закладывать лошадей. Между тѣмъ, Мейеръ остался въ гостинной наединѣ съ Фанни и старался отговориться отъ прогулки за-городъ. Но моледающая женщина такъ усердно упрашивала его — не разстраивать ея плановъ, что наконецъ почти приступомъ взяла непреклоннаго доктора.

Когда подъѣхали экипажи, оказалось, что Фанни избрала въ спутники Мейера, предоставивъ Науману взять съ собой грума. Дѣлать было нечего. Фанни не любила противорѣчій. Полная, изящная рука ея оперлась на протянутую руку Мейера, ножа, обутая въ крошечную ботинку, побалансировала на подножкѣ тильбюри, прежде чѣмъ ступила въ него. Фанни взяла возжи и

просила Мейера поскорѣе садиться, потому что горячая лошадь начинала бѣситься. Поѣздъ тронулся крупной рысью.

Дорогой Мейеръ былъ въ крайне-затруднительномъ положеніи: Фанни то нечаянно толкала его локтемъ, то такъ близко подвигалась къ нему, что касалась ногой его ноги. Мейеръ жаждалъ въ самый уголъ экипажа, краснѣлъ, поминутно глоталъ вздохи, почти не отвѣчалъ на вопросы Фанни и, съ большимъ трудомъ, вслушивался въ ея остроумную болтовню.

Однимъ словомъ, до пріѣзда на ферму, Мейеръ былъ такъ наэлектризованъ, что находился недалеко отъ состоянія влюбленнаго. На фермѣ ихъ встрѣтила цѣлая толпа молодыхъ людей, изъ которыхъ почти каждый велъ подъ руку болѣе или менѣе хорошенькую спутницу. Оказалось, что это былъ заранѣе условленный пикникъ.

Фанни такъ умѣла расшевелить угрюмаго доктора, что онъ принялъ дѣятельное участіе въ общемъ веселіи. День прошелъ въ танцахъ, и Фанни была почти постоянной дамой и наставницей Мейера, который уже давно не танцовалъ.

Часамъ къ семи все общество возвратилось въ городъ.

Мейеръ только поздно ночью вырвался изъ веселой компаніи. Онъ чувствовалъ сильную тяжесть въ головѣ и приливъ крови къ сердцу.

Глава V,

въ которой подробно описывается характеръ Фанни.

Фанни Готзегенъ была красавица въ полномъ значеніи этого слова: если въ пей все отъ мизинца до темени не было изящно и совершенно, какъ въ античной статуѣ, по-крайней-мѣрѣ, все было исполнено своеобразной прелести. Раннее вступленіе ея на театральныя подмостки, въ амплу танцовщицы, развило у нея грацію тѣлодвиженій, а раннее сближеніе съ обществомъ холостыхъ мужчинъ и съ театральными подругами придало всему существу ея тотъ отгѣнокъ нѣги, обращенію ея то изящное безстыдство, которыя пріобрѣтаются одними баловнями счастья.

Кто знаетъ, что въ немъ удивляются всему, легко привыкаетъ къ произволу въ обхожденіи съ людьми; самоувѣренность даетъ намъ нѣкоторое право презирать приличія и обычаи.

Такъ красавица иногда одѣвается не къ лицу, чего никогда не осмѣлится сдѣлать только — хорошенькая женщина. Созна-

ніе красоты, какъ всякая сознательная сила, гордо и неуступчиво.

Характеръ Фанни Готзегенъ преимущественно могъ быть опредѣленъ словомъ «капризь.» Фанни была и добра, и зла, и весела, и мрачна, и вѣтрена, и разсудительна, и расточительна, и шепетильно-расчетлива, и великодушна и мстительна, и сладострастна, какъ баядерка, и холодна, какъ мраморная статуя, безнравственна, какъ потерянная женщина, и вдругъ строга къ себѣ, какъ игумень монастыря, все это по прихоти сердца и воображенія. Въ томъ кругу, въ которомъ Фанни была царицей, законы общества не существовали для нея: произволъ ея былъ безграниченъ, а, какъ въ основаніи произвола лежала сила — именно красота, то ни одинъ изъ поклонниковъ Фанни не смѣлъ поднять противъ нея знамени бунта.

Фанни уже нѣсколько разъ по прихоти мѣняла любовниковъ, какъ перчатки или головные уборы, но иногда капризь ея къ человѣку длился нѣсколько мѣсяцевъ, даже одинъ разъ онъ продолжался близко года. Но любовникъ утомлялъ ее, теряя свою новизну и достоинство въ ея мнѣніи, и Фанни откровенно объявляла, что болѣе не любитъ его. Тогда никакія просьбы, ни угрозы, ни презрѣніе, не могли возратить ея привязанности: изъ страстной любовницы, Фанни вдругъ становилась холодной, равнодушно-вѣжливой свѣтской женщиной. Это длилось до тѣхъ поръ, пока новая прихоть не увлекала Фанни.

Она знала, что ея своенравная любовь мучитъ другихъ, что въ источникѣ ея лежитъ растлѣніе сердца; но она считала еще болѣе безнравственнымъ — продолжать жить съ мужчиною, котораго не любишь.

Одинъ изъ ея любовниковъ, вслѣдствіе ея разрыва съ нимъ, застрѣлился. Узнавъ объ этомъ, Фанни упала въ обморокъ, долго плакала, пролежала трое сутокъ въ бреду, но, вставъ съ постели, сказала человѣку, вздумавшему упрекнуть ее:

— Развѣ я виновата, что перестала любить его?... За чѣмъ же онъ, бѣдняжка, не отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же презрѣніемъ? Я люблю независимость во всемъ, тѣмъ больше независимость чувства. Отнимите у женщины послѣднее ея сокровище — свободу сердца, что же ей останется для жизни? Брошенная на произволъ эгоизма и холодныхъ расчетовъ современнаго общества, она постоянно чувствуетъ свою пассивную роль, она, конечно, привыкаетъ къ той цѣпи, которая виситъ на ея ногахъ, но она не можетъ не ощущать ея боли и тяжести. И по какому праву

это общество можетъ требовать отъ женщины высокаго настроенія чувствъ, благородныхъ стремленій, обративъ ее въ безмолвную рабу своихъ животныхъ апетитовъ и удовлетворенія самымъ пошлымъ страстямъ? Какое право оно имѣетъ въ одно и то же время топтать ее и поднимать на картонный пьедесталъ какого-то величія. Сорвите съ меня наружный блескъ красоты, молодости и дорогихъ нарядовъ, обратите меня въ бѣдную мать, соедините мою судьбу съ судьбой какого-нибудь негодяя и потомъ посмотрите, на сколько я могу быть великой, свободной, счастливой. А вѣдь это удѣлъ миллионъ женщинъ, стертыхъ до безличности дѣтской игрушки. И послѣ того обвиняютъ насъ въ легкомысліи, пустотѣ жизни и въ непостоянствѣ. Да откуда же мы возьмемъ силу характера, когда воспитаніе готовить насъ для одной выставки въ свѣтѣ, на показъ женихамъ, и потомъ ставить, какъ ненужную вещь, въ темный уголъ домашняго захолустья; откуда мы возьмемъ любовь къ дѣятельности, когда за стѣнами фабрики или театральныхъ кулисъ, намъ закрыты всѣ стези серьезнаго труда? Что же до нашего постоянства, то я не знаю, почему мужчина требуетъ вѣрности отъ жены, любовницы, не считая себя обязаннымъ тѣми же взаимными отношеніями? Онъ готовъ приковать ее у своей постели, и тутъ же въ виду своей невольницы, обнимать и цѣловать ее соперницъ. И это онъ считаетъ дозволеннымъ и даже приличнымъ. Какая грубая тиранія, возведенная въ идеалъ семейной добродѣтели! Скажу больше; женщина, если только она надѣлена горячимъ сердцемъ, должна ненавидѣть и мстить за тѣ явныя и тайныя оскорбленія, которыми язвить ее общество. И для этой мести у нея есть одно вѣрное оружіе — хитрость. Она хитритъ, пропнося слово любви, бросая нѣжный взглядъ на своего деспота; она хитритъ въ измѣнѣ, въ чувствахъ, даже въ инстинктахъ матери и друга. То, что мы называемъ истинной любовью, могу васъ увѣрить, не имѣетъ и тѣни глубоко-развитаго чувства, но отъ рабы нельзя и требовать его. Она живетъ чужой волей, и ежеминутно старается обмануть, а не расположить къ себѣ эту волю.

Разгоряченная Фанни говорила отъ души, потому что много сама испытала и прочувствовала. Она была дочь бѣднаго работника, шести лѣтъ лишилась родителей и была помѣщена въ сиротскій домъ, откуда поступила въ театральную школу. Пятнадцати съ небольшимъ лѣтъ, она дебютировала въ какомъ-то балетѣ и, въ тотъ же вечеръ, увидѣла у своихъ ногъ уже

немолодаго директора театра и одного из самых модных берлинских львовъ. Фанни избрала послѣдняго, но, черезъ два мѣсяца, влюбилась въ пѣвца королевской оперы, человѣка бѣднаго, невоздержной жизни, и, не мнуды не задумываясь, бросила богатаго льва и перешла къ нищему артисту. Потомъ, когда черезъ три мѣсяца, любовникъ Фанни дошелъ до того, что поблизъ ее, она, изъ уваженія къ самой-себѣ, оставила недостойнаго, но все еще любимаго ею человѣка, и прожила около полугода въ печальномъ уединеніи.

Едва Фанни начала оправляться отъ своей душевной раны, какъ ей попался на глаза человѣкъ, который втеченіе цѣлаго года, умѣлъ удержать власть надъ ея сердцемъ.

Но секретъ такой продолжительной связи заключался не въ дѣйствительныхъ достоинствахъ любовника, а въ сожалѣніи Фанни къ его безпредѣльной преданности и пламенной любви. Такая любовь рано или поздно должна была истощиться отъ недостатка дѣйствительной пищи. Фанни разошлась и съ нимъ, но онъ не перенесъ женскаго каприза, и, какъ я выше сказалъ, застрѣлился. Опять прошло болѣе полугода, и Фанни почему-то поправился усатый фабрикантъ Вальтеръ Науманъ.

Въ то время, съ котораго начинается нашъ разсказъ, Фанни около четырехъ мѣсяцевъ жила съ Науманомъ, любя его какю то покровительственною любовью. Но въ послѣдніе двѣ или три недѣли она уже начала, по временамъ, зѣвать въ обществѣ своего бурша, и сама не замѣчая, съ каждымъ днемъ все болѣе искала шумныхъ обществъ и все менѣе находила удовольствія въ бесѣдѣ съ однимъ Науманомъ.

Вальтеръ замѣчалъ это, но старался скрыть отъ самаго себя свои горькія открытія. Не смотря на то, въ мнуды уединеннаго размышленія, которыхъ къ счастью оставалось у Наумана очень мало отъ разсѣянной жизни, онъ долженъ былъ признаться, что разрывъ близокъ, что Фанни скоро скажетъ ему: «Я больше не люблю тебя!»

А между тѣмъ, вѣтренный Науманъ искренно любилъ ее, принявъ ея прихотливую страсть, какъ серьезную привязанность, и даже хотѣлъ жениться на ней. Но каково же было его удивленіе, когда, сдѣлавъ ей предложеніе, онъ получилъ отъ нея отвѣтъ, произнесенный съ громкимъ смѣхомъ:

— Хороша бы я была жена! ха, ха, ха! Сумасбродъ! что выдумалъ! Чтобы я вышла замужъ? Если не хочешь на всегда

спротивѣть мнѣ, то никогда не говори о такихъ глупостяхъ!... На этотъ разъ прощается!... Поцѣлуй меня, мой милый усачь!...

Когда же Науманъ хотѣлъ развить свою мысль, заговорилъ о будущности, о своемъ богатствѣ, о положеніи въ свѣтѣ, Фанни засвистала какой-то маршъ, надѣла шляпку и уѣхала, не сказавъ болѣе ни слова и даже не простившись съ хозяиномъ.

Науманъ былъ вовсе не такой человѣкъ, который могъ бы долго удержать за собой любовь женщины: пустой и поверхностный, онъ, въ первую же минуту, весь высказывался, со всѣми своими добрыми качествами и недостатками, а потомъ ежедневно только повторялся. Его веселость была всегда одинаково шумна и безцѣльна. Онъ любилъ смѣяться ради одного процесса смѣха, иногда даже вовсе безъ причины, кричалъ и пѣлъ кстати и не кстати, много пилъ и былъ охотникъ бить бокалы.... Онъ былъ добръ до самозабвенія, но доброта его была слѣдствіемъ мягкаго, впечатлительнаго сердца, а не нравственнаго принципа. Онъ былъ неспособенъ къ положительной, постоянной дѣятельности, и не имѣлъ ни одного глубокаго убѣжденія.

Наружность его вполне отвѣчала его характеру: Науманъ былъ выше средняго роста, довольно строенъ, лицо его было правильно, глаза свѣтлоголубые, лишенные выраженія, волоса и усы свѣтлорусые съ рыжеватымъ оттѣнкомъ.

Науманъ слылъ за красиваго дѣтину, но, до своей встрѣчи съ Фанни, онъ побѣждалъ только сердца, чувствительныя къ одному звуку туго-набитаго кошелька; любовь же Фанни могла быть объяснена не иначе, какъ однимъ изъ ся неуловимыхъ капризовъ. А между тѣмъ, любовь Фанни, была совершенно безкорыстна, и тѣмъ сильнѣй увлекла Наумана, до-сихъ-поръ знавшаго только однѣ мелкія интриги. Онъ полюбилъ Фанни настолько, на сколько способенъ былъ любить, и болѣе, чѣмъ любилъ когда-нибудь прежде и послѣ въ свою жизнь.

Но обратимся къ Мейеру и посмотримъ, что онъ дѣлаетъ.

ГЛАВА VI,

въ которой отчасти опровергается долговѣчность и глубина мгновенно зародившихся страстей.

До меня много разъ говорили, что сладострастныя, легкомысленныя женщины производятъ самое сильное впечатлѣніе на

людей свѣжихъ, еще не искусившихся въ любви и на оборотъ, что такія женщины чувствуютъ особенное влеченіе именно къ *такимъ* мужчинамъ. Явленіе это понятно. Съ одной стороны инстинктъ страсти угадываетъ источникъ своего полнаго удовлетворенія; съ другой свѣжая натура легко поддается чувственнымъ увлеченіямъ, съ которыхъ начинается всякая сильная страсть.

Возвратившись съ пикника въ свой флигель, Мейеръ не могъ уснуть, не смотря на то, что пары шампанскаго свинцомъ давили его голову, что въ ухахъ у него звенѣло и въ ногахъ чувствовалась необыкновенная слабость. Но мѣшало ему уснуть то, что прекрасный образъ Фанни, съ улыбкою на устахъ, съ симпатичнымъ взглядомъ, безотлучно стоялъ передъ нимъ. Гасилъ ли онъ свѣчу и закрывалъ глаза, вдругъ изъ окружающей темноты протягивалась къ нему бѣлая, на-диво-изваянная женская рука; зажигалъ ли онъ свѣчу, открывалъ книгу и пытался читать, воспоминаніе голоса Фанни, ея походки, шороха ея платья, или какого-нибудь удачнаго выраженія, брошеннаго ею въ разговорѣ мѣшали чтенію; заставляла ли его усталость опять лечь въ постель и онъ начиналъ засыпать — вдругъ невидимый жгучій подблудъ будилъ его и еще долго на-яву обманчиво горѣлъ на его губахъ. Только подъ утро, крѣпительный сонъ смежилъ его глаза, но и во снѣ, образъ Фанни непокидалъ молодаго человѣка.

Мейеръ, въ первый разъ, знакомился съ одуряющимъ напиткомъ страсти. Говорятъ, что первая любовь — всегда самая сильная. Это неудивительно: какъ новое ощущеніе, первая любовь не встрѣчаетъ противодѣйствія. Ученикъ въ любви не знаетъ, съ какой стороны подойти къ ней, не имѣетъ навыка въ обращеніи съ нею, и потому предается ей въполнѣ и кладетъ передъ ней оружіе. Позже, когда у того-жъ человѣка повторяются симптомы этой горячки, разумъ уже не даетъ имъ прежней воли.

Впрочемъ, Мейеръ былъ натура, по преимуществу, мыслящая. Къ этому присоединялось еще и то, что въполнѣ нравственное воспитаніе его, совершившееся на глазахъ родителей, потомъ научная карьера, избранная имъ по собственному влеченію, привычка къ уединенію и самоповѣрѣ, обыкновенно тѣсно связанная съ умѣньемъ владѣть собою, недозволяли сильно развиться въ немъ чувственнымъ инстинктамъ. Наконецъ, болѣзненность тѣлосложенія, отъ сидячей жизни и постояннаго умственнаго тру-

да, недопускала накопленія жизненныхъ силъ, которыми надолго могла бы овладѣть страсть.

Понятно — почему, выдержавъ впродолженіе нѣсколькихъ дней припадокъ любви, со всѣми ея непремѣнными условіями, съ уединенными прогулками, слезами и тяжелыми вздохами изъ стѣсненной груди, Мейеръ, мало-по-малу, успѣлъ увѣрить себя, что страсть его ни къ чему не ведетъ, какъ только къ потерѣ силъ и времени; хотя это убѣжденіе, до котораго другіе новички доходятъ только черезъ нѣсколько недѣль, даже мѣсяцевъ, а иные не доходятъ и цѣлые годы, было для Мейера щитомъ противъ безотчетнаго увлеченія.

Разсудокъ его на столько вступилъ въ свои права, что отмежевалъ себѣ, въ нравственномъ мірѣ, уголокъ, въ который боги не пускали страсти. Съ той минуты, какъ онъ увидѣлъ возможность отразить натискъ бурной страсти, мысль его опять могла обратиться на любимый предметъ. Чтобъ еще больше укрѣпить за собой побѣду и возвратить прежнюю энергію, Мейеръ рѣшилъ посѣтить фабрику Наумана, съ которой намѣренъ былъ начать свои социальныя примѣненія.

Часъ былъ второй дня. Опасаясь встрѣтить Фанни на площадкѣ или увидѣть ее въ окно, и тѣмъ снова поднять, только что начинавшую стихать, бурю, Мейеръ, окольнымъ путемъ, черезъ калитку своего сада, отправился въ зданіе фабрики.

День былъ ясный. Въ рождѣ, по которой проходилъ Мейеръ, птицы заливались на разные голоса, насѣкомыя жужжали, копошась въ сочной травѣ или носясь на газовыхъ крылышкахъ по бальзамическому воздуху; журчала вода въ рѣчкѣ, ниже запруженной для мельницы; листья деревьевъ тихо перешептывались о таинственныхъ вещахъ.... Полуденное солнце разливало самые разнообразные переливы красокъ и тѣней на окружающей зелени; цвѣты подъ сѣнью деревьевъ, раскрывъ свои чашечки, выглядывали изъ травы, гордясь своимъ радужнымъ нарядомъ. Божій міръ принарядился, какъ будто на веселый праздникъ, пестро, благоуханно, роскошно....

Мейеръ былъ натура свѣжая, раздражительная, а на такіхъ натуры красота природы обыкновенно дѣйствуетъ сильно. Онъ любилъ науку не однимъ холоднымъ умомъ; въ его прираженіи къ ней много участвовало сердце. Поэтому наука и не могла произвестъ на него того иссушающаго вліянія, которое она имѣетъ на доживныя способности. Для Мейера природа была великолѣпной книгой, а не сухой номенклатурой безжизненнаго натурали-

ста. Изъ всѣхъ познаній, переработанныхъ его огненнымъ мозгомъ, онъ составилъ фантастическую поэму жизни и природы.

Поэма его не была выражена словами, въ ней не было даже ничего опредѣленнаго, она была какъ-бы таинственною атмосферою, въ которой зрѣли его собственные планы и которая проникала во всѣ поры его нравственнаго существа.

Вошедъ въ рощу, Мейеръ мгновенно почувствовалъ въ себѣ такое душевное настроеніе, какое мы испытываемъ только въ минуты полной внутренней гармоніи. Окружающій его міръ разбудилъ въ немъ новыя чувства; каждый звукъ природы былъ ясенъ для него, какъ чистое слово человѣка, и мистическое значеніе цѣлаго, расположило его къ пріятному раздумью. Онъ и не замѣтилъ, какъ дошелъ до того мѣста въ рощѣ, гдѣ, между рѣдкими деревьями, открылся видъ фабричнаго зданія.

Рѣзко бросились ему въ глаза мрачныя, почерпѣлыя стѣны фабрики, съ безчисленными узкими и высокими окнами, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ недоставало стеколъ, съ черепичною кровлею и дымящеюся трубою паровой печи, онъ заслонилъ отъ него свѣтлый горизонтъ зеленыхъ окрестностей и стукъ колесъ покрылъ мелодическіе звуки природы. Переходъ отъ торжественно-идиллическаго настроенія къ впечатлѣніямъ, обыкновенно производимымъ неугомонною человѣческою дѣятельностію, былъ слишкомъ быстръ, чтобы болѣзненно не потрясти Мейера. Ему жаль стало себя при взглядѣ на этотъ омутъ человѣческой суеты, направленной къ приобрѣтенію денегъ. Ему стало стыдно и досадно на человѣка, за то, что, вмѣя подъ рукою всю природу, со всѣми ея несмѣтными сокровищами, онъ осужденъ на отвратительную бѣдность и на отчаянную борьбу за горсть золота. Ему стало, какъ будто, совѣстно передъ самимъ собой въ томъ, что онъ такъ рѣдко наслаждается даровыми благами природы, просиживая въ кабинетѣ цѣлые дни и ночи за сухой буквой книги. Но эти грустныя чувства скоро должны были уступить наплыву мыслей, исполнившихъ Мейера гордостью человѣческаго самосознанія. Нѣжная, дѣтски-наивная идиллія природы, должна была безъ слѣда исчезнуть въ его душѣ, какъ только стали возникать въ пей черты суроваго эноса цивилизаціи.

— И тамъ, и здѣсь природа! воскликнулъ Мейеръ, вступая на крыльцо фабрики: — красота внѣшней природы заключается въ томъ самомъ духѣ, который здѣсь выражается цивилизаціей. И тамъ и здѣсь видѣнъ трудъ человѣка, но природа благоухиваетъ его, а цивилизація унижаетъ и эксплуатируетъ.

Переступивъ за порогъ бумагопрядильной фабрики Наумана, Мейеръ со всѣхъ сторонъ былъ охваченъ вихремъ неугомонной дѣятельности, вѣчно подгоняемой могучимъ бичомъ прибыли и прогресса. Все тутъ кипѣло, люди хлопотливо бѣгали взадъ и впередъ, колеса вертѣлись и самое строеніе, какъ будто участвовало въ общей суматохѣ, сотрясаясь отъ дѣйствія громадной варовой машины. Въ фабричной конторѣ, чрезъ которую надо было проходить, чтобы попасть во внутренность фабрики, человѣка четыре различныхъ возрастовъ, начиная отъ 20 до 50 лѣтняго, но всѣ съ одинаково-блѣдными, утомленными лицами и впалыми глазами, стояли и сидѣли за пюпитрами, съ лихорадочной быстротой скрипя перьями. Ни одинъ изъ нихъ не приподнял головы, не встрѣтилъ Мейера взглядомъ любопытства или услужливой готовности. Имъ было некогда; они слишкомъ заняты дѣломъ своего патрона, чтобы остальной, внѣ-фабричный міръ могъ существовать для нихъ.

— Это — бѣдныя орудія капитала, это колеса въ огромномъ локомотивѣ, который, по ошибкѣ, называютъ жизнію, подумалъ Мейеръ и съ горестью вспомнилъ о своемъ покойномъ отцѣ, просидѣвшемъ десятки лѣтъ у такого же пюпитра. Въ тоже время, онъ, съ досадою и горечью, вспомнилъ о вчерашней оргіи, въ которой Науманъ и гости его беззаботно тратили плоды трудовъ этихъ бѣдняковъ.

— И я былъ въ этомъ обществѣ капиталистовъ, наслаждающихся на счетъ мозольнаго труда своихъ младшихъ братій! снова подумалъ Мейеръ.

Но контора была только предверіемъ вертепа работы, въ который вступилъ Мейеръ. Сердце его забилося еще болѣзненнѣе, когда молодой человѣкъ вошелъ въ самыя рабочія комнаты: сыростью и холодомъ пахнуло на него изъ этихъ огромныхъ залъ, въ которыхъ около тысячи человѣкъ трудились надъ тѣмъ, чтобы доставить удобства, комфортъ и роскошь совершенно постороннимъ для нихъ людямъ, трудились для того, чтобы самимъ не умереть съ голоду. Смрадь и сырость, тогда, какъ Божій міръ дышетъ теплымъ, благотворнымъ воздухомъ лѣта!... Францъ стоялъ на порогѣ и думалъ:

— Какъ безотраднo-суровъ, какъ мраченъ и кровавъ эпохъ современности. И вся цивилизація, строка за строкою, написана кровью и потомъ человѣчества. Но въ древней и средневѣковой цивилизаціяхъ кровь лилась среди открытой борьбы элементовъ общества, между тѣмъ какъ въ современной — она у миллионнѣ

людей медленно высасывается тайный вампиромъ нужды, посреди борьбы съ юридическимъ правомъ.

— Сколько тысячъ аршинъ бумажныхъ издѣлій можно воздѣлать изъ матеріаловъ, наваленныхъ въ кладовыхъ этой фабрики, а между тѣмъ производитель едва имѣютъ чѣмъ прикрыть свою наготу. Одинъ мѣсяцъ этой громадой производительности достаточно для того, чтобы съ избыткомъ, на всю жизнь, обезпечить всѣхъ этихъ несчастныхъ, а между тѣмъ за свой тяжкій трудъ они едва имѣютъ жалкій кусокъ хлѣба!...

Проходя мимо станковъ, Мейеръ, со слезами на глазахъ, смотрѣлъ на блѣдныя, истощенныя лица, впалые глаза и жалкія рубища рабочихъ. Но сочувствіе его къ страдающимъ представителямъ труда не имѣло въ себѣ ничего безплоднаго, безсильнаго, подавляющаго: напротивъ, оно рождало въ немъ пламенное желаніе помочь дѣлу эмансипаціи труда и силу, необходимую для исполненія этого желанія.

А между тѣмъ, любящій, полный симпатіи взглядъ Мейера встрѣчалъ одни мрачныя, тупыя взгляды работниковъ: ожесточеніе, посреди нужды, было написано на большей части лицъ; на нѣкоторыхъ изображались идиотизмъ и полное равнодушіе ко всему окружающему, не исключая и дѣла, которымъ заняты были ихъ руки. Только немногія молодыя физиономіи улыбались, и то какъ-то бессмысленно, такъ что отъ этихъ улыбокъ Мейеру становилось холодно и больно. Молодой человѣкъ инстинктивно чувствовалъ, что такую улыбку надо выстрадать; она не дается безъ горя; за нею — слезы, слезы и слезы.... И Мейеръ самъ готовъ былъ зарыдать, и улыбался бѣднякамъ такою же горькой улыбкой.

Кромѣ нужды и ея обыкновенныхъ спутниковъ, — ожесточенія и тупоумія, на многихъ лицахъ была печать разврата: въ-особенности большая часть женщинъ поражали наглымъ безстыдствомъ своего взгляда и преждевременною старостью лица, которою надѣляетъ безнравственная жизнь.

Мейеръ не отворачивалъ глазъ отъ самыхъ отвратительныхъ явленій. Онъ старался запечатлѣть образъ ихъ, сколько можно, глубже въ памяти и сердцѣ, для того, чтобы воспомнаніе о нихъ сопровождало его во всю послѣдующую жизнь, и было постояннымъ побужденіемъ къ дѣятельности на пользу этихъ паріевъ цивилизаціи.

Когда, подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, Мейеръ воротился домой, онъ почувствовалъ, что Фаппи уже не помѣха его заня-

тіямъ. Старушка Урсула встрѣтила его на порогѣ флигеля извѣстіемъ, что Науманъ присылалъ пригласить его къ завтраку и что въ этомъ приглашеніи участвовала г-жа Готзегенъ.

— Что же вы отвѣчали? спросилъ Мейеръ.

— Что васъ нѣтъ дома, г-нъ докторъ... сказала Урсула.

— И прекрасно сдѣлалъ: я вовсе не расположенъ идти въ гости... Прошу васъ и впередъ отвѣчать тоже самое, если-бы пришли отъ Вальтера съ подобными приглашеніями!...

— Какъ, г-нъ докторъ? вы хотите, чтобы я лгала?...

— Но это необходимо для того, чтобы мнѣ не мѣшали заниматься дѣломъ.

— А! если такъ, то моя совѣсть можетъ быть спокойна!... Понимаю, понимаю, г-нъ докторъ!... Если дать имъ потачку, они всякій день будутъ отвлекать васъ отъ занятій своими сумасшедшими праздниками... Будьте спокойны! Никто не помѣшаетъ вамъ!... за это отвѣчаю...

Глава VII,

въ которой читатель знакомится съ новой теоріей, усыпляющей Наумана.

Прошла недѣля, втеченіе которой Урсула очень ловко отставивала покой Мейера противъ постоянныхъ нападений Наумана и его любовницы, хотѣвшихъ втянуть его въ свои веселые пиры и пикники. Хотя образъ Фанни еще изрѣдка смущалъ молодаго доктора, но Мейеръ уже не боялся ея чарующей силы. Результатъ, къ которому онъ пришелъ послѣ продолжительной борьбы съ самимъ собою, можетъ быть выраженъ такъ:

Если Фанни равнодушна ко мнѣ и только кокетничаетъ для препровожденія времени, то любовь къ ней будетъ для меня источникомъ однихъ безвыходныхъ страданій. Если же Фанни полюбитъ меня, что впрочемъ вовсе не вѣроятно — то, во-первыхъ, она любовница человѣка, который сдѣлалъ мнѣ много добра, и который пламенно любить ее — это я замѣтилъ. Во-вторыхъ, ея любовь только можетъ на долго, если не навсегда, отвлечь меня отъ пути, на которомъ я надѣюсь быть полезнымъ человѣчеству. Наконецъ, Фанни не чета мнѣ ни въ жены, ни въ любовницы: въ мирный кабинетъ ученаго, въ которомъ всюду пылъ прошлаго или зачатки будущаго, не должны залетать эти роскошныя эфемериды. Ихъ сфера настоящее, а для настоящаго въ моей квартирѣ мало простора... Я одинъ едва

могу заработать себѣ насущный хлѣбъ. Тѣмъ менѣе я могу думать о томъ, чтобы прокормить жену или любовницу. Пользоваться же долѣе благодѣяніями Вальтера, было бы безсовѣстно, особенно если-бъ Фанни измѣнила ему для меня... Да и что же внести въ мою жизнь она, легкомысленная куртизанка, кромя однѣхъ бурь и тревогъ, которыя взволнуютъ миръ, нужный душѣ для того, чтобъ спокойно и въ тиши работать надъ рѣшеніемъ жизненныхъ вопросовъ.

Такъ разсуждалъ Мейеръ и рѣшилъ болѣе не видѣть Фанни, но, уяснивъ для себя задуманный планъ промышленнаго преобразования, предложить его осуществленіе Науману и потомъ, прискавъ себѣ мѣсто, переѣхать подальше отъ сосѣдства обольстительницы.

Къ концу недѣли Мейеръ уже могъ положительно сказать, что осуществленіе плана его возможно, и потому, — часу въ одиннадцатомъ утра, послалъ справиться, — можно-ли безъ свидѣтелей видѣть Наумана и, получивъ въ отвѣтъ, что онъ еще спитъ — отправился къ нему съ намѣреніемъ разбудить его.

Вошедъ въ домъ Вальтера, Мейеръ велѣлъ слугѣ вести себя въ спальню. Слуга, знавшій близкія отношенія Франца къ господину своему, не задумался исполнить его желаніе и, чрезъ длинный рядъ роскошно-убранныхъ комнатъ, привелъ его къ запертымъ дверямъ спальни, у которыхъ остановился, потому-что, по заведенному въ домѣ порядку, никто, кромя Науманова камердинера, не смѣлъ переступить за-порогъ этой комнаты, прежде чѣмъ Вальтеръ позвонитъ.

Мейеръ отворилъ дверь и остановился на порогѣ ея, пораженный удивленіемъ. Огромную комнату, въ которую онъ вошелъ, можно было скорѣе принять за будуаръ хорошенькой, слаонервной женщины, чѣмъ за спальню отчаяннаго бурша, еще не давно пившаго ромъ, какъ воду, и курившаго безчеловѣчно-крѣпкій кнастеръ изъ безконечной пенковой трубки. Здѣсь все дышало нѣгой и утопченнымъ вкусомъ. Зеленый полусвѣтъ таинственно проникалъ сквозь спущенныя сторы; стѣны были покрыты шелковыми обоями, на срединѣ потолка собранными золоченою пуговицею въ видѣ шатра; дорогой коверъ покрывалъ весь полъ; по стѣнамъ комната уставлена была самою разнообразною мебелью: тутъ былъ и превосходной работы туалетъ, уставленный всѣми модными прихотями и мягкія кресла, козетки, диваны, передъ которыми стояли маленькіе столики, и богатый экранъ передъ каминомъ, и множество статуэтокъ и фарфоро-

выхъ вѣдницъ на карнизѣ камина и на этажеркахъ. Наконецъ, прямо противъ входа, стояла огромная кровать, на которой, посреди дѣлаго моря волнистыхъ пуховиковъ, подушекъ и бѣлоснѣжнаго батиста, спалъ усатый товарищъ Мейера.

Когда первое впечатлѣніе, произведенное на Мейера роскошной обстановкой прошло, онъ рѣшился переступить за-порогъ и подойти къ кровати. Но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ опять остановился, какъ будто передъ нимъ встало привидѣніе. Привидѣніемъ была пара крошечныхъ женскихъ туфель в бѣлый женскій пеньуаръ, небрежно брошенный на одну изъ козетокъ, а немного въ сторонѣ турецкая шаль и пара перчатокъ на столикѣ. Когда взглядъ Мейера упалъ на эти предметы, онъ почувствовалъ, какъ вся кровь у него бросилась сперва къ сердцу, потомъ къ головѣ. Въ ту же минуту, дотолѣ незнакомое молодому человѣку чувство закралось въ его душу, чувство ненависти и зависти къ обладателю этимъ сокровищемъ. Но онъ старался побѣдить въ себѣ враждебную стихію и, призвавъ на помощь свою благодарность къ Науману и воспоминаніе о старинной пріязни его къ себѣ, съ совершенно дружескимъ чувствомъ подошелъ къ кровати и сталъ будить стариннаго товарища.

Науманъ спалъ крѣпко и разбудить его стоило Мейеру не малаго труда. Наконецъ, испустивъ разные, не вполне человѣческіе звуки, похожіе на рычаніе, мычаніе и полу-слова, лишенные смысла и связи, Науманъ проснулся, и, протирая глаза, безсознательно вперилъ ихъ въ Мейера.

— Что? что случилось? сказалъ онъ потягиваясь: — ужъ не воротился-ли съ того свѣта дядюшка? Или не горить-ли моя фабрика? А?

— Ничего не случилось! съ улыбкой отвѣчалъ Мейеръ: — да развѣ тебя нельзя разбудить безъ особенно-важной причины, каково возвращеніе съ того свѣта твоего дядюшки или пожаръ? Помилуй, другъ! вѣдь ужъ одиннадцатый часъ... пора, безъ всякихъ причинъ, вставать и приниматься за дѣло!..

— За какое, любезный Францъ? спросилъ Науманъ, зѣвая во всю ширину рта: — ужъ развѣ за бутылку — это понимаю... А то — подчуешь меня блюдомъ, котораго я отъ роду терпѣть не могъ, отъ котораго у меня всегда дѣбалось несвареніе желудка и разлитіе желчи... Дѣло!.. странное дѣло — говорить со мной о дѣлѣ.

— Но другъ! возразилъ съ важностью Мейеръ: — пора тебѣ одуматься!.. Все бутылка, да бутылка у тебя изъ ума не выходитъ... Нельзя же всю жизнь дурачиться, любезный Вальтеръ...

— Согласенъ! согласенъ! говорилъ, съ наслажденіемъ зѣвая, Науманъ:—нельзя всю жизнь дурачиться... Пора одуматься... Но вотъ въ чемъ бѣда! чтобы одуматься, надо начать думать... А думать — прескучная вещь, отъ которой я совершенно отвыкъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ дядюшка, вмѣстѣ съ своимъ благопріобрѣтеннымъ, завѣщаль мнѣ заботу поддерживать честь семейной нашей добродѣтели...

— Но вѣдь ты самъ, любезный Вальтеръ, совѣмъ иное говорилъ мнѣ, приглашая жить у себя... Ты тогда высказалъ много хорошихъ намѣреній, общалъ употребить свой капиталъ на общепользныя предпріятія и только искалъ у меня совѣта—какъ осуществить свое намѣреніе...

— Такъ что-жъ? я и теперь не прочь отъ общественныхъ предпріятій, только-бы они не требовали отъ меня излишнихъ напряженій мозга или физическаго труда...

— Если такъ, воскликнулъ Мейеръ:—то выслушай меня... Но приготовься къ нѣскольکو сухому изложенію теоріи преобразованій фабричной производительности... Потому я перейду къ тому, какъ можетъ быть начато примѣненіе моей теоріи къ практикѣ на твоей фабрикѣ, какія выгоды отъ этого ты пріобрѣтешь, и чего я ожидаю отъ тебя въ награду за доставленные тебѣ выгоды...

— Вотъ на этомъ, извини, я прерву тебя, сказалъ Науманъ: такъ-какъ твое изложеніе теоріи и примѣненія ея, къ моему великому удовольствію, займетъ не мало времени и вниманія, то позволь мнѣ сперва исполнить мой утренній туалетъ и потомъ уже, за чашкою кофе и съ сигарою во-рту, совершенно комфортабельно приняться за слушаніе тебя, развѣсивъ уши...

Мейеръ согласился, и Науманъ, позвонивъ, велѣлъ камердинеру, подать себѣ умываться. Не желая мѣшать ему, Мейеръ вышелъ въ другую комнату и возвратился только тогда, когда мимо него пронесли кофе и цѣлую груду различнаго печенья, изъ чего онъ заключилъ, что церемонія утренняго туалета кончена.

Науманъ въ шелковомъ халатѣ и ерможкѣ сидѣлъ на диванѣ, передъ столикомъ, на которомъ стояло два стакана горячаго кофе и корзинка съ бисквитами. Онъ важно указалъ Мейеру на противоположное кресло, не промолвивъ ни слова, потому что

ротъ у него былъ до нельзя наполненъ огромнымъ кускомъ сахарнаго кренделя. Мейеръ сѣлъ и, не дотронувшись до своего стакана, сказалъ:

— То, что я хочу говорить тебѣ, уже не ново, но, можетъ быть, не вполне знакомо тебѣ. Можетъ быть также, моя теорія, основанная на общеизвѣстномъ началѣ, нѣсколько оригинальна и не совсѣмъ согласна съ твоимъ мнѣніемъ о машинномъ производствѣ. Изложеніе ея будетъ скато, и потому смѣло рассчитываю на твое вниманіе и на то, что ты вникнешь въ дѣло... Общаешься, любезный Вальтеръ?

— Постараюсь, постараюсь! отвѣчалъ Науманъ:—если-жъ чего не пойму, ужъ ты, сдѣлай милость, не взыщи съ неуча!.. Вѣдь я плохо учился политической экономіи и всѣмъ вашимъ наукамъ...

— Не безпокойся! сказалъ Мейеръ: — дѣло очень просто... Слушай!..

Науманъ, какъ можно удобнѣй расположился на диванѣ и, закуривъ сигару, уставилъ на Мейера свои стеклянные глаза.

— Всѣмъ и тебѣ извѣстно, любезный Вальтеръ, началъ Мейеръ медленнымъ и торжественнымъ голосомъ, въ которомъ слышалось сознаніе говорящаго, что онъ приступаетъ къ предмету первой важности:—всѣмъ извѣстно, повторилъ онъ, что машины, замѣняя живыя человѣческія силы, большую долю населенія земнаго шара освобождаютъ отъ совершенно-механической дѣятельности. Но такъ-какъ устройство обществъ, при которомъ эта масса живыхъ силъ прежде расходовалась на механическій трудъ, теперь исполняемый машинами, осталось въ прежнемъ видѣ, то введеніе машинъ, до-сихъ-поръ, запутывало общественные интересы. Огромная масса силъ въ обществѣ не имѣла никакого примѣненія, и общество не знало куда дѣвать ихъ и что съ ними дѣлать... Работники, прежде составлявшіе единственныя производительныя силы, замѣнены колесами, рычагами, и другими составными частями машинъ. Но какъ эти люди съ дѣтства привыкли къ той дѣятельности, которую нынѣ исполняютъ отдѣльныя составныя части машинъ, и ни къ чему другому не способны, вслѣдствіе постоянныхъ занятій своимъ механическимъ дѣломъ, то для нихъ введеніе машинъ есть родъ смертнаго приговора, если общество не озаботится присканіемъ для нихъ другаго хлѣбнаго занятія. До-сихъ-поръ введеніе каждой новой машины рождало тысячи пролетаріевъ, изъ которыхъ одни оставались, въ видѣ, гнойной раны, въ самыхъ обществахъ, другіе, и то не большинство, населяли собою пустыни новаго

свѣта. Но нѣтъ сомнѣній, и уже нынѣ становится яснымъ, что этотъ послѣдній исходъ скоро будетъ не возможенъ, потому что новый свѣтъ не нуждается больше въ переселенцахъ дряхлой Европы. Очевидно, дальнѣйшее развитіе механическихъ изобрѣтеній, постепенно затрудняя общественное устройство, должно наконецъ привести къ самымъ нечальнымъ результатамъ. По моему мнѣнію, лѣченіе заключается въ томъ же, чѣмъ мы ушиблись... въ машинахъ... Машина, чѣмъ болѣе будетъ совершенствоваться, тѣмъ болѣе будетъ упрощаться и, наконецъ, должна прійти къ такой упрощенности, что сдѣлаетъ не нужнымъ раздѣленіе общества на производителей и потребителей, и уничтожить паразитные классы не производительныхъ дѣятелей, каковы купцы, фабриканты и проч.

— Что это ты, братъ, говоришь? воскликнулъ Науманъ, выпучивъ глаза:—мы всѣ, фабриканты, купцы и наши работники, по твоему, будемъ современемъ не нужны? Да если не будетъ фабрикъ, кто же будетъ дѣлать изъ сырыхъ произведеній всѣ продукты; потребляемые обществомъ? Вѣдь, не съ неба же будутъ падать готовый ситецъ, сукно, каленкоръ, шелковыя матеріи?

— Но почему же не допустить, отвѣчалъ съ увлеченіемъ Мейеръ:—отчего не допустить, что идеалъ машинъ состоитъ въ томъ, чтобы онѣ сдѣлались орудіемъ для расширенія разнообразныхъ силъ и способностей индивидуумовъ, также какъ очки, микроскопъ, телескопъ?..

— Вотъ ужъ этого я вовсе не понимаю.

— Видишь, любезный Вальтеръ! Упрощеніе машинъ ведетъ къ тому, чтобы, при возможно-меньшемъ количествѣ живыхъ силъ, выдѣлывать возможно-большее количество произведеній. Положимъ, что теперь каждая машина, приводимая въ движеніе, требуетъ двадцать человѣческихъ силъ, современемъ будетъ управлять ею только одна двадцатая часть человѣческой силы, а еще позже изъ милліона рукъ, занятыхъ въ настоящую минуту, того же результата будутъ достигать только десять человѣческихъ рукъ. Но для этого нужно, чтобы машинное производство было доступно каждому, т. е., чтобы каждый имѣлъ въ своемъ распоряженіи ту механическую силу, которой теперь обладаетъ одинъ изъ милліона людей.

— А кто же будетъ дѣлать эти безчисленныя машины для гражданъ?

— Почему же не предположить, что машина для дѣланія специальныхъ машинъ, будетъ достояніемъ всего общества и что въ сооружеініи ея будутъ участвовать всѣ члены этого общества?

— Что это? Экъ, куда хватилъ! воскликнулъ Науманъ, заливаясь смѣхомъ. Да вѣдь это будетъ машинное царство! Помилуй, любезный другъ, какъ ты можешь до такой степени увлекаться какими-то химерическими теоріями?.. Вѣдь ты проповѣдуешь самый дикій коммунизмъ, о какомъ я никогда не слыгалъ!..

— Я ничего не проповѣдую, любезный Вальтеръ! спокойнымъ и важнымъ голосомъ произнесъ Мейеръ: — но, можетъ-быть, я нѣсколько увлекся логикой своей теоріи. Не въ томъ дѣло... я хотѣлъ только показать — какъ разумѣю давно повторяемое изрѣченіе — что машина, мало-по-малу, освобождаетъ массы людей отъ механическаго труда, который не достоинъ человѣка, и дѣлаетъ, все бѣльшему числу людей, доступнымъ нравственное совершенствованіе, оставляя имъ свободное время для умственныхъ занятій. Устройство общества, какое я представилъ и надъ которымъ ты смѣешься, конечно, идеаль, но, по моему мнѣнію, общество стремится именно къ этому, а не къ другому идеалу. По-крайней-мѣрѣ, я не знаю другихъ исходовъ изъ этого ада человѣческихъ страданій. Если-бъ этотъ результатъ былъ не возможенъ, тогда современное развитіе машинъ потеряло-бы всякій нравственный смыслъ, и было-бы моровымъ повѣтріемъ для тысячи тысячъ нашихъ братій.

— Но нѣтъ! продолжалъ послѣ минутнаго молчанія Мейеръ, съ просіявшимъ лицомъ:— да будетъ далека отъ насъ такая святотатственная мысль!.. Машина есть проявленіе того же могущественнаго духа, который въ другихъ сферахъ совершилъ величайшія открытія на пользу человѣка... Она непремѣнно должна облегчить моральные усилія общества, а потому моя теорія, во всякомъ случаѣ, справедлива въ общихъ чертахъ, хотя, можетъ-быть, въ подробностяхъ и возбуждаетъ недовѣріе, какъ все новое, до чего общество еще не дозрѣло...

— Понимаю, понимаю! сказала Науманъ, зѣвая и потягиваясь.

Изложеніе теоріи Мейера уже начинало видимо надоѣдать ему, и слова его означали, что онъ желаетъ поскорѣе отдѣлаться отъ товарища. Но Мейеръ не замѣчалъ этого: вполне заня-

тый своимъ планомъ, онъ продолжалъ прежнимъ тихо-торжественнымъ голосомъ:

— По моему мнѣнію, прогрессъ въ машинномъ производствѣ есть дѣло величайшей важности, первый шагъ къ общей социальной реформѣ. Чувствуя себя призваннымъ къ этому дѣлу, я хочу посвятить свою жизнь на усовершенствованіе, т.-е., упрощеніе нашихъ машинъ. Упрощеніе, которое я имѣю въ виду, должно состоять, во-первыхъ, въ приисканіи самого дешеваго и сильнѣйшаго двигателя, чѣмъ доселѣ употребляемый, т.-е., паръ; во-вторыхъ, въ изобрѣтеніи менѣе сложныхъ машинъ, требующихъ меньшаго количества рукъ...

— То и другое уже въ моей головѣ, и я надѣюсь вскорѣ осуществитъ свой планъ для бумаго-пряделныхъ фабрикъ, какъ болѣе знакомыхъ мнѣ по своему техническому устройству. Съ тѣмъ вмѣстѣ я желалъ-бы, что-бъ ты, любезный Вальтеръ, воспользовался славою и выгодами перваго примѣненія моего изобрѣтенія...

— Понимаю, понимаю! произнесъ Науманъ и снова протяжно и съ наслажденіемъ зѣвнулъ, при чемъ глаза его сдѣлались узки, какъ щелки, и почти совершенно исчезли.

— И такъ, продолжалъ Мейеръ: — примѣненіе перваго моего изобрѣтенія я намѣренъ предоставить тебѣ... О славу не буду говорить: ты вѣрнись однимъ положительнымъ интересамъ. И потому скажу тебѣ, что примѣненное къ бумагопрядильному производству мое изобрѣтеніе, которое не требуетъ никакихъ чрезвычайныхъ усилій и издержекъ, дастъ огромныя выгоды, около одной четверти нынѣшнихъ ежегодныхъ твоихъ барышей... Въ два года оно совершенно окушится, и потомъ будетъ давать чистой выгоды, по-крайней-мѣрѣ, одну четверть настоящихъ процентовъ, не считая уже того, что, втеченіе этихъ двухъ лѣтъ, оно подорветъ многихъ изъ соперниковъ твоихъ, до бумагопрядильному производству, и тѣмъ облегчитъ, ускоритъ и усилитъ оборотъ капитала, и увеличитъ проценты съ него.

Дремота Наумана прошла съ возбужденнаго въ немъ Мейеровой рѣчью ужаса.

— Помилуй, помилуй, любезный Францъ! воскликнулъ онъ: я привыкъ ежегодно тратить сполна весь получаемый съ фабрики доходъ... Изъ дядина капитала не осталось у меня ни гроша... Откуда же мнѣ взять на примѣненіе твоего изобрѣтенія такую огромную сумму... это не возможно, милый мой!

— Но подумай, любезный Вальтеръ! возразилъ Мейеръ:— громадная выгода, которую ты впоследствии извлечешь изъ моего

изобрѣтенія, неужели не искушаетъ мгновеннаго лишенія, безъ котораго не возможны великія предпріятія... Подумай о томъ, что если другой примѣнитъ мое изобрѣтеніе, то ты, съ своимъ устарѣлымъ способомъ производства, не будешь въ состояніи соперничать съ нимъ...

— Но... перебилъ его Науманъ:—неужели ты поступишь такъ не дружески, что будешь подрывать мое производство, продавъ свое изобрѣтеніе другому бумагопрядильному фабриканту?

— Продавъ? сказалъ Мейеръ и задумчиво склонилъ голову на грудь; потомъ онъ продолжалъ, какъ-будто обращаясь къ самому себѣ:—продажа божьяго дара—святотатство. Но и зарыть талантъ, дарованный мнѣ для того, чтобы онъ принесъ пользу моимъ ближнимъ, — я не имѣю права. Конечно, я могъ-бы начать исполненіе своего плана съ шерстянныхъ издѣлій, но это промедленіе, затруднивъ для меня первый шагъ, только отсрочить твое раззореніе...

— Но, продолжалъ Мейеръ, выходя изъ задумчивости и обращая рѣчь къ Науману:—неужели ты не можешь согласиться на небольшое ограниченіе въ своемъ годовомъ бюджетѣ?.. Въ будущемъ году, ты могъ-бы снова израсходовать прежнюю сумму!.. Согласись, любезный Вальтеръ, и благословеніе человечества стократно вознаградитъ тебя за добровольное пожертвованіе минутными прихотями!..

— Жалѣю, голубчикъ, отвѣчалъ Науманъ: — что я, въ первый разъ въ жизни, принужденъ не согласиться съ твоей просьбой. Ты требуешь совершенно невозможнаго... Домъ мой поставленъ на такую погу... всѣ мои знакомые привыкли къ моему образу жизни... Всѣхъ озадачало-бы такое постыдное отступленіе... Мой кредитъ необходимо пострадалъ-бы... нѣтъ, это не возможно... я себѣ и представить не могу, чтобы держать менѣе прислуги, лошадей по-хуже, квартиру по-меньше... я такъ привыкъ къ своему образу жизни, что все это стало частью меня самого... вотъ если-бъ ты раньше сказалъ мнѣ о своихъ предположеніяхъ, когда я еще не такъ втянулся въ эту жизнь, можетъ-быть, я и согласился-бы!.. а теперь уже поздно...

— Раньше? грустно произнесъ Мейеръ: — да, твоя правда, Вальтеръ! я долженъ-бы тогда же посвятить тебя въ свой планъ, когда ты, съ такой готовностью ко всему доброму, просилъ у меня совѣта—какъ употребить свои средства на общую пользу. Но въ то время я былъ занятъ своими эгоистическими цѣлями... я думалъ о докторскомъ дипломѣ. Да, да, твоя правда, Вальтеръ!

Но что же дѣлать? какъ быть? ты ставишь меня въ крайне-затруднительное положеніе... Наша старинная пріязнь съ тобою, моя благодарность за твое гостепрѣимство, обязываетъ меня не только не вредить тебѣ моимъ изобрѣтеніемъ, но и предоставить тебѣ матеріальныя выгоды съ него... а между-тѣмъ, ты упрямо стоишь за свое настоящее, не хочешь примкнуть къ дѣлу, обѣщающему такія огромныя выгоды.

Науманъ засмѣялся, смотря на задумчивое лицо своего опечаленнаго товарища.

— Однако мы съ тобой порядочные ребята! сказали онъ:— споримъ о дѣлѣ, которое еще только существуетъ въ твоёмъ воображеніи и которому, можетъ-быть, никогда не суждено осуществиться!..

Мейеръ поднялъ голову, и глаза его блеснули огнемъ творчества и благородной увѣренности.

— Дѣло, воскликнулъ онъ съ жаромъ:— дѣло, о которомъ я говорилъ, ближе къ своему осуществленію, чѣмъ ты думаешь, Вальтеръ!.. говорю это, потому-что, втеченіе послѣдней недѣли, я на бумагѣ уже пришелъ къ положительнымъ результатамъ...

— На бумагѣ, согласенъ! улыбаясь возразилъ Науманъ:— но бумага все терпитъ, да на дѣлѣ не все удается. Вотъ, когда ты сдѣлаешь опыты, модель для машины и все, что нужно, тогда потолкуемъ!... А до-тѣхъ-поръ....

— А до-тѣхъ-поръ, перебилъ Мейеръ:— ты будешь продолжать запутывать свои дѣла и когда придетъ время къ исполненію, у тебя будетъ менѣе средствъ, чѣмъ нынѣ.... Вальтеръ! Я готовъ возвратиться къ тебѣ, когда всѣ приготовления будутъ сдѣланы, но обѣщай мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, что когда я докажу тебѣ, какъ дважды два — четыре, что моя машина не мечта, — ты согласишься предоставить мнѣ примѣненіе ея къ твоей фабрикѣ....

— Обѣщаю, обѣщаю, любезный Францъ! отвѣчалъ Науманъ.

— Теперь, продолжалъ Мейеръ:— мнѣ остается только иѣсколько подробнѣе поговорить съ тобою объ основаніяхъ, на которыхъ зиждется мое изобрѣтеніе, для того, чтобы ты съ большимъ довѣріемъ смотрѣлъ на задуманную мной реформу. Вотъ видишь!...

Тутъ Мейеръ пустился въ такія спеціальныя разсужденія о своемъ изобрѣтеніи, такъ увлекся своимъ предметомъ, съ такимъ усердіемъ принялся чертить на листѣ бумаги фигуры, циф-

ры и буквы, что и не замѣтилъ, какъ Науманъ заснулъ, заложивъ ноги на спинку дивана.

Храпъ его заставилъ Мейера очнуться. Онъ съ сожалѣніемъ пожалъ плечами и поспѣшно ушелъ въ свой флигель.

ГЛАВА VIII,

въ которой старое вино вызываетъ на старыя истины.

Разговоръ съ Науманомъ еще болѣе утвердилъ Мейера въ его намѣреніи — прискаты себѣ должность и оставить даровую квартиру. Съ этою цѣлью Мейеръ записался кандидатомъ на кафедру естественныхъ наукъ и технологіи во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ эти науки преподавались, намѣреваясь, при первомъ удобномъ случаѣ, объявить товарищу о своемъ переездѣ.

Въ свободное отъ хлопотъ время, Мейеръ также не дремалъ: онъ, съ полнымъ рвеніемъ, занимался вычисленіями и приготовленіемъ модели для изобрѣтенной машины. Такъ проходили дни за днями, втеченіе которыхъ приглашеній отъ Наумана не было, вслѣдствіе чего Урсула стала менѣе осторожна.

Однажды, окончивъ всѣ необходимые визиты, Мейеръ вознамѣрился цѣлый день провести дома; часу во-второмъ дня, онъ сидѣлъ въ халатѣ и туфляхъ, окруженный всѣми принадлежностями своихъ занятій и вырѣзывалъ изъ картона, какое-то замысловатое колесо. Вдругъ совершенно неожиданно вошелъ камердинеръ Наумана. Мейеръ вопросительно взглянулъ на него; въ отвѣтъ на его взглядъ — слуга сказалъ:

— Господинъ мой проситъ васъ, г-нъ докторъ, черезъ часъ пожаловать къ нему для важнаго дѣла.

Мейеръ, уже сбиравшійся отвѣчать на первыя слова камердинера отказомъ, услышавъ, что его приглашаютъ для важнаго дѣла, задумался, и, помолчавъ съ минуту, отвѣчалъ:

— Клянитесь господину и скажите, что я непремѣнно буду....

Слуга поклонился и вышелъ, а Мейеръ сталъ одѣваться.

— Что Вальтеру за фантазія, думалъ онъ, повязывая галстухъ: — именно сегодня заниматься дѣломъ?....

— Видно, онъ посовѣтовался съ кѣмъ-нибудь о моемъ предположеніи, размышлялъ молодой человекъ, надѣвая жилетъ.

— О, если-бъ онъ согласился на мое предложеніе! вполголоса сказалъ онъ про себя, счищая съ сюртука пыль.

Одѣвшись, Мейеръ взялъ шляпу и отправился къ Науману. Когда онъ вошелъ въ переднюю и хотѣлъ прямо пройти черезъ залъ,—слуга просилъ его войти въ кабинетъ Наумана, гдѣ его ожидаетъ хозяинъ.... Науманъ принялъ Мейера въ модномъ сюртукѣ, причесанный и раздушенный:

— Ну, дружище! скажамъ онъ: —поймаи же мы тебя, негодима, медвѣдя! Это все проказница, Фанни, придумала залучить тебя единственною приманкою, на которую ты поддаешься!... А вѣдь я ужъ боялся, что ты догадаешься.... толковать, толковалъ Жозефу, чтобъ онъ сдѣлалъ рожу, какъ можно, поважнѣе и, если ты будешь догадываться, то чтобы и глазомъ не моргнулъ, а утверждалъ-бы, что, дескать, крайне — важныя дѣла... Молодецъ Жозефъ! хорошо исполнилъ мое порученіе....

Мейеръ не зналъ — сердиться ли на доброжелательный разговоръ пріятеля противъ своей независимости или, вмѣстѣ съ нимъ, посмѣяться надъ своею легковѣрностью.

— Такъ ты и не думалъ говорить со мною о важномъ дѣлѣ? спросилъ онъ полу-серьезнымъ, полу-шутливымъ тономъ.

— И не думалъ, любезный другъ! отвѣчалъ Науманъ со смѣхомъ:—мы просто затѣяли по лучше позавтракать компаніей, и Фанни наша, что безъ тебя нашъ пиръ ни то, ни се... Но такъ-какъ....

— Остальное я понимаю.... перебилъ Мейеръ:—Но оставаться у тебя, извини я не могу.... Въ другой разъ, изволь! только не сегодня, я спѣшу кончить одно дѣло.... Вѣдь я работаю за моделью своей машины....

Въ эту минуту дверь противоположная той, въ которую Мейеръ вошелъ, отворилась настежь, и на порогѣ появилась Фанни, въ роскошномъ утреннемъ нарядѣ, и во всемъ блескѣ молодости и красоты.

— Здравствуйте, г-нъ Мейеръ! воскликнула молодая женщина, граціозно присѣдая: —Что я слышу? Вы опять хотите бѣжать отъ насъ? Но, вѣдь, это доказываетъ пренебреженіе къ нашему обществу, личное оскорбленіе, наносимое вашему хозяину и мнѣ: вѣдь я ломала голову, — какъ заманить васъ сюда. Можно-ли быть такъ неделкатнымъ къ женщинамъ?...

— Сударыня! отвѣчалъ Мейеръ, стараясь не смотрѣть на Фанни, чтобы быть въ состояніи окончить задуманную имъ фразу:—я былъ-бы, конечно, очень виноватъ передъ вами, если бы предпочелъ вашему обществу какое-нибудь другое; но совѣсть моя можетъ быть совершенно покойна, потому-что я жер-

твую удовольствіемъ провести съ вами время исполненію суровой обязанности....

Видно было, что этотъ языкъ, важный, свободный отъ пошлыхъ фразъ свѣтской молодежи, которою Фанни всегда была окружена, показался ей страннымъ, но понятнымъ.

Она внимательно выслушала Мейера и, когда онъ замолчалъ, сказала тономъ, исполненнымъ наивнаго чувства:

— Не думайте, чтобъ я хотѣла разстроить ваше прекрасное единеніе или помѣшать вашему дѣлу; но мнѣ кажется, что вы даете себѣ ужъ слишкомъ мало простора.... Нельзя же жить только для однихъ обязанностей!... Притомъ, вѣдь, вы имѣете же обязанность и относительно общества, въ которомъ живете; отчего же изрѣдка не подѣлитесь съ другими часами вашего досуга, — особенно, если они такъ полезны своимъ вліяніемъ на общество. Вы призваны для блага человѣчества, и прячитесь въ свою ученую келью отъ этого человѣчества.

— Да чего много толковать съ нимъ? подхватилъ Науманъ: Добро пожаловать въ столовую; тамъ насъ ожидаютъ голодные желудки и столъ, уставленный — чѣмъ Богъ послалъ, для утоленія голода. Фанни ступай впередъ! А мы пойдемъ за тобой!

Фанни повернулась на порогъ и медленно вышла; за нею отправились подъ-руку Науманъ съ Мейеромъ, который инстинктивно повиновался ему. Въ гостинной ожидали ихъ челоѣкъ шесть близкихъ пріятелей Вальтера.

Науманъ познакомилъ Мейера съ своими гостями. Въ эту минуту вошедшій слуга объявилъ, что на столъ подано, и Вальтеръ пригласилъ всѣхъ въ столовую.

Фанни сѣла возлѣ Наумана, показавъ Мейеру мѣсто возлѣ себя съ другой стороны.

Впродолженіе завтрака, Фанни, игравшая роль хозяйки, занята была однимъ Мейеромъ. Она увивалась около него, какъ чертенокъ, который собирается поймать челоѣческую душу; она слѣдила за каждымъ его движеніемъ, предлагала ему лучшія кушанья, наливала вино, болтала безъ умолку и пла за его здоровье. Но молодой докторъ вооружился всѣмъ своимъ стоицизмомъ, старался быть слѣпымъ къ ея прелестямъ, старался не слушать ея остротъ, едва отвѣчалъ на ея вопросы, почти ничего не ѣлъ, но за то пилъ болѣе обыкновеннаго. Казалось, онъ хотѣлъ придать себѣ виномъ бодрости, которой ему не доставало. Съ непривычки вино, дѣйствительно, разшевелило въ немъ храбрость: щеки его разгорѣлись, языкъ развязался.

Онъ смѣлѣе смотрѣлъ на Фанни и даже на улыбки ея отвѣчалъ сдержанными улыбками. Это обстоятельство еще болѣе развеселило ее.

Завтракъ былъ уже на половинѣ, когда Мейеръ безъ всякаго видимаго повода, вдругъ снова сдѣлался мраченъ и задумчивъ. Дѣло въ томъ, что Науманъ, по своему обыкновенію въ подобныхъ случаяхъ, началъ хвастать старымъ виномъ, которое стоило ему баснословную цѣну и котораго онъ велѣлъ подать бутылку, другую. Приказаніе было тотчасъ исполнено и вино розлито въ особыя дорогія рюмки. Когда Фанни, снявъ съ подноса, поставила передъ Мейеромъ его рюмку, онъ отодвинулся отъ стола, какъ будто передъ нимъ поставили приемъ яда.

Никто, кромѣ Фанни, не обратилъ на это вниманія.

Мейеръ продолжалъ хиуриться, а гости съ нетерпѣніемъ ждали сигнала, чтобы приняться за восхваленное вино, причежь просили Фанни, чтобъ она провозгласила первый тостъ.

— Пьемъ за здоровье нашего хозяина и процвѣтаніе его дѣлъ! произнесла Фанни, поднимая свою рюмку, наполненную ароматическимъ напиткомъ.

Гости повторили тостъ и медленно опорожили свои рюмки.

Науманъ въ восторженныхъ выраженіяхъ благодарилъ гостей и, поцѣловавъ ручку у своей хорошенькой любовницы, потребовалъ еще пару бутылокъ того же вина. Тогда только Фанни первая замѣтила, что рюмка Мейера осталась нетронутой.

— Что же? воскликнула она:— вы, г-нъ докторъ, развѣ не раздѣляете нашего общаго желанія?

Мейеръ, казалось, во все не замѣтилъ провозглашеннаго тоста; онъ былъ такъ мало приготовленъ къ внезапному нападенію, сдѣланному на него сосѣдкою, и обратившему на него вниманіе всѣхъ прочихъ собесѣдниковъ, что совершенно растерялся, покраснѣлъ, и схватилъ свою рюмку съ намѣреніемъ выпить ее залпомъ. Но на половинѣ дороги вдругъ остановился, какъ будто почувствовалъ около рта пылающій уголь или раскаленное желѣзо.

Фанни засмѣялась и большая часть гостей отвѣчала двусмысленной улыбкой на ея смѣхъ.

— Что съ тобой дѣлается, любезный дружище? воскликнулъ Науманъ, расхохотавшись во все горло:— неужели тебѣ не правится это вино?... Вѣдь ему слишкомъ двѣсти лѣтъ, а стоитъ оно ровно восемьдесятъ талеровъ бутылка... кажется не стыдно пить такое вино хоть кому....

Наглое приглашеніе Наумана вывело Мейера изъ замѣшательства.

Негодованіе выразилось на его раскрасившемся лицѣ; гордо поднявъ голову, онъ сказалъ дрожащимъ отъ внутренней тревоги голосомъ:

— Именно то обстоятельство, по которому ты находишь, что хоть кому не стыдно пить твое вино, заставляетъ меня не пить его!... Я утверждаю громко, что всякому порядочному и мыслящему человѣку — должно быть стыдно пить у тебя вино, котораго бутылка стѣитъ восемьдесятъ талеровъ, тогда-какъ работники твоихъ фабрикъ, должны довольствоваться водой.

— Ну, другъ! воскликнулъ Науманъ со смѣхомъ, за которыми нельзя было не замѣтить легкаго движенія досады: — у мѣста-ли за дружескимъ веселымъ завтракомъ обсуживать такіе важные вопросы?... По-нашему: веселиться такъ веселиться, а заниматься дѣломъ, такъ стаканъ въ сторону!...

Гости Наумана согласились съ нимъ, выразивъ свое удовольствіе громкими и продолжительными рукоплесканіями. Одна Фанни, казалось, была не удовлетворена рѣчью Наумана, на ея лицѣ мелькнула легкая тѣнь сомнѣнія; ясно было, что голова ея работала надъ какимъ-то труднымъ вопросомъ. Взглядъ ея, устремленный на молодого доктора, казалось, поощрялъ его къ отвѣту, между тѣмъ какъ рука не терпѣливо играла ножомъ.

Когда полненіе, произведенное рѣчью Наумана, нѣсколько стихло, Мейеръ, какъ-будто, понявъ безмолвный взглядъ Фанни, оказалъ болѣе твердымъ голосомъ:

— Ты самъ, Вальтеръ, заставилъ меня говорить: если-бъ ты оставилъ меня съ моимъ раздумьемъ, я вѣрно не нарушилъ-бы, не у мѣста — серьезнымъ словомъ вашего веселаго пира. Но теперь выслушай меня, хоть мои слова и не облакаютъ твоего слуха.

— Выслушайте меня, господа, хоть для того, чтобы убѣдиться, что мой упрекъ относится не къ вамъ, а-ко всему обществу, въ которомъ одна часть считаетъ себя въ правѣ не знать страданій другой, гораздо болѣею части, какъ-будто онѣ живутъ на двухъ различныхъ планетахъ. Когда мы пьемъ это ароматическое вино въ восемьдесятъ талеровъ за бутылку, когда намъ подають отборныя кушанья на серебрѣ и золотѣ, мы забываемъ, что есть люди, которые были-бы рады черствому куску хлѣба и стакану чистой воды. Но мы не видимъ этихъ людей, не знаемъ ихъ страданій, потому-что они живутъ намъ,

лучше, прозябають далеко отъ насъ, среди безпрерывнаго и нѣмаго труда. Здѣсь, въ этой свѣтлой, просторной и богато-убранной комнатѣ все весело, удобно и роскошно, а тамъ все пасмурно и печально. Я увѣренъ, что ты Фонтъ-Науманъ, никогда не былъ на своей фабрикѣ, не видѣлъ своихъ работниковъ; ты не видѣлъ ни грязи, ни лохмотьевъ, ни впастьхъ и осунувшихся лицъ; иначе они испортили-бы твой аппетитъ къ роскошнымъ обѣдамъ и дорогому вину. И если-бъ ты распросилъ и выслушалъ, какъ эти матери и дѣти доведены до истощенія своихъ физическихъ и нравственныхъ силъ, до болѣзненно-непріятнаго вида, на которомъ не скрывается ни печать преждевременнаго разрушенія, ни слѣды разврата, ты ужаснулся-бы своего собственнаго положенія и безумныхъ оргій... Конечно, ни ты, ни я, никто изъ насъ не виноватъ, что есть въ мірѣ нищета, слезы и стоны. Но развѣ отъ этого легче мнѣ и тебѣ? Неужели можно извинить наше холодное презрѣніе къ бѣдствующимъ только тѣмъ, что не мы первые участвовали въ его развитіи.

Долго еще говорилъ Мейеръ, и одушевленная рѣчь его дышала искреннимъ и симпатичнымъ гнѣвомъ.

Наконецъ утомленный, онъ замолчалъ и откинулся къ спинкѣ своего стула. Въ глазахъ большей части гостей выражалось удивленіе, смѣшанное съ принужденнымъ сожалѣніемъ. Обращаясь на Наумана, эти глаза, какъ-будто спрашивали:

— Что за странная мысль — пригласить въ нашу компанію сумасшедшаго?

Одинъ завтой юноша, похожій на сына богатаго купца, спросилъ, обращаясь къ своему сосѣду, толстому пивовару, и указывая взглядомъ на Мейера:

— А что? не имѣетъ ли онъ обыкновенія кусаться?

— Нѣтъ! отвѣчалъ пивоваръ съ хитрой ужимкой:— Успокойтесь, любезнѣйшій! Онъ только докторъ философіи...

Купеческій сынокъ приторно улыбнулся, но опустилъ глаза въ тарелку, потому-что встрѣтилъ пылающій взглядъ Мейера.

Науманъ, все время, молча крутилъ усы, играя серебрянной вилкой. Ему стыдно было прервать Мейера, посреди его поэтической рѣчи, изъ которой Вальтеръ очень не много понималъ, по которую находилъ верхомъ ораторскаго краснорѣчія, забывъ, что убѣжденія, высказанныя въ ней, противорѣчили его собственнымъ убѣжденіямъ. Только двое изъ слушателей Мейера, повидимому, прониклись истиною его словъ. Изъ этихъ двоихъ одинъ былъ богатый студентъ берлинскаго университета, баронъ Штау-

няцъ. Прекрасное, благородное лицо молодого человѣка ясно отражало движеніе его души, живо принявшей впечатлѣнія Мейеровой рѣчи; глаза его прильнули къ устами говорившаго, печальная и вмѣстѣ одобрительная улыбка улеглась на его губахъ, едва опущенныхъ тонкой линіей усовъ.

Но глубже всѣхъ рѣчь Мейера потрясла Фанни.

Когда онъ началъ говорить, прекрасное лицо ея выразило изумленіе и родъ испуга, который можно было объяснить опасеніемъ, что смѣлая рѣчь навлечетъ оратору неприятности со стороны слушателей. Притомъ суровое слово не привычнымъ диссонансомъ отдалось въ ея изнѣженномъ слухѣ. Но, мало-помалу, лицо Фанни приняло важное, серьезное выраженіе и, когда Мейеръ замолчалъ, двѣ крупныя слезы, какъ двѣ жемчужины, скатились по персиковымъ щекамъ красавицы и упали на роскошную грудь. Фанни сидѣла, печально склонивъ голову и опцпывая кружево носоваго платка, а баронъ Штаунницъ, сидѣвшій на супротивъ Мейера, протянулъ къ нему черезъ столъ руку и восторженно воскликнулъ:

— То, что вы сказали, г-нъ докторъ, какъ будто вышло изъ моего сердца.... Я никогда не слышалъ болѣе краснорѣчивой и глубоко-прочувствованной рѣчи.... Позвольте пожалъ вашу руку отъ имени всѣхъ людей, сочувствующихъ вопросу труда — самому жизненному вопросу нашего времени... Вмѣстѣ съ тѣмъ, позвольте мнѣ имѣть честь быть вашимъ знакомымъ. Мейеръ молча пожалъ руку молодого человѣка, но глаза его, лучше словъ, выразили теплое чувство, съ которымъ онъ принялъ привѣтствіе Штаунница.

— Ну, такъ чего же лучше? заревѣлъ Науманъ, мигая слезами, который, понявъ его знаки, очень усердно принялся разливать по рюмкамъ новую бутылку того же дорогаго вина:—я предлагаю выпить эту рюмку за здравіе бѣдняковъ. — Послѣ такой прекрасной—вполнѣ прекрасной.... браво за нее!... послѣ такой рѣчи, тебѣ, любезный Францъ, необходимо промочить горло.... И такъ, за побѣду труда!...

Гости машинально повторили тостъ хозяина. Но на этотъ разъ три рюмки остались нестронутыми; они принадлежали барону Штаунницу, Фанни и Мейеру, который, давъ замолкнуть шуму, сказалъ, обращаясь къ Науману:

— Не пить надо за здоровье этихъ бѣдняковъ, о которыхъ я говорилъ, а работать для нихъ, жертвовать имъ нашими прихотами, и стараться улучшить ихъ печальное положеніе.... Что

нихъ оттого, что мы выпьемъ за ихъ здоровье хоть цѣлый когребъ драгоценныхъ винъ.

Мейеръ замолчалъ и снова опустился въ кресла въ видѣлкомъ изнеможеніи: глухой кашель вырвался изъ его груди. Въ эту минуту, Фанни, какъ-будто наэлектризованная рѣчью его, подвинулась съ своего мѣста: лицо ея разгорѣлось, глаза блеснули гордымъ сознаниемъ благородной мысли, на устахъ была очаровательная улыбка.

— Я поняла васъ, г-нъ Мейеръ! сказала она: — Вы пробудили во мнѣ голосъ, который никогда не долженъ-бы умолкать во мнѣ.... А чтобы вы не могли сомнѣваться въ томъ, что мои слова не пустые звуки, то вотъ двѣсти пятьдесятъ талеровъ, взятыхъ мною съ собой, для того, чтобы послѣ завтрака играть на нихъ.... Вотъ драгоценности, которыя я намѣрена продать этимъ господамъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ вырученныя на нихъ деньги употребить на облегченіе участи рабочихъ.

Говоря это, Фанни отстегнула дорогую брошку, брилліантовые серги, золотые браслеты, осыпанные изумрудами, дамскіе часы, и всѣ эти предметы сложила на одну тарелку, между тѣмъ, какъ на другую положила банковый билетъ въ двѣсти пятьдесятъ талеровъ; потомъ обратилась къ присутствующимъ съ словами:

— Господа, купите у меня эти бездѣлки на чистыя деньги... У всѣхъ васъ, вѣроятно, карманы полны золота, потому-что мы намѣревались, послѣ обѣда, затѣять серьезную игру.... Купите эти вещи: деньги пойдутъ на бѣдныхъ....

Всѣ гости, за исключеніемъ одного Мейера, у котораго не было денегъ, съ полною готовностью вынули свои бумажники.

Всѣ они были явными или тайными поклонниками Фанни, и очень обрадовались случаю — приобрести принадлежавшую ей вещь....

Пользуясь этимъ, Фанни назначила за вещи баснословныя цѣны, предупредивъ впрочемъ покупателей, что онѣ не стоятъ этихъ денегъ. Не смотря на то, подкупные собесѣдники на расхватъ, безъ возраженій, раскупили ихъ. Опоздавшіе умоляли Фанни продать имъ платокъ, перчатки, поясъ, зонтикъ, ридикюль, — Фанни отдала имъ всѣ эти предметы, и съ совершенно-дѣтскою радостью получала деньги и укладывала ихъ на тарелку.

Когда каждый изъ гостей былъ надѣленъ веницей, принадлежавшей Фанни, молодая женщина подошла къ Мейеру и пода-

вая ему тарелку, на которой горою лежало золото и банковые билеты, сказала присѣдая:

— Вотъ, для начала, наше общее посылное приношеніе въ пользу тѣхъ — за кого вы протестуете.... Раздайте эти деньги, г-нъ Мейеръ.... или употребите ихъ такъ, какъ найдете лучше.

Тронутый до глубины души поступкомъ Фанни, Мейеръ съ слезами радости принялъ изъ рукъ ея тарелку. Въ комнатѣ царствовало молчаніе. Бѣлая часть гостей не знала, что говорить. Только пивоваръ и завитой сосѣдъ его, презрительно улыбаясь на происходившую сцену, пили за здоровье другъ-друга. Наумавъ, не понимая въ чемъ дѣло, посоловѣвшими глазами смотрѣлъ то на Мейера, то на Фанни, которую почему-то находилъ забавнѣе обыкновеннаго.

Взявъ тарелку изъ рукъ Фанни, Мейеръ поставилъ ее на столъ и сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Я беру эти деньги съ однимъ условіемъ, если прекрасная хозяйка ихъ сама приметъ участіе въ томъ добромъ дѣлѣ, на которое онѣ предназначены. Я желалъ-бы прежде показать вамъ тѣхъ несчастныхъ, кому вы жертвуете.

— Если вы находите это удобнымъ, отвѣчала она, я охотно принимаю ваше предложеніе, но только прошу васъ быть моимъ руководителемъ въ этомъ новомъ для меня дѣлѣ.

— Съ удовольствіемъ, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

— И такъ идемъ, сказала Фанни, и оставивъ гостей за столомъ, поспѣшила выйти изъ столовой; вслѣдъ за ней удался и Мейеръ. Такая неожиданная развязка завтрака до того изумила Наумана, что онъ, не видя ни Фанни ни Мейера, совершенно растерялся. Подумавъ нѣсколько минутъ и окинувъ бессмысленно-вопросительнымъ взглядомъ своихъ гостей, Вальтеръ приказалъ подать еще пару бутылокъ стараго вина, какъ-бы желая успокоить имъ свою встревоженную мысль.

— Еще вина, закричалъ онъ, и разразился страннымъ, истерическимъ смѣхомъ.

Глава IX,

въ которой доказывается, что роща не всегда располагаетъ къ любовнымъ объясненіямъ.

— Мы пойдемъ на фабрику рощей! сказала Фанни Мейеру: день такъ хорошъ; мнѣ такъ надоѣла душная комната...

Мейеръ молча пошелъ за молодой женщиной: Фанни, желая

скрыть свое замѣшательство старалась не обращать къ нему лица. Такъ они прошли около ста шаговъ; Мейеръ первый прервалъ молчаніе и сказалъ:

— Мамзель Готзегенъ! не знаю, примете-ли вы мой совѣтъ относительно употребленія денегъ, которые вы назначаете бѣднымъ фабричнымъ работникамъ?

Застыгнувшая въ распахъ вопросомъ Мейера, Фанни вздрогнула, обернулась и, вся покраснѣвъ, отвѣчала:

— Вы что-то сказали, г-нъ докторъ?

Мейеръ повторилъ свой вопросъ.

— Конечно! прибавила Фанни съ увлеченіемъ:—я обязана вамъ началомъ добраго дѣла, и хотѣла-бы кончить его подъ вашимъ руководствомъ, поручая себя вполнѣ вашему распоряженію....

— Ваши слова крайне лестны для меня; но я боюсь принять слишкомъ большую отвѣтственность. Позвольте высказать вамъ мой взглядъ на благотворительность, — но повторяю — мое возрѣніе, вѣроятно, разойдется съ вашимъ. Вотъ видите, если вы раздадите рабочимъ собранную вами сумму, то принесете этимъ очень мало пользы, потому что рабочихъ больше тысячи человекъ, а денегъ едва-ли набралось до тысячи талеровъ; слѣдовательно каждому рабочему достанется меньше талера, что доставитъ ему только возможность провести одинъ день въ пивной лавкѣ... Съ другой стороны, такія благодѣянія нисколько не улучшаютъ положенія, такъ-называемыхъ, нищихъ сословіи. Между-тѣмъ, во многихъ бѣднякахъ они оскорбляютъ самолюбіе, въ другихъ уничтожаютъ благородную гордость и нищенству даютъ право на извиненіе.

— Совершенно согласна съ вами! сказала Фанни, въ глубокое раздумье, ощипывая цвѣтокъ, который мимоходомъ сорвала, но какъ же измѣнить это положеніе г-нъ докторъ?

— Я думаю, что помочь взрослому въ такомъ состояніи почти невозможно.... Надо спасать дѣтей, еще способныхъ къ умственному и нравственному возрожденію, а возродить ихъ можетъ одно воспитаніе. И если-бъ вы, мамзель Готзегенъ могли вырвать нѣсколькихъ изъ нихъ изъ той среды, въ которой они родились и въ которой имъ суждено всю жизнь вращаться, если-бъ вы могли просвѣтить ихъ умъ, направить ихъ сердце и поставить ихъ въ независимое положеніе относительно капитала, то, по моему крайнему разумѣнію, вы сдѣлали-бы гораздо больше, чѣмъ разсыпавъ на ихъ отцевъ и матерей все золото міра.

— Если-бы вы знали г-нъ Мейеръ, воскликнула Фанни съ необыкновенною живостью: — какъ глубоко я сознаю справедливость вашихъ словъ, которыя находятъ откликъ себѣ и въ моей жизни.... Вѣдь, если-бы не добрые люди, и меня ожидала-бы съ малолѣтства участь фабричной работницы, какой была въ молодые годы моя несчастная мать.... Родители оставили меня бѣдной сиротой, и рука постороннихъ миѣ людей пѣбавляла меня отъ ужасной нищеты и униженія. Вы согласитесь, что я остаюсь въ долгу передъ тѣмъ обществомъ, гдѣ есть другіе бѣдные дѣти; я должна заплатить имъ той же монетой, которую приняла. Это чувство никогда не засыпало въ моей душѣ, но оно было огуманено вихремъ пустой свѣтской жизни; ваша сегодняшняя рѣчь прояснила, ободрила и подкрѣпила его.

Мейеръ, увлеченный сильно-занимавшимъ его предметомъ разговора, а, можетъ-быть, и близостью Фанни, не замѣчалъ времени. Наконецъ, совершенно незнакомая мѣстность, въ которой они находились, обратила на себя его вниманіе и заставила очнуться: онъ остановился и оглядѣлся.

— Что это? мы, кажется, заблудились, воскликнулъ онъ.

Фанни отвѣчала звонкимъ смѣхомъ, подхваченнымъ окрестнымъ эхомъ.

— Вы смѣетесь? сказалъ Мейеръ, также улыбаясь: — но, право, инѣ эта мѣстность кажется совершенно незнакомой.... Я прежде не проходилъ здѣсь на фабрику.

— Такъ что же? отвѣчала Фанни: — Я сыграла съ вами роль лѣшаго, который обходитъ путниковъ и заставляеть ихъ блуждать по лѣсу.

— По правдѣ сказать, краснѣя возразилъ, какъ-будто просебя, Мейеръ, вполне успокоенный веселостью Фанни и шумомъ со стороны фабрики: — сказать по правдѣ, такой лѣшій могъ-бы заставить путника полюбить лѣсную дичь, болѣе тѣсныхъ, натянутыхъ рамокъ цивилизованнаго города.

— Чтѣ? чтѣ вы это говорите? спросила Фанни, краснѣя въ свою очередь и притворяясь будто не слышала словъ своего спутника.

— Я говорю, что намъ необходимо во-время осмотрѣть фабрику, чтобъ не опоздать возвратиться.

— То-есть, попросту, вамъ наскучило мое общество и, что еще хуже, мое невѣжество.

— Нѣтъ вы не думаете этого, мамзель Гонзегенъ! Но я полагаю, что Вальтеръ можетъ быть обезпокоенъ вашимъ продолжительнымъ отсутствіемъ и...

— Вальтеръ теперь пьянъ и заботится объ одномъ — какую карту банкومتъ положить на право, какую на лѣво... Но, вана правда, г-нъ докторъ, — пора на фабрику... Дайте мнѣ вашу руку!... я нѣсколько устала....

Мейеръ исполнилъ требованіе Фанни и, въ ту же минуту, какъ рука ея оперлась на его руку, почувствовалъ сильное біеніе пульса.

— Теперь я, такъ и быть, выведу васъ изъ своей закодванной роши, сказала Фанни, принимая другое направленіе. Но, вдругъ прибавила она, останавливаясь, какъ-будто, въ нерѣшительности: — Мы, кажется, согласились съ вами — не раздавать рабочимъ денегъ... что же мы будемъ дѣлать на фабрикѣ?

— Я полагалъ, отвѣчалъ Мейеръ съ удивленіемъ: — что вы желаете взглянуть на тѣхъ, которымъ хотите помочь...

Фанни захохотала.

— Я должна показаться вамъ совершенной дурочкой? Забыла за чѣмъ иду на фабрику... Но тѣмъ лучше: по-крайней-мѣрѣ, изъ этаго вы можете заключить — до какой степени ваше руководство мнѣ пріятно. Безъ него я и шага ступить не умѣю.

Глава X,

изъ которой видно, что не всѣ, посѣщающіе фабрику, имѣютъ въ виду денежные расчеты.

Видъ фабрики и рабочихъ, какъ и надо было ожидать, произвелъ на Фанни грустное, тяжелое впечатлѣніе. Блестящій мотылекъ, избалованный свѣтомъ, она вдругъ вспомнила свое печальное дѣтство, проведенное на отвратительномъ вонючемъ чердакѣ, вспомнила такую же фабрику, въ которую иногда носила родителямъ нищу, вспомнила рубяще, мрачныя лица и мозольныя руки родителей, побои отца и ласки матери, и частыя сцены между ними... Все это вспомнила Фанни, какъ тяжелый сонъ, когда-то виденный ею, и ей стало страшно и дрожа прижалась она къ своему спутнику, какъ прижимается дитя къ нянькѣ, когда его вырываютъ изъ рукъ ея. Но, мало-по-малу, воспоминаніе стало уступать мѣсто дѣйствительности. Съ этихъ стѣнъ, покрытыхъ слѣдами сырости, изъ этихъ громадныхъ ком-

вать, мрачныхъ и смрадныхъ, отъ этихъ лохмотьевъ и блѣдныхъ, изнуренныхъ лицъ, повѣяло на Фанни той суровой важностью жизни, тѣмъ грознымъ опытомъ, передъ которыми исчезаетъ половина иллюзій юности и испуганный баловень счастья отступаетъ внутрь себя, въ тайникъ своего внутренняго міра.

Обозрѣвая фабрику, Фанни въ-особенности обращала вниманіе на дѣтей, работавшихъ рядомъ съ родителями или отдѣльно въ разныхъ частяхъ залы; съ глубокимъ чувствомъ смотрѣла она на эти бѣдныя, слабыя существа, такъ рано уже прикованная къ тяжкому ярму, которое принуждены будутъ тащить всю жизнь, если никто не сжалятся надъ ними. Фанни не могла отказать себѣ въ утѣшеніи — дать имъ нѣсколько денегъ. Она болтала съ ними, шутя помогала имъ работать, спрашивала о семьѣ ихъ, сквозь слезы улыбалась, выслушивая ихъ наивныя отвѣты. И маленькіе работники, какъ-будто, на мгновеніе стали пылыми; изъ тупыхъ идиотовъ, способныхъ только къ одной привычной работѣ, превратились въ веселыхъ дѣтей, звонко смѣявшихся выдумкамъ и болтовнѣ Фанни.

Между прочими дѣтьми, долѣе другихъ остановили на себѣ вниманіе Фанни очень живой мальчикъ лѣтъ десяти и блѣднющая 12-ти лѣтняя дѣвочка, хлопотливо занятая своимъ дѣломъ. Эта послѣдняя — худенькое, маленькое существо, далеко не доразвилась для своего возраста, а между-тѣмъ уже носила на себѣ печать преждевременнаго упадка силъ и злой болѣзни, вслѣдствіе не посильнаго труда. Продолговатое, правильное личико дѣвочки было худо и желто; прекрасные темно-голубые глаза смотрѣли изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ такимъ осмысленно-печальнымъ взглядомъ. Беспорядокъ и распущенность господствовали во всемъ нарядѣ дѣвочки: бѣлокурые кудрявые волосы ея давно, повидимому, не испытывали гребенки; худенькая рубашка, обнажая одно плечо, по талии была перехвачена рубищемъ шерстяной юбки, упавшей на босыя ноги.

Бѣдная малютка трудилась изо-всѣхъ силъ, при чемъ грудь ея съ напряженіемъ переводила дыханіе, и потъ крупными каплями стоялъ на лицѣ.

Фанни долго слѣдила глазами за ея лихорадочными движеніями и снова въ воображеніи перенеслась въ тотъ періодъ своей жизни, когда и она готовилась для такой же участи, и потомъ... Прихотливое воображеніе, рядомъ, нарисовало передъ ней двѣ картины, изъ которыхъ одна, самая не вѣроятная, была вѣрна дѣйствительности, другая совершенно согласная съ общимъ по-

рядкомъ вещей, по стеченію случайныхъ обстоятельствъ, являлась лишь какою-то чудовищною возможностью. Въ первой картинѣ, Фанни была любимой воспитаницею спротскаго дома, потомъ балованной ученицей театральнаго училища, потомъ первой тавповщицей берлинскаго театра, любимицей публики, богатой львицей, видящей у своихъ ногъ великосвѣтскую толпу, утонающую въ роскоши и нѣгѣ; на второй картинѣ, Фанни видѣла себя блѣднымъ ребенкомъ, похожимъ на дѣвочку, которая была передъ нею.

Фанни съ ужасомъ закрыла глаза, стараясь отогнать отъ себя рядъ грустныхъ картинъ, попеременно возникавшихъ въ ея фантази. Она торопливо сунула въ руку дѣвочки червонецъ и пригласила Мейера возвратиться домой.

Но выходя изъ фабрики, Фанни еще разъ окинула взглядомъ это собраніе безличныхъ гражданъ, имѣющихъ значеніе только въ массѣ, какъ производительная сила, и поклялась сдѣлать все, что можетъ, чтобъ избавить отъ такой же участи малютокъ, на которыхъ обратила вниманіе.

Возвращаясь съ фабрики, опершись на руку Мейера, Фанни снова вошла въ рошу, но уже не прежней веселой, безпечной, легкомысленной шалуньей, смотрѣвшей на жизнь, какъ на веселый праздникъ, а женщиной исполненной сознанія важности своихъ обязанностей относительно общества. Картина страданій пробудила въ Фанни всѣ тѣ добрые инстинкты, которые безъ этого обстоятельства могли-бы до-гроба остаться въ ней въ состояніи возможности, и вмѣстѣ дала направленіе къ важнымъ жизненнымъ задачамъ ея бойкому и свѣтлому уму. Въ эти нѣсколько часовъ пребыванія на фабрикѣ, Фанни выросла умомъ, и нравственное чувство ея созрѣло для жатвы добра.

Мейеръ, все время съ истиннымъ наслажденіемъ слѣдившій за поступками молодой женщины и переменяя въ ея лицѣ, испугался, увидѣвъ на немъ выраженіе тяжелой, подавляющей печали и, приписывая его не довѣрію молодой женщины къ своимъ силамъ передъ громадностью зла, почелъ необходимымъ ободрить ее.

— Если-бъ всѣ люди были похожи на васъ момзель Готзе-генъ, страданіе было-бы не возможно на землѣ...

Фанни съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ недоувѣрчивостью, взглянула на Мейера.

— Вы льстите мнѣ, г-нъ докторъ! промолвила она тономъ, въ которомъ слышался упрекъ.

— Нисколько! я говорю то, что думаю... Вы сдѣлали болѣе, чѣмъ предполагали сдѣлать... Вы показали этимъ дѣтямъ и взрослымъ работникамъ, что любовь существуетъ на землѣ, что она, какъ солнце, свѣтитъ и грѣетъ. Кромѣ того, вы подарили мнѣ минуты, которыхъ я не забуду во всю жизнь, и вдохновили меня силой и терпѣніемъ для тяжелаго труда, который предстоитъ мнѣ исполнить... И я такой-же труженникъ, какъ эти фабричные работники, и мнѣ также, какъ и имъ, необходимо твердое убѣжденіе въ томъ, что любовь существуетъ, для того, чтобы продолжать идти моимъ утомительнымъ путемъ... Вся разница между мной и фабричными рабочими заключается въ нашихъ цѣляхъ и въ степени сознанія нашего труда... Они трудятся для сегодня, я работаю для будущности.

Угадывая, что Фанни ничего не поняла изъ этихъ словъ, Мейеръ поспѣшилъ ей пояснить ихъ, насколько это было возможно.

— Но я, кажется, ужъ слишкомъ злоупотребляю вашимъ терпѣніемъ, сказалъ онъ тономъ извиненія: — Васъ ждутъ, Фанни, и, вѣроятно, мнѣ порядочно достается отъ нихъ за медленность, съ которой мы идемъ...

— Неужели васъ занимаетъ то, что говорятъ эти полупьяные буяны? возразила Фанни съ легкой досадой.

— Меня нисколько не занимаетъ это... сказалъ Мейеръ: тѣмъ болѣе, что весьма немногіе изъ нихъ нѣсколько знакомы мнѣ, и изъ этихъ немногихъ, одинъ Вальтеръ имѣетъ право претендовать на меня. Но не подастъ ли наша прогулка повода къ толкамъ и пересудамъ на вашъ счетъ?..

— А мнѣ какое дѣло до толковъ и пересудовъ? возразила Фанни съ презрительнымъ смѣхомъ: — Развѣ я невольна дѣлать что хочу? Развѣ кто-нибудь считаетъ меня добродѣтельной либералкой? Развѣ я не актриса? Развѣ отъ актрисы кто-нибудь ожидаетъ строгихъ правовъ?..

— Какъ? Но что подумаетъ Вальтеръ?..

— Вальтеръ? ха, ха, ха! Вальтеръ пьяный буршъ и больше ничего... Я любила его, пока онъ былъ нѣсколько забавенъ; но, съ нѣкоторыхъ поръ, онъ сталъ нестерпимо пить... Притомъ онъ такъ глупъ и пошлъ... Я давно рѣшила, что брошу его, но участіе еще заставляло меня откладывать рѣшительную минуту. Теперь рѣшено: я бросаю его, скоро, на дняхъ бросаю...

— Почему же теперь, именно теперь? спросилъ Мейеръ, и не подозрѣвая, чтобъ онъ самъ участвовалъ въ такомъ намѣреніи.

Вопросъ его привелъ Фанни въ крайнее замѣшательство; надѣясь отклонить необходимость дать болѣе точный отвѣтъ, она сказала, срывая цвѣтокъ.

— Потому, что я такъ хочу...

— Но, мамзель Готзегенъ! воскликнулъ Мейеръ, увлеченный своей дружбой къ Науману:— Вальтеръ такъ любитъ васъ... Потеря вашей привязанности будетъ для него страшнымъ ударомъ...

— Неужели вы взяли на себя защиту Вальтера?... Вотъ это забавно!...

— Вальтеръ мой другъ, мамзель Готзегенъ, и васъ не можетъ удивлять то, что я желалъ-бы избавить его отъ лишняго страданія...

— А! если такъ, то я вамъ скажу, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что Вальтеръ меня любитъ... Довольно того, что я перестала его любить... Остальное его дѣло...

— Да! Но... Вальтеръ... ваша прежняя любовь къ нему уже дала ему нѣкоторое право на васъ!...

— Право? какое право? помиуйте, что вы мнѣ говорите о правахъ? Моя любовь была подарокъ, который я беру обратно, когда захочу... но что говорить объ этомъ?.. Потрудитесь, г-нъ докторъ, приказать подать мой экипажъ... Мнѣ противно это общество... Я сей часъ ѣду домой?

— Какъ? вы и не пойдете къ Вальтеру?

— Нѣтъ! Если вы намѣрены идти къ нему, то потрудитесь объяснить мой отъѣздъ.

Мейеръ, теряясь въ догадкахъ чему приписать перемену въ расположеніи духа Фанни, поспѣшилъ исполнить ея желаніе, приказавъ подѣхать ея экипажу.

Потомъ, помогая Фанни сѣсть въ карету, Францъ вынулъ изъ кармана деньги, которыя Фанни собрала послѣ завтрака, и, подавая ихъ молодой женщинѣ, спросилъ что съ ними дѣлать?

— Потрудитесь положить ихъ здѣсь, отвѣчала Фанни, указывая на мѣшокъ, вшитый въ подушку дверецъ.

И когда Мейеръ исполнилъ ея просьбу, Фанни протянула ему на прощаніе руку и, кивнувъ головкой, сказала голосомъ, въ которомъ замѣтно было легкое дрожаніе.

— Прощайте, г-нъ Мейеръ! мы, можетъ-быть, еще встретимся, только ужъ никакъ не въ этомъ домѣ...

Когда карета отъѣхала отъ крыльца, Мейеръ еще нѣсколько времени простоялъ на мѣстѣ, потомъ снова вошелъ въ рошу, съ цѣлю дать себѣ время оправиться и только черезъ добрые

полчаса вступилъ въ залъ, въ которомъ засталъ гостей и хозяйна, занятыхъ игрой въ карты.

Когда Мейеръ приблизился къ столу, полупьяный Вальтеръ, нечаянно взглянувъ на него, вскричалъ:

— А, Францъ! Добро пожаловать! а куда дѣвалъ ты Фанни?

— Она уѣхала домой... отвѣчалъ Мейеръ: — у нея сильно разболѣлась голова отъ шума на фабрикѣ...

— А! протянулъ Науманъ, и потомъ продолжалъ, обращаясь къ банкомету и вскрывая поставленную карту: — Прошу прислать мнѣ три тысячи талеровъ!...

Видя, что его присутствіе здѣсь вовсе не необходимо, Мейеръ поспѣшилъ домой.

ГЛАВА XI,

въ которой доказывается, что не всѣ надушенные записки бываютъ пріятнаго содержанія.

Съ той самой минуты, какъ Фанни сѣла въ карету и скрылась изъ глазъ Мейера, онъ напрасно старался успокоить свою взволнованную кровь. Образъ молодой женщины, то доброй, чувствительной, благородной, готовой летѣть на помощь страждущему человѣчеству, то капризной, безнравственной куртизанки, со смѣхомъ раздирающей сердце своего любовника, — этотъ образъ, во всей своей красотѣ, во всей причудливости своихъ противорѣчій, отуманилъ голову и обаялъ сердце ученаго доктора.

Въ такомъ раздумьѣ Мейеръ воротился домой; какъ ни старался онъ объяснить себѣ загадочный характеръ Фанни, но его философіи не достало на разрѣшеніе этой проблемы. Между тѣмъ старая рана снова раскрылась, и горячка любви опять овладѣла докторомъ.

Только послѣ цѣлой ночи, исполненной безустанной борьбы, болѣзнь наконецъ стала уступать разсудку и, когда Урсула, неся на подносѣ кофе, вошла въ комнату Мейера, молодой человѣкъ въ десятый разъ повторялъ самому себѣ:

— Бѣжать, бѣжать очаровательной цирцей!... Иначе погубитъ она мой планъ, мои стремленія и надежды.

— Guten Morgen Herr Doctor! сказала Урсула, ставя на столъ подносъ и присѣдая. Былъ чей-то слуга, прибавила она, подалъ письмо, которое велѣлъ передать вамъ... но на всѣ мои вопросы не захотѣлъ ничего отвѣчать...

— Гдѣ же письмо? спросилъ Мейеръ.

— Я сейчасъ подамъ его вамъ, г-нъ докторъ! отвѣчала Урсула, принявшись шарить у себя въ карманѣ, откуда вытаскала сначала связку ключей, потомъ носовой платокъ, потомъ тряпку, потомъ бумажку, въ которую было завернуто что-то жирное, потомъ пгольняикъ, наперстокъ и мотокъ съ нитками, потомъ еще и еще что-то...

Впродолженіе всей этой операціи старушка, видя нетерпѣніе Мейера, не переставала извиняться передъ нимъ, говоря скороговоркой:

— Вѣдь эдакая разсѣянность!.. Простите везикодушно, г-нъ докторъ!.. Совершенно не понимаю—куда письмо могло дѣться?.. кажется, карманъ одинъ, и я все имѣю привычку прятать въ него... Простите везикодушно... стара стала я. Голова ужъ такъ слаба становится... никуда не гожусь, право!.. Экая оказія!.. нужно же, — чтобы такое несчастье... потерять не могла же я... изъ комнаты не выходила ни шагу. Не сердитесь на меня, сдѣлайте божескую милость, г-нъ докторъ!..

Наконецъ, на самомъ днѣ кармана, подъ цѣлымъ арсеналомъ разнороднѣйшихъ предметовъ, нашлось потерянное письмо, которое Урсула и вручила Мейеру съ торжествующимъ видомъ и съ словамъ:

— Вѣдь говорила я, что оно тутъ и нигдѣ иначе быть не можетъ!.. только ужъ какъ оно попало на самое дно кармана, этого никакъ не могу понять... Извините, г-нъ докторъ, что я заставила васъ такъ долго дожидаться...

— Ничего, ничего, добрая Урсула! отвѣчалъ Мейеръ и торопливо, съ озабоченнымъ видомъ, развернулъ письмо.

Но едва онъ пробѣжалъ первыя строки, какъ лицо его приняло выраженіе радостнаго торжества и онъ воскликнулъ:

— Ура, моя добрая Урсула! Побѣда! Я получаю мѣсто въ здѣшней реальной гимназіи: прекрасное жалованье, уроковъ не много... могу жить независимо... не быть ни кому въ тягость... не пользоваться ни чьими благодѣяніями, трудиться надъ своей промышленной реформой и... и...

— «На свободѣ стараться забыть Фанни» хотѣлъ онъ прибавить, но нашелъ такую откровенность неумѣстной и замолчалъ.

— Какъ? воскликнула Урсула: — такъ вы намѣрены переѣхать отсюда, г-нъ докторъ? это весьма печаливаетъ меня... Я такъ привыкла къ вамъ...

— Благодарю васъ, милая моя, сказала Мейеръ:— благодарю за ваше доброе расположеніе ко-мнѣ; но мнѣ долѣе нельзя слѣдѣть на шеѣ у Вальтера. Всему есть свой предѣлъ.

— Все это такъ! отвѣчала Урсула, отирая морщинистой рукой крупную слезу, которая медленно катилась по ея щекѣ:— но отъ этого мнѣ не легче... я такъ привязалась къ вамъ, какъ къ родному и готова-бы служить вамъ безденежно, если-бы вы захотѣли взять меня къ себѣ въ услуженіе!..

— Еще разъ благодарю васъ, добрая Урсула! но къ сожалѣнію, мое жалованье не даетъ мнѣ возможности держать особую прислугу... я долженъ нанять маленькую квартиру со столомъ, иначе мой расходъ будетъ превышать въ общемъ итогѣ сумму прихода... Но почему же вы не хотите остаться у Вальтера?.. никто, вѣроятно, не тяготится вами; а въ такомъ большомъ домѣ дѣло всегда найдется для васъ...

— Нѣтъ! слуга покорная! воскликнула старушка:— въ этомъ домѣ ни за-что не останусь, когда вы переѣдете... отъ такого содома всякій долженъ, безъ оглядки, бѣжать... Ну коли вамъ ужъ я вовсе не нужна, такъ пощучу: авось найду мѣстечко въ какомъ-нибудь семействѣ... А ужъ здѣсь ни за-что не останусь... Такія страсти... ни на-что не похоже... Безбожное житье...

И продолжал бормотать сторванные фразы, Урсула полезла въ свою комнату, оставивъ Мейера погруженнымъ въ размышленія о представившемся ему мѣстѣ.

Долго сидѣлъ онъ въ задумчивости, наконецъ, часу въ первомъ дня, внезапная рѣшимость блеснула у него въ глазахъ.

— Надо предупредить Вальтера о моемъ переѣздѣ! сказала онъ, торопливо одѣваясь и, взявъ шляпу, вышелъ изъ дому.

Онъ не мало удивился и обрадовался, узнавъ въ Наумановой передней, что Вальтеръ дома и что никого посторонняго не приказано принимать.

Глубокая тишина царствовала во всемъ домѣ. По замѣчанію Мейера, даже прислуга какъ-то особенно перешептывалась и старалась скрадывать свои шаги, проходя по комнатамъ.

— Чтò? ужъ не болѣтъ ли Вальтеръ? спросилъ Мейеръ, понавагосая ему въ залѣ, слугу.

— Никакъ нѣтъ! отвѣчалъ слуга, пожимая плечамъ.

— Такъ, вѣрно, проигрался! подумалъ Мейеръ, стараясь объяснить себѣ эту таинственность.

Въ маленькой гостиной, передъ спальней, Мейеръ наконецъ нашелъ Наумана, спящимъ съ погасшею сигарою во-рту, въ

сюртукъ и галстухъ, въ желтыхъ перчаткахъ и съ шляпой въ рукѣ. Мейеръ вопросительно взглянулъ на Вальтера.

— Ты ѣдешь куда-нибудь? спросилъ онъ.

Науманъ не отвѣчалъ и, пристальнѣе взглянувъ въ лицо ему, Мейеръ воскликнулъ:

— Чтѣ съ тобою, дружище — Вальтеръ? ты, кажется бо-
лѣнь... ты не похожъ на себя!..

И дѣйствительно, лицо Наумана выражало страданіе, которо-
му повидному подчинилось все существо его: онъ сидѣлъ сгор-
бившись, въ страшномъ уныніи, какъ человекъ, надъ которымъ
произнесенъ смертный приговоръ и который ожидаетъ казни.
Глаза его, бессмысленно уставленные въ столъ, выражали от-
сутствіе всякой надежды, черты лица сложились въ произволь-
ную форму, которая свидѣтельствовала о бездѣйствіи воли; не-
брежное, раскинутое положеніе тѣла намѣкало на физическое из-
неможіе, вслѣдствіе нравственнаго потрясенія.

Не дождавшись отвѣта, Мейеръ сѣлъ возлѣ Наумана и, взявъ
его за руку, сказалъ:

— Вальтеръ! ты пугаешь меня! чтѣ съ тобою? откройся мнѣ:
не нужно ли призвать врача? чтѣ значить эта горестъ; этотъ
упадокъ силъ?..

Науманъ молча вынулъ изъ кармана раздушенную розовую
записку и подалъ Мейеру, который поспѣшно развернулъ ея
и прочелъ слѣдующія строки, написанныя довольно твердымъ
красивымъ почеркомъ:

Г-нъ Вальтеръ Науманъ!

«Я больше не люблю васъ! никогда не имѣла обыкновеніи
притворяться въ чувствѣ, котораго нѣтъ во мнѣ. Постарайтесь
забыть меня и не ищите моей любви: я никогда не возвращала
того, чтѣ разъ отняла. Передаю вамъ всѣ подаренныя вами
вещи... будьте счастливы съ другой женщиной.

Вѣчно ничья,

Фанни Готзегентъ.

Молчаніе нѣсколько минутъ длилось съ обѣихъ сторонъ; на-
конецъ Мейеръ крѣпко пожалъ Науману руку и сказалъ растро-
ганнымъ голосомъ:

— Бѣдный другъ! такъ ты сильно любишь коварную женщи-
ну, которая такъ безжалостно покидаетъ тебя? Стань выше этой
измѣны! Еще много есть на свѣтѣ женщинъ, если не прекрас-
нѣйшихъ, то, по-крайней-мѣрѣ, столь же прекрасныхъ; избери,

себѣ болѣе достойную, она оцѣнить и твою любовь и твои добрыя качества.

Вальтеръ упорно молчалъ: лицо его искривилось, какъ-будто усиливаясь сложиться въ улыбку, и потомъ опять приняло прежнее бессмысленное выраженіе.

Пока человѣкъ въ полной силѣ, страсть, овладѣвая имъ, поступаетъ постепенно, сначала обольщая, потомъ, шагъ-за-шагомъ, размягчая въ своемъ горнилѣ энергію воли и притупляя воспримчивость души въ другихъ отношеніяхъ. Сила печали и радости вслѣдствіе различныхъ шансовъ, которымъ подвержена страсть, зависитъ отъ степени, въ которой страсть уже успѣла опутать разсудокъ, раздробить волю и притупить чувство въ человѣкѣ.

Короче—порывы страстей встрѣчаютъ въ душѣ нашей такую степень самообладанія, какую сами страсти оставили въ ней впродолженіе своего развитія, и нужно чтобы никакія наружныя, независимыя отъ любви обстоятельства не препятствовали ея развитію для того, чтобы она успѣла совершенно поработить себѣ сильную, свѣжую натуру.

Въ натурѣ одряблѣвшей, растроченной, напротивъ, страсть прямо вступаетъ въ обладаніе всѣмъ нравственнымъ человѣкомъ и распоряжается имъ по своему произволу. Оттого порывы страстей въ такихъ людяхъ всегда сильны и разрушительны.

Съ другой стороны, такіе люди обыкновенно подобны мелкему водамъ и сила ихъ страстей обыкновенно свидѣтельствуетъ о непродолжительности ихъ. Легко возмутить мелкую рѣчку, но прошелъ вѣтеръ и она опять спокойна и ни малѣйшаго слѣда бури не останется на ней. Напротивъ много усилій нужно, чтобы поднять волны на глубокомъ озерѣ; за то, еще долго послѣ того, какъ улеглась буря, озеро продолжаетъ волноваться и стоять, и не скоро опять нанесетъ песку въ промоины, прорытыя бурей въ руслѣ его.

Науманъ съ молодыхъ лѣтъ, велъ жизнь совершенно наружную. Отъ природы мало способный сосредоточиваться въ себѣ и изъ себя почерпать матеріалы и мѣрило для жизни, Науманъ, своимъ образомъ жизни, еще довелъ эту неспособность до той степени, на которой всякое самообладаніе пугаетъ, всякое напряженіе воли кажется невыносимымъ. Страсть его къ Фанни не встрѣтила въ немъ противодѣйствія ни въ жизненной цѣли, ни въ привычкахъ, ни въ убѣжденіяхъ, ни въ привязанностяхъ, и потому безпрепятственно разрослась и исключительно заняла весь

нравственный его міръ. Если-бы Фанни захотѣла, Науманъ пожертвовагь-бы ей разгульною жизнью, виномъ и картами, даже своею расточительностью и комфортомъ, потому что его одряблѣвшая натура только и ждала чужаго вліянія, потерявъ сама всякую силу реакціи, и страсть къ Фанни, по своей силѣ, одна могла возродить его. Потеря Фанни лишала этотъ нравственный міръ послѣдняго содержанія, какое было въ немъ, и потому должна была потрясти его въ самомъ основаніи.

Печаль Наумана разрѣшилась обильнымъ потокомъ слезъ, за которыми послѣдовалъ цѣлый зарядъ крупныхъ проклятій на вѣтренницу, которая играла имъ, какъ мячикомъ.

Послѣ всего этого Науманъ принялся рассказывать, какъ онъ былъ счастливъ любовью Фанни, какъ, мало-по-малу, сталъ замѣчать, что она, безъ всякой причины, становится къ нему холоднѣй, какъ онъ тогда предложилъ ей бракъ, который она со смѣхомъ отвергла и прочее и прочее...

Мейеръ думалъ, что все это приведетъ къ тому, что Науманъ будетъ спрашивать о вчерашней прогулкѣ его съ Фанни на фабрику и уже приготовился обстоятельно рассказать ему; но... въ это самое время (часъ былъ шестой по-полудни), Науманъ вспомнилъ, что собесѣдникъ его еще не обѣдалъ и приказалъ подавать на столъ, утверждая, что самъ вовсе не хочетъ ѣсть и сядетъ за-столъ только для компаніи.

Когда пришли въ столовую, Мейеръ, желая развеселить Наумана, послѣ втораго блюда, предложилъ ему распить бутылку стараго винца.

Науманъ согласился; вино возбудило у него аппетитъ: онъ забылъ, что не хотѣлъ ѣсть и опять велѣлъ подавать съ перваго блюда. Когда же бутылка была выпита, то Науманъ потребовалъ другую, разговорился, а потомъ и расшутился до такой степени, что готовъ былъ пѣть пѣсни и дурачиться какъ обыкновенно. Одна только мысль, что не прилично такъ скоро утѣшиться, побуждала его, отъ времени до времени, принимать маску печали.

— Вѣдь, вотъ, сказалъ онъ, я сейчасъ смѣялся, а на дули такъ кошки и скребуть... Ахъ Фанни, Фанни! что ты со мной сдѣлала?.. Клянусь, если-бы не ты, Францъ, я застрѣлилъ-бы ее, и потомъ самъ застрѣлился-бы... Для этого-то я и одѣлся, чтобы ѣхать къ ней, когда ты вошелъ... Другъ! благодарю тебя за жизнь ея и мою...

Хотя Мейеръ и не вѣрилъ тому, чтобы товарищъ его рѣшился на такія крайнія мѣры, однако, по добротѣ своей, не показывалъ вида, что сомнѣвается, крѣпко жаль протянутую руку Наумана и только про себя улыбался надъ человѣческимъ самолюбіемъ, которое, и въ самыя положительныя минуты жизни, продолжаетъ обманывать насъ.

Къ концу обѣда, Науманъ, разгоряченный виномъ, предложилъ ѣхать въ театръ, для того, чтобы доказать Фанни, которая должна была танцовать въ балетѣ, что измѣна ея не такое страшное несчастіе, какъ она воображаетъ.

— Напрасно, другъ! отвѣчалъ Мейеръ:—ну что тебѣ за охота добровольно мучить себя?

Но Науманъ и слушать не хотѣлъ возраженій... Казалось, онъ сохранилъ еще надежду на то, что видъ его заставитъ Фанни одуматься и возвратиться къ нему. Съ другой стороны, онъ боялся, чтобы, не видя его на обычномъ мѣстѣ въ балетѣ, берлинская богатая молодежь не догадалась о разрывѣ съ нимъ. Фанни и чтобы ея поклонники, только ожидавшіе этого, не начали своихъ наступательныхъ дѣйствій. Конечно, передъ Мейеромъ, онъ скрылъ всѣ эти побужденія, которыя, по его мнѣнію, должны были дать товарищу невыгодное мнѣніе объ энергіи его характера. За то, онъ съ большимъ упорствомъ, настаивалъ на необходимости — бравировать заносчивую самоувѣренность Фанни, на что Мейеръ видимо и согласился.

Споръ о томъ — ѣхать ли Мейеру съ Науманомъ или нѣтъ, не могъ долго длиться, хотя первый и утверждалъ, что гораздо охотнѣе остался бы дома.

Дѣло въ томъ, что ученому доктору давно уже хотѣлось взглянуть на Фанни на томъ поприщѣ, на которомъ она была полнымъ властелиномъ публики, поработчая силою красоты и искусства прихотливую толпу. Конечно, это желаніе не смѣло возникнуть въ глубинѣ мейерова сердца, какъ положительное чувство и опредѣленная мысль, потому что молодой человѣкъ твердо рѣшился бороться со всякимъ явнымъ симптомомъ своей зарождающейся страсти къ Фанни. Къ сожалѣнію, онъ былъ знакомъ съ страстью только по наслышкѣ, изъ образцовыхъ романовъ, драмъ Шекспира, Гёте, древнихъ классиковъ, и думалъ, что можетъ побѣдить ее въ открытой борьбѣ. Онъ думалъ, что страсть идетъ путемъ средневѣковаго рыцаря, бросавшаго врагу въ лицо перчатку и ожидавшаго его въ боевой позиціи, и потому оставилъ отворенными окна и двери своей внутренней

крѣпостцы и самоувѣренно принялся за свои обычные занятія, давъ себѣ слово, при первомъ появленіи врага, отразить сплу снлюю.

Но Мейеръ ошибся въ расчетахъ и, дозволивъ врагу обойдти себя кругомъ, потерпѣлъ полное поражение.

ГЛАВА XII,

изъ которой видно, что скромность сама-себѣ врагъ, а самоувѣренность легко обманывается себя.

Давали «Дѣву Дуная». Театръ уже былъ полонъ, и увертюра оканчивалась, когда Науманъ съ Мейеромъ вошли въ партеръ и стали пробираться къ своимъ кресламъ. Появленіе ихъ почти не обратило на себя ничьего вниманія: большинство публики хлопотливо занимало свои мѣста, приготовляясь встрѣтить громомъ рукоплесканій — прекрасную Фанни, при ея появленіи на сценѣ. Только два замѣчанія были сдѣланы по этому поводу тѣми, которыхъ кресла приходились на пути ихъ.

— Вотъ эти усы въ бѣломъ жилетѣ, говорятъ, обладаютъ ненаглядной Фанни Готзегенъ! *Mais je n'y crois guère!*

Эти слова были произнесены толстымъ франтомъ съ лорнетомъ, очень искусно вдѣтымъ въ правый глазъ, гдѣ онъ держался, какъ будто между двумя подушками, нарочно для этого созданными изъ жиру.

Собесѣдникъ толстаго франта, очень похожій на скучающаго лорда, отвѣчалъ на его выходку односложнымъ: «гмъ!» и, едва удостоивъ Наумана взглядомъ, отвернулся въ другую сторону.

Въ то же время молодой человѣкъ, завитой, какъ баранъ, надушенный какъ помадная завочка, разодрѣтый какъ кукла, закинувъ на спинку кресла голову и обратившись къ сосѣду, уже нѣсколько пожилому человѣку, съ орденской ленточкой въ петлицѣ, сказалъ съ хитрою усмѣшкой, указывая на Мейера:

— *Voyez un peu!* Вотъ оригиналь-то: гдѣ онъ взялъ такой допотопный фракъ?

Фракъ Мейера, дѣйствительно, былъ исторической рѣдкостью.

— Вѣроятно, самъ шилъ! отвѣчалъ пожилой, громко захохотавъ.

Науманъ и Мейеръ усѣлись въ свои кресла. Первый досадовалъ на второстепенную роль, которую принужденъ будетъ

отыниѣ играть въ партерѣ, послѣ трехмѣсячнаго первенства въ немъ, въ качествѣ любовника Фанни.

Мейеръ же, оглушенный шумомъ и говоромъ партера, шорохомъ дамскихъ платьевъ и хлопаньемъ дверей въ ложахъ, чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи человѣка, который въ узкихъ сапогахъ принужденъ танцевать. Но занавѣсь, медленно колыпась, взвился, и оба наши знакомца перенесли свои взгляды на сцену, съ которой уже болѣе не спускали ихъ.

Фанни, ободренная лестнымъ пріемомъ публики и присутствіемъ Мейера, котораго она тотчасъ замѣтила, была необыкновенно хороша. Великолѣпная обстановка сцены сообщила новый блескъ ея природнымъ прелестямъ; смѣлость и граціи ея любимыхъ *на* изумили въ этотъ вечеръ самыхъ взыскательныхъ судей балета; грудь ея высоко поднималась и глаза, направленные прямо на Мейера, горѣли огнемъ поэзіи и страсти.

Когда друзья возвращались домой, оба молчали, но, повидимому, причины ихъ задумчивости были діаметрально-противоположны. Мейеръ былъ мраченъ и казался чѣмъ-то сильно не доволенъ. Напротивъ Науманъ всю дорогу самодовольно и молодецки крутилъ усы.

Дѣло было въ томъ, что Мейеръ досадовалъ на себя за то, что дасть уговорить себя ѣхать въ балетъ. Онъ чувствовалъ себя окончательно пойманнымъ Фанни...

Втеченіе всего представленія, Мейеръ былъ въ восторгѣ, исключавшемъ всякую возможность думать о чемъ-нибудь; онъ былъ весь взглядомъ и чувствомъ. Въ такія минуты, какъ извѣстно, человѣкъ не управляетъ собою, и потому легко заходитъ въ своемъ забытій дальше, чѣмъ желалъ бы. За то, когда Мейеръ освободился отъ вліянія этихъ впечатлѣній, когда мысль снова вступила въ свои права и наложила на горячіе образы взволнованнаго воображенія свою отрезвляющую руку, тогда молодой человѣкъ убѣдился, что уже едва-ли не поздно — и горько раскаялся въ своей поѣздкѣ въ балетъ...

— Дай чорту волю, онъ овладѣетъ всѣмъ существомъ! думалъ Мейеръ, прижимаясь въ уголъ кареты. Теперь опять приходится провести бессонную ночь и на-долго прости работа... Но это ужъ въ послѣдній разъ! даю себѣ слово впередъ избѣгать всякихъ встрѣчъ съ этой женщиной и даже разговоровъ о ней... для этого посиѣшу переѣхать отъ Вальтера; а то тамъ все напоминаетъ мнѣ о ней... Вальтеръ, кажется, болѣе не нуждается въ моемъ участіи: онъ даже, можетъ быть, опять сой-

дется съ вѣтрениншей... Въ театрѣ, особенно въ балетѣ, ѣздить не стану... примусь по-усердиѣ за модель машины и за опыты... авось, еще можно выгнать изъ головы эту дичь...

И Мейеръ тяжело вздохнулъ, какъ будто сожалѣя о томъ, что, по добровольно-возложенной на себя обязанности, принужденъ выгонять изъ головы очаровательную дичь.

Въ то же время Науманъ предавался болѣе отраднымъ размышленіямъ.

«Фанни, втеченіе всего представленія, смотрѣла на меня, думалъ онъ: — или... хоть не прямо на меня... все-таки въ мою сторону... значитъ, на меня. Тутъ спдѣли только я, да Францъ, да двое старичковъ, да одинъ очень невзрачный господинъ... ужъ, конечно, всего вѣроятнѣе, что она была занята мною, значитъ... она, раскаявается въ томъ, что хотѣла меня бросить... значитъ, милый усачъ еще не совсѣмъ опротивѣлъ ей... А какъ она сегодня была хороша: чуть ли не лучше, чѣмъ когда-нибудь!.. удивительная женщина... что за-грація!.. А въ самомъ дѣлѣ, употребляю маленькую хитрость... завтра пошлю спросить о здоровьѣ и можно ли мнѣ пріѣхать къ ней, какъ будто-бы и не получалъ ея записки... Такимъ образомъ сблженіе опять возобновится, какъ будто-бы разрыва и не было...

Въ эту минуту, лошади, быстро промчавшись по площадкѣ передъ Наумановымъ домомъ, какъ вкопанные остановились у подъѣзда.

Мейеръ, отозвавшись головной болью, отправился прямо въ свой флигель, чему Науманъ очень обрадовался, потому что самъ намѣревался провести вечеръ въ клубѣ и боялся, что товарищъ помѣшаетъ ему.

Мейеръ раздѣлся и бросился на диванъ, намѣреваясь основательно обдумать свое положеніе. Долго лежалъ онъ неподвижно, наконецъ, какъ будто рѣшивъ заданный себѣ вопросъ, всталъ и съ успокоеннымъ видомъ закурилъ сигару.

Долго онъ раздумывалъ о томъ: возможны-ли будутъ въ идеальномъ обществѣ, котораго существованіе онъ предвидѣлъ, возможны-ли будутъ въ немъ явленія, подобныя Фанни, или эти явленія исключительно принадлежатъ настоящему порядку вещей? При этомъ молодой человекъ мысленно перебиралъ древность, средніе и новые вѣка. И въ воображеніи Мейера, образъ Фанни долженъ былъ испытать весь рядъ метаморфозы исторической собирательной женщины, пригнать на себѣ всѣ наряды ея, начиная отъ легкаго, воздушнаго, почти неощутительнаго

для глаза наряда пиддѣйской баядерки, до роброновъ, фижмъ и мушекъ *petites maitresses* вѣка возрожденія и наконецъ, въ по-возмъ обществѣ, о которомъ Мейеръ мечталъ, должна была стать какою-то смѣсью суровой древне-римской матроны, изящной греческой гетеры, важной англійской миссъ, французской львицы и нѣмецкой либе-фрау.

А для того, чтобы соединеніе такихъ разнорѣчивыхъ квинтессенцій стало возможно въ одномъ и томъ же существѣ, для этого необходимо было, — чтобы общество перешло въ совершеннѣйшій фазисъ своего развитія... А этотъ переходъ возможенъ только тогда, когда наша современная цивилизація исчерпаетъ всѣ данныя, которыя заключаются въ ней... а чтобы исчерпать эти данныя, надо обновить, измѣнить направленіе человѣческаго развитія посредствомъ упрощенныхъ способовъ производства.

И встрѣтившись съ такимъ заключеніемъ, Мейеръ бросился добывать какое-то образцовое сочиненіе о механикѣ...

— Машину... шепталъ онъ:—одну, другую, третью машину!.. Побѣдимъ природу и за этой побѣдой начнется новая жизнь человѣческихъ обществъ.

Глава XIII,

подтверждающая правило, что «крайности встрѣчаются».

Первая танцовщица берлинскаго балета, Фанни Готзегенъ, занимала прекрасную, великолѣпно-убранную квартиру въ бельэтажѣ огромнаго дома, на одной изъ многочислѣннѣйшихъ улицъ.

Фанни получала богатое жалованье, имѣла нѣсколько бенефисовъ въ годъ, и потому могла своими доходами покрывать огромныя издержки, связанныя съ ея положеніемъ и съ ея расточительностью, не прибѣгая къ портфелю своихъ любовниковъ, которые не только никогда не получали отъ нея права участвовать въ ея расходахъ, но большею частью еще сами оставались у нея въ долгу. Подарки, принимаемые съ любовника, она, обыкновенно, при отставкѣ, обратно отсылала къ нему, какъ это мы видѣли при разрывѣ ея съ Науманомъ. За то, изъ своихъ прямыхъ доходовъ она никогда не могла сберечь ни копейки на черныи день.

Комнатная прислуга Фанни состояла — изъ горничной, Эмили и слуги Августа; кромѣ того при ней въ должности компа-

ньонки и домоправительницы, находилась пожилая дѣвица, дочь благороднаго, но бѣднаго семейства, по фамили Фрейлейнъ Таузендъ.

Фрейлейнъ Таузендъ была доброе, безхитрое, кроткое существо. Съ-измала, привыкнувъ къ названію дуряшки, которымъ всѣ родственники и посторонніе надѣляли ее за истинно примѣрное, или, лучше сказать, безпримѣрное безобразіе, Фрейлейнъ Таузендъ не стала оттого ни сварливою, ни завистливою, какъ это бываетъ съ большею частью дурныхъ женщинъ; напротивъ, подъ вліяніемъ этого недостатка, стала только безотвѣтѣ и боязливѣ, рано привыкла считать себя лишнею въ обществѣ, — искать удивленія и внѣ замужества добиваться независимости отъ своихъ родственниковъ. Съ этою цѣлю, Фрейлейнъ Таузендъ съ молодости старалась приобрѣсти познанія, не обходимыя для гувернантки и, вопреки родству, котораго гордость оскорблялась этимъ званіемъ, восемнадцати лѣтъ поступила наставницею въ домъ богатаго купца.

Много лѣтъ провела такъ Фрейлейнъ Таузендъ, переходя съ мѣста на мѣсто, или оставаясь вовсе безъ должности. Мало радостей, много горя вынесла она втеченіе своей жизни. Многие изъ родственниковъ ея одинъ за-другимъ умерли, оставшіеся въ живыхъ отступились отъ нея, и лѣтъ въ сорокъ Фрейлейнъ Таузендъ считала себя круглой сиротой. Около этого времени, оставшись безъ мѣста, она встрѣтила въ газетахъ объявленіе, которымъ Фанни приглашала къ себѣ въ компаньонки и домоправительницы даму, знающую языки.

Фрейлейнъ Таузендъ, свободная отъ ложной стыдливости, столь свойственной старымъ дѣвамъ, не исключая и самыхъ дурныхъ, не нашла въ роли, которую Фанни играла въ свѣтѣ, ни малѣйшаго препятствія къ поступленію на предлагаемое мѣсто, потому что, какъ сама говорила, репутація ея, сморщенной бѣдной старушонки, отнюдь не могла пострадать отъ близкихъ отношеній къ вѣтренной танцовщицѣ.

— Ужь не предположить же, говорила себѣ Фрейлейнъ Таузендъ, чтобъ я заразилась отъ этой сорви-головы. Не гораздо-ли естественнѣе предположить, что я, можетъ быть, успѣю совѣтами, основанными на жизненномъ опытѣ, отклонить молодую женщину отъ нѣкоторыхъ ошибокъ или увлеченій, и тѣмъ спасу ее отъ поздняго раскаянія или даже отъ окончательнаго паденія.

Съ такими мыслями, фрейлейнъ Таузендъ поступила къ Фанни, которой наружность, любезность и доброта не замедлили совершенно очаровать добрую старушку. Фанни обходилась съ своею компаньонкою со всеѣмъ уваженіемъ, внушаемымъ ея лѣтами, печальною судьбою, благороднымъ образомъ мыслей и аристократическимъ происхожденіемъ. Правда, изрѣдка случалось, что Фанни подтрунивала надъ ней, передразнивая ея ворчливья увѣщанія, но зато не рѣдко и слушалась ея доброжелательныхъ совѣтовъ.

Фрейлейнъ Таузендъ привязалась къ Фанни всей силой не истраченного чувства, но часто съ горестью замѣчала, что Фанни не платитъ ей взаимно такой же привязанностью. Впрочемъ, поразмысливъ, старушка обыкновенно, при такихъ случаяхъ, рѣшала, что, видно, для Фанни еще не пришло время дружбы.

— На все своя пора! говорила тогда, утѣшая себя, старая фрейлейнъ, отирая красные отъ слезъ глаза:—теперь Фанни еще вполне счастлива, а счастливые люди не нуждаются въ друзьяхъ. Но придетъ время—дай Богъ, чтобы не скоро — придетъ время, когда и она, мое милое дитя, съ стѣсненнымъ сердцемъ оглянется во все стороны и будетъ искать дружбы. Тогда гдѣ пайдетъ она это чувство? Ужъ, конечно, не въ сердцѣ своего поклонника, ни въ сердцахъ своихъ театральныхъ соперницъ! Вотъ тогда-то дойдетъ очередь до меня: дай только Богъ чтобы я дожидла до этой горестной для моей Фанни минуты, чтобы я не умерла ранѣе, и она не осталась вовсе безъ друга... Тогда я приду къ ней и скажу: — дитя мое! гдѣ болитъ у тебя? дай, я высосу ядъ изъ этой скверной раны, нанесенной тебѣ свѣтомъ! дай, я прижму твою прекрасную головку къ моей старой груди и передамъ тебѣ дозу того спокойствія, которое сама приобрѣла цѣной страданій и борьбы. И тогда она бросится въ мои объятія и будетъ моимъ другомъ!..

Впрочемъ Фанни вовсе не была равнодушна къ мечтательной старой дѣвѣ; она только не умѣла выразить свою любовь съ тою горячностью, которой послѣдняя ожидала отъ нея; притомъ, какъ женщина живаго и веселаго характера, она не брала на себя труда понимать сантиментальныя требованія старушки. Довѣрчивая отъ природы, Фанни говорила фрейлейнъ Таузендъ все, что было у нея на душѣ, но говорила то же и другимъ лицамъ, а фрейлейнъ Таузендъ не понимала дружбы безъ какихъ-нибудь исключительныхъ секретовъ.

Хозяйство Фанни вполне было предоставлено Фрейлейнъ Таузендъ, которая распоряжалась ея шкатулкой, не отдавая никому ни какого отчета. Фрейлейнъ Таузендъ была признана безапелляционнымъ судьей въ туалетъ Фанни. Наконецъ, Фанни иногда даже подчинялась порывамъ бережливости старой дѣвы, столь не согласнымъ съ расточительностью самой танцовщицы.

Четыре года прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ Фрейлейнъ Таузендъ пріютилась подъ одною кровлею съ Фанни. Четыре года жили вмѣстѣ эти двѣ женщины: одна веселая, беззаботная, играющая жизнью, какъ блестящій мотылекъ огнемъ, безнравственная по обстоятельствамъ, темпераменту и красотѣ, не понимающая нужды, причудливая и измѣнчивая, безхарактерная, или, лучше сказать, одаренная однимъ зародышамъ характера, но еще не имѣвшая случая измѣрить силу своей воли въ столкновенияхъ съ бурями жизни; другая—строгая пуританка, испытанный борецъ на жизненной аренѣ, всегда любящая и кроткая, всегда владѣющая собою и помнящая свое достоинство, во всякой вещи умѣющая усмотрѣть серьезную сторону и знающая цѣну всякой мелочи въ жизни, мечтательная по темпераменту и вслѣдствіе объединеннаго положенія въ обществѣ, чувствительная и даже нѣсколько черезъ-чуръ плаксивая... два контраста, случайно встрѣтившіеся и сжившіеся, Богъ знаетъ, почему и для чего?

Кто любитъ наблюдательнымъ взглядомъ пристально слѣдить широко-текущую мимо него жизнь, тотъ часто встрѣчаетъ подобные контрасты и убѣждается, что они-то именно и составляютъ гармонію жизни. Сегодняшній день ни во-внѣ, ни внутри насъ нисколько не похожъ на вчерашній и ни въ какомъ отношеніи не ручается за-завтрашній. Передъ вами полуразвалившійся домишко, почернѣвшій отъ времени и непогоды, съ окнами, которыхъ переплеты искосились, а зеленія стекла, словно взглядъ столѣтняго старика, смотрятъ на васъ тупо и безжизненно... Вамъ тяжело и горько и даже, почему-то досадно на дрянной домишко... но вотъ одно изъ оконъ его отворилось и сиѣженское, румяное личико дѣвушки выглянуло изъ него... при другой обстановкѣ, вы не обратили бы вниманія на это лицо, не отличающееся ни особенною красотю, ни благородствомъ. А здѣсь, какъ радостно забилось ваше сердце, встрѣтивъ его... Такъ среди пасмурнаго осенняго дня, когда вѣтеръ и мелкій дождь заставляетъ всѣхъ прятаться въ комнатахъ, какое пріятное чувство рождаетъ вдругъ проглянувшее изъ за-сѣрыхъ облаковъ солнышко... Видали ли вы, какъ на блѣдномъ, морщинистомъ лицѣ и въ безстрастномъ,

холодномъ взорѣ старца, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, вдругъ промелькнетъ свѣтлое чувство и лучъ вдохновенія озаритъ его красотою не отъ міра сего?

Радость и горе, счастье и несчастье, рубище нищаго и богатство милліонера, молодость и старость, красота и безобразіе, доброта и злоба, любовь и ненависть, все это — краски, которыми случай выводитъ узоры на нашей жпзпн, и причудливы эти узоры, какъ причудливъ самъ вѣчный, неутомимый художникъ — случай!

ГЛАВА XIV,

въ которой доказывается, что догадливость старыхъ дѣвъ, большею частью, направлена на запрещенный плодъ.

Приѣхавъ отъ Наумана, въ тотъ день, какъ посѣтила съ Меберомъ фабрику, Фанни тотчасъ объявила компаньонкѣ, что намѣрена прекратить свою связь съ усачомъ. Вѣсть эта не могла поразить неожиданностью Фрейлейнъ Таузендъ, которая уже за долго передъ тѣмъ, замѣчала охлажденіе молодой женщины къ Науману, и привыкла къ рѣшительности ея характера въ подобныхъ случаяхъ. Но когда, вслѣдъ за тѣмъ, Фанни объявила старушкѣ, что, какъ только совершенно раздѣлается съ своимъ любовникомъ, такъ намѣрена посвятить себя благотворительности и, для начала, намѣрена отыскать два бѣдныхъ семейства, которыхъ адреса записаны ею, тогда Фрейлейнъ Таузендъ не знала, чѣмъ объяснить себѣ это дѣло.

Ей вспало на умъ, что Фанни съ нѣкотораго времени, вообще очень переѣжилась, что, возвращаясь домой отъ Наумана, она казалась грустной, часто задумывалась, и вообще, противъ обыкновенія, очень мало говорила. Видя, какъ во всѣ послѣдніе дни она сплѣла въ будуарѣ, опершись на руку, поджавъ подъ себя ноги и съ недовольнымъ видомъ переизымавая романъ, или разсѣянно опивая кружева платка, или съ досадою ломая какуюнибудь вещьцу, вынутую изъ рабочаго столика, Фрейлейнъ Таузендъ, совершенно знавшая причудливый характеръ Фанни, догадывалась, что все это не даромъ; но она не рѣшалась допытываться, потому-что изъ опыта убѣдилась, что Фанни тогда-то и становится скрытна, когда замѣчаетъ въ другихъ желаніе узнать отъ нея чтонибудь.

Старая Фрейлейнъ была не вполне свободна отъ грѣха, который погубилъ Еву. Но любопытство ея ограничивалось только тѣмъ, что касалось Фанни, и вполне оправдывалось участіемъ ея къ молодой женщинѣ.

Фанни, дѣйствительно, грустила, худѣла и теряла аппетитъ. Иногда даже старой компаньонкѣ казалось, что на глазахъ ея слѣды слезъ.

— Что это съ ней стало? думала старушка, вспоминая всѣ эти обстоятельства, по случаю того, что Фанни рассказала ей о своемъ намѣреніи — пуститься въ благотворительность: что это съ ней стало? Ну, положимъ, дуется — это еще не бѣда, да и не ново! Но вотъ что не постижимо: не ѣсть, не пить своего любимаго кофе, не курить, да, — ужъ дня три какъ вовсе не курить.... А тутъ еще съ чего-то вздумала отъискивать какія-то бѣдныя семейства.... Вотъ это ужъ не даромъ!... Этого съ нею никогда не бывало.... Отчего бы это могло произойти?..

Задавъ себѣ такой вопросъ, старая дѣва мгновенно вся зардѣлась и потупила глаза, какъ будто ей стыдно стало шкафа съ платьями, передъ которымъ она въ эту минуту стояла. Дѣло въ томъ, что ей пришло въ голову — не беременна-ли Фанни. Эта мысль заставила ее обратиться къ другому шкафу, въ которомъ хранилась ея немногочисленная библіотека, состоявшая, большею частью, изъ книгъ педагогическаго содержанія. Здѣсь старая дѣва отыскала томикъ, и пробѣжала въ немъ главу о наружныхъ признакахъ беременности, которая еще болѣе утвердила ее въ ея догадкѣ. Она рѣшила, что надо принять мѣры къ предохраненію здоровья Фанни.

— Но, прсжде всего, надо пораспросить Фанни, продолжала думать Фрейлейнъ Таузендъ: а вѣдь это не легко, ой, не легко! Капризница будетъ вывертываться, лгать, какъ только догадается — въ чемъ дѣло? А сколько еще стыда придется отъ нея перенести, когда она примется подтрунивать надъ моею дѣвическою стыдливостью и неопытностью въ подобныхъ вещахъ....

И старушка размышляла, читала, соображала, но все приходило къ тому заключенію, что объясненіе съ Фанни неизбежно.

Отославъ къ Науману записку извѣстнаго намъ содержанія, Фанни цѣлый день была важна и молчалива, но спокойна и, какъ будто, довольна тѣмъ, что исполнила тяготившую ее обязанность. Впрочемъ, возвратившись изъ базета, въ которомъ тапцовала, она своею веселостью даже чуть вовсе не сблизилась съ тобою своей компаньонки. За то, на другой день Фанни встала съ

зрѣющими глазами, приказала никого не принимать и заперлась въ своемъ будуарѣ.

Сердце болѣло у фрейлейнъ Таузендъ при видѣ такого страданія Фанни: она нѣсколько разъ пыталась подходить къ двери будуара, чтобы подстучать, что причудница дѣлаетъ, но, кромѣ вдоха, въ оба раза ничего не слышала.

— Что же изъ этого будетъ? говорила про себя фрейлейнъ Таузендъ, въ сильномъ безпокойствѣ расхаживая взадъ и впередъ по своей комнатѣ: она убьетъ себя! Вѣдь эти беременныя женщины такія!... у-у!... странныя, безалаберныя!... Пожалуй, еще придетъ фантазія не ѣсть, ни пить.... Ну, и уморить себя съ голоду....

Вошла горничная съ письмомъ.

— Отъ кого? спросила компаньонка.

— Отъ господина Наумана.... Человѣку приказано освѣдниться о здоровьи г-жи Готзегенъ и принести отвѣтъ на записку!...

— Я сама пойду къ ней, воскликнула фрейлейнъ Таузендъ, совершенно оживившись при мысли, что увидитъ Фанни.

— При этомъ можно будетъ заговорить о ребенкѣ.... прибавила она про себя.

Фрейлейнъ Таузендъ нѣсколько разъ стучала въ дверь будуара и звала Фанни, пока наконецъ добилась отъ нея вопроса:

— Кто тамъ?

— Я! отвѣчала компаньонка: мнѣ необходимо васъ видѣть....

— Для чего?... спросилъ фаннинъ голосъ тономъ досады: вѣдь, я сказала, что не хочу, что-бы меня безпокоили....

— Принесли письмо....

— Отъ кого письмо?

— Отъ Вальтера.... Онъ желаетъ знать о вашемъ здоровьи, *ma très belle*.

— Скажите, что я приказала не принимать отъ него писемъ.... а ему самому сказать, чтобы онъ отвязался отъ меня. Или нѣтъ! Подождите, мейнъ фрейлейнъ! Подождите! Я сей часъ выду къ вамъ!... Надо на письмо отвѣчать письмомъ же....

— Конечно! сказала старая фрейлейнъ, считавшая законы приличія самыми обязательными изъ всѣхъ законовъ въ мірѣ: но, присовокупила она, — какъ же вы будете отвѣчать, когда не знаете содержанія его письма?... Прочтите его прежде!...

Фанни не отвѣчала, а любопытная старушка приложивъ къ замочной скважинѣ глазъ, видѣла, что она сѣла писать, потомъ

сложила письмо и, заклепвъ его облаткой, сдѣлала надпись; потомъ.... стала подходить къ двери. Фрейлейнъ Таузендъ отскочила и, вся сконфуженная, опустилась на ближнее кресло.

Въ эту минуту Фанни въ утреннемъ капотѣ появилась на порогѣ будуара и, подавая компаньонкѣ запечатанную записку, сказала:

— Отдайте это слугѣ Вальтера и скажите, что болѣе ничего не будетъ....

Вмѣсто того, чтобы исполнить приказаніе Фанни, фрейлейнъ Таузендъ не двигалась съ мѣста и держала передъ нею записку, поданную Эмилией. Фанни съ удивленіемъ взглянула на нее и воскликнула полунасмѣшливо и полусерьезно:

— Чтò съ вами случилось, мейнъ фрейлейнъ? Вы смотрите на меня, какъ на выходца съ того свѣта!... Развѣ вы не слышали того, что я сказала?

— Слышала, *ma très belle!* отвѣчала, краснѣя и не зная какъ выйдти изъ затрудненія, компаньонка: но что же дѣлать съ этимъ письмомъ, которое у меня въ рукѣ?

— И его отдайте слугѣ Вальтера.

— Но что же вы могли отвѣчать на письмо, котораго содержанія не знаете?

— Чтò-это сегодня съ вами, мейнъ фрейлейнъ? Вы стали любопытны и безтолковы, какъ настоящая старая дѣва... Какое вамъ дѣло до содержанія этого письма и до того, что я отвѣчала? Если вы еще долго заставите меня держать передъ вами мою записку, я разорву ее и пошлю Вальтеру ключки ея....

Зная по опыту, что Фанни способна исполнить свою угрозу, фрейлейнъ Таузендъ поспѣшила принять записку и направилась съ ней къ противоположной двери, но, не доходя до нея, остановилась и, обернувшись, сказала тономъ материнской нѣжности и почти просьбы:

— Фанни не хотите ли — чашечку бульону съ булкой? Время завтракать.... Вы не ужинали и къ чаю сегодня ничего не кушали.... Вѣрно проголодались, моя душечка!...

— Пожалуй! велите подать! разсѣянно произнесла Фанни и вошла въ будуаръ, котораго дверь оставила растворенной.

Когда фрейлейнъ Таузендъ возвратилась, бережно неся чашку бульону и корзинку съ хлѣбомъ, она застала Фанни въ задумчивости спящую на креслѣ — передъ туалетомъ. Фанни не подняла головы, не перемѣнила своего положенія и когда

горячій бульонъ былъ поставленъ компаньонкою на маленькій столикъ возлѣ нея, старушка усѣлась на супротивъ на мягкую козетку и принялась пристально разсматривать ее издали. Наконецъ, опасаясь, что бульонъ остынетъ и Фанни будетъ недовольна, Фрейлейнъ Таузендъ рѣшилась кашлянуть.

Фанни подняла голову и спросила:

— Что это?

— Я принесла вамъ бульонъ, мамзель Готзегенъ! сказала Фрейлейнъ Таузендъ.

— А! бульонъ!

— Ну да, Фанни! вѣдь вы сами приказали подать его....

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ, видно, я только пошутила, потому-что, право, вовсе не хочется ѣсть.... Извините меня, что я обезпокоила васъ напрасно.

— Но какъ же это?

— Очень просто! я сыта, и только....

— Сыта! воскликнула старушка, всплеснувъ руками и возводя глаза къ небу: но съ чего же вы можете быть сыты? Вы ничего не ѣли.... Посмотрите на себя: вы похудѣли, блѣдны, глаза красные.... Vous déperissez à vue d'oeil. На что это похоже — такъ разстраивать себя?...

— Ужъ будто я и похудѣла? сказала Фанни, съ грустною улыбкою, смотря на испуганное лицо старой компаньонки; а впрочемъ, мнѣ и не мѣшаетъ не много похудѣть.... Я въ послѣднее время сильно располнѣла.

— Но вѣдь вы уморите себя съ голоду....

— Полноте! вы все преувеличиваете, и во всемъ видите опасности. Вотъ, еслибъ вы предположили, что я асфиксируюсь, зарѣжусь, застрѣлюсь, брошусь изъ пятого этажа на улицу, или изъ райка въ партеръ, тутъ было бы какое нибудь вѣроятіе, а уморить себя голодомъ....

— Что это вы за страсти говорите, ma très belle! Надо отгонять отъ себя такія мрачныя думы. Это состояніе болѣзненное, неестественное напряженіе воображенія.... я начинаю думать.... Знаете, милая Фанни, что мнѣ пришло въ голову?

— Не догадываюсь, мейнъ Фрейлейнъ, чтѣ бы это могло быть?...

— Не знаю, дитя мое, какъ бы это выразить? сказала компаньонка, приходя все въ большее замѣшательство, краснѣя и потупивъ глаза, между тѣмъ какъ Фанни, привыкшая къ бояз-

ливой заботливости старушки о своемъ здоровьи, перестала слушать ее и опять глубоко задумалась.

— Я думаю, продолжала важнымъ тономъ фрейлейнъ Таузендъ: я думаю, что вы вступаете въ новый, незнакомый еще вамъ фазисъ существованія женщины.

Проговоривъ эти слова, старушка подождала, думая, что Фанни скажетъ ей что-нибудь въ отвѣтъ; но когда эта послѣдняя продолжала молчать, то фрейлейнъ Таузендъ почла необходимымъ яснѣе и проще выразить свою мысль.

— Я разумѣю подъ этимъ критическое положеніе!.. сказала она: это положеніе требуетъ совершенно правильнаго образа жизни, потому-что отъ образа жизни молодой матери въ эту пору зависитъ.... Не такъ ли, *ma très belle*?

— Совершенно согласна съ вами, *ma très chère*! на удачу отвѣчала Фанни, выведенная такимъ обращеніемъ къ себѣ изъ задумчивости, въ продолженіи которой не слышала ни слова изъ того, что говорила компаньонка.

— Вотъ видите! продолжала фрейлейнъ Таузендъ: вѣроятно, вы также согласитесь со мной, что недостатокъ пищи, раздражающія мечты, которымъ предается молодая мать, должны вредить здоровью малютки....

— Что такое? спросила Фанни, вслушиваясь въ слова старушки: о какой это молодой матери, о какомъ малюткѣ бредите вы, мейнъ фрейленъ? Я не совсѣмъ понимаю васъ. Потрудитесь начать свой рассказъ снова; на этотъ разъ общаю вамъ быть внимательнѣй.

— Но вы ошибаетесь, *ma très belle*; возразила фрейлейнъ Таузендъ: я вовсе ничего не рассказывала.... я была далека отъ разсказней.... я говорила очень серьезныя вещи и мнѣ казалось, что вы такъ внимательно слушаетесь и соглашаетесь со мной. А между тѣмъ....

— Ну, вотъ вы и сердитесь, мейнъ фрейлейнъ! воскликнула Фанни, ласково заглядывая ей въ глаза и плутовски усмѣхаясь: да, вѣдь, я и сама не рада, что я, съ нѣкотораго времени, стала такъ разсѣянна, такъ разсѣянна, что сама начинаю бояться за себя....

— Вотъ видите! Разсѣянность.... безъ причины.... Вѣдь и это также одинъ изъ признаковъ....

— Легкомыслія, молодости, вѣтренности! воскликнула, перебивая ее Фанни: совершенно согласна съ вами и постараюсь исправиться. Но, *en attendant*, пока я исправляюсь, прошу васъ

еще разъ разсказать мнѣ эту повѣсть о молодой матери и малюткѣ.... Я теперь вполнѣ расположена слушать повѣсти о молодых матеряхъ и малюткахъ и молодых матеряхъ, и болѣе ничего. Итакъ начинайте, добрая фрейлейнъ Таузендъ....

— Да я никакой повѣсти не знаю! чуть не плача, отвѣчала компаньонка; я говорила вамъ о беременности....

— Ну да! Это я поняла.... снова перебила Фанни, хотѣвшая доказать, что внимательно слушала старушку: но, вѣдь, вы говорили, о беременности молодой женщины, у которой уже былъ малютка....

— Вовсе нѣтъ! Вы меня совершенно не слушали, ma très belle.... Но не думайте, чтобы я обижалась.... Эта разсѣянность болѣе ничего, какъ слѣдствіе вашего положенія, и я не только не сержусь на васъ, напротивъ упрекаю себя въ томъ, что заговорила съ вами о такомъ серьезномъ предметѣ.... Вѣдь, и излишне напряженное вниманіе вредно въ такомъ положеніи....

— Положеніи? воскликнула Фанни: о какомъ положеніи говорите вы, мейнъ фрейлейнъ? Право, я ровно ни слова не понимаю.... Вы становитесь для меня загадочнѣе повои.

— А я, кажется, выразила свою мысль довольно ясно!... сказала уже нѣсколько обиженнымъ тономъ старушка, и потомъ, спохватившись, прибавила: впрочемъ, я совершенно глупа.... Вѣдь, иногда это положеніе имѣетъ слѣдствіемъ и ослабленіе умственной способности, нѣкоторую степень тупости, какъ бы мгновенное затмѣніе разсудка и, и....

— Опять *положеніе!*... Но вы, право, сведете меня съ ума своими недомолвкамъ. А тутъ еще мое положеніе, близкое къ пдіотству.... Да вы никогда не бывали такъ любезны, мейнъ фрейлейнъ.... Compliments такъ и сыплются изъ вашихъ устъ.... Не найдете ли вы еще чего-нибудь сказать о моемъ положеніи, которое, по видимому, такъ сильно занимаетъ васъ.

— Такъ говорятъ всѣ женщины въ вашемъ положеніи....

— Опять.... Да скажете ли вы мнѣ наконецъ о какомъ это моемъ положеніи вы толкуете, вѣтъ, уже болѣе четверти часа. Знаете, что я сама могу изъ вашихъ словъ заключить, что вы, мейнъ фрейлейнъ, — находитесь также въ какомъ-то особенно странномъ положеніи....

— Я? воскликнула старая дѣва, тономъ обиженной скромности: — я въ такомъ положеніи? Я? но вы забываете, моя милая, мои лѣта, мои правила; наконецъ моя наружность всегда,

даже въ моей молодости, не допускала до меня подобныя подозрѣнїи!...

— Какіихъ подозрѣнїи? Что общаго между такимъ положенїемъ, въ который сначала вы заподозрили меня, а потомъ я васъ? Право, моя милая фрейлейнъ Таузендъ, я совершенно не понимаю васъ....

— А я васъ и того менѣе понимаю.

Обѣ женщины молча взглянули другъ на друга, и Фанни залилась звонкимъ продолжительнымъ смѣхомъ, который вскорѣ сообщился и компаньонкѣ ея. Когда этотъ порывъ веселости нѣсколько утихъ, между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— Объясните мнѣ, ради Бога, о какомъ положенїи вы говорите? спросила Фанни.

— О какомъ? отвѣчала фрейлейнъ Таузендъ: конечно о нашемъ....

-- Но въ какомъ же отношенїи?

— Во всѣхъ отношенїяхъ....

— Да положенїе-то мое общественное или какос-нибудь другое?

— Разумѣется, личное ваше.

— Да назовите же его!...

— Вы сами знаете его или, по-крайней-мѣрѣ, догадываетесь, и хотите, чтобъ я назвала его, затѣмъ, чтобъ потомъ посмѣяться надо мною и заставить меня краснѣть отъ вашихъ остротъ и каламбуровъ.

— Да увѣрю васъ, что я не знаю и даже не догадываюсь о чемъ вы говорите....

— Если ужъ непремѣнно хотите, чтобъ я сказала.... Рѣчь была о беременности....

— Чьей? вашей?

— Конечно, вашей....

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло? Вотъ какое положенїе....

Фанни снова и сильнѣе прежняго расхохоталась, а между тѣмъ, пораздумавъ, рѣшилась помистифировать старушку, притворившись, что она сама наведена ея словами на мысль, которая не лишена вѣроятїя. Съ этой цѣлью Фанни приняла, на сколько была въ состоянїи, серьезную мину, и сказала:

— Знаете, мейнъ фрейлейнъ! Хотя я и смѣюсь надъ вашимъ предположенїемъ, но мнѣ и самой кажется, что есть что-то такое.... непостижимое.... Съ нѣкоторыхъ поръ я замѣчаю въ себѣ довольно странные симптомы. Какъ-бы это сказать вамъ половчѣе?...

— Да я вовсе не желаю знать, вы....

Фрейлейнъ Таузендъ замолчала, видя, что сама поставила себя въ крайне затруднительное положеніе, которое, вѣроятно, сильно забавляло Фанни, хотя она нисколько не показывала вида, — что забавляется имъ....

— Да перестанемъ, ради Бога, говорить объ этомъ, мамзель Готзегенъ, воскликнула старая дѣва, почти отчаяннымъ голосомъ:

— Да, такъ вы понимаете, мейнъ фрейлейнъ! Но что же именно вы понимаете? Можетъ быть, вы понимаете дѣло совершенно иначе, чѣмъ оно было.... Дайте мнѣ объяснить вамъ его....

— Какъ? объяснить? Да вы, кажется, мамзель Готзегенъ, — извините меня — но вы, право, кажется, не совсѣмъ въ своемъ умѣ!.. Мнѣ объяснять такія вещи? мнѣ? дѣвицѣ, которая.... которую.... которой.... Да вы, просто, выходите изъ границъ, мамзель Готзегенъ!..

— Но какія же это вещи, которыхъ вамъ объяснять нельзя? спросила совершенно наивно Фанни, но замѣтивъ, что старушка начинаетъ серьезно сердиться, поспѣшила прекратить свою шутку, и потому прибавила: пригласивъ меня въ кабинетъ, — Вальтеръ сказалъ, что я въ тотъ день была какъ-то особенно блѣдна и что онъ подозрѣваетъ — ужь не беременна ли я, предлагая мнѣ, въ такомъ случаѣ, свою руку и богатство.

Фрейлейнъ Таузендъ тяжело вздохнула, какъ будто съ плечъ ея упала чудовая гиря.

— Чтожъ вы отвѣчали Вальтеру на это предложеніе? спросила она.

— Я посмѣялась и надъ его догадливостью, и надъ предложеніемъ его, п....

— И съ тѣхъ поръ почувствовали себя дѣйствительно беременной?..

— Совсе нѣтъ!

— Но, вѣдь, вы сами сказали это....

— Я не сказала, что почувствовала себя беременной....

— Да я сама слышала: вы сказали, что съ этого дня вы замѣтили въ себѣ довольно странные снмптомы.

— Да, я сказала это!

— Ну?

— Но это еще не значитъ, чтобы я чувствовала себя беременной....

— Но вѣдь мы говорили именно объ этомъ?

— Такъ чтожь? съ того дня, какъ Вальтеръ пригласилъ меня въ кабинетъ и объяснился со мной, онъ окончательно противѣлъ мнѣ,...

— И болѣе ничего вы не чувствовали?

— Больше ничего....

— Такъ вы не беременны?

— Не болѣе вась....

— Но какъ же вы такъ долго мучили меня? Фанни, пазуля, проказница!

— Да, вѣдь вы сами сначала мучили меня; такъ я рѣшилась отплатить вамъ той же монетой.

— Теперь мы квиты?

— Квиты.... И въ награду я протанцую вамъ мое вчерашнее соло, котораго вамъ еще не удалось видѣть.... Это окончательно убѣдитъ васъ въ томъ, что я не беременна....

Фанни позвонила и велѣла подать себѣ старое балетное платье. Надѣвъ его, она увела компаньонку въ залъ и тамъ протанцовала передъ ней соло пѣтъ дѣвы Дуная.

Фанни до того дурачилась, что не на шутку запросила ѣсть и позавтракала съ большимъ апетитомъ.

Фрейлейнъ Таузендъ была въ совершенномъ восторгѣ, убѣдившись, что Фанни небеременна. Одно только продолжало беспокоить ее и мѣшало ей полной радости: причина грусти Фанни въ теченіе педѣли или болѣе снова покрывалась для нея непроницаемой тайной, еще болѣе прежняго непроницаемой, потому что беременность ея оказалось химерою самой Фрейлейнъ Таузендъ.

Глава XV,

изъ которой видно, что влюбленные не всегда бываютъ згонстами.

Веселость Фанни продолжалась не долго.

Къ обѣду она опять задумалась и во всѣ слѣдовавшіе за тѣмъ дни рѣдко допускала компаньонку сидѣть съ собой; нигдѣ кромѣ театра не выѣзжала, мало ѣла, и еще менѣе спала.

Фрейлейнъ Таузендъ терялась въ цѣлой безднѣ предположеній, догадокъ и соображеній на-счетъ причины такой перемѣны въ характерѣ Фанни; но не подвинулась ни на шагъ къ рѣшенію загадки.

Однажды — день былъ воскресный — Фанни предложила компаньонкѣ, если она хочетъ, вмѣстѣ ѣхать къ нѣкоторымъ бѣднымъ рабочимъ, которыхъ адреса взяты ею изъ вальтеровой конторы, для того, чтобы убѣдиться собственными глазами, что для нихъ можно сдѣлать.

— Если это вамъ въ тягость, сказала Фанни: — то я поѣду одна! Предупреждаю васъ, что надо взобраться на чердаки по грязнымъ лѣстинцамъ, видѣть нищету въ самомъ печальномъ образѣ ея... Право, я скорѣе совѣтовала-бы вамъ, мейнъ-фрейлейнъ, остаться дома!... Я могу съѣздить одна...

— Напротивъ, воскликнула старая дѣва почти съ увлеченіемъ: — я, какъ особенной милости, готова просить у васъ принять мое участіе въ этомъ добромъ дѣлѣ. — И какъ вы могли сомнѣваться въ томъ, мамзель Готзегенъ? прибавила она тономъ ласковаго упрека.

— Я нисколько не сомнѣваюсь въ вашей добротѣ, *ma très chère*, отвѣчала Фанни: — но не хотѣла-бы отяготить васъ дѣломъ, которое такъ противно вашимъ привычкамъ и такъ обременительно для вашихъ лѣтъ и здоровья...

— Чтò, Фанни? возразила старушка, ужъ не нашутку задѣтая за живое: — такъ вы считаете меня одной изъ тѣхъ сердобольныхъ женщинъ, которыя плачутъ горькими слезами, когда ихъ шпичу нечаянно наступятъ на хвостъ, а между-тѣмъ боятся разстроить свои нервы, когда нужно помочь бѣдняку, умирающему съ голоду и холоду, на соломѣ... Хорошо вы думаете обо мнѣ!... Не знала я этого...

— Вовсе я не считаю васъ за одну изъ такихъ сердобольныхъ женщинъ, мейнъ-фрейлейнъ! защebetала Фанни, цѣлуя старую дѣву и лукаво заглядывая ей въ глаза: — но полноте ворчать! Вы очень хорошо знаете, какого я о васъ мнѣнія, а сантиментальныя объясненія вовсе не въ моемъ вкусѣ!.. Въ-особенности теперь, вы сами согласитесь, что доброе дѣло можетъ пострадать отъ промедленія...

Этого было достаточно, чтобы совершенно успокоить старушку и побудить ее, съ полною готовностью, запясться приготовленіями къ предстоящей поѣздкѣ. Не смотря на ея послѣшность, Фанни давно уже была совершенно готова ѣхать, когда старая дѣва еще только оканчивала свой туалетъ.

— *Eh bien, ma chérie!* сказала Фанни, входя въ ея комнату: — Гдѣ же ваша удивительная быстрота въ одѣваньи?.. *Vous voulez donc être bien belle aujourd'hui?..*

— Поишлите, Фанни! смѣясь вскричала фрейлейнъ Таузендъ, прищипывая къ своей прическѣ черныи баптикъ, которымъ прикрывала лыспикъ на правомъ проборѣ, потому-что ни за что не хотѣла носить накладку:— вѣдь ваша не милосердая поспѣшность гораздо удивительнѣе моей медленности... Вы одѣты, изъ рукъ конь, небрежно....

— Тѣ, къ которымъ мы ѣдемъ, отвѣчала Фанни: — не вышутъ за туалетъ; напротивъ, мнѣ даже не хотѣлось-бы, что-бы мой нарядъ внушилъ имъ мысль дѣлать сравненія между ихъ бѣдностью и нашимъ довольствомъ.

— Это доказываетъ деликатность и благородство вашего прекраснаго сердца! сказала фрейлейнъ Таузендъ тономъ, напоминавшимъ лекцію практической морали, въ родѣ тѣхъ, которыя она въ званіи гувернантки читала своимъ ученицамъ.

— Куда-жь мы ѣдемъ? спросила фрейлейнъ Таузендъ, сходя вслѣдъ за Фанни съ крыльца, съ тѣмъ, что-бы сѣсть въ карету.

Фанни вынула записную книжку и сказала ожидавшему ихъ у экипажа слугѣ.

— Въ улицу neue-Garten, домъ подъ N° 498-й, квартира Генриха Томаса.

Слуга затворилъ дверю кареты, вспрыгнулъ на козлы и лошади помчались.

Домъ, въ которомъ жилъ Генрихъ Томасъ, былъ въ одномъ изъ самыхъ грязныхъ переулковъ отдаленной части города. Это было низенькое, деревянное строеніе, какихъ уже не много сохранилось въ Берлинѣ. По ветхости и по полуразрушенному состоянію лачужки, она уже давно обречена была на сломку. Хозяинъ возлѣ нея выстроилъ большой каменный домъ, въ которомъ жилъ самъ, а лачужка все продолжала стоять на мѣстѣ.

Когда карета остановилась передъ этой развалиной, Фанни не рѣшительно взглянула на фрейлейнъ Таузендъ, которая отвѣчала ей такимъ же взглядомъ.

Но когда слуга отворилъ дверцу, обѣ женщины, какъ будто пристыженные своей нерѣшительностью, поспѣшили оставить карету и направили шагъ къ домику.

Предшествовавшій имъ слуга предупредилъ ихъ, что дворъ довольно грязенъ; но тѣмъ не выразилъ и половины того, что ожидало ихъ въ дѣствительности.

Весь дворъ, на который онѣ вступили, представлялъ одну вонючую навозную яму, на поверхности которой плавало нѣсколько до-

сокъ, при малѣйшемъ прикосновеніи совершенно погружавшихся въ жидкую грязь.

Фанни, взглянувъ въ калитку, наотрѣзъ объявила, что не рѣшится идти за слугою и приказала ему перенести себя и Фрейлейнъ Таузендъ черезъ грязь.

— Пожалуйста, Фанни, не выдумывайте новыхъ ужасовъ! воскликнула, вся зардѣвшись, старая дѣва:— я ни за что не позволю нести себя.... Пройду и сама....

Съ этими словами старушка поспѣшила войти въ калитку и вскорѣ довольно благополучно достигла дома; между тѣмъ, какъ слуга шелъ вслѣдъ за нею, неся на рукахъ, отъ души хохотавшую, Фанни.

— Пожалуйте сюда! сказалъ слуга, ставя на землю Фанни и отворяя дверь въ какое-то подземелье:— здѣсь живетъ Генрихъ Томасъ, сударыня!

— Здѣсь? вскричали въ одинъ голосъ обѣ женщины, вперя испуганные глаза въ мрачный чуланъ, передъ которымъ остановились и въ которомъ не могли разобрать ни одного предмета.

— Ну да, здѣсь!... отозвался изъ глубины чулана грубой голосъ:— что вамъ нужно отъ Генриха Томаса?

— Но... начала Фрейлейнъ Таузендъ,— боязливо отступая на шагъ и взглядывая на Фанни, которая подозвала къ себѣ слугу и шепнувъ ему, что-бы онъ остался у полуотворенныхъ дверей, смѣло стала сходить по узкимъ ступенькамъ въ подвалъ. Между тѣмъ изъ глубины подвала послышался крикливый женскій голосъ, который произнесъ:

— Что бы это могло привести къ намъ такихъ богатыхъ и знатныхъ дамъ?

— Вотъ видите.... начала было Фанни, входя въ конурку и стараясь разглядѣть въ ней говорившихъ.

— Неужели вы видите что-нибудь въ этой темнотѣ! перебила Фрейлейнъ Таузендъ, заглядывая съ верхней ступеньки.

— Добрые люди... сказала Фанни, дѣлая видъ будто не слышитъ словъ старушки,— вѣроятно слѣдующая комната у васъ по свѣтлѣ этой.... Пойдемте лучше туда!... Мы тамъ скажемъ вамъ причину нашего посѣщенія....

— Слѣдующая комната? съ хриплымъ смѣхомъ произнесъ мужской голосъ.

Въ ту-же минуту вблизи раздался тяжелый вздохъ и женскій голосъ произнесъ скороговоркой:

— Видно, вы и понятія не имѣете о нашей жизни, если думаете, что у насъ есть еще другая комната.... Вѣдь, возлѣ насъ живетъ богачка швея.... А у насъ и этого жилья скоро не будетъ....

— Не жаловаться, Доротей! рѣзко отозвался мужской голосъ.

— Я и то не жалуясь, сказала женщина:—ну, да ужъ и твоя гордость! Самъ сидишь безъ....

— Молчать! крикнулъ мужской голосъ;— кому какое дѣло, что я сижу безъ того или другаго? Легче не будетъ отъ того, что встрѣчному и поперечному станешь навязывать свои заботы...

— Но, вѣдь, вамъ могутъ помочь, мой милый! сказала подошедшая Фрейлейнъ Таузендъ.

— Я не нищій: я работникъ, получаю плату.... милостыни не прошу....

— Но, вѣдь, у тебя дѣти и жена.... инскливо заголосила женщина.

— Молчать! снова уже съ угрозою произнесъ мужъ.

Затѣмъ послѣдовала минута перерыва въ разговорѣ.

Между тѣмъ глаза нашихъ посѣтительницъ, привыкнувъ къ окружающему полумраку, стали различать предметы. Передъ ними, опираясь о полуразвалившуюся печь, въ которой что-то кипѣло въ глиняномъ горшкѣ, стоялъ высокій плотный мужчина лѣтъ сорока съ загорѣлымъ худымъ лицомъ, включенными черными волосами и густыми бакенбардами. Мрачный взглядъ его, какъ-то неприязненно устремлялся на предметы изъ подъ нависшихъ щетинистыхъ бровей, на тонкихъ губахъ постоянно играла презрительная, злая усмѣшка. Онъ носилъ голову гордо, и правую руку имѣлъ привычку держать въ карманѣ.

Недалеко отъ него, прислонясь спиною къ той-же печи, стояла маленькая, невзрачная женщина, съ тупымъ взглядомъ, узкими морщинистымъ лбомъ, растрепанными пепельнаго цвѣта волосами и плаксивымъ выраженіемъ лица. Она была въ ситцевомъ полняломъ платьѣ, а сверхъ него опоясана довольно грязнымъ холщевымъ передникомъ. На босыхъ ногахъ, ея болтались башмаки съ оттоптаннми пятками.

Недалекъ отъ печи, изголовьемъ къ единственному окну, стояла большая деревянная кровать, на которой лежала груда грязнаго тряпья и ворочалось нѣсколько маленькихъ полунагихъ существъ съ испуганными лицами. Изъ подъ кровати, въ видѣ ступени къ ней, выставился простой сундукъ, по которому дѣти,

вѣроятно, взбирались на общее съ родителями ложе. У окна былъ столъ и длинная деревянная скамья безъ спинки.

Болѣе никакой мебели въ комнатѣ не было. Посудный шкафъ замѣняли три полки, прибитыя къ стѣнѣ у дверей: на нихъ стояло нѣсколько горшковъ и тарелокъ, котелокъ, двѣ или три чашки и кофейникъ.

Между существами, позвавшими на кровати, Фанни, не безъ труда, узнала мальчика, видѣннаго ею на фабрикѣ и котораго она желала устроить.

Оставивъ фрейлейнъ Таузендъ, вступившую въ разговоръ съ Генрихомъ Томасомъ и женою его, Фанни подошла къ кровати и сказала, обращаясь къ мальчику:

— Здравствуй, миленькій! Узналъ-ли ты меня?

— Узналъ! бойко, но вполголоса, отвѣчалъ мальчикъ, искоса поглядывая на Генриха. — Вы та самая добрая дама, что были на фабрикѣ и дали мнѣ талеръ.... Только, ради Бога, не говорите отцу, что я принялъ отъ васъ деньги: онъ приберетъ за это и меня, и мать, которой я отдалъ талеръ....

— Ну, а желалъ-бы ты не ходить на фабрику? спросила Фанни.

— Да, желалъ-бы! со вздохомъ отвѣчало дитя, продолжая искоса смотрѣть на отца.

— А хочешь-ли учиться? снова спросила Фанни.

— Хочу!

— Чему-же-бы ты хотѣлъ научиться?

— Да шить сапоги, что-бы у папеньки, и у маменьки, и у меня, и у сестеръ всегда были новенькіе сапожки....

— А еще чему?

— Больше ничему....

— А письму и чтенью?

— Нѣтъ! писать не хочу, а читать я ужъ немного знаю...

Папенька говоритъ, что и того довольно....

— Почему-же ты не хочешь учиться писать?...

— Потому-что ни папенька, ни маменька не умѣютъ писать...

Стало, и мнѣ не надо этого знать....

Фанни обратилась къ Генриху Томасу, который, въ эту минуту, возражалъ на увѣщанія фрейлейнъ Таузендъ словами:

— Я самъ, а больше никто, виновъ, что у меня большая семья!... говорилъ Генрихъ; будь я одинокъ, мой платъ доставало-бы на все!... Теперь пѣний на самого себя, что пажилъ

обузу.... А уж протягивать руку — слуга покорный — не хочу...
Лучше умру съ голоду съ женой и дѣтьми....

Доротей утерла передникомъ слезы, заструившіяся у нея по щекамъ, но не промолвила ни слова.

— Кто-жь хочетъ обижать васъ милостынею? сказала, вмѣшиваясь въ разговоръ, Фанни своимъ мелодическимъ, мягкимъ голосомъ, подходя къ Генриху Томасу: — напротивъ, мы хотимъ просить васъ самихъ объ одолженіи....

— Вы смѣтаетесь надо мной, сударыня? пробормоталъ сквозь зубы работникъ, мрачно сдвигая брови: — какого одолженія можете вы просить у подобнаго мнѣ бѣдняка?

Фанни вздрогнула и отступила на шагъ передъ суровымъ взглядомъ Генриха; но тотчасъ, собравшись съ духомъ, поспѣшила разувѣрить его въ своемъ намѣреніи:

— Что за мысль? сказала она ласково: — неужели я похожа на такое злое существо, которое смѣется надъ бѣдою ближняго?

— Здѣсь ни какой бѣды нѣтъ! отвѣчалъ рѣзкимъ тономъ Генрихъ, поправляя огонь въ печи; — мы привыкли къ своему положенію и не знаемъ лучшаго.

— Но, возразила Фанни: — возвращаюсь къ моей просьбѣ! Любезный Генрихъ Томасъ! Я понимаю, вполне цѣню вашу благородную гордость и никогда не рѣшусь предложить вамъ что-нибудь, — чѣмъ вы могли-бы оскорбиться.... Вотъ видите.... Мнѣ нравится вашъ сынъ.... тотъ самый черноглазый плутишка, что выглядываетъ изъ за сестеръ....

— Карлъ? отозвался Генрихъ, называя своего сына.

— Ну, да! сказала Фанни: именно Карлуша очень нравится мнѣ... Онъ бойкій, хорошенькій и неглупый мальчикъ... По моему мнѣнію, жаль мучить его неблагоприятной фабричной работой. Если-бъ вы согласились, мой честный Генрихъ, я отдала-бъ его къ ремесленнику, у котораго онъ выучится сапожному ремеслу; впоследствии онъ прокормитъ имъ себя и свою семью гораздо лучше, чѣмъ поденною платою на фабрикѣ... Не такъ ли, любезнѣйшій?...

Генрихъ искоса взглянулъ на Фанни и пробормоталъ:

— Это я и самъ знаю, да только...

— Вы затрудняетесь тѣмъ, перебила его Фанни, слышавшая произнесенныя имъ слова, — вы затрудняетесь тѣмъ, что онъ теперь помогаетъ вамъ своимъ жалованьемъ? не правда-ли?

— Да! сухо произнесъ Генрихъ, запуская въ карманъ лѣвую руку, и съ наглымъ видомъ разставляя ноги.

— Такъ этому еще можно помочь! Вы, Генрихъ, будете занимать у меня, въ теченіи времени обученія, годовое жалованье Карла, вдругъ или по частямъ, а когда Карлъ выйдетъ изъ мастерской и будетъ зарабатывать хорошія деньги, то возвратите мнѣ сдѣланный вами для него долгъ... Согласны?

— Другими словами, это значить, сказалъ проницательнымъ тономъ Генрихъ: я — богата, а ты — бѣденъ! Ну, ты и можешь принять отъ меня подаваніе подъ предлогомъ займа. Твоя совесть будетъ усыплена этимъ наружнымъ видомъ, а между тѣмъ, на самомъ-то дѣлѣ, я буду твоей благодѣтельницей.... Покорно благодарю-съ... Какъ-нибудь перебежусь и безъ этого!... А не перебежусь, то... по-крайней-мѣрѣ...

— Но какой-же чортъ? вскричала Фанни, выведенная изъ терпѣнія, притопнувъ ножкою: знаете-ли вы, милостивый государь, что я, въ первый разъ въ жизни, столько времени кокетничая съ человѣкомъ, котораго хочу убѣдить... Я хочу дать вамъ въ займы годовое жалованье этого ребенка и дамъ его... Я хочу взять мальчика съ собою и отдать къ сапожнику въ обученье, и отдамъ! Понимаете, Генрихъ Томасъ! Это говоритъ вамъ Фанни Готзегенъ!...

И Фанни положила свою маленькую, нѣжную руку на грязный рукавъ работника, совершенно оторопѣвшаго отъ оборота, который принялъ разговоръ, и посмотрѣла ему въ глаза такимъ лукавымъ и вкрадчивымъ взглядомъ, что онъ заморгалъ глазами, покраснѣлъ, какъ индійскій перецъ, и безсознательно пробормоталъ, обращаясь къ самому себѣ:

— Фанни Готзегенъ! Та самая, которую я разъ видѣлъ изъ райка... Да ужъ не сонъ ли это?

— Вовсе не сонъ! сказала, смѣясь, Фанни, а чистая дѣйствительность, къ сожалѣнію горькая. Итакъ согласитесь отдать мнѣ Карлушу!...

— Да на что вамъ хлопотать столько о моемъ ребенкѣ? произнесъ Генрихъ уже нѣсколько колеблясь.

— Ну, конечно, по рукамъ! снова перебила его Фанни: говорите, сколько Карлуша получаетъ въ годъ жалованья — получите деньги и присылайте ко мнѣ мальчика. Вотъ мой адресъ!

Фанни вынула изъ записной книжки карточку, на которой выгравированъ былъ ея адресъ.

— Но вѣдь это похоже на то, будто я продаю свою кровь! сказалъ Генрихъ, уклоняясь отъ принятія карточкы.

— Продаете? воскликнула Фанни: но развѣ вы не поняли меня, Генрихъ? Я беру вашего сына съ тѣмъ, чтобъ научить его честному ремеслу. Развѣ отъ этого онъ перестанетъ быть вашимъ сыномъ?...

Генрихъ молчалъ и отворотился отъ Фанни, чтобы избѣжать очарованія ея взгляда.

Замѣтивъ, что онъ поколебался, Доротей, до-сихъ-поръ стоявшая въ грустномъ раздумьи, и то со слезами благодарности смотрѣвшая на Фанни, то со страхомъ слѣдившая за мѣнявшимся выраженіемъ лица своего мужа, вдругъ упала передъ нимъ на колѣна и воскликнула:

— Генрихъ, другъ мой! Ради Бога, не отталкивай отъ себя счастья! Не отнимай у сына будущности... Вспомни, насъ гонять съ квартиры... Скоро ѣсть будетъ нечего! Прими предложеніе доброй дамы.

Генрихъ, вмѣсто отвѣта, грубо оттолкнувъ отъ себя жену, снялъ съ гвоздя дырявую измятую шляпу и, нахлобучивъ ее на глаза, сказалъ голосомъ, которому напрасно старался придать суровый тонъ:

— Продавай сама сына, слабая тварь!... А я не мастеръ на такія сдѣлки!

Съ этими словами онъ, быстрыми шагами, вышелъ изъ комнаты, какъ будто стараясь скрыть свое волненіе.

ГЛАВА XVI,

въ которой разсказана, исторія одного семейства паріевъ.

Едва шумъ тяжелыхъ шаговъ Генриха Томаса сталъ удаляться, какъ Доротей поднялась съ полу, на которомъ мужъ оставилъ ее на колѣняхъ, и поймавъ руку Фанни, начала цѣловать ее.

— Странный человѣкъ — вашъ мужъ! говорила фрейлейнъ Таузендъ, воспользовавшись минутой безмолвія: строптивъ и гордъ, какъ владѣтельный герцогъ, а между-тѣмъ голъ, какъ соколъ.

— Совсе не странный! возразила Фанни, строгимъ взглядомъ остановивъ дальнѣйшее униженное выраженіе благодарности До-

ротен: если-бъ я была такъ-же бѣдна, вѣроятно, я была-бы не-менѣ горда и строптива... Для бѣдняка нѣтъ середины между униженностью и высокомеріемъ въ обращеніи съ достаточнымъ человѣкомъ! Ласковымъ, вѣжливымъ, кроткимъ, предупредительнымъ можетъ-быть, безъ униженія своего достоинства, только тотъ, кто независимъ.

— Ужасный человѣкъ! сказала, своимъ плаксивымъ голосомъ, Доротея, не понявъ словъ Фанни: ни себѣ, ни дѣтямъ, ни женѣ не желаетъ добра... А все только изъ упрямства, чтобы вотъ не уступать... Ужъ таковъ характеръ.

И Доротея, вслеснувъ руками, принялась за свой грязный передникъ.

— Давно-ли вы замужемъ, моя милая? спросила Фанни, чтобы переменить разговоръ.

— Да всего года два, не больше! отвѣчала Доротея, громко сморкаясь.

— Какъ? воскликнула Фанни, тономъ сомнѣнія: не больше двухъ лѣтъ?... Но, вѣдь вашему младшему дитятѣ больше этого...

— Да! сказала Доротея, не обнаруживая ни малѣйшаго замѣшательства: дѣтей-то я прижила съ Генрихомъ еще въ двѣ-пушкахъ... А женился онъ на мнѣ всего въ третьемъ году, около Троицы... И то ужъ пасторъ такъ настроилъ его... Говорить... не хорошо вамъ такъ жить, не годится!... Ну, и обвѣнчалъ насъ!... Да что? Какъ-бы не дѣти, взяла-бы, да и ушла отъ такого звѣря...

Фрейлейнъ Таузендъ отворотилась къ дѣтямъ, что-бы скрыть краску стыда, выступившую у нея отъ наивныхъ откровеній Доротей. Фанни также слегка покраснѣла, но продолжала съ участіемъ распрашивать несчастную женщину.

— Но почему-же, сказала она: почему вы не оставили Генриха прежде, чѣмъ у васъ родились дѣти?...

— Почему? отозвалась Доротея: потому что я тогда любила гордаго и смѣлаго работника, которому я хозяйинъ фабрики не смѣетъ сказать грубаго слова, а тѣмъ менѣ приказчикъ... Я, вѣдь, также съ дѣтства работала на фабрикѣ, какъ и Генрихъ... Ну, мы тамъ и сошлись и болѣе не расходились...

Бѣдная женщина въ тяжкомъ раздумьи, со слезами на глазахъ, смотрѣла въ полъ.

Фанни чувствовала къ ней истинное глубокое сожалѣніе; но заинтересованная началомъ разсказа ея, увлеклась живостью свое-

го характера и просила Доротю рассказать всю исторію ея жизни.

— Извольте, милая благодѣтельница наша! отвѣчала Доротя; но извините, — вы стойте, а мнѣ просить васъ сѣсть нѣкуда.... Вездѣ грязь, а ваше платье такое богатое....

— Благодарю, благодарю! посиѣшшла сказать Фанни: я молода и люблю стоять.... моя подруга также не устала.... не стѣсняйтесь нашимъ присутствіемъ.... Рассказывайте такъ, какъ-бы вы про себя вспоминали свое прошедшее.... Повѣрьте: одно истинное участіе къ вамъ заставляетъ насъ желать поближе познакомиться съ вашей судьбой.

— Какая моя судьба? — извѣстно! начала монотонно-плаксивымъ голосомъ Доротя, складывая на груди руки: какая наша судьба?... Ужъ конечно, самая горемычная!... Родилась я отъ такого-же фабричнаго работника, какъ теперь мой мужъ! Родители мои были бѣдны, очень бѣдны.... Да и не разбогатѣешь отъ нашей платы.... Сами знаете.... Отецъ-то мой былъ не то, чтобъ злой человѣкъ; только горячъ, такъ горячъ, что избави Боже. Особенно, какъ бывало подошьетъ: а это случалось въ недѣлю раза два, три.... Ну, ужъ тогда у него молчи и жена, и дѣти.... А насъ, дѣтей, было — у него всего трое: братъ да двѣ сестры.... Вотъ знаете: хоть-бы ужъ мать-то наша умѣла отмалчиваться.... Тогда отецъ, авось, иногда и успокоился бы.... Ну, а она всегда, и примется поперечить да вздорить съ нимъ.... А порой и просто, полѣзетъ съ нимъ драться.... Онъ возьметъ, да и прибьетъ всѣхъ и уйдетъ со двора.... Уйдетъ, и не показывается сутки, двое, трое; ни домой, ни на фабрику не показывается.... Его вѣрно и прогнали бы съ фабрики за неисправность, да, работникъ-то онъ былъ хорошій.... Не замѣнишь.... Ну и терпѣли, снисходили къ нему,... Горе съ нимъ бывало: такой неугомонный....

— За что же онъ дѣтей-то билъ? спросила Фрейлейнъ Таузендъ.

— А Богъ его вѣдаетъ, за что.... сказала Доротя: вѣстимо дѣло, отецъ... Кто ему указъ, что, дескать, не смѣй бить своихъ дѣтей!... Только бы не убилъ, а потѣшайся, сколько душъ угодно.... Больше всѣхъ доставалось мнѣ, а меньше всѣхъ брату.... «Вы, говоритъ бывало, — дѣвчонки, даромъ хлѣбъ только ѣдите, а проку отъ васъ не жди себѣ.... Мальчишка, вишь, и малъ, чуть съ земли видно, а ужъ отцу на пиво зарабатываетъ»

— Братъ, знаете, по десятому году, началъ ходить на фабрику, а у насъ съ сестрой недоставало сплснокъ.... худенькія, слабыя такія были.... Миѣ за это и доставалось.... Да притомъ же я и угрюмая была такая, не умѣла ни приласкаться, ни чтѣ.... Вотъ сестра, та была пригожа.... Да и умѣла.... Бывало, какъ отецъ примется бить ее, она эдакъ взглянетъ ему въ глаза, да сложитъ ручки.... у него и отойдетъ сердце.... и броситъ бить.... Только назоветъ лисой.... Впрочемъ, грѣшно сказать, и у нея рѣдко не бывало синяковъ, и руки всегда болѣли.... да и голова два раза была проломлена.... А ужъ у меня то, и говорить нечего.... мѣста на тѣлѣ цѣлаго не было.... Вся, словно рана какая, ходила....

— Боже мой! говорила Фрейлейнъ Таузендъ, взволнованная послѣдними словами Доротен, между-тѣмъ, какъ Фанни превозмогла себя и сдержала порывъ сильнаго гнѣва.

— И вы говорите, моя милая, продолжала компаньонка, что вашъ отецъ былъ не золь?... Да это....

— Извергъ.... прибавила Фанни, дѣлая движеніе рукой и до крови кусая себѣ нижнюю губу, при чемъ лице ея попеременно выражало то досаду, то состраданіе.

— Извергъ, не извергъ, сударыня! возразила Доротен послѣ минутнаго молчанія, выродоженіи котораго, какъ-будто, взвѣшивала поступки отца: покойникъ и любилъ насъ, ребятишекъ, только какъ-то.... не такъ, какъ другіе люди.... по-своему любилъ.... Бывало, въ-трезвомъ видѣ, опъ и приголубитъ, потреплетъ по щекѣ, и посадитъ на колѣни, и расскажетъ сказочку.... Бывало, возвращаясь съ фабрики, булку купить, да и скажетъ брату: — на, раздѣли на сестеръ — только Аннѣ дай побольше кусокъ....

— Анною звали вашу сестру, не такъ ли? спросила Фанни.

— Сестру, сударыня! отвѣчала Доротен и потомъ продолжала:

— Вотъ какъ мы подросли, да и поокрѣпли, выровнялись.... и отдали насъ на ту же фабрику.... Ходили мы туда каждый день съ утра, возвращались домой позднимъ вечеромъ. А тутъ бывало еще отецъ ночью приколотитъ. Такая ужъ горькая была наша дѣтская доляшка!... Сестра-то, только до пятнадцати лѣтъ и терпѣла ее.... Ну, а миѣ пришлось протянуть ее долго, да и въ замужествѣ еще горе мыкать съ сердитымъ человѣкомъ....

— Куда же дѣвалась ваша сестра?... спросила Фанни, пользуясь наступившимъ молчаніемъ.

— Куда дѣвалась? Да не утерпѣла, не далась.... ушла отъ отца къ любовнику.... А послѣ — ужъ я и незнаю, что съ ней стало.... Говорили люди, будто пшть стала, да захворала.... да въ больницѣ и умерла.... А впрочемъ, незнаю.... Можетъ и по-сю пору жива.... А ужъ какая была хорошенькая! Слово, принцесса какая: тоненькая, стройная, бѣленькая.... и лицо такое смазливое.... Бывало, какъ идетъ по улицѣ, босая, въ изорванномъ платьишкѣ — такъ даже народъ останавливается и любитъ сю.... Ну и отецъ тоже, какъ былъ трезвъ, смотритъ, смотритъ на нее, да и скажетъ: — эка ты у меня дѣвка-молодецъ! Только смотри, какъ найдешь богатаго любовника, не забывай отца! — «А она такова и была.... Ужъ отецъ искалъ, искалъ ее.... Нѣтъ нигдѣ.... Плонулъ онъ, да прибилъ жену и насъ съ братомъ. И что-жъ вы думаете: съ того дня, какъ рукой свая съ него — бросилъ пшть, совсѣмъ бросилъ.... да и ну тосковать по сестрѣ.... Изо-дня-въ-день, бывало, слова отъ него не услышишь, не ѣсть, не пьеть, а работать сталъ усерднѣе.... Случалось, что я или братъ или мать назовемъ Анну: онъ только наклонить голову, а слезы такъ и потекутъ изъ глазъ....

— И сталъ онъ такой добрый, что даже намъ было жаль его, когда мать примется ругать его за что-нибудь, или толкнетъ его.... Онъ хотя-бы слово, только все угрюмо улыбается....

— А съ того времени, какъ отецъ бросилъ пьянство, мать начала чаще и чаще выпивать, и въ домѣ былъ все тотъ же шумъ, тотъ же содомъ. Разъ, — помню какъ сегодня, — Ночь была осенняя, темная и холодная. Мать пьяная сидѣла у окошка и ворчала на мужа, что онъ долго нейдетъ съ фабрики. Братъ ужъ вторую недѣлю лежалъ въ горячкѣ.... Я, воротившись съ работы, у огня обсушивала мокрую одежонку.... Свѣту другаго не было въ горницѣ, кромѣ очага, на которомъ въ горшкѣ варился нашъ скудный ужинъ.... Вдругъ, при этомъ свѣтѣ, видимъ: входитъ полицейскій служитель и говорить, остановившись посреди комнаты:

— Гдѣ тутъ, говорить, вдова рабочаго Ленцъ?...

— Я жена его, отвѣчаетъ мать, а не вдова! чтѣ за вдова при живомъ мужѣ?

— Живомъ? Да ты посмотри прежде! говорить полицейскій съ насмѣшливымъ видомъ.

— Да, что-жъ съ нимъ сталося?

— А что сталося? Лежитъ въ полиціи, не шелохнется.... Видно же, ты сильно надокучила ему, что онъ по дорогѣ съ фабрики повѣсилъ на фонарномъ столбѣ....

— Мать вскочила съ своего стула и вскрикнула.... Только и помню.... Я упала безъ чувствъ.... Братъ, въ ту минуту, какъ приходилъ полицейскій, на свою бѣду, былъ въ памяти и слышалъ страшную вѣсть. На другой день, онъ скончался. Остались однѣ мы съ матерью... Мать зашла пуце прежняго... Доходы уменьшились, потому, что старухѣ уже не подѣ-силу было ходить на фабрику; а я получала мало.... Вотъ и пришлось продавать сегодня одно, завтра другое.... А тамъ нѣчего стало и продавать.... Мать послѣднее снесла въ кабакъ.... А пить ей непрежнему охота.... Какъ быть?... Миѣ было лѣтъ семнадцать: хоть и не хороша была я лицомъ, да въ семнадцать лѣтъ не бываетъ ни одна дѣвушка совершеннымъ уродомъ. Все же — свѣженькая, глазенки быстрые....

Я и убѣжала къ Генриху.... Такъ, съ того часа, и живу съ нимъ, вотъ ужъ тринадцатый годъ пошелъ....

— Какъ? воскликнула Фанни: вамъ было семнадцать лѣтъ, когда вы оставили матушку; слѣдовательно вамъ только тридцатый годъ? Можетъ ли это быть?

— Такъ оно и есть! отвѣчала Доротея: миѣ лгать не для чего.... А что стара кажусь, такъ тоже не мудрено.... Заботы и работы не мало въ нашемъ быту.... Постарѣешь и раньше.

— Но чтѣ потомъ сталося съ вашей матерью? спросила Фрейлейнъ Таузендъ.

— Да что ей сдѣзалося? равнодушнымъ голосомъ отвѣчала Доротея: даромъ, что никто на нее не работалъ, она стала жить лучше прежняго.... Пока я была у нея, то удерживала ее отъ нищенства, а тутъ удерживать стало не кому.... Ну, и кормилась милостынею, да и плала отчаянно.

— Ну? сказала Фанни.

— Ну, и умерла на улицѣ, раздавленная въ темную ночь экипажемъ. Теперь отъ всей семьи одна я въ живыхъ осталась!...

Доротея замолчала и утерла себѣ передникомъ носъ. Въ комнату воцарилась, на минуту, мертвая тишина, прерываемая однимъ шумомъ на улицѣ.

Дѣти сладко спали, раскинувшись по кровати въ различныхъ положеніяхъ.

Фанни, которая чуть не задышалась въ тяжелой, сырой атмосферѣ комнаты, поспѣшила прервать эту вѣную сцену. Она дала Доротей нѣсколько денегъ и свой адресъ, взяла съ нея слово, что на другое утро приведетъ къ ней сына и вышла въ сопровожденіи своей компаньонки.

Доротей, со слезами благодарности и радостной надежды, провожала своихъ гостей до самой калитки и потомъ еще долго слѣдила взглядомъ за быстро уносившейся каретой, можетъ быть сравнивая свою горькую участь съ блестящею долею Фанни Готзегенъ.

А между тѣмъ, Фанни, приказавъ ѣхать въ улицу ***, къ дому подь № 297, въ которомъ жилъ отецъ дѣвушки, пригласившей ей на фабрику, сидѣла въ углу кареты и развивала въ воображеніи тоже сравненіе. Незаслуженность счастья, съ одной, и горя, съ другой стороны, казались ей роковымъ раздвоеніемъ міра. Фанни, съ особенно горькимъ удовольствіемъ, остановилась на различіи своего блестящаго положенія съ положеніемъ Доротей, и въ эту минуту еще глубже вникнула въ суровое таинство жизни.

Фрейлейнъ Таузендъ, отсунувшись въ другой уголъ кареты, была болѣе занята самой Фанни, чѣмъ бѣднымъ семействомъ.

— Откуда, думала Фрейлейнъ Таузендъ, — откуда у этой вѣтрянницы взялась такая глубокая, человѣческая любовь? Предположимъ, что этотъ кладъ до случая крылся въ ея дуплѣ отъ всѣхъ взоровъ, но откуда взялось это терпѣніе, котораго у нея никогда не было? Могъ ли прежде кто-нибудь ожидать отъ нея, чтобъ она простояла, около цѣлаго часа, въ грязномъ, темномъ, вонючемъ, сыромъ подвалѣ, слушая монотонный гололъ Доротей, или упорно кокетничая съ безобразнымъ, грубымъ и озлобленнымъ Генрихомъ? Давно ли еще она не могла рѣшиться переговорить съ лакеемъ, котораго ей рекомендовали, и просила меня принять на себя скучное дѣло — распросить объ условіяхъ найма? А теперь вдругъ, такая безпримѣрная снисходительность къ отвратительному работнику, который ломается, сердитъ ее, грубитъ ей... а она ухаживаетъ за нимъ, съ такимъ необыкновеннымъ хладнокровіемъ. И снова мы, вѣроятно, ѣдемъ къ такому же грубіяну, притѣмъ еще вдовому.... Кто могъ-бы допустить, что блестящая Фанни Готзегенъ лично рѣшится спускаться въ эти грустные вертены бѣдности и порока.... Откуда въ ней такое желаніе принести дѣйствительную поль-

зу неизвѣстнымъ ей бѣднякамъ, и такая сила воли въ преслѣдованіи своей благотворительной цѣли?... Непостижимо!

Такъ думала Фрейлейнъ Таузендъ, когда карета остановилась, и слуга появился у отворенныхъ дверей, чтобы помочь дамамъ выйти.

ГЛАВА XVII,

изъ которой видно, что любовь, если не болѣзнь, то и не здоровое состояніе.

Домъ, передъ которымъ остановилась карета, былъ пятиэтажное, каменное строеніе съ черепичной кровлей и цѣлымъ лѣсомъ трубъ; въ бельэтажѣ этого дома окна были съ прекрасными занавѣсками, зато, въ четвертомъ и пятомъ этажахъ въ окнахъ были какія-то зеленыя стекла, въ нѣкоторыхъ даже склееныя, а въ другихъ они даже замѣнялись мало прозрачными или вовсе не прозрачными предметами, каковы: бумага, триницы и т. под. Это зданіе принадлежало къ типу столичныхъ домовъ, построенныхъ для спекуляцій и въ которыхъ каждый этажъ носить фizioномію жильцовъ, для которыхъ назначается.

Когда Августъ доложилъ Фанни, что квартира работника, Фридриха Лерхе, по словамъ дворника, находится подъ самой кровлей, надъ пятымъ этажемъ, на чердакѣ, подъ N 187, то Фрейлейнъ Таузендъ, взглянувъ вверхъ, съ нѣкоторымъ ужасомъ, спросила Фанни:

— Неужели вы пойдете туда? вѣдь, это очень высоко!..

— Конечно, пойду! лаконически отвѣчала молодая женщина, дѣлая слугѣ знакъ, чтобы онъ показалъ ей дорогу.

Компаньонка, со вздохомъ, поплелась за Фанни, на каждой площадкѣ останавливаясь, тяжело переводя дыханіе, потому что давно страдала сильной одышкой и не привыкла къ высокимъ лѣстницамъ.

Приближаясь къ пятому этажу, наши странницы были принуждены прижать къ носамъ платки свои, что-бы не дышать вонью на лѣстницѣ. Пыль, грязь, обрѣзки рѣпы и листья капусты, растоптанные, безпрестанно попадались имъ подъ-ноги. Окна въ верхнихъ этажахъ, выходившіе съ лѣстницы на дворъ, сквозь покрытыя слоемъ черной пыли стекла, едва пропускали столько свѣту, сколько нужно было, что-бы рассмотреть предметы. Вся эта неопрятность становилась тѣмъ хуже, чѣмъ выше подымались наши странницы. Наконецъ надъ пятымъ эта-

жемъ кверху лѣстница была уже вовсе не освѣщена и, только когда Августъ отворилъ дверь на чердакъ, наши дамы могли разсмотрѣть нѣсколько избитыхъ ступенекъ.

— Здѣсь живетъ фабричный работникъ, Фридрихъ Лерхе? спросилъ Августъ.

— Здѣсь! отвѣчалъ звонкій дѣтскій голосъ.

Въ то же время хриплый мужской голосъ прозвнесъ:

— Кому нужно меня?

И на порогѣ появился мужчина лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, съ морщинистымъ одутловатымъ лицомъ, краснымъ носомъ, огромнымъ ртомъ, въ которомъ торчали два ряда рѣдкихъ, желтыхъ, неправильныхъ зубовъ, съ лисьими глазами и рыжими волосами. Это была одна изъ тѣхъ личностей, которыя носить на всей своей наружности печать нравственного униженія и подлости.

Увидѣвъ дамъ, Лерхе снялъ поярковую шляпу, въ которой былъ въ комнатѣ и, вынувъ изо-рта трубку, низко поклонилъ. при чемъ непріятно — сладкая улыбка искривила его ротъ.

— Добро пожаловать, милостивыя государыни! сказалъ онъ: позвольте узнать — чтѣ приводитъ такихъ знатныхъ и прекрасныхъ барынь въ мое жалкое жилище?

Лерхе повторилъ свой поклонъ и скорчилъ жалобную гримасу. Въ эту минуту, изъ-за спины его выставилось худенькое личико и полунагое тѣло дѣвочки, съ которою Фанни говорила на фабрикѣ: лицо ребенка сначала выражало одно любопытство. Но, увидѣвъ Фанни, ребенокъ радостно улыбнулся, узнавъ въ ней ту добрую даму, которая дала ей деньги. Когда Фанни и ея компаньонка подпились по лѣстницѣ, Лерхе и дочь его попятились въ комнату, а Августъ посторонился, чтобъ пропустить ихъ. Эта комната имѣла совершенно откосый потолокъ, полъ ея былъ устанъ неровными и плохо прибитыми досками, стѣны обмазаны бѣлой глиной, во многихъ мѣстахъ потрескавшейся отъ сырости; вмѣсто печи, былъ, на-скоро сложенный изъ кирпичей, очагъ, котораго труба выходила въ трубу другой печи; скудный свѣтъ едва сквозилъ въ небольшое окно, продѣланное въ отломѣ потолка. Вся мебель этого чердака состояла изъ стола, двухъ простыхъ стульевъ и кучи соломы въ правомъ углу. Заплеснѣвъшья корки хлѣба валялись на грязномъ полу. Отвратительная атмосфера, составленная изъ самыхъ разнородныхъ запаховъ, затрудняла дыханіе посѣтитель-

ипецъ, который, заглянувъ въ комнату, поспѣшила тотчасъ же снова выйти изъ нея и остался на верхней ступенькѣ въ продолженіе всего разговора съ Лерхе. Наружность этого человѣка, его льстивая рѣчь и униженные поклоны подали Фанни надежду, что здѣсь она не встрѣтитъ особенныхъ затрудненій въ достиженіи своей цѣли, и потому она прямо, безъ обиняковъ, объявила ему о своемъ желаніи взять на воспитаніе его дочь, предлагая ему за согласіе годовую плату, немногимъ превышавшую задѣльную плату, получаемую дѣвочкою на фабрикѣ. Догадка Фанни, какъ нельзя болѣе, оправдалась. Пьяница и игрокъ, Лерхе, очень обрадовался случаю получать нѣсколькими талерами больше въ годъ.

Прощаніе отца съ дочерью было непродолжительное. Дѣвочка, понимавшая изо-всей этой сцены только одно — что ее хотятъ увести чужіе люди, бросилась къ отцу съ плачемъ, но ее встрѣтилъ суровый взглядъ послѣдняго, который сказалъ прощическимъ тономъ:

— Чего? чего ты, дурочка, расхныкалась, какъ будто на бойню ведутъ?... Что мнѣ съ тобой: того и гляди, что еще захвораешь... что я съ тобою буду дѣлать?.. А тутъ, у этой доброй дамы ты будешь и одѣта, и обута, и сыта, да и вылечуть, когда заболѣешь. Кромѣ того, можешь быть спокойна, что барыня за тебя старнику — отцу денежки платитъ, что-бы ему было на что выпить, да табаку купить... Видишь, какое счастье.

Что-бы скорѣе кончить эту отвратительную сцену, Фанни поспѣшила дать Лерхе задатокъ изъ той суммы, которую назначала въ годъ, и, изъ опасенія, чтобъ негодяи не обмануль ее, взяла дѣвочку съ собой въ карету.

Пріѣхавъ домой, Фанни приказала Эмпліи немедленно вымыть и одѣть маленькую Маргариту (такъ звали дочь Лерхе), и потомъ просила Фрейлейнъ Таузендъ, если это не затруднитъ ея, взять на себѣ воспитаніе дѣвочки.

На другой день Доротея Томасъ привела своего сына, который и былъ отданъ Фанни въ обученіе къ честному, трезвому и искусному сапожнику, уже нѣсколько лѣтъ сряду работавшему на весь домъ танцовщицы.

Послѣ описанныхъ нами событій прошло около двухъ недѣль; Фанни во все это время ничего не принимала, ѣздила только въ балетъ и на прогулку, дома ежедневно на цѣлые часы заперлась въ своемъ будуарѣ, откуда если и выходила, то почти ни съ кѣмъ не разговаривала, была раздражительна, безпокойна и причудливѣе, чѣмъ когда-либо. Фрейлейнъ Таузендъ съ ужасомъ замѣчала, что горничная безпрестанно занята перешиваньемъ платьевъ Фанни, которая видимо худѣла не по-днямъ, а по-часамъ.

Въ домѣ танцовщицы, гдѣ еще недавно цѣлый день раздавались пѣніе, игра на піанно, веселый смѣхъ и разговоры, теперь слышался только шепотъ прислуги, и даже дѣтскій голосъ маленькой Маргариты, игравшей съ кошкой, былъ прерываемъ взглядомъ Фрейлейнъ Таузендъ, которая таинственно подымала палецъ кверху и указывала на дверь будуара.

Однажды, возвратившись съ прогулки, Фанни съ досадою бросила на столъ свои перчатки, потомъ сняла и далеко отбросила отъ себя всторону шляпу, которая попала въ прекрасную китайскую вазу и вмѣстѣ съ ней упала на полъ. Фанни не обратила ни малѣйшаго вниманія на разбитую драгоценность, и прямо прошла въ комнату своей компаньонки.

Старая дѣва была занята урокомъ чтенія, даваемымъ маленькой Маргаритѣ, но, увидѣвъ вошедшую Фанни, разстроенную, блѣдную, немедленно закрыла книгу, отослала отъ себя ребенка, который стоялъ, облокотясь о ручку ея кресель, и пошла на встрѣчу молодой женщинѣ.

— Миѣ все, все надоѣло! гворила Фанни, бросаясь на диванъ и, съ видомъ дѣтской досады, поджимая подъ себя ноги: Слышите, мейнъ Фрейлейнъ, продолжала она: миѣ наскучилъ мой грумъ, Джонъ, и моя лошадь, Женни, и этотъ кабриолетъ, и эти прогулки, которыя ни къ чему не ведутъ, и эти глупыя рожки, которыя миѣ вѣчно кланяются, и эта огромная, безобразная квартира, и эта мебель, и вся эта не-нужная, ни къ чему не ведущая роскошь, и все, и все... Я чувствую себя очень несчастной... Знаете — вы очень обяжете меня, если продадите Женни и кабриолетъ, и ту каретную пару съ яблоками... Довольно миѣ однихъ вороныхъ, чтобы ѣздить въ театръ; а болѣе я никуда не намѣрена ѣздить... Джона прогоните, наградивъ его за вѣрность и усердіе, чѣмъ хотите... Прикажете отгазы-

вать всёми, какъ отказывали до-сихъ-поръ... Не хочу никого видѣть... Пусть даже мнѣ не говорятъ, кто былъ, не подаютъ этихъ глупыхъ карточекъ и пошлыхъ записокъ. Слышите, мейнъ фрейлейнъ, я такъ хочу!

Все это Фанни проговорила, не переводя духа, съ лихорадочной поспѣшностью, потомъ прилегла на спинку дивана и тяжело вздохнула. Фрейлейнъ Таузендъ, все время стоявшая передъ нею, разсматривала ее, пока она говорила, съ видомъ неподдѣльнаго участія; когда она кончила, старушка бросилась на кресло возлѣ дивана и, возводя глаза къ потолку, произнесла:

— Боже мой, Боже мой! Но, вѣдь, вы хотите, милая Фанни, окончательно сдѣлаться отшельницей. Вотъ уже почти три недѣли, какъ вы не выѣзжаете и никого не принимаете... Отъ этого добровольнаго заточенія вы исхудали такъ, что узнать трудно, кашляете... А теперь хотите еще лишить себя послѣдняго удовольствія, прогулокъ въ кабриолетѣ. Чѣмъ-же все это кончится?... Вѣдь вы не перенесете этого, моя милая...

— Не перенесу, такъ умру! слабымъ голосомъ сказала Фанни: Но что за пустяки! прибавила она, спохватившись, что поддалась сантиментальному настроенію старой дѣвы: Что за пустяки! Развѣ отъ такихъ вещей умираютъ? Будемъ смотрѣть на вещи проще и придавать имъ ту цѣну, которую онѣ въ самомъ дѣлѣ имѣютъ. На что мнѣ эта обыденная роскошь, когда наскучила жизнь; другіе, среди нравственнаго утомленія, ищутъ въ богатствѣ и блескѣ оправданія своему имени, званію и отличіямъ, а вѣдь я на все это плюю.

— Но почему-же вы отказываетесь отъ блеска, который такъ любили прежде? спросила Фрейлейнъ Таузендъ, тономъ грустной настойчивости.

— Потому, отвѣчала Фанни нерѣшительно: потому что я хочу разбогатѣть... Что вы на это скажете?

— Вы хотите разбогатѣть? Вы шутите, милая моя! Развѣ это въ вашемъ характерѣ?... Вы не принимали ни одного подарка отъ своихъ любовниковъ, не берете назадъ денегъ, которыя даете въ долгъ бѣднымъ артистамъ... И вы хотите... разбогатѣть?...

— Что же тутъ удивительнаго, мейнъ фрейлейнъ! Неужели, чтобъ разбогатѣть, непременно надо обирать любовниковъ и давать деньги подъ проценты; мнѣ нужно не такое богатство, за-

пятнанное мнѣ позоромъ.... Я хочу богатства, на которомъ не тяготѣла-бы и тѣнь подозрѣнія въ его источникѣ, богатство, прибрѣтенное трудомъ и скопленное бережливостью.... А здѣсь-то и необходимо мнѣ ваше содѣйствіе, моя добрая Фрейлейнъ Таузендъ!

— Вы знаете, Фанни, какъ я люблю васъ, и вамъ, кажется, нѣтъ повода сомнѣваться въ моей готовности служить вамъ.

— Знаю, знаю! Итакъ: вотъ, въ чемъ дѣло! Приобрѣтеніе богатства я беру на себя, а о сбереженіи прибрѣтеннаго намѣрена просить васъ, потому что не полагаюсь на себя въ этомъ отношеніи.... Начнемъ съ тѣхъ преобразованій, о которыхъ я уже упомянула.

— Но неужели все это до такой степени занимаетъ васъ, что вы и похудѣли, и.... и.... Какая-же вы причудница!...

— Все это не причуды, а основательно обдуманное намѣреніе, котораго исполненіе дѣйствительно нѣсколько мучило меня, потому что я считала его труднымъ, почти невыполнимымъ.... Но теперь, когда вы принимаете на себя половину дѣла, я почти спокойна.... Теперь я скоро опять пополнѣю, буду весела по прежнему: увидите, мейнъ Фрейлейнъ!...

— Но какъ-же одна переменѣна въ вашемъ хозяйствѣ можетъ произвести такія чудеса въ васъ? Я все-таки не понимаю.

Фанни не отвѣчала: лицо ея, мало-по-малу, принимало задумчивое и важное выраженіе, при чемъ глаза ея заблистали огнемъ внутренняго чувства, и яркій румянецъ выступилъ на щекахъ.

— Только теперь я понимаю, сказала она, размышляя вслухъ: и ясно вижу, какъ унижительно — пошла и бессмысленна жизнь, которую я вела. Всѣ люди, которыхъ я доселѣ любила, были ниже меня, и потому не могли мнѣ дать направленія, руководить мною въ жизни.... Теперь я убѣдилась, что любовь способна облагородить, возвысить насъ.... что любимый человекъ, если онъ уменъ и благороденъ, можетъ открыть намъ такія чудныя и благородныя сферы нравственнаго міра, которыя были прежде знакомы намъ только, какъ баснословный край безсмысленныхъ и невозможныхъ стремленій....

Фанни замолчала и задумчиво склонила голову на грудь.

— Такъ вы любите, Фанни? нѣжно произнесла фрейлейнъ Таузендъ, поймавъ удобный случай вызвать на откровенность молодую женщину: — Вы любите истинной, глубокой и святой любовью? И вы прежде не сказали мнѣ этого? И я сама, старая дура, недогадалась, что только чистая, благородная страсть способна произвести въ женщинѣ такой переворотъ, какой произошелъ въ васъ.

При первыхъ словахъ старушки, Фанни очнулась и ощутила досаду отъ того, что нарушила свою тайну. Но нѣжный, симпатичный тонъ фрейлейнъ Таузендъ вскорѣ примирилъ молодую женщину съ самой собою.

— Да, сказала она голосомъ, дрожавшимъ отъ внутренняго волненія: я, въ первый разъ въ жизни, люблю такую любовь, какъ вы сказали, моя добрая фрейлейнъ Таузендъ! въ первый разъ уважаю того, котораго люблю, и люблю, вслѣдствіе того, что уважаю. Въ первый разъ горжусь своей любовью, какъ за слугой, какъ чувствомъ, которое можетъ примприть меня съ моимъ глупымъ прошедшимъ, съ этими годами, проведенными въ хаосѣ страстей и безпутныхъ разсѣяній.... Одного недостаетъ мнѣ, чтобы я окрѣпла въ моихъ намѣреніяхъ и стала иной, совершенно иной, обновленной женщиною....

— Но чего-же Фанни?

— Взаимности....

Сказавъ это слово тихимъ голосомъ, Фанни закрыла лицо руками.

— Неужели, воскликнула компаньонка: вы сомнѣваетесь, что вамъ стоитъ только захотѣть, чтобы взаимность явилась?... Какой-же мужчина устоитъ противъ вашей красоты, ума и любезности?...

Фанни опустила руки: лицо ея было блѣдно, и слезы градомъ катились по ея щекамъ.

— Вы плачете, Фанни? вскричала фрейлейнъ Таузендъ, раскапываясь въ своемъ любопытствѣ. Вы плачете? повторила она.

— Эти слезы облегчатъ мою грудь.... произнесла Фанни: пусть текутъ они, до-тѣхъ-поръ, пока любимый человѣкъ сотретъ ихъ поцѣлуемъ. А если не такъ, то я не вижу надобности жить.

— Что съ вами, милая Фанни? съ чего у васъ эти мрачныя мысли? и что это за геній зла, который заставляетъ васъ страдать?

— Если вы любите меня, мейнъ фрейлейнъ, сказала Фанни серьезно и съ легкой досадой, то не говорите о любимомъ мной человѣкѣ такимъ языкомъ. Это человѣкъ благороднѣйшій, и я должна перевоспитать себя что-бъ имѣть право на его вниманіе. Я знаю, что онъ не презираетъ меня, потому что онъ добръ, уменъ и великодушенъ. Но этого мало: надо, что-бъ онъ уважалъ меня, потому что онъ полюбитъ только ту женщину, которая достойна его уваженія... Это я поняла съ-тѣхъ-поръ, какъ сама полюбила его... Прежде любовь являлась мнѣ капризомъ воображенія, чувственныхъ желаній, а теперь глаза мои открылись... Я чувствую, что прежняя любовь моя не стоила названія любви. Въ ней не было ничего чистаго и возвышеннаго, никакой благородной цѣли. Не то теперь: я могу быть любимой и найдти въ этой любви бездну счастья, но не прежде, какъ воспитаю себя до-тѣхъ-же прекрасныхъ цѣлей и стремленій, какія одушевляютъ моего милаго Франца. И когда мой умъ разовьется до того, что будетъ способенъ слѣдить за полетомъ его ума, когда мое сердце очистится въ добровольныхъ лишеніяхъ, тогда я приду къ нему и скажу: Францъ Мейеръ! Я давно люблю васъ, и приобрѣла право на ваше уваженіе! Теперь позвольте мнѣ стараться заслужить вашу любовь!

Фанни говорила съ такимъ жаромъ, что и не замѣтила, какъ произнесла имя, которое хотѣла, до времени, сохранить въ тайнѣ.

— Францъ Мейеръ! воскликнула компаньонка, всплеснувъ руками: Это тотъ докторъ, который, на обѣдѣ у Вальтера, говорилъ рѣчь о благотворительности.... Какъ не пришло мнѣ самой въ голову, что онъ одинъ могъ такъ глубоко заронить любовь въ сердце моей милой Фанни? Но я увѣрена, что онъ понялъ васъ; онъ, догадался, что вы любите его; иначе, какъ онъ могъ объяснить вашу прогулку съ нимъ на фабрику.

Фанни задумчиво покачала головой, и багровый румянецъ залилъ ея щеки.

— Нѣтъ, сказала она, теперь еще онъ не можетъ уважать меня, и потому лучше — пускай, недогадывается о моей любви. Если предположить, что онъ угадалъ мою любовь, то какъ я должна понимать его холодность, настойчивость, съ которой онъ намѣренно избѣгалъ со мною встрѣчи у Вальтера!

Фанни приложила къ глазамъ платокъ и громко зарыдала.

— И вы съ того завтрака не видали его? спросила Фрейлейнъ Таузендъ, что-бы дать мнѣ грустное настроеніе мыслямъ Фанни, которая при этомъ вопросѣ дѣйствительно перестала плакать. Ласково и пріятливо заглянувъ въ лицо Таузендъ, какъ ребенокъ, утѣшенный игрушкой, она сказала:

— Видѣла, видѣла. Какая-же я, право, смѣшная.... Вдругъ вообразилось мнѣ, что онъ презираетъ меня, и я заплакала, какъ дурочка... Вовсе онъ не презираетъ меня!... Тому двѣ недѣли, въ тотъ самый день, какъ я послала Вальтеру отставку, докторъ Мейеръ былъ съ нимъ въ театрѣ.... Я танцевала въ этотъ вечеръ въ Дѣвѣ Дуная.... Нѣтъ сомнѣнія, что онъ пріѣхалъ въ театръ единственно для того, что-бы видѣть меня.... Вѣдь онъ нигдѣ не бываетъ, и въ театрѣ былъ всего раза три въ жизни... Знаете: когда я вышла на сцену и обвела взглядомъ публику, какъ будто предчувствуя, что и онъ въ этой толпѣ.... сначала, при видѣ его, мнѣ сдѣлалось, отъ чего-то, страшно и досадно, что я балетная танцовщица.... Но, когда я вспомнила, что онъ пріѣхалъ для одной меня, когда я замѣтила, какъ внимательно, почти не переводя дыханія, онъ слѣдитъ за каждымъ моимъ движеніемъ, какая доброта во взглядѣ, который онъ остановилъ на моемъ пылающемъ лицѣ, тогда я почувствовала себя истиннымъ художникомъ; я импровизировала позы и движенія, въ которыхъ участвовало мое сердце и, мнѣ казалось, что онъ позналъ мой восторгъ и смыслъ моихъ взглядовъ. Всѣ мои тѣлодвиженія, выражавшія нѣгу и любовь, относились къ нему, и я воображала себѣ, что онъ одинъ видитъ меня, что этой безсмысленной толпы, которой рукоплесканія, ни на минуту, не умолкали, вовсе не существуетъ, что онъ одинъ имѣетъ право одобрять или хулить меня.... Букеты цвѣтовъ дождемъ сыпались на сцену изъ ложъ и партера, но между ними не было букета отъ Мейера, и потому всѣ они остались на полу.... Чудный былъ этотъ вечеръ для меня.... Я танцевала для Мейера, я видѣла, что онъ доволенъ мной. И лучше этой награды я никогда не желала-бы за свое искусство. Славу, любовь публики, всѣ эти одобренія и рукоплесканія я охотно промѣняла-бы за одно нѣжное слово моего Франца.

И въ глазахъ Фанни блеснула гордая самоувѣренность и надежда: яркій румянецъ игралъ на ея лицѣ, губы остались полуоткрыты, какъ будто манили поцѣлуй отсутствующаго друга,

взоръ подернулся нѣгою страсти. Въ этомъ положеніи, молодая женщина походила на олицетворенную мечту первой любви.

Фрейлейнъ Таузендъ боялась нарушить ея поэтическую грезу, и потому сидѣла молча и не шевелясь.

Но почему-же взглядъ ея, устремленный на Фанни, подернулся слезой? Не потому-ли, что она вспомнила свою безотрадную юность, и позавидовала тому мгновению, которое теперь переживала Фанни.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

Д Ъ Д Ы.

Поэма Адама Мицкевича.

Мысль поэмы высказывается въ балладѣ, которая служитъ ей прелюдіей. *Вампиръ* или *упыръ*, — такъ называется въ народной мифологіи Славянъ мертвецъ, встающій изъ могилы. — Герой поэмы, самоубійца отъ любви, наказанъ, по опредѣленію неба, тѣмъ, что долженъ ежегодно покидать могилу, являться въ тѣ мѣста, гдѣ прошла его молодость, встрѣчать свою милую, снова испытывать всю силу страсти, всѣ муки любви, ревности, отчаянія, и кончить, какъ кончилъ прежде, т. е., самоубійствомъ.

Вся поэма состоитъ изъ 4-хъ частей. Вторая часть заключаетъ въ себѣ живое изображеніе стариннаго суевѣрнаго обычая, который до-сихъ-поръ коренится между простымъ народомъ въ Литвѣ, Пруссіи и Курляндіи. Этотъ обычай называется *дъды* (*dziady*), и посвящается памяти умершихъ предковъ. Какъ остатокъ языческихъ временъ, онъ отправляется теперь тайкомъ отъ духовенства, ночью, въ часовнѣ или въ пустомъ домѣ близъ кладбища. Приготавливаютъ пищу, напитки, плоды, и съ приличными пѣснями и обрядами, вызываютъ души покойниковъ. Народъ вѣритъ, что этими жертвами онъ приноситъ облегченіе душамъ чистилища. Главную роль на этомъ празднествѣ играетъ кудесникъ, замѣнившій жреца языческихъ временъ. — Мицкевичъ говоритъ, что онъ много слышалъ преданій о мертвецахъ, возвращавшихся съ того свѣта съ просьбами или предостереженіями къ живущимъ. Обрядовыя пѣсни, чары и заклинанія переданы вѣрно въ поэмѣ, а нѣкоторыя дословно взяты изъ народной поэзіи.

Вампиръ.

И сердце не бьется, и грудь не согрѣта,
И жизни настала ужъ конецъ,
На свѣтѣ онъ все — еще, но — не для свѣта.....
О кто же онъ, кто же? — Мертвецъ.

Но вотъ оживляютъ уснувшія силы
Любовь и надежда опять;
На родину вновь онъ идетъ изъ могилы,
Чтобъ милую вновь увидетьъ.

И грудь его дышетъ, но все не согрѣта,
И очи взглянули на міръ,
На свѣтѣ онъ снова, но все не для свѣта.....
О кто же онъ, кто же? — Вампиръ.

И знаютъ, и видятъ сосѣди кладбища,
Какъ онъ ежегодно встаетъ,
Какъ онъ, гробовое покинувъ жилище,
Является снова въ народъ.

Видали, потомъ, черезъ четыре недѣли,
Какъ онъ возвращался, безъ сплъ,
Въ груди его свѣжія раны чернѣли,
Онъ снова во гробъ уходилъ. —

И много толкуютъ о немъ старожилы,
При жизни знакомые съ нимъ,

Что умеръ онъ въ цвѣтѣ надежды и силы,
Что самъ былъ убійцей своимъ.

И, вѣрно, онъ мучится тяжело: не даромъ
Онъ стонетъ и дышетъ огнемъ.....
Недавно какимъ-то каноникомъ старымъ
Мертвецъ былъ подслушанъ тайкомъ.

Лишь только мертвецъ — говорилъ онъ — явился,
Глаза устремилъ на востокъ,
И руки ломалъ онъ, и тяжело томился,
И вымолвилъ горькій упрекъ.

«О духъ ненавистный! зачѣмъ ты встревожилъ
Мой сонъ въ гробовой тишинѣ?
О свѣтъ ненавистный! погасъ ты, — и ожилъ.....
Зачѣмъ ты зажегся во мнѣ?

«О страшная кара: узрѣть *ее* снова,
Потомъ потерять навсегда,
И вытерпѣть снова всѣ муки былаго,
И кончить, какъ кончилъ тогда!

«И снова въ докучной толпѣ, какъ бывало,
Мнѣ видѣть тебя суждено.....
Какъ свѣтъ меня встрѣтитъ, — забочусь я мало:
Я все испыталъ ужъ давно.

«Бывало, ты взглянешь, а я какъ виновный
Былъ долженъ глаза потуплять;
Слова твои слышалъ, — и долженъ былъ, словно
Доска гробовая, молчать.

«Друзья насмѣхались не разъ надо мною,
Твердили: безумство и бредъ!
Иной уходилъ, покачивая головою,
Иль мудрый давалъ мнѣ совѣтъ.

«Совѣты и шутки — все было не ново.

Я думалъ, и самъ бы я могъ
Шутить надъ тоской и любовью другаго,
И могъ бы дать мудрый урокъ.

«Иной почиталъ для себя оскорбленьемъ

Любовь мою, чувство мое,
Но самъ притворялся съ отличнымъ умѣньемъ,
Что будто не видитъ ея.

«Тому я нарочно во всемъ открывался,

Всю страсть повѣрялъ я ему;
Когда жъ отвѣчалъ онъ мнѣ, — я притворялся,
Что повсе его не пойму.

«Но кто расточалъ для меня оскорбленья,

Любовь не прощалъ мнѣ, какъ грѣхъ,
Въ чьемъ взорѣ я видѣлъ слѣды сожалѣнья,
Чей слышалъ безжалостный смѣхъ;

«Тому никогда не давалъ я пощады:

Онъ жалобъ моихъ не слыжалъ,
Ни разу не видѣлъ тоски и досады —
Лишь смѣхъ отъ меня онъ встрѣчалъ....

«И все это должно опять повториться!

И всякій, при встрѣчѣ моей,
То будетъ въ испугѣ съ молитвой креститься,
То прочь убѣжитъ поскорѣй.

«И съ гордостью жалкой, и съ глупымъ презрѣньемъ

Я встрѣтиться долженъ опять!
Зачѣмъ же, идя къ ней, мнѣ появляемъ
Я долженъ смущать и пугать?

«Но что мнѣ! На гордость презрѣньемъ отвѣчу,

Насмѣшкой отвѣчу глупцу.....

Но ты, другъ желанный, какую ты встрѣчу
Готовишь теперь мертвецу?

«Взгляни, и скажи мнѣ: простишь ли, что снова
Къ тебѣ я рѣшился прійти,
Что всталъ я, какъ призракъ угрюмый былаго,
Тебѣ на цвѣтущемъ пути?»

«И взоръ твой, привычный лишь къ солнцу и свѣту,
Привыкъ ли встрѣчать мертвеца?
И можетъ ли рѣчь гробоваго привѣта
Дослушать, мой другъ, до конца?»

«Обнимешь ли думой надежды былыя
Давно-промелькнувшихъ годовъ, —
Какъ плющъ обнимаетъ обломки сѣдые
Зеленою сѣтью листовъ!»

Д Ъ Д Ы.

Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я.

Кудесникъ. — Старецъ первый въ хоръ. — Хоръ поселямъ и поселянокъ. — Часовня, вечеръ.

There are more things in Heaven and Earth,
Than are dreamt of in your Philosophy.

SHAKESPEARE.

Хоръ.

И мрачно, и глухо кругомъ....
Что будетъ, что будетъ, — мы ждемъ!

Кудесникъ.

Всѣ входы въ часовню заprite
И гробъ сбступите толпой,
Лампады и свѣчи кругомъ погасите,
А въ окнахъ повѣсьте покровъ гробовой,
Чтобъ въ щель не проникло сянье,
И мѣсяцъ не кинулъ бы блѣдныхъ лучей....
Но только скорѣй и смѣлѣй!

Старецъ.

Исполнено нами твое приказанье.

Хоръ.

И мрачно, и глухо кругомъ....
Что будетъ, что будетъ, — мы ждемъ.

Вудесникъ.

О души мытарства, вземайте!
 Въ которой бы ни были вы сторонѣ:
 Въ смолѣ ли кинучей горите,
 Иль мерзнете въ рѣчкѣ на днѣ,
 Или, можетъ, постигнуты большимъ страданьемъ:
 Закляты въ полѣнѣ сыромъ
 И, въ печкѣ пазимы огнемъ,
 Пицете и плачете съ горькимъ стenanьемъ....
 Мы всѣхъ васъ, мы всѣхъ васъ зовемъ:
 Спѣшите на наше собранье!
 Мы празднуемъ дѣдовъ обрядъ вѣковой!
 Сойдите въ святое жилище:
 Здѣсь есть подаванье съ усердной мольбой,
 Здѣсь есть и напитки, и пища!

Хоръ.

И мрачно, и глухо кругомъ....
 Что будетъ, что будетъ, — мы ждемъ.

Вудесникъ.

Подайте мнѣ свертокъ кудѣли скорѣе:
 Его подожду я, — а вы, не робѣя,
 Лишь только покажется блескъ огонька,
 Гоните его дуновеньемъ слегка....
 Все дальше, все выше и выше!
 Пусть тамъ догоритъ онъ, подъ крышей.

Хоръ.

И мрачно, и глухо кругомъ....
 Что будетъ, что будетъ, — мы ждемъ.

Вудесникъ.

Вы, легкіе духи! вы, въ этой юдоли,
 Въ которой страдаемъ и мы
 Средь горя, труда и неволи,
 Въ юдоли смятенья и тьмы, —
 Вы ярко блеснули и скоро сгорѣли,
 Какъ легкое пламя кудѣли,
 И нынѣ, блуждая воздушнымъ путемъ,
 Достигнуть не можете рая:
 Васъ этихъ и яркимъ, и легкимъ огнемъ
 Мы здѣсь заклинаемъ, къ себѣ призывая!

Хоръ.

Скажите, чего вы хотите отъ насъ,
Кто жаждетъ, кто алчетъ изъ васъ?

Будесникъ.

Что блещетъ подъ сводомъ надъ нами?
Взгляните, взгляните скорѣй:
Тамъ свѣтлыми вѣютъ крылами
Какія-то двое дѣтей.
Какъ въ вихрѣ два легкихъ листочка,
Кружатся подъ сводомъ слегка,
Какъ будто на деревѣ два голубка,
Играютъ тамъ два ангелочка.

Будесникъ и старецъ.

Какъ въ вихрѣ два легкихъ листочка
Кружатся подъ сводомъ слегка,
Какъ будто на деревѣ два голубка,
Играютъ тамъ два ангелочка.

Ангелочекъ (одной изъ поселянокъ).

Къ мамѣ, къ мамѣ мы опять
Повидаться прилетѣли....
Чтожъ, родная, неужели
Ты не можешь насъ узнать?
Это я, твой сынъ любимый,
Я, съ моею сестрой родимой.
Мы теперь въ раю живемъ,
Лучше тамъ, чѣмъ у мамани!
Посмотри — какимъ лучомъ
Обвиты головки наши;
Изукрашенъ нашъ покровъ
Яркой радуги цвѣтами;
Какъ у легкихъ мотыльковъ
Вѣютъ крылья за плечами.
О какъ весело у насъ!
Безъ лишней жизни проводимъ,
Каждый день и каждый часъ.
Игры новыя находимъ.
Гдѣ коснемся мы ногой —
Разцвѣтетъ цвѣтокъ душистый,

Гдѣ мы сядемъ — тамъ травой
 Зеленѣеть лугъ росистый!
 Но какъ намъ ни весело тамъ,
 Насъ мучитъ тоска и тревога:
 Ахъ мама! твоимъ сиротамъ
 Закрыта на небо дорога.

Хоръ.

Но какъ имъ ни весело тамъ,
 Ихъ мучитъ тоска и тревога:
 Бѣдняжка, твоимъ сиротамъ
 Закрыта на небо дорога!

Кудесникъ.

Скажите жъ, что нужно для васъ,
 Чтобъ легче достигнуть до неба?
 Хотите ль напнтковъ и хлѣба,
 Хотите ль молитвы усердной отъ насъ?
 Здѣсь сладкія яства готовы,
 Здѣсь много есть ягодъ, плодовъ:
 Чтобъ неба достигнуть, — чего вы
 Хотите изъ нашихъ даровъ?

Ангелочекъ.

Не нужны намъ жертвы всѣ эти:
 Мы тѣмъ и несчастны, что въ свѣтѣ
 Могли только *сладкое* знать,
 А *горькаго* намъ не пришлось испытать.
 Игралъ я, скакалъ, забавлялся на волѣ
 Съ утра до вечерней поры,
 Безпечно рѣзвился я въ полѣ,
 Цвѣточки собиралъ для сестры —
 Вотъ вся моя въ жизни забота;
 Сестрѣ же одна лишь работа:
 Шить куклы для нашей игры.
 И вотъ мы теперь прилетѣли на Дѣды
 Совсѣмъ не для жертвъ и бесѣды,
 Не нужны молитвы отъ васъ,
 Не нуженъ вашъ сладкій запасъ;
 Одно лишь исполните наше желанье:
 Два зернышка дайте горчицы для насъ,

И скромное это даянье
Замѣнить намъ жертвы, мольбы покаянья.

Запомните то, что Господь завѣщалъ,
И пусть это каждый въ душѣ сохраняетъ:
X Кто *горечи* въ жизни ни разу не зналъ,
Y Тотъ *сладоcти* въ небѣ во-вѣкъ не узнаетъ.

Хоръ.

Запомнимъ же то, что Господь завѣщалъ,
И пусть это каждый въ душѣ сохраняетъ:
Тотъ *сладоcти* въ небѣ во-вѣкъ не узнаетъ,
Кто *горечи* въ жизни ни разу не зналъ.

Кудесникъ.

Прими же, дитя дорогое:
Вотъ зернышко вамъ, вотъ другое, —
Возьми, и отъ нашего скройся лица!
А ежели ты не слушаешь слова,
То мы заклинаемъ во имя Отца
И Сына, и Духа Святаго:
Услышь нашу просьбу, услышь!
Не хочешь напитоковъ и пици, —
Оставь же святое жилище,
Кышь, кышь!

Хоръ.

А ежели ты не слушаешь слова,
То мы заклинаемъ во имя Отца
И Сына, и Духа Святаго:
Услышь нашу просьбу, услышь!
Не хочешь напитоковъ и пици,
Оставь же святое жилище,
Кышь, кышь!

(Видѣніе исчезаетъ.)

Кудесникъ.

Ужъ скоро увидимъ мы полночь глухую,
Заприте всѣ двери скорѣй на замокъ,
Возьмите смолистой лучины пучокъ,
И чашу поставьте, виною налитую.
Лишь трость подыму я свою, —
Вино зажигайте проворно и смѣло!

Старецъ.

Готово.

Мудесникъ.

Я знакъ подаю.

Старецъ.

Зажглось.... заклиѣло....

Погасло....

Хоръ.

И мрачно, и глухо кругомъ....
 Что будетъ, что будетъ, — мы ждемъ.

Мудесникъ.

Вы, жертвы тяжелыхъ мученій,
 Которые къ этой юдоли земной
 Прикованы цѣпью былыхъ преступленій
 И съ тѣломъ, и съ грѣшной душой!
 Хоть смерть сокрушила земныя оковы,
 Хоть ангелъ васъ смерти зоветъ;
 Но жизнь изъ преступнаго тѣла не идетъ
 И мучится мукой суровой.
 И если мученья для васъ облегчить
 Мы можемъ молитвой смиренной,
 И васъ навсегда удалить
 Отъ пламени адской геенны, —
 То вашей стихіей, палящимъ огнемъ,
 Мы, васъ заклиная, зовемъ
 Сюда для бесѣды священной!

Хоръ.

Скажите, чего вы хотите отъ насъ,
 Кто жаждетъ, кто алчетъ изъ васъ?

Голосъ (за окномъ).

Эй, вороны, совы, орлицы!
 Проклятыя хищныя птицы!
 Зачѣмъ меня ждете толпой на пути,
 Зачѣмъ не даете въ часовню пройти?

Мудесникъ.

Какое страшилище! Боже великій!
 Смотрите: ужасный является гость,

Изсохшій и желтый какъ кость,
 Лицо его блѣдно и дико;
 Изъ усть его пышетъ и пламя и чадъ,
 Глаза, искривленные мукой и злостью,
 Какъ угли подъ пепломъ горять,
 И волосы дыбомъ надъ голою костью
 На лбу въ безпорядкѣ торчатъ.
 И словно какъ хворосту связка, пылая,
 Далеко раскинетъ свой снопъ огневой,
 Такъ сыплются искры, шипя и сверкая,
 Надъ грѣшной его головой.

Будесиниъ и старецъ.

И словно какъ хворосту связка, пылая,
 Далеко раскинетъ свой снопъ огневой,
 Такъ сыплются искры, шипя и сверкая,
 Надъ грѣшной его головой.

Призракъ (изъ за окна.)

Меня не узнали вы, дѣти?
 Вглядитесь поближе въ лицо,
 Припомните только, кто былъ я на свѣтѣ:
 Я панъ вашъ покойный, о дѣти,
 Мое было это село.
 Два года прошли ужъ, кончается третій,
 Какъ вы мнѣ надѣли могильный покровъ.
 О! страшень божественный судъ и суровъ!
 Я тяжкія, злыя мученья
 Терплю за свои преступленья
 Во власти нечистыхъ духовъ.
 Гдѣ на землю сумракъ прохладный
 Нисходитъ ночью порой,
 Туда убѣгаю за ночью отрадной:
 Мнѣ свѣтъ ненавистень дневной.
 Такъ вѣкъ провожу безпріютный,—
 И скороль наступитъ конецъ моихъ мукъ?
 И голодъ терзаетъ меня поминутно,—
 И кто утолитъ мой недугъ?
 И птицъ плотоядная стая
 Клюетъ мое тѣло, терзая,—
 И гдѣ мой защитникъ и другъ?
 Не вижу, не вижу конца моихъ мукъ!

Хоръ.

И птиць плотоядныя стал
 Клюеть его тѣло, терзая,—
 И гдѣ же защитникъ и другъ?
 Не видно, не видно конца его мукъ!

Кудесникъ.

Что жъ нужно душѣ твоей грѣшной,
 Чтобъ муки избѣгнуть кромѣшной?
 Не надо ль священныхъ даровъ,
 Молитвъ для смягченія неба?
 Здѣсь много есть ягодъ, плодовъ,
 Съ избыткомъ напитковъ и хлѣба:
 Чего пожелаешь изъ нашихъ даровъ,
 Чтобъ могъ ты достигнуть до неба?

Приракъ.

До неба?... О нѣтъ! то на Бога хула!
 О небѣ и думать не смѣя,
 Я только хочу, чтобъ скорѣе
 Изъ тѣла душа отошла.
 И въ адъ я пойду безъ роптанья,
 И самыя тяжкія тамъ истязанья
 Охотнѣй снести я готовъ; —
 Чѣмъ вѣчно, по волѣ нечистыхъ духовъ,
 Блуждать по землѣ безпріютно,
 И видѣть потѣхи прошедшихъ годовъ,
 Слѣды моей жизни безпутной;
 Съ зари до зари поминутно
 Отъ жажды томиться, отъ голода нить
 И птиць плотоядныхъ собою кормить.—
 Но воля Господня должна совершиться:
 До тѣхъ поръ съ преступной душою моею
 И страждущимъ тѣломъ я долженъ влачиться,
 Пока кто-нибудь изъ людей
 Меня напоить и насытить рѣшится.
 О еслибъ палящую жажду залить
 Я могъ хоть бы каплей водицы!
 О еслибы голодъ я могъ утолить
 Хоть зернышкомъ малымъ пшеницы!

Хоръ.

О еслибъ паящую жажду зальтъ
 Оябъ могъ хотъ бы каплей водницы!
 О еслибы голодъ оцъ могъ утолить
 Хотъ зернышкою малымъ пшеницы!

Хоръ ночныхъ птицъ.

Безполезны плачь и стоны!
 Здѣсь мы, здѣсь твои враги:
 Совы, филины, вороны,
 Слуги прежніе твои.
 Лютымъ голодомъ и жаждой
 Ты измучилъ свой народъ;
 Пусть теперь въ отмщенье каждый
 Хлѣбъ и воду расклюетъ.
 Гей вы, вороны и совы!
 Навострите когти, клевы
 На него со всѣхъ сторонъ!
 Смѣло пищу разрывайте,
 И изъ устъ ее хватайте,
 Изъ утробы рвите вонъ!—
 Ты любви и сожалѣнья
 Не имѣлъ къ рабамъ своимъ,—
 И теперь тебѣ въ отмщенье
 Мы тебя не пощадимъ.
 Рвите пищу, рвите смѣло,
 Если мало, то за ней
 Разрывайте клювомъ тѣло
 И терзайте до костей!

Воронъ.

Ты смерти голодной не любишь мученій!?
 А помнишь, однажды, порою осенней,
 Въ твои я забрался сады;
 На яблоняхъ, грушахъ плоды
 Пестрѣли кругомъ межъ листьями.....
 Не ѣлъ ничего я три дня,
 И тутъ соблазнился плодами
 И сорвалъ.... Но мигомъ замѣтилъ меня
 Садовникъ, который стоялъ за кустами,
 И поднялъ тревогу и крикъ,

Собакъ на меня натравили, — и въ мигъ
 Поймали меня, какъ злодѣя,
 И тотчасъ представленъ къ тебѣ я....
 И приговоръ строгій виновнаго ждетъ....
 И что же похитилъ я? — съ дерева плоды
 Который вездѣ, какъ огонь и какъ воду,
 Богъ создалъ на общую пользу народу....
 Ты съ гнѣвомъ тогда закричалъ:
 «Примѣрное нужно ему наказанье!»
 И съ дѣлой деревни народъ прибѣжалъ.
 Исполнить твое приказанье.
 И били, и били меня батошьемъ,
 И каждая косточка въ тѣлѣ моемъ, —
 Какъ будто отъ колоса жито,
 Какъ будто горохъ отъ сухаго стручка, —
 Была мнѣ отъ кожи отбита....
 А ты не щадилъ бѣдняка!

Хоръ птицъ.

Гей вы, вороны и совы!
 Не щадите же его вы,
 Каждый мсти и не жалѣи!
 Рвите пщу, рвите смѣло,
 Если мало, то за ней
 Разрывайте клювомъ тѣло
 И терзайте до костей!

Сова.

Ты смерти голодной не любишь мученья!
 А помнишь, однажды, въ морозы, въ крещенье,
 Съ младенцемъ моимъ на рукахъ,
 Пришла я, и стала въ твоихъ воротахъ.
 О барни! — молила тебя со слезами—
 Будь милостивъ, сжался надъ нами!
 Я мужа лишилась, опоры дѣтей,
 А дочь мою взялъ ты себѣ для прислуги,
 И мать моя старая въ тяжкомъ недугѣ,
 И малый младенецъ у груди моей.
 О сжался, дай помощь несчастной!
 Избавь насъ отъ смерти напрасной!....
 Но сердце твое недоступно мольбамъ.
 Зарывшись въ богатства и нужды не зная,

И съ пьяной ватагой гуляя,
 Шепнулъ ты своимъ гайдукамъ:
 «Ужъ мнѣ надоѣли молебны и рыданья,—
 «Прогнать попрошайку сейчасъ!....
 Безчестный гайдукъ твой исполнилъ приказъ,—
 Прогналъ меня за двери съ бранью,
 И виѣстѣ съ младенцемъ втокнулъ меня въ снѣгъ.
 Страдая отъ голода, стужи и боли,
 Сыскать не могла я почлегъ,
 И виѣстѣ съ младенцемъ замерзла я въ погѣ....
 Не зналъ сожалѣнья ты, злой человѣкъ!

Хоръ птицъ.

Х Гсй вы, вѣроны и совы!
 Не падите же его вы,
 Каждый мсти и не жалѣй!
 Рвите пищу, рвите смѣло,
 Если мало, то за ней
 Разрываютъ клювомъ тѣло
 И терзайте до костей!

Призракъ.

Не вижу, не вижу спасенья, несчастный!
 Ты пищу даешь мнѣ напрасно,
 Напрасенъ твой трудъ:
 Что дашь ты, то птицы кругомъ расклюютъ.
 Не вижу спасенья, несчастный!
 Такъ мучиться долженъ и день я, и ночь,
 По грозному неба приказу:
 Кто не былъ въ свой вѣкъ человѣкомъ ни разу,
 Тому человѣкъ ужъ не можетъ помочь.

Хоръ.

Такъ мучиться долженъ и день ты, и ночь,
 По грозному неба приказу:
 Кто не былъ въ свой вѣкъ человѣкомъ ни разу,
 Тому человѣкъ ужъ не можетъ помочь

Мудесникъ.

Не видишь спасенья себѣ никакого,—
 Иди же, отъ нашего скройся лица!

А ежели ты не слушаешь слова,
 То мы заклинаемъ во имя Отца
 И Сына, и Духа Святаго!
 Услышь нашу просьбу, услышь!
 Ты не взялъ напитокъ и пшци,
 Оставь же святое жилище,
 Кышъ, кышъ!

Хоръ.

А ежели ты не слушаешь слова,
 То мы заклинаемъ во имя Отца
 И Сына, и Духа Святаго!
 Услышь нашу просьбу, услышь!
 Ты не взялъ напитокъ и пшци
 Оставь же святое жилище,
 Кышъ, кышъ!
 (призракъ исчезаетъ.)

Вудесникъ.

Друзья, мнѣ подайте вѣнокъ освященный,
 На трость прицѣпите мою.
 Его я огню предаю,
 Пусть пламя клубится и дымъ благовонный.

Хоръ.

И мрачно, и глухо кругомъ....
 Что будетъ, что будетъ, — мы ждемъ!

Вудесникъ.

Вы, духи, блуждавшіе въ этой юдоли,
 Въ которой страдаемъ и мы,
 Въ юдоли смятенья и тьмы, —
 Вы, чуждые всякой житейской доли!
 Вы были всегда далеки отъ людей,
 И жили вы здѣсь ни для насъ, ни для свѣта, —
 Какъ тѣ бесполезныя зелья полей,
 Съ которыхъ ни ягодъ; ни цвѣта,
 Ни корму для дикихъ звѣрей,
 Ни сельскимъ дѣвицамъ убора средь лѣта. —
 Но, въ пышный вѣнокъ заплетясь,
 Красуются только на стѣнкѣ высоко —
 Такъ точно, красавицы, было у васъ

Высоко и сердце и око!
 И если вы чистымъ крыломъ
 Еще не взлетѣли къ небеснымъ селеньямъ,—
 То, васъ заклиная, зовемъ
 Мы этимъ огнемъ и куреньемъ!

Хоръ.

Скажите, чего вы хотите отъ насъ,
 Кто жаждетъ, кто алчетъ изъ васъ?

Вудесникъ.

О! чей это образъ прелестный?
 Не ангелъ ли это небесный
 Спустился изъ рая сюда?
 Какъ радуга ясной дугою
 Сбѣгаетъ по небу вечерней порою,
 Чтобъ воду достать изъ пруда —
 Такъ точно она здѣсь блистаетъ:
 Къ ногамъ ея бѣлый покровъ упадетъ,
 И вѣтеръ играетъ въ кудряхъ,
 На губкахъ улыбка мелькаетъ,
 Но — слезы печали въ очахъ.

Вудесникъ и старецъ.

Къ ногамъ ея бѣлый покровъ упадетъ,
 И вѣтеръ играетъ въ кудряхъ,
 На губкахъ улыбка мелькаетъ,
 Но — слезы печали въ очахъ.

Кудесникъ и дѣвица.**Вудесникъ.**

Въ рукахъ она держитъ лилею,
 На кудряхъ зеленый вѣнокъ;
 Барашекъ бѣжитъ передъ нею,
 Надъ нею летитъ мотылекъ.
 Барашку кричитъ торопливо:
 Постой, мой барашекъ игривый!
 Но онъ отъ нея далеко.
 За бабочкой гонится снова,
 И вотъ — вотъ поймать ужъ готова,
 А бабочка все высоко.

дѣвѣца.

Лилею несу я съ собою,
 На кудряхъ зеленый вѣнокъ ;
 Барашекъ бѣжитъ предо мною,
 Летить надо мной мотылекъ.
 Барашку кричу торопливо:
 Постой, мой барашекъ игривый!
 Но онъ отъ меня далеко.
 Гонюсь я за бабочкой снова,
 И вотъ-вотъ поймать ужъ готова,
 А бабочка все высоко.

Здѣсь прежде когда-то, весенней порою,
 Пастушка, красотка роднаго села,
     Овечекъ пасла подъ горою,
 Рѣзвясь какъ дитя, забавляясь игрою,
     Безпечно-рѣзва, весела,
     Ла ла ла ла!

Однажды пастухъ посѣтилъ ея стадо,
 Въ подарокъ пастушкѣ принесъ голубка,
     Просилъ поцѣлуя наградою;
 Но злая пастушка отвергла съ досадою
     И просьбу, и даръ пастушкѣ.
     Ла ла ла ла!

Другой ей приносить кольцо золотое,
 А третій пастухъ навсегда отдаетъ
     Ей сердце свое молодое;
 Она отвергаетъ и то, и другое,
     Смѣясь и шутя безъ заботъ.
     Ла ла ла ла!

Я — эта красотка роднаго села.
 Вы помните, какъ я пригожа была....
 Пригожа.... но за мужъ идти не хотѣла,
     Всю жизнь я рѣзвилась и пѣла....
 И такъ мнѣ пошелъ девятнадцатый годъ,
     И тутъ умерла я,
 Не зная на свѣтѣ тоски и заботъ,
     И счастья въ жизни не зная.

На свѣтѣ жила, но жила не для вась,
 Крылатою мыслью далеко носясь,
 Ни разу земной не коснулась юдоли:
     Рѣзвилась, гонялась на волѣ
     За легкимъ въ лугу вѣтеркомъ,
 За бабочкой рѣзвой, душистымъ вѣнкомъ,
     Барашка въ поляхъ догоняла,
 Но — сердца любимаго я не искала!...
 Любила я пѣсни, свирѣль по зарямъ,
 Охотно ходила не разъ къ пастухамъ
     Послушать ихъ звонкой свирѣли,
     Послушать, какъ въ пѣсняхъ своихъ
 Мою красоту величали и шѣли;
 Но — я никого не любила изъ нихъ!...
 Теперь же, по смерти, сама я не знаю,
     Что сталося со мной?
 Какимъ-то невѣдомымъ жаромъ пылаю...
 Хоть тѣшусь, какъ прежде, безпечной игрой:
 Лечу, гдѣ шумитъ вѣтерокъ перелетный,
 Безъ муки, безъ скуки живу беззаботно,
     Весь мiръ для услугъ мнѣ готовъ, —
     Изъ радужныхъ нитей цвѣтистыхъ
     Я тку себѣ тонкій покровъ,
     Изъ капель росы серебристыхъ
     Творю мотыльковъ, голубковъ....
 Но тяжкая грусть мнѣ запала глубоко:
     Все жду я кого-то, все жду,
 Кого-то все щецъ пугливое око, —
     Но все я одна-одинока,
     И все никого не найду!...
 Мнѣ грустно, что вѣтеръ, безъ-устали вѣя,
     Играетъ мной, будто перомъ;
     Сама я не вѣдаю, гдѣ я:
 На этомъ ли свѣтѣ живу, пль на томъ?
 Къ чему ни приближусь, — ужъ вѣтеръ неожиданный
     Уноситъ меня безпрестанно
 И гонитъ и внизъ, и наверхъ, и кругомъ....
     Такъ вѣчно должна я носиться
     По этимъ воздушнымъ путямъ,
 И я не могу ни взлетѣть къ небесамъ,
     Ни на землю къ вамъ опуститься.

Хоръ.

Такъ вѣчно ей должно носиться
По этимъ воздушнымъ путямъ,
Не можетъ она ни взлетѣть къ небсамъ,
Ни на землю къ намъ опуститься.

Мудесникъ.

Скажи же, что пужно тебѣ,
Чтобъ легче достигнуть до неба?
Нуждаешься ль въ нашей усердной мольбѣ,
Въ дарахъ для смягченія неба?
Здѣсь много есть ягодъ, плодовъ,
Съ избыткомъ напитоковъ и хлѣба:
Чего пожелаешь изъ нашихъ даровъ,
Чтобъ легче достигнуть до неба?

Дѣвица.

Не надо молитвъ и напитоковъ, и хлѣба!
Пусть юноши наши сбѣгутся толной,
Пусть за руки схватятъ дружиѣ,
И на-земь притянутъ меня поскорѣ:
Пускай хоть на мигъ поиграютъ со мной.

Внимайте же вѣчному неба приказу,
И въ сердцѣ старайтесь его сохранить:
Кто въ жизни — земли не коснулся ни разу,
Тотъ въ небо не можетъ вступить!

Хоръ.

Внимаемъ мы вѣчному неба приказу,
Чтобъ въ сердцѣ его навсегда сохранить:
Кто въ жизни — земли не коснулся ни разу,
Тотъ въ небо не можетъ вступить!

Мудесникъ (нѣсколькимъ поселянамъ).

Къ чему вы бѣжите? — то призракъ неясный!
Напрасно объятья она
Ко вѣзмъ простираетъ, напрасно:
Ужъ вѣтра дыханьемъ она умченá....
Но знай и утѣшься, дѣвица!
Ужъ вотъ передъ вѣщей моею зѣницей
Вся будущность ясно видна:

Два года еще одинокою тѣнью
 Ты съ вѣтромъ скитаться должна,
 А послѣ въ небесное вступишь селенье....
 Теперь же тебѣ не поможеть моление,
 Иди и отъ нашего скройся лица!
 А ежели ты не слушаешь слова,
 То мы заклинаемъ во имя Отца
 И Сына и Духа святаго:
 Услышь нашу просьбу, услышь!
 Не хочешь напитокковъ и пицци,
 Оставь же святое жилище,
 Кышъ, кышъ!

Хоръ.

А ежели ты не слушаешь слова,
 То мы заклинаемъ во имя Отца
 И сына и Духа святаго:
 Услышь нашу просьбу, услышь!
 Не хочешь напитокковъ и пицци,
 Оставь же святое жилище,
 Кышъ, кышъ!

*(Дѣвица исчезаетъ)***Мудесникъ.**

Теперь я ко всѣмъ обращаюсь духамъ,
 Всѣмъ вмѣстѣ, и къ каждому порознь взываю,
 Послѣднею просьбой моей заклинаю!
 Послѣднюю жертву готовлю я вамъ —
 И здѣсь чечевичу и макъ по угламъ
 Я полною горстью бросаю!

Хоръ.

Берите, чего вы хотите отъ насъ,
 Кто жаждетъ, кто алчетъ изъ васъ!

Мудесникъ.

Церковныя двери опять отойдите,
 И снова лампы и свѣчи зажгите....
 Чу! крикнулъ иѣтухъ! уже полночь прошла,
 Окончено наше ночное моление, —
 Пора помянуть ужъ намъ предковъ дѣла....
 Постоите!...

Хоръ.

Что видимъ?

Мудесникъ.

Еще привидѣнье!

Хоръ.

И мрачно, и глухо кругомъ....

Что будетъ, что будетъ, — мы ждемъ!

Мудесникъ *(одной изъ поселюнокъ)*.

Пастушка, одѣтая въ скорбное платье!

Привстань, отодвинься! Мнѣ кажется, ты

Сидишь у могильной плиты....

Взгляните скорѣе, о братья:

Разверзся часовенный полъ,

И призракъ оттуда является новый....

Смотрите — онъ прямо къ пастушкѣ пошелъ....

Какъ блѣдно лицо! гробовые покровы

Блѣбуютъ, какъ снѣгъ на поляхъ,

И взоръ неподвижно-суровый

Въ ея погрузилъ онъ очахъ....

На сердце, на сердце взгляните:

Какъ будто бы лента багровая тамъ,

Какъ будто коралла пурпурныя нити

Сбѣгають отъ груди къ ногамъ....

И кто этотъ выходецъ новый?

Зачѣмъ его поздній приходъ?

Смотрите — онъ на сердце руку кладетъ,

Однако пастушкѣ не молвить ни слова.

Хоръ.

И кто этотъ выходецъ новый?

Зачѣмъ его поздній приходъ?

Онъ на сердце руку кладетъ,

Однако пастушкѣ не молвить ни слова.

Мудесникъ.

Чего ты желаешь, о духъ молодой?

Мольбы ли о милости неба,

Даровъ ли и жертвы святой?

Отд. I.

13

Здѣсь ягоды есть и плоды предъ тобой,
 Съ избыткомъ напитоковъ и хлѣба:
 Чего пожелаешь ты, духъ молодой,
 Чтобъ легче достигнуть до неба?
 (призракъ молчитъ).

Хоръ.

И мрачно, и глухо кругомъ....
 Что будетъ, что будетъ,-мы ждемъ!

Вудесникъ.

Отвѣтствуй, о призракъ, на наше прошенье!...
 Молчить онъ.... что значить такое явленье?

Хоръ.

Молчить онъ.... что значить такое явленье?

Вудесникъ.

Когда отвергаешь ты наше моленье,
 Иди же, отъ нашего скройся лица!
 А ежели ты не слушаешь слова,
 То мы заклинаемъ во имя Отца
 И Сына и Духа святаго:
 Услышь нашу просьбу, услышь!
 Не хочешь напитоковъ и пищи,
 Оставь же святое жилище,
 кышъ, кышъ!
 (призракъ стоитъ).

Хоръ.

А ежели ты не слушаешь слова,
 То мы заклинаемъ во имя Отца
 И Сына и Духа Святаго:
 Услышь нашу просьбу, услышь!
 Не хочешь напитоковъ и пищи,
 Оставь же святое жилище,
 Кышъ, кышъ!

Вудесникъ.

О чудо! невѣдомый призракъ стоитъ,
 Онъ прочь не уходитъ, упорно молчить.

Хоръ.

Онъ прочь не уходитъ, упорно молчить.

Вудесникъ.

Посланникъ небесъ или выходецъ ада!
 Ты видишь раскрывшійся полъ:
 Иди же, откуда пришелъ,
 Иди, не смущай вѣковаго обряда.
 Страшись, пль проклятье тебя поразитъ!....

(помогая)

Исчезни отсюда въ лѣса или рѣки,
 И згинь, пропади ты на вѣки!

(призракъ стонъ).

О чудо! невѣдомый призракъ стоитъ,
 Онъ прочь не уходитъ, упорно молчитъ.

Хоръ.

Онъ прочь не уходитъ, упорно молчитъ.

Вудесникъ.

И просьбы, и клятвы напрасны:
 Онъ ихъ не боится, пришелецъ ужасный.
 Подайте мнѣ, братья, кропило сюда....
 О чудо! надъ нимъ и святая вода,

И это кропило—бесильны!

И странный, невѣдомый духъ —
 По прежнему нѣмъ, неподвиженъ и глухъ —
 Стоитъ, будто камень могильный.

Хоръ.

И странный, невѣдомый духъ —
 По прежнему нѣмъ, неподвиженъ и глухъ —
 Стоитъ, будто камень могильный.
 И мрачно, и глухо кругомъ....
 Что будетъ, что будетъ, — мы ждемъ!

Вудесникъ.

Уму не понятно такое явленье!
 Пастушка, тебѣ этотъ призракъ знакомъ?
 Тутъ тайна какая-то есть безъ сомнѣнья....
 Зачѣмъ ты въ печальной одеждѣ? по комъ?
 Семья твоя вся и жива и здорова....
 Зачѣмъ ты молчишь и не скажешь ни слова?
 Взгляни же, и дай намъ отвѣтъ....
 Что стало съ тобою? жива ты пль нѣтъ?
 Но ты улыбаешься снова....
 Что въ немъ ты находишь смѣшнаго?

Хоръ.

Но ты улыбаешься снова....
 Что въ немъ ты находишь смѣшнаго?

Мудесиниъ.

Подайте орарій, подайте свѣчу, —
 Зажгу и еще посвѣчу....
 Напрасно свѣчу я, напрасно:
 Онъ все не уходитъ, пришелецъ ужасный!
 Возьмите пастушку, и съ ней
 Идите, друзья, изъ церковныхъ дверей...
 Зачѣмъ оглянулась ты снова?
 Что въ немъ ты нашла дорогаго?

Хоръ.

Зачѣмъ оглянулась ты снова?
 Что въ немъ ты нашла дорогаго?

Мудесиниъ.

О Боже! онъ двинулся тѣмъ же путемъ!
 Онъ всюду за нами, куда ни поидемъ....
 Что будетъ, что будетъ потомъ?

Хоръ.

Онъ всюду за нами, куда ни поидемъ....
 Что будетъ, что будетъ потомъ?

А. С.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ РУССКАГО ВЪ АМЕРИКѢ.

Европеецъ, сходя на американскій берегъ, попадаетъ въ новый міръ; онъ чувствуетъ, на каждомъ шагу, что его окружаетъ другая жизнь, въ высшей степени разнообразная и оригинальная. Кромѣ знакомыхъ лицъ, экипажей, домовъ и магазиновъ, онъ находитъ здѣсь многое, чего не встрѣчалъ по ту сторону океана. Первый же день пребыванія его въ американскомъ городѣ откроетъ ему въ уличной и общественной жизни такія черты, которыя составляютъ отличительный характеръ за-атлантической цивилизаціи. Эти отрывочныя черты, можетъ быть, сольются въ одно цѣлое, когда американское общество успѣетъ сложиться и принять опредѣленную фізіономію; теперь же онѣ бросаются въ глаза, останавливаютъ на себѣ вниманіе, возбуждаютъ и точно отрезвляютъ мысль. Замѣчательно, что среди этого бурнаго потока жизни, иностранецъ неволью чувствуетъ, какъ національныя отличія его мало-по-малу теряютъ свое значеніе, какъ онъ переходитъ, въ глазахъ туземцевъ, вообще въ Европейца, и какъ онъ спѣшитъ противопоставить свой обще-европейскій взглядъ напору новыхъ явленій и вопросовъ мысли. Американская жизнь тѣмъ и заявляетъ свою самостоятельность, что для нея каждый иностранецъ — есть Европеецъ, котораго она рѣзко отмѣчаетъ отъ туземнаго жителя. На первый разъ становится замѣтно, что при этомъ сравненіи у Европейца оказывается болѣе сердца, болѣе внѣшняго тщеславія своимъ «я», болѣе облагоустроеннаго вкуса, манеръ и рутинны, а у Американца — болѣе самостоятельной мысли и воли, болѣе положительнаго такта, всегда соразмѣрнаго съ денежнымъ его могуществомъ, болѣе привычки владѣть собою и умѣнья примѣнять

свои знанія къ дѣлу. Американецъ добродушенъ и любознательнъ, но немножко грубъ; онъ моложе Европейца сердцемъ, но старѣе его — волей.

Я высадился въ Нью-Йоркъ; это былъ первый городъ, познакомившій меня съ Америкой.

Сами Американцы, особенно въ Сѣверныхъ Штатахъ, не любятъ Нью-Йорка, и называютъ его скорѣе европейскимъ сбродомъ всѣхъ націй, чѣмъ городомъ чистаго Янки. Они говорятъ: Нью-Йоркъ — не Америка. Вновь прибывшему туристу они посоветуютъ отправиться въ Бостонъ, въ Балтиморъ, въ Филадельфію, или въ Сѣверо-Восточные Штаты, доселѣ называемые Новой Англіей. Тамъ сохранились, по ихъ словамъ, и пуританская чистота старыхъ обычаевъ, и чистое служеніе наукъ, тамъ и образованность массъ выше, и нравственная сторона ихъ не ослаблена той свободой логики, которую привозятъ съ собой многіе Европейцы, коротко, по словамъ ихъ, вы проживете въ Нью-Йоркѣ годы, и составите ложное понятіе объ Америкѣ и Американцахъ.

Нью-Йоркъ, въ политическомъ отношеніи, не столица Американскаго Союза, и даже не столица штата Нью-Йорка, а просто — портовый, при-атлантическій городъ; но его богатства, предпримчивость капиталистовъ, смѣлыя начала, вырабатываемыя широко, при помощи всего, что только могутъ дать свободныя учрежденія и вліяніе европейской цивилизаціи, давно уже поставили его на степень первоклассныхъ городовъ новаго свѣта. Здѣсь зарождается большая часть гигантскихъ проектовъ, сюда стекаются громадныя капиталы и рѣшаются торговныя сдѣлки почти всей Америки: здѣсь центръ, или пульсъ всего Союза, ударами котораго измѣряется его дѣятельность. Мнѣнія Нью-Йорка въ дѣлахъ общественныхъ ожидаютъ другіе города, какъ рѣшительнаго голоса «за» или «противъ»; вліяніе «Wall-Street» (главной улицы) чувствуется на самыхъ отдаленныхъ концахъ торговаго міра. Это социальное могущество Нью-Йорка, конечно, не можетъ не возбуждать зависти другихъ городовъ, особенно Бостона, родоначальника американской независимости, и центра болѣе научной образованности Штатовъ. Национальный патріотизмъ всегда ведетъ къ исключительности, замкнутости, и подозрительно смотритъ на смѣшеніе разнородныхъ началъ цивилизаціи. Въ иныхъ случаяхъ, этотъ патріотизмъ, можетъ быть, и правъ, какъ правъ всякій человѣкъ, которому нужно имѣть для практической дѣятельности *свои*

убѣжденія, каковы бы они ни были. Гдѣ дѣйствіе, тамъ нужна твердая точка опоры, и дѣятелю нельзя такъ легко мѣнять свои правила, какъ теоретику. Но при американской, всепоглощающей жизни, такой патріотизмъ не болѣе, какъ знамя партіи, и потому самому онъ становится узкимъ.

Сила учрежденій и молодость американскаго общества обладаютъ, если можно такъ выразиться, всѣми свойствами пластической крови: они быстро усваиваютъ самые разнородныя начала и, воспринимая ихъ, перерабатываютъ на свой ладъ. Противятся этой силѣ нѣтъ возможности. Почти каждый Европеецъ, кто бы онъ ни былъ, проживъ среди американскаго общества, черезъ нѣсколько лѣтъ сливается съ его интересами, радостями и заботами, втягивается въ его стремленія, раздѣляетъ его привязанности и ненависти, быстро научается его языку, перенимаетъ даже неумовимыя тонкости выговора, приемы, выражений и образа жизни. Эта внутренняя, образовательная сила американской ассоціаціи, и ея растворяющее свойство, всего менѣе должны бы внушать опасенія патріотамъ за національность Америки и упадокъ ея отъ столкновенія съ европейской образованностью.

Съ другой стороны, несправедливо и то, что въ Нью-Йоркѣ сглаживаются американскія черты отъ наплыва разнородныхъ націй. Зброшенные сюда европейцы быстро превращаются въ Нью-Йоркцевъ — вотъ все, что можно сказать о вліяніи эмиграціи.

Въ этомъ отношеніи ко всѣмъ большимъ городамъ равно можетъ относиться предразсудокъ о потерѣ національныхъ особенностей страны. Но въ чемъ заключается національность народа? въ его ли обычаяхъ, внѣшнихъ приемахъ, костюмѣ, предразсудкахъ, или въ складѣ рѣчи, ума, общихъ вкусахъ и стремленіяхъ? Если послѣднія свойства національнаго духа развиваются и вырабатываются съ теченіемъ времени, то не должны ли измѣняться и внѣшнія его формы? Отъ чего же потерю внѣшнихъ формъ — называть потерю національности?...

Большой городъ, по необходимости, развиваетъ всѣ стороны человѣка, и онъ становится ярче съ своими достоинствами и недостатками.

Съ этой точки зрѣнія, пуритане Новой Англій не совсѣмъ правы. Нью-Йоркъ — такое же разнообразное поле американскихъ учрежденій, эксцентричностей, крайностей, кипучей, огненной дѣятельности, смѣлыхъ замысловъ, упорныхъ тружениковъ, до-

бродушныхъ собесѣдниковъ, гостепріимныхъ хозяевъ, характеровъ, полныхъ энергіи, вѣры въ дружбу, въ силу кредита, таланта и труда, — какъ и всѣ тѣ города, жители которыхъ съ наивною гордостью называютъ себя *молодой Америкой* (Young America).

Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Нью-Йоркѣ, и ознакомившись, такъ сказать, съ его домашнею жизнью, я рѣшился представить на судъ чпателей легкіе очерки фнзіономіи этого города, и нравовъ его жителей. Объ устройствѣ управления, о различныхъ заведеніяхъ и учрежденіяхъ какъ въ Нью-Йоркѣ, такъ и въ лучшихъ городахъ Союза — было писано довольноно. Избѣгая повтореній, я передаю лишь то, что видѣлъ и узналъ на мѣстѣ.

I.

Въѣздъ въ Нью-Йорскую Бухту, и въ городъ.

Послѣ однообразнаго тринадцатидневнаго плаванія, ливерпульскій пароходъ пришелъ наконецъ къ мѣсту назначенія и бросилъ якорь въ Нью-Йорской гавани.

О приближеніи его знаютъ въ городѣ за два дня впередъ; даже главнѣйшія новости Европы, переданныя телеграфомъ, извѣстны уже, по газетамъ, всему Союзу. У мыса Рэсъ (Cape Race), далеко вдающагося въ океанъ, на островѣ Нью-Фаундлендъ, постоянно находится шлюпка общества «Соединенной Печати» (Associated Press); она выжидаетъ появленія парохода, принимаетъ отъ него пакетъ съ послѣдними телеграфическими извѣстіями Европы, и немедленно передаетъ ихъ, по телеграфу, въ Нью-Йоркъ.

Во время ночи, тумана, или большаго волненія, эти извѣстія, заключенныя въ боченки, выбрасываются капитаномъ прямо за-бортъ, и шлюпка отъискиваетъ его. Такимъ образомъ, телеграфическія новости предупреждаютъ, по-крайней-мѣрѣ, двумя или тремя днями приходъ европейскаго парохода въ Нью-Йоркъ, что чрезвычайно важно для торговыхъ операцій.

Пройдя узкимъ проходомъ (Narrows) между «Островомъ Штатовъ» и «Длиннымъ Островомъ», которые защищаютъ Нью-Йорскую гавань отъ волненій океана, пароходъ вступаетъ наконецъ въ самую бухту.

Здѣсь представляется взору одна изъ живописнѣйшихъ картинъ. Обширная равнина воды, точно внутреннее, круглое озеро съ отдаленными берегами, разстилается миль на пятнадцать въ длину, и почти столько-же въ ширину. Нѣсколько маленькихъ, едва замѣтныхъ островковъ съ домиками, разбросаны на лѣвой сторонѣ; на одномъ изъ нихъ нѣкогда вѣшали матросовъ за преступленія, почему за нимъ осталось названіе «Gibbet-Island» (Островъ висѣлицы); на другомъ устроена высокая башня съ маякомъ. На правой сторонѣ бухты пріютился «Губернаторскій Островъ» (Governor's Island), на оконечности котораго построена круглая, каменная батарея въ три этажа. Этотъ островъ опоясываетъ голубая лента восточной рѣки (East-River), которая впадаетъ здѣсь въ море, и теряетъ свое названіе. Широкая лента воды, врѣзанная въ глубь земли, на лѣвой сторонѣ бухты, составляетъ устье рѣки Гудсона. Сливаясь съ восточною рѣкой, она образуетъ самую бухту, какъ бы одинъ большой лиманъ, окруженный островами и материкомъ Сѣверной Америки. Обѣ рѣки, миль за десять повыше, соединяются посредствомъ небольшой рѣки «Гарлемъ», такъ что образуютъ настоящій островъ, на которомъ построены Нью-Йоркъ. Онъ называется, по индѣйскимъ преданіямъ, «Островъ Мангэттенъ» и обращенъ южною своею оконечностью къ узкому проходу, которымъ вступаютъ пароходы и суда въ бухту.

Въ этомъ приморскомъ уголку соединились пять городовъ, раздѣленныхъ между собою двумя рѣками и бухтою, съ населеніемъ почти до милліона жителей. Но это раздѣленіе можно назвать настоящимъ соединеніемъ городовъ въ одинъ общій, огромный рынокъ, одушевленный одними и тѣми же стремленіями, интересами и заботами. Множество пароходовъ постоянно вдутъ по всѣмъ направленіямъ бухты и рѣкъ, такъ что житель каждаго города можетъ ежеминутно, за два, четыре или шесть центовъ (центъ $1\frac{3}{10}$ копѣйки серебромъ) перенестись туда, куда влечетъ его дневный интересъ. Даже многіе негоціанты и дѣловые люди Нью-Йорка проживаютъ постоянно въ Гобокенѣ и Бруклинѣ, гдѣ жизнь дешевле, нежели въ Нью-Йоркѣ, и возвратившись домой вечеромъ, на другой день снова отправляются въ свои магазины и конторы.

Бѣлые пароходы, съ коромысломъ машины, размахивающимъ вверху и внизъ, съ рядомъ оконъ въ закрытой галлерей, и не большой башней для рулевого, въ родѣ антресолей,—постоянно снуютъ взадъ и впередъ, перерѣзывая бухту по всѣмъ напра-

влечіямъ. Они обращаютъ на себя особенное вниманіе, не только быстрымъ движеніемъ, которое заранѣе даетъ чувствовать неугомонность страны, но и тѣмъ, что ихъ можно видѣть только въ Америкѣ. Постоянная потребность въ сообщеніяхъ и переѣздахъ всей массы народонаселенія, при предприимчивости, легко превращающейся въ дѣло, одни могли создать эту особую конструкцію парашодовъ, назначенныхъ собственно для перевоза, и потому дешевыхъ, легкихъ, и не совсѣмъ прочныхъ. Говорятъ, что на Миссисипи, напримѣръ, въ Цинцинати, такіе парашоды обходятся всего въ двадцать пять или тридцать тысячъ долларовъ, и при ничтожной платѣ отъ четырехъ до шести центовъ съ лица, окупаются часто въ пять или шесть лѣтъ, а иногда и скорѣе.

Но снующіе бѣговые парашоды только передовые вѣстники этого вихря движенія, которое развертывается тѣмъ шире, чѣмъ ближе подходишь къ метрополіи Новаго Свѣта. Отъ нея точно дышетъ волной заботъ, которая отдается отъ берега въ самую глубь бухты. Оживленіе, видимо, началось отсюда, гдѣ рѣшаются всѣ сдѣлки, всѣ предпріятія, съ тѣсныхъ улицъ, увѣшанныхъ сверху до-низу вывѣсками, запруженныхъ людьми, экипажами и лошадьми.

Парашоды и суда, съ флагами всевозможныхъ націй, стоятъ на якоряхъ по разнымъ направленіямъ бухты; между ними мѣрно движутся мелкіе барки и шлюпки съ надувшимися парусами; иные плывутъ съ досками, другіе съ углемъ, третьи — пустыя. Ближе къ берегу перебѣгаютъ небольшіе парашоды, буксирующіе цѣлыя флоты барокъ, а еще ближе, у самаго берега, по правую и лѣвую сторону Нью-Йорка, возвышаются въ воздухѣ густыя лѣса мачтъ. Въ восточной рѣкѣ стоятъ суда, приходящіе океаномъ, большею частью, иностранныя, въ Гудсонѣ — парашоды и каботажныя суда Американцевъ. Кое-гдѣ колышется на упругихъ волнахъ небольшая лодка, управляемая однимъ гребцомъ.... Но онъ не наслаждается природой: это не житель юга, любящій вѣгу и тихое, ясное небо; это — дѣловой человекъ, котораго на мигъ задержала упругая волна, и онъ борется съ ней всей силой мышцъ, чтобъ поскорѣй окончить дѣло.

Среди этого движенія до слуха доходятъ самыя разнообразныя звуки. Прибытіе изъ Европы парашода привѣтствуетъ пушечный выстрѣлъ съ берега; парашодъ отвѣчаетъ тѣмъ же. Вдали поднимаютъ якорь, съ извѣстнымъ матроскимъ приѣвомъ: это — парашодъ, отплывающій въ Европу. На Испанскомъ воен-

номъ фрегатѣ играетъ роговая музыка, которая отъ дали и звонкаго воздуха, превращается въ мягкую, серебрянную гармонию; раздаются пронзительные свистки перевозочныхъ пароходовъ, которыми они извѣщаются объ отплытіи или приближеніи къ перевозу. Временами надъ водою несется звонъ колокола, извѣщающаго объ отъѣздѣ Гудсоновскаго парохода, или какъ сигналъ рулевого, для избѣжанія толчка отъ разбѣжавшагося парохода; легкій вѣтеръ разноситъ однообразную до унынія пѣснь матросовъ, работающихъ кое-гдѣ на судахъ. Когда всѣ эти звуки случайно умолкнутъ, и настанетъ тишина — слышно отдаленное, глухое волненіе океана.

Пароходъ пристаеетъ къ таможенѣ. На пути къ ней подплываетъ лодка съ нѣсколькими джентльмэнами и гребцами: въ нее сбрасываютъ съ парохода мѣшки съ европейскими газетами и кипы писемъ, которыя быстро везутъ въ городъ, сдаютъ на почту, въ конторы газетъ, и прежде, чѣмъ окончится таможенный досмотръ пассажировъ, въ городѣ будутъ уже извѣстны главнѣйшія подробности тѣхъ событій, о которыхъ дня за два коротко извѣстили по телеграфу.

Таможенные дразги улаживаются легко и скоро. Досмотрщикъ, повидимому, обращаетъ болѣе вниманія на виѣшность пассажира, его приемы, физиономію, чѣмъ на самыя вещи. О послѣднихъ онъ старается угадать по первымъ, и дѣлаетъ строгій розыскъ въ томъ только случаѣ, когда какое-либо особенное обстоятельство возбуждаетъ его подозрѣніе.

Каждый пассажиръ получаетъ печатную бланку, на которой и отмѣчаетъ, есть ли у него вещи къ объявленію или нѣтъ? Затѣмъ бланка отдается въ руки чиновниковъ, и легкій досмотръ оканчивается иногда простымъ взглядомъ на вещи.

Освободившись, пассажиръ, естественно, прежде всего вспомнитъ объ экипажѣ, для переѣзда въ городъ.

Таможня, устроенная въ Нью-Джерзеѣ, отдѣлена отъ Нью-Йорка рѣкою Гудсонъ, и потому является вопросъ: какъ переѣхать рѣку, когда нѣтъ моста, кто снесетъ вещи, гдѣ искать экипажа на другой сторонѣ, и наконецъ, куда лучше ѣхать въ городъ, гдѣ гостинницъ такое множество, и всѣ равно рекомендуются.

Вопросы эти, однакожъ, ни къ чему не приводятъ, и дѣло устрояется само-собою. Первый шагъ за таможнею, — и вновь прибывшаго иностранца встрѣчаетъ оглушительный крикъ множества голосовъ. Всѣ вмѣстѣ кричатъ, размахиваютъ руками и шля-

памп, оглушаютъ всевозможными названіями отелей, и каждый рекомендуетъ свою.

Въ этомъ безсвязномъ, оглушительномъ шумѣ, неопытному приѣзжему нѣтъ ничего легче, какъ растеряться. Стоитъ только махнуть рукой неудачно, или бросить взглядъ не туда, куда слѣдовало, или неясно произнести названіе отеля, какъ за его чемоданъ ужъ хватаются дюжія руки, и тащутъ на улицу. При этомъ иногда завязывается ссора; но вы ясно произносите имя гостиницы и вашъ чемоданъ спокойно укладывается сзадп, или сверху коляски, на которой стоитъ надпись отеля, и когда наберется два, три попутчика, карета трогается въ дорогу.

Проѣхавъ немного берегомъ рѣки, вы равняетесь съ огромнымъ, деревяннымъ балаганомъ, увѣшаннымъ внутри объявленіями и афишами, и на пароходѣ Нью-Джерзейскаго перевоза пристаеае наконецъ къ Южной части Нью-Йорка, называемой Нижнимъ городомъ.

Карета провезетъ васъ центральной улицей города (Бродвэй), въ которой сосредоточивается вся дѣятельность населенія.

Европеецъ разомъ окупается здѣсь въ водоворотъ тревожнаго, кипучаго движенія метрополіи Новаго Свѣта.

Передъ вами разбрасывается самая живописная картина, ослѣпительной пестроты и неуловимой подвижности. Омнибусы, разрисованные красными, зелеными, синими и желтыми цвѣтами, ежеминутно снуютъ по улицамъ, загроможденнымъ экипажами. Тротуары запружены еще болѣе густой толпой прохожихъ, съ разнообразными типами физиономій, въ скруткахъ и шляпахъ всевозможныхъ цвѣтовъ и покрововъ. Еще издали можно различить двѣ волны прохожихъ, проникающихъ одна другую, но здѣсь, въ Нижнемъ городѣ, все столпилось, сгустилось и застыло. Пользуясь присутствіемъ многолюдной толпы, уличные сидѣльцы начинаютъ говорить спичи о своихъ походахъ, или открытіяхъ; два человѣка держатъ въ рукахъ по ящику съ ваксой и громко объясняютъ ея высокія достоинства, вычищая въ десятый разъ одинъ и тотъ же сапогъ передъ публикой; подаѣе, стоитъ лѣтка съ бѣлкой, подлѣ нея показывается домашній снарядъ для точенія столовыхъ ножей, и мышсловки, патентованныя на дняхъ въ Вашингтонѣ. Вездѣ находятя любопытные слушатели, а иногда и покупщики; газетныя мальчишки (News-boys), ные безъ сапогъ, другіе безъ шапки, безъ куртки, но всѣ съ книами газетъ подъ мышками, перебѣгаютъ въ толпѣ, и во все горло кричатъ о приѣздѣ парохода, и главнѣйшихъ новостяхъ сегод-

нишнихъ газетъ: «Испанское министерство! Пониженіе конзолей! Англійскій Банкъ! Рѣчь королевы Викторіи! Обѣдъ въ Шербургѣ! Убійство Смита! Арестъ Уокера!» и т. п. Въ толпу втирается и полицмэнъ въ соломенной шляпѣ, въ спнемъ форменношъ сюртукѣ съ мѣдными пуговицами и бляхой; онъ ведетъ подъ-руку эди, которой непремѣнно нужно перебраться на другую сторону улицы, и нѣкогда ждать. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ боковые улицы выходятъ на Бродвэй, и гдѣ тянутся экипажи одинъ за другимъ, такъ что не даютъ толпѣ пройти, полицмэны учреждаютъ очередь: даютъ пройти части народа, потомъ останавливаютъ его, и пропускаютъ часть экипажей изъ переулковъ на Бродвэй; потомъ снова останавливаютъ ихъ, и пропускаютъ толпу, и за тѣмъ вновь пропускаютъ экипажи. Кругомъ шумъ и гамъ: кричитъ человѣкъ, увѣшанный съ ногъ до головы губками, на подобіе одного огромнаго моллюска; кричитъ продавецъ палокъ, кричитъ газетный мальчикъ; шумятъ трещетки, которыми всегда забавляются въ этой части города; слышны легкіе споры возникшихъ, и свистки пароходовъ въ недалекой бухтѣ, и шумъ роговой музыки въ музеѣ Барнума, этого генія шарлатанизма.

Не смотря на видимый безпорядокъ улицы, спокойствіе не нарушается нигдѣ ни громкими, повелительными голосами, ни понудительными увѣщаніями двигаться впередъ, не смотря на страшную тѣсноту. Все, остановившееся на улицахъ и тротуарахъ, спустя нѣсколько минутъ, приходитъ мало-по-малу въ движеніе и удаляется. Черезъ полъ-часа подобная сцена повторится вновь, и тогда, тѣмъ же порядкомъ, всё выждутъ нѣсколько минутъ, каждый воспользуется своею очередью, и никто не испортитъ ни золотника крови.

II.

Первое впечатлѣніе. — Планъ города. — Быстрое возрастаніе Нью-Йорка. — Характеръ главнѣйшихъ улицъ и кварталовъ.

Первое впечатленіе, производимое Нью-Йоркомъ на новаго зрителя его улицъ, домовъ и промышленной дѣятельности, вообще, легко и пріятно. Ему кажется, будто онъ присутствуетъ на большой ярмаркѣ, охватившей весь городъ. Все движется,

суетится, смотритъ и живетъ полною независимой жизнью. На лицѣ каждаго видна увѣренность въ себѣ, въ своихъ силахъ и правахъ; во взглядѣ и манерахъ выражается смѣлость мысли и энергія характера. Невольно чувствуешь что здѣсь человѣкъ не позволить даромъ оскорбить себя.

Если общій видъ города, и особенно главныхъ его улицъ и напоминаетъ большіе англійскіе города, рядомъ много-этажныхъ гранитныхъ домовъ, увѣшанныхъ множествомъ вывѣсокъ, вышцами готическихъ церквей, небольшими парками, обнесенными чугунными рѣшетками, то съ другой стороны, особенную «визиономию» придаютъ Нью-Йорку деревья, зеленѣющія почти на всѣхъ улицахъ, и мелкія подробности вѣшней жизни.

Чистое, ясное небо, сухой и теплый воздухъ, напоминаютъ вамъ, что вы не въ туманной Англїи, хотя и слышите кругомъ англійскій языкъ. Пестрота женскихъ костюмовъ, множество платковъ и шалей, при желтыхъ, зеленыхъ и синихъ шляпкахъ, и вообще преобладаніе яркихъ цвѣтовъ — говорятъ вамъ, что вы не въ столицѣ моды и вкуса, далеко отъ Парижа; смѣшеніе причудливыхъ формъ, экипажей, отъ изящной кареты до простаго ящика на колесахъ; живыя и свободныя движенія возникшія, и вообще бойкій видъ народа — не напоминаютъ вамъ чинныхъ германскихъ городовъ, или нашихъ полусонныхъ провинцій.

Но что въ этомъ вихрѣ особенно замѣчательно — вы не замѣчаете лихорадочныхъ и нервическихъ судорогъ движенія: лица всѣхъ спокойны, толпа владѣетъ собою, сторонится, когда тѣсно, останавливается гдѣ нѣтъ проходу, видимо имѣетъ опредѣленную цѣль, и преслѣдуетъ ее энергически.

Первое, что бросается въ глаза новаго посѣтителя Нью-Йорка, въ какую бы часть города онъ ни зашелъ, это — надпись: «Broadway», встрѣчающаяся почти на всѣхъ omnibusахъ. Какъ бы ни былъ разсѣянный путешественникъ, это названіе, въ первый же день приѣзда, сроднится съ его глазами, и невольно заставитъ понять, какую роль играетъ эта улица въ жизни города. Ее не минуетъ ни одинъ omnibusъ; къ ней съѣзжаются, и отъ нея разѣзжаются почти всѣ экипажи; туда спѣшатъ и тамъ теряются въ кучѣ народа, въ дверяхъ магазиновъ и конторъ почти всѣ пѣшеходы сосѣднихъ улицъ и переулковъ. Бродвэй — тоже, что Риджентъ Стритъ въ Лондонѣ, Итальянскій Бульваръ въ Парижѣ, Невскій Проспектъ въ Петербургѣ. Эта артерія города начинается съ южной оконечности острова, отъ такъ на-

зывается баттарей (Battery) прибрежнаго парка, гдѣ находились некогда укрѣпленія Голландцевъ, а темеръ — зданіе «Castle-Garden» — мѣсто пристанища европейскихъ эмигрантовъ, и тянется на сѣверъ, прямою линіею, версты на четыре; потомъ у церкви, «Grace-Church» изгибается къ западу, и кривой линіей тянется въ глубь острова. Бродвэй раздѣляетъ городъ на двѣ половины: западную и восточную.

Вообще внѣшній видъ города — замѣчательно красивъ. Не многія зданія напоминаютъ еще времена владычества Голландцевъ, когда этотъ маленькій, отдаленный отъ просвѣщеннаго міра уголокъ назывался новымъ Амстердамомъ, и когда въ немъ губернаторствовали заклятые враги Англичанъ: Вальтеръ нерѣшительный, Вильгельмъ угрюмый, и Петръ упрямый. Хроника говоритъ, что программа жизни перваго состояла въ томъ, чтобы изъ двадцати четырехъ часовъ — восемь часовъ спать, восемь часовъ ѣсть, въ четыре приѣма, а остальные восемь часовъ курить, для достиженія такого состоянія духа, въ которомъ легко размышлять объ управленіи страной. Вильгельмъ угрюмый всю свою жизнь провелъ въ постоянномъ гнѣвѣ, и въ составленіи оборонительныхъ проектовъ противъ предполагаемаго нападенія Шведовъ. Петръ Упрямый, котораго называли также «Серебряная Нога», былъ до того преданъ старымъ рыцарскимъ преданіямъ, что хотѣлъ, почти одинъ, побѣдить всѣхъ своихъ враговъ: Янки, Индійцевъ, Шведовъ и Англичанъ. Последние, въ его время, завладѣли городомъ (въ 1664 г.), и назвали прежній новый Амстердамъ — Нью-Йоркомъ, въ честь герцога Юрка. Со времени войны за независимость, онъ перешелъ въ власть Американцевъ. Съ-тѣхъ-поръ началось быстрое развитіе его соціальной жизни.

Духъ борьбы и партій сильно волнуетъ народнымъ воображеніемъ; одна часть города, отдѣленная отъ другой какими нибудь преданіями или соціальными антипатіями, колятъ другъ друга жаломъ газетной ироніи. Всякая аристократическая замашка подвергается публичной насмѣлкѣ, которая не щадитъ ни юмору, ни сатирической соли.

Такъ иной разъ раскажутъ, что въ одномъ изъ кварталовъ пятаго авеню собрался митингъ домовладѣльцевъ, для серьезнаго обсужденія вопроса: перебраться ли имъ, потомкамъ чистой крови Никербокеровъ, на жительство въ другое мѣсто, и продать ли дома, — или же остаться на мѣстѣ, не смотря на то, что между ними поселился одинъ изъ членовъ тресковой

аристократіи (Codfish-aristocracy). Къ послѣдней причисляютъ людей, нажившихся трудомъ и спекузаціями, слѣдовательно съ богатствомъ позднѣйшаго происхожденія. Чтò касается до Никербокера (Knickerbocker), то это одно изъ популярнѣйшихъ именъ въ американскомъ союзѣ. Подъ этимъ именемъ Вашингтонъ Ирвингъ издалъ юмористическую исторію Нью-Йорка отъ сотворенія міра до конца владычества Голландской династіи. Съ-тѣхъ-поръ старичекъ Никербокерь съ своимъ оригинальнымъ добродушіемъ, эксцентричностью и притязаніями на безсмертіе сдѣлался въ Америкѣ тѣмъ же, чѣмъ Джонъ-Булль въ Англійи. Хотя у Американцевъ есть и свой Джонъ-Булль въ лицѣ брата Юната, но этотъ типъ, не имѣетъ, такъ сказать, плоти и крови; онъ созданъ болѣе изъ вишняго подражанія, тогда какъ оригинальный старичокъ Никербокерь именно обладаетъ типическими, глубокими чертами кореннаго Американца, и потому вполне пришелся ему по вкусу. И въ самомъ дѣлѣ такія свойства, какъ простодушіе, почти дѣтское, съ самостоятельностью мнѣній, доходящей до исключительности, наклонность къ крайностямъ, оригинальный юморъ выраженія, жажда славы и безсмертія, — всего болѣе присущи американскому духу.

Портреты Никербокера во множествѣ встрѣчаются на omnibusaxъ; многія компаніи назвали его именемъ свои «фирмы»; журналы, претендующіе на національность, прибѣгаютъ къ памяти Никербокера. Янки, желающій коротко объяснить чистоту ирви и древность своего рода, назоветъ себя «неподдѣльнымъ потомкомъ знаменитаго рода Никербокеровъ», или просто «Никербокеромъ», потому что Никербокеры были первые землевладѣльцы въ штатѣ Нью-Йорка. Они отличались и отъ туземныхъ дикарей, и отъ прибывавшихъ впоследствии эмигрантовъ чистою голландскою кровью. Поэтому они считаютъ себя какъ бы ядромъ или родоначальниками той части жителей, которые одни имѣютъ право гордиться своими предками, и считать себя за поземельную аристократію; все остальное — или выскочки (тресковая аристократія), или купцы, или эмигранты, словомъ, люди безъ генеалогіи.

Мы сказали выше, что ни въ одной странѣ европейскій типъ такъ скоро не стирается передъ національнымъ, какъ въ Америкѣ. Это дѣйствіе свободной жизни, проникающей во всѣ поры нашего существа; это вліяніе могучаго развитія человѣческихъ силъ, той колоссальной работы, передъ которой нельзя остаться простымъ зрителемъ, но каждому хочется участвовать

въ ней — рукой, умомъ или волею. Здѣсь праздная жизнь была бы гораздо утомительнѣй, чѣмъ самая напряженная дѣятельность. Впрочемъ, говоря о потерѣ европейскаго типа, надо сдѣлать одно исключеніе, въ пользу американскихъ Нѣмцевъ.

Можетъ быть, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ народа, столь способнаго къ эмиграціи и колонизаціи, какъ Нѣмцы. Каждый изъ нихъ, по природѣ, не только ремесленникъ, но и колонистъ. Онъ повсюду переноситъ съ собою маленькій міръ, окружавшій его до переселенія, везетъ свои понятія, привычки, стремленія, вкусы, упорно придерживается ихъ, и не поддается никакимъ влияніямъ. Нѣмецъ вообще тугъ на впечатлѣнія, и до того не воспримчивъ, что можетъ жить среди иноземнаго народа двадцать, и тридцать лѣтъ, и не научится ни одному слову, какъ это можно видѣть и въ Россіи. Изъ фаланги отвлеченныхъ мыслителей, школьныхъ учителей, дюжинныхъ музыкантовъ и ремесленниковъ, въ Америку переселяются только послѣдніе два разряда людей, потому что людямъ теоріи нечего дѣлать въ обществѣ, погруженномъ тѣломъ и душою въ матеріальную жизнь. За то большая часть музыкантовъ въ оркестрахъ, булочниковъ, портныхъ и другихъ ремесленниковъ въ Нью-Йоркѣ — Нѣмцы. Въ этомъ отношеніи они остаются вѣрными тому же характеру который отличаетъ ихъ въ Англіи, Франціи и Россіи.

Нью-Йорскіе Нѣмцы живутъ своею особенною жизнью даже внѣ дома и мастерской; у нихъ есть свои собранія, театръ, садъ и кофейни. Въ нѣмецкомъ саду, или театрѣ рѣдко можно встрѣтить Американца; у него много своихъ развлеченій, и при томъ онъ не привыкъ гоняться за дешевизной. Пиво замѣняется у него пуншемъ; театръ — митингомъ, спичемъ, публичной лекціей или уличной процессіей. Въ этомъ отношеніи, американскій темпераментъ существенно разнится отъ германскаго, хотя они оба родны англо-саксонской расѣ.

Въ общественныхъ собраніяхъ, и Германецъ и Американецъ старается соблюсти строгое благочиніе и порядокъ. Они знаютъ, что для этого необходимо избѣгать страстныхъ увлеченій и раздраженій самолюбія, и прежде всего нужна — система. Отъ-того всѣ митинги у нихъ имѣютъ свою организацію, всякое общественное удовольствіе болѣе или менѣе подведено подъ обычныя формы, при которыхъ невозможны личные взгляды и привычки. У нихъ этикетъ — въ инстинктѣ массы, этикетъ, хотя и грубый, но основанный на чувствѣ законности, тогда какъ эти

кетъ Французовъ — шадить лишь самолюбіе, но часто оскорбляетъ справедливость.

Если чувство приличія, основанное на законности и справедливости, благотворно развивается въ общественной жизни Американцевъ, подъ вліяніемъ ихъ свободныхъ учреждений, а у Нѣмцевъ переходитъ часто въ сухую формальность, то съ другой стороны, есть и большое различіе въ ихъ темпераментахъ. Американецъ лишень способности наслаждаться воображеніемъ: его можетъ разогрѣть только — или эксцентрической проектъ, или новое торговое предпріятіе: здѣсь онъ готовъ на всѣ утопіи и предположенія. Въ обыкновенной же жизни, съ ея обыденными заботами, онъ какъ будто старается сдвинуть всякій порывъ, чтобъ не поддаться въ располхъ побужденію сердца. Въ самомъ увлеченіи его проглядываетъ расчетъ. Онъ съ полупрезрѣніемъ смотритъ на дешевыя увеселенія Нѣмцевъ, довольныхъ чистымъ воздухомъ, видомъ моря, зелени, неба и непремѣнной кружкой пива. У него слишкомъ много внутренняго содержанія, чтобы удовлетворить его такъ легко. Сколько можно заключить по тону газетъ и отзывамъ частныхъ лицъ Американцы вообще не любятъ Нѣмцевъ, и относятся о нихъ съ провинческой снисходительностью. Гораздо болѣе у нихъ симпатія къ живому и общественному темпераменту Французовъ. Къ Англичанамъ они чувствуютъ тайное уваженіе, котораго не могутъ скрыть, не смотря на видимое равнодушіе и политическую антипатію обоихъ народовъ, часто переходящую въ открытую вражду. Преданія исторіи, промышленные интересы, воспоминаніе о прошлой борьбѣ — все это ставитъ Американца къ Англичанину въ нѣсколько натянутыя и ложныя отношенія. Но изъ всѣхъ эмиграцій — испанская пользуется въ массѣ народа самой незавидной популярностью.

По мнѣнію одного директора Нью-Йорскаго банка, въ свѣтѣ собственно есть два народа: Сѣверо-Американцы и Русскіе; остальные — лишь доживаютъ свой вѣкъ. Какъ не эксцентрично это мнѣніе, но въ немъ болѣе или менѣе отражается взглядъ большинства американской публики: она вѣритъ въ молодость, и будущность обѣихъ націй, и заранѣе дѣлитъ между ними ветхое наследіе міра.

III.

АМЕРИКАНСКІЕ ОТЕЛИ И БОРДИНГЪ-ГАУЗЫ.

Общій видъ Нью-Йорка хотя и напоминаетъ Европейскую столицу, особенно большой Англійскій городъ, но съ другой стороны представляетъ и многія мѣстныя особенности. Для русскаго глаза замѣтно преобладаніе оконъ и дверей, которыя тѣснѣе и чаще, чѣмъ въ нашихъ домахъ. При тепломъ климатѣ Нью-Йорка, лежащаго почти подъ одною широтою съ Неаполемъ, это очень естественно. Гораздо замѣчательнѣе — однообразіе построекъ Нью-Йорка. Какъ ни отдаленна, повидимому, связь, существующая между архитектурою построекъ и общественною жизнью города, но въ Нью-Йоркѣ эта связь особенно ясна. Тамъ существуетъ, можно сказать, нѣсколько типовъ зданій, изъ которыхъ каждый отвѣчаетъ извѣстнымъ потребностямъ жизни и населенія. Оставляя въ сторонѣ церкви, и нѣкоторыя общественныя зданія, мы не ошибемся въ общихъ чертахъ, и почти навѣрное можемъ указать, что это — отель, или магазинъ, или бордингъ-гаузъ, или домъ богатаго семейства. Отели преобладаютъ на Бродвеѣ и Боуери, магазины въ нижнемъ городѣ, и по берегамъ обѣихъ рѣкъ, бордингъ-гаузы въ поперечныхъ улицахъ, семейные дома въ кварталахъ верхняго города. Каждый изъ этихъ *типовъ* зданій имѣетъ свою физиономію, особое устройство, своихъ жильцовъ и свое специальное назначеніе. Не смотря на огромное развитіе американской общественной жизни, матеріальныя формы ея такъ однообразны, такъ рѣзко разграничены и условны, что личнымъ вкусамъ не остается почти никакого произвола. Для каждаго разряда общества существуютъ свои домашнія условія; для каждой дѣятельности, для каждаго занятія — своя готовая форма, которая предлагается цѣликомъ, такъ что жителю Нью-Йорка остается только думать о своихъ дѣлахъ и извлекать выгоды; объ остальной обстановкѣ его жизни думаютъ другіе, какъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Можно сказать, весь Нью-Йоркъ — есть олицетвореніе одной эконолической идеи, одной гигантской фабрики. Отъ того дѣятельность города поражаетъ своею механическою правильностью и внѣшнимъ однообразіемъ, — при неимоверномъ разнообразіи дѣятелей, занятій, интересовъ и вообще стремленій внутренней жизни.

Обратимся къ постройкамъ Нью-Йорка, въ которыхъ проявляются свои черты общественной жизни.

Замѣчательный типъ между ними — Отель.

Американскіе отели, почти всѣ принявъ въ основаніе своего устройства одинаковую систему, которая отличаетъ ихъ отъ отелей на континентѣ Европы. Многіе изъ нихъ славятся своей величиной, роскошью, многочисленностію и оживленіемъ общества, но всѣ равно удобны и неудобны; — удобны потому, что въ нихъ соединяется весь необходимый комфортъ для путешественника, неудобны потому, что отъ нихъ нельзя требовать ни *меньше*, ни *больше* того, что они предлагаютъ. Живущій въ отелѣ долженъ дѣлать тоже, что и всѣ, — т. е., пить, ѣсть и принимать услуги въ пзвѣстныя времена, или, что тоже, заплатить за все это, хотя бы онъ проводилъ цѣлыя дни внѣ отеля. Правила сдѣланы для большинства, а въ Америкѣ большинство — законъ.

Отели играютъ важную роль въ исторіи американской цивилизаціи. Они имѣютъ тамъ общественное значеніе, какого не имѣютъ отели въ Европѣ и гостиницы въ Россіи. Извѣстно, что ядро каждаго вновь зараждающагося города въ Штатахъ составляютъ: станція желѣзной дороги, школа и отель, сначала скромный, потомъ разрастающійся по мѣрѣ нужды населенія. Подвижное состояніе американскаго общества много способствуетъ процвѣтанію этихъ заведеній. Въ нихъ собираются жители различныхъ Штатовъ, путешественники Европейцы, люди различныхъ націй и занятій, которые, встрѣчаясь, мѣняются между собою свѣдѣніями и впечатлѣніями; всякій отель имѣетъ отдѣльную газетную комнату, гдѣ собираются представители разныхъ партій; лучшіе изъ отелей имѣютъ свои телеграфическія станціи, свою почту, свои экспрессы для разсылки по городу, свои экипажи и лошадей. Отель — постоянно открытъ для всѣхъ, и къ нему сходятся, равно какъ отъ него расходятся всѣ новости дня. Приѣдетъ ли замѣчательная личность, извѣстный ораторъ, или флибустьерь, или отставной европейскій демагогъ, или эксцентричная леди, — все это соединяется въ отелѣ, гдѣ въ ихъ честь дѣлаются нерѣдко демонстраціи, сопровождаемыя спичами. Тамъ же образуется изъ туристовъ свое оживленное общество, въ которомъ разыгрываются иногда и романы и драматическія сцены съ убійствами. Въ отелѣ же останавливаются и дипломаты всѣхъ странъ, даются банкеты, и приемы значительныхъ лицъ, компаній волонтеровъ, милціи и т. п. Тамъ же собираются и политическіе митинги, раздаются

горячіе спяч за п *противъ* стѣспенія торговли и промышленности, за п *противъ* политики президента, за п *противъ* кандидатовъ на выборы. Трудно псчпслить всѣ тѣ случаи, въ которыхъ отель принимаетъ участіе; можно сказать, что всякое событие, выходящее изъ уровня частной жизни, происходитъ въ отелѣ. Американцы сдѣлали изъ нихъ тоже, что и изъ газетъ: въ то время, какъ на континентѣ Европы они имѣютъ преимущество политическое значеніе, въ Соединенныхъ Штатахъ онѣ имѣютъ общественное и домашнее значеніе.

Чтобъ познакомиться съ внутренней обстановкой американскаго отеля, надо войти въ него и оглядѣться кругомъ. Возьмемъ образчикомъ этой характеристики одну изъ замѣчательныхъ гостиницъ Нью-Йорка — Сэнтъ Николасъ. Первая комната, въ которую мы входимъ съ улицы, послѣ коридора, обширная передняя. Тамъ находится контора (Office) управляющаго, контора писемъ и телеграфическихъ депешъ; въ каждой изъ нихъ засѣдаетъ особый чиновникъ. Для того, чтобъ получить удобный номеръ, то есть просторный и не въ высокихъ этажахъ, пріѣзжему не мѣшаетъ записаться рекомендательнымъ письмомъ къ одному изъ владѣльцевъ отеля, и къ управляющему конторой.

Трудно представить себѣ, что происходитъ въ передней этого отеля, во время пріѣзда парохода изъ Европы. Густая толпа вваливается въ обширную переднюю и скоро наполняетъ все ея пространство; за нею слѣдуетъ такая же толпа слугъ съ чемоданами, ящиками и разнымъ багажемъ, который складывается тутъ же на полу, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Къ этому присоединяется толпа знакомыхъ и любопытныхъ всякаго рода, для которыхъ двери отеля, какъ и для всѣхъ, постоянно открыты; прислуга отеля также собирается внизу, и образуется наконецъ такая тѣснота, что свободное передвиженіе прекращается. Конторщикъ осаждаютъ тысячами вопросовъ, на которые онъ частью отвѣчаетъ, частью же оставляетъ безъ вниманія. Наружность пріѣзжаго, его костюмъ, пѣтонація голоса, выговоръ, большая или меньшая самоувѣренность въ пріемахъ, все это данныя, на которыхъ основываетъ конторщикъ свои отвѣты. Владѣлецъ каждаго порядочнаго отеля ставитъ верхомъ своего честолюбія, чтобъ въ его заведеніи не было никакого повода къ дурной молвѣ; онъ занимается своимъ частнымъ дѣломъ, какъ общественнымъ не во имя одной лишь спекуляціи, но и во

имя чести и добраго имени, потому что въ Америкѣ нѣтъ частнаго случая, который бы не переходилъ въ общественный.

Послѣ распросовъ, толкотни и нравственной усталости, мы наконецъ получаемъ номеръ. Намъ предлагаютъ отдать наличныя деньги, бриллыянты, золотыя и другія цѣнныя вещи, въ контору на сохраненіе; — въ противномъ случаѣ, не отвѣчаютъ за ихъ цѣлость. Мы отдаемъ все цѣнное, получаемъ росписку и отправляемся на верхъ по широкой дубовой лѣстницѣ, устланной мраморомъ и коврами, мимо громаднхъ зеркалъ въ золоченыхъ рамахъ, по длиннымъ галереямъ и мимо безчисленнаго множества дверей. Нѣтъ ничего проще номера, занимаемаго холостякомъ: широкая двуспальная кровать, столъ, комодъ, зеркало, три, четыре стула, умывальный приборъ; — для семейныхъ путешественниковъ — этотъ комфортъ усложняется и часто принимаетъ размѣры необыкновеннаго блеска и роскоши.

Въ номерахъ обыкновенно только спать и одѣваются; рѣдко принимаютъ въ нихъ знакомыхъ. Для приѣмовъ въ отелѣ есть десятка два гостинныхъ, превосходно убранныхъ, и всегда открытыхъ для гостей. Во многихъ изъ нихъ стоятъ форте-піано мѣстной фабрикаціи. Загъ, гдѣ бываетъ общій столъ, отличается величиною и яркимъ освѣщеніемъ, во время обѣда. Но если Сентъ-Николасъ отличается вкусомъ убранства, то это всего болѣе должно отнести къ «ladies-room» (комната лэди), гдѣ ужинаютъ дамы и дѣвицы. Она названа дамскою потому, что, дѣйствительно, ужинаетъ почти одинъ прекрасный полъ: другая же половина американскаго рода, расходится вечеромъ по митингамъ, публичнымъ лекціямъ, знакомымъ, устричнымъ заламъ, пивнымъ лавочкамъ и тому подобнымъ мѣстамъ, гдѣ говорятъ спичи, пьютъ эль, пуншъ, и виски (whiskey) съ разными пряностями. Между обѣдомъ и ужиномъ на дамской половинѣ, обыкновенно, собираются гости, слышится самая оживленная бесѣда и звонкій голосъ молодой красавицы Виргинянки или смуглой креолки. Въ это же время дѣлаются рекомендаціи и новыя знакомства.

Не многія изъ дѣвицъ или дамъ поютъ, и хотя многія изъ нихъ играютъ на піано, но время почти исключительно проходитъ въ разговорахъ и громкомъ, непринужденномъ смѣхѣ, въ которомъ молодыя миссъ Новаго Свѣта неподражаемы. Въ Европѣ, рѣдко можно услышать въ обществѣ такой веселый, искренній смѣхъ женщины. Онъ лучше всякихъ объясненій дастъ почувствовать разницу въ положеніяхъ европейской и американской женщины, и пьедесталъ, на которомъ поставлено обще-

ственнымъ мнѣніемъ послѣдня. Громкій смѣхъ, сопровождаемый непринужденными тѣлодвиженіями, не считается тамъ нарушеніемъ приличій. Наивность — истинная или маскпрованная, составляетъ отличительную черту въ характерѣ молодыхъ Американокъ.

Общій голосъ Европейцевъ, отказываетъ имъ въ теплотѣ сердца. Но мы привыкли смотрѣть на душевныя отношенія чело-вѣка сквозь призму другихъ понятій и предразсудковъ. То, что кажется намъ мягкостью характера и симпатичнымъ выраженіемъ чувства въ европейской женщинѣ, то показалось бы Американцу отвратительной приторностью. Здѣсь женщина стоитъ прямѣй передъ обществомъ, ближе къ дѣйствительной жизни; здѣсь она, не стѣсняясь ложнымъ мнѣніемъ свѣта, можетъ быть лѣкаремъ, физиологомъ, профессоромъ, и, благодаря развитію соціальнаго чувства Америки, она недалеко отъ той эпохи, когда общество дастъ ей полное право гражданства въ своей дѣятельной жизни. Вслѣдствіе этого личность Американки гораздо проще и, если угодно, шероховатѣй Европійки, но она мужественнѣй, прямѣй и энергичнѣй — послѣдней.

Оставимъ до времени эту сторону нравственнаго быта союза, тѣмъ болѣе, что въ подобномъ вопросѣ могутъ быть различныя мнѣнія, основанныя на необыкновенномъ разнообразіи личностей и характеровъ въ различныхъ мѣстностяхъ Штатовъ. Что касается собственно до Нью-Йорка, то приведенное мнѣніе едва ли не ближе всѣхъ къ истинѣ.

Блеску вечернихъ собраній въ отеляхъ много содѣйствуетъ чрезвычайная роскошь нарядовъ: дамы и дѣвицы иначе не выходятъ изъ своихъ комнатъ, какъ разодѣтыя точно на балъ, въ атласныхъ и шелковыхъ платьяхъ, въ богатыхъ шляхахъ, кружевахъ и лентахъ. Нарядъ мѣняется для завтрака, обѣда и вечера; наблюдательный туристъ легко замѣтитъ, что ни одна «fashionable lady» не явится къ обѣду, два раза сряду, въ одномъ и томъ же платьѣ.

Не послѣдняя особенность St. Nicolas'a, какъ и всякаго американскаго отеля — газетная комната. Она бываетъ обыкновенно просторна, безъ всякой мебели, исключая нѣсколькихъ стульевъ и шюпитръ вдоль стѣны, на которыхъ разложены лучшія городскія и иностранныя газеты.

Журналы читаются обыкновенно съ утра, передъ выходомъ cadaго дѣловаго чело-вѣка въ контору, или вообще по дѣламъ въ Нижній городъ. Въ газетной комнатѣ царствуетъ обыкновен-

но молчаніе; не слышно никакихъ разсужденій, ни возгласовъ, ни удивленія. Чптающему нужно узнать только фактъ, а мнѣніе о немъ ему не нужно; у него свой готовый взглядъ, такъ что говоря о политикѣ, онъ иначе не можетъ начать, какъ фразой: «I think....» (Я полагаю....) Свое мнѣніе онъ выразитъ при удобномъ случаѣ, и выразитъ не только словами, но гдѣ нужно, и дѣломъ: между мыслью и выполненіемъ ея для Американца почти нѣтъ промежуточныхъ ступеней. Въ этомъ отношеніи онъ существенно разнится отъ Европейца. Русскій, напримѣръ, всю жизнь, всѣ силы можетъ потратить на празднаыя размышленія и мечты; Американецъ не броситъ ни одного слова даромъ, ни одного мнѣнія — безъ практической цѣли.

Газетныя комнаты отличаются и другою особенностью: по прочтеніи газетъ, большая часть читателей садятся на стулья и протягиваютъ ноги въ уровень съ головой, на спинки другихъ стульевъ, или всего чаще, на окна; отъ этого въ окнахъ образуется рядъ сапогъ, которые съ узлицы позволяютъ легко узнать газетную отеля. Это одна изъ любимѣйшихъ позъ Американцевъ не только въ отеляхъ, но и въ другихъ мѣстахъ, если только не присутствуютъ тамъ «леди.» Неподвижные джентльмены, почти лежащіе на стульяхъ, предаются въ такомъ положеніи самымъ сложнымъ и смѣлымъ соображеніямъ, и говорятъ, что не одинъ проэктъ, не одно изобрѣтеніе задумано Янки въ этомъ наружно-апатическомъ состояніи.

Прислуга отелей, большею частью, стлчается въжливостью, не французскою, навязчивою и болтливую, но болѣе англійскою, состоящей изъ наружнаго уваженія и глубокаго вниманія. Въ этомъ отношеніи рѣдко кому приходится жаловаться на стюартовъ отелей: они вообще дорожатъ своими мѣстами, потому что получаютъ приличное жалованье и находятся подъ вліяніемъ строгой дисциплины. Въ цѣломъ, управленіе отеля составляетъ своего рода министерство съ начальниками отдѣльныхъ частей: конторы почтоваго отдѣленія, кухни, прислуги, хозяйственной части и женской прислуги, которая также многочисленна, какъ и мужская. Дѣвушки обыкновенно убираютъ комнаты, такъ-что въ номерахъ никогда не бываетъ нога клерка *). На долю мужской прислуги предоставлено служить во время стола, исполнять

---

*) Clerk, такъ называютъ въ Америкѣ вообще всѣхъ служащихъ въ конторахъ, отеляхъ, канцеляріяхъ, казенныхъ вѣдомствахъ и т. п. безъ различія мѣста службы.

порученія управляющаго, указывать посѣтителямъ номера, и переносить ихъ вещи. Негры большею частью чистятъ сапоги и ставятъ ихъ предъ дверьми комнатъ съ ранняго утра.

Такъ, какъ классъ служащихъ въ отеляхъ весьма многочисленъ въ Нью-Йоркѣ, то они составили между-собою ассоціацію для взаимной поддержки интересовъ всего сословія. Вліяніе подобныхъ товариществъ часто оказывается дѣйствительно полезнымъ. Когда во время кризиса въ 1857 году, владѣльцы отелей хотѣли возвысить цѣны на квартиры и понизить жалованье прислугѣ, то клерки отелей собрались митингомъ, и послѣ нѣсколькихъ спичей, положили общимъ голосомъ: «если въ какомъ-либо отелѣ будетъ понижена плата прислугѣ, то они обязываются всѣ вдругъ оставить свои мѣста.» Противники ихъ, опасаясь, чтобы это рѣшеніе въ-самомъ-дѣлѣ не было приведено въ исполненіе, рѣшились отказаться отъ своего намѣренія. Такимъ образомъ демонстрація клерковъ произвела свое дѣйствіе. Это одинъ изъ примѣровъ благотѣльнаго значенія ассоціацій для бѣдныхъ классовъ населенія: надо отдать справедливость Американцамъ, что они вполне поняли всю практическую пользу ихъ, потому что нѣтъ почти ни одного сословія въ большихъ городахъ Союза, которыя бы не составляли между-собою отдѣльныхъ кружковъ, связанныхъ общими интересами. Они существуютъ между садовниками, прачками, швеями, неграми, пзвозчиками, слугами, рабочими, и т. д. Всякая ассоціація обязана защищать свое соціальное положеніе и взаимныя выгоды.

Что можетъ быть естественнѣе, разумнѣе и законнѣе такой защиты? Здѣсь само-собою уничтожается опека постороннихъ людей, не заинтересованныхъ въ дѣлѣ, и часто вовсе его не понимающихъ; съ тѣмъ вмѣстѣ устраняются несправедливости и монополии однихъ въ ущербъ другимъ. Ручательствомъ же успѣха всякой ассоціаціи служитъ — ея пониманіе и сочувствіе къ своимъ общимъ интересамъ.

Жизнь въ американскомъ отелѣ почти та же, что и во всякомъ отелѣ Англіи: такое же ревнивое соблюденіе всѣхъ правилъ благопристойности, доходящее до натянутости и всеобщей скупки, тоже уваженіе къ присутствію женщины и общему мнѣнію, ради которыхъ никто не позволитъ себѣ возвысить голоса въ ущербъ другимъ, или смѣяться такъ, чтобы обратить на себя общее вниманіе. Это право предоставлено только женщинамъ. Когда во время обѣда, разряженная лѣди проходитъ между столами, къ своему мѣсту, ни одинъ взглядъ не остановится на ней

съ нескромнымъ или наглымъ любопытствомъ; почтенный Американецъ, съ цѣломудренностью дѣвушки, бросить мимолетный взглядъ на лэди, чтобы за тѣмъ почтительно опустить глаза внизъ. Вообще, общественныя приличія Американцевъ — сколокъ съ обычаевъ и приличій, принятыхъ въ обществахъ Англій; различіе только въ большей свободѣ женщины. Не могу не рассказать по этому поводу случай знакомства моего съ одной лэди въ Сэнтъ-Николасѣ.

Въ одной изъ пустыхъ гостинныхъ отеля, я перебиралъ однажды клавиши форть-піано, припоминая различныя аріи. Вдругъ вошла молодая лэди и присѣла на кресло, возлѣ самага форть-піано. Не зная продолжать ли, или уступить ей свое мѣсто, я съ вопросительнымъ видомъ обратился къ лэди, но незнакомка, не обращая никакого вниманія на мое замѣшательство, попросила, или лучше предложила сыграть для нея арію изъ «Тrovatore,» оперы, отъ которой въ то время сходилъ съ ума всѣ лэди и миссы въ Нью-Йоркѣ. Я припомнилъ эту арію и сыгралъ ее, какъ умѣлъ. За тѣмъ вопросъ: любители вы эту оперу? поспе ли? — Нѣтъ, но люблю слушать.... и т. д. Послѣ трехъ — четырехъ минутъ общаго разговора, лэди очень просто, но мило предложила мнѣ посѣтить ее въ номерѣ. Тамъ есть у нея рояль и ноты; она любитъ пѣть, любить, чтобы ей акомпанировали, любить бесѣдовать съ иностранцами изъ Европы, и проч. Я поблагодарилъ и обѣщалъ исполнить ея желаніе. Недавно пріѣхавъ только въ Америку, я готовъ былъ объяснять это быстрое знакомство особенно-довѣрчивымъ и общежительнымъ характеромъ лэди, но въ сущности, — какъ объяснилъ одинъ изъ знакомыхъ Американцевъ, — это былъ обычай вслѣдствіе неограниченнаго права каждой лэди приглашать къ себѣ кого ей угодно. Къ тому-жъ, замѣтилъ онъ, наши дамы вообще пристрастны къ иностранцамъ, и любятъ, когда они оказываютъ имъ вниманіе.... но обычай требуетъ, чтобы не злоупотреблять доверіемъ »лэди.»

Молодая дама была Луизіанка, и проживала въ отелѣ вмѣстѣ съ маленькою дочерью; она говорила пофранцузски, и прекрасно пѣла. Собравшееся у нея общество состояло иногда исключительно изъ однихъ мужчинъ.

Послѣ отелей для путешественниковъ менѣе достаточныхъ служатъ пріютомъ бордингъ-гаузы.

Вотъ общій типъ этихъ заведеній: домъ въ три настоящихъ этажа, кромѣ того, одинъ подъ крышею, другой — въ землѣ.

Ширина дома на улицѣ—25 футовъ, длина въ глубину квартала—80 футовъ; на улицу выходятъ три окна въ каждомъ этажѣ, исключая нижняго, гдѣ вмѣстѣ 3-го окна съ лѣвой стороны—дверь съ звонокомъ. Внутреннее устройство вездѣ одинаковое: въ передней тянется улиткою лѣстница на всѣ этажи, и этотъ пустой столбъ всю высоту зданія покрытъ сверху стеклянныиъ козлакомъ.

Однообразіе этихъ домовъ доходитъ до того, что не только распредѣленіе и величина комнатъ вездѣ одинаковы, но и мебель почти одной и тойже формы, величины и цвѣта. Можно было бы сказать, что одинъ огромный заводъ фабрикуетъ паровую машиную всѣ бордингъ-гаузы съ ихъ комнатами, кухнями, мебелью, и даже содержательницами—почтенными вдовами съ взрослыми дочерьми, и неутомимымъ хозяйствомъ.

Войдя въ переднюю, налѣво посѣтитель найдетъ гостинную (parlour) о двухъ окнахъ, съ зеркаломъ посреди, форть-піано, каминномъ, двумя диванами, обитыми черною волосяною матеріею, круглымъ столомъ, и однимъ или двумя качающимся креслами. (rocking-chair). Перегородка краснаго дерева отдѣляетъ гостинную отъ столовой, гдѣ постоянно накрытъ столъ, на которомъ завтракаютъ и обѣдаютъ. Къ вечеру, эта перегородка обыкновенно раздвигается и гостинная соединяется съ столовой. Изъ передней другія двери ведутъ въ темный коридоръ, а оттуда въ низъ—въ кухню, и въ небольшой садикъ за домомъ, гдѣ посаженъ виноградъ, иногда плющъ, обвивающій бесѣдку и цвѣты; тамъ находится также нѣсколько столбовъ съ веревками, на которыхъ сушится бѣлье. Подлѣ самой столовой, у спуска въ кухню устроены шкафы безъ дна, въ которыхъ ходитъ на блокахъ площадка или доска; во время завтрака или обѣда, по приказанію дѣвушки, кухарка ставитъ на доску кушанья, которыя быстро поднимаются на верхъ, и подаются прямо на столъ.

Во второмъ этажѣ паходятся двѣ широкія комнаты и двѣ узенькія, на третьемъ—тоже самое; на четвертомъ, окна выходятъ на крышу. Въ подземномъ этажѣ помѣщаются кухня, комнаты для прислуги, и кромѣ того, одна большая комната, окнами на улицу, называемая «basement». Ее занимаетъ, обыкновенно хозяйка дома семейная вдова, или начинающій лѣкарь или еще чаще—зубной врачъ.

Прибавимъ къ этому въ каждомъ домѣ отдѣльную комнату для ванны, гдѣ можно всегда найдти теплую и холодную воду, и принимать души, равно какъ два крана съ теплой и холодной

водой въ столовой, гдѣ моютъ руки передъ обѣдомъ, а въ лучшихъ домахъ — почти въ каждомъ этажѣ два крана для воды, и газовыя рожки по всѣмъ комнатамъ, и мы легко поймемъ, сколько матеріальныхъ удобствъ соединено для жильцовъ въ бордингъ-гаузѣ. Всѣ комнаты, исключая передней, обиты обоями, устланы коврами. Мебель комнатъ, отдаваемыхъ въ наемъ, состоитъ всегда изъ двуспальной кровати краснаго дерева, зеркала, комода, стола, канаше съ черной волосяной матеріей, умывальнаго столика краснаго дерева съ мраморной площадкой, и нѣсколькихъ стульевъ.

Въ каждой комнатѣ, смотря по величинѣ, одинъ или два газовыхъ рожка; въ гостиной и столовой люстры съ 6-ю и 8-ю рожками.

Въ домѣ вся прислуга женскаго пола. Все хозяйство упрощено по возможности: утромъ, часовъ въ 7, 8 мальчики разносятъ газеты и журналы, и бросаютъ ихъ у дверей каждаго дома; иногда такимъ же образомъ оставляютъ у дверей и письма и пакеты съ городской почты, и никто никогда не коснется ихъ. Утромъ же, къ бордингъ-гаузамъ привозятъ зелень, овощи, лёдъ, уголь, хлѣбъ, фрукты и т. п. Хозяйкѣ остается только изрѣдка навѣдаться на рынокъ и распределить привозимыя матеріалы для различныхъ кушаньевъ. Каждая изъ дѣвушекъ имѣетъ также свое назначеніе: одна подаетъ завтракъ и обѣдъ, завѣдываетъ посудой и вообще сервировкою стола; другая — уборкой комнатъ, по выходѣ жильцовъ изъ дому; къ обѣду онѣ обыкновенно умываются, принаряжаются и всѣ подаютъ кушанья. Черная работа, обыкновенно, предоставляется Неграмъ. За отсутствіемъ права участвовать въ выборахъ, ѣздить въ публичныхъ экипажахъ, являться въ общественныя собранія гражданъ, — въ этомъ заключаются пока всѣ ихъ права въ свободныхъ штатахъ: право чистить сапоги, и право собираться митингами.

Таковъ механизмъ Бордингъ-гауза. Въ цѣломъ, это настоящая машина, работающая 14 часовъ въ сутки, и засыпающая только на ночь. Самая жизнь въ ней — механически правильная, и почти машинная, и всякое проявленіе личнаго вкуса составляетъ въ ней реформу.

Какъ въ отеляхъ, такъ и въ бордингъ-гаузахъ общественное чувство развито въ высшей степени. Сближеніе незнакомыхъ людей за столомъ или въ общей комнатѣ не представляетъ никакихъ особенныхъ затрудненій; напротивъ, частный вопросъ

пли замѣчаніе немедленно переходитъ въ общій разговоръ, и бесѣда дѣлается свободной и незамѣтно откровенной.

Если въ домѣ живетъ семейство, то молодые Американцы принимаютъ на себя нѣкоторыя обязанности въ отношеніи къ молодымъ миссъ. Утромъ, во время завтрака, соблюдается строгое приличіе: мужчины ведутъ себя какъ-то принужденно и, молча, но обязательно стараются услужить дѣвушкамъ. За то молодыя миссы поддерживаютъ веселый, домашній разговоръ, позволяя себѣ гораздо больше свободы, чѣмъ мы привыкли видѣть.

Свобода молодыхъ дѣвушекъ для Европейца, особенно для Русскаго, иногда кажется преувеличенной.

Не говоря уже о томъ, что спальни дамъ и дѣвицъ, живущихъ въ бордпигъ-гаузѣ, бываютъ постоянно открыты для любопытнаго взора, самыя дѣвицы посѣщаютъ иногда молодыхъ людей въ ихъ комнатахъ, и бесѣдуютъ съ ними безъ всякаго принужденія.

Въ домѣ, гдѣ случай привелъ меня жить нѣкоторое время, было нѣсколько молодыхъ миссъ. Къ одной изъ нихъ — я былъ болѣе внимателенъ, чѣмъ къ другимъ; какъ ни старалась однако-жь миссъ сдѣлать изъ меня своего «beau» *), я успѣлъ отдѣлаться отъ предлагаемой роли, чувствуя себя и неспособнымъ къ ней, и вмѣстѣ опасаясь увлеченія. Миссъ Мэри было самое простосердечное существо, какое когда-либо удавалось мнѣ встрѣчать между дѣвушками въ восемнадцать лѣтъ. Она ходила безъ кринолина — фактъ важный въ Нью-Йоркѣ; ужь это одно доказывало въ ней отсутствіе всякихъ претензій, всякаго желанія «казаться» болѣе, чѣмъ нужно. Миссъ участвовала во всѣхъ хозяйственныхъ трудахъ дома, не смотря на зажиточность семейства, къ которому она принадлежала. Лично записывая и пересматривая бѣлье, она въ то же время наблюдала и за кухней, вела счеты, а по вечерамъ играла на фортъ-піано, пѣла, и часто заливалась звонкимъ веселымъ смѣхомъ. Ея бабушка, бѣлая, какъ лунь, и добродушная, какъ сама природа, не видѣла въ ней души. Она была глуха и разговаривала обыкновенно при помощи чернаго рожка. Въ какихъ выраженіяхъ она отзывалась о своей красавицѣ — внучкѣ, полной, цвѣтущей здо-

*) «Beau» — такъ называется молодой человекъ, котораго избираетъ Американка своимъ довѣреннымъ лицомъ; съ нимъ она выходитъ гулять, въ театръ, кондитерскую и магазинъ. «Beau» дѣлаетъ ей подарки, исполняетъ ея маленькіе капризы и нерѣдко дѣлается мужемъ своей дамы.

ровьемъ, добродушной, какъ она сама, и съ розовыми янками на щекахъ, — я не въ состояннн передать. Это было наслажденнн слушать ее въ тѣ минуты, когда она устремляла ясный, свѣжнн взглядъ свой на внучку и рассказывала, какъ она рано встаетъ, сколько она спнла сегодня, что сказала ей послѣ завтрака въ рожокъ, какнн кушанья заказала на обѣдъ, и т. п. Старушка положнтельно жила только жизнью своей внучки, а себя вовсе не чувствовала.

Семейныя наклонности дѣвушки вызывали съ моей стороны столь же восторженныя похвалы, которыя я и передавалъ старушкѣ въ рожокъ. Она была въ восхищеннн, видя что мы понимаемъ другъ-друга. Но если миссъ Мери составляла исключеннн изъ общаго правила, то въ другихъ отношенняхъ это была также Американка: наивная, откровенная, жаждущая во что бы то ни стало найдти своего «beau», или еще лучше, своего мужа. Вслѣдствнн ли особеннаго довѣрнн къ иностранцу, или можетъ быть, вслѣдствнн неизмѣннаго моего уваженнн къ старушкѣ и внучкѣ, миссъ Мэри часто приходила въ мою комнату. Пользуясь моимъ отсутствнемъ, она убирала по своему книги, приводила бумагу въ порядокъ, забывала на столѣ свою работу, распоряжалась топкою камнна, словомъ, принимала въ судьбахъ моего домашняго быта самое дѣятельное участнн. Однажды вечеромъ, сндая на шпрокомъ качающемся креслѣ, я читалъ недавно полученныя изъ Росснн «Отечественныя Записки». Дверь тихо отворилась; вошла миссъ Мэри.

— Что вы дѣлаете?

— Читаю русскнн журналъ,

— Надѣюсь, прнятно.... очень....

За тѣмъ она рассказала нѣсколько домашнихъ новостей, и тихо опустившись на колѣни, положила руки и голову на столъ; выраженнн ея открытаго лица было немного грустное.

И точно, я не ошибся, потому что нѣсколько минутъ спустя, она начала жаловаться на скуку. Всѣ утѣшеннн оказались напрасныи: миссъ Мэри положнтельно объявила, что ей скучно.

— Чего же вамъ не достаетъ?... у васъ есть братъ, сестра, мамаша, бабушка; всѣ такъ любятъ васъ.

— Нѣтъ, не говорите, возразила она, вотъ миссъ Дора гуляетъ съ своимъ «beau», такъ счастлива! она мнѣ всегда все рассказываетъ; миссъ Дженни вышла замужъ, тоже счастлива.... вотъ и миссъ Джулія, и Офи, и Сизи.... всѣ, всѣ повыходили замужъ; я одна только не найду себѣ мужа.

— Не безпокойтесь, миссъ Мэри, вы непременно выйдете замужъ.... вы хороши собой, добры, умны, вы отличная хозяйка; всякій джентльменъ за счастье почтетъ имѣть такую жену....

— Да и нѣ всѣ говорятъ тоже самое, а никто не беретъ въ жены....

— На вашемъ мѣстѣ я бы и не думала объ этомъ: кто васъ только хорошо узнаетъ, тотъ за честь почтетъ быть вашимъ мужемъ....

— Но когда же? возразила она нетерпѣливо.... и ея большіе, недовольные глаза говорили: я хочу теперь же, сейчас же выйти замужъ; я такъ хочу, очень хочу.

Въ это время ее позвали въ гостинную, къ пріѣхавшимъ гостямъ — подругамъ, и она быстро вскочивъ на ноги, побѣжала внизъ, откуда вскорѣ долетѣли до моего слуха звуки поцѣлуевъ, прерываемыхъ веселымъ смѣхомъ, и частыми, звонкими восклицаніями. Вообще, при встрѣчахъ, какъ Американки, такъ и Американцы изъясняютъ такую радость, и дѣлаютъ столько шума, какъ будто они съѣхались съ разныхъ концовъ свѣта послѣ вѣковой разлуки. Американцы потряхиваютъ руками съ четверть часа, и съ большими размахами, на сколько только позволяетъ ключица и лопатка; Американки цалуются и заливаются громкимъ смѣхомъ.

Описанный разговоръ остался у меня въ памяти. Никогда еще я не встрѣчалъ желанія дѣвушки, выйти замужъ, выраженного такъ радостно, свободно, съ такимъ пыломъ, — такъ искренно.

Но это признаніе — въ принципѣ американской женщины. Въ то время, какъ Европа основываетъ бракъ на нравственныхъ началахъ, на чувствѣ долга, на обязанностяхъ, Новый свѣтъ давно призналъ бракъ за *partію*, основанную просто на *разчетѣ*. То, что въ старомъ свѣтѣ существуетъ какъ фактъ, хотя и не возводится въ начало, въ Америкѣ признано за принципъ: любить можно по чувству, любовь свободна; жениться должно по *разчету*, бракъ налагаетъ обязательства на мужа; жена же сохраняетъ свободу чувства и въ бракѣ, ибо и мужчина фактически сохраняетъ эту свободу. Вотъ какъ можно выразить понятія молодой Американки о бракѣ, еще не возведенныя въ долгъ, но уже сильныя массою своихъ послѣдователей, и примѣняемыхъ въ жизни сознательно или бессознательно.

Принципъ свободы чувства — одно изъ высочайшихъ завоеваній въ нравственномъ мірѣ; чувство также свободно, какъ и природа, и какъ она, можетъ развиваться только по своимъ соб-

ственнымъ, внутреннимъ законамъ. Гдѣ есть чувства, тамъ все нравственно; безнравственность — только въ отсутствіи чувствъ.

Идеализація принципозъ въ духѣ практической, молодой Америки. Отъ свободы чувства она легко переходитъ въ свободу дѣйствія, и въ эманципаціи женщины отъ деспотизма мужа и общества она переходитъ часто за черту: она просто освобождаетъ женщину отъ обязанностей матери и жены, и дѣлаетъ ее, такъ сказать, человекомъ, что составляетъ уже крайность.

Но спѣшу оговориться — нѣтъ ничего опаснаго, какъ говорить объ Америкѣ, вдаваться въ общіе выводы, и въ идеализацію фактозъ; это прежде всего — страна опытозъ, почито зъ и опытаній. Выводы еще далеко впереди, жизнь ихъ выработается послѣдовательно и ясно, и настоящіе задатки ручаются за новизну американскихъ принципозъ, но пока — противорѣчія и крайности бросаются въ глаза на каждомъ шагу....

Дома богатыхъ негоціантозъ устроены на подобіе бординггаузозъ, но въ нихъ болѣе роскоши, болѣе мрамора и цвѣтозъ, болѣе европейскихъ обычае зъ; прислуга на половину мужская, убранство комнатъ въ стилѣ французскихъ салонозъ, языкъ французскій — преобладающій.

Замѣчательна еще та особенность нью-іоркскихъ домовъ, что при нихъ не видно никакихъ особыхъ пристроекъ: ни конторчекъ, ни хатокъ на курныхъ ножкахъ, ни ледниковъ, ни сараевъ, ни даже конюшенъ. Маленькій, чистенькій дворикъ, обыкновенно обсаженный зеленью, служитъ только для разбиванія столоваго и домашняго бѣлья. Въ ледникахъ не нуждаются, такъ какъ ледъ привозятъ ежедневно на домъ, равно какъ и всѣ припасы; конюшни же устраиваются отдѣльно отъ домовъ; этии соблюдаютъ чистоту воздуха, избѣгаютъ тѣсноты.

Мнѣ случалось посѣщать конюшни зажиточныхъ людей, и каждый разъ видѣ ихъ наводилъ на грустные сравненія; чистоты и комфорта, не только для людей, но и для лошадей и экипажей — въ нихъ гораздо больше, чѣмъ въ русской кучиной избѣ и бѣдной квартирѣ чиновника. Въ отдѣленіи кучера находится почти такая же мебель, какъ и въ комнатѣ порядочнаго бординггауза: есть ковры, обои, зеркало, кресло, кровать, столъ, чернильница, и нѣсколько номеровъ газетъ. Иные кучера получаютъ въ мѣсяць до сорока долларо зъ жалованья (пятьдесятъ рублей серебромъ), и въ службы, особенно въ праздничный день, являются настоящими джентльменами. Не упоминаю о томъ, что при остановкѣ кареты и въ ожиданіи ѣздока, почти

каждый кучеръ, не теряя времени, покупаетъ газету и прочитываетъ ее со вниманіемъ. Сколько времени и труда пропадаетъ напрасно у нашего горемычнаго Ваньки!

IV.

ЛѢТНІЕ ЖАРЫ ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ. — РѢКА ГУДСОНЪ. — ЖИ
ВОПИСНЫЯ КАРТИНЫ.

Нью-Іоркъ, лежащій подъ $40^{\circ} 50'$ сѣверной широты, лѣтомъ дѣлается точно раскаленнымъ очагомъ: нестерпимымъ жаромъ пышетъ отъ желѣзныхъ крышъ, камней, мостовыхъ и стѣнъ домовъ. Во время высшаго стоянія солнца, жара доходитъ часто до 90° Ф. (26° Р.) въ тѣни, а на солнцѣ бывали примѣры, что термометръ возвышался до 150° Ф. (52° Р.). Если прибавить къ тому москитосъ, которые появляются вмѣстѣ съ вечерней прохладой, на улицахъ и въ комнатахъ, то можно сказать, что городская жизнь въ Нью-Іоркѣ лѣтомъ — положительно невыносимая.

Высшая температура лѣта, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, по метеорологическимъ наблюденіямъ втеченіе пяти лѣтъ, съ 1854 по 1858 годъ включительно, не превышала среднимъ числомъ 77° Ф. (20° Р.); но свойство ли солнечныхъ лучей, раскаленность ли городской атмосферы, или другія климатическія вліянія воздуха бываютъ причиною многихъ смертныхъ случаевъ, такъ-называемыхъ *солнечныхъ ударовъ* (sun stroke). Имъ подвергаются въ особенности работники: каменьщики, плотники, возничіе, кучера. Неосторожно обнаженная на солнцѣ голова, полнокровная конструпція, неумѣренный пріемъ водки — и несчастный падаетъ безъ дыханія, какъ мгновенно пораженный молніею.

Рѣдко удавалось возвратить жизнь человѣку, пораженному солнечнымъ ударомъ, и даже медики не вносили согласны досихъ поръ въ объясненіи этого удара: одни сравниваютъ его съ параличемъ, другіе — съ нервическимъ ударомъ. 19-го Іюля 1858 года, въ нью-іоркскихъ газетахъ было обнародовано, что втеченіе минувшей недѣли, въ Нью-Іоркѣ и сосѣднихъ городахъ и окрестностяхъ, умерло отъ различныхъ болѣзней, и преимущественно отъ жаркаго стоянія атмосферы — 553 человѣка обо его пола, въ томъ числѣ 320 дѣтей.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ дома и крыши до того накалываются днемъ, что долго еще послѣ захожденія солнца отъ нихъ пышетъ жа-

ромъ. Въ это время обжоги — случаи весьма обыкновенные. На одинъ загородный концертъ, начинавшійся въ четыре часа по полудни, явилось множество дѣвушекъ, служанокъ и швей, одѣтыхъ по бальному: онѣ надѣялись на танцы и оставили открытыми свои шеи. Не смотря на то, что солнце опускалось уже къ западу, оно успѣло нарумянить щеки и шеи слушательницъ такъ, что части, обращенныя къ солнцу, сдѣлались сафьяннаго цвѣта. Странно было къ вечеру видѣть эти лица, на половину красныя, точно кто-нибудь разрисовалъ ихъ для шутки, оставивъ другую половину лица и шеи бѣлыми; щеки другихъ дѣвушекъ сдѣлались кирпично-розовыми; мужчины вообще менѣе пострадали, такъ какъ кожа ихъ грубѣе. Подобные обжоги не сопряжены впрочемъ съ ощущеніемъ боли; ихъ можно было бы сравнить съ загаромъ, если бы они не происходили быстро, и не сопровождались цвѣтомъ, подобнымъ обожженной кожѣ. Обжоги случаются впрочемъ какъ-то случайно и неправильно: при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, одинъ покраснѣетъ, другой — нѣтъ; это зависитъ отъ состоянія кожи (въ поту, или сухая), ея особенныхъ свойствъ, отъ направленія лучей, времени дня, и т. п.

Въ это время года на улицахъ, на гуляньяхъ, въ театрахъ, въ вагонахъ и вездѣ, гдѣ собирается публика, продаются мальчиками и дѣвочками вѣеры, производимые самою природою: широкіе пальмовые листья, обшитые кругомъ соломеннымъ ободкомъ; стержень листа служитъ ручкой. Эти сухіе, твердые вѣеры продаются по три цента и дорожее (пять копеекъ и т. д.), смотря по красотѣ отдѣлки. Днемъ вѣерь конечно не приноситъ большой пользы, потому что воздухъ одинаково раскаленъ, откуда бы онъ ни дулъ; но въ комнатахъ, при закрытыхъ окнахъ, онъ приноситъ свою услугу, и потому пальмовые вѣеры можно найти повсюду, въ конторахъ и частныхъ домахъ. Вечеромъ, это неоцѣненный спутникъ гуляющихъ. На улицахъ большая часть женщинъ и многіе мужчины, также мальчики и дѣвочки, ходятъ съ вѣерами. Въ театрахъ также устроены широкіе листья, висящіе у потолка, которые посредствомъ веревокъ приводятся въ движеніе, и прохлаждаютъ воздухъ.

Жителю Нью-Йорка есть однакожъ средство вознаграждать себя лѣтомъ за всѣ лишешя и неурядности городской жизни: у него въ распоряженіи пароходы, и одна изъ великолѣпнѣйшихъ рѣкъ въ мірѣ — широкій и живописный *Гудсонъ*.

Близъ Нью-Йорка много красивыхъ, загородныхъ мѣсть, куда легко переѣхать во всякое время дня и за самую ничтожную плату (отъ 4 - хъ до 12 - ти цент.); присутствие воды придаетъ всемъ видамъ свѣжесть и полноту. Такъ съ возвышеннаго «Острова Штатовъ», закрывающаго бухту со стороны океана, открывается восхитительная панорама на весь заливъ, на обѣ рѣки, на Нью-Йоркъ, Бруклинъ, Гобокенъ, Нью-Джерзей. Мѣстность роскошная! на ней расположено кладбище (Greenwood Cemetery Кладбище Зеленаго Лѣса), занимающее холмы Длиннаго острова: отсюда также видна вся картина оживленной бухты, трехъ городовъ, и широкая полоса океана; — потомъ идутъ красивые острова, расположенные на Восточной рѣкѣ, къ сѣверу и востоку отъ самаго города, и особенно — дикая, гористая мѣстность, гдѣ перекинуть, высоко надъ водою, высокій мостъ; но ничто не въ состояніи сравниться съ прелестью и роскошью видовъ Гудсона, отъ самаго устья его до Олбани, главнаго города штата, на разстояніи слишкомъ 100 миль!

Изъ Нью-Йорка, по рѣкѣ Гудсонъ, ходитъ пароходъ въ Олбани каждое утро; другой — отправляется изъ Олбани каждый вечеръ и прибываетъ рано утромъ въ Нью-Йоркъ. Это самые большіе и быстрые рѣчные пароходы. Кромѣ того, многіе ходятъ къ отдѣльнымъ городамъ, расположеннымъ на рѣкѣ, и останавливаются у многихъ населенныхъ мѣстностей, гдѣ сходятъ пассажиры.

Взглянемъ на Гудсонъ и его окрестности, съ самаго парохода. Въ три часа пополудни закрываются все банки и биржа, а въ три часа сорокъ пять минутъ отходитъ большой пароходъ «Thomas Powell», вверхъ по Гудсону.

Время отхода его рассчитано такъ, что дѣловые люди успѣютъ покончить свои дѣла въ Нижнемъ городѣ и пріехать вовремя на мѣсто; самая живописная мѣста пароходъ проходитъ именно въ то время, когда солнце склоняется уже къ западу, и дневной жаръ начинаетъ смѣняться вечерней прохладой. При такихъ удобствахъ, пароходъ значительно подрываетъ доходы желѣзной дороги, идущей берегомъ рѣки; онъ отбиваетъ отъ нея много пассажировъ, хотя и ходитъ, болѣе чѣмъ вдвое, медленнѣе вагоновъ. Въ этомъ отношеніи гудсоновскіе пароходы далеко отстаютъ отъ быстрыхъ миссисипскихъ пароходовъ, которые превосходятъ ихъ и величиною и силою давленія пара; на Миссисипи ходятъ пароходы въ 400 футъ длиною, и забираютъ часто до 500 и 600 пассажировъ.

Всходя на пароходъ, вы отправляетесь на верхнюю палубу. Тамъ собралось ужъ много публики: лэди качаются въ креслахъ, молодыя миссъ росхаживаютъ, помахивая пальмовыми вѣерами и высматривая лучшія мѣста: дѣти бѣгаютъ въ однихъ рубашкахъ и панталонахъ; молодые люди безъ усовъ, но съ бородами и англійскими прическами почтительно усѣлись по краямъ, также точно, какъ и пожилые люди съ палками и газетами въ рукахъ. Разговору мало; всѣ стараются держать себя солидно. Въ ожиданіи отхода, между рядами стульевъ проходитъ маленький, горбатый докторъ и роздаетъ объявленія о зубномъ порошокѣ своего изобрѣтенія, на дняхъ патентованномъ въ Вашингтонѣ. Роздавъ свои афиши, докторъ снова обходитъ ряды стульевъ съ самимъ порошокомъ, но большая часть пассажировъ возвращаетъ ему объявленія назадъ, и не беретъ порошка. Докторъ исчезаетъ со сцены. Появляются мальчишки съ газетами, съ вѣерами; дѣвочки съ книгами, фруктами, и т. д. Наконецъ раздается ударъ колокола, и послѣ минутной суматохи, всѣ усаживаются по мѣстамъ. Двинулся моль, двинулись съ боку стоящія суда, лодки, строенія, склады бревенъ, народъ, улицы и пароходъ — пошелъ быстрымъ шагомъ вверхъ по Гудсону.

Съ одной стороны начинаются обрывистые берега, съ другой — длинные заводы въ три, четыре и пять этажей, которые мало-помалу исчезаютъ отъ насъ назадъ. Вдали показываются два высокихъ шеста, на каждомъ берегу рѣки; на нихъ лежитъ сѣтъ телеграфическихъ проволокъ, переброшенныхъ черезъ рѣку на материкъ. Когда мы проходимъ подъ этою сѣтью, кажется рукою можно достать ближайшую проволоку — такъ она ясно очерчивается въ воздухѣ; однакожь пароходъ не наклоняетъ своей высокой трубы и парусныя суда съ высокими мачтами свободно проходятъ подъ ней.

Любопытно смотрѣть съ парохода на желѣзный поѣздъ, бѣгущій по берегу, надъ самою водою; быстро проносится поѣздъ вагоновъ, производя сильный трескъ и громъ, который еще долго слышенъ надъ водою. Но изъ окна вагона видъ на рѣку и плывущій пароходъ, едва ли не лучше: бѣлая, огромная масса съ высокой черной трубой и лентой дыма, краснымъ колесомъ, вращающимся въ бѣломъ ящикѣ съ лучезобразными спицами, съ размахивающимъ на верху коромысломъ и флагомъ, съ точно такимъ же отраженіемъ въ водѣ — кажется издали однимъ огромнымъ чудовищемъ плывущемъ на половину въ водѣ, на половину

верхъ воды. Двухъ-этажныя палубы съ окнами и навѣсами придаютъ американскимъ рѣчнымъ пароходамъ очень оригинальный видъ.

Но пароходъ несетя по Гудсону. Слѣва у насъ отвѣсно обрывистыя горы, которыя тянутся совершенно ровно, какъ одна высокая, массивная стѣна. Эти трапповыя скалы замѣчательнаго вида, называемыя *палисадами*, достигаютъ высоты 500 футовъ. Они совершенно обнажены и имѣютъ видъ колоннъ, тѣсно стоящихъ одна возлѣ другой, такъ - что напоминаютъ отчасти призматическія колонны Фингалова грота. Внизу они обросли немного зеленью, среди которой видны кое-гдѣ скромныя домики фермеровъ, но вообще видъ ихъ дикій. Непрерывная колоннада скалъ точно идетъ въ воду, и вдругъ прекращается острымъ мысомъ, но за нимъ нѣсколько сзади началась ужъ новая колоннада, которая въ свою очередь надвигается впередъ, въ воду, и кончается мысомъ: такова панорама берега на разстояніи двадцати миль.

Не стану описывать всѣхъ историческихъ воспоминаній, съ которыми соединены проходимые нами берега: почти каждая возвышенность ихъ запечатлѣна кровью Американцевъ или Англичанъ, пролитую во время борьбы за независимость Америки. Здѣсь фортъ Ли, тамъ фортъ Вашингтона, селеніе Sing-Sing, West-Point — все это имена, которыя даютъ Гудсону полное право называться исторической рѣкою. Американцы гордятся еще и тѣмъ, что на ней же въ первый разъ прошелся Робертъ Фультонъ съ своимъ пароходомъ въ 1807 году, ровно двѣсти лѣтъ спустя послѣ открытія этой рѣки Гендрикомъ Гудсономъ.

Дикій и отчасти степной видъ палисадовъ, протянувшись на разстояніи двадцати миль, наконецъ прекращается и Гудсонъ разливается въ широкую бухту, въ родѣ маленькаго внутренняго моря, миль въ пять шириною; это такъ-называемая «Таупанская бухта», окруженная красивыми, гористыми берегами. Въ Sing-Sing, на возвышеніи, надъ самымъ берегомъ находится тюрьма Нью-Йоркскаго Штата, гдѣ заключенные работаютъ цѣлый день и сами содержатъ себя безъ всякаго пособія со стороны казны.

На встрѣчу намъ идетъ много парусныхъ судовъ съ бревнами, углемъ, камнями, встрѣчаются мелкіе и большіе пароходы, которые, сходясь на одной линіи съ нашимъ, производятъ рѣзкій шумъ.

Вскорѣ начинаются такъ-называемыя «Гайландсъ», (Highlands), т. е., возвышенности, которыя тянутся наискось черезъ Гудсонъ, окружая его съѣтью восхитительныхъ ландшафтовъ и оста-

вля на немъ слѣды въ видѣ отдѣльныхъ, каменнѣтыхъ острововъ, неправильно разбросанныхъ по рѣкѣ. Въ этихъ мѣстахъ Гудсонъ, сжатый среди высотъ, точно пробивается сквозь гранитныя скалы....

Эти скалы и возвышенности, составляющія отрасль аллеганскаго хребта, тянутся съ сѣверо-востока къ юго-западу, на разстояніи 16-25 миль, и во многихъ мѣстахъ перерѣзываютъ рѣку, заставляя ее измѣнять свое русло. Пароходъ проходитъ въ виду причудливыхъ формъ земной поверхности: горы вышаются то куполомъ, то въ видѣ сосковъ или сахарной головы. Далѣе — голубыя горы, бѣгущія мягкими волнами, и туманія въ прозрачномъ, лповомъ туманѣ.

Пароходъ все идетъ горными изгибами, которые покрыты мелкимъ кустарникомъ и зеленью. «Томасъ Пауэлъ,» вышедшій изъ Нью-Йорка въ три часа сорокъ пять минутъ пополудни, входитъ въ эти мѣста именно въ то время, когда западающее солнце обливаетъ горячими красками всю эту гористую природу, отражающую свою зеленью, заревомъ красокъ и тѣнями въ серебряной поверхности Гудсона.

Не могу забыть одной картины, въ которой все, начиная отъ красокъ и линій горъ до ихъ отраженія въ водѣ, соединилось для того, чтобы очаровать зрѣніе. Мы подъѣзжали къ острову West-Point; пароходъ шель узкимъ фарватеромъ между высокихъ горъ, которыя закрывали заходящее солнце. Все окружающее было погружено ужъ въ вечернюю тѣнь; вѣяло прохладой; казалось, день кончился и природа готовилась заснуть. Но выдающійся мысъ прекратился, пароходъ загнулъ за-уголъ, и вдругъ — какъ бы въ волшебномъ зеркалѣ, блеснула новая рѣка. Надъ ней висѣли въ воздухѣ неподвижныя суда, съ розовыми парусами отъ проходящихъ на сквозь лучей солнца; зелень была позолочена пурпуромъ, который выступалъ тѣмъ ярче, что тутъ же, сбоку острый холмъ весь почернѣлъ отъ тѣней. Эта воздушная, огненная картина еще разъ повторялась въ потемнѣвшей глубинѣ водъ, — и я повторялъ, вмѣстѣ съ хладнокровными Япки, закаленными въ барышахъ и цѣфрахъ, — how beautiful!

Вскорѣ мы пристали у «West-Point», высокаго острова, на которомъ устроено военное училище Соединенныхъ Штатовъ. Это мѣсто запечатлѣно многими историческими воспоминаніями. Во время войнъ за свободу страны, тамъ была квартира американскаго генерала Арнольда, который послѣ славной карьеры вздумалъ измѣнить своей странѣ. Онъ намѣревался отвязать

желѣзную цѣпь, которая была перекинута черезъ Гудсонъ, и иѣшала непріятельскимъ кораблемъ проходить вверхъ; позиція эта была чрезвычайно важна въ стратегическомъ отношеніи. Но нажѣреніе Арнольда было открыто, и онъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ въ лагерь Англичанъ, тогда какъ агентъ со стороны послѣднихъ маіоръ Андре, былъ пойманъ, и послѣ строгаго военнаго суда, приговоренъ къ висѣлицѣ. Напрасно за него ходатайствовали Англичане, и многіе Американцы выражали свое сочувствіе къ юности, красотѣ и самоотверженію молодаго офіцера; Вашингтонъ отаея неумолимъ, и передалъ его дѣло военному суду. Андре принадлежалъ къ одной изъ богатѣйшихъ фамилій, и рѣшился на свой поступокъ — пробраться за планами къ Арнольду въ самый Вестъ-Пойнтъ — единственно изъ любви къ отечеству. Тѣмъ не менѣе, не смотря даже на общее сожалѣніе его судей, Андре былъ казненъ. Подробности этой исторіи весьма трогательны и могутъ быть найдены во всякой исторіи Американскаго Союза.

Далѣе мы проходимъ въ виду города Ньюбурга, станціи Гаррисонъ, села Нью-Гамбурга, большаго города Покипси, мимо высокаго хребта горъ, называемаго Катскиль (Catskill, 2000 ф. вышиною), вершина которыхъ часто скрывается въ облакахъ, и еще чаще перерѣзывается длинными голубыми линіями на-двое.

Но чтобы полюбить, или вѣрнѣе, понять, оцѣнить Гудсонъ, нужно провести на его берегу три, четыре беззаботныхъ дня; надо забыть о дѣлѣ, о Нью-Йоркѣ, о всемъ, исключая того, что предъ глазами.... Тогда предъ нами явятся роскошные образы Гудсона утромъ, въ полдень, вечеромъ и ночью: онъ мѣняется вмѣстѣ съ ходомъ солнца, какъ кокетка, переодѣвающаяся ежедневно, по нѣскольку разъ, въ лучшіе свои наряды.

Рано утромъ, онъ покрытъ густымъ туманомъ. Противоположный берегъ вовсе не виденъ; неопредѣленно очерчиваются на горизонтѣ слабосиневатыя возвышенія, смѣшивающіяся съ утренними облаками. Передъ глазами мелькаютъ острія мачтъ какихъ-то невидимыхъ судовъ и барокъ; эти всякія въ воздухѣ стрѣлки то блѣднѣютъ, то снова высовываются изъ-за тонкой кисей тумана. Зеленъ ближайшихъ деревъ и полей—блѣдно-зеленая; воздухъ свѣжъ и пахнетъ сыростью; небо легко и сѣровато.

Вскорѣ облака загораются, воздухъ рѣдѣетъ, небо синѣетъ. Свѣжій вѣтерокъ пробѣгаетъ надъ водою; туманъ принимаетъ болѣе опредѣленную форму: онъ отдалается къ другому берегу

и стелется надъ водою, какъ цѣпь далекихъ, едва зримыхъ горъ. Вся окрестность точно въ дыму; надъ нимъ, въ воздухѣ, появляются верхушки сосенъ, елей, лиственницъ, берестовъ, стрѣлки ближайшихъ и отдаленнѣйшихъ мачтъ, и части парусовъ. Подъ туманомъ, надъ прояснѣвшей рѣкой, тоже появляются опрокинутыя мачты и паруса, тогда какъ судовъ самыхъ не видно. Эти изображенія, сначала блѣдныя, мало-по-малу ясниются, дѣлаются рѣзче; видно даже, какъ они волнуются и колеблются, перерѣзываемыя легкими струйками. Вода точно раздается, отражая въ себѣ все болѣе и болѣе синѣющее небо съ загорѣвшими востокомъ, и вспыхнувшими облаками: въ воздухѣ пахнетъ уже не сыростью, а утромъ.

Въ это время Гудсонъ въ одномъ изъ живописнѣйшихъ своихъ нарядовъ. Незамѣтно для глазъ таетъ и испаряется туманъ, открывая широкіе виды въ перспективѣ: противоположный берегъ блеститъ зеленью и гранитными обрывами; кое-гдѣ вьется между ними синій дымокъ фермера. Дальнія селенія, блистающія бѣлизной, точно приближаются къ намъ на нѣсколько верстъ — такъ ясень становится воздухъ. По рѣкѣ, отразившей въ себѣ все небо съ его утромъ, мѣрно подвигаются небольшія барки и шкуны, съ парусами, надутыми утреннимъ вѣтеркомъ, и нарумяненными восходящимъ солнцемъ; между ними кое-гдѣ мелькаютъ черныя, едва замѣтныя точки — лодки рыбаковъ, съ утра закинувшихъ свои сѣти. Дальнія горы, окаймленныя лѣсами, по синѣли; за ними, по выше и по легче, разстилаются волнистыя полосы еще отдаленнѣйшихъ горъ, а за ними — прозрачная, воздушная мгла.... Все точно насквозь проникается свѣтомъ и свѣжестью, дышетъ и живетъ яснымъ утромъ.

Свидѣтель этого пробужденія Гудсона пожалѣетъ, можетъ быть, о томъ, что не слышно трели жаворонка, ни кряканья утокъ, ни воркванія горлицъ, ни дерганья карастелей, словомъ, — нѣтъ разнороднаго хора воздушныхъ пѣвцовъ, нѣтъ музыки. Ихъ разогналъ свистъ паровиковъ и локомотивовъ, и пейзажъ, хотя ничего не потерялъ оттого, но потеряла природа, оставшаяся безъ гармоніи звуковъ, безъ утренней пѣсни.

Слышно только щебетанье нѣсколькихъ мелкихъ пташекъ — вотъ все, что оставилъ царь на берегахъ Гудсона.

Настаетъ ясный, горячій день, — и Гудсонъ засыпаетъ въ правильныхъ берегахъ; прозрачная мгла стелется надъ водою, которая то покрывается тѣнью бѣгущихъ облаковъ, то сияетъ внезапно отъ скрывшагося солнца, то снова серебрится тысячу

искръ. Барки съ едва надутыми парусами, разбросанныя тамъ и сямъ по зеркальной поверхности рѣки, лавируютъ отъ одного берега къ другому, стараясь напасть на слѣдъ вѣтерка. Но Гудсонъ спитъ. Онъ пробуждается только въ то время, когда на небѣ загараются пурпуровыя полосы и море золота, и вечернею прохлагою начинаютъ дышать берега.

Случай позволилъ мнѣ провести нѣкоторое время на дачѣ, у самаго берега Гудсона. Въ десяти шагахъ отъ сада, за кустами розъ и бузины, проходила желѣзная дорога. Сбоку между густою зеленью елей, пихтъ, и березъ блестяла вода залива; рѣка широко раздалась въ этомъ мѣстѣ.

Было темно. Послѣ ужина я вздумалъ выйти на галерею, къ удивленію моему, всѣ двери и окна дома ужъ были заперты. Въ отвѣтъ на мой вопросъ, гостепріимная хозяйка объяснила, что проводить вечера на воздухѣ — опасно, что сырость рѣки часто надѣляетъ любителей природы перемежающею лихорадкою, въ-особенности же иностранцевъ, и что доктора вообще совѣтуютъ въ это время запирацца въ домахъ отъ свѣжаго воздуха. Въ примѣръ она приводила общаго нашего знакомаго О***, который ужъ два года страдаетъ лихорадкою, и не смотря на всѣ усилія врачей, не можетъ отъ нея отдѣлаться. Надѣясь однакожъ, что я ужъ достаточно оклиматизировался, и желая подышать свѣжестью ночи, я убѣдилъ хозяйку не беспокоиться, объяснивъ въ тоже время, что я привыченъ къ сырости и ко всякой погодѣ, и что во всякомъ случаѣ беру всю отвѣтственность на себя. Послѣ этого объясненія, двери дома были мнѣ раскрыты, и какъ я былъ вознагражденъ за свою рѣшимость! Что за ночь была!

Темное раздавшееся небо было усѣяно яркими звѣздами, которыя блистали какъ свѣтлоголубые алмазы на черномъ фонѣ. Въ пространствѣ между стволами и листьями огромныхъ орѣховыхъ деревьевъ (Walnut-tree) виднѣлась темная, неподвижная рѣка съ блестящими точками и струйками. Барки, чернѣясь на гладкой поверхности, медленно ползли впередъ, среди таинственнаго безмолвія, оставляя за собой трехъ угольную волну съ блестящими краями. За нею такъ темно, что болѣе ничего не видно: все какъ бы слилось въ одну черную даль, которая дышетъ прохлагою. На лугу, въ кустахъ розъ, на листьяхъ кипарисовыхъ и орѣховыхъ деревьевъ вспыхиваютъ какъ золотыя искры свѣтящіеся червяки; они загараются десятками, сотнями и сейчасъ же потухаютъ.

Среди ночной тишины до насъ доходить чей-то отдаленный плачь, — точно ребенка, ревущаго что есть мочи, но очень далеко отъ насъ. Начинаетъ ревѣть и другой ребенокъ еще дальше и третій — немного ближе. Становится досадно, зачѣмъ не уймутъ ребенка, зачѣмъ ему даютъ кричать среди ночи, зачѣмъ онъ не спитъ? Воображеніе рисуетъ давно знакомыя картины: тѣсная закуренная изба, освѣщенная едва мерцающей лучиной. Въ переднемъ углу — икона, засохшія пучки сирени, и возлѣ нихъ на снуркѣ виситъ красное яичко; на деревянномъ столѣ — красная миска и двѣ, три деревянные ложки; возлѣ — ломти чернаго, черстваго хлѣба, на скамьѣ, прижавшись къ стѣнкѣ, сидитъ мужикъ въ овчинномъ тулупѣ. Онъ молчитъ, и смотритъ на бабу, которая сажаетъ хлѣбы въ печь. Теленокъ нюхаетъ лопату она его бьетъ поносу и онъ отходитъ. Между тѣмъ на полатахъ, за печкой, вновь раздается плачь... Этотъ немолчный безконечный плачь который насквозь прожегъ материнское сердце. — «Цыцъ ты, вишь разорался какъ, проклятый; чего тебѣ? — Но ребенокъ не унимается, и минуту спустя, опять заводитъ свою тоскливую пѣсню. Далека ты, Русь, отъ Гудсона, но и здѣсь твое великое горе щемитъ родную тебѣ грудь!

Среди этого крика плачущихъ ребятъ, и глухаго стона раздается временами звенящее пѣнье, въ родѣ звуковъ маленькаго серебряннаго колокольчика; оно то приближается, то отдаляется, а временами ослабѣваетъ и сливается въ одну длинную, пѣвучую ноту.

Эти звуки, похожіе на флейту или тріо италіанской оперы, издаются самыми прозаическими на свѣтѣ животными — лягушками. Они здѣсь не квакаютъ, какъ въ нашихъ рѣкахъ и болотахъ; они или ревутъ, или звенятъ, или стонутъ. Немного посѣвернѣе, въ стоячихъ водахъ водится лягушка, величиною съ небольшого кролика; помѣстившись на широкомъ, болотномъ листѣ надъ водою, она надувается и вдругъ испускаетъ сильный металлическій ударъ. Такъ звенитъ толстая стальная пружина, если ее съ силою отвести въ сторону, и потомъ разомъ отпуститъ. Удары слѣдуютъ одинъ за другимъ, и послѣ нѣсколькихъ минутъ эта лягушка, называемая «bull frog», скрывается.

А на соснѣ, на деревѣ магноліи свищетъ какая-то птичка изъ породы скворцовъ; ея свистъ не нравится нервнымъ темпераментамъ. Среди ночи это пѣніе звучитъ такъ уныло, такъ грустно, что тоска, какъ жало, прокрадывается въ душу. Птичекъ этихъ собирается иногда двѣ, три, и свистятъ они такъ жалобно, точно хоронятъ пернатую подругу.

Недолго, однакожь, пробудемъ мы въ тихомъ забытїи. Раздается какой-то гулъ, точно прѣблизается отдаленный валъ съ моря... Мы слышимъ, что-то тяжелое рѣжетъ воду, и движется впередъ, все ближе и ближе къ намъ. Появляется надъ водою огненная точка, и вслѣдъ за ней изъ закустовъ выдвигается — пароходъ. Онъ выпускаетъ паръ изъ трубы, и громкое эхо перекатывается по сосѣднимъ горамъ; пароходъ идетъ быстро и вскорѣ скрывается въ темнотѣ; оставляя за собой далекій слѣдъ; когда мы готовы ужъ забыть о немъ, у берега начинается плескъ воды: набѣгающій валъ разбивается о камень, бѣжитъ вдоль берега, и замираетъ въ отдаленїи.

Но не всегда Гудсонъ тихъ и спокоенъ. Бываютъ и на немъ, особенно лѣтомъ, такъ-называемыя «tornados» — внезапныя бури, въ которыя не дай богъ быть на водѣ.

Въ одномъ изъ этихъ «tornado», мнѣ случилось, однакожь, быть на пароходѣ. Мы ѣхали изъ Покниси въ Нью-Йоркъ; прошли мимо West-Point, и были уже въ Тапанской бухтѣ, этомъ маленькомъ морѣ пять въ миль шириной. Половина неба была за нами чиста; въ воздухѣ стоялъ удушливый зной; все замрало въ какомъ-то томленїи, и опытные люди предсказывали близкій дождь съ грозой. Точно, впереди насъ топились уже сѣрыя, темныя тучи, и разносились по небу. Онѣ скоро закрыли половину видимаго горизонта. Вдали показалось небольшое, бѣлое облачко, которое, быстро раздѣваясь, бѣжало къ намъ на встрѣчу. Рѣка была спокойна и гладка, какъ зеркало; кругомъ ничто не шевелилось, а вдали ужъ начинались страшныя опустошенїя. Судя по направленїю облаковъ и пыли, миль за двадцать неся сильный шквалъ, прямо къ намъ на встрѣчу. Небо надвигалось, шумъ усиливался. Нѣсколько лучей солнца, выбравшись изъ за тучъ, освѣтили зловѣщимъ, багровымъ свѣтомъ окрестную рѣку, берега и суда; послѣднія начинали уже вращаться съ боку на бокъ, и отъ носа до кормы. Мало-по-малу стемнѣло, и въ шесть часовъ вечера насъ охватилъ почти мракъ ночи. По водѣ, стремглавъ, пронесся вѣстовой потокъ воздуха, и принесъ нѣсколько крупныхъ, дождевыхъ капель... «Tornado!» шептали другъ другу пассажиры: сердце замерло не въ одной груди; въ нашихъ глазахъ бросало суда, какъ щепки. Въ слѣдъ за тѣмъ набѣжала бѣлая туча, и надъ нею разразилась гроза съ громомъ, молніей и дождемъ, вода взволновалась и вспѣнилась: къ намъ на встрѣчу бѣжала высокая водяная стѣна. Мы очутились въ самомъ центрѣ вихря. Пароходъ свернуло на-бокъ и стало метать:

всѣ двери съ стукомъ расхлопнулись; ихъ не удерживали болѣе дверныя скобы, все кругомъ трещало и шиѣло. Пассажиры, блѣдные какъ полотно, столпились кучей на палубѣ, ожидая съ минуты на минуту неминуемой гибели; суматоха увеличилась дѣтьми, которыя были оставлены своими няньками и подняли пронзительныя, раздирающія крики, прерываемыя лишь ударами грома. Сильный сѣрный запахъ распространился въ воздухъ; одна дама постоянно спрашивала, обращаясь ко всѣмъ безъ исключенія, чѣмъ это пахнетъ? откуда этотъ запахъ? «Другіе подходили къ разнымъ мѣстамъ на палубѣ, подымали носы и втягивали воздухъ. Опасались пожара въ машинѣ, или въ трюмѣ; другіе говорили, что это — электричество. Послѣ оказалось, что на пароходѣ ничто не пригорѣло, такъ что сѣрный запахъ, по всей вѣроятности, былъ принесенъ вихремъ.

Все это продолжалось около пяти минутъ. Въ этомъ случаѣ легко было убѣдиться, какъ заразительно дѣйствуетъ на толпу панической испугъ нѣсколькихъ людей; среди всеобщаго страха и отчаянія, очень трудно сохранить присутствіе духа, и кому это удастся, тотъ несомнѣнно владѣетъ силой воли. Когда миновать насъ этотъ шкваль, и мы прошли дальше, то встрѣтивъ суда, лежавшія совсѣмъ на боку, съ парусами, распростертыми по водѣ; у другихъ были сломаны мачты, третьи совсѣмъ потонули, какъ оказалось послѣ по газетамъ.

Эти «tornado» тѣмъ опасны, что ихъ трудно предвидѣть: внезапный вихрь вырывается изъ-за горъ, тянущихся въ Нью-Джерзеѣ, и оканчивающихся палисадами, вырывается внезапно, какъ молнія, захватываетъ иногда даже купающихся, которые едва успѣваютъ выйти изъ воды, и производитъ кругомъ страшныя опустошенія: ставитъ сула носъ къ носу, втираетъ ихъ такъ, что послѣ они не могутъ раздвинуться, нагоняетъ на камни, разбиаетъ, перевертываетъ, топить.... Въ городѣ ломаетъ трубы, стѣны, срываетъ крыши, иногда разрушаетъ цѣлыя зданія до основанія, какъ это случилось въ 1858 г. въ Greenpointѣ, предмѣстіи Нью-Йорка.

Послѣ этого невольно повторить: гдѣ силенъ человекъ, тамъ сильна и природа. Американская жизнь, поставленная на основахъ народной свободы, также разнообразна и могуча, какъ ея дѣвственные лѣса, рѣки и горы.

П. СОКАЛЬСКІЙ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И СУДЕБНОЕ УСТРОЙСТВО ФИНЛЯНДИИ *).

Шведскія учрежденія имѣютъ пунктъ соприкосновенія съ Россіей. Финляндія, которая до 1809 года составляла, втеченіе многихъ столѣтій, часть Шведскаго королевства, и въ которой шведская цивилизація пустила глубокіе корни, была присоединена къ Россіи. Хотя присоединеніе это совершилось вслѣдствіе факта завоеванія, императоръ Александръ I подтвердилъ старинную шведскую конституцію, гражданскіе и уголовные законы страны**) и съ согласія сейма, созданнаго въ Борго, даровалъ ей

*) Законы финляндскіе — гражданскіе, уголовные и политическіе остались такими, какими установлены на шведскомъ сеймѣ 1734 года, — послѣдніе съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Они изданы были въ русскомъ переводѣ (вмѣстѣ съ шведскимъ текстомъ) въ 1824 г. подъ заглавіемъ: «Уложеніе Швеціи, принятое на сеймѣ 1734 года и Его Императорскимъ Величествомъ утвержденное для Великаго Княжества Финляндіи. Спб. 1824 г. въ типографіи Греча.» Изданіе состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ первомъ томѣ помѣщены законы гражданскіе, уголовные и законы о судопроизводствѣ. Законы эти, не смотря на все ихъ достоинство, но многожъ устарѣли, особенно уголовные, чтѣ естественно должно было произойти вслѣдствіе неизмѣнности втеченіе ста тридцати лѣтъ. Для примѣра укажемъ на статью, по которой опредѣлена смертная казнь за колдовство! — Во второмъ томѣ помѣщены: вексельный уставъ, уставъ о наемныхъ слугахъ (очень любопытный), и главное — указы и манифесты Императора Александра I съ 1809 по 1823 годъ, касающіеся устройства Финляндіи и ея отношеній къ Россіи.

**) Единственныя сочиненія на русскомъ языкѣ о финляндскихъ законахъ изданы въ Гельсингфорсѣ Бирьеромъ Лундалемъ, сенатскимъ переводчикомъ, — одно въ 1852 г. подъ заглавіемъ: «Изображеніе порядка судопроизводства въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи,» — другое въ 1857 г.: «Руководство къ законамъ Великаго Княжества Финляндіи,» въ которомъ довольно

нѣкоторыя новыя административныя учрежденія и опредѣлилъ ея отношенія къ русскому государю. Отношенія, въ которыя поставлена Финляндія, представляютъ рѣдкій примѣръ великодушія побѣдителя. Финляндія не есть страна, находящаяся въ личномъ соединеніи (т. е., только подъ властью одного монарха) съ Россіей на основаніи европейскихъ трактатовъ, какъ Польша. Она по праву есть провинція, принадлежность Россіи, стоящая внѣ международнаго права. Но тѣмъ не менѣе автономія ея очень велика, болѣе нежели многихъ государствъ, присоединенныхъ на личномъ началѣ. Финляндія сохранила свою конституцію, свои гражданскіе и уголовные законы, особые войско, финансы, — и даже имѣетъ особое консульское представительство. Она не имѣетъ съ имперіей ни одного общаго учрежденія, — даже государственный совѣтъ общій для имперіи и Царства Польскаго, не распространяетъ своего дѣйствія на великое княжество. Александръ I сдѣлалъ еще болѣе: ту часть Финляндіи, которая составляла русскую провинцію съ временъ Петра I и Елисаветы (Выборгская, впоследствии Финляндская губернія) присоединилъ къ великому княжеству. (Манифестъ 11 Декабря 1811 года).

Старинная конституція Финляндіи была утверждена ей манифестомъ 15 Марта 1809 года; впоследствии для управленія великимъ княжествомъ учрежденъ на основаніяхъ, принятыхъ боргскимъ сеймомъ 1809 года, правительственный совѣтъ, переименованный въ 1816 году въ императорскій финляндскій сенатъ, — и въ главѣ управленія поставленъ генералъ-губернаторъ, обязанности котораго опредѣлены инструкціей 31 Января 1811 года.

Манифестъ 15 Марта 1809 года, не опредѣляетъ, а въ общихъ выраженіяхъ подтверждаетъ государственныя права Финляндіи: «Пропзволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ-особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по консти-

---

обстоятельно изложены государственныя и административныя учрежденія. Всѣ юридическія сочиненія, относящіяся къ шведскому и финляндскому праву, написаны на мало извѣстномъ шведскомъ языкѣ, и къ сожалѣнію переводовъ нѣтъ даже въ нѣмецкой литературѣ. Шведы гордятся своимъ языкомъ и учрежденіями, и не знакомятъ другіе народы съ своей юридической литературой. Этого — пожалуй недостатокъ, пожалуй достоинство, — заимствовали у нихъ и Финляндцы.

тудіямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой и неприложной ихъ силѣ и дѣйстви; въ удостовѣреніе чего и сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, Марта 15 дня 1809 года» *).

Престолъ Финляндіи не раздѣленъ съ російскимъ. Императоръ носитъ титулъ великаго князя Финляндіи (Storfuste till Finland); ему принадлежитъ верховная правительственная власть, — онъ дѣлаетъ по представленію сената объясненія и дополненія къ законамъ, утверждаетъ, также по представленію сената, ежегодный бюджетъ. Въ высшихъ законодательныхъ дѣлахъ монархъ созываетъ сеймъ; — мнѣніе сейма, утвержденное государемъ получаетъ силу закона.

Сеймъ (Landtag, Riksdag) состоитъ, какъ и въ Швеціи, изъ представителей четырехъ сословіи: дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ, — депутаты въ общемъ составѣ называются государственными чинами (Ständer). Составъ каждой камеры и порядокъ рѣшеній тотъ же, что въ прежнихъ и настоящей шведской конституціяхъ.

Дворянство состоитъ изъ родовъ (Atter), внесенныхъ въ метрики «финляндскаго рыцарскаго дома» (Riddarhus), и раздѣляется на три класса: 1. Господскій классъ (Herreklassen): графскіе и баронскіе роды и также тѣ, родоначальники которыхъ были членами государственнаго совѣта или командорами орденовъ Сѣверной Звѣзды или Меча. 3. Пажескій классъ (Srvenneklassen) — прочіе роды, внесенные въ метрику. Глава cadaго рода имѣетъ право присутствія на сеймѣ. Но при рѣшеніи не все сословіе дворянства вотируетъ вмѣстѣ, а каждый классъ

---

*) Такого же содержанія манифесты, изданы были императорами Николаемъ I-мъ и Александромъ II-мъ. Въ манифестѣ 1816 года (о переименованіи совѣта въ сенатъ) находятся между прочимъ слѣдующія выраженія: «Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отиѣняемы, безъ нарушенія оныхъ, Мы при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи съ принадлежащими на основаніи оныхъ каждому финляндскому согражданину правами и преимуществами, но по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими края сего чинами и учреждали особенное правительство подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта» и т. д.

имѣть одинъ куріатскій голосъ, и согласіе двухъ классовъ считается за согласіе всего дворянскаго сословія. Предсѣдатель дворянской камеры (Taleman), назначаемый государемъ, есть, какъ и въ Швеціи, глава всего собранія государственныхъ чиновъ (Landtmarskalk).

Духовенство состоитъ не изъ одного собственно духовнаго сословія (Prestaståndet), но вмѣстѣ и изъ ученаго (Läroståndet). Оно представляется на сеймѣ епископами господствующей (евангелической) церкви и выборными отъ пробстскихъ округовъ (благочиній). Предсѣдатель его — архіепископъ Абоскій.

Камера горожанъ состоитъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ городовъ безъизъятія.

Камера крестьянъ состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ по одному съ cadaго уѣзда изъ числа крестьянъ землевладѣльцевъ или имѣющихъ участки казенные или оброчные. Предводители двухъ послѣднихъ сословій назначаются императоромъ.

Для составленія сеймоваго рѣшенія достаточно согласія трехъ сословій; но по вопросамъ объ измѣненіи основныхъ законовъ, правъ сословій, набора войска и наложенія новыхъ податей требуется согласіе всѣхъ четырехъ сословій.

Срокъ для созванія сейма неопредѣленъ, потому что такъ было по шведской конституціи 1772 года, дѣйствовавшей до присоединенія Финляндіи *).

Верхнее правительственное и судебное мѣсто Финляндіи — императорскій сенатъ, засѣдающій въ ея столпцѣ — Гельсингфорсѣ. Сенатъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ четырнадцати членовъ, назначаемыхъ государемъ изъ дворянъ и изъ недворянъ на три года, — но по истеченіи этого времени отъ воли Государя зависитъ оставить членовъ въ ихъ должностяхъ. Въ уставѣ сената сказано, что болѣе полезнымъ будетъ перемѣнять по прошествіи трехъ лѣтъ часть членовъ. Кандидаты на мѣста сенаторовъ представляются самимъ сенатомъ.

Сенатъ раздѣляется на два департамента: судебный (Justitie-Departement) и хозяйственный (Ekonomie Departement) для дѣлъ административныхъ, финансовыхъ, общественнаго призрѣнія, по части ценсурной, путей сообщенія и почтовой. Управление госу-

---

*) Финляндскій сеймъ былъ собранъ только одинъ разъ — въ 1809 году. Государь, и безъ созванія сейма, можетъ издавать постановленія по части хозяйственной и административной, и въ случаѣ неприятельской нападѣніи, производить наборъ войска.

дарственными имуществами и надзоръ за банкомъ, также принадлежит къ вѣдомству этого департамента. Часть духовная и учебная также подчинена ему, — для ближайшаго заведыванія ею учреждена при департаментѣ духовная экспедиція (Ecklesiastik-Expeditionen). Кромѣ ея, для приготовления дѣлъ находится еще три экспедиціи, каждая подъ начальствомъ одного изъ сенаторовъ, именно: канцелярская, финансовая, камерно-счетная. Хозяйственный департаментъ представляетъ государю проектъ бюджета; онъ наблюдаетъ за правильнымъ расходомъ суммъ, и сверхъ бюджета можетъ ассигновывать суммы не свыше тысячи рублей.

Судебный департаментъ сената, есть верховный ревизионный судъ великаго княжества. Только рѣшенія о преступленіяхъ государственныхъ и тѣхъ уголовныхъ, за которыя слѣдуетъ смертная казнь, подносятся на высочайшее разсмотрѣніе. Министерскихъ учреждений не существуетъ въ Финляндіи, по этому департаменты сената назначаютъ всѣхъ чиновниковъ по судебной и административной частямъ, кромѣ, разумѣется, тѣхъ высшихъ, назначенія которыхъ зависятъ отъ высочайшей воли *).

Въ важныхъ случаяхъ оба департамента соединяются въ общее собраніе (plenum) подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора. Случаи эти слѣдующіе: 1. Когда государю угодно потребовать мнѣніе общаго собранія по какому-либо дѣлу, 2. Когда поступаетъ высочайшее повелѣніе, касающееся жителей края вообще, 3. Для разсужденія о проектѣ поясненія закона.

Генералъ-губернаторъ, назначаемый государемъ императоромъ, есть главный начальникъ по административной и исполнительной части. Черезъ него восходятъ на высочайшее усмотрѣніе опредѣленія сената, — онъ получаетъ и преуравновѣждаетъ въ сенатъ высочайшіе рескрипты. Онъ главный начальникъ полиціи, блюдетъ за внѣшней безопасностью и внутреннимъ порядкомъ страны. Въмѣстѣ съ хозяйственнымъ департаментомъ сена-

---

*) Въ Финляндіи введена русская табель о рангахъ; всѣ должности выше восьмаго класса замѣщаются непосредственно государемъ императоромъ. Другія должности замѣщаются слѣдующимъ образомъ: когда открывается вакансія, то объявляется объ этомъ посредствомъ публикацій, и назначается срокъ для подачи прошеній въ то присутственное мѣсто, въ которомъ открылась вакансія; оно разсматриваетъ права и способности желающихъ и избираетъ трехъ кандидатовъ, которыхъ и представляетъ сенату, — а послѣдній и опредѣляетъ по своему усмотрѣнію одного изъ нихъ къ должности.

та, онъ наблюдаетъ за казначействами и губернскими правленіями. Генераль-губернаторъ ежегодно обязываетъ всю Финляндію въ сопровожденіи одного члена и прокурора сената и ревизуетъ судебныя и административныя мѣста, — виновныхъ въ злоупотребленіяхъ передаетъ суду.

Генераль-губернаторъ председательствуетъ и въ общемъ собраніи сената и по усмотрѣнію въ департаментахъ. Въ судебномъ департаментѣ онъ не подаетъ голосъ, а только наблюдаетъ за правильнымъ теченіемъ дѣлъ. Въ дѣлахъ, слѣдующихъ на высочайшее рѣшеніе, если генераль-губернаторъ не согласенъ съ мнѣніемъ сената, то прописываетъ въ представленіи свое мнѣніе. Въ тѣхъ же дѣлахъ, разрѣшеніе которыхъ зависитъ отъ сената, несогласіе генераль-губернатора не можетъ остановить исполненія, — но онъ можетъ представить государю свои замѣчанія объ опредѣленіяхъ сената.

При сенатѣ состоитъ прокуроръ съ весьма значительной властью. Если онъ усмотритъ, что сенатъ или генераль-губернаторъ въ отправленіи своихъ должностей отступаютъ отъ закона и существующихъ постановленій, и если они оставляютъ безъ вниманія сдѣланное имъ объ этомъ представленіи, — то доносить обо всемъ государю.

Прокуроръ облеченъ властью министра юстиціи; ему представляются журналы о занятіяхъ судебныхъ мѣстъ, — онъ представляетъ сенату о замѣченныхъ упущеніяхъ по судопроизводству. Но самая важная часть прокурорской должности, равняющая его въ этомъ отношеніи съ шведскимъ государственнымъ фискаломъ, — состоитъ въ томъ, что онъ можетъ, по жалобамъ частныхъ лицъ, предавать суду всѣхъ чиновниковъ, виновныхъ въ злоупотребленіяхъ, не исключая и губернаторовъ, — послѣднихъ, впрочемъ съ разрѣшенія генераль-губернатора; преслѣдованія такихъ обвиняемыхъ судебнымъ порядкомъ онъ поручаетъ публичному обвинителю.

Всѣ представленія сената и генераль-губернатора представляются государю императору чрезъ министра статсъ-секретаря великаго княжества, пребывающаго въ Петербургѣ. Онъ составляетъ краткіе доклады на русскомъ языкѣ о представленіяхъ сената и генераль-губернатора, и объявляетъ явъ высочайшее рѣшеніе. Губернское управленіе состоитъ изъ губернатора и подвѣдомственныхъ ему двухъ экспедицій: губернской канцеляріи (Lands Kansliet) для дѣлъ исполнительныхъ и губернской контеры (Lands-Konteret) для дѣлъ казенныхъ и фи-

нансовыхъ; первымъ управляетъ ландсъ-секретарь, вторымъ ландсъ-камерирь.

Судебное устройство Финляндии взято также изъ Швеціи. Первую степень суда занимаютъ герардскіе или уѣздные суды (Häradss-Rätt); такой судъ состоитъ изъ предсѣдателя и двѣнадцати засѣдателей; предсѣдатель назначается по представленію гофгерихта изъ трехъ кандидатовъ, получившихъ юридическое образованіе въ университетѣ, засѣдатели избираются поселянами на полгода. Засѣдатели не то, что западные присяжные: они близко похожи на тѣхъ выборныхъ, которые въ древней Россіи находились при судѣ. Засѣдатели главнымъ образомъ должны доставлять судѣ свѣдѣнія о личности обвиняемаго, о мѣстныхъ обычаяхъ и тому подобное. Въ рѣшеніи дѣла они имѣютъ слѣдующее значеніе: если всѣ двѣнадцать засѣдателей одного и того же мнѣнія, а судья другаго, то дѣло рѣшается по единогласному мнѣнію засѣдателей; если же они не пришли къ одному и тому же мнѣнію, то дѣло рѣшается по мнѣнію судьи.

Изъ герардскаго суда гражданскія дѣла переносятся по апелляціи въ губернскій — лагманскій судъ (Lagmans-Rätt). Лагманскій судъ состоитъ также изъ предсѣдателя и двѣнадцати выборныхъ засѣдателей. Суды этихъ обѣихъ инстанцій засѣдаютъ временно, два раза въ годъ, и продолжаются столько времени, сколько потребуется для окончанія дѣлъ.

Высшую степень суда составляютъ гоф-герихты, — ихъ три: въ Або, Вазѣ и Выборгѣ. Въ гоф-герихты поступаютъ гражданскіе дѣла по апелляціи изъ лагманскихъ судовъ, и всѣ уголовныя; они состоятъ изъ президентовъ, совѣтниковъ и ассесоровъ, назначаемыхъ государемъ изъ числа юристовъ; выборныхъ нѣтъ при гоф-герихтахъ. Въ гоф-герихтѣ производится полный и окончательный судъ; въ высшихъ — дѣла преимущественно заявляются, немногіе рѣшаются окончательно. Наконецъ верховный ревизіонный судъ великаго княжества есть судебный департаментъ сената. Замѣтимъ, что къ занятію судебныхъ должностей и къ адвокатурѣ допускаются только кончившіе курсъ на юридическомъ факультетѣ финляндскаго (гельсингфорскаго) университета и кромѣ того еще разъ проэкзаменованные правительственной комиссіей.

Что касается до военной части, то Финляндія пользуется великою льготой — въ ней нѣтъ рекрутскихъ наборовъ, въ ней существуетъ только поселенная милиція. Военное постановленіе,

принятое въ Швеціи на сеймѣ 1682 года, дѣйствуетъ до-сихъ-поръ въ княжествѣ. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: вся земля раздѣляется на участки (rotor), землевладѣльцы каждаго участка должны поставлять одного солдата; для этого они берутъ охотниковъ, даютъ имъ участокъ земли и домъ, также снабжаютъ одеждой; офицеры также получаютъ вмѣсто денежнаго жалованья помѣстье; точно на такомъ же основаніи приморскіе округа поставляютъ матросовъ для флота. Такимъ образомъ Финляндія имѣетъ земское войско, неразрывно связанное съ страной. Эта прекрасная шведская система напоминаетъ во многомъ нашу до-петровскую.

Такъ какъ финляндскія крѣпости заняты русскими войсками, и кромѣ того въ ней расположено еще достаточное для охраненія порядка число русскихъ линейныхъ войскъ и казаковъ, — то императорское правительство, желая дать отдыхъ Финляндіи, послѣ военныхъ тягостей времени шведскаго владычества, не созывало подъ знамена поселеннаго войска до 1854 года; въ этомъ году, по случаю войны, сформировано было изъ поселеннаго войска шесть стрѣлковыхъ батальоновъ. Въ настоящее время въ Финляндіи девять батальоновъ поселеннаго войска и кромѣ того небольшая эскадра.

Всѣ сословія Финляндіи на основаніи конституціи и высочайшихъ манифестовъ пользуются личной свободой (крѣпостное право не существуетъ), правомъ имѣть поземельную собственность, право свободы вѣры, т. е., домашняго и публичнаго богослуженія, для всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, равенство на судѣ, правомъ не быть лишеннымъ жизни, чести и имущества иначе, какъ по судебному рѣшенію, и наконецъ правомъ экспатріаціи (переселенія въ другія государства). Дворянство и духовенство пользуются нѣкоторыми преимуществами предъ другими сословіями. Дворянство освобождено отъ подушной подати, — въ случаѣ преступленія онъ судится прямо въ гофъ-герихтѣ, только дворянство можетъ владѣть *объльными*, т. е. освобожденными отъ податей, поземельными преимуществами (allodial, frälsejord), и нѣкот. друг.

Въ Финляндіи шведское населеніе составляетъ всего $\frac{1}{10}$ общаго числа жителей; остальные т. е. почти все населеніе, Финны — племя по своему характеру ближе сходящееся съ русскимъ, нежели съ шведскимъ. Тѣмъ не менѣе много-вѣковое господство Шведовъ и ихъ цивилизація; сдѣлали то, что швед

скій языкъ признанъ официальнымъ, шведскіе законы, наука и литература господствуютъ. Шведскій элементъ заслужилъ такое почетное мѣсто, потому что ему обязана страна цивилизаціей и гражданской свободой. Тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время началось въ литературѣ и общественной жизни національное финское движеніе, которое должно еще тѣснѣе соединить Финляндію съ Россіей, потому что для финскаго элемента скандинавскій языкъ и литература совершенно чужды. Съ другой стороны нельзя не замѣтить постояннаго увеличенія числа русскихъ переселенцевъ, привлекаемыхъ въ Финляндію ея общественными льготами.

ДРЕВНѢЙШІЯ ЭПИЧЕСКІЯ ПРЕДАНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

I.

Естественное средство, самую природою данное человѣку для выраженія его литературныхъ идей, есть *языкъ*. Какъ скоро рѣчь переходитъ отъ ежедневныхъ, житейскихъ нуждъ къ выраженію какихъ бы то ни было духовныхъ стремленій, тотчасъ же получаетъ характеръ изящнаго, художественнаго произведенія. Даже высказывая свои насущныя нужды, народъ первоначально творитъ слова и выраженія. Потому слово есть первый проводникъ человѣческаго творчества. На созиданіи формъ своего языка народъ впервые дѣлаетъ свои творческія попытки. Но когда совершились эти первобытныя попытки, исторія не знаетъ, потому что всѣ индоевропейскіе народы, къ которымъ относятся и славянскія племена, выступили на историческое поприще *уже съ готовыми нравственными идеями, выраженными въ формахъ языка*; всѣ они имѣли уже свои *оправанья*, свои *обычаи* и *языкъ*, способные къ передачѣ всѣхъ оттѣнковъ мысли и чувства.

Сравнительно-историческое изученіе языковъ индоевропейскихъ убѣждаетъ насъ съ математическою точностью, что всѣ народы, на этихъ языкахъ говорящіе, то-есть, племена арійскія — Индусы и Персы, племена Фракійскія — Греки и Римляне, племена кельтскія, нѣмецкія, литовскія и славянскія, первоначально имѣли *общія основы народности* — въ языкѣ и мифологіи, въ связи съ важнѣйшими условіями народнаго быта. Ни одинъ изъ языковъ этихъ народовъ не былъ праотцемъ для дру-

гихъ, ни одна изъ мѣологій этихъ народовъ не была источникомъ для прочихъ. Всѣ эти народы, содержа многое отъ *первобытной старины* въ языкѣ и мѣологіи, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ и *позднѣйшее подновленіе* того и другаго. Это позднѣйшее подновленіе въ каждомъ народѣ совершалось по мѣрѣ обособленія его, то есть, по мѣрѣ развитія самостоятельной, отдѣльной національности каждаго. Чѣмъ развитѣе какая національность, тѣмъ далѣе уклонилась отъ общаго индоевропейскаго средства въ мѣологіи и языкѣ, и тѣмъ лучше выработала то и другое въ словесныхъ произведеніяхъ. Это обособленіе каждаго изъ индоевропейскихъ народовъ, это индивидуальное, національное выдѣленіе народа изъ общаго племеннаго средства, есть первый шагъ на пути духовнаго развитія народа, заявляющаго свои права на историческое бытіе. Народы, наиболѣе способные къ историческому прогрессу, каковы Греки въ древнемъ мірѣ и Нѣмцы въ новомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ такіе народы, которые богаче и разнообразѣе прочихъ европейскихъ развили свою національность въ мѣологіи и народномъ эпосѣ, какъ основѣ дальнѣйшаго процвѣтанія литературы.

Такимъ образомъ, народность не только не противорѣчитъ общечеловѣческому совершенствованію, или прогрессу, но взводя къ нему, составляетъ его необходимое явленіе.

Какъ бы народъ ни развивался въ своей національности, быстро или медленно, во всякомъ случаѣ представляетъ онъ въ своей духовной жизни двоякаго рода элементы. Во-первыхъ, элементы, общіе съ прочими родственными народами, то есть, первобытное общее достояніе индоевропейское, въ языкѣ, народномъ бытѣ и мѣологіи. Такъ, напримѣръ, средство въ мѣстоимѣніяхъ, числительныхъ именахъ, въ такъ называемыхъ неправильныхъ спряженіяхъ, во многихъ корняхъ словъ, и особенно означающихъ бытъ пастушескій, земледѣльческій и семейный; отнѣсительно мѣологіи, средство въ поклоненіи небу, землѣ, водѣ, грому, какъ силѣ и благотворной и разрушающей и т. п. Во-вторыхъ, элементы особенные, исключительные, которыми каждый народъ выдѣляется изъ общей родственной массы. Эти исключительныя, національныя отличія, впоследствии особенно развивающіяся исторически, своими началами восходятъ ко временамъ незапамятнымъ и уже приписаны народу при самомъ вступленіи его на историческое поприще. Безъ сомнѣнія, искони составляли они необходимый моментъ въ самомъ средствѣ народовъ индоевропейскихъ, точно такъ какъ каждое племя развѣт-

вляется на свои областныя видоизмѣненія, какъ напримѣръ племена славянскія съ мѣстными говорами.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что всякій народъ, то есть, масса людей, соединенныхъ между-собою какими-либо общими, нравственными и физическими узами, опредѣляютъ свою національность всеѣмъ тѣмъ, что въ теченіе незапамятныхъ лѣтъ накопилось въ его духовной жизни, въ его бытѣ, нравахъ и обычаяхъ; что вошло въ основу его нравственнаго бытія, какъ жизнь, пережитая имъ въ теченіе вѣковъ, какъ *прошедшее*, на которомъ твердо полагается настоящій порядокъ вещей и все будущее развитіе народа.

Отсюда ясно, что весь запасъ нравственныхъ идей представляется народу, въ его раннюю эпоху бытія, какъ *священное преданіе*, какъ великая *родная старина*, какъ святой заветъ предковъ потомкамъ. Это наивное обожаніе своей старины и національности нашло у насъ самое блистательное свое оправданіе въ выраженіи *святая Русь*, въ противоположность всему *поганому*, то-есть, иноземному, басурманскому.

И такъ, всякій историческій народъ, при первомъ вступленіи своемъ на историческое поприще, имѣетъ свою родную старину, завѣщанную ему отъ предковъ и полубоговъ, и почитаетъ ее тою священною областью, изъ которой идетъ все великое и прекрасное, всякая правда и истина. Это для него область идей, въ глубинѣ которой прозрѣваетъ онъ своихъ предковъ-героевъ и самихъ боговъ, отъ которыхъ предки произошли.

На обожаніи старины крѣпится вся нравственная жизнь народа въ его первобытномъ состояніи. Онъ благовѣетъ передъ своими законами и обычаями, потому что они идутъ отъ самихъ боговъ, самими богами даны и введены; онъ ненарушимо справляетъ свои обряды, потому что — по его убѣжденію — въ нихъ содержится священная сила старины и преданія.

II.

Исторія застаётъ Славянъ распространенными уже на огромныхъ пространствахъ средней Европы. Жили они на этихъ пространствахъ разсѣянно, то-есть, *порознь*; знали скотоводство и земледѣіе, питались молокомъ, просомъ, гречихою, или медъ. Ясно, что они пользовались уже удобствами быта *земледѣльческаго*, переступивъ въ своемъ развитіи бытъ *пастушій*, и присо-

вокупивъ его удобства къ жизни земледѣльческой. Пастухи скитаются съ мѣста на мѣсто, гоня свои стада; еще непостояннѣе жизнь звѣрлова; но позднѣйшій, болѣе развитый бытъ земледѣльческой сопровождается уже осѣдлостью: осѣдлость же есть основа и необходимая обстановка семейной жизни. Несторъ ясно свидѣтельствуешь, что славянскія племена именно *садились* на разныхъ мѣстахъ, и по мѣсту, гдѣ *садились*, получали различныя имена: «по мнозѣхъ же временѣхъ *сѣли* суть Словяни по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имена своими, гдѣ *сѣдше* на которомъ мѣстѣ: яко пришедше *сѣдоша* на рѣцѣ именемъ Морава, и прозвашася Морава, а друзи Чеси (Чехи) нарѣкошася; а се ти же Словѣни Хравате Вѣли, и Серебъ, и Хорутине» и т. д., причемъ замѣчательно свидѣтельство Нестора, что Словяне шли по рѣкамъ и по рѣкамъ же расселились.

Мифологія, какъ выраженіе высшихъ духовныхъ стремленій народа, подобно поэзіи, праву, философіи, подвержена условіямъ народнаго быта и согласуется съ степенью народнаго образованія. Народный бытъ возводитъ мифологія въ высшій идеальный міръ, она стремится дать священное оправданіе существующему порядку вещей, и въ области вѣрованія дать окончательное рѣшеніе тѣмъ случайностямъ и безсвязнымъ явленіямъ, которыя предлагаетъ дѣйствительность.

И такъ мифологія славянская соотвѣтствуетъ *земледѣльскому* быту славянскихъ племенъ, уже получившихъ *осѣдлость* и *семейныя* учрежденія и обычаи. Для опредѣленія этого момента въ развитіи мифологіи и соотвѣтственнаго ей быта народнаго необходимо объяснить себѣ слѣдующій вопросъ: на какой ступени мифологическаго развитія стоитъ бытъ земледѣльскій и осѣдлый, семейный?

Историческое изученіе мифологическаго развитія положительно опредѣляетъ то мѣсто, какое занимаетъ бытъ земледѣльскій и осѣдлый въ исторіи до-исторической формациі народности: этотъ бытъ стоитъ на срединѣ до-историческаго развитія. Ему предшествуетъ бытъ кочевой, бытъ кочующихъ массъ, которыя, не зная роднаго очага и не привыкши къ неизмѣнной обстановкѣ жизни, обращаютъ свои вѣрующіе взоры къ вѣчно склоняющемуся надъ нихъ неугомнымъ странствованіемъ своду небесному, къ вѣчнымъ свѣтиламъ, и только къ тѣмъ элементамъ, какъ напримѣръ: огонь, свѣтъ, которые являются неизмѣнными спутниками ихъ вѣчнаго движенія. Это бытъ сначала звѣрлововъ и рыбо-

лововъ, потомъ пастуховъ: естественный выходъ изъ него — осѣдность и земледѣіе. Но и быть земледѣльческій есть только ступень для дальнѣйшаго развитія — общественнаго и гражданскаго, промышленнаго и воинскаго, опредѣляемаго историческимъ движеніемъ и столкновеніемъ племенъ съ другими народами. Племена славянскія остановились въ эпоху до-историческаго развитія своей мѣологии на ступени земледѣлія и осѣдности; племена нѣмецкія — тоже еще въ эпоху до-историческую — вслѣдствіе своего великаго историческаго значенія, пошли далѣе по пути развитія, и это дальнѣйшее мѣологическое развитіе уже выразили въ древнихъ нѣсняхъ Др. Эдды.

Племена нѣмецкія въ своей до-исторической жизни прошли объ высшія ступени развитія, изъ которыхъ первая выразилась поклоненіемъ *Тору* (Тунаръ — Donner), и вторая, высшая — поклоненіемъ *Одину*, *Водяну* (или Гводану). Торъ — божество грома, какъ силы сокрушительной для враговъ мирной жизни, для страшныхъ великановъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ силы плодотворной, способствующей произрастѣнію земныхъ плодовъ. Потому Торъ — покровитель земледѣлія и семейнаго осѣдлаго быта. Одинъ — представляетъ высшее умственное и духовное развитіе нѣмецкихъ племенъ, сплюю оружія и историческимъ значеніемъ снискавшихъ господство надъ прочими народностями. Самый Олимпъ нѣмецкой мѣологии сложился изъ двухъ элементовъ — изъ представителей мирной, семейной и земледѣльческой жизни — изъ *Вановъ* (въ которыхъ нынѣ изслѣдователи видятъ Славянъ, именно *Вендовъ*) — и изъ *Асовъ* — существъ бурныхъ и воинственныхъ, которые наконецъ взяли перевѣсъ надъ Ванами, и въ лицѣ *Одина* достигли высшаго господства въ свѣтѣ — воинскою предприимчивостію и способностью къ духовному, историческому развитію.

Въ народности *Готтовъ*, такъ рано подчинившихся вліянію христіанства и классической цивилизаціи, еще не успѣлъ развиться Культъ *Одина*: это племя, въ эпоху принятія христіанства, остановилось на поклоненіи *Тору*, возникшемъ и окрѣпшемъ въ быту земледѣльческомъ и семейномъ. *Ломбарды* уже явственно выступаютъ въ своихъ набѣгахъ подъ божественнымъ покровительствомъ воинственнаго *Одина*, котораго они называли *Гводаномъ*. Чѣмъ далѣе разсѣялись нѣмецкія племена къ сѣверу, тѣмъ легче и скорѣе могли выступить изъ мирныхъ условій быта земледѣльческаго, вслѣдствіе уже самаго климата и мѣстности, и слѣдовательно, тѣмъ болѣе могли развить Культъ

Одну. Потому въ *скандинавскихъ пѣсняхъ древней Эдды* господствуетъ уже новое историческое начало въ воинственной и въ высшей степени подвижной личности Одина.

Племена славянскія въ своемъ мѣологическомъ развитіи остановились на первой ступени, опредѣляемой господствомъ Тора и мирныхъ Вановъ — потому ли что тому способствовали условія самой природы и климата средней Европы, или потому что племена нѣмецкія быстро опередили ихъ замѣчательною, энергичскою дѣятельностію въ историческихъ переворотахъ, отдѣлившихъ міръ древній отъ новаго. Во всякомъ случаѣ, замѣчательно, что уже въ самыхъ воззрѣніяхъ на природу Славяне отличаются отъ нѣмецкихъ племенъ болѣе спокойнымъ, мирнымъ и свѣтлымъ тономъ. Это особенно явствуетъ изъ названія *года* по одной изъ частей его, наиболѣе оставившихъ по себѣ впечатлѣніе. Славяне, какъ свидѣтельствуютъ уже древніе письменные памятники, года считали по теплымъ временамъ его, т. е., считали *лѣтами*. Напротивъ того, не только Скандинавы уже въ пѣсняхъ древней Эдды, но даже Готы въ IV вѣкѣ какъ показывается переводъ библіи Ульфилы, считали года — *зимами* (готск. *vintrus*, сканд. *vetr*, т. е. *winter*). Соотвѣтственно тому суровый и мрачный колоритъ пѣсни скандинавскаго или англосаксонскаго эпоса — противопоставляется радостному и игривому сочувствію тихой и свѣтлой природѣ въ такъ-называемой *женской* пѣснѣ Серба или въ обрядной и бытовой Малоросса.

Нѣмецкому Тору вполне соотвѣтствуетъ нашъ *Перунъ*, божество грома, покровитель земледѣлія и семейной осѣдлости. Славяне, въ своемъ до-историческомъ развитіи, независимо отъ столкновенія съ другими племенами, по преимуществу развили именно поклоненія этому божеству; и христіанство застигло Славявъ (за исключеніемъ немногихъ) именно въ этотъ моментъ ихъ мѣологическаго развитія.

Ближайшее родство Славянъ съ Литвою по языку, скрѣплялось такимъ же родствомъ мѣологическимъ. *Громовержець* находимъ мы и у классическихъ народовъ, такъ же какъ у Нѣмцевъ и Славянъ: это одна общая имъ всѣмъ ступень мѣологическаго развитія, но у cadaго изъ этихъ народовъ божество это имѣетъ свое особенное названіе. Что же касается до Литовцевъ, то даже по самой грамматической формѣ, ихъ *Percunus* есть не что иное, какъ нашъ *Перунъ*.

Ближайшее родство Славянъ съ Литвою, составившими нѣкогда одну общую группу, свидѣтельствуетъ намъ, что Перунъ

былъ нѣкогда божествомъ обще-славянскимъ задолго до раздѣленія ихъ на восточную и западную вѣтви. Въ послѣдствіи у Славянъ западныхъ и особенно балтійскихъ поклоненіе мнрному земледѣльческому божеству, уступило мѣсто другому Культѣ, который болѣе соотвѣтствовалъ дальнѣйшему развитію и образованности этихъ балтійскихъ племенъ, и который въ лицѣ *Сельтовита*, *Трилава*, значительно уже приближался къ болѣе развитому Культѣ Одна, этого представителя первыхъ успѣховъ гражданственности. Но названія урочищъ и древнѣйшія свидѣтельства ясно говорятъ въ пользу той мысли, что Перунъ столько же былъ извѣстенъ и чтимъ и у западныхъ славянскихъ племенъ, какъ и у восточныхъ. Потомъ, вслѣдствіе обособленія Славянъ восточныхъ и сближенія ихъ въ одну группу, именно Славянъ сербскихъ, болгарскихъ и русскихъ, и вслѣдствіе общей исторической судьбы Чеховъ и Ляховъ въ эпоху древнѣйшую, а также вслѣдствіе быстрого развитія Славянъ балтійскихъ и столкновенія ихъ съ народностію нѣмецкою, былъ земледѣльческій, вмѣстѣ съ Культѣмъ Перуну, сталъ преимущественнымъ достояніемъ восточныхъ Славянъ, и тѣхъ пзъ западныхъ, которые въ сосѣдствѣ съ ними подчинились одинаковымъ условіямъ климата и почвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и быта земледѣльческаго.

И такъ чествованіе Перуна должно было сильнѣе удержаться въ преданіяхъ Славянъ восточныхъ. Для нихъ — это высшее божество, податель всѣхъ земныхъ благъ, и устроитель всего міра. Одна сербская нѣсня, наивно смѣшивающая христіанскія имена съ языческими воззрѣніями, приписываетъ устройство всего міра Перуну, котораго называетъ Молніею (Муня. Вука Караджича, нѣсни, кн. I. N 230): «Стала молнія дары дѣлать: дала Богу небесную высоту, Святому Петру — Петровскіе жары, а Св. Іоанну — ледъ и снѣгъ, а Николаѣ — на водѣ свободу, а Илиі — молнію и стрѣлы». Противорѣчащее смѣшеніе молнии съ Илиею, произошло здѣсь отъ того, что Илья пророкъ, какъ у Нѣмцевъ былъ сближаемъ съ Торомъ, такъ у Славянъ съ Перуномъ. Сербы даже величаютъ Илию *Громошникомъ*; а у Русскихъ Илиа пророкъ — не только грамовержець, но и покровитель земледѣлія и сельскаго довольства.

Какъ плододавецъ и общій благодѣтель, Перунъ вмѣстѣ съ *матерью землею* (мать сыра земля) — былъ вмѣстѣ и представителемъ производящей, рождающей силы, и, вѣроятно Перуну же придавалось наименованіе *Родъ*, который, какъ божество

языческое, противопологается истинному Богу, Творцу, въ одной статьѣ, приведенной г. Калачовымъ, въ предисловіи къ Архиву Историч. и Юрид. Свѣд. часть 2, стр. 21 по рукоп. XVI в. въ библ. арх. министер. иностр. дѣлъ:... «вседрь жителя, иже единъ безсмертенъ и не погибающихъ Творецъ, дуну бо ему (человѣку) на лице духъ жизни, и бысть человекъ въ душу живу: то ти не Родъ, сѣдя на въздухъ мечеть на землю груди и въ томъ рождаются дѣти... всѣмъ бо есть Творецъ Богъ, а не Родъ». Есть внутреннее соотвѣтствіе этого мифическаго Рода съ эпохою Перуна или Тора. А именно, какъ нѣмецкій Торъ, для охраненія мирнаго земледѣльческаго и семейнаго быта — постоянно въ борьбѣ съ великанами, этими первобытными земнородными существами, такъ, и въ славянскомъ языкѣ, въ древнѣйшихъ текстахъ священнаго писанія *шантъ* переводится словомъ *плодъ*, напримѣръ. «*плодиже* (т. е., исполны) бяху по земи» — въ Парем. профессора Григоровича XII вѣка. По самому смыслу мифическій Родъ и эти *плоди* выражаютъ одну и ту же идею о рожденіи и плодородіи.

И такъ, въ быту земледѣльческомъ и семейномъ должно искать древнѣйшихъ слѣдовъ народной поэзіи славянской, въ ея связи съ мифомъ и обрядомъ. И дѣйствительно этотъ бытъ пустилъ такіе глубокіе корни въ народной словесности и такъ широко въ ней выразился, что и доселѣ бытовые пѣсни *земледѣльческія* и *семейныя* составляютъ самый существеннѣйшій и самый многочисленнѣйшій отдѣлъ, какъ Русской, такъ и вообще Славянской поэзіи. Въ этихъ пѣсняхъ сохранились слѣды древнѣйшихъ обрядныхъ пѣснопѣній о земледѣліи и скотоводствѣ, а также и о бытѣ семейномъ, преимущественно въ пѣсняхъ свадебныхъ, въ которыхъ и до селѣ множество намековъ на древнѣйшіе, да христіанскіе обычаи и обряды. Пѣсни земледѣльческія и пастушья пріурочиваются къ извѣстнымъ годовщинамъ, къ извѣстнымъ частямъ года, и соотвѣтствуютъ тѣмъ сельскимъ и полевымъ занятіямъ, которыми въ ту пору года народъ занимается, а именно *посѣвъ*, *сплюсковъ*, *жатва*, — или же соотвѣтствуютъ самымъ явленіямъ природы, подъ влияніемъ которыхъ протекаетъ мирная жизнь селянина: тепло и холодъ, умаленіе солнечной силы зимою и возрожденіе ея въ срединѣ лѣта и т. п.

Разнообразная жизнь народа никогда не можетъ быть приведена въ тѣсныя рамы научной системы. Въ исторіи русской поэзіи очевидно сближеніе поклоненія Перуну съ чествованіемъ

Волоса, скотьяго бога, то-есть, представителя быта пастушескаго. Но такъ какъ паства входитъ въ домашній обиходъ земледѣльца, то и *Волосъ* былъ сближенъ съ *Перуномъ*. Грозная сила громовержца укрощалась сопоставленіемъ ему кроткаго божества пастуховъ. Надобно думать, что между славянскими племенами населявшими древнюю Русь, не всѣ были на одинаковой степени бытового развитія. При общемъ разпространеніи земледѣлія, въ нѣкоторыхъ племенахъ преобладало скотоводство и звѣринная ловля, въ другихъ по преимуществу обработываніе земли. По-крайней-мѣрѣ Несторъ ясно противопоставитъ грубость Древлянъ, живущихъ въ лѣсахъ, нѣкоторымъ успѣхамъ семейной жизни Полянъ. У первыхъ господствовали скотоводство и звѣринная ловля, у послѣднихъ — жизнь полевая, земледѣльческая.

Еще при выходѣ изъ лѣсовъ на удобныя для обработыванія поля, Славяне уже знали духовную потребность въ поэзіи; и пѣвцы ихъ, помня этотъ великій переходъ въ бытѣ народномъ, долго чествовали себя внуками, то-есть, потомками *Велеса* или *Волоса*, мирнаго подателя благъ и всякаго обилія въ бытѣ пастушескомъ. Даже, еще въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» вѣщій Боянъ называется *внукомъ Велеса*.

Такова внутренняя, глубокая связь исторіи русской поэзіи съ народнымъ бытомъ и съ эпохами мнѳологическаго развитія Славянъ.

III.

Мы имѣемъ одно въ высшей степени важное свидѣтельство о томъ, что Славяне, и, вѣроятно, Русскіе, приняли христіанство именно въ тотъ періодъ мнѳическаго развитія, когда во главѣ его стоялъ культъ Перуна, и что этому культу предшествовали другія ступени мнѳологическаго развитія. Это именно слово Св. Григорія *изобрѣтено въ толщѣхъ о томъ, како первое погани суще лъщи, кланялися идоломъ и требы имъ клали, то и нынѣ творятъ*, въ Писаніевомъ Сборн. XIV в. въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ.

«Оттуда же извыкоша Елени класти требы Артеמידу и Артемидѣ, рѣкше Роду и Рожаницѣ. Такии же Игуитине. Также и до словѣнъ доиде се слов (о?). И ти начаша требы класти Роду и Рожаницамъ, преже Перуна, бога ихъ. А переже того

клали требу Упрямъ и Берегнѣямъ. По святемъ крещенѣи Перуна отриннуша, а по Христа Бога яшася, но и нонѣ по украинамъ молятся ему проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и Вилу, и то творятъ отай. Сего не могутъся лишити, проклятаго ставленя 2-я трапезы, нареченныя Роду и Рожаницамъ.» Нѣтъ сомнѣнія, что свидѣтельство это не можетъ служить безусловнымъ руководствомъ при опредѣленіи различныхъ эпохъ нашей мѣологии; но во всякомъ случаѣ оно драгоцѣнно по двумъ указаніямъ: во-первыхъ, что въ нашей мѣологии было нѣсколько различныхъ моментовъ развитія, и столь замѣтныхъ, что на нихъ обратилъ вниманіе даже старинный книжникъ, вовсе не интересовавшійся исторіею мѣологии; и во-вторыхъ, что позднѣйшая мѣологическая эпоха опредѣляется господствомъ Перуна.

Указаніе на то, что до Перуна требы клали какимъ-то Упрямъ и Берегнѣямъ, Роду и Рожаницамъ, само собою разумѣется — не исключаетъ другихъ божествъ, которыхъ благочестивый авторъ могъ не знать или не находилъ нужнымъ о нихъ упомянуть.

Согласно съ общимъ ходомъ въ развитіи народнаго быта, въ связи съ религіозными вѣрованіями, надобно полагать, что поклоненіе Волосу и Перуну поколеній пастушескихъ и земледѣльческихъ предшествовало обожаніе стихій, и въ-особенности неба и свѣтила, согласно съ древнѣйшимъ, еще не установившимся и не окрѣпшимъ бытомъ племенъ. Этотъ древнѣйшій періодъ, дѣйствительно, у Славянъ существовалъ, и оставилъ по себѣ память въ поклоненіи *Сварогу* (небу, у Вацерада въ Чешскихъ Глоссахъ *Mater verborum, Jvor — zodiacus*, — въ другомъ мѣстѣ со вставкою *t — stvor Osiros rex fuit Egipti*, согласно съ Платъевск. сп. лѣтописи, въ которомъ Сварогомъ называется египетскій же царь *Феостъ* — нечто иное какъ греческій Гефестъ, т.-е., Вулканъ). Сыномъ этого Сварога, то-есть, *Сварожичемъ*, было солнце: иначе онъ же называется *Дажьбогомъ*. Потому въ славянскомъ переводѣ Малалы, гр. *ἥλιος* (т.-е. солнце) переведено: *Дажь-богъ*. Кн. Оболенск. Предисл. къ лѣтописцу Переясль. въ Времен. 1851 г. № 9. Въ Плат. сп. сказано: «Солнце Царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажь богъ.» Кромѣ солнца подъ именемъ Сварожича разумѣлся и *огонь*. Въ словѣ Христолюбца о дѣвѣриіи сказано: «Огнени молятся (т.-е. двоевѣрные люди) зовуть его *Сварожичемъ*» (вар. *Сварожичемъ*). Въ Описан. Руков. Рум. Муз. Восток. стр. 228. Въ Злат. Чени Троиц. Левр. XIV в. Согласно съ этимъ и слово *Дажь богъ* происхо-

ходить отъ даг-Санер. — горѣть жечь, литов. *degi* — горю, отсюда *деготь*, готск. *dags*—день, *tag*; слѣдовательно и *Дажьбог*—богъ солнца и огня, какъ и *Сварожичь*.

Теперь рѣшимъ вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи состоялъ культъ Сварожича — Дажьбога къ Перуну, въ послѣдовательномъ развитіи славянской мѣологии. Вопросъ этотъ рѣшается сравнительнымъ изученіемъ народности всѣхъ славянскихъ племенъ. Общій законъ въ этомъ сравнительномъ примѣ есть тотъ, что древнѣйшее принадлежитъ всѣмъ славянскимъ племенамъ, и восточнымъ и западнымъ, а позднѣйшее — тому или другому племени въ отдѣльности или нѣкоторымъ.

Если Сварожичъ былъ божествомъ обще-распространеннымъ у всѣхъ Славянъ и высоко-чествуемымъ, то, безъ сомнѣнія, онъ былъ нѣкогда главнымъ представителемъ славянской мѣологии. Мы уже видѣли, что у Вацерада въ Чешскихъ Глоссахъ 1202 г. упоминается слово *Своръ*; но особенно важно свидѣтельство Дитмара (+ 1018) о Лутичахъ и Вильцахъ, древнѣйшихъ славянскихъ племенахъ, разселившихся на Западѣ, что первый изъ божествъ ихъ былъ *Zuarazici*, т.-е. Сварожичъ.

Такимъ образомъ, *Эпоха Перуна и Волоса*, отъ которой мы ведемъ исторію русской поэзіи, и которая очевидно обозначается убѣжденіемъ въ происхожденіи древнѣйшихъ поэтовъ нашихъ (въ лицѣ Бояна) отъ самаго Волоса, — эта эпоха есть уже заключительная, которой предшествовала другая, общеславянская — *Эпоха Сварожича*, который у насъ на Востокѣ получилъ названіе *Дажьбога*. Первоначально къ этой же древнѣйшей эпохѣ могъ относиться и *Родъ* съ *Роженницами*, согласно свидѣтельству слова Григорія изъ Пансіева Сборника; потому что *Роженницами* до позднѣйшихъ временъ называли у насъ *звѣзды*, подъ вліяніемъ которыхъ рождаются и живутъ смертныя, что согласно съ толкованіемъ Вацерада: *svorzođiacus*, то-есть, звѣзды на небѣ (по древнѣйшимъ преданьямъ, а не *символъ времени*, какъ толкуютъ нѣкоторые). Но божество *Родъ* (только въ единственномъ числѣ, между тѣмъ какъ *Роженницы* во множественномъ числѣ) — безъ сомнѣнія, имѣло другое значеніе, отличное отъ Роженницъ, и какъ творецъ міра, могло относиться столько же къ эпохѣ Сварога первоначально, какъ и къ эпохѣ Перуна впоследствии.

И такъ отъ эпохи, предшествовавшей культу Перуна и Волоса доходятъ до насъ другія божества, соотвѣтствовавшія другому, древнѣйшему быту. Но такъ-какъ прошедшее не даромъ минуетъ въ жизни народа, то и отъ этой древней эпохи оста-

лись слѣды въ его преданіяхъ и поэтическихъ повѣрьяхъ. Эпоха поклоненія стихіямъ и доселѣ отзывается въ поэтическихъ разсказахъ о *Вилахъ*, *Русалкахъ*, въ чествованіи *огня*, *воды* и тому подобное.

И доселѣ въ одной малорусской пѣснѣ воспѣвается святость *воды*, чисто въ языческомъ смыслѣ. Эта пѣсня, въ числѣ изданныхъ г. Костомаровымъ въ Малорус. Сборн. Мордовцева 1859 г. подъ № 42, подъ мифическимъ заглавіемъ *Божокъ*, слѣдующаго содержанія: «Шоль *Божокъ* дорогою, встрѣтилъ дѣвицу съ водою: «дай дѣвица воды испить — запекшіяся уста окропить.» — «Не дамъ, старче, воды пить: потому что вода не чиста, напало съ клена листьевъ, налетѣло съ горы песку.» — «Ой ты дѣвица! сама ты нечиста, а вода всегда чиста.» Переполошилась дѣвица — вошла въ церковь, и на семь сажень ушла въ землю» (вѣроятно за ея прегрѣшенія). Почтенный собиратель и отличный знатокъ южно-русской народности, г. Костомаровъ замѣчаетъ объ этой пѣснѣ слѣдующее: «Пѣсня эта, безъ-сомнѣнія, весьма древняя, и заключаетъ въ себѣ мифологическую исторію; она указываетъ, между-прочимъ, на воднопоклоненіе Славянъ, которое составляло принадлежность нашей языческой религіи.» Последнее замѣчаніе о поклоненіи водѣ, безъ всякаго сомнѣнія, вѣрно; но касательно *мифологической исторіи* въ этой пѣснѣ, я позволяю себѣ не согласиться, на томъ основанія, что здѣсь очевидно вліяніе евангельскаго разсказа о Христѣ, бесѣдовавшемъ съ Самарянкою у колодца. Но вотъ что особенно важно: вмѣсто Христа — въ пѣснѣ является какой-то *божокъ*. Такъ трудно въ двоевѣрїи и полу-язычествѣ русской поэзіи отличить элементы языческіе и христіанскіе!

Въ то время, когда, по свидѣтельству «Слова о Полку Игоревѣ», постои называли *внуками Волоса*, то-есть, въ осѣдную земледѣльческую и частію пастушью эпоху, было еще свѣжо преданье объ эпохѣ поклоненія свѣтламъ и стихіямъ. Потому въ томъ же «Словѣ о П. И.» вѣтры называются *внуками Стрибога* (*стри* — вѣтеръ, при глаголѣ *стрити* или *стрѣти*, откупа *стрѣ-ла*, *по-стрѣ-лъ* и т. п.), а человѣкъ, и вѣроятно, князь и владыка — *внукомъ Дажьбожїемъ*, то-есть, происходящимъ отъ *Сварожича* — Солнца или Огня. А такъ-какъ по предложенному выше свидѣтельству о Родѣ явствуется, что было преданіе о происхожденіи человѣка отъ Роды, и такъ-какъ первоначально Родъ могъ примѣняться къ Сварожичу, или Дажьбогу, какъ впоследствии къ Перуну — верховному божеству; то *внукъ Дажьбо-*

га могъ быть и *внукомъ Рода*. Еще въ «Словѣ о Даниилѣ Заточникѣ» *Родъ* встрѣчается въ мѣологической пословицѣ: «Дѣти бѣгаютъ Рода». Наконецъ еще преданье о *Родѣ*-творцѣ находится въ разсказѣ бѣлозерскихъ волхвовъ Яну, который долженъ былъ вооруженною силою истребить язычество по Бѣлу-озеру. «Мы знаемъ — говорили Волхвы Яну — какъ человекъ сотворенъ: Богъ мывъся въ мовниці и вспотивъся, отеръся ветхою (ветошкою) и верже съ небесе на землю; и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ сотворити человекъ? и створи дьяволъ человекъ, а Богъ душу въ не вложи» — п проч. подъ 1071 г. стр. 76 Лѣт. Археогр. Ком. т. 1. — И здѣсь въ противоположеніе дьявола Богу видно уже позднѣйшее христіанское вліяніе, — но въ этомъ двоевѣрїи ясны древнѣйшіе слѣды язычества. Этотъ бѣлозерскій богъ мечетъ съ неба на землю *столаъ*, въ которомъ творять человекъ, точно также, какъ *Родъ*, по приведенному мною отрывку: «Сѣдя на въздухъ мечетъ на землю груди и въ томъ рождаются дѣти.»

IV.

Не успѣвъ разработать въ надлежащей полнотѣ своей мѣологической эпоху, славянскія племена, рано захваченныя врасплохъ вліяніемъ сильной нѣмецкой народности и потомъ внесеніемъ къ нимъ христіанства, должны были дать новый исходъ своему поэтическому творчеству, которымъ они такъ щедро одарены отъ природы. Развитіе жизни общественной и государственной рано отдѣлило Славянъ западныхъ отъ восточныхъ. Также раннее соприкосновеніе Славянъ юго-восточныхъ съ образованностію древняго міра, и особенно съ византійскою, должно было вывести народное сознаніе изъ первобытнаго, непосредственнаго состоянія эпической, до-исторической старины. Но такъ-какъ огромныя массы Славянъ, разбѣяныя на Востокъ, не скоро могли проникнуться новыми, христіанскими началами образованности, которыя могли быть усвоены только нѣкоторыми высшими представителями этихъ массъ; то на славянскомъ Востокѣ — въ нѣдрахъ простаго народа менѣе помутился первобытный чистый потокъ древняго эпическаго творчества; между тѣмъ, какъ Славяне западные, открытые разнообразнымъ вліяніемъ исторической жизни — очень рано, даже въ эпоху незапамятную — уже значительно ушли впередъ отъ эпической наив-

ности своихъ предковъ. Но во всякомъ случаѣ, и тамъ и здѣсь, и на Востокъ и на Западъ — мнѳологической эпосъ славянскій палъ уже въ эпоху до-историческую, съ тѣмъ только различіемъ, что его свѣжестью еще вѣетъ въ прекранныхъ нѣсняхъ Славянъ восточныхъ, именно Болгаръ, Русскихъ, и особенно Сербовъ, между тѣмъ какъ представители Славянъ западныхъ — Поляки и Чехи, вмѣстѣ съ успѣхами европейской образованности, болѣе и болѣе теряли древнее поэтическое наслѣдіе родственныхъ славянскихъ племенъ.

Не смотря на это важное отличіе Славянъ восточныхъ отъ западныхъ, относительно древняго эпического преданія, и тѣ и другіе выразили свое племенное единство въ историческомъ направленіи, которое принялъ славянскій эпосъ у всѣхъ родственныхъ племенъ — и у западныхъ, болѣе подчинившихся исторической жизни — даже раньше и сильнѣе, нежели у восточныхъ, у которыхъ эпосъ историческій — болѣе видною струєю отдѣляется отъ уцѣлѣвшихъ нѣкоторыхъ остатковъ эпоса мнѳологическаго.

Безусловные ревнители славянщины думаютъ воздать особенную честь славянскимъ племенамъ, приписывая имъ великое значеніе въ до-историческихъ судьбахъ Европы, и деже объясняя всѣ древнѣйшія основы нѣмецкаго быта, какимъ-то славянскимъ влияніемъ. Не прибѣгая къ этимъ археологическимъ гаданіямъ, кажется, мы скажемъ многое въ пользу родственниковъ намъ славянскихъ племенъ, если обратимъ вниманіе на ихъ историческую народную поэзію, какъ на вѣрный залогъ и твердое ручательство въ высококомъ значеніи этихъ племенъ въ историческомъ отношеніи: потому-что, только народъ призванный къ исторической жизни, имѣетъ свой историческій народный эпосъ. Какъ-бы ни былъ неистоцимо-богатъ эпосъ мнѳологическій, какъ-бы ни были искренно проникнуты имъ массы народа, каковы напримѣръ финская *Колевала*, но не имѣя въ себѣ историческихъ элементовъ, такой эпосъ говоритъ только о коснѣнн народа на преданіяхъ языческой старины и убѣждаетъ въ неспособности народа къ развитію на пути исторической дѣятельности.

Давно уже историки занесли народныя нѣсни и легенды въ перечень историческихъ матеріаловъ и источниковъ; нѣмецкіе ученые отлично пользуются всѣмъ этимъ поэтическимъ національнымъ сокровищемъ, и для исторіи народа вообще, и еще больше того для исторіи его словесности и въ-особенности поэзіи. Богатые развитіемъ и народной, и искусственной поэзіи,

они не пренебрегаютъ однако ни одною мѣстною сагою, ни однимъ баснословнымъ, вымышленнымъ сказаніемъ, внесеннымъ въ лѣтопись. Народная словестность русская, и вообще славянскихъ племенъ, доселѣ еще не получила правъ гражданства въ наукѣ. Еще слѣдуя устарѣлому взгляду Шлецера на исторію и народность, что сказали бы критики-педаггги, если-бы историкъ поэзіи вздумалъ серьезно распространяться о племенныхъ сказаніяхъ, о Чехѣ и Лѣхѣ, о баснословномъ Крокѣ, о нашемъ Кіѣ съ своими братьями и сестрой? — А между-тѣмъ Нѣмцы своего народнаго родоначальника Fuisco внесли въ исторію не только мифологію, но и поэзію.

Если нѣмецкіе ученые въ много-историческихъ свидѣтельствахъ Тацита открываютъ древнѣйшія мифологическія, поэтическія и историческія преданія; то почему же намъ, Славянамъ, позднѣйшимъ на поприщѣ образованности, не сдѣлать такой же попытки на свидѣтельствахъ позднѣйшихъ, сохранившихся у лѣтописцевъ чешскихъ, польскихъ, русскихъ и другихъ? — Дѣйствительно Козьма Прижскій († 1125), такъ-называемый, Мартинъ Галль (въ первой половинѣ XII-го вѣка), Кадлубекъ, Влпкентій Краковскій (въ началѣ XIII-го вѣка), Богухвалъ, чешская поэтическая хроника Далемила (1282—1314), позднѣйшая Гаека († 1546). наши лѣтописи и мѣстныя преданія — предлагаютъ множество данныхъ для самой полной характеристики историко-поэтическихъ преданій славянскихъ племенъ. Устные народныя пѣсни и сказанія служатъ существеннымъ дополненіемъ къ фактамъ, известнымъ изъ историческихъ источниковъ *).

Въ этихъ національныхъ сказаніяхъ мы найдемъ еще много мифологическаго, какъ и вообще въ историческихъ пѣсняхъ, и русскихъ, и болгарскихъ, и сербскихъ; но народный смыслъ и ученость лѣтописца приписываютъ имъ уже основу историческую, которую впоследствии строгая критика изъяла изъ области исторіи, а литература доселѣ еще не умѣла этими свидѣтельствами воспользоваться, какъ слѣдуетъ.

Племена славянскія западныхъ рѣшительнѣе восточныхъ выступаютъ съ своими историко-поэтическими сказаніями. По этимъ сказаніямъ Лихи, то-есть, Поляки и Чехи, составляютъ первоначальноне раздѣльное единство: и дѣйствительно, ближайшее сродство нарѣчій — чешскаго и польскаго — говоритъ въ пользу до-историческаго преданія о первобытномъ родствѣ двухъ племенъ.

*) См. попытку Шульце С. Марта о національныхъ сказаніяхъ польскихъ.

Славяне, поселившіеся отъ Эльбы до Вислы, въ лѣсахъ и долинахъ, будто-бы долгое время проводили жизнь полу-кочующую, вѣроятно между звѣриною ловлею и скотоводствомъ, при малыхъ успѣхахъ осѣдлаго земледѣлія. Чувствуя потребность въ болѣе твердомъ общественномъ и государственномъ устройствѣ, эти Славяне, будто-бы, обратились къ своимъ соплеменникамъ въ Далмаціи и Илиріи, и просили себѣ оттуда въ правители двухъ братьевъ, знаменитыхъ храбростью и умомъ. Эти братья воеводы были *Льхъ* и *Чехъ*. Въ сербскомъ языкѣ есть земля — говоритъ Далемиль — имя ея Харвати: въ той землѣ былъ *Льхъ* (имя нарицательное), ему же имя *Чехъ*. «Они отправились черезъ Дунай въ богатія земли Славянъ, и дошедши Вѣтавы или Молдавы, основали Прагу, а также Велеградъ (на Мархѣ); раздѣлили землю на участки, основали множество деревень и учредили общежитіе. По имени вождя жители получили имя *Чеховъ*, отъ *Чеха*.

По другимъ преданіямъ основаніе Праги отнесется ко времени Любуши, которая велѣла построить *зѣмокъ*, и по отвѣту работника, что онъ работаетъ на пороги (*праги*), дала имя этому замку — *Прага* (то-есть, какъ бы граница, украйна, Марка, или же еще вѣрнѣе, кукъ-бы *пороги*, черезъ который переступаетъ человѣкъ на родное, постоянное, осѣдлое жилище).

Между-тѣмъ старшій братъ *Льхъ* съ своими отправился далѣе въ сѣверо-востоку, переходилъ горы и глухія дебри и быстрыя рѣки, и наконецъ достигъ равнинъ Вислы. Здѣсь были обширныя болота, непроходимыя лѣса и суровый климатъ; почва, хотя песчаная, но не лишена плодородія. Вся страна казалась пуста и необитаема; только въ лѣсахъ жили многочисленныя толпы дикарей, нелюбившихъ земледѣлія, неумимыхъ на охотѣ и въ воинскихъ набѣгахъ. Они проводили жизнь кочующую и не знали осѣдой городской жизни. Наконецъ, послѣ долгого похода, *Льхъ* съ своими полками, остановился въ одномъ лѣсистомъ мѣсто, у сѣянномъ холмѣ: при его приближеніи съ всѣхъ холмовъ приподнялись цѣлыя стаи бѣлыхъ орловъ, которые *шъдлись* въ рощахъ. — Въ этомъ случаѣ *Льхъ* видѣлъ для себя доброе предзнаменованіе, и рѣшился на томъ мѣстѣ построить себѣ съ своими спутниками то же *шъдо*, то-есть, осѣдлое жилище. Велѣлъ вырубить и расчистить лѣсъ и на одномъ холмѣ, который и доселѣ слыветъ *Горою Льха*, велѣлъ соорудить храмъ Богу-покровителю, и кругомъ огородить городъ, который, по оршнымъ гнѣздамъ и названъ былъ *Гильна* или *Гильз-*

до. Въмѣстѣ съ тѣмъ Лѣхъ извелъ народъ изъ быта кочующаго и водворилъ въ немъ земледѣліе и осѣдность; по имени его народъ называлъ себя *Ляхами*.

Позднѣйшая геральдика объяснила гербъ Польши орлами Лѣха.

Такова лѣтописная сказка о переходѣ Чеховъ и Ляховъ изъ быта кочеваго, охотничьяго и пастушескаго въ осѣдлый, земледѣльческій. Орлы Лѣха напоминаютъ священныхъ птицъ, *Кратуговъ*, обитающихъ въ священныхъ *гаяхъ*, или рощахъ чешскихъ, гдѣ, по сказанію кракедворской рукописи, приносился подъ деревьями по-корнѣ богамъ, то-есть, жертвоприношеніе (Забой, Славой и Людекъ). Самое слово *Гньздо*, которымъ было названо первое осѣдлое жилище, указываетъ на переходъ къ осѣдности; и именно народа охотничьяго и звѣроловнаго. Между первоначальнымъ значеніемъ—и названіемъ города, слово *гньздо* имѣетъ еще среднее, переходное значеніе, именно семья; потому въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» сказано: и Иньгваръ и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не хуже *гньзда* шестокрыльцы.» Этимъ же древнѣйшимъ бытомъ отзывается эпитетъ Всеволода Юрьевича—*большое гньздо*, то-есть, многолюдная семья.

Эта историческая басня, очевидно есть нечто иное, какъ сосредоточеніе собственныхъ именъ *Ляхи* и *Чехи* къ вымышленнымъ личностямъ. Первоначально *Ляхъ* или *Ляхъ* (одного происхожденія съ *Ляха*—гряда, борозда)—владѣтель земли, потому Чешской Далемилъ самого Чеха характеризуетъ нарицательнымъ *Ляхъ*: «втей земли бѣше лѣхъ, — емуж име бѣше Чехъ». Высшія лица и сословія въ судѣ Любуши называются: *Кметы*, *Ляхи* и *Владыки*. Изъ сближенія словъ лѣхъ или ляхъ съ *Ляха*—борозда, явствуется, почему впоследствии Ляхи назвались Поляками, или Полянами, отъ слова *поле*, означающаго то же почти, что и *Ляха*. И такъ, по самому языку, баснь о Чехѣ и Ляхѣ есть поэтическое преданіе о первобытномъ переходѣ Славянъ изъ кочеваго быта въ бытъ земледѣльческій, преданіе о томъ, какъ Славяне стали *Ляхами* или *Полянами*, Поляками, то-есть, народомъ земледѣльческимъ и осѣдлымъ.

Независимо отъ басни о Чехѣ и Ляхѣ, составилаь другая о *Кракѣ* или *Крокѣ*, то же общая и Полякамъ (*Краки*) и Чехамъ (*Кроки*). Но передъ баснею о *Кракѣ*, польскіе лѣтописцы вставили нѣсколько своихъ соображеній, основанныхъ впрочемъ на народныхъ преданіяхъ. А именно, баснословныя преданія польскія наполняютъ промежутокъ между Лѣхомъ и Кракомъ двумя

вымышленными фактами, подъ которыми, безъ-сомнѣнія, скрывается историческая дѣйствительность: 1) Послѣ Лѣха княжилъ въ Польше и прославился мудрыми и воинскими подвигами, потокомъ Лѣха — *Вышши-миръ* или *Вышній миръ*, подъ которымъ я позволяю себѣ видѣть нечто иное, какъ *мирское общинное управление*, состоявшее въ высшихъ представителяхъ мира, въ родѣ тѣхъ *Кметовъ*, *Льховъ* и *Владыкъ*, которыми управлялись и Чехи, по свидѣтельству суда Любуши. 2) Будто-бы, послѣ Лѣха, народъ не хотѣлъ подчиниться княжеской власти, и сталъ управляться выборными людьми, или воеводами, число которыхъ было 12, число замѣчательное, символическое, соотвѣтствующее чешскимъ 12-ти *Кметамъ*, или земскимъ присяжнымъ старѣйшинамъ, которые будто-бы въ древнѣйшую эпоху управляли чешскою землею. Въ этихъ 12-ти воеводахъ, въ этой высшей мирской сходкѣ воеводъ и старѣйшинъ вижу я именно *Вышши миръ*, который въ народной баснѣ получилъ олицетвореніе въ отдѣльномъ, самостоятельномъ героѣ *Вышши-миръ*. Такимъ-образомъ, оба преданія выражаютъ одну и ту же мысль.

Нигдѣ столько невидно ближайшее племенное родство Поляковъ съ Чехами, какъ въ единствѣ ихъ древнѣйшихъ эпическихъ сказаній. Общая судьба Чеха и Лѣха отразилась, какъ-бы во второмъ періодѣ народной жизни, на героической личности Крока или Крака, который равно принадлежитъ и Богемии и Польшѣ, — но и въ той и въ другой баснѣ о немъ получила особенное мѣстное развитіе.

Сначала о баснѣ чешской.

Чехъ померъ, не оставивъ по-себѣ наслѣдника. Потомъ народъ выбралъ себѣ въ правители *Крока*, не только мудраго и во всѣхъ отношеніяхъ способнаго, но и *вѣщаго*, *чародѣя*, какимъ обыкновенно бываетъ герой полу-мифологическаго эпоса. У него было три дочери: *Каша*, *Тетка*, и *Любуша*. *Каша*, старшая сестра, была вѣщая лѣкарка, знала силу всякаго зелья, и вообще ворожея и колдунья, своимъ вѣщимъ духомъ знавшая всю подноготную и умѣвшая открывать всякую пропажу. — *Тетка*, будучи жрицею, учредила поклоненіе лѣсамъ, источникамъ и горамъ (или богамъ лѣсовъ, водъ и горъ), то-есть, *Виламъ*, *Русалкамъ* и т. п.; и наконецъ, *Любуша*, младшая изъ нихъ, была то же чародѣйка; она послѣ отца управляла народомъ въ качествѣ княжны и для своего услуженія имѣла при себѣ мудрыхъ, или вѣщихъ дѣвъ. Сближая мѣстности съ именами героинь, сказаніе даетъ Каще въ жилищѣ *Кашинъ*, и Теткѣ *Тетинъ*. — Къ

княженію Любуши относится знаменитый судъ ея надъ двумя братьями, «споривши о *дыдиль откей*», то-есть, о наслѣдствѣ; этотъ судъ составляетъ предметъ извѣстнаго чешскаго стихотворенія «*Судъ Любушии*».

Три вѣщія сестры, соответствующія культу божествамъ лѣсовъ, водъ и горъ (Виламъ и Русалкамъ)—и во главѣ всего народа дѣва-правительница, какъ мнѣ кажется, въ славянскомъ эпосѣ должны имѣть тотъ смыслъ, что и женщины, и именно въ ея первобытной дѣйственной чистотѣ, не должно отказывать въ вліяніи на образованіе народности въ ея первобытномъ періодѣ. Согласно съ нѣкоторыми воинственными типами женщинъ русскаго эпоса, какова супруга баснословнаго Дуная и въ параллель съ воинственными женскими личностями сѣвернаго и вообще нѣмецкаго эпоса — и чешскія героини своею величавою личностію предъявляютъ право женщины въ развитіи народныхъ вѣрованій, обычаевъ и поэзіи.

Но историческая басня чешскаго эпоса рядомъ съ этою мыслию проводить другую — именно: о боробѣ элемента мужскаго съ женскимъ. Эта мысль выражается: 1) въ послѣдующей судьбѣ самой Любуши, и 2) въ полчищѣ чешскихъ дѣвъ, собравшихся въ *Дльвинь*, подъ предводительствомъ *Власты*.

Уже управленіемъ самой Любуши народъ былъ недоволенъ и требовалъ, чтобъ она, вышедши замужъ, дала народу въ своемъ супругѣ достойнаго воеводу. Сама Любуша, какъ вѣщая дѣва, сказала посламъ, какъ и гдѣ найдти для нея супруга: «Ступайте, говорили она, на *Благу* рѣку или на *Бѣлну* рѣку, и тамъ на холмѣ *Стадицы* найдете вы пахаря, пашущаго землю двумя нѣгими быками: онъ будетъ обѣдать на желѣзномъ столѣ; этотъ человекъ будетъ вашимъ правителемъ;» — а чтобъ узнать туда путь и самаго пахаря, Любуша дала посламъ своего бѣлаго коня. Онъ привелъ пословъ къ сказанному мѣсту, и своимъ ржаньемъ указалъ на пахаря, будущаго владыку Чеховъ — и палъ предъ нимъ наземь. Это знаменіе *вѣщаго* коня, очевидно, нечто иное, какъ отголосокъ вѣрованія прибалтійскихъ Славянъ въ вѣщаго коня Свѣтовитова, котораго хилили жрецы и которымъ гадали о будущемъ. Гаданіе конемъ и по-нынѣ живетъ въ суевѣріяхъ русскаго народа. Конь воинственнаго божества балтійскихъ Славянъ, какъ извѣстно, соответствуетъ Слейпниру, коню сѣвернаго Одина.

Пахарь, къ которому пришли чешскіе послы, назывался *Премысль* (Prmysl — Перемысль — отъ слова *мысль*, какъ индійскій Ману — отъ *Ман* — думать, откуда съ *джа* — рожденный *Ма-*

муджа — рожденный отъ Ману, то-есть, человекъ вообще; *мужъ* по древнему: *манжъ*, нѣм. mensch. Премысль находится при *Бьлой*, то-есть, *Священной воды*; мѣсто *стадице* есть нечто иное, какъ уменьшительное отъ *стадо*, и указываетъ на связь занятій пахари съ занятіями пастуха, какъ это явствуетъ и изъ дальнѣйшаго хода разсказа.

Прежде нежели Премысль отправился съ послами, сталъ обѣдать, положивъ на свою соху — на этотъ желѣзный столъ — *сыръ* и *лѣбъ*, произведенія быта пастушескаго и земледѣльческаго, а быки, которыми онъ пахалъ, поднялись на воздухъ, и потомъ опустившись, скрылись въ расщелинѣ скалы, которая принявъ быковъ, сомкнулась.

Быки Премысла, можетъ-быть, соотвѣтствуютъ козламъ, на которыхъ ѣздятъ Торъ, этотъ скандинавскій Перунъ. Скалы же, скрывшія быковъ Премысла, могутъ быть сближены съ Великанами Скаль, врагами земледѣлія, противъ которыхъ выступаетъ Торъ съ своимъ молотомъ:

Послы надѣли на Премысла княжеское одѣяніе, но онъ въ знакъ своего крестьянскаго происхожденія взялъ съ собою свои *лапти*, которыя, какъ національная драгоценность, до позднѣйшаго времени свято хранились. Польскія сказанія подобное же преданіе приписываютъ Пясту, который въ лаптяхъ вступилъ на княжескій престолъ. Сверхъ того между древнѣйшими князьями Польши является то же Премысль.

Подчиненіе Любуши власти мужа повторилось въ послѣдующей затѣмъ исторической баснѣ о побѣдѣ Премысла надъ Властою и надъ всѣмъ ея дѣвпчимъ ополченіемъ.

Въ мифѣ о Премыслѣ — каково-бы ни было его древнее, чисто мифологическое значеніе — нельзя не видѣть слѣдовъ того древняго обычая, который по свидѣтельству Мавроурбина до его времени совершался въ Каринтіи при постановленіи новаго герцога, то-есть, *восводы* или *князя*; поставляемый долженъ былъ въ крестьянской одеждѣ выйти на лугъ, около крѣпости Св. Вита (Свѣтовита). Тамъ на большомъ четырехугольномъ камнѣ сидя дождался его поселянинъ, держа на правой сторонѣ черную корову, а на лѣвой кобылу. Поставляемый герцогъ долженъ былъ, по заведенному обряду, у поселянина купить эту корову и кобылу, какъ-бы въ символъ передачи власти надъ землею отъ поселя-

нина. Затѣмъ онъ выпивалъ изъ шляпы воды — обычай, можетъ-быть, имѣющій связь съ Бѣлою рѣкою Премысла (*).

Этотъ хорватскій обычай тѣмъ важнѣе для насъ, что и Лѣхъ и Чехъ, учредители быта земледѣльческаго въ Польшѣ и Богеміи, приходятъ изъ земли хорватской.

Теперь перейдемъ ко второй половинѣ исторической басни о Кракѣ, именно къ половинѣ польской.

Поляки, управлявшіеся самп-собою послѣ древняго Лѣха, однажды собрались на сеймъ при источникахъ Вислы (какъ-бы въ знакъ того, что судъ и правда должны рѣшаться при священ-ныхъ водахъ). Тамъ явился нѣкто, по имени *Кракъ* — по однимъ сказаніямъ пришедшій отъ Чеховъ (т.-е., самъ чешскій *Крокъ* — по другимъ сказаніямъ — оттуда же, откуда пришли нѣкогда древніе Лѣхъ и Чехъ, т.-е., изъ земли хорватской, отъ Карпатскихъ горъ). Этотъ Кракъ былъ избранъ княземъ, онъ построилъ городъ, названный по имени его *Краковою*, и далъ Полякамъ законы.

Во время княженія Крака, народъ терпѣлъ великія бѣдствія отъ страшнаго змія, гнѣздившагося въ пещерахъ горы, по имени *Вавель*. Онъ поѣдалъ скотъ и жителей. Какъ благодѣтель своего народа, подобно англо-саксонскому Беовульфъ, Кракъ спасъ свой народъ отъ этого чудовища. Зміи изведенъ былъ особенною хитростью. Нѣсколько шкуръ съ быковъ были начинены смолою и другими жгучими снадобьями и придвинуты къ змѣиной норѣ. Зміи сталъ пожирать эти начиненныя шкуры, которыя тотчасъ же въ утробѣ его воспалились, и онъ издохъ. Это польское преданіе нашло себѣ отголосокъ въ южнорусской сказкѣ о Кирилѣ Кожемякѣ, который, также прибѣгнувъ къ воспалительнымъ снадобьямъ, сокрушилъ лютаго змія, который пожиралъ народъ въ Кіевѣ (**). Этотъ Кожемяка, безъ-сомнѣнія, ведетъ свое сказачное происхожденіе отъ богатыря временъ Владиміровыхъ, который по ремеслу былъ то же Кожемяка, или по-старинному—Усмошвецъ, и который побѣдилъ печенѣжскаго великана.

У Крака было два сына и дочь. Сыновей звали — старшаго *Кракъ*, меньшаго *Льль* — это болѣе, какъ повтореніе уже

*) См. Мавроурбина книга исторіографіи, въ русскомъ переводѣ, изд. въ СПб. въ 1722.

**) Кулища «Записки о Южной Руси» 1857 г. Ч. 2, стр. 27 и слѣд. Слнч. также пѣсни древней Эдды и Муромск. Легенд. въ 1-ой части Историческихъ Очерковъ Русск. Народн. Литературы. стр. 268 и слѣд.

прежнихъ именъ и лицъ. Единственное прибавленіе состоитъ въ томъ, что *Льхъ*, желая единой державы, убилъ своего старшаго брата, и за то былъ изгнанъ изъ Польши, и, подобно нашему Святополку-Окаянному, скитался по разнымъ странамъ, не извѣстно гдѣ и какъ погибъ.

Дочь стараго Крака и сестру этихъ братьевъ звали *Вандою*. Эта личность, безъ-сомнѣнія, мѣстическая. Относительно исторической басни польская Ванда соотвѣтствуетъ чешской Любушѣ. Она также дочь Крака и управляла своимъ народомъ. Сверхъ того въ баснѣ о ней очевидны слѣды чешскаго преданія о дѣвичьемъ ополченіи, подъ предводительствомъ Власты: такъ-что, польская Варда соединяетъ въ себѣ чешскую Любушу и Власту. Если Ванда не отличалась вѣщею силою, за то была знаменита своею ослѣпительною красотою, а также добрымъ и мудрымъ управленіемъ. Какъ сѣверная Брингильда, она дала обѣтъ безбрачія, или какъ супруга нашего Дуная, и вѣроятно только въ случаѣ побѣды—какъ Брингильда и русская героиня—предалась-бы во власть мужа. Въ ея землю вступилъ нѣкоторый Алеманскій князь, по имени Ритогаръ. Пѣненный красотою Ванды, онъ—подобно древлянскому князю Малу—неоднократно черезъ пословъ просилъ Ванду себѣ въ супруги. Но воинственная дѣва, отвергая всѣ предложенія, мужественно вооружилась съ своимъ войскомъ противъ Алеманскаго князя. Войско Алемановъ, видя предъ собою прекрасную воинственницу, будто пораженное *лучами солнца*, отступило, а предводитель Алемановъ, воскликнувъ «да здравствуетъ Ванда *на морь*, Ванда *на землю*, и Ванда въ *воздухъ*»—поразилъ себя мечомъ, будто принеши себя въ жертву, предъ лицомъ *божества, воды, земли и воздуха*. Послѣ того, подобно нашей Ольгѣ, Ванда сотворила по убитомъ Алеманскомъ князѣ торжественную тризну, сопровождая ее жертвоприношеніемъ. Какъ божество стихійное, Ванда кончаетъ свою жизнь, бросившись въ воды Вислы. Если въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, эта героиня польскаго эпоса напоминаетъ намъ сказку объ Ольгѣ и пѣсню о Дунаѣ и его воинственной супругѣ, то по стихійному характеру божества, она не только Русалка, то-есть, божество рѣчное и вообще водное, но и Вила—божество воздушное—*Ванда въ воздухъ*. По своему божественному характеру, она соотвѣтствуетъ чешской жрицѣ Теткѣ, учредившей культъ божествамъ лѣса, воды и горъ. Сходствуя съ супругою Дуная воинственнымъ героизмомъ, Ванда испытала общую участь съ Дунаемъ, который по нашимъ

пѣснями, по кончивъ своей жены бросился въ Дунай: «Потому быстрая рѣка Дунай словеть — своимъ устьемъ впаде въ ширее море».

Я останавливаюсь только на древнѣйшихъ и по преимуществу мнѳологическихъ элементахъ чехо-польской исторической баснѣ, оставляя позднѣйшее и дальнѣйшее ея развитіе у лѣтописцевъ чешскихъ и польскихъ. Уже самая мнѳологическая основа, обладая у Чеховъ и Поляковъ съ пѣснями и сказаніями русскими, ставитъ въ обязанность историку русской литературы коснуться этой богатой обще-славянской или все-славянской почвы, для того, чтобы на твердыхъ и широкихъ основахъ вести изученіе русской народнои словестности, столь обильной въ своемъ мѣстномъ или областномъ развитіи.

Сравнительное изученіе нѣмецкихъ нарѣчій было одною изъ самыхъ главныхъ причинъ блистательной разработки литературы нѣмецкой, и пока нѣмецкіе ученые не изслѣдовали эпоса сѣвернаго и англо-саксонскаго, до-тѣхъ-поръ не могли по достоинству оцѣнить и своей, собственно нѣмецкой поэзіи, въ пѣсняхъ о Нибелунгахъ, въ эпосѣ о Дитрихѣ Бернскомъ и проч. То же должно сказать и о словестности русской: пока своими древнѣйшими началами не будетъ она слита въ родственное цѣлое со всеми обще-славянскими поэтическими преданіями, до-тѣхъ-поръ будетъ лишена того живительнаго начала, которое во всякой народнои словестности идетъ отъ старины и преданія.

Наши предки въ XVII вѣкѣ и даже въ началѣ XVIII-го читали въ хроникахъ и повѣствовательныхъ сборникахъ многія изъ предложенныхъ мною здѣсь чехо-польскихъ сказаній, напримѣръ о Крокѣ, Лѣхѣ и Чехѣ, о Вандѣ; а теперь, когда чувствуется необходимость въ основательномъ изученіи родной старины, когда требуется отчетливость въ знакомствѣ съ элементами своей народности, — теперь, въ наше образованное время, мы, рускіе, подъ вліяніемъ интересовъ западныхъ, такъ удалились отъ мысли о общеніи съ родственными намъ славянскими племенами, что, вѣроятно многіе, не выскнувъ въ дѣло, почли-бы излишнею роскошью изученіе народнои русской словестности въ связи съ національными основами прочихъ славянскихъ племенъ. По-крайней-мѣрѣ нельзя довольно надивиться, какъ доселѣ эта самая простая мысль, столь понятная нашимъ предкамъ даже XVII вѣка — не приведена хотя сколько-нибудь въ исполненіе въ историческихъ опытахъ русской словестности. Несторъ, рассказывая о пораженномъ Святополкѣ-Окаянномъ, говоритъ:

«не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа Лядскую землю, гонимъ Божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню *между Ляхы и Чехы*, неспроверже злѣ животъ свой.» И такъ уже Несторъ хорошо зналъ о близкомъ родствѣ и географическомъ отношеніи *Ляховъ и Чеховъ*, представлявшихъ такое единство въ своихъ народныхъ преданіяхъ и старинѣ.—Но вотъ что особенно замѣчательно: родственная связь этихъ двухъ племенъ, развившаяся и въ языкѣ и поэзіи, — и теперь открываемая путемъ ученыхъ изслѣдованій — такъ нечужда была древней Руси, что пѣть Кіева, изъ южной Руси преданіе о ней далеко распространилось на новгородскій сѣверъ, — и даже въ настоящее время, въ Архангельской губерніи, простой народъ знаетъ имена этихъ племенъ, хотя и придаетъ имъ свое собственное значеніе, именно въ пословицѣ: *между Чехи и Ляхи* — употребляя ее въ смыслѣ: такъ и сякъ, ни дурно ни хорошо, ни причемъ *).

Въ этомъ, чисто народномъ свидѣтельствѣ тѣсной связи между сказаніемъ Нестора и простонароднымъ преданіемъ, сохранившимся въ архангельской пословицѣ, я нахожу самое законное оправданіе въ необходимости обще-славянскихъ основъ для исторіи русской словестности вообще, и особенно во внесеніи въ нее историческихъ басней чехо-польскаго эпоса.

---

*) См. Опытъ Областнаго Великоорусскаго Словари 1852,

ИСЛАМЪ.

III.

МОХАММЕДЪ.

ГЛАВА II.

Дополнительныя свѣдѣнія о рожденіи *Мохаммеда*. — Какія есть объ этомъ легенды у мусульманъ. — *Воспитаніе и развитіе* Мохаммеда. — Нѣкоторыя предзнаменованія, приписываемыя мусульманами его младенчеству. — Характеристика его на 25 году его жизни. — Его *женитьба и планъ религиозной реформы*. — Его задумчивость; его убѣжденія; его заблужденія: доходя почти до истины, увлекается собственнымъ интересомъ. — *Начало его поприща*: его энергія и успѣхи.

---

1. О РОЖДЕНІИ МОХАММЕДА.

Какъ мы могли видѣть изъ предыдущей главы, политическій и религиозный бытъ Востока или, вѣрнѣе сказать, Византіи, Персіи и Аравіи, въ исходѣ VI и началѣ VII вѣка, какъ будто направлялъ все событія къ *одному* великому дѣлу. Это одна величайшая изъ реформъ въ исторіи міра, — образованіе религіи и имперіи Сарациновъ. Зерно этого колоссальнаго событія скрывалось въ *чреслахъ Гашима* и воображеніе мусульманскаго поэта не останавливалось страхомъ постыднаго упрека, когда оно создало популярную нынѣ у «правовѣрныхъ» мысль, что 201 прекрасныхъ дѣвъ Хиджазскихъ, по какому-то преступнику, желали быть женами *Абдуллага*, отца Мохаммеда и 200 изъ нихъ умер

ли въ припадкахъ отчаянной, непризнанной любви, когда красавецъ, внукъ *Гашима*, женился на Аменэ, дочери *Вааба!*

Арабское или, говоря вообще, мусульманское воображеніе, пылкое, творческое, не менѣе какихъ либо другихъ воображеній, создало, вопитало и взлетѣло мысль о чудномъ рожденіи и происхожденіи своего великаго «пророка». Нѣкоторыя изъ этихъ фантастическихъ явленій такъ замѣчательны, что неизлишнимъ считаемъ сообщить о нихъ читателямъ: 1) *Свѣтъ* Мохаммеда или его *душа* создана была Богомъ за 424 тысячи лѣтъ до сотворенія міра! Этотъ свѣтъ былъ *разумный* и, до сотворенія міра, переходилъ отъ *пространства* въ *пространство*. Каждое пространство представляетъ предвѣчное царство Всемогущаго и носило имя его *атрибута*, какъ-то; *царство силы*, *царства величія*, *царство славы* и т. п. Въ каждомъ изъ двѣнадцати пространствъ онъ сіялъ по нѣсколько тысячъ лѣтъ и воспѣвалъ Бога гимнами, соотвѣтственными тому атрибуту, котораго имя носило пространство! Такъ просіялъ *разумный свѣтъ* до сотворенія Адама! Потомъ Всемогущій вложилъ его въ лоно Адамово. Въ чреслахъ его было создано сѣмя пророка, на челѣ его сіялъ пророческій свѣтъ. Адамъ передалъ это своимъ благочестивымъ дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ и праправнукамъ до *Абдуль-Мутталиба* и *Абдуллази* (см. *Халтулкулубъ*, гл. I). Мнѣ кажется, что все это создано персидскими или арабскими поэтами подъ вліяніемъ дошедшаго до нихъ ученія еретиковъ христіанскихъ первыхъ столѣтій.

2) Абдуль-Мутталибъ, дѣдъ Мохаммеда, видѣлъ будто-бы сонъ: «изъ чреслъ его тянулась *блѣлая цѣпь*, вскорѣ распавшаяся на четыре части, пзъ конхъ конецъ одной укрѣпился въ венитъ, конецъ другой — въ надиръ, остальные простерлись на востокъ и западъ. Удивленный Абдуль-Мутталибъ не успѣлъ еще обозрѣть эту цѣпь, какъ она превращается въ какое-то необъяснимое дерево, свѣжее, сремененное всевозможными плодами *ботаническаго міра* *). Подъ этимъ деревомъ стояли десять старцевъ съ свѣтлыми очами, привлекательной наружности; двое изъ нихъ, назвавъ себя Ноемъ и Авраамомъ, предсказали спящему:

---

*) Въ подлинникѣ буквально сказано: *'алеми-небдти*. 'Алемъ значитъ міръ, вселенная, *набатъ* — растеніе. Отсюда будто взято и искажено греческое слово *ботане* (тоже растеніе). Въ древнемъ и новомъ языкѣ арабскомъ отъ этого корня есть глаголъ въ разныхъ первообразныхъ и производныхъ формахъ; слѣдовательно это слово *чисто-селимическое*.

«Счастливымъ, Абдуль-Мутталибъ! Это древо представляеть благородный твой родъ, какъ въ восходящей, такъ и въ нисходящей линіи: онъ будетъ процвѣтать изъ вѣка въ вѣкъ, отъ народа въ народѣ, отъ колѣна въ колѣно». Одинъ Волхвъ мудрый къ которому обратился Абдуль-Мутталибъ растолковалъ сонъ такъ: «Изъ рода твоего скоро явится знаменитый человекъ, которому будутъ повиноваться и небесные ангелы и подземные духи и весь родъ человѣческій. Цѣль, видѣнная тобой, означаетъ ненарушимую твердость и силу его имперіи и могущества. Онъ возобновитъ исповѣданное Ноемъ и Авраамомъ правобѣрие; никто ему не можетъ противустать!»

3) Восторженный авторъ Мирхондъ пишетъ: «На челѣ солнца перомъ Меркурія написано *), что *Мертедъ*, сынъ Келали (38-й государь *Гилляридской* линіи въ Еменѣ, жившій сѣшкомъ за двѣсти лѣтъ до Мохамеда, по ихъ исторіямъ), однажды видѣлъ страшный сонъ, вслѣдствіе котораго лишился покоя. Но какъ онъ совсѣмъ забылъ содержаніе сна, то и некому было растолковать его. Однакожъ безпокойствіе продолжалось и мучимый имъ Мертедъ искалъ развлеченія. Однажды на охотѣ, быстроногая, прелестная газель увлекла его за собою. Ретивый дивный конь его мчался съ нимъ по горамъ и долинамъ, но тщетно: легкая газель была неуловима. Усталый, удаленный отъ всей свиты, потерявъ слѣды добычи, царь очутился у подошвы горы, одинокой, совершенно въ незнакомой сторонѣ, среди голыхъ скалъ повсюду, гдѣ не было и тѣни, чтобы укрыться отъ палящаго, знойнаго солнца. Въ глубинѣ ущелья Мертедъ замѣтилъ хижину и стремлясь полетѣть туда, въ надеждѣ услышать тамъ человѣческій голосъ и найти убѣжище подъ кровомъ этого жилища. Въ дверяхъ избушки его привѣтствовала старуха и какъ усталого просила его къ себѣ на отдыхъ. Привязавъ коня, онъ вошелъ въ ветхую хижину и едва лишь ступилъ въ нее, какъ одолѣлъ его сонъ и онъ тотчасъ заснулъ на первой попавшей ему подушкѣ. Крѣпко и долго спалъ онъ и только сильная жажда разбудила его. Лишь только онъ открылъ глаза, увидѣлъ предъ собою прелестную, очаровательную дѣвицу. Щеки ея напоминали своей свѣжестью, описаніе райской розы; ароматы отъ роскошно-вьющихся ея кудрей возлѣтали

*) Хочетъ сказать: «левая какъ солнце» между Арабами. Притомъ авторъ употребляетъ выраженія мифологическія, сообразно съ исповѣданіемъ звѣдопоклонниковъ.

объ *иремскиахъ* *) благоуханіяхъ, — и въ довершеніе всей красоты, она держала передъ нимъ кубининъ съ прохладнымъ питьемъ, провознося его имя. Очарованный, опъ съ трепетомъ спросилъ ее, кто она? — «Успокойся государь, отвѣчала она. Прими питье и утоли свою жажду... Ты не знаешь меня, но я давно тебя знаю. Ты былъ смущенъ сновидѣніемъ; забылъ этотъ сонъ; никто изъ волхвовъ твоихъ не могъ растолковать его тебѣ, а теперь ты думаешь обо мнѣ...» Призракъ-ли она, первъ, или смертная?.. О, еслибъ смертная!.. думалъ очарованный Мертедь. «Ты думаешь предложить мнѣ свое сердце, — говоритъ красавица. — Меня зовутъ *Уфейра*. Я невѣста того, который слишкомъ страшенъ для тебя. Если ты попытаешься овладѣть мною, то гибель твоя неизбѣжна». Удивленный и утраченный Мертедь могъ только просить ее разказать ему содержаніе его сна. «Ты видѣлъ, — сказала Уфейра, — страшный ураганъ. Все небо было во мглѣ и дымъ разстилался отъ горизонта до безконечности; но тамъ и сямъ пылали огни. Въ хаосѣ этомъ ты услыхалъ голосъ у журчащей воды, прозрачной, чистой какъ душа поэта. То былъ голосъ призывающій смертныхъ вкушать ту воду, обѣщая спасеніе и угрожая гибелью отвергающимъ призывъ».

Мертедь припомнилъ, что все это онъ видѣлъ такъ: и ураганъ, и дымъ, и огонь и всесвѣтнѣе возненіе; но не могъ понять, что все это значить и сбудется ли то, и, если сбудется, то когда, — ему хотѣлось знать, и онъ просилъ красавицу объяснить ему. «Не при тебѣ это будетъ, сказала Уфейра; но все это будетъ, и будетъ гораздо позже. Ураганъ и дымъ означаютъ всеобщее возстаніе. Возстанутъ царства на царства, народъ на народъ. Пылающій тамъ и сямъ огонь означаетъ неизбѣжныя войны. Наконецъ явится пророкъ и возвѣститъ о правовѣрїи, — что и означаетъ чистая вода; цари и народы преклонятся предъ нимъ, но горе тѣмъ, кто станетъ ему противиться». Затѣмъ Мертедь дѣлаетъ ей еще нѣсколько вопросовъ и на всѣ получаетъ удовлетворительныя отвѣты. День склоняется къ вечеру; приѣзжаетъ свита царя — и зрѣлище измѣняется. Мирхондъ, котораго подробное изложеніе мы сократили, оканчиваетъ свой разказъ тѣмъ, что это сказаніе, говорятъ

*) *Иремъ* значитъ баснословный рай, о которомъ говорится въ Коранѣ (см. Сура 89 стихъ 6).

онъ, сохранилось у Арабовъ какъ любимый анекдотъ, посвященный памяти Мертеда *).

4) Подобный же сонъ видѣлъ одинъ изъ правителей Емена, по имени *Ребіз'* сынъ *Насра*. Точно такимъ же образомъ онъ растолкованъ былъ тогдашнимъ знаменитымъ волхвомъ *Сатимомъ*. Тутъ также играютъ роль и всеобщее возстаніе и появленіе Мохаммеда и прусиѣніе его религіи. Только здѣсь *Сатимъ* описанъ какъ великій волхвъ, вѣрующій въ единого Бога, безпрестанно пророчествующій о будущихъ событіяхъ. Его убѣдительныя слова такъ подѣйствовали на Ребізъ, когда онъ клялся «*красною конца дня и чернотою сердца ночи*», что Ребізъ тотчасъ же увѣровалъ въ воскресеніе мертвыхъ и въ пророчество Мохаммеда.

5) Въ день сочетанія Абдуллаха съ Эмине, матерью Мохаммеда, случилось тысячи чудесъ! Въ числѣ ихъ были слѣдующія: текуція воды остановились; архангелъ Гавріилъ, сопровождаемый сонмами ангеловъ, утвердилъ *зеленое знамя* Моххамеда на кровлѣ храма Мекки и всѣ идолы, сколько ихъ ни было въ капищахъ, упали!

Кромѣ того, и прозанки, и поэты, по слѣдамъ которыхъ мы доходили до первыхъ вѣковъ Ислама, пишутъ о разрушеніи многихъ капищъ въ минуту рожденія Мохаммеда; о сильномъ потрясеніи дворца Хозроя I-го въ *Меданль*, причемъ разрушилось четырнадцать колоннъ; объ уничтоженіи цѣлаго озера не вдалекѣ

---

*) Можно допустить существованіе подобнаго анекдота между Арабами о сновидѣніи Мертеда, на томъ основаніи, что Мертедъ, какъ и прадѣдъ его *Келяль*, вѣроятно былъ христіанинъ (Испагани говоритъ, что Келяль исповѣдывалъ вѣру Христову); слѣдственно, или онъ самъ могъ видѣть во снѣ что-нибудь подъ вліяніемъ чтенія Апокалипсиса (гл. 22, 1—17), гдѣ рѣчь идетъ о водѣ жизни, обѣщанной Спасителемъ, — или, прилежно и внимательно читая Откровеніе Іоанна Богослова, часто говорилъ объ нихъ въ увѣщаніи язычниковъ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ сновидѣніи много сходнаго съ приведеннымъ мѣстомъ въ Апокалипсисѣ. Слова цѣпь, дымъ, ураганъ, огонь, — все это принадлежитъ Апокалипсису, и даже древо со множествомъ плодовъ въ предъидущемъ предсказаніи. Если дѣйствительно Арабы, или по моему арабскіе христіане, ожидали пришествія Мохаммеда, — какъ увѣреть Мирхондъ, — то, конечно, его ждали по смыслу пророчества апокалипсиса, а не какъ пророка, и даже позднѣйшіе христіанскіе богословы-мистики старались найти въ апокалипсисѣ и Мохаммеда и Сарациновъ и Наполеона и Израиля Божія. Послѣдняя честь оставалась за Англичанами: я помню объ этомъ была издана особая брошюра въ Единбургѣ предъ самой послѣдней войной.

отъ города *Савэ*; о выступленіи рѣки Тигра изъ береговъ, и тому подобномъ.

Хосрой, уstraшенный такими предвѣщаніями, послалъ къ знаменитому *Сатыху*, уже едва дышащему отъ старости, просить объясненія *). Старецъ, будучи уже на краю гроба, и какъ будто только ожидавшій рожденія Мохаммеда, чтобъ умереть, сказалъ: «Абдуль-Маспхъ, посланный отъ царя Сасанидовъ, прибылъ къ Сатыху знать о причинѣ совершающихся чудесъ. И такъ, знай, что изъ дома Сасанскаго будутъ царствовать цари и царицы въ такомъ числѣ, сколько разрушено колоннъ дворца. Сначала будутъ царствовать съ перемежнымъ счастьемъ (буквально и такъ и сякъ), а потомъ и будетъ то, что будетъ..» Съ этими словами Сатыхъ испустилъ духъ, говорятъ восточные писатели.

Къ этимъ легендамъ можно было бы прибавить и много другихъ, какъ-то: Мохаммедъ при рожденіи своемъ былъ объятъ свѣтымъ свѣтомъ, предъ которымъ блѣднѣлъ дневной свѣтъ; тотчасъ по рожденіи онъ упалъ на колѣни и съ лицомъ, обращеннымъ къ небу, сказалъ на чистомъ арабскомъ языкѣ: «Богъ великъ; нѣтъ другаго Бога, кромѣ Аллаха и я его посланный!» и т. п. Если татарскія легенды приписываютъ подобныя чудеса своему *Оузъ-Хану*, то странно-ли ихъ читать у Арабовъ въ отношеніи къ ихъ пророку.

Аменэ, мать Мохаммеда, происходила также въ прямой линіи отъ Келяба, праправнука *Гкорейша*, и въ такомъ же колѣнѣ, какъ по другой прямой же линіи, происходилъ Абдулахъ *Земръ*, и *Гкоса*, оба были родные братья, сыновья Келяба; первый былъ родоначальникомъ линіи, изъ которой происходилъ *Аменэ*; второй, родоначальникомъ линіи, изъ которой вышелъ *Абдулахъ*, который изъ среды многихъ арабскихъ красавицъ избралъ себѣ въ жены *Аменэ*, не смотря на то, что она не принадлежала къ Гашимскому дому (потому что Гашимъ происходилъ отъ *Гкосы*, брата *Зегпра*). Въ этомъ онъ руководствовался особымъ влеченіемъ сердца и внушеніемъ своего отца Абдуль-Мутталиба,

---

*) Сатыхъ здѣсь представляется Мохаммеданами какъ Симеонъ Богопримецъ, ожидавшій рожденіе Спасителя. Конечно, все это искажено. Разговоръ посла Хосроя съ Сатыхомъ на тогдашнемъ арабскомъ языкѣ досихъ-поръ сохраняется у мусульманъ, какъ будто подлинныя ихъ слова. (См. Мирхондъ, ч. 2, о рожденіи Мохаммеда.)

который, как увѣряютъ мохаммеданскіе писатели, въ отноше-
ніи судьбы будущаго своего внука всегда дѣйствовалъ по осо-
беннымъ влеченіямъ духа.

II. Воспитаніе и развитіе Мохаммеда.

Абдуль-Мутталибъ, какъ хранитель храма Мекки и всей дре-
ней святыни города *), слѣдственно и правитель города и ста-
рѣйшина сильнаго и просвѣщеннаго поколѣнія Гкорейскаго,
имѣлъ тогда большое значеніе въ политическомъ быту Аравіи.
Это было вскорѣ послѣ извѣстной побѣды, которую Меккинцы
одержали надъ правителемъ Емена со стороны Неджаши, Ео-
пскаго государя, не задолго до сего завладѣвшаго южною Ара-
вією, побѣды, которой исламъ приписываетъ столько чудесъ.
Любимый всѣмъ народомъ вождь Мекки, рассматривается какъ
благословенный небомъ. Онъ былъ отецъ многочисленнаго се-
мейства. Десять сыновей (по указанію нѣкоторыхъ 12), изъ ко-
торыхъ отецъ Мохаммеда былъ восьмой, по старшинству **), и
шесть дочерей съ ихъ мужьями составляли домъ тогдашнихъ
Гашимидовъ. При женитбѣ Абдуллаха отецъ его былъ уже въ
глубокой старости и говорятъ, что новобрачный былъ изъ всѣхъ
сыновей самый любимый. Аменэ, вскорѣ послѣ беременности ли-
пилась своего обожаемаго мужа ***) и осталась въ домѣ своего
дряхлаго тестя, подъ его попеченіемъ.

Когда родился Мохаммедъ, то по существовавшему и нынѣ
существующему на Востокѣ обычаю, младенца должны были от-
дать на воспитаніе. Здѣсь опять нѣкоторыя предзнаменованія
заставили Абдуль-Мутталиба выбрать воспитательницу изъ поко-
лѣнія *Бени-Са'нда*. *Хелимэ*, женщина изъ этого поколѣнія, въ

---

*) Въ храмѣ Меккѣ хранились, говорятъ, стрѣлы и лукъ *Исмаила* и зна-
мя *Незара*, внука *Аднана*, извѣстнаго героя Арабовъ. Обѣ эти драгоцен-
ности между прочими другими, вмѣстѣ съ *ключемъ Ка'абы*, переходили изъ
рода въ родъ и находились подъ особеннымъ попеченіемъ хранителей хра-
ма (Мирхондъ, ч. II, стр. 8). Нѣкоторые прибавляютъ къ этимъ рѣдкостямъ
еще Авраамову рубашку, Сиоовы башмаки и Поево кольцо (Хейтуль-Гку-
любъ, гл. 2).

**) Иные считаютъ его самымъ младшимъ, но я слѣдовалъ во всемъ
Мирхонду, позднѣйшему изслѣдователю исторіи Азіи.

***) По другимъ — вскорѣ послѣ рожденія Мохаммеда. Я взялъ свое
показаніе изъ словъ Абдуль-Мутталиба, приведенныхъ Мирхондомъ (ч. 2,
стр. 5).

числѣ многихъ другихъ, искавшихъ по обычаю *) принять новорожденныхъ на воспитаніе, прибыла въ Мекку. Абдуль-Мутталибъ искалъ кормилицу; многихъ видѣлъ онъ, многихъ рекомендовали, многія просились, но выборъ его, по какому-то инстинкту, палъ на Халимэ. Наружная причина, на которую ссылаются легенды мусульманскія, была та, что когда Абдуль-Мутталибъ услышалъ отъ Халимэ ея имя и имя ея поколѣнія, тотчасъ же рѣшился выбрать ее въ кормилицы, потому что въ этихъ именахъ онъ видѣлъ предзнаменованіе будущности своего внука: ибо корни словъ, изъ которыхъ составлены эти имена (*Хильмэ, са'дэ*) значатъ *кротость* и *счастье*.

Младенецъ былъ разлученъ съ матерью и находился въ ковчѣ Бени-Са'нскомъ, съ своей воспитательницею, въ сорока верстахъ отъ Мекки. Онъ росъ подъ чистымъ небомъ въ шатрѣ, часто навѣщаемый своимъ дѣдомъ Абдуль-Мутталибомъ. Здѣсь также совершилось съ нимъ много чудесъ и одна легенда такъ замѣчательна, что нельзя умолчать о ней. Когда Мохаммеду было три-четыре года отъ роду, онъ былъ увлеченъ своими молочными братьями, сыновьями Халимэ, въ одно поле у подошвы горы, гдѣ они обыкновенно пасли овецъ. Вдругъ являются два человѣка въ бѣлой одеждѣ, берутъ младенца Мохаммеда и бросаютъ его на землю; разрѣзываютъ ему животъ или грудь и вынимаютъ его внутренность. Старшій братъ, Хамзэ, испуганный зрѣлищемъ, убѣжалъ домой къ матери и рассказалъ ей объ этомъ ужасномъ происшествіи, прибавляя, что Мохаммедъ нисколько не плакалъ во время операціи. Халимэ съ мужемъ своимъ стремительно бѣгутъ на пастбище и находятъ младенца на горѣ обращеннымъ лицомъ къ небу. При распросѣ, изъ рассказовъ его узнаютъ, что два ангела прилетали съ неба, разрѣзали ему безъ всякой боли, его животъ, вынули всю внутренность, обмыли ее, *выжали изъ его сердца каплю первобытнаго грѣха*, вложили все опять на свое мѣсто, заживили рану и улетѣли. Рассказъ младенца привелъ слушателей въ смущеніе; мужъ Халимэ заключилъ изъ этого, что ребенокъ одержимъ бѣсомъ. Такъ распространился слухъ въ племени Бени-Са'ида и Халимэ принуждена была возвратить ребенка его матери.

---

*) Онѣ приходили въ Мекку и въ Медину изъ разныхъ мѣстъ каждое воскресенье (этотъ день былъ всегда у нихъ день торговли и спекуляціи, — почему до-сихъ-поръ у Турокъ и Татаръ воскресенье называется *базаръ-дани*, т. е., день базара), для присканія мѣстъ въ услуженіи.

О вскрытіи живота или груди Мохаммеда у мусульманъ есть различныя рассказы; главная идея ихъ — очищеніе *отъ первоюроднаго грѣха*.

Авторъ *Хейтуль Гкулуби*, собранія легендъ мусульманскихъ о Мохаммедѣ, увѣряетъ насъ, что когда Мохаммеду минуло три мѣсяца отъ роду, онъ могъ сидѣть; когда ему было девять мѣсяцевъ — онъ ходилъ; когда десять — онъ пасъ съ молочными своими братьями стада; когда пятнадцать — онъ забавлялся стрѣльбою изъ лука вмѣстѣ съ мальчиками кочевья; а въ тридцатимѣсячномъ возрастѣ онъ уже *боролся!*

Какъ-бы то ни было, Мохаммедъ оставался въ кочевьѣ Бени-Са'ида до четырехлѣтнаго возраста, иные говорятъ до пятилѣтняго. Когда онъ былъ возвращенъ матери и жилъ подъ попеченіемъ своего дѣда, жизнь его нѣсколько разъ была въ опасности, по словамъ писателей легенды, отъ преслѣдованія то волхвовъ, то жидовъ меккскихъ, которые будто бы предвидѣли опасности, которыми грозилъ имъ будущая судьба сверхъестественнаго младенца; почему Абдуль-Мутталибъ часто принужденъ былъ держать своего любимаго внука взаперти.

Я избавлю читателей отъ чтенія пророчествъ или предсказаній о рожденіи и призваніи Мохаммеда, но упомяну объ одномъ отрывкѣ изъ древняго арабскаго языка, который относятъ къ VI столѣтію до Мохаммеда или къ II по Р. Х. Это будто бы слова, произнесенныя *Ка'абомъ*, сыномъ *Луи*, внукомъ Гкорейша, читавшаго о Мохаммедѣ пророчества въ *книжѣ Авраамовой!* Этотъ отрывокъ, вѣроятно, составленъ въ I вѣкѣ ислама и имѣетъ свое литературное достоинство. Вотъ его переводъ:

«Манифестъ Ка'аба своему народу.

«Знайте, что (всегда) день свѣтлый, ночь мрачная, земля покрытая зеленью, небо, поддерживаемое нерукотвореннымъ сводомъ, вершины горъ и звѣзды небесныя, служація маяками для путешественниковъ; — древнсе и новое, — все подлежитъ однимъ законамъ: сочетаются позы, производять, растутъ, воштываются, берегутъ другъ-друга, наконецъ разрушаются. Не одинъ умершій не возвратился въ свѣтъ; улетѣвшая (пущенная) стрѣла не вернулась. Такъ непреложенъ промыслъ.

«Вотъ, предъ вами стоитъ храмъ Мекки; берегите этотъ храмъ и украшайте его заранѣе: туда призоветъ Богъ своего пророка Мохаммеда, который возстановитъ истину, утвердитъ ее.... Отчего я не родился въ тѣ времена, чтобы имѣть возможность своею силою содѣйствовать его успѣхамъ!...

Когда Мохаммедъ пребылъ нѣсколько времени у матери, подъ надзоромъ своего престарѣлаго дѣда, матери его пожелали ѣхать въ Медину, чтобы повидаться съ своими родственниками со стороны отца, которые постоянно жили тамъ. По согласію и совѣту тестя она взяла съ собою своего сына съ приближенной служанкой, по имени Умм-Аймень. Мы не будемъ говорить о безпрестанныхъ чудесахъ, которыя сопровождали нашихъ путешественниковъ туда и обратно. На возвратномъ пути мать Мохаммеда на одной станціи заболѣла и умерла тамъ, оставивъ своего сына на попеченіи Умм-Аймень. Предавъ тѣло землѣ, служанка съ ребенкомъ продолжала путь до Мекки, гдѣ съ горестью встрѣтила ихъ Абдуль-Мутталибъ, узнавъ о новомъ несчастіи въ своемъ семействѣ. Мохаммеду тогда было шесть лѣтъ. Черезъ два года послѣ этого не стало и Абдуль-Мутталиба. Умирая, онъ выбралъ попечителемъ своему внуку изъ всѣхъ своихъ сыновей Абу-Талиба, седьмого по старшинству и вручилъ ему младенца. Счастливая наружность сироты, его умъ и способности, перетолкованныя впослѣдствіи въ чудеса, обратили на себя вниманіе его дяди, который, говорятъ, никогда отъ него не отлучался. Такимъ образомъ Мохаммедъ находился на попеченіи Абу-Талиба до двадцатипятилѣтняго своего возраста.

Торговля Аравіи тогда сосредоточивалась въ Меккѣ; она была въ рукахъ Гкорейшпдовъ, образованнѣйшаго поколѣнія на всемъ полуостровѣ. Они имѣли сношеніе съ Сирією, Египтомъ и Византією. Емень, тогда подвластный Египтскому государю, съ древнихъ временъ былъ тѣсно связанъ по торговлѣ съ Африкою и Индією. Слѣдственно Мекка, по тогдашнему значенію своего храма и по своимъ дѣламъ съ югомъ, сѣверомъ и внутренностью Аравіи, играла важную роль. Чаше всего Гкорейшпдскіе купцы ѣздили въ Сирію, гдѣ сосѣдніе, образованные народы Греки и Персы сѣзжались для разнѣна наличныхъ товаровъ, стало быть болѣе или менѣе приманивали къ себѣ и Арабовъ. вмѣстѣ съ Гкорейшпдскими купцами туда ѣздилъ иногда и Абу-Талибъ, дядя и опекунъ Мохаммеда, предводитель Гкорейшпдовъ, хранитель Мекки.

На тринадцатомъ году своего возраста Мохаммедъ сопутствовалъ Абу-Талибу въ одномъ изъ его путешествій въ Сирію. Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи онъ отправился съ другимъ своимъ дядей Аббасомъ въ Емень, а потомъ чрезъ нѣсколько времени опять въ Сирію. Въ этотъ разъ въ караванѣ находился и Абу-Бекръ, впослѣдствіи первый изъ четырехъ халифовъ.

Хотя мусульманскіе историки большинствомъ говорятъ, что до двадцатипятилѣтняго возраста Мохаммедъ путешествовалъ только одинъ разъ, и то только въ Сирію, но множество преданій о чудесахъ его въ юности его и разныхъ анекдотовъ относительно его свиданій съ еврейскими и христіанскими учеными и съ вождями доказываютъ, что Мохаммедъ и до двадцатипятилѣтняго возраста много видѣлъ, много слышалъ и много зналъ о своемъ отечествѣ. Доказательствомъ тому, между прочимъ, служить и то, что Мохаммедъ, будучи двадцатипяти лѣтъ, когда познакомился съ *Хадиджэ*, (впоследствии его женою), былъ такъ опытенъ въ дѣлѣ торговли, такъ хорошо понималъ нужды края и обороты торговые, что въ три года составилъ огромный капиталъ своей благодѣлительницѣ, которая, въ признательность за это отдала ему свою руку.

Изъ всѣхъ разсказовъ мусульманскихъ писателей, относительно юности Мохаммеда можно вывести слѣдующее заключеніе: онъ былъ дѣйствительно весьма способный, впечатлительный и чрезвычайно счастливый юноша. Что касается до чудесъ, то разсказы о нихъ общи всѣмъ народамъ, и имѣютъ много сходнаго повсюду. Эта слабость людей заключается во всѣ вѣки а во всѣхъ слояхъ общества. Мы часто слышали разсказы о фокусникахъ; разсказчики, называя ихъ тутъ же *фокусниками*, до того однако забываются въ своихъ восторженныхъ описаніяхъ ихъ чудесъ, что не различаютъ самой очевидной лжи отъ истины. Въ дѣлѣ вѣры и суевѣрія воображеніе дѣйствуетъ еще сильнѣе; сказка переходитъ изъ устъ въ уста и не далѣе, какъ въ четвертомъ или пятомъ колѣнѣ она принимаетъ характеръ чуда. Такъ было и съ Мохаммедомъ.... Не сомнѣваюсь, что онъ съ самыхъ младенческихъ лѣтъ обратилъ на себя вниманіе его окружающихъ какъ своими быстрыми способностями, такъ и оригинальностью своего характера; притомъ, онъ былъ, по всѣмъ описаніямъ, весьма привлекательной наружности. Несмотря на то, что общій голосъ всѣхъ писателей говоритъ, что онъ былъ безграмотный, *) но это не мѣшало ему удовлетворить свое любознаніе разными практическими изслѣдованіями. Одаренный огромной памятью, и сильной способностью мышленія, сосредоточеннымъ характеромъ, молчаливымъ и задумчивымъ — конечно, онъ не могъ быть

---

*) Сколько это ни покажется невѣроятнымъ, но одинъ изъ его эпите-товъ, какими величали его современники, былъ *Аль-уммій*, т. е., *безграмотный*.

замѣченъ всѣми и каждымъ. Печальное положеніе религіи, въ которой онъ былъ рожденъ, заставило его предаться изысканію той истины, на которой основаны всѣ религіи. Эту истину составляла идея о *Богѣ*, — объ единомъ Богѣ, который послѣ, по произволу смертныхъ, какъ бы распался на множество боговъ.

Когда Мохаммеду было четырнадцать лѣтъ, онъ уже гнушался идоломъ и никогда не поклонялся имъ. Это одно, конечно, могло обратить вниманіе многихъ на юношу. Когда онъ встрѣчался съ іудеями, христіанами и магами, то постоянно говорилъ, спорилъ съ ними о предметахъ вѣры и повѣрій, — это другая причина, которая не менѣе первой могла обратить на него вниманіе, и вниманіе общее. Такія бесѣды Мохаммеда послѣ были перетолкованы и выданы за чудеса. Въ легендахъ о Мохаммедѣ мы находимъ рассказы о его свиданіяхъ съ іудейскими раввинами и христіанскими монахами, особенно во время его путешествія въ Сирію. Въ первое путешествіе, когда ему только что минуло тринадцать лѣтъ, онъ видѣлся на пути, недалеко отъ Басрѣ, съ однимъ монахомъ, по имени *Бахиръ*, который, вѣроятно, по обыкновенію, подходилъ къ каравану и просилъ подаванія. Конечно, столь умный, смѣлый и развязный юноша, какимъ былъ Мохаммедъ, обратилъ на себя вниманіе монаха, который изъ распросовъ замѣтилъ въ немъ быстрыя способности и можетъ быть *предрекъ ему счастливую будущность*, изъ лести ли, или въ порывѣ восторга, совсѣмъ безсознательно — и это предреченіе было лестно всѣмъ окружающимъ Мохаммеда, тѣмъ болѣе для его дяди и впослѣдствіи имѣло большое вліяніе на развитіе самолюбія. Вотъ легенда, въ которой рассказываетъ объ этомъ будто самъ Абу-Талибъ: «когда нашъ караванъ приближался къ городу Басрѣ, мы замѣтили издали, что стоявшая вдалькѣ хижина одного христіанскаго отшельника движется, и прямо къ намъ *). Когда она приблизилась и остановилась у каравана, изъ нея вышелъ монахъ, именемъ *Бахиръ*. Монахъ этотъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что никогда ни съ кѣмъ не говорилъ и никому не показывался. Когда онъ замѣтилъ, что его хижина тронулась съ мѣста и направилась къ каравану, то онъ догадался, что тутъ въ числѣ путешественниковъ долженъ быть пророкъ. Выйдя изъ хижины, онъ прямо подошелъ къ Мохаммеду и сказалъ ему: «Если правда все, что я читалъ, все, что я слышалъ, то это

*) Это еще ничего: обманъ зрѣніи въ этомъ случаѣ легко могъ помочь воображенію.

ты, а никто другой!...» Караванъ остановился. Вблизи того мѣста, гдѣ стояла хижина, возвышалось до неба огромное дерево; но оно было сухое, безъ листьевъ. Мохаммедъ пошелъ и сѣлъ подъ нимъ; дерево прозеленѣло и раскинулось на множество свѣжихъ вѣтвей, изъ коихъ лучшія наклонились на Мохаммеда и обѣнили его. Дерево принесло различные плоды и лѣтніе и зимніе, и такое чудо не могло не удивить всѣхъ въ караванѣ, но не дивился тому самъ монахъ. Бахирэ испросилъ у Абу-Талиба позволеніе поднести юношѣ что-нибудь изъ имѣющаго у него запаса. Получивъ позволеніе, онъ принесъ, что имѣлъ у себя въ хижинѣ, Мохаммедъ спросилъ его: «для меня ли это одного или для всѣхъ?» Монахъ отвѣчалъ, что у него болѣе ничего нѣтъ, а въ караванѣ людей много; впрочемъ, какъ будетъ ему угодно поступить съ принесеннымъ. Тогда Мохаммедъ призвалъ имя *Аллаха единого* — и мы все ѣли до-сыта. Насы было 170 человекъ въ караванѣ; когда всѣ уже насытились, принесеніе монаха очутилось въ цѣлости, нетронутымъ!...*) и проч. и проч.

Странно тутъ одно. Мусульмане, приписывая подобныя чудеса Мохаммеду со словъ его для, въ тоже время сомнѣваются, чтобы Абу-Талибъ принялъ исламъ. Потому что, дѣйствительно Абу-Талибъ умеръ идолопоклонникомъ, и показаніе нѣкоторыхъ, что онъ, умирая, произносилъ символъ мусульманской вѣры, — основано на пристрастіи. Мы увидимъ это въ главѣ III этой статьи.

До двадцатипятилѣтняго возраста, Мохаммеда мы представляемъ какъ человека съ полной энергіей, изслѣдовавшаго вѣроисповѣданія, какія въ его время господствовали въ Аравіи и Сиріи. Переставъ быть въ душѣ идолопоклонникомъ и утвердивъ свое понятіе о единствѣ Бога, безъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ развивать его въ бесѣдахъ съ духовными лицами другихъ исповѣданій. *Сабизмъ* всего скорѣе долженъ былъ въ равныхъ его помышленіяхъ привлечь вниманіе и поколебать его первоначальное вѣрованіе. Тамъ ученіе о единобожїи составляло первую ступень въ переходѣ изъ худшаго къ лучшему. Стало быть, Сабизмъ, посвоему характеру, какъ смѣсь идолопоклонства, или

---

*) Безъ сомнѣнія, все это взято изъ евангельскаго чуда о насыщеніи Спасителемъ 5000 человекъ пятью хлѣбами и двумя рыбами; но здѣсь въ искаженномъ видѣ передано это чудо (Ев. отъ Маттея, гл. XIV, стр. 17—20).

лучше сказать звѣздопоклонства, то съ юдуизмомъ, то съ христіанствомъ (см. выше, гл. I, 3 о Сабинзмѣ), не могли миновать тщательнаго вниманія Мохаммеда. Но Мохаммедъ не могъ остановиться только на этомъ одномъ. Преданіе о происхожденіи Арабовъ отъ Измаила, равно какъ исторія домашняго быта Авраама, хранились въ народѣ почти согласно съ тѣмъ, что было у Евреевъ, въ-особенности сказаніе о томъ, что праотецъ Арабовъ былъ обиженъ меньшимъ своимъ братомъ, наслѣдовавшимъ его достояніе, — было красугольнымъ камнемъ вражды ихъ къ Іудеямъ. Несмотря на эту вражду, которую оба народа всасывали другъ-къ-другу съ молокомъ матери, и которая часто обнаруживалась въ исторіи ихъ политическаго быта *); отъ которой потерпѣла и личность самого Мохаммеда, — онъ вошелъ въ сношеніе съ ними и ревностно изучалъ ихъ вѣру и повѣрья. Съ большой охотой онъ бесѣдовалъ съ христіанскими монахами всѣхъ исповѣданій, или черезъ одного-двухъ, одного несторіанскаго, узнавалъ и о другихъ; потому что дальнѣйшія дѣйствія Мохаммеда въ возмужалой порѣ его убѣжденій, вызваны были противорѣчіями между ученіями христіанскихъ расколовъ, о которыхъ онъ не могъ бы и упомянуть, еслибъ не имѣлъ о нихъ свѣдѣній, — не только писать но и передать своимъ ученикамъ иногда въ подробности.

Отдѣляя всѣ сказанія мусульманъ о бесѣдахъ Мохаммеда съ христіанами и евреями отъ пространныхъ чудописаній, отъ украшеній, которыя могли быть созданы только мохаммеданскимъ воображеніемъ, и переносясь въ VII вѣкъ христіанства; идя съ Мохаммедомъ вмѣстѣ за изслѣдованіемъ вѣроисповѣданій, начиная съ идолопоклонства до христіанства; — легко можно представить, что могъ почерпнуть онъ изъ всего, когда это *все* было въ такомъ плачевномъ положеніи въ Аравіи и даже въ Сиріи! По моему убѣжденію, Мохаммедъ, оставъ отъ своей вѣры, вслѣдствіе сознательнаго воззрѣнія на ея положеніе, не могъ не искать истины, мы исторически знаемъ, — въ этомъ никто не противорѣчитъ намъ, — что Мохаммедъ началъ свои размышленія съ тринадцати-четырнадцатилѣтняго возраста.

---

*) Здѣсь рѣчь идетъ объ *Измаелитахъ*, о которыхъ сказано въ Св. Писаніи: «Ихъ руки будутъ подняты на всякаго человѣка, и руки всякаго человѣка будутъ подняты на нихъ (Кн. Бытія, XVI, 12). Это тишь ихъ жизни. Евреи, или лучше сказать Іудеи, ближе и сильнѣе другихъ должны были испытать это.

Итакъ, думаю, что основатель ислама въ первыхъ порахъ успѣховъ своихъ изслѣдованій остановился на *христіанствѣ*, гдѣ онъ нашелъ слѣды искомой имъ истины болѣе свѣжими, болѣе обѣщающими желанный исходъ. Онъ вѣрилъ религіи Иудеевъ, и смотрѣлъ на нее съ христіанской точки зрѣнія, и вѣрилъ Евангелію.

Вотъ начала, на которыхъ остановился Мохаммедъ въ первую пору своихъ изслѣдованій; позже, во-второмъ періодѣ своего поприща, онъ искашилъ ихъ, направилъ ихъ въ пользу своей системы и основалъ новую религію.

III. Женитьба Мохаммеда и новыя помышленія его.

Безпрестанныя жалобы Мохаммеда своему дядѣ о посѣщеніи его ангелами, о различныхъ видѣніяхъ во снѣ и на яву, до того возмутили сердце Абу-Талиба, что онъ призвалъ самыхъ искусныхъ врачей и совѣтовался съ ними о положеніи его здоровья. Здѣсь опять мусульмане представляютъ рядъ чудесъ, доказывающихъ, что юноша Мохаммедъ вовсе не былъ болѣнъ, а что происшедшее въ немъ было слѣдствіемъ таинственныхъ откровеній, еще непятныхъ ему самому. Стало быть, если выкинуть чудеса изъ этого показанія, то останется неоспоримый фактъ, что въ Мохаммедѣ было всегда въ это время какое-то душевное безпокойство, расположеніе къ хандрѣ, что дѣйствительно въ немъ постепенно развивалось до тридцатипятилѣтняго возраста. Начало этой болѣзни, какъ конецъ ея доказываетъ, скрывалось въ усиленныхъ религіозныхъ размышленіяхъ, которыя, какъ замѣчено выше, не переставали сопутствовать Мохаммеду съ той минуты, когда онъ пересталъ быть идолопоклонникомъ, и которыя, по своему достоинству, тогда были еще чисты. Но все это постепенно измѣнилось къ худшему и худшему, какъ измѣняется чувство религіознаго человѣка при переходѣ въ грубокое *ханжество*. Это тоже родъ болѣзни. Чѣмъ ханжа старѣе, тѣмъ становится жалче, тѣмъ грустиѣе его положеніе. Хотя сравненіе слишкомъ рѣзко, но я привелъ это для поясненія перехода чувства изъ лучшаго въ худшее и наконецъ для показанія, какъ коснѣетъ чувство и убѣжденіе человѣка. Мохаммедовы убѣжденія не были шатки; онъ ихъ составлялъ самъ вслѣдствіе собственныхъ изысканій и подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Этого мало; онъ могъ

лхъ передавать другимъ и увѣрять ихъ въ истинѣ своихъ убѣжденій. Мы увидимъ это дагѣ; теперь будемъ продолжать свое знакомство съ Мохаммедомъ, не пренебрегая и приписанными ему чудесами: въ послѣднихъ почти всегда можно открыть какой нибудь историческій фактъ.

Когда минуло Мохаммеду двадцать пять лѣтъ, и онъ уже былъ знакомъ съ торговлею, дѣла Абу-Талиба пошли не такъ хорошо. По мнѣнiю Мохаммеданъ, такъ должно было быть, чтобы совершиться чуду; пускай будетъ такъ. Огорченный дядя жаловался племяннику на свои неудачи и предложилъ попробовать прибѣгнуть къ мѣрѣ, по его соображенiю почти невозможной, по крайней мѣрѣ сомнительной. Въ Меккѣ была одна богатая вдова, по имени *Хадиджа*, дочь *Ховеида*, которая давала деньги на торговые предпрiятiя, на выгодныхъ условiяхъ; но она была очень разборчива въ раздачѣ капитала; Абу-Талибъ этого-то и боялся. Когда онъ сообщилъ о своемъ планѣ Мохаммеду, то онъ спокойно и съ увѣренностью отвѣчалъ: «не безпокойся; она сама предложитъ.» Въ самомъ дѣлѣ, это было принято за чудо, когда посланные отъ Хадиджи объявили о готовности ея отпустить Мохаммеду вдвое болѣе капитала, чѣмъ когда нибудь она отпускала кому либо. Но какъ бы это ни произошло, Мохаммедъ поступилъ къ Хадиджѣ и съ-тѣхъ-поръ они не расходились.

Въ этомъ путешествiи Хадиджа назначила двухъ изъ своихъ приближенныхъ, а именно *Хазимъ*, своего родственника, и *Мейсеръ*, своего вѣрнаго слугу, сопутствовать Мохаммеду. Счастiе, какъ видно, на этомъ разѣ гораздо свѣтлѣе улыбнулось Мохаммеду, и онъ возвратился съ огромнымъ барышемъ. Люди Хадиджи, все время оставались довольными Мохаммедомъ; говорили предъ ней о его крайней честности, предпрiимчивости, заботливости, — и Хадиджа, увлекаясь какъ этими разказами, такъ и красотой и мужествомъ своего повѣреннаго, возмечтала о замужствѣ. Она была гораздо старше Мохаммеда и притомъ вдова, но считалась по своимъ лѣтамъ красивою еще женщиною, и главное—была умна и имѣла любящее сердце. Какъ видно, и Мохаммедъ самъ не былъ прочь отъ чести быть мужемъ самой богатой и знатной женщины между Гкорейшидами, тѣмъ болѣе, что родственники его говорили о сочувствiи къ нему Хадиджи, отказавшей многимъ искавшимъ ея руки; и его настоящее положенiе требовало уединенной домашней жизни, требовало друга, съ которымъ онъ могъ бы подѣлиться своими чувствами. Хадиджа въ этомъ отношенiи, по своимъ лѣтамъ, опытности и уму каза-

лась самой лучшей партіей. Скоро начались переговоры. *Нефисэ*, подруга Хадиджи, умная и смѣтливая женщина, была избрана со стороны ея для сватовства; дѣло было слажено согласно обычаямъ страны и скромная свадьба сыграна въ присутствіи Абу-Талиба и другихъ его братьевъ, со стороны Мохаммеда, и *Амра-бинъ Асэда*, дяди Хадиджи, и *Варакэ бинъ Науфелла*, одного изъ христіанскихъ ученыхъ, родственника невѣсты, со стороны послѣдней. Мохаммеду было отъ двадцати-пяти до двадцати-восьми лѣтъ отъ роду, когда онъ женился: показанія въ этомъ различны.

Все это представляется мусульманскими писателями какъ чудо, полное чудесъ. Напримѣръ, въ самое путешествіе Мохаммеда, Хезимэ и Мейсерэ были очевидцами, какъ вся природа повинновалась Мохаммеду, съ какимъ торжествомъ встрѣчали его восторіанскіе монахи, называя его *объщаннымъ пророкомъ*; какъ въ самое время его возвращенія въ Мекку, въ знойный день, онъ сопровождался облакомъ, осѣнявшимъ его; какъ Хадиджа, выѣхавъ ему на встрѣчу, увидѣла это и слышала видѣнное посланными отъ нея, и какъ она полюбила его и рѣшилась выйти за него замужъ, и т. п.

Оставимъ мусульманамъ ихъ легенды и сладкія мечты о чудесномъ пророкѣ и пойдемъ далѣе съ нимъ, какъ уже съ женою, самостоятельнымъ человѣкомъ. Въ любви почти сокоралѣтней Хадиджи *) къ своему молодому мужу нечего намъ и сомнѣваться. Эта несомненная и естественная любовь должна была сдѣлать изъ нея *все* — и жену, и рабыню, и прозелитку; для нея идья о Богѣ, о добродѣтели и *личность* Мохаммеда составляли все ея духовное и матеріальное достояніе; о Богѣ понятіе ея никогда не было ясно; о Мохаммедѣ оно было слишкомъ свѣтло, чтобы чрезъ его призму ей не разглядѣть призракъ непостижимаго и восклицать въ припадкахъ восторга: *«Твой Богъ есть мой Богъ; моя душа — жертва для тебя!»* **) Такая привязанность

---

*) По одному преданію, Хадиджа, при замужествѣ, имѣла 40 лѣтъ отъ рожденія; по другому — 28 лѣтъ; но первое считается достовѣрнѣе. Надо полагать, что Хадиджа, родившая Мохаммеду *шесть* *человѣкъ* дѣтей, не должна была при замужествѣ имѣть боаѣ 32—33 лѣтъ нашего астрономическаго лѣтоисчисленія, или около 35 лѣтъ мусульманскаго, *луннаго*. Во всякомъ случаѣ мы слѣдуемъ здѣсь смыслу перваго, общепринятаго, преданія. См. *Халтуль-Гкулубъ*. гл. V.

**) Такъ глаголетъ преданіе о принятіи Хадиджи ученія своего мужа (см. *Ибни-Хибанъ* въ его *Сахихѣ*).

Хадиджи также была вознаграждена особенною любовью и уваженіемъ къ ней ея мужа; это обнаруживалось впоследствии. Въ домашнихъ ссорахъ между женами пророка онъ всегда внушалъ въѣмъ прочимъ почтеніе къ ней; часто упрекалъ ихъ, что никто изъ нихъ не любитъ пророка, какъ любить его Хадиджа; никто изъ нихъ не родила дѣтей, какъ она родить, и предъ Богомъ никто изъ нихъ не сподобился той чести, которой сподобилась Хадиджа съ своей дочерью *Фатимой*: только онѣ двѣ удостоились собесѣдничества *Дьвы Маріи* и *Асіи*, жены Фараона въ раю *). Онъ также часто передавалъ Хадиджѣ, говодрить преданіе, привѣтствіе архангела Гавріила, всегдашняго посредника между Богомъ и пророкомъ, въ особености по возвращеніи его съ небснаго путешествія *Ми'раджъ* (см. ниже въ гл. III объ этомъ)!

Такая дружба, такая любовь Хадиджи много содѣйствовала Мохаммеду въ дальнѣйшемъ развитіи его замысловъ. Какъ мы замѣтили, Мохаммедъ часто предавался размышленіямъ, часто искалъ уединенія. Послѣ женитьбы эта душевная болѣзнь въ немъ усилилась и одно одиночество въ пещерѣ горы *Хэра* было единственнымъ его утѣшеніемъ. Туда онъ ходилъ почти каждый день и предавался своимъ думамъ и нерѣдко бралъ съ собою или жену свою или двоюроднаго своего брата *Али*, сына Абу-Талиба, двѣнадцатилѣтняго отрока, а иногда раба своего *Зеида*. Оставаясь одинъ въ пещерѣ, онъ часто говорилъ самъ съ собою, часто былъ устрашасмъ какими-то призраками, часто слышались ему какіе-то голоса, которые могъ слышать только онъ одинъ. Нерѣдко онъ спрашивалъ свою жену, не слышала ли она голосъ,

---

*) У мусульманъ также младенца Моисея наша въ рѣкѣ Нилѣ дочь Фараона; но они прибавляютъ, что она была больна проказою и гѣчилась умопениемъ въ рѣкѣ. Когда она увидѣла ребенка, то жалостно взяла его и облюбывала; отъ слюны святаго младенца рапы ея тотчасъ исцѣлились. Асія, жена Фараона, вѣрила въ истиннаго Бога и воспитала Моисея, пригласивъ въ няньки его мать, и такимъ образомъ спасла его отъ участи, постигшей еврейскихъ новорожденныхъ въ Египтѣ. Потому-то Асія сподобилась предъ Богомъ высочайшей чести. По преданію, отъ Мохаммеда четыре женщины предъ Богомъ стоятъ выше всѣхъ другихъ: Дѣва Марія, Асія, Хадиджа и Фатима (см. *Хаятуль-Гкумабъ*, глава пятая вначалѣ). Когда Хадиджи не стало, Фатима, ея дочь, спросила отца: гдѣ моя матушка? Плачущій Мохаммедъ, словами ангела, отвѣчалъ: Хадиджа теперь блаженствуетъ въ раю; ея жилище — дворецъ выстроенный изъ золота и драгоценныхъ камней, находится между жилищами пречестной Маріи и преподобной Асіи. (См. тамъ же.)

говорящей съ нимъ изъ глубины пещеры; не видѣла ли такой-то призракъ; однимъ словомъ, легенда представляетъ его въ такомъ же непонятномъ положеніи, какъ представленъ Гамлетъ Шекспиромъ. Общее мнѣніе между Гкорейшидами говорило, что Мохаммедъ сошелъ съ ума. Хадиджа и Абу-Талибъ, не понимая его положенія, приписывали ему болѣзнь и искали средства къ излѣченію ея; а волхвы *) того времени увѣряли, что эта болѣзнь или сумасшествіе такого рода, что надо принять противъ нихъ предварительныя мѣры; точно такъ, какъ говорилъ король въ Гамлетѣ: «Madness in great men must not unnatchedgo» — сумасшествіе великихъ людей не должно остаться въ пренебреженіи.

Вся задача здѣсь въ томъ, нарочно ли Мохаммедъ притворился все время сумасшедшимъ, сумасброднымъ, или дѣйствительно онъ былъ одержимъ болѣзью. Думаю, что эта болѣзнь была сильнымъ напряженіемъ мозга на одномъ и томъ же предметѣ. Послѣ когда его убѣжденія сформировались, разыгралось въ немъ самолюбіе, затѣмъ честолюбіе и фанатизмъ. Эти страсти, соединенныя съ глубокимъ размышленіемъ, довели Мохаммеда до экзальтированнаго состоянія. Я представляю здѣсь мои доводы; читатель пускай сообразитъ ихъ въ основаніи своей собственной логики.

1. Фактически доказано, что Мохаммедъ предался своимъ собственнымъ наблюденіямъ и изысканіямъ религіознымъ, когда еще ему не было четырнадцати лѣтъ. Хотя мы открываемъ это только въ сказаніяхъ самихъ мусульманъ, но по соображеніи всѣхъ данныхъ въ этомъ отношеніи, логическій выводъ будетъ тотъ, что въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ Мохаммедъ, рожденный въ идолопоклонствѣ, не былъ уже въ душѣ идолопоклонникъ; слѣдовательно тайному этому отреченію отъ идоловъ должно было предшествовать сознательное изслѣдованіе, и это сознательное изслѣдованіе основано было, конечно, на истинѣ, на *единобожій*. Стало бытъ мальчикъ тринадцати-четырнадцати лѣтъ не могъ имѣть никакого другаго интереса, кромѣ чисто отвлеченнаго, для него непонятнаго.

---

*) Мусульмано называютъ волхвами, т. е. мудрецами, и тѣхъ изъ іудейскихъ и христіанскихъ монаховъ, которые будто предсказывали о будущемъ поприщѣ Мохаммеда и часто предостерегали Меккинцевъ, внушая имъ принять мѣры: «ибо много прольется крови» — говорили они, — если это тотъ, котораго общаются исанія!»

2. Разъ отставшій отъ вѣры отцовъ, отъ этой духовной пищи, питавшей его дѣтство, но оказавшейся вредною его природѣ, конечно, отрокъ долженъ былъ *искать ее въ иномъ источникѣ*. Это самый натуральный процессъ дѣла; иначе нельзя предполагать, чтобы тринадцати-четырнадцатилѣтній мальчикъ дѣйствовалъ съ самоотверженіемъ, вслѣдствіе какихъ либо *разсчетовъ*. Дѣйствительно, онъ не переставалъ искать эту духовную пищу. Какъ мы видѣли выше, онъ бросался то къ Іудеямъ, то къ волхвамъ то къ христіанскимъ монахамъ, но нигдѣ не могъ найти утѣшенія.

3. Истину онъ чаялъ въ христіанствѣ, — въ этомъ также нѣтъ сомнѣнія; но, къ сожалѣнію, никто не могъ руководить его; никто не хотѣлъ понимать его; онъ вездѣ видѣлъ печальное положеніе дѣла, къ которому онъ стремился душою: видѣлъ его какъ растерзанную добычу, надъ которой люди потѣшались какъ хищные вороны; видѣлъ его какъ орудіе, которое властолюбцы употребляли вѣрнымъ средствомъ къ достиженію цѣли. Въмѣсто того, чтобы дойти до истины, которую онъ признавалъ въ христіанствѣ, и унести отсюда достойные плоды, онъ, можетъ быть, и тогда еще получалъ первыя впечатлѣнія пагубныхъ примѣровъ властолюбія, которые глубоко врѣзались въ его памяти, но покуда оставались безъ всякаго дѣйствія, потому что въ немъ еще работали другіе элементы, болѣе сродные съ его положеніемъ.

4. Положеніе молодого человѣка, одержимаго продолжительнымъ душевнымъ безпокойствомъ, когда нѣтъ ему желаннаго исхода, очень понятно. Сосредоточивъ свое вниманіе въ христіанствѣ, гдѣ онъ чаялъ видѣть истину, въ то же время Мохаммедъ пораженъ былъ безчисленными противорѣчіями, которыя изнуряли силу его мышленія.

Человѣку постороннему, равнодушному все это разногласіе покажется не ошутительнѣе того безпорядка, который можетъ броситься его глазамъ при проходѣ мимочужаго черезполоснаго поля, обросшаго разнородными, болѣе или менѣе негодными травами; все, что онъ можетъ выразить это легкое сожалѣніе, которое сейчасъ же забудется. Но Мохаммедъ не такъ смотрѣлъ на это разногласіе; онъ хотѣлъ найти въ немъ истину, но не имѣлъ руководителя. Если вѣрно то, что Мохаммедъ дѣйствительно въ эту пору боролся съ своими чувствами, — я по крайней мѣрѣ этому вѣрю, да иначе и быть не могло, — то вѣрно и то, что

въ этой борьбѣ онъ не могъ не впасть въ хандру, не могъ не искать уединенія, не могъ не быть *болѣнь*.

Эта болѣзнь росла въ немъ съ годами; онъ искалъ утѣшенія въ своихъ понятіяхъ, въ своихъ мечтахъ.

До сорокалѣтняго возраста Мохаммедъ велъ такую жизнь и исходомъ ея могло быть только печальное заблужденіе, въ которое онъ впалъ вслѣдствіе своихъ убѣжденій. Въ мечтахъ своихъ онъ не переставалъ увлекаться; сперва онъ увлекался отвлеченностью той задачи, которую онъ задавалъ себѣ о *единствѣ Бога*, оставляя идолопоклонство. Это увлеченіе совершенно не дозволяло ему создать какое либо понятіе о *подобіи* Богу, о тѣсномъ единеніи съ Богомъ человѣка, о воплощеніи Бога; однимъ словомъ о всемъ томъ, что древній брахманизмъ и буддизмъ и даже знакомый ему христіанизмъ, котораго ученія онъ не понималъ въ точности, приписывали высочайшему Существо. «*Богъ единъ, свѣтлый, не родилъ онъ и не родился и плоть никого ему подобнаго.*» Вотъ основное положеніе его ученія, на чемъ утвердилъ впоследствии всю свою религію. Когда Иудеи и христіане ему говорили: «мы подтверждаемъ то же; мы тому же Богу, единому, нерожденному, нерождшему *вѣримъ*,»—онъ отвѣтствовалъ: «*почему же онъ три?*» (Коранъ, гл. 5, ст. 7); Евреямъ говорилъ онъ: «скажите *Аллахъ*, говорите *Алла-Хумми* (Коранъ, гл. III, стр. 25), но не *Алоими* (во множественномъ числѣ) *). Затѣмъ, когда онъ совершенно предался своимъ убѣжденіямъ о единствѣ Бога, отвѣргая всѣ представленія этой истины у другихъ, онъ началъ увлекаться мыслью объ откровеніяхъ. Все, что рисовало ему воображеніе на яву и во снѣ, съ людьми въ уединеніи, онъ началъ приписывать откровенію отъ Бога; всѣ свои убѣжденія сталъ приписывать внушенію, невидимо вложенному въ его сердце ангеловъ отъ Бога! Болѣзнь эта въ немъ развилась до такой степени, что дѣйствительно онъ приходилъ иногда въ отчаяніе. Не будемъ мы вѣрить ни сказаніямъ Корана, ни повествованіямъ преданій, но не можемъ оставить безъ вниманія *сущности*

---

*) Въ еврейскомъ языкѣ Богъ Всемогущій выражается словами *Яова* и *Элоими*. Первое у Иудеевъ такъ священо, что его грѣшники не смѣютъ произносить и всегда замѣняютъ его словомъ *Адунай* (Господь). Но оно составлено въ библейскомъ языкѣ *позже*. Что же касается до слова *Элоими*, то оно множественное число слова *эль алога* (Кн. Бытія XIV, 20; Второзаконія XXXII, 15). Слово это, принадлежащее древнѣйшему еврейскому языку, означало бога, ангела, правителя міра.

ихъ содержанія: это продолжительное безпокойство, въ которомъ былъ Мохаммедъ все время своихъ изслѣдованій. Говорятъ, что мысль о томъ, что Меккинцы будутъ продолжать называть Мохаммеда то волхвомъ, то сумасшедшимъ, производила въ немъ такую борьбу, что предъ самымъ «полученіемъ настоящаго откровенія» онъ рѣшился было броситься съ вершины горы и погибнуть; но его остановилъ будто бы тайный голосъ между небомъ и землею. То былъ голосъ ангела *Джибраилъ!* Однажды онъ прибѣжалъ домой въ параксизмѣ сильной лихорадки и кричалъ своей женѣ Хадиджѣ: «покройте меня, заверните меня въ теплое» *). Всѣ члены его дрожали. Хадиджа обратилась за совѣтомъ къ одному благочестивому монаху, именемъ *Адасъ*, и спросила, не сумасшествіе ли это съ Мохаммедомъ, или дѣйствительно это вліяніе откровенія. Адасъ далъ ей молитву или молитвенникъ, съ приказаніемъ показать ее Мохаммеду въ то самое время когда находитъ не него припадокъ. Не успѣла она показать эту книгу своему мужу, какъ уста его заговорили: «*Нуиъ!* **) Клянусь перомъ ***) и тѣмъ, что оно пшнетъ, что одаренный благодатію Господа твоего, ты Мохаммедъ не сумасшедшій... Скоро увидишь ты и увидятъ они (твои обвинители), кто одержимъ безуміемъ!...» Это было явное доказательство, — говорятъ мусульмане, — что эти перемѣны были отъ вліянія тайныхъ откровеній. Хадиджа не задумавшись предалась своему мужу и приняла его убѣжденія.

Первая забота Мохаммеда въ это время была о томъ, какъ совершать богослуженіе, какъ поклоняться единому Богу. Онъ знакомъ былъ съ разными способами отправленія этой религіозной обязанности и подъ вліяніемъ ихъ создалъ новый способъ, болѣе подходящий къ упрощеннымъ обрядамъ Сабидовъ: онъ состоялъ изъ предварительнаго омовенія и совершенія поклоновъ *поисныхъ* (руку) и *земныхъ* (сюджудъ). Оба поклона вмѣстѣ на-

---

*) Двѣ главы Корана, а именно 73 и 74, начинаются будто словами архангела Гавріила къ Мохаммеду: «закутанный, встань...» «завернутый встань и проповѣдуй!...» Говорятъ, это было въ то самое время, когда Мохаммедъ лежалъ закутаннымъ.

**) Имя буквы *Н*. Этимъ же словомъ выражаютъ кита, поглотившаго пророка Іону, и *белѣмота* — рыбу, на которой держится земля. Это заглавіе принадлежитъ къ числу неразъяснимыхъ наименованій буквъ и словъ, которыми начинаются многія *Суры* Корана.

***) Перомъ предопредѣленія, которое писало все и обо всемъ.

зывались, какъ и нынѣ, *рукъ'атъ*). Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ Мохаммедъ молился Богу совершеніемъ двухъ рукъ'атовъ, прочитывая въ каждомъ неизвѣстнаго намъ молитвы. Предъ лицомъ онъ не имѣлъ никакого предмета поклоненія и вся молитва его была отчуждена отъ существовавшихъ у другихъ обрядовъ.

Легенда здѣсь говоритъ, что этому способу молитвы научилъ Мохаммеда Джибраилъ, въ самый первый разъ, когда *настало время откровенія*. Онъ явился ему въ пещерѣ, когда онъ помышлялъ о молитвѣ; коснулся его своимъ крыломъ и скрылся; встревоженный Мохаммедъ бросилъ взоръ вокругъ себя, но никого не видѣлъ; опять слышитъ онъ голосъ: «встань, Мохаммедъ!» Испуганный онъ встаетъ и видитъ предъ собой человѣка, который мапить его за собою, — и онъ повиновался и пошелъ за призракомъ до горы *Сафа*. Тутъ ангелъ предсталъ предъ нимъ въ полномъ блескѣ и величїи, такъ что Мохаммедъ не могъ выдержать ужаса такого явленія*). «Кто ты?»—воскликнулъ утращенный Мохаммедъ. — «Я Джибраилъ, отвѣчалъ ангелъ; я тотъ, который приносилъ повелѣнія Бога избраннымъ его пророкамъ; имя мнѣ *Рузуль-Эминъ* (духъ—повѣренный Бога); безъ меня ни какой пророкъ не возвѣстилъ воли Бога своему народу.» Затѣмъ Джибраилъ рекъ: «Мохаммедъ, читай.» Сконфуженный онъ отвѣчалъ: «Я неграмотный, читать не умѣю.» Ангелъ обхватилъ его и прижалъ къ себѣ такъ крѣпко, что Мохаммедъ едва не лишился чувствъ. Послѣ этого опять повторилъ: «Мохаммедъ, читай». Отвѣтъ былъ тотъ же; онъ прижалъ его вторично; опять тотъ же былъ отвѣтъ, наконецъ ангелъ прижалъ его въ третій разъ и сказалъ: «Читай во имя Господа твоего, того, кто сотворилъ (вселенную), того, который создалъ человѣка изъ слизи. Читай. Всемилосердый твой Господь, училъ (употребленію) пера; онъ училъ человѣковъ тому, чего они не знали...» Эти были первыя слова, внушенныя Мохаммеду Богомъ черезъ духа Гавріила; это было начало откровенія. Съ этой минуты Мохаммедъ всему былъ на-

---

*) Вотъ какъ легенда описываетъ Гавріила въ эту минуту: «Двумя ногами онъ опирался о землю; крыльями охватывалъ горизонтъ отъ востока къ западу; главою касался неба. Ноги у него были желтаго цвѣта, крылья зеленаго, волоса на головѣ коралловаго; имѣлъ два рога изъ яхонта и между ними на челѣ его было написано: «имѣть Бога, кромѣ Аллаха!» (Мирхондъ, статья 26). Конечно, красиво и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно должно было быть такое явленіе!

учень отъ Господа *). Съ этого времени Мохаммедъ началъ совершать *намазъ* (молитву), по указанію Джибранля.»

Все это, по нашему, значитъ, что двадцатипятилѣтнія мечты Мохаммеда объ открытіи истины окончились закончѣлымъ убѣжденіемъ въ истинѣ тѣхъ внушеній, которыя вливались въ его сердце подъ вліяніемъ обстоятельствъ его жизни; сперва онъ вѣрилъ имъ потому, что его увлеченія были безотчетны, основанныя единственно на желаніи самому открыть истину, которую другіе не могли показать ему; потомъ уже это обратилось въ привычку, и самолюбіе его безпрестанно поддерживало эту привычку.

Самолюбіе Мохаммеда постоянно раздражалось. Мы упомянули выше, какъ льстили ему въ дѣтствѣ, въ его юности, окружающіе его люди. Теперь болѣе всего льстила ему безотчетная преданность Хадиджи, которая пожертвовала ему всѣмъ, — своимъ состояніемъ, своимъ исповѣданіемъ; она считается первымъ человѣкомъ, принявшимъ исламъ отъ своего обожаемаго мужа, и называвшей его пророкомъ, посланнымъ отъ Бога (*Ресулюллахъ*). Съ-этихъ-поръ начинаются заблужденія Мохаммеда; съ-этихъ-поръ самолюбіе начинаетъ тайно дѣйствовать въ немъ и руководитъ его въ дальнѣйшихъ его попыткахъ; вездѣ улыбаются ему счастье и одушевляють его новыми планами и новой энергіей.

VI. Начало ученія ислама и первые успѣхи Мохаммеда.

Когда Мохаммеду минуло ровно сорокъ лѣтъ, онъ объявилъ тайно права свои любимой женѣ Хадиджѣ. Онъ сообщилъ ей, что всѣ безпокойства, которыя она замѣчала въ его пятнадцатилѣтней семейной жизни и которыя представляли его окружающимъ то сумасшедшимъ, то одержимымъ бѣсомъ, то волхвомъ, — все это происходило отъ дѣйствія откровенія. Онъ сообщилъ женѣ, что въ тотъ день, когда Джибранль окончательно пере-

---

*) Бейзави прибавляетъ, что съ прижатіемъ Джибранля всѣ невѣдѣнія Мохаммеда какъ бы исчезли (онъ просвѣтлѣлъ); въ немъ осталась одна только духовная сторона. Въ Коранѣ, по его мнѣнію, указываетъ на это 1-й стихъ 96-й главы. Нѣкоторые ученые богословы мусульманскіе думаютъ, что это прижатіе было два раза: въ настоящемъ случаѣ и въ дѣтствѣ Мохаммеда, — о чемъ мы уже разъ говорили выше (гл. вторая, отдѣлъ 2).

далъ ему благовѣстіе, онъ долженъ преподавать *исламъ* и пригласить людей къ этой истинной вѣрѣ Авраама всѣхъ пророковъ и патріарховъ древняго міра. «*По истинѣ, у Бога*—говорилъ онъ, *одна вѣра, — что исламъ* (Кор. гл. III, ст. 17), вѣра, которую исповѣдывали и будутъ исповѣдывать избранники Аллаха, вѣра, значеніе которой — *преданіе себя Богу, **) вполне указываетъ на ея достоинство. Первые символы этой вѣры были: нѣтъ Бога (или какъ мусульманинъ долженъ говорить — свидѣтельствую, что нѣтъ другаго Бога) кромѣ Аллаха, и по истинѣ Мохаммедъ его посланный.»

Послѣ Хадиджи принявъ исламъ Али, сынъ Абу-Талиба, двоюродный братъ Мохаммеда, который жилъ у него съ дѣтства и который также преданъ былъ Мохаммеду душою и тѣломъ; за ними послѣдовалъ ихъ примѣрамъ рабъ Мохаммеда Зейдъ бинъ Харисѣ. Эти первые трое мусульманъ хотя пользуются особою честью и почетомъ и носятъ имя первыхъ зачатковъ ислама, но, кажется, не трудно понять легкость этого подвига въ отношеніи къ любящей женѣ, купленнаго раба и десятилѣтняго мальчика. О Хадиджѣ мы уже знаемъ, о Зейдѣ мы догадываемся; о Али сами мусульмане говорятъ, что онъ жилъ у Мохаммеда съ дѣтства **). Ему было не болѣе десяти лѣтъ, когда онъ увидѣлъ Мохаммеда молящимся вмѣстѣ съ Хадиджею новымъ способомъ, не имѣя предъ собою никакого внѣшняго предмета для поклоненія. Удивленный, онъ подошелъ къ нимъ и спрашивалъ, что это за новостъ, Мохаммедъ отвѣчалъ: «Это вѣра, утвержденная Богомъ собственно для любящихъ его, это путь къ Богу благому, и я совѣтую тебѣ стать на этотъ путь.» Мудрено ли было,

---

*) Корень глагола, между прочимъ, — *быть чистымъ, искреннимъ, здравымъ*; въ 4-й формѣ онъ значить предать себя *искренно*, повиноваться съ полнымъ усердіемъ. Исламъ, или исламизмъ, сдѣлался собственнымъ именемъ для цѣлаго вѣроисповѣданія. Исповѣдующій его по-арабски называется *муслимъ*. Слово *мусульманъ* или *мусъльманъ* принадлежитъ персидскому языку, откуда оно перешло во всѣ турецкія нарѣчія. Русскіе взяли и передѣляли его въ *мусульманинъ*. Нѣкоторые европейскіе ориенталисты ошибочно считаютъ слово это *мусульманъ* двойственнымъ числомъ (The Hist. of Saracens etc. by Ockley. 1848, p. 13).

**) Абу-Талибъ, по нѣкоторымъ неудачамъ въ торговыхъ дѣлахъ, такъ обѣдѣлъ, что не могъ даже содержать свое семейство; потому братья и родные помогали ему и дѣтей его брали къ себѣ на воспитаніе. Али воспитывался у Мохаммеда и ему было лишь 10 лѣтъ, когда онъ принялъ исламъ.

что десятилѣтній мальчикъ вошелъ въ ихъ сообщество. Стало быть это не важность; но важно и удивительно то, что вскорѣ около Мохаммеда собрались одинъ за другимъ люди знатные или своимъ происхожденіемъ или значеніемъ въ Меккѣ, люди, которые впоследствии оказали великіе услуги исламу, которые подвинули и расширили имперію Сарациновъ и которые повелѣвали народами и царями, не по наслѣдству, а по личному достоинству. Въ главѣ ихъ былъ Абубекръ (нѣкоторые считаютъ его первымъ мусульманиномъ).

Мохаммедъ очень возвышалъ достоинство своихъ первыхъ прозелитовъ. Конечно, этого требовала его политика. Первыхъ *восемь* прозелитовъ онъ назвалъ отличительнымъ именемъ *асса-бихунъ-аль мукаррабунъ*—передовые избранныки, приближенные къ Аллаху; стало быть, кто былъ первый изъ восьми, тотъ былъ и первый самый близкій Аллаху. Объ этомъ первенствѣ идетъ споръ; одни говорятъ, что былъ Али, другіе Абубекръ; но первое мнѣніе вообще сильнѣе, и слова Али «Я совершилъ намазъ съ пророкомъ семь разъ прежде другихъ людей» приняты въ преданіе у всѣхъ и большинство мнѣній остается за нимъ. На основаніи этого Абубекръ былъ третій прозелитъ Мохаммеда. За ними слѣдуютъ еще пятеро, а именно: Османъ (впоследствии третій халифъ), Зубейръ, Абдур-рахманъ, Са'дъ бинъ Ваггасъ и Тальха. Всѣ они составили *восемь*, о которыхъ Мохаммедъ сказалъ устами Аллаха. «Передовые будутъ поредовыми; они суть приближенные къ Богу въ раю благодати.... Они будутъ возсѣдать на тронахъ, украшенныхъ золотомъ и драгоценными камнями, преклонясь на подушки другъ противъ друга. Вокругъ нихъ будутъ обходить юноши съ кубками и кувшинами и чашами, наполненными виномъ, отъ котораго не будетъ болѣть голова и не помрочится умъ.» (Коранъ, гл. LVI, стр. 10—14). За ними въ скоромъ времени поступили еще двадцать пять человекъ, въ главѣ которыхъ былъ Абу-тбейдэ.

Когда у Мохаммеда стало тридцать девять послѣдователей (тутъ считается еще шесть женщинъ, начиная съ Хадиджи), ему сильно хотѣлось довершить число сорокъ, которое онъ читалъ по преданію, и также хотѣлось склонить къ себѣ Омара, человека извѣстнаго въ Меккѣ, и это удалось ему легко. Мусульмане здѣсь приписываютъ чудо своему пророку, объясняя дѣло такъ: когда Хамза, дядя Мохаммеда, принялъ исламъ, — что

было вслѣдствіе раздора съ *Абуджеглемъ*, непримиримымъ врагомъ Мохаммеда,—и тутъ же клялся отмстить за своего племянника *), въ то самое время Мохаммедъ молился, чтобы Богъ почтилъ исламъ или Абуджеглемъ или Омаромъ, о которыхъ Меккинцы имѣли высокое понятіе. «*Отцу невѣжества*» (это значеніе слова Абуджегля) непредопредѣлено было воспользоваться благословеніемъ неба; молитва пророка была услышана—п Омаръ, этотъ гонитель ислама, чуднымъ образомъ принялъ исламъ въ самомъ скоромъ времени, и этимъ кончилось число сорокъ.» (Мирхондъ, гл. II, ст. 36; Мухаммедійэ, изданное въ Казани 1845 года, стр. 61).

Надо замѣтить, что Омаръ въ исторіи ислама описывается такимъ же гонителемъ Мохаммеда и его ученія, каковымъ представляется Савлъ въ исторіи христіанства. Конечно, Мохаммеду очень хотѣлось приобрести такого человѣка и молитва, которую онъ произнесъ всенародно, оказалась вѣрнѣйшимъ средствомъ къ его приобретенію. Я объясню это, потому что тутъ кажется видна политика Мохаммеда и его вѣрные расчеты.

Мохаммедъ все время своего первоначальнаго ученія ислама представлялся человѣкомъ кроткимъ, смиреннымъ. Къ этому онъ былъ приготовленъ прошедшею своею жизнью, проводимой всегда въ размышленіи. При этомъ рѣчь его всегда сплнна, голосъ благозвученъ, видъ повелительный, выраженіе его убѣжденій полное самотверженія. Напримѣръ, когда Хамза, его дядя, пришелъ къ нему и объявилъ, что онъ отмстилъ за него, нанеши семь ранъ Абуджеглю при всемъ сонмѣ Гкорейшпдовъ, то онъ съ крайнимъ равнодушіемъ отвѣчалъ: «оставьте меня; у меня нѣтъ ни отца, ни матери, ни брата, ни дяди, ни помощника.»

---

*) Абуджегль, извѣстный своею враждою къ Мохаммеду, всегда искалъ случая сдѣлать ему непріятное, даже вопреки приличію. Родственники Мохаммеда, хотя многие изъ нихъ и были противниками его ученія, но, для поддержанія чести своего семейства, не позволяли другимъ насмѣхаться надъ нимъ и безчестить его. Однажды Хамзѣ, который славился между Арабами своею храбростію и самолюбіемъ, донесли, что Абуджегль слишкомъ явно ругался надъ Мохаммедомъ; онъ до того разгнѣвался, что клялся отмстить дерзкому. Среди сонма Гкорейшскаго онъ явился съ обнаженнымъ мечемъ и въ семи мѣстахъ ранилъ Абуджегля, и потомъ принялъ исламъ. Иные пишутъ, что онъ прежде принялъ исламъ а потомъ уже отмстилъ своему ненавистнику.

Но Хамза возразилъ: «я это сдѣлалъ съ желаніемъ помочь тебѣ; я твой дядя, твой помощникъ.» Мохаммедъ съ непоколебимымъ равнодушіемъ и краснорѣчиво отвѣчалъ: «Обнажай мечъ свой день и ночь и проливай кровь невѣрныхъ столько, чтобы тебѣ въ ея потокахъ пришлось утонуть,—все это не возвыситъ тебя предъ Богомъ, пока не повѣришь и не скажешь: *нѣтъ Бога, кромѣ единоаго Аллаха!*»

Сколько здѣсь такту, сколько умѣнья обворожить свободно-мыслящаго Араба; при всемъ томъ—и сколько смиреннаго самоотверженія! Эти слова такъ подѣйствовали на Хамзу, что онъ тутъ же воскликнулъ: «*Исповѣдую, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и что Мохаммедъ его посланный!*»

Съ Омаромъ онъ употребилъ другую уловку. Если Мохаммеду было кого старшиться въ Меккѣ, при всей силѣ своего родства, изъ котораго каждый членъ былъ всегда одинаково вѣренъ закону мести,—то это были *Абуджегль* и *Омаръ*, извѣстные гонители Мохаммеда и его прозелитовъ. Оба эти лица пользовались важнымъ значеніемъ въ Меккѣ, какъ по характеру, такъ и по голосу между Гкорейшидами, ибо были одинаково храбры, одинаково упрямы и отровенны. Оба эти врага Мохаммеда искали случая, какъ бы удобнѣе положить конецъ жизни самозванца. Омаръ былъ моложе Абуджегля, храбрѣе, отчаяннѣе и бѣднѣе. Когда Мохаммедъ читалъ слѣдующій стихъ вслухъ идолопоклонникамъ: «По истинѣ и вы и всѣ, чему вы поклоняетесь кромѣ Бога, будете адскими помѣнами, и потому будете брошены туда (гл. XXI, ст. 90),» Абуджегль собралъ всѣхъ идолопоклонниковъ и сказалъ слѣдующую рѣчь: «Дерзость Мохаммеда дошла до того, что онъ не только пренебрегаетъ нами, считаетъ нашихъ умныхъ глупцами, нашихъ боговъ забавами, но даже и насмѣхается надъ нами во имя Аллаха, что и мы и наши идолы ничто иное какъ полѣнья, приготовленныя для ада! Знайте, братья! Пора намъ избавиться отъ дерзкаго внука Абдуль-Мутталиба! Неужели между нами нѣтъ молодца, желающаго получить сто верблюдовъ и сто *вакиевъ* *) серебра за голову врага нашего!—Я обязуюсь все это заплатить немедленно.» Омаръ вышелъ изъ

*) Всѣ, по-турецки *ока*, заключасть въ себѣ отъ 7 до 40 драхмъ, смотря по мѣсту и времени. Думаю, это соответствуетъ Греко-Римской унци (uncia) и вѣроятно одно передѣлано изъ другаго.

среды общества и поклялся отмстить за своихъ боговъ и за честь Гкорейшпдовъ, и, вооруженный, отправился искать Мохаммеда. Но онъ былъ встрѣченъ на пути сперва *На'имомъ*, а потомъ хребрымъ *Са'домъ* бинъ *Ваккасомъ*, новомусульманами, которые своимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ и увѣщаніями отвлекли его отъ его намѣренія; во-первыхъ они рѣшились умереть, но не допустить Омара до того поступка; во-вторыхъ они представили, что съ смертью Мохаммеда всѣ *Гашиимиды* возстанутъ на месть за пролитую кровь; въ-третьихъ Омара поразили они вѣстью, что не далѣе какъ его родная сестра съ своимъ мужемъ уже приняла исламъ, и что лучше ему обратитъ свой мечъ, говорили они, прежде на своихъ родныхъ, чѣмъ на Мохаммеда, который имѣетъ сильное родство и отчаянныхъ прозелитовъ. Въ ужасъ пришелъ Омаръ, услышавъ о поведеніи своей сестры, и направилъ свой путь туда.

Мы оставимъ пока Омара и обратимся къ Мохаммеду. Въ-тупору, когда Абуджегль возбуждалъ вопросъ объ ученіи Мохаммеда, послѣдній смиренно молился во всеуслышаніе о своихъ врагахъ: «Господи! почти исламъ Абуджеглемъ или Омаромъ.»*) Конечно, поступокъ этотъ, столь благовидный, невольно обратилъ на себя вниманіе Арабовъ — и оба врага Мохаммеда тайно и явно были извѣщены о его молитвѣ. Но Абуджегль былъ неумолимъ; онъ гнался только за одной славой — презирать дерзкаго Мохаммеда и быть явнымъ его ненавистникомъ. Притомъ его вражда къ Хамзѣ, недавно разсчитавшемуся съ нимъ по-арабски за его обиды племяннику своему, еще болѣе поддерживала эту ненависть и это было одною изъ причинъ, побуждавшихъ его къ интригамъ противъ своего врага и заставлявшихъ его назначить значительную жертву верблюдами и деньгами въ награду за его убіеніе.

---

*)оборотъ фразы очень ловкій: можетъ значить, почти исламъ *черезъ* изъ обращеніе въ эту вѣру, или черезъ ихъ неудачи и несчастіе. Если бы и никто изъ нихъ не принялъ ислама и Мохаммедовъ успѣхъ взялъ верхъ надъ ними, то и тогда молитва Мохаммеда имѣла бы свое чудное дѣйствіе въ глазахъ его прозелитовъ, тогда арабскій *раздѣлительный* союзъ *или*, на основаніи общаго правила, былъ бы истолкованъ въ смыслѣ *соединительнаго* — и. Но когда Омаръ принялъ исламъ, то прозелиты Мохаммеда восклицали: «какое чудо въ молитвѣ пророка!»

Но Омаръ хотя никогда не любилъ лести, но болѣе Абуджегя былъ славолюбивъ. Будучи человѣкомъ недостаточнымъ, онъ обрадовался предложенію Абуджегя и преждевременно до-вольствовался приобрѣтеніемъ имени *убійцы* Мохаммеда, имени защитника чести своей вѣры. Но обстоятельства переѣнились. Услышавъ отъ Са'да бинъ Вагккаса, что и сестра и зять Са'дъ бинъ Зейдъ уже нѣсколько времени какъ приняли исламъ и находятся въ тайномъ сообществѣ съ Мохаммедомъ и его прозелитами, Омаръ отправился къ сестрѣ.

Какъ мы видѣли выше (гл. I, пунктъ 4, о состояніи арабской словесности), любовь Арабовъ къ поэзіи въ это время превышала всѣ другія страсти молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ, въ Меккѣ, что было всегда одной изъ важнѣйшихъ причинъ, почему идолопоклонники охотно слушали Мохаммеда и не гнушались даже его упреками. Прельщенные его рѣчью, убѣжденные его восторженнымъ призваніемъ къ единому Аллаху, они читали его отрывки изъ Корана, время-отъ-времени сообщаемые имъ своимъ прозелитамъ; выучивали ихъ наизусть, любовались красотой слога, силою мыслей, и, подъ вліяніемъ усвоеннаго всѣми прозелитами убѣжденія, что эти отрывки словъ Аллаха, всѣ риторическія достоинства ихъ во сто кратъ увеличивались въ ихъ глазахъ и они читали ихъ съ душевнымъ наслажденіемъ.

Когда Омаръ торопливо шелъ къ своему зятю, сестра его съ своимъ мужемъ и одной изъ своихъ родственницъ, запершись въ комнатѣ, занимались чтеніемъ XX главы Корана, недавно оконченной и списанной всѣми прозелитами Мохаммеда. Въ этой главѣ будто Богъ, упрекая Мохаммеда за его отчаяніе о невѣрїи Гкорейшидовъ и ихъ поведеніи противъ него, излагаетъ исторію Мойсея съ Израильтянами и поступки противъ него Фараона и поведеніе Евреевъ; потомъ говоритъ онъ о своемъ правосудіи въ день страшнаго суда; затѣмъ обращается къ поведенію праотца человѣковъ.— Адама, какъ онъ преступилъ заповѣдь Господа, какъ былъ изгнанъ за то изъ рая; какъ ему, по милосердію Божію, обѣщано было спасеніе его и его рода, если они будутъ повиноваться Его слову, Его пророкамъ. Затѣмъ Богъ дѣлаетъ наставленіе Мохаммеду какъ вести себя и какъ руководить свой народъ, обѣщая награды благочестивымъ и вѣчную погибель богоотступникамъ.

Эту главу новые прозелиты читали взаперти, боясь неожиданнаго прихода кого-нибудь изъ невѣрующнхъ, въ-особенности Омара *); читали ее съ восторгомъ, увлекались и ея содержаніемъ и прелестью поэтическаго слога. Въ самую эту пору приближается Омаръ къ дверямъ дома своего зятя; найдя ихъ запертыми, онъ сталъ прислушиваться съ подозрѣніемъ и услышалъ благозвучныя слова свободно льющейся рѣчи изъ устъ женщины *); чтеніе продолжается, Омаръ прислушивается внимательнѣе; наконецъ онъ постучался и чтеніе прервалось. Хубабъ подошла къ дверямъ и въ щель увидѣла Омара вооруженнаго; въ испугѣ она отскочила и скрылась; стукъ повторился; Са'да отворила двери и грозный Омаръ вошелъ съ вопросомъ, какимъ чтеніемъ они занимались. Мужъ и жена отвѣчали, что они были заняты интереснымъ разговоромъ. Омаръ догадался что они скрываютъ, но, вспомнивъ слова Са'да бинъ Ваггаса, который говорилъ ему въ доказательство обращенія его сестры и зятя въ исламъ, что они не будутъ ѣсть и не прикоснутся къ мясу заколотога имъ животнаго, рѣшился прибѣгнуть къ хитрости. Притворяясь, что хочетъ ѣсть, онъ попросилъ принести ягненка и самъ закололъ его и велѣлъ изжарить. Между тѣмъ Омаръ задумался, какъ говорятъ, о причинахъ, увлекавшихъ его зятя, этого умнаго и извѣстнаго между Гкорейшидами челоуѣка; вспомнилъ послѣднюю молитву Мохаммеда, самоотверженіе Са'да бинъ Ваггаса, этого храбраго и безстрашнаго молодаго Араба, готоваго на смерть за свои убѣжденія; все это встрѣвило его, а его задумчивость пугала его сестру и ея мужа. Когда было принесено жаркое, Омаръ приглашалъ съ собою (на трапезу) сестру и зятя, но они оба отказались. Тогда снова онъ разсвирѣплѣлъ и кинулся на зятя: сестра, желая помочь мужу, рванулась было къ нему, но, окровавленная, упала безъ чувствъ. Оправившись, она встала и съ самоотверженіемъ укоряла свирѣпаго брата: «Ты предаешь насъ мученію по одному только подозрѣнію, не приняли ли мы исламъ; такъ знай же, что я и мой мужъ уже

---

*) Первые годы, въ-особенности до обращенія Омара, Мохаммедъ хотя проповѣдовалъ явно, но строго запрѣтилъ ученикамъ своимъ обнаруживать новое исповѣданіе. Объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ слѣдующей III главѣ. Понятно, почему сестра страшилась грознаго своего брата.

*) Это было Хубабъ, родственница Са'да, прежде него принявшая исламъ. Въ устахъ женщины поэзія вездѣ сладка; Хубабъ читала и толковала новымъ прозелитамъ 20-ю главу Корана.

мусульмане и торжественно исповѣдуютъ: *«нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, а Мохаммедъ его посланный!»* Слова эти плачущей и окро, вавленной сестры смягчили жестокость брата. Обиженный Са'дъ-готовый было отмстить за себя, увидя перемѣну въ Омарѣ, самъ успокоился. Кроткій уже, Омаръ просилъ показать ему что они читали, но сестра не хотѣла показывать ему тетрадку до-тѣхъ-поръ, пока онъ не смоетъ съ себя крови: *«Омой прежде свои напрасно окровавленные руки и только тогда можешь уразумѣть слова Аллаха.»* Омаръ исполнилъ требованіе и сталъ читать. Слова въ XX главѣ Корана: *«Всемилосердый (Богъ) несетя надъ арисомъ *)*. *Ему принадлежитъ все, что на небесахъ и на земль, все, что между небомъ и землей, и все, что въ преисподней»* — привели его въ восторгъ. Еще болѣе онъ былъ пораженъ изрѣченіемъ: *«Когда въ молитвѣ ты возвышаешь свой голосъ, не думай, что онъ нуждается въ этомъ: онъ равно знаетъ все то, что тайно, все, что скрытнѣ самой тайны.»* Прочитавъ это, говоритъ исторія ислама, онъ въ восторгѣ воскликнулъ: *«вотъ истинный Богъ! Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и Мохаммедъ Его посланный!»* Въ эту минуту кинулась къ Омару спрятавшаяся Хубабъ и въ радости воскликнула: *«И Омаръ — избранникъ Аллаха во славу ислама! Объ этомъ молился самъ пророкъ.»*

Дальнѣйшее описаніе обращенія Омара, какъ-то его свиданіе съ Мохаммедомъ, приѣмъ его прозелитами и проч. какъ ни интересно, но нейдетъ къ настоящей цѣли; мы желали только указать на вліяніе политики Мохаммеда въ привлеченіи къ себѣ Омара, необходимаго для него въ началомъ имъ великомъ переворотѣ. Теперь у него составилось сорокъ отважныхъ прозелитовъ, единодушно и съ самоотверженіемъ готовыхъ дѣйствовать по первому его мановенію. *Десятерыхъ* изъ этихъ сорока, т. е., съ присоединеніемъ Омара, его зятя Са'да и Абу-Убейдѣ къ *передовымъ* (исключивъ изъ числа ихъ своего раба Зейда), онъ поздравилъ съ несомнѣннымъ наслѣдіемъ рая, назвавъ ихъ *Аль-ашаратуль мубаширѣ*, т. е., десять привѣтствованныхъ благовѣстіемъ, для которыхъ отверзтъ уже и рай съ его неизреченными наслажденіями, — и въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, какъ несомнѣнна смерть, какъ непреложно воскресеніе за гробомъ!» Всему этому

*) Тронъ Божій, который превыше всей воображаемой высоты и объемлетъ непостижимое, невоображаемое пространство.

обѣщанію они повѣрили съ полнымъ, совершеннымъ убѣжденіемъ, повѣрили до изувѣрства, фанатически. Основатель ислама только и домогался слѣпаго фанатизма. Мы вскорѣ увидимъ его въ полномъ развитіи его силы, — пророкомъ, царемъ и законодателемъ.

23 Іюня 1860 года.

М. К. КАЗЕМЪ-БЕКЪ.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Италянскій вопросъ, какъ и всякій политическій вопросъ первой важности, долженъ былъ пройти путемъ разнообразныхъ измѣненій — вынести жаръ и холодъ общественнаго мнѣнiя Европы. Возбудивъ множество интересовъ, борьбу партій, убѣжденій, поставивъ, такъ-сказать, на очную ставку частныя цѣли съ общественными стремленiями, онъ не могъ разрѣшиться безъ затрудненiй и опасности. Каждый шагъ Гарибальди былъ торжествомъ для однихъ и поражениемъ для другихъ; каждый день увеличивалъ бремя народнаго вождя и усложнялъ его дѣятельность. Сначала взглянули на подвигъ Гарибальди, какъ на отчаянный поступокъ отважнаго флибустьера, потомъ стали удивляться личному мужеству и энергiи героя; его блистательныя побѣды и счастье занимали вниманiе Европы, какъ волшебная сказка занимаетъ любопытныхъ дѣтей; наконецъ, когда Гарибальди соединилъ въ своей рукѣ судьбу Обѣихъ Сицилiй, и, оставивъ за собою Палермо, зашелъ въ самое сердце неаполитанскихъ владѣнiй, вопросъ сдѣлался обще-итальянскимъ и европейскимъ вопросомъ.

За двѣ недѣли прежде, положенiе Италии было одно изъ самыхъ критическихъ положенiй. Передъ Гарибальди лежали двѣ дороги — принять сторону революціоннаго движенiя и провозгласить независимость съ балкона Квиринала, или дѣйствовать за одно съ Сардинiей и, во имя Виктора Эмануила, собрать полуостровъ въ одно конституціонное королевство. Первый путь представлялъ необыкновенныя препятствiя и дѣлю величайшаго

риска; вмѣсто національнаго единства, онъ могъ возжечь ожесточенную междоусобную войну, вооружить противъ горсти утомленного войска сотни тысячъ свѣжихъ силъ и разрушить планъ въ самую минуту его исполненія. Само собою разумѣется, что при такомъ направленіи Гарibaldi могъ бы дѣйствовать независимо отъ посторонняго вліянія, устроить народную жизнь на болѣе широкихъ основахъ и, можетъ-быть, остаться въ головѣ управленія южной и центральной Италіей; но тогда пришлось бы отказаться отъ всякой надежды на освобожденіе Венеціи и смѣлой мечтѣ пожертвовать результатами такъ счастливо начатаго дѣла. Другой путь менѣе удовлетворяетъ личнымъ убѣжденіемъ Гарibaldi, за то вѣрнѣй приводитъ его къ цѣли. Мы знаемъ, что впоследствии обвинять диктатора въ измѣнѣ принципамъ, въ предательствѣ, въ непониманіи истинныхъ интересовъ страны и даже въ тайномъ заговорѣ съ туринскимъ министерствомъ противъ народа; такое обвиненіе, повидимому, предчувствовалъ самъ Гарibaldi. Было время, когда онъ, задумавшись, готовъ былъ отступить отъ политики Кавура и предписать Сардиніи свою собственную программу. Этотъ разрывъ объясняли вліяніемъ партіи Матсини. Нѣтъ сомнѣнія, эта партія имѣетъ для Гарibaldi свое значеніе; онъ близокъ ей по воспоминаніямъ 1848 года, по убѣжденіямъ и чувствамъ, но не она могла рѣшить той или другой системой его дѣйствій; еще менѣе можно думать, чтобъ личныя неудовольствія съ Кавуромъ могли послужить диктатору поводомъ къ протесту и громкому требованію низложенія сардинскаго министра. Кто знаетъ хотя нѣсколько Гарibaldi, тотъ никогда не заподозритъ его въ мелкомъ желаніи жертвовать общими интересами частнымъ расчетамъ и минутнымъ побужденіемъ. Отвергая политику Кавура, онъ руководствовался другими соображеніями: онъ опасался вліянія Франціи и ея поведенія относительно Италіи. Пршлые опыты не говорятъ въ пользу откровенности тюльерійскаго кабинета, крайней-мѣрѣ, не даютъ ему права на довѣріе Италианцевъ. Послѣ присоединенія Савонн и Ниццы нелегко увѣрить Европу, что Наполеонъ III способенъ вести войну *за идею*. Притомъ, кто же не видитъ, что увеличеніе французскаго войска въ Римѣ, прикрытое охраненіемъ папскаго престола и наслѣдія св. Петра, скрываетъ другую цѣль — вмѣшательства Франціи въ судьбы Италіи. Въ чемъ оно выразится и гдѣ остановится — теперь трудно сказать, заглядывая въ будущее сквозь черную ткань политическихъ смеленій. Вотъ главная причина, которая заставила Га-

рибальди искать независимаго направленія въ своей дальнѣйшей дѣятельности.

Но фактъ совершился. Примиреніе диктатора съ Казуромъ и организація конституціоннаго министерства въ Неаполѣ совершенно измѣняютъ положеніе италіянскаго вопроса. Онъ выигрываетъ въ положительномъ результатѣ, и Европа съ новой надеждой смотритъ на успѣхъ италіянскаго возрожденія. Планъ его ясно означенъ Гарибальди въ слѣдующей прокламаціи къ воюнтерамъ: «Когда въ Италіи, говоритъ онъ, идея страны была идеей не многихъ, мы заговоривали и умирали; теперь мы сражаемся и побѣждаемъ. Число патріотовъ растетъ; ихъ достаточно для образованія арміи и побѣды надъ врагами. Но наша побѣда еще неполна, Италія еще не вся свободна, и мы еще далеко отъ Альпъ. Лучшій результатъ нашихъ первыхъ успѣховъ состоитъ въ томъ, что мы способны стоять подъ ружьемъ и побуждать: я видѣлъ вашу готовность идти за мною, теперь я зову васъ подъ свое знамя; спѣшите соединиться съ общимъ ополченіемъ, въ рядахъ котораго станетъ вся нація за независимость и единство Италіи. Италіяны! — время пришло. Наши братья нѣкогда сражались съ иностранными войсками въ самомъ сердцѣ Италіи: идемъ и встрѣтимъ ихъ въ Римѣ, а оттуда общимъ станомъ двинемся къ Венеціи. Все это составляетъ нашу обязанность и право, которымъ мы сильны. И такъ оружія и вооруженныхъ людей! Благороднаго сердца, стали и свободы!»

Изъ этой прокламаціи видно, что Гарибальди ставитъ главной задачей независимость Венеціи и къ этой цѣли направляетъ всѣ силы Италіи, всѣ планы своихъ смѣлыхъ замысловъ. Ради Венеціи онъ поступилъ передъ Казуромъ, счумъ перенести тайныя и явныя оскорбленія со стороны сардинскаго министра и пожертвовать убѣжденіями цѣлой жизни счастію страны. Но что же будетъ съ нами? спрашиваютъ публицисты. Останется ли онъ въ Римѣ или перенесетъ столицу католицизма въ Испанію или Ирландію? Самъ-по-себѣ этотъ вопросъ не имѣлъ-бы никакой важности, если-бъ Пій IX не представлялъ собою католическаго принципа. Какъ свѣтскій владыка, онъ едва ли не потерялъ значеніе въ глазахъ Европы и своихъ подданныхъ, но какъ намѣстникъ галльскаго рыбака — онъ твердъ религіознымъ началомъ и считаетъ у себя до двухъ сотъ пятидесяти миліоновъ прозелитовъ: въ силу этого начала, его власть признается за безусловный фактъ насталшей эпохи. «Чтобъ нѣшатъ нашу римскаго престола, замѣчаетъ Times, надо прежде

пощупать пульсъ католической Европы.» Впрочемъ, мы ужъ не разъ имѣли случай говорить, что духовный авторитетъ Пія IX не имѣетъ въ себѣ ничего мѣстнаго, временнаго и національнаго; онъ способенъ уживаться подъ всѣми географическими широтами, у всѣхъ націй и со всѣми условіями политическаго или соціальнаго общества. Поэтому, будетъ-ли столица папы въ Римѣ или Мадридѣ, какъ она была нѣкогда въ Авиньонѣ — для католическаго міра это рѣшительно все равно. Здѣсь есть впрочемъ одно обстоятельство, которому мы не можемъ отказать въ значеніи — въ историческихъ воспоминаніяхъ католицизма, такъ крѣпко связанныхъ съ судьбой вѣчнаго города. Въ-самомъ-дѣлѣ, Римъ дышетъ преданіями папскаго величія, отмѣченнаго на каждомъ шагѣ гениальной кистью художниковъ, грандіозными памятниками базиликъ, дворцовъ и всемірнымъ богатствомъ св. Петра. Сюда приходили сотни поколѣній христіанской Европы, чтобъ поклониться классическому храму и великолѣпнымъ собраніямъ Ватикана; здѣсь продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ была великая школа артистовъ и центръ европейской цивилизаціи. Но эти воспоминанія потеряли прежнее обаяніе, а преступленія римской куріи омрачили ихъ образъ. Мы думаемъ, что въ наше время перемѣщеніе папскаго престола изъ Рима въ другой городъ нисколько не нарушаетъ ни спокойствія католической Европы, ни отношеній Пія IX къ христіанскому принципу.

Между-тѣмъ не такъ думаетъ тюльерійскій кабинетъ. Онъ гарантируетъ Пію IX-му Римъ съ западнымъ берегомъ, предоставляя папѣ, въ предѣлахъ этой территоріи, всѣ права, которыми онъ пользовался до виллафранскаго перемирія. Какими соображеніями руководствуется Наполеонъ III въ утвержденіи этой гарантіи? Иначе говоря, что побуждаетъ его, повидимому, признающаго конфедеративное единство Италіи, разъединять ее исключеніемъ въ пользу Пія IX-го? Не думаетъ-ли онъ, изъ уваженія къ католическому началу, сохранить его, какъ одно изъ главныхъ условій его власти? Но тогда онъ, по-крайней-мѣрѣ, не первый заговорилъ-бы объ ограниченіи поземельныхъ владѣній и свѣтскаго авторитета папы. Не скрывается-ли въ этомъ планѣ болѣе дальновиднаго намѣренія — удержать свои войска въ самомъ центрѣ Италіи и тѣмъ открыть своему вліянію постоянный доступъ на полуостровѣ? Сколько можно догадываться изъ общаго хода событій, въ этомъ послѣднемъ предположеніи есть извѣстная доля истины. Если-бъ даже матеріальная сила Франціи не

принимала никакого участія въ итальянскихъ дѣлахъ, если-бъ даже не было ни малѣйшей надежды воспользоваться современемъ какимъ-нибудь вещественнымъ приобрѣтеніемъ, въ родѣ Ниццы или Сиvoi, то это вліяніе уже выгодно потому, что удовлетворяетъ честолюбію императора. И такое стремленіе совершенно въ характерѣ французской политики, ея преданій и исторіи. Съ этой точки зрѣнія Гарибальди разсматриваетъ министерскую карьеру Кавура, и считаетъ ее въ высшей степени опасной для будущей независимости Италіи?

Какъ-бы то ни было, но фактъ остается въ полной силѣ и въ современномъ состояніи итальянскаго вопроса можно считать рѣшенными двѣ капитальныя проблемы: — 1) соединеніе силъ Гарибальди съ силами Сардиніи и, слѣдовательно, образованіе одного итальянскаго королевства подъ управленіемъ сардинскаго конституціоннаго монарха; 2) неприкосновенность Рима, какъ папской столицы, надѣленной наслѣдіемъ св. Петра. Вотъ исходный пунктъ, изъ котораго будетъ развиваться послѣдующій рядъ событій этой величайшей драмы, которую мы называемъ итальянскимъ вопросомъ.

Чтобъ пояснить его съ внѣшней стороны, мы укажемъ здѣсь на главныя происшествія послѣднихъ дней. Въ политическихъ реформахъ внѣшніе факты ничего не значуть; они служатъ только наружной оболочкой идеи, которая, по закону неотразимой логической необходимости, вступаетъ на чреду дѣйствительныхъ явленій той или другой народной жизни.

Послѣ завоеванія Сициліи, Гарибальди перенесъ войну на континентъ Италіи. Предпріятіе его, столь смѣлое и рѣшительное, изумило даже тѣхъ людей, которые горячо вѣрятъ и въ талантъ и въ счастье вождя. Опять съ горстью волонтеровъ, не имѣя ни флота для отступленія, ни военныхъ запасовъ для содержанія своей маленькой рати, окруженный со всѣхъ сторонъ крѣпостями и королевскими солдатами, съ одной надеждой, въ случаѣ неудачи, укрыться въ лѣсахъ и горахъ полуострова Калабріи, онъ высаживается на неаполитанскій берегъ. Все, что можетъ сдѣлать личное мужество, искусство и талантъ полководца, Гарибальди дѣлаетъ; за всѣмъ-тѣмъ этого было слишкомъ мало, чтобъ въ нѣсколько дней выбить непріятеля изъ всѣхъ укрѣпленныхъ позицій, одного побѣдить, другого заставить положить оружіе, третьяго — перейти на сторону врага, и такимъ-образомъ покорить себѣ южную часть Италіи. Кромѣ увѣренности въ свои силы, надо было положиться на преданность

и сочувствіе страны. И въ этомъ онъ не ошибся. Съ первой минуты высадки жители Калабріи, уже давно ожидавшіе Гарибальди, готовы были принять его на своей землѣ: едва онъ показался въ гавани Мелито, какъ со всѣхъ сторонъ, навстрѣчу ему, явились друзья и сотрудники. «Пріемъ нашъ въ Калабрію, пишетъ корреспондентъ Times'a, до того былъ искренній и горячій, что онъ далеко превосшелъ пріветствіе наше въ Сицилии... Только нѣсколько дней мы находимся здѣсь, и насъ принимаютъ, какъ друзей, въ семействахъ... Это восторженное сочувствіе производитъ благоприятное впечатлѣніе на волонтера, который идетъ въ битву за идею.» Простоявъ три дня у Касцины и высмотрѣвъ положеніе страны и непріятельскихъ гарнизоновъ, заключенныхъ въ крѣпостяхъ, первый отрядъ сицилійскихъ стрѣлковъ былъ посланъ по направленію къ Баньяръ: у подошвы прибрежныхъ высотъ, обставленныхъ неаполитанскими батареями, онъ въ первый разъ встрѣтился съ непріателемъ, и, уступая напору массы, принужденъ былъ отступить. Безъ Гарибальди дѣло не могло быть начато съ успѣхомъ: но онъ прибылъ немедленно, стянулъ разбѣянные отряды къ главному стану и, раздѣливъ ихъ на три колонны, направился къ Реджіо. Взятіе этой крѣпости было очень важно въ стратегическомъ отношеніи: она господствовала надъ обоими берегами пролива, заключала обильные запасы угля, провизіи, и оружія. Приступъ начался съ трехъ сторонъ, подъ предводительствомъ Гарибальди и Биксіо. Лѣвое и центральное крыло не встрѣтили почти ни малѣйшаго сопротивленія; только со стороны берега былъ открытъ довольно сильный огонь, который впрочемъ не отразилъ и не разстроилъ атаки. Не болѣе какъ въ два часа, послѣ перваго пушечнаго выстрѣла, городъ былъ очищенъ отъ непріателя, и гарибальдійцы вошли въ него главной улицей среди восторженныхъ криковъ народа: «viva Garibaldi! viva Italia!»

Послѣ этой легкой побѣды не трудно было догадаться, что въ королевскихъ войскахъ упалъ духъ и обнаружилась полная деморализація; солдаты и офицеры скорѣе буйствовали, чѣмъ сражались. Они стрѣляли въ посланныхъ парламентаревъ, въ беззащитныхъ жителей, громивъ деревни и села, лежащія въ чертѣ крѣпостей, по трусости выходить въ поле и драться съ волонтерами. Овладевъ укрѣпленіями Реджіо, Гарибальди скоро захватилъ въ руки весь калабріискій берегъ и отбросилъ непріателя къ Монтеалеоне. Здѣсь укрѣпились двѣ неаполитанскія бригады, подъ начальствомъ генераловъ Мелендеца и Бриганти; по-

слѣдній занялъ углубленную долину, примыкавшую къ берегу и тѣмъ отрѣзавъ себѣ всякую возможность отступленія. Гарибальди, взявъ по дорогѣ Punta di Pezzo, врасплохъ напалъ на Монтелеоне и, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, заставилъ Неаполитанцевъ бросить оружіе почти безъ бою; а корпусъ Бриганти, заподозривъ своего начальника въ предательствѣ, съ ожесточеніемъ убилъ его и разошелся по домамъ. Отсюда начинается всеобщая измѣна и бѣгство въ рядахъ Франциска II; Калабрія возстала поголовно, а за ней и все неаполитанское королевство. Дорога къ столицѣ была открыта.

Между-тѣмъ какъ югъ Италія, отпавъ отъ общаго состава королевскихъ владѣній, въ Неаполь происходила не менѣе печальная сцена. Въ городѣ отъ дворца и до послѣдней хиблы царствовали панической ужасъ: одни боялись революціи, другіе — мести. Казармы, освѣщенныя долго за полночь огнями, походили на полевые бивуаки; полицейскіе сбiry, охранявшіе площади и улицы, ходили между колоннадами и подъ окнами домовъ. Грязные и оборванные лаццарони проводили цѣлыя ночи на улицахъ, какъ-будто предчувствуя запахъ добычи, до которой они жадны даже въ минуты общенародныхъ бѣдствій. Въ домахъ было глубокое молчаніе; болѣе осторожные спѣшили оставить Неаполь, а болѣе хладнокровные ежеминутно готовились увидѣть взрывъ кровопролитнаго междоусобія. Францискъ II нѣсколько разъ откладывавъ свой отбѣздъ въ Гаету, объясняя его то болѣзнию матери, то собственнымъ нерасположеніемъ: государственный совѣтъ попрежнему собирался на совѣщанія, но нерѣшительность министровъ и роковое равнодушіе самого короля парализовали всѣ мѣры, предпріятыя правительствомъ. Въ то же время, со всѣхъ концовъ королевства неслись гонцы съ новыми извѣстіями объ успѣхахъ Гарибальди и возстаніи цѣлыхъ провинцій. Духъ крамоли и недовѣрія закрался въ самое царское семейство, и когда король напомнилъ военному министру о послѣднемъ сопротивленіи инсургентамъ, у воротъ самого Неаполя, онъ отвѣчалъ: «*troppo tardi.*» Наконецъ король сѣлъ на пароходъ и отправиться въ Гаету.

Въ тотъ самый день, Гарибальди вѣзжалъ въ Салерно. Въ ожиданіи его весь городъ съ ранняго утра былъ на ногахъ. Изъ оконъ интенданства и отеля, пишетъ очевидецъ, развѣвались всевозможные флаги, лоскуты красныхъ матерій, трехцвѣтныя неаполитанскія, сардинскія знамена и платки всѣхъ красокъ. Окна были загромождены зрителями, и сквозь стекла

блестѣли черные глаза южно-итальянскихъ красавицъ, которыя такъ граціозно помахивали вѣрами...»

Затѣмъ Гарибальди вошелъ въ Неаполь. Спокойствіе города было изумительное; переворотъ, совершившійся такъ быстро, какъ-будто остановилъ на-время всякую жизнь въ народѣ; на первый разъ ни чувство ненависти, ни чувство любви не выразились съ особенной силой. Общество, перешло отъ одного порядка вещей къ другому такъ легко и самонадѣянно. Ни капли крови, ни одной барикады, ни одного злодѣянія и убійства не видѣлъ Неаполь въ своихъ стѣнахъ во время политическаго кризиса. Гарибальди, провозглашенный диктаторомъ, приступилъ къ устройству внутренней администраціи, собравъ около себя все, что было болѣе даровитаго въ Италіи. Первымъ дѣломъ его было учрежденіе двухъ комитетовъ внутренняго *порядка* и *дѣятелія*. Потомъ, когда составилось новое министерство, диктаторъ предписалъ ему нѣсколько благоразумныхъ мѣръ: политическіе преступники были немедленно освобождены; таможни между Сициліей и Неаполемъ — уничтожены; дѣтскіе пріюты и муниципальныя школы, обязательныя для всѣхъ сословій, основаны на счетъ государственнаго бюджета; тайныя министерскія канцеляріи и фонды отмѣнены; пытка и полицейскія истязанія запрещены; судъ джюри принять въ дѣлахъ уголовныхъ; орденъ іезуитовъ и всѣхъ адептовъ ихъ закрыть безусловно, на всемъ континентѣ Обѣихъ Сицилій, а огромныя имущества его объявлены національной собственностью; различія, допущенныя закономъ, въ видѣ привилегій, въ одеждѣ, гражданскихъ правахъ и даже погребеніи, нѣсколько сравнены, и свобода совѣсти и мысли признаны основными началами будущей организаціи королевства.

Впрочемъ реформа, такъ мирно начатая, встрѣтила противо-дѣйствіе со стороны реакціонной партіи. Размолвка Гарибальди съ Кавуромъ имѣла вліяніе на теченіе неаполитанскихъ дѣлъ. Она пошатнула довѣріе въ массахъ и дала пищу интригамъ старой камарильи.

Первая искра общественныхъ междоусобій была брошена духовенствомъ. Близкое къ народу и войску, оно, подъ предлогомъ религіи, старалось взволновать умы въ отдаленныхъ деревняхъ, дѣйствуя на суевѣріе и совѣсть толпы. Тайно и явно оно сѣяло раздоръ въ семействахъ и обществахъ, представляя диктатора чѣмъ-то въ родѣ злого духа и правительство его — шайкой предателей страны. За одно съ нимъ дѣйство-

вали агенты павшаго правительства, распространяя самыя нелѣпныя толки въ народѣ и войскѣ. Успѣхъ этой партіи былъ тѣмъ вѣрнѣй, чѣмъ открытѣе дѣйствовалъ Гарибальди. Распустивъ пѣхнннхъ солдатъ по домамъ, онъ тѣмъ самымъ внесъ начала реакціи въ нисшія сословія Неаполя и усилилъ противную сторону. Многіе изъ рядовыхъ и офицеровъ, скучая бездѣйствіемъ и потерявъ жалованье, опять возвратились въ ряды покинутыхъ ими полковъ и снова стали подъ знаменемъ, которому измѣнили. Гаета сдѣлалась центромъ недовольныхъ.

Чтобъ прекратить развитіе зарождавшейся борьбы, Гарибальди предпринялъ походъ противъ Капуи, гдѣ сосредоточилось главное реакціонное движеніе. Мы расскажем осаду Капуи словами самаго очевидца, Едвина Джемса: «въ четыре часа, пшеть онъ, барабанъ и труба созвали людей къ оружію. За нѣсколько минутъ до разсвѣта прибылъ Гарибальди и собралъ военный совѣтъ во дворцѣ. Все было шумно и раздражительно; таверны и гостинницы кипѣли народомъ; мечи и штыки были отточены и вычищены.... и все войско стало подъ ружьемъ. Около двухъ миль отъ Казерты мы повстрѣчались съ передовыми отрядами гарибальдійцевъ. Первый аванпостъ занялъ деревню Санта-Марія, отстоящую на полторы мили отъ Капуи. Когда мы вошли сюда, то увидѣли сицилійскихъ волонтеровъ около 1300 человекъ, подъ предводительствомъ генерала Эбера. Мѣстоположеніе этой деревни составляетъ часть древней Капуи, и развалины великолѣпнаго амфитіатра, построеннаго Адрианомъ, господствуютъ надъ городомъ. У воротъ самой крѣпости были построены барикады и расположены сильныя отряды пѣхотнаго войска. Передніе пикеты были выдвинуты въ поле на разстояніе нѣсколькихъ сотъ сажень отъ города, и мы, сквозь подзорныя трубы, легко могли различить, разсѣяныхъ между виноградниками, неаполитанскихъ часовыхъ. Вспышка бѣлаго дыма и ударъ карабина доказали намъ, что непріятель не дремлетъ.... Мы горѣли нетерпѣніемъ завязать дѣло. Но вдругъ съ праваго крыла пришло извѣстіе, что Неаполитанцы двинулись черезъ рѣку и, наткнувшись на первую дивизію Гарибальди, снова отступили въ Капую; затѣмъ мы получили приказаніе податься назадъ.»

«Отпоръ, встрѣченный гарибальдійцами, конечно будетъ выкупленъ новыми успѣхами; за всѣмъ тѣмъ это было серьезное пораженіе не потому, что волонтеры принуждены были отступить, а потому что здѣсь обнаружился недостатокъ организаціи и дисциплины въ войскѣ, неспособномъ состязаться съ правиль-

но-устроенной арміей. Эту истину не мѣшаетъ замѣтить особенно Англіи; вѣроятно, Гарибальди послѣдній вождь, котораго геній еще можетъ восполнить или скрыть этотъ недостатокъ. Въ его необыкновенномъ искусствѣ, невозмутимой личной храбрости и быстротѣ стратегическихъ движеній никто не сомнѣвается. Но когда Гарибальди намѣренъ такъ смѣло поставить свои легіоны противъ Австріи, тогда всѣ, желающіе ему успѣха въ этомъ предпріятіи, желали-бы и побольше осмотрительности и знанія матеріальной части его отважнаго, но плохо составленнаго войска. Въ числѣ его генераловъ, Бреслау оказался крайне безразсуднымъ полководцемъ: онъ дозволилъ ложной атакѣ, предположенной противъ Капуи, перейти въ дѣйствительное нападеніе, не имѣя въ распоряженіи артиллеріи; онъ подвергъ молодые и неопытные отряды убійственному огню впродолженіе нѣсколькихъ часовъ; вѣроятно онъ будетъ отвѣчать за такую ошибку передъ военнымъ судомъ. Въ виду неаполитанскихъ гусаръ, вышедшихъ изъ Капун, подъ прикрытіемъ артиллеріи, и подошедшихъ къ самымъ воротамъ Санта-Марія, повическій страхъ овладѣлъ гарибальдійцами и, подобно огню растлѣвающемуся по долинѣ, сообщился другимъ полкамъ; бѣгство было самое дикое; офицеры схватили телѣги, предназначенныя для раненыхъ, и вдоль по улицамъ Санта-Марія, сломя голову, скакали по дорогѣ къ Казертѣ; солдаты, своротивъ въ сторону, бѣжали по полямъ и вишгородникамъ. Всѣ эти сцены, видѣнныя мной, убѣдили меня въ необходимости дисциплины, устройства и преобразования въ войскѣ, составленномъ изъ волонтеровъ подъ знаменемъ полководца. Капуя можетъ сдаться, пасть; влияніе имени Гарибальди можетъ сдѣлать все, какъ оно уже многое и сдѣлало; Гаэта можетъ быть взята, но нравственное дѣйствіе, произведенное послѣднимъ пораженіемъ, вѣроятно долго не будетъ поправлено.

«Гарибальди былъ далеко отъ самой сцены. Онъ вмѣстѣ съ штабомъ обходилъ Капую съ запада, вдоль хребта горъ, окружающихъ городъ и восхитительную панораму окрестностей. Генералъ Эберъ, почти съ 2000 человекъ, находился съ нимъ; генералъ Тюрръ, съ значительной силой, стоялъ въ пылу битвы, на растояніи шести миль отъ Блеслау, съ юго-западной стороны города, — стараясь очистить проходъ рѣки Вольтурно. Вообще приступъ къ крѣпости былъ начатъ безъ строгаго плана и военной предусмотрительности. Я самъ видѣлъ одинъ отрядъ, прижавшійся отъ огня подъ стѣной стараго монастыря; офицеръ

сказалъ мнѣ, что ояъ ожидаетъ приказаній, но приказаній не даютъ. Ядро, упавшее у самой стѣны монастыря, но разорванное по другую сторону ограды, не панесло никакого вреда. Солдаты хотѣли идти, но ихъ оставили безъ всякаго распорихенія. Въ то время, когда я помогаль спасенію раненыхъ и погребенію убитыхъ, вдругъ раздался крикъ: «кавалерія наступаетъ!» и полки дрогнули. «Назадъ въ Казерту, назадъ!» воскликнули солдаты, — и съ ужасомъ бросились бѣжать.»

Эта единственная потеря, понесенная Гарибальди въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ постоянныхъ сраженій и неразлучныхъ съ ними побѣдъ, не могла разстроить войско въ матеріальномъ отношеніи, но она, дѣйствительно, повредила ему въ нравственномъ. Легіоны, доселѣ увѣренные въ своихъ силахъ, наконецъ увидѣли, что ихъ можно побѣждать. На другой день, когда Гарибальди собралъ разсѣянные толпы ихъ, многіе изъ нихъ не явились на мѣсто сбора, а другіе угрюмо стояли подъ ружьемъ въ виду недовольнаго полководца. Впрочемъ диктаторъ не замедлялъ доказать, что побѣда можетъ измѣнить ему, но никогда не оставить его. Пораженіе при Казертѣ наемнаго войска изъ Баварцевъ и Австрійцевъ совершенно замаскировала неудачу при Калуѣ.

Положеніе Франциска II въ Гаэтѣ съ каждымъ днемъ становится болѣе труднымъ. Представляя какое-то подобіе власти ояъ, на-самомъ-дѣлѣ, не имѣетъ ее дальше крѣпостной стѣны.

Между-тѣмъ, въ центральной части полуострова сокращается папская область. Подобно ветхому и запущенному дому, она стояла нѣсколько вѣковъ только потому, что никто не хотѣлъ прикоснуться къ этой античной муміи; не измѣняя и не поправляя ничего въ своемъ хозяйствѣ, папы наконецъ дошли до того печальнаго состоянія, когда кругомъ ихъ все разлагается и глѣетъ за отсутствіемъ жизненнаго начала. Въ половинѣ XIX-го вѣка Римъ походитъ на великолѣпный стволъ тропическаго растения, у котораго осталась вѣшняя оболочка, цвѣтъ и нѣсколько влаги, а сердцевина сгнила и корни засохли. Дерево видимо гнется и падаетъ, но Ріо-Ноло приказываетъ Антонелли поливать, освѣжить и подкрѣпить его какими-нибудь подпорами. Въ то время, какъ кардиналъ занялся расчисткой огорода, изъ Сардиніи вдругъ врывается въ него ночной тать, (такъ называли генерала Чалдини благочестивые прелаты), и занимаетъ восточную часть Римской области. Еще до вторженія Чалдини обнаружались возстанія между подданными Пія IX-го; повсемѣстный ропотъ и эмиграція въ Неа-

поль постепенно возрастали, такъ-что переходъ его черезъ границу Умбрии, былъ встрѣченъ съ полной готовностью перейти на сторону Сардиніи. Не смотря на то, папа рѣшился отразить силу силой; огласивъ постунокъ Виктора-Эмануила открытымъ дневнымъ разбоемъ противъ церкви и ея пастыря, онъ нанялъ нѣсколько тысячъ ратниковъ и поставилъ въ головѣ ихъ алжирскаго вонна и французскаго ренегата — Ламорисьера. Нельзя сказать, чтобъ католическая Европа не отозвалась на призывъ Пія IX-го; Ирландія послала ему 600 человекъ. Но воинство папы оказалось несостоятельнымъ. Чалдини брать одинъ городъ за другимъ; въ Пезаро онъ захватилъ въ плѣнъ двѣсти Нѣмцевъ и монсиньора Беллу; Орвието самъ сдался; при Кастельфондардо онъ разбилъ на голову Ламорисьера, который едва успѣлъ пробраться сквозь дефиле въ Анкону. *Qu'as tu fait, la Mauricière, hier?* «Съ одиннадцатю тысячами людей и здоровой подмогой анконскаго гарнизона, говоритъ Times, онъ вышелъ навстрѣчу рѣшительнаго пораженія. Онъ былъ побитъ на своей собственной землѣ, на полѣ имъ-же самимъ избранномъ.» Затѣмъ папа Анкона, и алжирскій герой, сослуживъ такую службу коллегіи кардиналовъ, окончили свою карьеру плѣномъ.

Такимъ образомъ Пій IX въ нѣсколько дней потерялъ ирландскую бригаду, Ламорисьера, все наемное войско и половину своихъ владѣній. Но по какому праву Сардинія вторглась въ папскую область? Кавуръ, отъ 7-го Сентября, предупредилъ Антонелли особой нотой о необходимости вмѣшаться въ римское дѣло. Въ числѣ причинъ онъ приводитъ распущенность внутренней администраціи и увеличеніе наемнаго войска. «Присутствіе иностранной арміи, говоритъ онъ, оскорбляющей національное чувство и стѣсняющей свободное выраженіе народныхъ желаній неизбежно распространитъ возстаніе въ сосѣднихъ провинціяхъ.... Совѣсть короля Виктора-Эмануила не позволяетъ ему остаться пассивнымъ зрителемъ кроваваго притѣсненія, съ которымъ вооруженные наемники душили-бы всякое національное чувство въ итальянской крови. Ни одно правительство не имѣетъ права предоставить произволу шайки солдатъ состояніе, жизнь и честь жителей образованной страны.» Но какое дѣло Сардиніи до внутреннихъ неурядицъ и той или другой организаціи войска въ чужомъ и независимомъ отъ нея государствѣ? Разсматривая такой актъ съ точки зрѣнія международнаго права, его нельзя оправдать отъ своеволя и нарушенія принятыхъ правилъ. Если Сардинія считаетъ себя въ правѣ распорядиться въ Римской области,

то почему-же Англія не можетъ держать подъ опекой правительство Франціи? Повидимому такъ: но есть обстоятельства, которыя можетъ быть, оправдываютъ новый политическій шагъ Кавура. Дѣло въ томъ, что между отдѣльными частями Италіи существуетъ національная солидарность, которой фактическая сила не можетъ быть не признана. Отдѣльное управленіе — будетъ-ли оно принадлежать папѣ или тосканскому герцогу, — совершенно свободно располагаетъ своими мѣстными интересами, въ предѣлахъ своего географическаго очертанія, но не имѣетъ права вредить или противорѣчить общимъ выгодамъ страны. Если вся Италія желаетъ единства и независимости отъ иностраннаго владычества, а папа одинъ отвергаетъ его, тогда правительство его утрачиваетъ всякій національный характеръ и обращается въ насилие, противъ котораго нѣтъ другой защиты — кромѣ силы. Напрасно Антонели увѣряетъ Кавура, что римское управленіе, окруживъ себя толпою наемныхъ солдатъ, дѣйствуетъ совершенно согласно общепринятымъ законамъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Положимъ, что всякое правительство вправѣ нанимать иностранныя войска, но оно, разумѣется, нанимаетъ ихъ для охраненія своихъ подданныхъ, а не для кровопролитій, подобныхъ Перузѣ. Въ этомъ состоитъ исключительное положеніе папы, насчетъ котораго не ошибается ни одинъ европейскій кабинетъ. Послѣ этого остается спорить о словахъ, не принимая въ соображеніе ни силы обстоятельствъ, ни современныхъ условій Италіи.

Оправдывая туринское министерство со стороны принципа и факта, мы однакожъ не можемъ не замѣтить шаткости въ его политикѣ. Уклоняясь поставить вопросъ ясно и откровенно, оно прибѣгаетъ къ страннымъ извиненіямъ, какъ-будто кто-нибудь сомнѣвается, чего желаетъ и къ чему стремится сардинскій король. Кажется, цѣль его понятна: онъ становится впереди національнаго движенія, желая соединить Италію въ одно цѣлое и тѣмъ упрочить, какъ собственныя границы, такъ и независимость всего полуострова противъ австрійскаго вторженія. На сколько искренно онъ выполнитъ эту задачу — покажетъ время.

Казни въ Сиріи.

«Кровь за кровь» — эта старая восточная пословица вполне примѣняется къ дѣлу турецкимъ правительствомъ, въ половинѣ XIX-го вѣка. Злодѣянія Друзовъ оканчиваются новыми злодѣяніями, которыя совершаетъ теперь не дикое и фанатическое племя Ливанскихъ горъ, а сама оттоманская порта. Фуадъ-паша, посланный изъ Константинополя для прекращенія сирійскихъ смуть и безпорядковъ, расточаетъ казни съ обычнымъ хладнокровіемъ турецкаго сановника. На Востокъ никогда не цѣнилась дорого человѣческая жизнь; тамъ доселѣ сохранилось обыкновеніе посылать человѣческія головы, какъ подарокъ, какъ выраженіе особенной вѣжливости одного правителя къ другому; при малѣйшемъ неудовольствіи паша или каймакама часто погибаютъ цѣлыя десятки людей, по одному слову, безъ всякаго суда и оправданія. Лишеніе собственности, заключеніе въ тюрьму составляютъ повседневные акты необузданнаго произвола, не признающаго ни силы закона, ни уваженія къ естественнымъ правамъ челоуѣка. Всѣ эти сцены давно знакомы Европѣ, и она привыкла смотрѣть на нихъ, какъ на особенную привилегію оттоманской порты. Но казни Фуада-Паши превышаютъ все, чего можно было ожидать отъ турецкой имперіи. Больше пяти-сотъ Друзовъ приговорены къ смертной казни, многіе сосланы на галеры, брошены въ темницы или изгнаны изъ отечества; дома и имущество виновныхъ отданы христіанамъ; три тысячи юношей отправлены въ Константинополь въ качествѣ рекрутъ султанскаго войска. Военный судъ, уполномоченный странной властью, досихъ-поръ продолжаетъ карать, и число жертвъ, вѣроятно, возрастетъ до огромной цифры.

Такая жестокость, лишенная самыхъ обыкновенныхъ правилъ суда, не извиняется даже страхомъ наказанія или угрозой на будущее время. Неужели турецкое правительство думаетъ, что чѣмъ больше оно прольетъ крови, тѣмъ прочише утвердить спо-

койствіе страны? Напротивъ, мы убѣждены, что такія варварскія мѣры вызовутъ чувство мести со стороны Друзовъ и надолго оставятъ въ нихъ непримиримую ненависть къ христіанамъ. Мы понимаемъ, что справедливое наказаніе преступниковъ было необходимо; но оно требовало внимательнаго изслѣдованія дѣла и строгаго правосудія въ опредѣленіи приговоровъ. Ничего подобнаго не сдѣлалъ Фуадъ-Паша; едва онъ высадился на сирійскій берегъ и явился въ Дамаскъ, какъ приступилъ, безъ всякаго разбора и осторожности, къ терору. Въмѣсто того, чтобъ предпринять мѣры, которыя-бы предотвратили впередъ подобныя столкновенія враждебныхъ населеній, вмѣсто того чтобъ примирить ихъ, онъ постарался еще болѣе разжечь національныя и религіозныя антипатіи, и тѣмъ приготовить рядъ новыхъ возстаній и убійствъ. Кто знаетъ положеніе Востока, тотъ не сомнѣвается, что пройдетъ годъ или два, и Сирія опять представитъ Европѣ сцену кровопролитій.

Тѣмъ несправедливѣе эта жестокость, что оттоманская порта была единственной и главной виновницей сирійскихъ событій. Политика ея въ отношеніи Сиріи основывалась на уничтоженіи мѣстныхъ установленій. Съ этой цѣлью Турція старалась поселить раздоръ, поддерживать взаимную ненависть между мохаммеданскимъ и христіанскимъ населеніемъ, и пользуясь этимъ раздоромъ, держать ихъ въ безусловной зависимости отъ порты. Такъ, вмѣсто патріархальнаго управленія, она ввела свою администрацію, въ высшей степени стѣснительную для частной дѣятельности по запутанности формъ и совершенной бесполезности въ общественномъ устройствѣ. Не соображаясь ни съ условіями племенныхъ обычаевъ, ни съ степенью развитія, она навязала покоренному народу свои собственные законы, выработанные при другихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ другой исторіи и народности. Вслѣдствіе того власть султана, обращенная въ своеволіе и насиліе пашами, сдѣлалась невыносимымъ гнетомъ для ливанскаго населенія. «Мы видимъ постоянныя войны между отдѣльными племенами и даже семействами одного и того же племени, возстанія, систематическіе и дерзкіе разбои, грабежи и угоны скота, воровство среди открытаго дня, сопровождаемое убійствомъ, похищеніемъ и всевозможными варварскими поступками.» Притомъ теперь открывается, что въ послѣднемъ возстаніи Сиріи участвовали турецкіе агенты, которые исподоволь pripravляли Друзовъ къ нападенію на христіанъ; это былъ тайно веденный заговоръ, извѣстный и въ

торымъ пашамъ и, можетъ быть, не чуждый свѣдѣнiямъ оттоманской порты.

Въ такомъ видѣ представляется сирiйское дѣло изъ достовѣрныхъ источниковъ, дипломатическихъ и частныхъ. Паническій страхъ, наведенный военно-судебною комиссiей Фуида-Паша, распространился по всему Ливану. Жители городовъ и деревень, замѣшанныхъ въ процессъ, готовы были оставить свои пепелища и уйти въ горы; и если-бъ турецкое войско не предупредило этого гуртоваго бѣгства, вѣроятно, война приняла-бы серьезный и продолжительный характеръ.

Но что же оттоманская порта думаетъ предпринять для будущаго спокойствiя страны? Вотъ вопросъ, который долженъ обратить на себя вниманiе Европы. Случайнаго покровительства ея недостаточно; чисто-дипломатическаго обезпеченiя, нарушаемаго правительствомъ, слишкомъ мало; надо искать болѣе дѣйствительныхъ средствъ противъ неизбежныхъ столкновений между непрiязненными племенами. Само-собою разумѣется, что эти средства заключаются въ рукахъ одной Турцiи. Нѣтъ сомнѣнiя, что она неспособна радикально измѣнить отношенiя между христiанами и османлисами, — неспособна по духу религiи, преданiй и политическаго состава своей имперiи: такая реформа выше ея силъ; но, по-крайней-мѣрѣ, она можетъ ослабить зло, на сколько это зависитъ отъ ея администрацiи. Прежде всего, она должна убѣдиться, что политика ея въ отношенiи христiанъ и Друзовъ доселѣ была самая ложная: утверждая господство на разъединенiи и внутренней борьбѣ народныхъ силъ, она истощила какъ свои собственные жизненные начала, такъ и своихъ подданныхъ. Современная Турцiя переживаетъ кризисъ, и не трудно предсказать, что она переживетъ его дурно, если не употребитъ всей энергiи и государственнаго смысла, чтобъ отвести еще ударъ, готовый поразить ее въ самый корень жизни.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Записки Гавриила Романовича Державина. 1743—1812. Съ литературными и историческими примѣчаніями П. И. Бартенева. Изданіе Русской Бесѣды. Москва, 1860 года.

Записки Державина (или, какъ онъ самъ выражается, *записка* изъ извѣстныхъ происшествіевъ и подлинныхъ дѣлъ) писаны между 1808 и 1812 годами. Авторъ ихъ, все еще недовольный своей послѣдней отставкой отъ званія министра юстиціи, имѣетъ въ нихъ главною цѣлью ярко выставить свои заслуги отечеству и рукою, опытною въ сочиненіи всевозможныхъ бумагъ и экстрактовъ, подаетъ свою апелляцію потомству на обиды, претерпѣнныя за правду. До-тѣхъ-поръ, пока историческая критика не познакомитъ насъ ближе съ эпохой, въ которую дѣйствовалъ Державинъ, трудно рѣшить, на сколько онъ былъ правъ или виноватъ въ томъ или другомъ случаѣ. Историческія примѣчанія г. Бартенева очень коротки, и болѣею частію касаются только происхожденія или званія упоминаемыхъ лицъ *). Эта сторона за-

---

*) Напримѣръ, стр. 395: «Этотъ Апраксинъ женатъ былъ на графинѣ Катеринѣ Ивановнѣ Гендриковой», или стр. 366: «Императоръ Павелъ особенно былъ милостивъ къ отцу графа Чернышева, графу Ивану Григорьевичу, котораго онъ между прочимъ пожаловалъ необыкновеннымъ титуломъ генералъ-фельдмаршала по флоту: графъ Чернышевъ никогда не служилъ ни въ военной, ни въ морской службѣ.» Касательно нѣкоторыхъ главныхъ лицъ, напримѣръ Потемкина, мы не встрѣчаемъ ни одного объясненія. Напротивъ, литературныя замѣчанія г-на Бартенева отличаются полнотою: онъ приводитъ на каждый годъ подробные списки стихотвореній Державина.

писокъ, конечно, самая занимательная, и любопытно бы нѣтъ къ ней тотъ ключъ, безъ котораго многое остается только намекомъ или темной загадкой. Предоставляя специалистамъ разъяснить такія загадки, мы въ своемъ краткомъ обзорѣ намѣрены познакомить только съ общимъ характеромъ записокъ и съ тѣми свойствами ихъ автора, которыя особенно ярко въ нихъ высказываются. Лучшимъ объясненіемъ всей дѣятельности Державина могли-бы служить слова императора Александра I, сказанныя ему на аудіенціи въ 1803 году. Державинъ домогался узнать, чѣмъ онъ *прослужилъ*? Государь отвѣчалъ: «*Ты очень ревностно служишь,*» — и велѣлъ поторопиться просьбою объ отставкѣ. (Зап. стр. 494). Служебная ревность, какъ ее понимали почти все тогдашніе искатели чиновъ и высокой карьеры, дѣйствительно составляла безошадный фатумъ всей жизни Державина, большую занозу въ его безпокойной душѣ. Человѣкъ, не получившій почти никакихъ средствъ, даваемыхъ образованіемъ, но отъ природы одаренный не малой долей поэтической фантазіи, онъ естественно не могъ идти обдуманнымъ, послѣдовательнымъ путемъ къ своей цѣли; да и самый вѣкъ, кипѣвшій громадными замыслами, не допускалъ мелкой и хладнокровной политики современныхъ намъ искателей отличій. Тогда нужны были смѣлость, рискъ, чтобы прямою дорогою пробраться къ кабинету или ожидать, что васъ выгонятъ даже изъ передней. Пылкость и рѣшительность Державина были для него вѣрными средствами къ возвышенію; но въ тоже время въ нихъ заключалась и причина той неустойчивости, вслѣдствіе которой, поднявшись разъ, онъ долженъ былъ все выше и выше взбираться на гору.

Образованіе автора «Фелицы» было очень не блпстательное. Сначала питомецъ Нѣмца Розы, наказывавшаго своихъ учениковъ «неблагопристойными штрафами», потомъ онъ является въ казанской гимназіи подъ началомъ Веревкина, который въ городѣ Чебоксарахъ мѣряетъ улицы рамою шириною въ восемь сажень, а длиною въ шестнадцать, и сгоняетъ съ проходящихъ судовъ работниковъ, чтобы носить ее, — ловкое средство, чтобы получить взятку и отъ хозяевъ задержанныхъ судовъ и отъ хозяевъ тѣхъ домовъ, которые были построены не по плану! Вотъ первая школа. Далѣе находимъ Державина рядовымъ преображенскаго полка: онъ стоитъ во внутреннемъ караулѣ во дворцѣ и сопутствуетъ полку въ Петергофъ при вступленіи императрицы Екатерины II на престолъ — эпизодъ, одинъ изъ самыхъ любо-

пытныхъ въ его запискахъ, заключающій интересныя подробности (стр. 13 — 24). Вотъ, прибывъ ко дню коронаціи государыни, онъ щеголяетъ въ Москвѣ: «въ мундирѣ Преображенскомъ, на Голштинскій манеръ, кургузомъ, съ золотыми петлицами, съ желтымъ камзоломъ и таковыми же штанами сдѣланномъ, съ Прусскою претолстою косою, дугою выгнутою, и пуклями какъ грибы, подлѣ ушей торчащими, изъ густой сильной помады слѣпленными.» Но скоро возвратились мундиры стараго покроя. Далѣе, Державинъ, стоя въ будкѣ на часахъ, чуть не гибнетъ ночью отъ жестокаго морозу; разнося по ночамъ приказы, отбивается тесакомъ отъ собакъ на улицахъ Москвы — и наконецъ получаетъ чинъ капрала. Грустно слѣдить, какъ изъ типа отчаяннаго драгуна, военнаго забудыги, Державинъ постепенно преобразуется въ типъ усерднаго чиновника. Отправясь въ отпускъ къ матери, съ «одною благородною дѣвицею», страстный капралъ, изъ угожденія «любимому предмету», дерется на Клязьмѣ съ перевозчиками (стр. 28, 29). Далѣе опять видимъ его на службѣ подъ начальствомъ братьевъ Лутовиновыхъ, которые «проводили цѣлыя ночи въ кабакѣ, никого *однако* постороннихъ кромѣ дѣвокъ ѣе впуская.» Державинъ и про себя дѣлаетъ замѣчаніе: «въ карты по малу играть началъ, не оставая упражняться, *если время дозволяло*, и въ стихотворствѣ» (стр. 735). Но вслѣдъ затѣмъ въ Москвѣ онъ игралъ уже не по-малу, потому что проигралъ деньги, данныя матерью на покупку деревни, да заложилъ и имѣніе. Тутъ научился онъ и всѣмъ «игрецкимъ мошенничествамъ»; но въ оправданіе свое приводитъ, что таковой выигрышъ не служилъ ему въ прокъ, что онъ не игралъ въ долгъ, и только по нуждѣ (стр. 37, 38). Наконецъ Державинъ одумался, бросилъ свою беспорядочную жизнь въ Москвѣ и пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Въ 1773 году, уже прапорщикъ гвардіи, томимый жаждою дѣятельности, онъ является къ Бибикову, которому поручено было усмиреніе Пугачева, и рекомендуетъ себя вѣрнымъ служакою, донося о волненіи солдатъ, посланныхъ въ походъ. Бибиковъ взялъ его съ собою, и вотъ, онъ уже въ Казани. Съ какимъ жаромъ говоритъ онъ своему генералу: «Надобно дѣйствовать, надобно дѣйствовать.» И *назойливый* офицеръ (собственныя слова Державина, стр. 54, 55) въ-самомъ-дѣлѣ отправленъ въ Саратовъ съ порученіемъ отъ секретной комиссіи. Тутъ онъ проводитъ время въ постоянныхъ разъѣздахъ, дѣлаетъ тайные допросы, съчетъ плетью народъ на церковной оградѣ, пишеть увѣщательную грамоту, черезъ которую

первый разъ становится извѣстенъ императрицѣ, ссорится съ комендантомъ Саратова, Бошнякомъ, подкупаетъ людей съ цѣлю поймать самозванца (что однако ему не удалось), наконецъ, удачно защищаетъ колоніи отъ трусливыхъ Киргизовъ. Иногда фантазія, напуганная опасностями, представляетъ ему страшные образы. Державинъ рассказываетъ, что однажды «взглянувъ печально въ боковое, маленькое крестьянское окно, увидѣлъ изъ него выставившуюся голову остова, бѣлую, подобно какъ-бы изъ тумана составленную, которая, вытараща глаза, казалось, хлопала зубами.» Между-тѣмъ настоящія опасности ждали его на другомъ, болѣе скользкомъ поприщѣ. По смерти Бибикова у него явилось вдругъ два главныхъ начальника: Потемкинъ, троюродный братъ Екатеринина любимца, и графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Онъ по обязанности службы (уже послѣ поимки Пугачева) отправляется къ первому въ Казань; но заѣзжаетъ и ко второму въ Симбирскъ, чтобы снискать его благорасположеніе, которому сильно повредили не совсѣмъ несправедливыя жалобы Бошняка на самоуправство Державина. Симбирскій эпизодъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ въ книгѣ (97 — 102). Когда Державинъ явился въ Симбирскъ къ гордому вельможѣ, то Панинъ только спросилъ его, видѣлъ-ли онъ Пугачева? — и вслѣдъ за тѣмъ велѣлъ привести скованнаго по рукамъ и по ногамъ самозванца. Это было сдѣлано съ цѣлю кольнуть самолюбіе «маленькаго офицера,» хваливагося своими подвигами. Потомъ всѣ присутствовавшіе пошли ужинать. Державинъ безъ особаго приглашенія садится за столъ съ другими штабъ и оберъ-офицерами. Графъ, окинувъ взоромъ сидящихъ, увидѣлъ и Державина: «нахмурился, заморгалъ глазами и вышелъ изъ-за стола, сказавъ, что забылъ отправить курьера къ государынѣ.» Тѣмъ не менѣе «маленькій офицеръ» и на другой день нѣсколько часовъ ждетъ въ пріемной. Графъ наконецъ вышелъ изъ кабинета «въ сѣрватомъ, атласномъ, широкомъ плафрокѣ, французскомъ большомъ колпакѣ, перевязанномъ розовыми лентами.» Въ присутствіи всего штаба, онъ прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ, не удостоивъ и взглядомъ Державина. Оскорбленный Державинъ вдругъ остановилъ его, и, «взявъ съ почтеніемъ за руку,» сталъ просить объясненія. Панинъ повелъ его съ собою въ кабинетъ, и началъ тамъ распекать. Державинъ выслушалъ «съ подобострастіемъ» окрикъ генерала и сказалъ: «это все правда, ваше сіятельство, я виноватъ пылкимъ моимъ характеромъ, но не ревностной службой. Кто-бы сталъ васъ обвинять, что вы, бывъ

въ отставку на покоѣ и изъ особенной любви къ отечеству и приверженности къ высочайшей службѣ всеплотивѣйшей государыни, прінялъ на себя въ толь опасное время предводить войсками противъ злѣйшихъ враговъ и не щадя своей жизни и проч.» Такая рѣчь растрогала начальника до того, что вдругъ «покатились ручьемъ изъ глазъ его слезы,» и онъ сказалъ: «садись, мой другъ, я твой покровитель.» Тутъ кстати вошли генералы, и Державинъ не пропустилъ случая удостовѣрить «въ благопріятномъ къ нему расположеніи начальника.» Онъ былъ приглашенъ и къ обѣду. Панинъ преимущественно удостоивалъ его своимъ разговоромъ. Но увы! Вотъ, вечеромъ садится за карты; герой нашъ, наскучивъ по-пусту зѣвать, рапортуетъ, что ѣдетъ къ Потемкину, и вельможа съ гнѣвомъ отъ него отворачивается. И такъ вся чувствительность пропала даромъ. Съ тѣхъ-поръ, Державину много стоило трудовъ, чтобъ добиться какихъ-нибудь отличій. Напрасно являлся онъ въ подмосковную деревню князя Кантемира, гдѣ жила Екатерина въ маленькомъ домицкѣ не болѣе, какъ изъ шести комнатъ, въ которомъ помѣщался и Потемкинъ: сначала обѣщавъ покровительство, на слѣдующій разъ любимецъ «отскочилъ отъ него съ негодованіемъ,» (стр. 110) *). Между-тѣмъ и жизненные средства его порастроились; однако съ оставшимися пятидесятью рублями онъ успѣваетъ въ Петербургѣ выиграть до 40,000 рублей (стр. 112). Наконецъ онъ пишетъ Екатеринѣ длинную просьбу, въ которой излагаетъ всѣ свои заслуги. Просьба не осталась безъ дѣйствія: Державинъ призванъ къ Потемкину. Великолѣпный князь Таврической сидѣлъ въ кабинетѣ въ креслахъ и по обыкновенію кусалъ ногти. Увидѣвъ Державина, онъ спросилъ: «чего вы хотите?» Тотъ не понялъ вопроса. — «Государыня приказала спросить, повторилъ Потемкинъ, чего вы по прошенію вашему за службу желаете?» «Я уже имѣлъ счастье чрезъ господина Безбородку отозваться, отвѣчалъ Державинъ, что я *ничего не желаю*, коль скоро служба моя благоугодно Ея Величеству показалась». — «Вы должны непременно сказать.» — «Когда такъ, съ *глубокимъ благоговѣніемъ* отозвался проситель (подлинныя слова): за производство дѣлъ по секретной комисіи желаю быть награжденнымъ деревнями равно со сверстниками моими, гвардіи офицерами; а за спасеніе

---

*) Причину этой внезапной перемены, Державинъ не объясняетъ: она тѣмъ чуднѣе, что, по извѣщенію Потемкина, Екатерина уже обѣщала награждать его.

колоній по собственному моему подвигу, какъ за военное дѣйствіе чиномъ полковника.» — «Хорошо, отозвался князь, вы получите.» — Державинъ уже былъ поручикомъ, и послѣ долгаго толканья въ передней у Потемкина наконецъ произведенъ.... коллежскимъ совѣтникомъ въ статскую службу! При этомъ дано ему еще триста душъ въ Бѣлорусской губерніи.

Тутъ начинается служба его у князя Вяземскаго въ сенатѣ. Сначала онъ очень друженъ съ княземъ: играетъ съ нимъ въ карты, читаетъ ему романы, за которыми не рѣдко и чтецъ и слушатель дремали, а для княгини пишетъ похвальные стихи въ честь ея супруга. Но скоро успѣхъ оды «Фелица» и въ тоже время полученный чинъ статскаго совѣтника придали Державину болѣе рѣшительности. Въ противность Вяземскому, онъ составляетъ правила о вновь прибавившемся доходѣ отъ новой ревизіи и отъ новыхъ налоговъ. Неизвѣстно, какую цѣль имѣлъ Вяземскій до времени скрывать этотъ доходъ, отзываясь неполученіемъ вѣдомостей. Вѣроятно, по причинѣ тогдашнихъ огромныхъ издержекъ двора, онъ желалъ имѣть на всякій случай подъ рукою деньги. Какъ-бы то ни было, Державинъ требуетъ отставки. Эта отставка вышла какъ нельзя кстати, потому что онъ вскорѣ получилъ мѣсто олонецкаго губернатора. Обширный кругъ его дѣятельности въ важныхъ должностяхъ, которыя онъ съ этихъ-поръ занимаетъ, требовалъ-бы очень подробнаго разсмотрѣнія. Мы не беремся за такой трудъ, а объяснимъ только въ общихъ чертахъ эту дѣятельность. То было вѣчное колебаніе, символъ житейскаго моря. Державинъ то возносился высоко на зыбкихъ волнахъ его, то опять опрокидывался въ бездну. Сколько отставокъ, и все новыхъ, иногда совѣмъ не бывалыхъ должностей (какъ напр. при Павлѣ—министра коммерціи) выпало на его долю! Сколько улыбокъ и грозныхъ взглядовъ, мягкихъ рѣчей и суровыхъ толчковъ пришлось узнать ему! Сегодня гордый, чуть не самовластный распорядитель въ сенатѣ, завтра смиренно ждетъ опъ въ передней у человѣка, въ честь котораго, когда-то написалъ хвалебную оду и котораго потомъ честить именемъ святоши (Репнина). Между-тѣмъ почти на каждой страницѣ своихъ записокъ онъ выставяетъ себя борцемъ за правду, и онъ дѣйствительно пользовался этой славой, раскрывая по сенатскимъ дѣламъ множество злоупотребленій. Радищевъ доврчиво приноситъ ему свою книгу, стоявшую автору ни болѣе, ни менѣе какъ ссылки въ Сибирь. Правда! какое великолѣпное, увлекательное слово и какъ оно пріятно звучало для людей, плѣнявшихся филантро-

пическимъ правиломъ: живи и жить давай другимъ!—Правда была блистательнымъ, театральнымъ украшеніемъ въ вѣкъ, искавшій во всемъ эффекта. Въ честь ея писали стихи, въ защиту ея говорили длинныя рѣчи. Горячка новыхъ пѣей, конечно, увлекала и пылкаго пѣвца Фелицы. Столь много воспѣвая ихъ въ стихахъ, онъ естественно долженъ былъ что-нибудь сдѣлать для нихъ и въ самой жизни. Никто не умѣлъ съ такимъ блескомъ носить торжественную тогу правдиваго судьи и никто не былъ такъ безвреденъ своею громкою правдивостью. Въ лицѣ Державина бюрократія принимала какой-то поэтическій, катоновскій характеръ. Ему поручали неблагодарныя дѣла, за которыя не взялся-бы ни одинъ осторожный дипломатъ; но можно было надѣяться, что онъ не сдѣлаетъ ничего, не посоветовавшись съ такими любимцами, каковы были: Потемкинъ, Зубовъ. Честолюбивый до крайней степени, онъ принималъ на себя какія угодно обязанности и былъ необходимъ тѣмъ, что умѣлъ угодить вліятельнымъ лицамъ (какъ напримѣръ въ дѣлѣ Чернышева), или въ опасныхъ случаяхъ несъ на себѣ отвѣтственность, какой другіе избѣгали. Часто невольный страдалецъ за правду, въ своей пламенной ревности чиновника, онъ наконецъ сдѣлалъ изъ нея свою привычную праздничную одежду, что-то въ родѣ официального мундира. Когда императоръ Павелъ предлагаетъ ему быть правителемъ своего верховнаго совѣта, Державинъ отвѣчаетъ, что радъ служить со всею ревностью, если его величеству угодно будетъ любить правду, какъ любилъ ее Петръ-Великій. Это была фраза, повторявшаяся тысячу разъ, которая примѣнялась и къ дѣлу, дѣйствительно правдивому, и къ дѣлу, довольно сомнительной честности. Державинъ сказалъ ее только по причинѣ торжественности случая. Но вотъ его назначили въ правители *канцеляріи* совѣта, и Державинъ докучаетъ требованіемъ инструкціи: онъ проситъ даже объяснить, какъ ему: стоять или сидѣть въ совѣтѣ.

Павелъ наконецъ не вытерпѣлъ. «Поди назадъ въ сенатъ, сказалъ онъ, и сиди у меня тамъ смирно, а не то я тебя проучу». Герой правды идетъ къ Репнину просить покровительства, но, получивъ отказъ, не находитъ другаго средства возратить милость государя, какъ *написать оду* на возшествіе его на престолъ. Ода имѣла успѣхъ и ему снова дозволили пріѣзжать во дворецъ. Мы видимъ въ Державинѣ идеалъ чиновника, въ полномъ выраженіи этого слова,—чиновника, преданнаго всею душою одной буквѣ закона и не способнаго сдѣлать шагу безъ точнаго пред-

писанія на бумагѣ. Съ одной стороны поверхностное образованіе, съ другой постоянный страхъ быть въ отвѣтѣ, естественно привелъ его къ этому положенію. А поэтъ? Какое же значеніе имѣеть знаменитый поэтъ Державинъ? Поэзія была занятіемъ въ свободное время отъ дѣлъ, т.-е., во время отставки, и служила къ тому, чтобы получить новое мѣсто. Даже самая «Ода Богъ», оконченная въ одно время со стихами «Видѣніе Мурзы», какъ-то странно совпадаетъ съ полученіемъ губернаторскаго мѣста въ Петрозаводскѣ. Напрасно Екатерина желала, чтобы Державинъ отдохнулъ, чтобы занялся исключительно поэзією. Пѣвецъ «Фелицы» явно давалъ знать, что сочиненіе стиховъ есть для него средство снискать милость, а милость выражаѣась у него только полученіемъ видной должности. Когда послѣ тамбовскаго губернаторства, Державинъ оправданный судомъ, вновь былъ ласково принятъ императрицею, когда ему производилось и жалованье, какое онъ получалъ прежде, онъ все еще этимъ не былъ доволенъ: его терзала отставка. Онъ усердно ходилъ къ Платону Александровичу Зубову, но придворные лакеи отказывали и отказываютъ. «Такимъ образомъ ходя нѣсколько, замѣчаетъ Державинъ (стр. 298), не могъ удостоиться ни одного раза застать его у себя. Не осталось *другаго средства*, какъ прибѣгнуть къ своему таланту. *Въ сладствіе чего* написалъ онъ оду «позображеніе Фелицы, и къ 22-му числу Сентября, т.-е., ко дню коронованія императрицы, передалъ чрезъ Эмина. Государыня, прочитавъ ее, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду». Державинъ въ то время уже не нуждался въ деньгахъ: онъ самъ рассказываетъ, что уже приобрѣлъ до 1,200 крестьянъ. Но если поэзія исчезаетъ въ этомъ усердіи искателя мѣста, то съ другой стороны въ дѣлахъ Державина, какъ чиновника, порою проявляется особенная склонность къ поэзіи. Еще служивъ въ секретной комиссіи, въ деревнѣ Малыковкѣ, онъ устроиваетъ казнь тремъ преступникамъ и безъ крайней нужды, ради одной сцены, пугаетъ давно раскаявшійся народъ. Всѣ обыватели мужскаго и *женскаго* пола должны собраться на лежащую близъ села гору; священнослужители отъ всѣхъ церквей облачаются въ ризы, на злодѣевъ надѣты саваны. Пушка, заряженная картечью, и двадцать стрѣлковъ выставлены противъ народа. Гусары съ обнаженными саблями должны разѣзжать около села, съ приказаніемъ неспадно рубить всѣхъ, кто вздумаетъ бѣжать. Послѣ этого Державинъ ведетъ черезъ все село преступниковъ съ *завязанными*

ельчани и съ колокольнымъ звономъ. «Сіе, говоритъ онъ, такъ събѣжавшійся народъ всего села и изъ окружныхъ деревень устремилъ, что хотя было ихъ нѣсколько тысячъ, но такая была толпина, что никто не смѣлъ рта разинуть» (стр. 90—91). А вотъ и другой случай. Когда Державинъ былъ губернаторомъ въ Тамбовѣ, то пришло изъ Петербурга распоряженіе открыть народное училище. Поэтому случаю губернаторъ счелъ необходимымъ, чтобы произнесена была рѣчь. Во всемъ Тамбовѣ нашелся одинъ проповѣдникъ, дьяконъ преосвященнаго, да и онъ «на этотъ разъ пилъ запоемъ». Державинъ поручилъ написать рѣчь однодворцу Захарьину, которой иногда приносилъ къ нему духовныя вирши своего издѣлія. Но сочиненіе Захарьина оказалось и безъ толку и безъ складу. Тогда Державинъ самъ сочиняетъ рѣчь и велитъ произнести ее своему кліенту. Оставалось одно затрудненіе: такъ-какъ Захарьинъ не былъ ни церковнослужителемъ, ни учителемъ, то губернаторъ и не зналъ, съ какомъ мѣстѣ назначить ему говорить ее; наконецъ придумалъ слѣдующее. Когда преосвященный со всѣмъ причетомъ и со всѣми чинами, окончивъ свое дѣло, уже выходилъ изъ училища, однодворецъ останавливаетъ его словами: «дерзаю остиновить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего». Всѣ тотчасъ вернулись въ училище: здѣсь и произнесена рѣчь передъ портретомъ императрицы. Въ ней однодворецъ, между прочимъ, отдавалъ своего сына въ покровительство государынѣ: чуть дошелъ онъ до этого мѣста, какъ жена его, стоявшая на-готовѣ, поднесла ему ребенка, и онъ, положивъ его передъ портретомъ, произнесъ со слезами написанныя въ рѣчи слова. «Сіе трогательное дѣйствіе, говоритъ Державинъ, такъ поразило всѣхъ зрителей, что никто не могъ удержаться отъ сладостныхъ слезъ, въ благодарность просвѣтительницѣ народа проліянныхъ, и надавали столько оратору денегъ, что онъ нѣсколько недѣль съ пріятелями своими не сходилъ съ кабана, ибо также любилъ куликать». (стр. 269—272). Мы видимъ, что Державинъ всегда оставался вѣренъ самому себѣ: служба и поэзія у него сливались въ одно ремесло, и вдохновеніе чиновника было источникомъ почти всѣхъ его дѣлъ и стихотвореній.

Намъ пришлось-бы выписать всю книгу, если-бы мы захотѣли указывать все, что въ ней встрѣчается любопытнаго изъ временъ Екатерины, Павла, Александра I-го. Въ нѣсколькихъ мѣткихъ чертахъ рисуется передъ нами загадочный образъ Потемкина. Онъ особенно ласковъ къ Державину за торжественные

хоры, написанные для праздника въ честь взятія Измаила, и велитъ спросить, чрезъ своего секретаря Попова, чего онъ желаетъ. Но Зубовъ извѣщаетъ Державина отъ имени императрицы, чтобъ «онъ писалъ для князя что онъ прикажетъ, но отнюдь-бы отъ него ничего не принималъ и не просилъ». Еще отправляясь изъ арміи, Потемкинъ говорилъ своимъ приближеннымъ, что онъ нездоровъ и ѣдетъ въ Петербургъ «зубы дергать». Авторъ записокъ приписываетъ охлажденіе къ нему императрицы отчасти интригамъ Суворова. Государыня таинственно шепчется съ Державинымъ о самыхъ ничтожныхъ предметахъ (напримѣръ о надписяхъ къ бюсту Чичигова), показывая видъ, что хочетъ, на-зло князю, сдѣлать его своимъ докладчикомъ по военнымъ дѣламъ. Бывшій любимецъ перевязываетъ себѣ голову платкомъ и ложится въ постель; однако вслѣдъ затѣмъ даетъ свой знаменитый праздникъ въ таврическомъ дворцѣ, гдѣ присутствуютъ императрица со всѣмъ дворомъ. Державинъ, бывшій также однимъ изъ почетныхъ гостей, черезъ нѣсколько времени приносить къ князю описаніе торжества. Потемкинъ приглашаетъ его къ себѣ въ кабинетъ, ласкаетъ, угощаетъ обѣдомъ; но увы! въ описаніи уже нѣтъ громкихъ похвалъ любимцу. Между тѣмъ какъ Потемкинъ читалъ принесенные стихи, авторъ ихъ объяснялъ въ канцеляріи Попову, что мало хвалилъ князя, опасаясь «быть причтенъ въ число *подлыхъ и низкихъ ласкателей*, но «если князь позволитъ впредь короче узнать его *превосходныя качества*, то обѣщаетъ превознести его, сколько дарованія достанетъ». Князь, прочитавъ описаніе, выскочилъ съ бранью изъ своей спальни, приказалъ подать коляску и, не смотря на громъ и молнію, ускакалъ, Богъ знаетъ куда. Державинъ однако въ первое же воскресенье не приминулъ засвидѣтельствовать ему почтеніе: этотъ принялъ его холодно, но не сердито. «Князю при дворѣ тогда очень было плохо, продолжаетъ авторъ записокъ. Злоязычники говорили, что будто-бы онъ часто пьянъ напивается, а иногда какъ-бы сходить съ ума; заѣзжая къ женщинамъ, почти съ нимъ незнакомымъ, говоритъ несвязно всякую нелѣпицу.» Но Державинъ, не смотря на то, и къ Зубову и къ нему ѣздилъ. Потемкинъ, вновь уѣхавшій въ армію для заключенія мира, разрушавшаго всѣ его надежды, вдругъ скончался. Извѣстіе объ этомъ «поразило всѣхъ какъ громомъ, а особенно императрицу, которая чрезвычайно о семъ преисполненномъ талантами и слабостями вельможѣ соболѣзновала» (стр. 304—312). Державинъ, вѣроятно, узналъ теперь его превосходныя каче-

ства, потому-что писать въ честь его оду: «Водопадъ». Другой любимецъ Зубовъ представленъ въ запискахъ смиреннымъ и добрымъ человѣкомъ; но его отецъ безцеремонно присвоиваетъ себѣ чужія имѣнія. Дѣла, предоставленныя рѣшепію Державина, очень любопытны. Екатерина одно время имѣла къ нему полную довѣренность и даже хотѣла вручить ему секретныя бумаги о престолонаслѣдіи. Иногда она обнаруживала передъ своимъ статсъ-секретаремъ самыя сокровенныя мысли, говоря: «Ежели-бъ я правила 200 лѣтъ, то конечно вся Европа подвержена была-бы Россійскому скиперту»... Или: «я не умру безъ того, пока не выгоню Турокъ изъ Европы, не усмирю гордость Китая и съ Индеей не осную торговлю». Или: «кто далъ какъ не я почувствовать Французамъ право человѣка. Я теперь вяжу узелки *) пусть ихъ развяжутъ (стр. 319, 320). Императрица, по пзвѣстію Державина, такъ занята была военною славой и замыслами политическими, что иногда со всѣмъ не понимала, что читано ей было «въ запискахъ дѣлъ гражданскихъ». Впрочемъ и трудно было разобрать такія дѣла, какія иногда представлялъ усердный статсъ-секретарь. Дѣло Якобія, продолжавшееся семь лѣтъ, привезено въ Царское Село въ *трехъ кибиткахъ*, нагруженныхъ сверху до низу бумагами. Державинъ занимался имъ цѣлый годъ и составилъ сенатскій экстрактъ въ 3,000 листовъ. Екатерина имѣла терпѣніе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ слушать весь этотъ экстрактъ, и дѣло оказалось все-таки пустымъ, нестоящимъ и сотою доли тѣхъ хлопотъ, какія изъ-за него подняты. Изъ другихъ дѣлъ особенно замѣчательны: о плутняхъ откупщика Логинова, который между прочимъ во время зимы опоялъ 400 человѣкъ народу, такъ-что большая часть изъ нихъ перемерзли на улицахъ; о страшной кражѣ банка, въ которой принималъ главное участіе самъ директоръ его Заводовскій, забравшій все серебро въ свои руки (стр. 370 — 379); объ обманѣ банкпра Судерланда, который роздалъ назначенные въ Англію два милліона рублей въ займы Потемкину и другимъ лицамъ. Последнее дѣло, какъ видно, особенно неприятно было государынѣ. Когда Державинъ принесъ въ салфеткѣ кипу бумагъ и оставилъ ихъ у ней на столикѣ, она, развязавъ салфетку, вспыхнула и спросила Храповицкаго: «что это за бумаги»? Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ, а видѣлъ, какъ принесъ ихъ Державинъ.

*) Она обыкновенно, когда слушала дѣла, то вязала чулки или какіе-то шурки съ узелками. Прим. Державина.

— «Державинъ! вскичала она, такъ онъ меня еще хочеть столько же мучить, какъ и Якобьевскимъ дѣломъ? Нѣтъ! Я покажу ему, что онъ меня за носъ не поведеть» (335 — 338). Потомъ, призвавъ его къ докладу, она обошла съ нимъ очень не ласково и, когда онъ прочиталъ записку, сказала: «Я ничего не поняла, приходи завтра». На другой день докладчикъ встрѣченъ былъ милостивѣе. «Ты самъ горячъ, все споришь со мною... не сердись, прости меня» говорила императрица. Начался докладъ. Первый оказался князь Потемкинъ, взявшій изъ кассы Сутерланда 800,000 руб. Государыня велѣла принять этотъ долгъ на счетъ казначейства, сказавъ, что князь имѣлъ многія надобности по службѣ и часто издерживалъ свои деньги. Другіе небольшіе долги также простила или приказала взыскать; но когда дѣло дошло до великаго князя Павла Петровича, то она начала жаловаться, что онъ мотаетъ, строитъ бесполезныя зданія... «Не знаю, что съ нимъ дѣлать?» продолжала она. Державинъ, потупя глаза, не говорилъ ни слова «Что-жъ ты молчишь?» спросила государыня. Докладчикъ отвѣчалъ, что наследника съ императрицею судить не можетъ. — «Поди вонъ» закричала, вспыхнувъ Екатерина. Державинъ потерялъ прежнюю благосклонность государыни со времени извѣстнаго происшествія въ царскосельскомъ саду, когда, играя въ горѣлки, онъ упалъ и вывихнулъ себѣ руку. Докучливое усердіе чиновника, то съ непоимѣнной настойчивостью возвышающаго свой голосъ, то молчаливаго до крайности, честолюбивое искательство, чтобъ занять однимъ себою и всегда стоять на виду, лесть, порой ужъ чрезъ-чуръ неуклюжая, конечно, также происки нѣкоторыхъ недоброжелателей — все это могло быть причиною такой перемены. Когда однажды въ Октябрѣ мѣсяцѣ, во время сильнаго ненастья, Державинъ пріѣхалъ съ докладомъ, Екатерина сказала: «какъ такая стужа вамъ гортани не захватить!» Въ другой разъ, когда по дѣлу Сутерланда съ Моценигомъ оказалось, что послѣдній далъ одному стряпчему 15,000 рублей и Державинъ, производившій это дѣло, просилъ у императрицы изслѣдовать истину, чтобъ не было на него нареканія, она замѣтила: «ну что слѣдовать? Вѣдь это и вездѣ водится»; словомъ, Державинъ видимо докучалъ своею ревностью къ службѣ.

Авторъ записокъ сообщаетъ краткія извѣстія о смерти Екатерины и о вступленіи на престолъ Павла (стр. 385, 389). Тутъ во дворцѣ все приняло другой видъ: «Загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и будто по завоеваніи города, ворвались въ по-

ком вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ». Далѣе вновь начинается разсказъ о невзгодахъ автора и о его безчисленныхъ занятіяхъ. Множество опекъ было имъ принято по имѣніямъ разныхъ знатныхъ лицъ, множество дѣлъ рѣшалъ онъ, какъ посредникъ. Тутъ перѣдко представлялись ему крайнія затрудненія: дѣло Маркловскаго государь приказалъ ему, во что-бы то ни стало, рѣшить въ одинъ день; въ дѣлѣ Свяцова, Зубовъ (братъ любимца Екатерины) и Кутайсовъ прямо требовали, чтобы онъ не подавалъ голоса за графа Мусина-Пушкина, и хотя Державинъ былъ убѣжденъ въ справедливости послѣдняго, но не рѣшился противодѣйствовать силѣ. Посланный въ Шкловъ по жалобамъ Евреевъ на Зоричи, онъ такъ наскучилъ государю донесеніями, что ему велѣно, не кончивъ слѣдствія, вернуться въ Петербургъ. Любопытнѣе другихъ было порученіе изслѣдовать на мѣстѣ причину голода въ Бѣлоруссіи. Державинъ нашель, что почти всѣ крестьяне питались *пареною травою* съ малымъ количествомъ муки или крупъ. Въ деревнѣ Огинскаго онъ видѣлъ крестьянъ, тощихъ и блѣдныхъ, подобно мертвецамъ, призвалъ приказчика и спросилъ, чѣмъ доведены они до такого положенія. Тотъ, вмѣсто отвѣта, показалъ повелѣніе господина сбирать съ нихъ, вмѣсто подвода въ Ригу, по два рубля серебромъ. Державинъ приказалъ взять имѣніе Огинскаго въ опеку. Тогда дворянство «возбудилось отъ дремучки», доставленъ хлѣбъ изъ сосѣдственныхъ губерній, и голодъ уменьшился. Какъ за это, такъ и за другія распоряженія, Державинъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и мальтійскій орденъ. Между прочимъ ему поручено также повѣрить табель о доходахъ, представленный государственнымъ казначеимъ Васильевымъ. Въ немъ были разныя противорѣчія, потому-что, по извѣстію Державина, «имперія уже двадцать лѣтъ оставалась неслитаною». Васильева особенно пугало разногласіе со счетомъ, уже подтвержденнымъ государемъ, гдѣ не были помѣчены 300,000 душъ дворцовыхъ крестьянъ, въ началѣ 1796-го года розданныя разнымъ владѣльцамъ. Державинъ великодушно спасъ подсудимаго, чему, конечно, содѣйствовало и участіе, принятое въ Васильевѣ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Съ такою же гуманностью дѣйствовалъ Державинъ, когда князь Куракинъ и другіе испросили себѣ дозволеніе отбирать у казенныхъ поселанъ лучшія земли, которыя потомъ имъ же продавали по 300 и по 500 рублей десятину (стр. 426). Тутъ разные наговоры вызвали было на него опалу. Государь въ одно воскресенье встрѣтилъ его гнѣвнымъ взоромъ

«по обыкновенію Его раздулъ въздри?» Тогда Державинъ выпросилъ чрезъ герольдію къ гербу своему надпись: «Силою Вышняю держуся». Онъ объясняетъ, что императору это понравилось, такъ-какъ «силу Вышняго почиталъ онъ въ себѣ». Державинъ сообщаетъ много любопытныхъ подробностей о заѣздательствахъ, которыя тогда происходили отъ послѣдшаго исполненія дѣлъ. Государь приказалъ сдѣлать постановленіе о томъ, какой конструкціи удобнѣе строить суда для хожденія по рѣкамъ. Коллегія объявила свое мнѣніе, адмиралъ свое, а купечество свое. Представили не въ сенатъ, а прямо къ государю: такъ и вышла резолюція, подписанная его рукою надъ всѣми тѣми мнѣніями: «быть по сему.»

Во время Александра I-го Державинъ выказалъ особенную дѣятельность въ раскрытіи злоупотребленій, совершенныхъ калужскимъ губернаторомъ Лопухинымъ. Открылось до 34-хъ важныхъ преступленій, до 12-ти неважныхъ: къ числу послѣднихъ отнесено то, что губернаторъ «напивался пьянъ, выбивалъ по улицамъ окна, ѣздилъ въ губернскомъ правленіи на раздьяковѣ верхомъ, приводилъ въ публичное дворянское собраніе въ торжественный день зазорнаго поведенія дѣвку, и. т. п.» Но государственная дѣятельность Державина уже приближалась къ концу. Онъ вступилъ въ рѣзкую оппозицію съ людьми новаго времени: Кочубей, Чарторижскій, Потоцкій, Сперанскій — всѣ казались ему заклятыми республиканцами, подтачивавшими самое основаніе государства. Когда зашло дѣло о дорованіи дворянамъ свободы выходить прежде 12-ти лѣтъ службы въ отставку, Державинъ прямо объявилъ, что такой *противной* бумаги принять не можетъ, и доложилъ о томъ государю. Александръ I-й отвѣчалъ съ неудовольствіемъ на его докладъ: «Что же мнѣ не запретить мыслить, кто какъ хочетъ! Пусть сенатъ разсудитъ, а я не мѣшаюсь». Но вотъ Державинъ, какъ генералъ прокуроръ, засѣдаетъ въ сенатѣ съ песочными часами и съ деревяннымъ молоткомъ, оставшимся со временъ Петра-Великаго, который употреблялъ то и другое при слушаніи важныхъ дѣлъ. Начался жаркій диспутъ. Тогда генералъ прокуроръ вдругъ ударилъ молоткомъ «Сіе, говоритъ онъ, какъ громъ поразило сенаторовъ, поблѣднѣли, бросились на свои мѣста, и сдѣлалась чрезвычайная тишина. Не знаю, что было этому причиною, не показалось ли имъ, что Петръ-Великій всталъ изъ мертвыхъ и ударилъ своимъ молоткомъ». Державинъ возставалъ и противъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, видя въ этомъ все тѣ же яacobинскія

затѣи. Но не безъ основанія утверждалъ онъ, что этимъ закономъ очень немного достигнуто, такъ-какъ уже Екатерина дозволила крестьянамъ откупаться на волю. Вообще говоря, поступки Державина въ царствованіе Александра окончательно утверждаютъ за нимъ тотъ типъ ограниченнаго бюрократа, который мы указали. При учрежденіи министерствъ, онъ безирестанно докучаетъ требованіемъ инструкцій, на что, утомленный всѣми этими дрязгами, государь замѣчалъ: «что вы меня побуждаете такъ скоро дать вамъ инструкціи, когда вы сами чрезъ полгода не могли подать мнѣ своихъ мнѣній, что по каждой части надобно». Державинъ не знаетъ и не видитъ ничего далѣе учрежденій Петра-Великаго и Екатерины — единственный предметъ, который изучилъ онъ во время своей сороколѣтней служебной практики, да и въ тѣхъ иногда сбивается. Когда онъ, еще при Павлѣ, хотѣлъ перенести дѣло Свицова, какъ сомнительное, на рѣшеніе самого государя, и сталъ въ полномъ собраніи сената читать соотвѣтственный этому указъ, то къ ужасу своему увидѣлъ, что указъ, изданный по случаю лихомствъ сибирскаго губернатора Гагарина, содержалъ самую ѣдкую брань на этого человѣка; а потомокъ Гагарина, державшій сторону Свицова, сидѣлъ тутъ же противъ него за столомъ. Державинъ смѣшался и закрылъ книгу (стр. 423). Но главную причину неудовольствія автора «Фелицы» противъ людей новаго времени надо искать въ томъ, что всѣ они были несравненно образованнѣе его и прямо заграждали ему путь къ власти. Честолюбіе, пожалуй, извинительный порокъ въ человѣкѣ, воспитавшемся среди условій, какія создали Державина; но неизвинительно то, что онъ въ своихъ запискахъ старается какъ можно болѣе очернить ихъ всѣхъ безъ разбора. Эти записки во всякомъ случаѣ, драгоценнѣйшій матеріалъ для исторіи конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка: они особенно драгоценны по той наивности разсказа, съ которою авторъ сообщаетъ о своихъ страданіяхъ за правду, такую наивность или искренность можно-бы даже счесть геройствомъ, если-бы не особенный характеръ удали и чувство правоты, которыми проникнутъ разсказъ. Современникъ Державина, конечно, похвастался-бы многими изъ тѣхъ подвиговъ, описанныхъ въ его книгѣ.

В. ВОДОВОЗОВЪ.

Курсъ исторіи поэзіи, для воспитанницъ жевскихъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій, составилъ А. Липинченко.
Кіевъ. 1860. Въ 8 дол. 11 и 329 стр.

При изумительной бѣдности нашей учебной литературы, нельзя не порадоваться отъ души появленію умнаго и чрезвычайно добросовѣстно составленнаго руководства, заглавіе котораго мы выписали. Что авторъ почти безукоризненно выполнилъ въ своемъ трудѣ требованія современнаго образованія, мы увидимъ ниже, а что онъ вполне уяснилъ себѣ эти требованія, — доказательствомъ служатъ слѣдующія слова его въ предисловіи къ курсу: «Въ настоящее время стало яснымъ до осязаемости, что главнымъ и первымъ средствомъ для достиженія этой цѣли (т. е. изученія словестности) служитъ разумное, осмысленное чтеніе и изученіе возможно большаго числа художественныхъ произведеній слова древнихъ и новыхъ народовъ. Толковать о числѣ и порядкѣ развитія родовъ и видовъ поэзіи, доказывать законность и логическую необходимость извѣстныхъ условій изящныхъ словесныхъ произведеній, вычислять и заставлятъ заучивать мелочи внѣшней постройки поэтическихъ формъ, число строкъ и различныя ихъ сочетанія въ сонетѣ, сонетѣ съ хвостомъ, въ балладѣ, рондо, тріолетѣ, мадригалѣ и т. п., значитъ понапрасну отнимать у молодыхъ людей время. Во-первыхъ, для этого существуетъ ученіе о стихосложеніи, а во-вторыхъ, и самыя обширныя свѣдѣнія объ устройствѣ формы поэтическихъ пѣсней, безъ поэтическаго дарованія, поведутъ только къ рифмоплетству, а истинный талантъ легко можетъ познакомиться съ ними въ любой метричѣ.» Поэтому, уяснивъ понятія о прекрасномъ, изящныхъ искусствахъ и поэзіи, составитель курса исторіи поэзіи ограничился указаніемъ на главные роды поэтическихъ произведеній, эпосъ, лиру и драму, и, говоря о каждомъ изъ нихъ, указалъ только на существенныя, характеристическія особенности, замѣчаемыя въ истинно-художественныхъ созданіяхъ того

или другаго рода поэзіи. Въ основу этихъ объясненій должно быть положено чтеніе самихъ художественныхъ произведеній: каждая характеристическая черта эпоса, лирики, драмы, должна быть извлечена изъ чтенія образцовыхъ шіесъ, какъ результатъ наблюденія, а не какъ логическій выводъ а priori. Главное же вниманіе составителя курса устремлено было на указаніе художественныхъ произведеній по каждому роду поэзіи у разныхъ народовъ. Считаая гораздо полѣзнѣйшимъ разобрать обстоятельно мѣньшее число писателей и ихъ сочиненій, чѣмъ, увлекшись полнотою изложенія, представить сухую и ни къ чему не ведущую номенклатуру, мы указали только на самыя крупныя личности и самыя замѣчательныя ихъ произведенія; поэтовъ мѣнѣе важныхъ коснулись вскользь. Въ преподаваніи, и здѣсь первое и главное — чтеніе самихъ поэтическихъ произведеній. Съ этою цѣлю и прилагается указатель переводовъ на отечественный языкъ замѣчательнѣйшихъ произведеній иностранной поэзіи. Но, однимъ чтеніемъ самыхъ, даже художественныхъ произведеній, далеко не достигается цѣль преподаванія; масса прекраснаго, прибрѣтеннаго молодыми читателями, матеріала представить что-то хаотическое и неосмысленное; указанія на хорошія и слабыя стороны произведенія, на характеристическія особенности писателя, необходимы для того, чтобъ ориентироваться въ этомъ лабиринтѣ, уяснить, развить врожденное чувство красоты и сообщить ему правильное направленіе. Потому составитель курса старался указать, впрочемъ сколько возможно короче, содержаніе художественныхъ произведеній разбираемаго писателя, ихъ идеи и характеристическія особенности. Но такъ какъ пзвѣстное направленіе поэта во многомъ зависитъ отъ вліянія на него среды и духа времени, отъ дѣйствія жизненныхъ обстоятельствъ, а съ другой стороны, истинно поэтическія произведенія всегда служатъ художественнымъ выраженіемъ стремленій общества, среди котораго жили ихъ творцы, и духа времени, то мы указывали на эти обстоятельства жизни поэта, на состояніе современнаго ему общества и духъ времени и наконецъ на социальное значеніе произведеній.» — Конечно, сказать и сдѣлать, двѣ вещи разныя, и мы не мало имѣемъ книгъ съ превосходнымъ предисловіемъ и никуда негоднымъ текстомъ; но въ настоящемъ случаѣ, мы можемъ сознаться, что у г. Линниченка выполненіе задачи не расходится съ ея поставленіемъ. Прежде всего, мы должны отдать справедливость автору въ томъ, что онъ вполне добросовѣстно и безъ всякаго шарлатанства выпол-

нилъ свое дѣло. Въ началѣ курса помѣщенъ очень полный библиографическій указатель важнѣйшихъ сочиненій по теоріи и исторіи поэзіи, содержащій въ себѣ перечень болѣе ста лучшихъ общихъ спеціальныхъ курсовъ пѣттики, а за нимъ еще слѣдуетъ списокъ переведенныхъ на русскій языкъ произведеній иностранныхъ литературъ. Конечно, и этихъ указателей нельзя назвать совершенно полными, — въ особенности замѣтили мы пробѣлы во второмъ изъ нихъ, въ которомъ, между прочимъ, вовсе не упомянуто и хорошихъ переводовъ г. Мея. — Но, въ сравненіи съ тѣмъ, что даютъ другіе наши учебники, и это можетъ назваться роскошью. Притомъ, мы должны заявить, что книга г. Линниченка даетъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько обѣщаетъ ея заглавіе: въ ней находится не только курсъ всеобщей исторіи поэзіи, но и вся теоретическая часть пѣттики, въ краткихъ чертахъ изложенная по лучшимъ иностраннымъ руководствамъ. Намъ особенно нравится мысль г. Линниченка связать вмѣстѣ теорію съ исторіей, не составляя изъ нихъ двухъ отдѣльныхъ цѣлыхъ, а дополняя и поясняя одну другую: черезъ это теорія поэзіи, оживленная и осмысленная разборами замѣчательнѣйшихъ памятниковъ иностранныхъ литературъ, теряетъ свой отвѣченно схоластическій характеръ и получаетъ живую историческую форму. Мы были-бы очень рады за наше учащееся поколѣніе, еслибъ всѣ учебныя заведенія приняли методу г. Линниченка и соединили въ одномъ курсѣ оба отдѣла пѣттики, теоретическій и историческій: отъ этого, мы увѣрены, много подвинулось-бы впередъ успѣшное преподаваніе словестности. Если же кто возразитъ намъ, что въ учебникѣ г. Линниченка теоретическая часть изложена очень кратко, только въ общихъ чертахъ, то мы отвѣтимъ, что въ этомъ полагаемъ мы одну изъ главнѣйшихъ заслугъ нашего автора: теорія словестности давно уже потеряла свое прежнее значеніе и прежнее мѣсто въ энциклопедіи человѣческихъ знаній, если смотрѣть на нее не съ философской, а чисто съ учебной точки зрѣнія. Въ наше время никому изъ писателей не придетъ въ голову обращаться къ пѣттикѣ или теоріи прозы за правилами свободнаго творчества; и та и другая должны входить въ кругъ общества гимназическаго образованія не болѣе, какъ на столько, чтобъ отвѣчать на вопросы: что такое эпосъ, лирика, драма, какіе ихъ основные законы и чѣмъ они отличаются другъ-отъ-друга? — а всѣмъ этимъ запросамъ вполне удовлетворяетъ учебникъ г. Линниченка.

Мы не скроемъ однакожъ, что разбираемая книга страдаетъ,

какъ курсъ исторіи поэзіи, однимъ кореннымъ недостаткомъ: отсутствіемъ раціональной исторической системы. Авторъ не даетъ намъ цѣльнаго и связнаго разсказа о судьбахъ литературы въ древнемъ и новомъ мірѣ, не указываетъ, когда и какъ внесены были въ его область новые жизненные элементы; прочитавъ его курсъ, приходишь къ заключенію, что онъ какъ-бы преслѣдуетъ не цѣлостную исторію поэтического искусства, а только исторію различныхъ родовъ поэзіи. Въ руководствѣ г. Ливиченка не обозначены поворотныя точки всемірной-литературной исторіи; по немъ нельзя прослѣдить процесса поэтического творчества всѣхъ временъ и народовъ, — а отъ этого учащійся не выноситъ стройнаго и отчетливаго представленія о преемственномъ ходѣ развитія поэзіи въ параллели съ ходомъ исторической жизни народовъ. Намъ кажется, что виною этого недостатка раціональной исторической системы было раздѣленіе, принятое авторомъ для своего курса: онъ излагаетъ исторію поэзіи не въ общемъ ея составѣ, а по различнымъ родамъ ея, т.-е., обобщивъ въ началѣ памятники эпической поэзіи восточныхъ народовъ, онъ переходитъ къ эпосу Грековъ и Римлянъ, потомъ къ эпосу средневѣковому, и наконецъ къ новому; затѣмъ, въ томъ же порядкѣ, разсматриваетъ произведенія поэзіи лирической и драматической. Оттого, какъ мы сказали, выходитъ, какъ будто авторъ пишетъ не исторію поэзіи, а исторію эпоса, лирики и драмы. По нашему мнѣнію, такое раздѣленіе лишено раціональнаго значенія и представляетъ только ту выгоду, что облегчаетъ возможность соединить историческую часть съ теоретической. Лучше всего, какъ намъ кажется, раздѣлять исторію поэзіи на три отдѣла: на поэзію восточныхъ народовъ (всѣхъ временъ), на поэзію классическую, и наконецъ на поэзію ново-европейскую (средневѣковую и новѣйшую): только при такой системѣ возможно серьезное изложеніе внутренней исторіи поэзіи, въ связи съ исторіей самихъ человѣческихъ обществъ.

Указавъ на этотъ существенный недостатокъ разбираемаго нами учебника, мы должны замѣтить, что въ частности онъ почти безукоризненъ. Исторія поэтической дѣятельности древнихъ и новыхъ народовъ изложена по лучшимъ ипостраннымъ руководствамъ и изложена умно, дѣльно, мѣстами даже увлекательно. Изъ длиннаго списка поэтовъ выбраны только наиболѣе рельефныя личности; вслѣдъ за общей обрисовкой каждаго изъ нихъ, слѣдуетъ разборъ замѣчательнѣйшихъ ихъ произведеній, съ краткимъ указаніемъ на менѣе важныя. Рядомъ съ

эстетической критикой стоит критика историческая, а часто — что особенно приятно было намъ увидѣть — находимъ мы у автора указанія на социальное значеніе нѣкоторыхъ памятниковъ новоевропейской поэзіи. Г. Линниченко не боится, подобно другимъ нашимъ составителямъ учебниковъ, сказать нѣсколько словъ о великомъ значеніи философовъ XVIII-го столѣтія, не боится наметнуть на политическое значеніе многихъ писателей нашего времени. У него не встрѣтите стереотипной фразы. Обскурантизма и преднамѣренного искаженія фактовъ нѣтъ въ руководствѣ г. Линниченка: изъ него учащееся поколѣніе можетъ научиться мыслить и чувствовать, какъ мыслятъ и чувствуютъ неподгнвишіе люди нашего времени.

Съ особенною тщательностью изложилъ г. Линниченко исторію эпической поэзіи: она занимаетъ почти половину, и притомъ лучшую половину его курса. Въ ней мы находимъ живую и вѣрную характеристику не только старыхъ коринеевъ классической и новоевропейской поэзіи, но также и современныхъ талантовъ, напримѣръ: Жоржа Занда, Виктора Гюго, Диккенса и др. Въ отдѣлѣ лирическомъ, намъ особенно приятно было видѣть, что авторъ не забылъ такихъ поэтовъ, какъ Гейне и Беранже, которыхъ другіе просвѣтители нашего юношества считаютъ почему-то литературными еретиками, и полагаютъ неприличнымъ знакомить съ ними своихъ питомцевъ. Жаль только, что въ обонхъ этихъ отдѣлахъ встрѣчаются кое-гдѣ очень чувствительныя пробѣлы: такъ напримѣръ, въ исторіи греческой лирики, авторъ только вскользь коснулся Анакреона, очень важнаго какъ по своему непосредственному литературному значенію, такъ и по вліянію на поэзію новыхъ народовъ; въ исторіи же французскаго эпоса, мы не находимъ у автора даже и имени такого громаднаго таланта, какъ Бальзакъ (а между тѣмъ представлена довольно обстоятельная характеристика Александра Дюма и Ежена Сю). Въ отдѣлѣ эпической поэзіи намъ особенно понравилась исторія французскаго эпоса: характеристика чрезвычайно полна, живы, порою даже художественны, и притомъ, съ современнымъ взглядомъ. Въ доказательство, что авторъ не ограничивается одною эстетической критикой, а старается уяснить социальное значеніе писателя, приведемъ здѣсь заключительныя слова его о Жоржѣ Зандѣ: «Вообще въ произведеніяхъ мадамъ Жоржъ Зандъ выразился вопль о помощи стоящаго на краю гибели общества. Поэзія ея утверждена на неестественности, разложеніи и неправдѣ этого общества. Въ великомъ процессѣ, который въ послѣ-

днее время разумъ ведетъ съ существующими общественными учреждениями, писательница выступаетъ неумолимымъ гнѣвнымъ судьей общества, поставивъ, преимущественно въ произведеніяхъ первой поры своей поэтической дѣятельности, добродѣтельную женщину *любовь* (*l'amour c'est la vertu de la femme*). Главнымъ образомъ она ратуетъ за общественныя права женщины, и ведетъ борьбу какъ поэтъ, не посредствомъ сухихъ разсужденій и мертвыхъ теорій, а изображая разные общественныя отношенія и характеры, какъ они могутъ встрѣтиться повсюду, съ такою пластическою наглядностью и живостью, какъ еще никто не выхватывалъ ихъ изъ жизни. — При этомъ проблема улучшения отношеній женщины расширяется у писательницы въ общую социальную реформу, необходимость которой представляется ей несомнѣнною. Такимъ-образомъ Жоржъ Зандъ можетъ быть названа поэтомъ общественного зла: своими романами она много содѣйствовала тому, чтобъ представить его во всемъ его ужасѣ. — Истиннымъ и глубокимъ чувствомъ проникнуть каждый ея романъ, оттого изображаемая ею фигуры исполнены жизни и движенія. Обладая живымъ чувствомъ прекраснаго, Жоржъ Зандъ умѣетъ смотрѣть на образы, наполняющіе ея фантазію, безъ увлеченія, свободно, и различить мечту отъ дѣйствительности. Наблюдательность ея простирается на небольшой кругъ, но за то въ этомъ кругу она совершенно вѣрна: оттуда у нея часто встрѣчаемъ такія поразительно вѣрныя природѣ черты. Презестъ отдѣльныхъ изображеній изъ области природы и человѣка, въ высшей степени натуральныхъ, набросанныхъ чрезвычайно легкою и вѣрною кистью, невольно напоминаетъ Гёте. Наконецъ особый оттѣнокъ произведеніямъ Жоржъ Зандъ сообщаетъ разлитая повсюду пріятельная меланхолія. Но рядомъ съ этими свѣтлыми сторонами таланта Жоржъ Зандъ, встрѣчаемъ и стороны слабыя. Важнѣйшею, кажется, должно почесть нравственную незрѣлость мыслей: ея идеалы о призваніи женщины и о природѣ любви часто ошибочны и превратны: писательница раздѣляетъ основныя заблужденія новѣйшаго католическаго образованія.»

Подобныхъ мѣстъ множество въ книгѣ г. Линниченка, и намъ пришлось-бы выписать половину ея, еслибъ мы захотѣли представить читателямъ все, что въ ней есть истинно хорошаго.

Въ исторіи англійскаго эпоса, мы обратили вниманіе на характеристику Мильтона, въ которой авторъ указываетъ на значеніе республиканскаго элемента въ извѣстной поэмѣ этого поэ-

та-стѣпца, и на мастерскую обрисовку литературной личности Чарльса Диккенса.

Въ исторіи драматической поэзіи особенно удался автору разборъ Шиллера и Гёте. Кромѣ вполне удовлетворительной критики ихъ поэтическаго таланта, онъ успѣлъ указать мимоходомъ и на контрастъ между трусливымъ и гаденымъ консерватизмомъ Гёте и благородными порывами Шиллера къ обновленію общества... Разборъ Шекспира вышелъ также не менѣе удаченъ. — Вообще, о руководствѣ г. Линниченка, мы можемъ сказать, что оно если и не совсѣмъ, то очень близко подходитъ къ требованіямъ современнаго образованія, и потому намъ очень желательно, чтобъ наши учебныя заведенія какъ можно скорѣе ввели его во всеобщее употребленіе, и чтобъ г. Линниченко, не останавливаясь на первый половинѣ своего труда, опечатавъ бы также и исторію прозаической литературы.

Изданіе очень опрятное, но довольно дорогое (1 р. 50 к.).

А.

Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1860 годъ.

Олонецкая губернія, отдѣленная отъ Петербургской только Ладожскимъ озеромъ, носитъ на себѣ характеръ самой глухой, отдаленной провинціи. Пейзажи ея напоминаютъ холодную Сибирь; болота и лѣса покрываютъ почти сплошь всю губернію, за исключеніемъ небольшихъ пространствъ, завоеванныхъ вѣковой обработкой человѣка; чиновниковъ нельзя заманить сюда на службу иначе, какъ особенными преимуществами; моды, живое слово литературы и политическія вѣсти доходятъ сюда поздно; лучшее общество — кочевое, не туземное, и состоитъ исключительно изъ чиновниковъ, авантюристовъ службы, нравственно не связанныхъ съ губерніей. Въ такихъ провинціяхъ обыкновенно общественная дѣятельность замѣняется болотнымъ, удушливымъ прозябаніемъ, которое изображено Щедринымъ въ его «Губернскихъ Очеркахъ»; ничтожность цѣлей частныхъ стремленій и равнодушіе къ общественному дѣлу рождаетъ у

всякаго развитаго человѣка, случайно сюда попавшаго, желаніе скорѣе выйдти изъ этой стоячей атмосферы, желаніе, быстро переходящее въ убійственную тоску, какую испытываютъ только въ осажденномъ городѣ. Слово «общество» получаетъ пошлый смыслъ «свѣтскаго круга»; вмѣсто общественныхъ вопросовъ, общественныхъ предпріятій, здѣсь существуютъ только общественныя гулянья, да и то похожія больше на похоронныя процессіи; вмѣсто политпки публку занимаютъ городскія сплетни. Гимназіи, соединяющія въ себѣ свѣжія силы провинцій, останавливаются на этой высотѣ общественной жизни; молодые умы, подстрекаемые любознательностью и жаждой сужденія и съ жадностью ловящіе всякое дыханіе жизни, находятъ общество занятымъ только семейными интригами и сродняются съ ограниченной областью общественнаго суда. — Отъ этого, во-первыхъ, въ гимназіяхъ концентрируются всѣ сплетни губернскихъ городовъ. Спасеніе отъ этой неподвижности, отъ этаго отсутствія соціальной жизни въ провинціяхъ, заключается въ обособленіи ихъ. Когда выдѣляются мѣстные интересы, когда гимназіи будутъ съ воспитаніемъ развивать въ своихъ питомцахъ привязанность къ своей губерніи, когда эта привязанность перестанетъ казаться смѣшною, тогда исчезнутъ авантюристы чиновничьей карьеры, тогда провинціальная литература сдѣлается проводникомъ прогресса и органомъ заявленія мѣстныхъ потребностей.

Мѣстная литература Олонецкой губерніи ограничилась до настоящаго времени изданіемъ губернскихъ вѣдомостей за нѣсколько лѣтъ и четырехъ памятныхъ книжекъ. Памятная книжка на 1860 годъ, не смотря на новую редакцію, нисколько не лучше прежнихъ. Та же бѣдность содержанія, скупость статистическихъ данныхъ и отсутствіе связи между изданіемъ и потребностями провинціи. Замѣтно, что одному поручили на-скоро составить описаніе олонецкихъ заводовъ, а редакторъ скомпилировалъ другую статью изъ статей Губернскихъ Вѣдомостей, да прибавилъ къ этому разной мелочи, также отчасти изъ вѣдомостей — вотъ и вышла книжка съ разнообразнымъ оглавленіемъ; тутъ есть и о минеральныхъ водахъ, и о чаркѣ Петра Великаго, и даже некрологъ. Одна изъ большихъ статей этой книжки, «Высочайшее Путешествіе Императора Александра Николаевича по Олонецкой губерніи въ 1858 году» есть перепечатка изъ Олонецкихъ вѣдомостей за тотъ годъ, изъ NN^o 26—30, съ немногими сокращеніями.

Вторая большая статья въ Памятной книжкѣ: «Очеркъ Олонецкихъ заводовъ въ историческомъ, геогностическомъ и статистическомъ отношеніи», написанная г. Поляковымъ, могла-бы выйти очень интересной и современной, если-бы авторъ занялся ею добросовѣстнѣе; историческій и статистическій отдѣлы ея скомпилированы изъ статей Горнаго журнала и официальныхъ свѣдѣній безъ подробнаго знакомства съ предметомъ. Каждая статистическая статья, по нашему мнѣнію, должна заключать въ себѣ какую-нибудь внутреннюю мысль, чтобъ всѣ факты, собранные авторомъ, группировались къ какому-нибудь общему выводу; если-же авторъ думалъ только представить поверхностный очеркъ олонецкихъ заводовъ, если онъ, занимаясь предметомъ, не искалъ ничего, не стремился ни къ какому заключенію, то онъ напрасно потратилъ и время и бумагу; подобныя работы въ настоящее время излишній трудъ для автора и бесполезная трата денегъ на печатаніе. Положеніе 50,000 подзаводскихъ крестьянъ также интересно, какъ положеніе крѣпостныхъ; потому мы желали найдти у автора, кромѣ официальныхъ свѣдѣній, самостоятельныя наблюденія народной экономіи Петрозаводскаго уѣзда; но желанія наши не исполнились; авторъ ограничился только тѣмъ, что дала ему канцелярія губернатора, и потому надѣлалъ недосмотровъ. Такъ, на основаніи официальныхъ свѣдѣній, безъ повѣрки ихъ частнымъ изслѣдованіемъ, оказывается, что горные заводы доставляютъ крестьянамъ заработокъ въ 174,000 рублей, когорого не только достаточно имъ для уплаты податей, но еще остается излишекъ; что при распределеніи этой суммы на народонаселеніе, на каждую ревизскую душу приходится по 7 р. сер., тогда какъ податей съ каждой души сходится не болѣе 4 р. 70 к. Но авторъ упустилъ изъ виду, что сумма 174,000 сгруппировывается въ рукахъ подрядчиковъ, а не расходится равномерно по сельскому населенію; авторъ оказалъ-бы посильную услугу обществу, если-бъ поѣздилъ по уѣзду, и собралъ настоящія свѣдѣнія о суммѣ, приходящейся дѣйствительно въ руки сельскаго населенія и привелъ-бы въ цѣнность весь народный трудъ, употребляемый на исполненіе подзаводской повинности; теперешніе-же выводы его не имѣютъ ни малѣйшаго значенія. Также, изъ того-же источника, вѣроятно, авторъ заимствовалъ извѣстіе, что 1883 мастеровыхъ, состоящихъ при заводѣ, и непмѣющихъ права на переходъ изъ своего состоянія въ другое, отличаются довольствомъ, неспорченной нравственностью и трезвостью. Впрочемъ, надо

знать, что авторъ разумѣетъ подѣ испорченной нравственности; если мелкое воровство, пьянство и пр., то все это мы легко простили-бы имъ, какъ недостатки, легко исправимые; но если подѣ словомъ «неиспорченная нравственность» разумѣть сознание своихъ человѣческихъ признаковъ и правъ, нравственную самостоятельность, — то едва-ли эти качества могутъ существовать у нихъ. У автора, впрочемъ, не разъ встрѣчается вѣтренная фраза. Такъ авторъ называетъ гениальнымъ начальника олонецкихъ заводовъ при Петрѣ, Геннина, тогда какъ онъ былъ не болѣе, какъ трудолюбивый, усердный слуга. Положеніе горныхъ крестьянъ также не можетъ быть такимъ благопріятнымъ, какимъ оно оказывается при поверхностномъ взглядѣ. Противъ этаго говорятъ слѣдующія обстоятельства. Въ 1797 году для лучшаго и успѣшнѣйшаго производства заводскихъ работъ приписные крестьяне были переданы въ непосредственное управленіе заводовъ. Въ 1806 г., по настоянію олонецкаго губернскаго правленія, все внутреннее и хозяйственное управленіе крестьянъ было передано въ завѣдываніе гражданскаго начальства, а заводскому управленію предоставлено было только распредѣленіе на крестьянъ урочныхъ работъ, выдача плаката и разборъ происшествій, возникающихъ при выполненіи заводскихъ работъ. — При такомъ раздѣленіи власти въ округѣ послѣдовала совершенная остановка въ исполненіи обязательныхъ работъ, и потому въ 1807 г. всѣ крестьяне Петрозаводскаго уѣзда снова были отданы въ управленіе олонецкихъ заводовъ. Намъ кажется, что этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что процентъ съ народнаго капитала, взимаемый въ видѣ заводской повинности, рубки дровъ, возки руды и угля, не соразмѣренъ съ годичной экономіей народа, и потому, когда народъ былъ освобожденъ изъ подѣ неуклонной бдительности горнаго начальства, онъ не могъ добровольно исполнять эту повинность. Авторъ только упомянулъ объ этомъ событіи въ жизни подзаводскаго крестьянства, тогда какъ слѣдовало-бы подробнѣе разсмотрѣть причины этой неудачи. Для насъ было-бы очень интересно обнародованіе той бумаги олонецкаго губернскаго правленія, въ которой оно настаивало на передачу крестьянъ въ его вѣдомство, а также описаніе всѣхъ тѣхъ неудобствъ для заводской дѣятельности, которыя произошли отъ этой передачи.

Геогностическая и техническая часть статьи съ цифрами пудовъ вынутыхъ рудъ и вылитыхъ орудій, и описаніемъ руд-

ныхъ мѣсторожденій, приличнѣе была-бы въ Горномъ журналѣ, чѣмъ въ Памятной книжкѣ, которая должна быть посвящена разработкѣ мѣстной народной экономіи и статистики. Не представляя живаго интереса для мѣстнаго населенія, эти книжки вовсе не расходятся въ продажу.

Статистическія таблицы, приложенныя въ концѣ книжки, составлены скупо. Не указано количество земель, находящееся въ личномъ владѣніи и въ общественномъ; не указано число помѣщиковъ, имѣющихъ только земли и имѣющихъ крестьянъ; нѣтъ таблицъ цѣнъ на припасы, на рабочіе дни, рабочія руки; таблицы вольныхъ цѣнъ на перевозку рудъ при разныхъ заводахъ. На слѣдующій годъ мы желали-бы также найдти въ Памятной книжкѣ свѣдѣнія объ учебныхъ пособіяхъ въ губерніи, о количествѣ книгъ при разныхъ школахъ, свѣдѣнія о числѣ частныхъ учителей въ городахъ; свѣдѣнія о церковныхъ и монастырскихъ доходахъ.

П.

Руководство къ познанію душевной дѣятельности въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи чловѣка. Основано на медицинскомъ и физическомъ изслѣдованіяхъ его организма. Сочиненіе доктора и профессора *Германа Кленке*. Переводъ съ нѣмецкаго *И. Пестича*. Въ двухъ частяхъ. Изданіе второе. Санктпетербургъ, 1860. Въ 8-ую д. л. стр. XII и 308. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Начнемъ *à la* Кленке. Хотя чловѣкъ, — который, какъ форма явленія вѣчнаго въ преходящемъ и безпредѣльнаго въ ограниченномъ, знаменуетъ идеальную сущность всеобщей жизни и равнозначителенъ универсу, представленному въ его персонѣ, — какъ проявленію взаимнаго слитія и проницанія субъективнаго созерцающаго съ объективною созерцаемою индивидуальною формою жизни, ближе всего и легче, казалось бы, изслѣдовать сущность своего бытія процессомъ самосозерцанія, тѣмъ болѣе, что, благодаря эгоистическимъ присущимъ ему тенденціямъ, психическая его дѣятельность также какъ и соматическая поглощаются преимущественно въ направленіи центропетальномъ,

представляясь такимъ образомъ постоянно конкретными для наблюденія, однакожь, теоретическое самоизслѣдованіе психической сферы индивидуума все еще весьма неудовлетворительно. Само собою разумѣется, что мы, написавшіе этотъ періодъ, понимаемъ его и даже въ состояніи восхищаться имъ, но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ понятенъ самъ по себѣ и будетъ понятенъ читателю, предполагая даже со стороны послѣдняго особенное стараніе добиться смысла въ нашей ученой импровизаціи? Положеніе, въ которое мы поставили себя въ отношеніи къ читателю этимъ періодомъ, именно то самое, въ которое попадаетъ большая часть гг. писателей на психологическія темы. Случайно или нѣтъ, но бываетъ не рѣдко и такъ, что авторъ, ясно и плавно излагающій какой-нибудь предметъ, вдругъ становится темнымъ, туманнымъ, неуловимымъ, а все это потому только, что рѣчь коснулась наконецъ психологіи. Явленіе съ перваго взгляда странное, но которое объясняется именно состояніемъ этой отрасли естествознанія. Психологія постоянно будетъ полна туману, пока она не опустится изъ сферы чистыхъ умозрѣній и не устроитъ себѣ прочнаго фундамента изъ аналитически строго изслѣдованныхъ фактовъ, пока она не замѣнитъ прѣній о словахъ и терминахъ преніями о дѣлѣ, о фактѣ и значеніи его по отношеніямъ его къ другимъ не менѣе достовѣрнымъ положеніямъ. Не знаю, какъ вамъ, читатель, а мнѣ эти безконечныя прѣнія, противорѣчія по вопросамъ философскимъ и психологическимъ напоминаютъ ту грустную картину безконечныхъ и жалкихъ прѣній, разногласій и лжемудрствованій по вопросамъ теологическимъ и общечеловѣческаго права, которую, въ сочиненіи Вольера (*Les ruines*), геній судьбы человѣческихъ рисуетъ мечтателю, задумавшемуся надъ тщетою мірскаго величія среди развалинъ Пальмиры. Желая приуготовить людей къ проповѣдуемой имъ, какъ высшее благо, теоріи естественнаго права, онъ заставляетъ ихъ убѣдиться собственными ихъ умозаключеніями въ томъ, что всякое истинное ученіе должно быть основано на достовѣрныхъ фактахъ, на истинахъ. Получая отъ собравшихся вокругъ него народовъ единогласныя утвердительныя отвѣты на вопросы: «сладокъ ли медъ и горька ли желчь», отрицательный на вопросъ: «представляется ли зрѣнію солнце квадратомъ или треугольникомъ», геній возбуждаетъ тысячи противорѣчащихъ мнѣній вопросомъ о томъ «есть ли въ центрѣ земли пустота и существуютъ ли на лунѣ люди», и выводитъ изъ этого заключеніе, что всякое ученіе тогда

только истинно и недоступно прѣнѣмъ и противорѣчіямъ, когда оно выведено изъ достовѣрныхъ истинъ, изъ фактовъ непреложныхъ. Сказать, чтобы Кленке, ученикъ Каруса и слѣбо увѣровавшій въ Окена,* не понималъ учителей своихъ и не понималъ самого себя, мы не имѣемъ основаній; мы не думаемъ также, чтобы г. Пестичъ, увѣровавшій въ непреложность мнѣній Кленке, достоинства его сочиненія и пользу этой книги въ русской литературѣ, не понималъ причитаннаго имъ; еще менѣе имѣемъ мы права предполагать, чтобы онъ не понималъ, какъ нельзя лучше, собственнаго своего перевода. Мы тѣмъ менѣе расположены къ такому предположенію, что сами понимаемъ какъ нельзя лучше періодъ, которыми начали отзывъ нашъ о сочиненіи Кленке и который мы написали по образцу этого психолога и слогомъ г. Пестича. Однакожь, какъ бы тамъ ни было, мы затрудняемся объяснить себѣ, почему же, если все, о чемъ говорится у Кленке, совершенно ясно и понятно г. Пестичу, переводъ послѣдняго сплошь да рядомъ тѣменъ, туманенъ и запутанъ? Какъ бы ни была затруднительна къ уразумѣнію кака-нибудь тема, она можетъ представить трудности первому изсѣдователю ея; но разъ усвоившись ему, она должна быть передава дагѣе ясною, удобопонятною, подвергая, въ противномъ случаѣ толкователя своего обвиненію въ непониманіи или незнашіи предмета.» Чего хочетъ, чего добивается Кленке въ своей книгѣ, г. Пестичъ въ своемъ переводѣ? Доказать простыя и общезвѣстныя образованному классу общества истинны: 1) что душа, изолированная отъ міра матеріальною оболочкою своею, сообщается съ міромъ только при посредствѣ различныхъ, приспособленныхъ для этой цѣли, частей* и органовъ тѣла; 2) что по этому, съ разстройствомъ этихъ посредниковъ, отношенія внѣшняго міра къ тѣлу, и, слѣдовательно, къ заключающейся въ тѣлѣ душѣ, могутъ и часто должны представляться послѣдней, т. е., душѣ, уже въ иномъ видѣ, нежели тогда, когда эти самыя отношенія доходили до сознанія души при здоровомъ состояніи тѣла, когда органы его были еще способны передавать эти отношенія неизвращенными; 3) что при разстройствѣ тѣла и зависящаго отъ того неправильнаго сознанія отношеній міра къ нему и душѣ, дѣйствія послѣдней могутъ и должны часто оказываться несоотвѣтствующими дѣйствительнымъ потребностямъ организма, дѣйствительному порядку вещей; 4) что наконецъ, каждая часть, каждый органъ тѣла, хотя и служитъ посредникомъ между душою и внѣшнимъ міромъ, но служитъ этой цѣли

своеобразно, соответственно своему анатомическому строению и физиологическому назначению, такъ, что всякая часть тѣла, всякая система въ немъ имѣетъ свое особенное *психологическое значеніе*. Въ пользу этихъ положеній говоритъ безчисленное множество фактовъ, для уразумѣнія которыхъ не было ни малѣйшей необходимости брать въ образецъ себѣ предоставленныя книги, въ видѣ исполненныхъ эпитафій извлеченія изъ «*Опытной наблюдательной и умозрительной физики*» почтеннаго профессора *Велланскаго*, въ родѣ слѣдующаго, одного изъ самыхъ коротенькихъ и миленькихъ. *Психическая сфера заключаетъ въ себѣ все содержаніе соматической, представляемое въ ней идеальнымъ образомъ. Но какъ тѣлесный организмъ равенъ всему неорганическому міру, концентрированному въ его составъ, то душевной организациі принадлежитъ вся органическая и неорганическая природа, содержащаяся къ человеческой душѣ, какъ дѣйствительное произведеніе къ возможному предопредѣленію. И это во-первыхъ. Во-вторыхъ, психологія въ настоящую минуту значительно собою подвинулась впередъ, если не пріобрѣтеніемъ важныхъ положительныхъ фактовъ, то по-крайней-мѣрѣ сознаниемъ своей безпомощности какъ науки часто метафизической, и потому книга Кленке, въ которой это направленіе психологіи чуть ли не совершенно упущено изъ вида, представляется уже устарѣвшею, анахронизмомъ. Она не имѣетъ и достоинствъ историческаго памятника въ дѣлѣ науки, и потому рѣшительно бесполезна для отечественной литературы, которой необходимы сочиненія и авторы, ставящія ее въ уровень съ современностію. Наконецъ, всякое отсутствіе критическаго взгляда на факты, приводимые въ подтвержденіе мыслей, излагаемыхъ авторомъ, довершаютъ бѣдственное положеніе книги Кленке и г. Пестича предъ негодующимъ читателемъ. Неужели достаточно случайнаго совпаденія двухъ явленій, чтобы заключить о существованіи внутренней, необходимой связи между этими явленіями? Нѣтъ. А между тѣмъ Кленке разсуждаетъ такъ: нѣкая женщина умерла въ помѣшательствѣ отъ честолюбія; въ мозгу у ней не найдено никакого измѣненія; найдены чрезвычайно утонченныя стѣнки сердца; и такъ честолюбивыя *тенденціи* больной происходили изъ органической болѣзни сердца. *Post hoc, ergo propter hoc*. Вотъ логика Кленке. Какъ она ни убійственна, но насъ не удивитъ ею ни г. Кленке — авторъ, ни г. Пестичъ — переводчикъ. Они найдутъ себѣ достойнаго соперника въ логикѣ чисто русскаго психолога,*

г. Александра Смирнова, *) который въ замѣткѣ своей подъ № 245, гласить такъ (слушайте гг. Кленке и Пестичь):

Извѣстно, что животныя *не страдаютъ гемороемъ*. Это потому что они ходятъ на четверенькахъ, Геморой — привилегія гордаго человѣка, возносящаго голову къ небу. Но я видѣлъ одну собачку, сильно страдавшую гемороиальными припадками. Собачка эта принадлежала комедянту, до котораго она безпрестанно ходила и плясала на заднихъ лапкахъ. Ясно, *следовательно (1)*, что *положеніе на четверенькахъ есть средство, противудѣйствующее геморою*. Отсюда легкое движеніе на четверенькахъ должно быть введено въ число гимнастическихъ упражненій для противодѣйствія и предупрежденія гемороя.» Чѣмъ же логика г. Александра Смирнова ниже логики г. Кленке. Мы находимъ даже, что первый превосходить послѣдняго своимъ изобрѣтательностію, находчивостію, и во всякомъ случаѣ г. Смирновъ говоритъ понятнѣе г. Кленке, который благодаря г. Пестичу, кончаетъ свою книгу такъ :

«Понявъ весь ходъ изложенія этой системы органической психологій, можно получить общее понятіе о потенціяхъ органическихъ отношеній, реализованныхъ тѣлеснымъ образомъ и непрерывно дѣйствующихъ на психею. Каждая тенденція имѣетъ свою систему и ежели система измѣняется, то перемѣняется и тенденція, психея принимаетъ участіе въ измѣненіи тенденцій, стремящихся перейти въ міръ явленій и происходитъ то, что мы назвали психическимъ отраженіемъ. Такъ какъ перемѣны строевъ тѣлесныхъ сферъ бываютъ чрезвычайно разнообразны, то та, то другая, то двѣ и три вмѣстѣ получаютъ различное измѣненіе; то и въ психеѣ должно выразиться непрерывно измѣняемое сопряженіе состояній съ непрерывною перемѣною психическихъ строевъ, что въ извѣстномъ отношеніи называютъ прихотью (стр. 307 — 308).» Ужъ какъ вы тамъ себѣ ни негодуйте, гг. Пестичъ и Кленке, а мы стоимъ за *собачку съ гемороемъ* и очень сожалѣемъ, что вы не воспользовались этимъ фактомъ.

---

*) Воспоминанія, мыслп, труды и замѣтки Александра Смирнова, часть 1 и 2. Москва. 1860 г.

Руководство къ химическому изслѣдованію важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Сочиненіе доктора Э. Вольфа, профессора въ королевско-сельско-хозяйственной академіи въ Гогенгеймѣ. Съ нѣмецкаго перевелъ Иванъ Похвисневъ. Москва. 1860. Въ 8-ю д. л. Стр. 104.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ русской ученой литературѣ, какъ говорить г. Похвисневъ, дѣйствительно ощутительна потребность въ руководствахъ по различнымъ отраслямъ агрономіи, и, можетъ быть, особенно ощутительна по части агрономической химіи. Но если г. переводчикъ полагаетъ, что книга Вольфа удовлетворяетъ этой потребности, то по нашему мнѣнію онъ сильно ошибается. Какъ ни практична книга, которой назначеніе — облегчить приемы химическаго анализа для агронома и техника, она требуетъ въ читателѣ порядочнаго (достаточнаго, говорить г. Похвисневъ) запаса теоретическихъ свѣдѣній; другими словами она доступна только для ученаго агронома, которому она и послужить не столько руководствомъ, сколько конспектомъ, напоминающимъ экспериментатору всѣ подробности, требующія его вниманія и легко ускользающія изъ вида. Въ доказательство выпишемъ нѣсколько строкъ, болѣе прочихъ доступныхъ уразумѣнію нѣсколько подготовленнаго читателя :

С. *Химическій анализ* (рѣчь о почвѣ.)

1. Реакція слабо-влажной, свѣжей почвы (А 2) на лакмусовую бумажку (употребляя при этомъ мелкіе комочки почвы).

2. 10 граммъ тонкой почвы, высушенной на воздухѣ, сушатся при температурѣ 88° — 96° R.

3. С. 2. Прокаливается, и остатокъ взвѣшивается.

4. Опредѣленіе *углерода* : 5 граммъ мелкой почвы обрабатываются 10 С. С. (буквы С. С. означаютъ кубическіе сантиметры) воды и 15 С. С. концентрированной сѣрной кислоты; смѣсь охлаждается, и угольная кислота, вытѣсненная сѣрною кислотой, удаляется изъ снаряда, за тѣмъ прибавляется 5 грам. крупно-истолченнаго двухромокислаго кали; собирается снарядъ, смѣсь подогрѣвается, и образовавшаяся угольная кислота опредѣляется по вѣсу.»

И такъ далѣе, все въ томъ же лаконическомъ тонѣ, тѣмъ же сжатымъ слогомъ, понятнымъ разумѣтся для ученыхъ агрономовъ, которыхъ до-сихъ-поръ и еще также трудно найти у насъ въ Россіи, какъ Діогену было затруднительно найти человѣка. Но этотъ лаконизмъ становится совершенною китайскою грамотою

для массы нашихъ сельскихъ хозяевъ, между которыми одна-кожъ найдется множество людей, съ истинною любовію посвятившихъ себѣ разумному сельскому хозяйству. Для нихъ, а не для гг. ученыхъ агрономовъ, которыхъ большая часть могла бы прочесть эту книгу въ оригиналѣ, для нашихъ неученыхъ, хотя и просвѣщенныхъ гг. помѣщиковъ ощутителенъ недостатокъ у насъ хорошаго руководства по части агрономической химіи. Но это руководство должно имѣть въ виду совершенно иныя условія, нежели брошюра доктора Вольфа. Оно должно быть написано популярно, общепонятно; съ указаніемъ того значенія или практическаго примѣненія, которое имѣетъ то или другое качество открытое въ изслѣдуемой почвѣ, и въ какой степени полезно или вредно отсутствіе этого качества. Такая книга, написанная, напримѣръ, по образцу химіи Штеккерта, была бы истинною драгоценною находкою для гг. помѣщиковъ и сдѣлалась бы у нихъ настольною книгою. Что-касается до ученыхъ агрономовъ, то они безъ сомнѣнія не только не посѣтуютъ за приобрѣтеніе сочиненія Вольфа, но, напротивъ того, останутся весьма благодарны г. Похвисневу, который съ своей стороны исполнилъ свое дѣло безукоризненно.

Гигіена, руководство къ сохраненію здоровья. Составилъ *Ст. Барановскій*. Санктпетербургъ 1860. Въ 8-ую д. л. стр. II и 167.

Глубоко убѣжденный въ той истинѣ, что гигиена равно нужна «какъ медуку, такъ и правителю, и воину, и матери семейства и каждому образованному человѣку,» — г. Барановскій объявляетъ въ своемъ предисловіи, что онъ «занился сочиненіемъ, которое бы своимъ объемомъ и изложеніемъ соотвѣтствовало этой цѣли.» То есть какой же, г. авторъ? Чтобы оно было равнодоступно, по изложенію, всякому образованному человѣку? Этого не трудно достигнуть, какъ скоро рѣчь идетъ о гигиенѣ; стоитъ только избѣгать техническихъ выраженій, медицинскихъ терминовъ и говорить чистымъ русскимъ языкомъ; — и въ этомъ отношеніи трудъ г. Барановскаго удовлетворителенъ. Но эти условія такъ легки, процедура такъ проста и трудъ въ дѣлѣ науки такъ лугъ, что ему можно поставить въ параллель по легкости условій и значенію развѣ только трудъ механическаго процесса чтенія въ сѣрѣ ароматической прислуги Чичкова. И такъ, на этой цѣли надѣялся достигнуть г. Барановскій

своею книгою. Онъ желалъ доставить ею пользу всѣмъ читающимъ классамъ и сословіямъ *всехъ Россіи* и, разумѣется, недостигъ своей цѣли, по той весьма понятной причинѣ, что рѣшительно невозможно краткимъ руководствомъ удовлетворить сразу и потребностямъ *медика*, требующаго отъ книги самыхъ подробныхъ и разнообразѣйшихъ гигиеническихъ указаній; — *правителя*, ожидающаго отъ такого руководства по возможности полной теоріи сохраненія народнаго здравія, чтобы согласовать съ нею свои административныя воззрѣнія и дѣйствія; — *матери семейства*, для которой необходимо совершенно спеціальное и притомъ какъ можно подробнѣйшее изложеніе гигиены дѣтскаго возраста; *воина*, которому необходимо преподавать гигиеническія правила къ сохранію здоровья вопреки постоянному нарушенію этихъ правилъ. Согласить всѣ эти условія, удовлетворить всѣмъ этимъ ожиданіямъ въ краткомъ руководствѣ, примѣняя его сверхъ того къ условіямъ жизни и быта именно русскихъ людей, условіямъ въ высшей степени разнообразнымъ и часто совершенно противоположнымъ одинъ другому, повторяемъ, рѣшительно невозможно. Итакъ, чтобы оправдать появленіе г. Барановскаго въ печати, оставалось бы допустить третье предположеніе: что онъ увлекся *своею тенденціею* (мы все еще отъзываемся г-мъ Пестичемъ), и обѣщавши въ предисловіи своемъ и многое и многимъ, и вашимъ и нашимъ, сдержалъ только отчасти свое слово, сдержалъ его немногимъ. Такое увлеченіе весьма понятно и простиительно, и объ немъ не было-бы и помину въ виду той пользы, которую почерпнули-бы изъ книги одни классы русскаго общества предпочтительно предъ другими. Негодованіе *воина*, не нашедшаго въ гигиенѣ г. Барановскаго, какъ обойтись безъ гигиены, легко уравновѣсилось бы удовольствіемъ, доставленнымъ ею *администратору*; польза, доставленная книгою *медику*, заглушила бы жалобы обманутой *матери семейства*, и г. Барановскій улетелъ бы отъ нареканія. Но какъ всякая добродѣтель, доведенная до крайности, утрированная, приводится сама собою къ нулю, такъ и крайняя добросовѣстность автора гигиены, опасеніе обдѣлать кого-нибудь изъ образованныхъ людей Россіи правиломъ больше или меньше, заставило г. сочинителя «*гармонически развить все части науки въ одинаковой степени подробности,*» т. е., удѣлить всему и всѣмъ *по страшичкѣ*. Никому не завидно, никому не обидно, потому что предъ всѣми образованными людьми г. Барановскій одинаково виноватъ, обѣщавши подарить ихъ хорошею гигиеною и угостивши ихъ, вмѣ-

сто обѣщаннаго, фокусомъ переливанія изъ пустаго въ порожнее. Кому неизвѣстно, что дурная пища можетъ имѣть самое пагубное вліяніе на здоровье народа, что питательная пища питательна, что слѣдуетъ остерегаться простуды, что стѣны въ домахъ должно быть довольно толсты и плотны, чтобы не пропускать въ щели вѣтру и держать лучше тепло? И назидательно и не головоломно. Головоломна развѣ только задача, какъ могъ г. Барановскій явиться въ публику, съ такою бесполезною и пустою книгою,—какою мы принуждены, безъ малѣйшей оговорки, признать его гигиену,—какъ скоро ему предстояла возможность или заняться переводомъ одного изъ прекрасныхъ руководствъ по части гигиены, которыми довольно богаты иностранныя литературы, или, по-крайней-мѣрѣ выбрать одно изъ нихъ въ обращеніи себѣ при составленіи всероссійской ея гигиены. Неужели г. Барановскій того убѣжденія, что польза популярныхъ руководствъ по части гигиены вообще весьма сомнительна, и что поэтому не тратя времени на переводъ чего-нибудь дѣльнаго благоразумнѣе было убить себѣ это время пустымъ наборомъ азбучныхъ навныхъ правилъ? Именно такъ, читатель; задача разрѣшена.

Александръ Гумбольдтъ. Біографическій очеркъ. Изданіе С. Ѳ. Лугниина. С. Петербургъ. 1860. Въ 8-ую д. л. Стр. IV и 309.

Въ этой книгѣ читатель получилъ бы сокращеніе обширнаго очерка жизнедѣятельности Гумбольдта, если бы онъ, прочтавши біографическую статью объ этомъ исполинѣ науки, помѣщенную въ июльской книгѣ Русскаго Слова, за минувшій годъ (смѣсь, стр. 1 — 34), нашелъ нужнымъ повторить, припомнить прочитанное. Читатель нашего журнала найдетъ весьма мало новаго въ этой книгѣ, дѣлякомъ извлеченной, по словамъ самаго издателя, изъ сочиненія Кленке (Alexander von Humboldt. Ein Biographisches Denkmal). Издатель избавляетъ публику отъ утомительныхъ и бесполезныхъ подробностей, нисколько не характеризующихъ великаго ученаго; г. Лугниинъ, не имѣя подъ рукою матеріаловъ чисто біографическихъ, которые обрисовали-бы Гумбольдта какъ человѣка, по-мимо его безсмертныхъ заслугъ на поприщѣ науки, ограничился тѣмъ, что онъ нашелъ у Кленке, то-есть, очеркомъ ученой дѣятельности автора Космоса. Читатель не удивится, узнавши, что этихъ краткихъ очерковъ стало на цѣлую книгу, довольно удовлетворительную и по слогу и въ

библіографическомъ отношеніи. Ознакомивши читателя съ изумительно дѣятельностію Гумбольдта, издатель переходитъ къ обзору литературной дѣятельности умершаго и подъ руководствомъ Кленке разсматриваетъ нѣсколько подробнѣе Космосъ, какъ сводъ современнаго состоянія естествознанія, какъ послѣднее слово и Гумбольдта и науки. Менѣе удовлетворительна слѣдующая за тѣмъ одиннадцатая глава, обрисовывающая именно ту духовную сторону германскаго ученаго, которая обуславливая всё его дѣйствія, напечатлѣваясь на всѣхъ его литературныхъ произведеніяхъ, придаетъ имъ особенную чарующую прелесть и возводитъ ихъ, по мимо научнаго ихъ значенія, на степень эстетически совершенныхъ твореній. Мы разумѣемъ чудную способность Гумбольдта давать прочувствовать читателю тѣ самыя впечатлѣнія красоты и величія природы и вселенной, которыя онъ ставилъ главною цѣлію изученія природы, видя въ наукѣ не только математическую сухую формулу, числовой законъ, но средство къ взаимному сближенію и слитію нравственной стороны человѣка съ духовною жизнью природы. Еще неудовлетворительнѣе, по нашему мнѣнію, послѣднія страницы книги (166—309), на которыхъ издатель приводитъ, подобно Кленке, нѣсколько сценъ изъ путешествій Гумбольдта, нѣсколько картинъ природы изъ его сочиненій. Выборъ довольно неудаченъ, потому-что не даетъ полнаго понятія о чудесной творческой способности Гумбольдта переносить читателя въ самую среду рисуемыхъ впечатлѣній. Мы уже сказали, что біографической отдѣлъ книги рѣшительно ничтоженъ, ограничиваясь нѣсколькими пустыми замѣтками. И неудивительно; значеніе покойнаго слишкомъ громадно, чтобы втеченіе какого-нибудь года отодвинуться на довольно дальній планъ отъ современности и допустить такимъ образомъ безпристрастное обсужденіе его свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ.

И темныхъ сторонъ, сказали мы, потому-что онѣ непобѣжны въ духовномъ очеркѣ человѣка, также непобѣжны какъ тѣни въ портретѣ. Разница только въ томъ, что въ первомъ портретѣ тѣни такъ густы и мрачны, что личность почти теряется въ нихъ и только зоркій взглядъ опытнаго сердцевѣда въ состояніи подмѣтить человѣческій образъ въ этомъ мрачномъ полѣ, обрѣзаннымъ вездѣсущою жизнію; тогда какъ въ другомъ очеркѣ тѣни, набросанныя рукою искуснаго, великаго художника, придаютъ только большую рельефность свѣтлой сторонѣ, которую Гумбольдтъ на вѣчныя времена записалъ въ золотую книгу и жизни и безпредѣльной, какъ жизнь, науки.

Руководство къ изученію нервныхъ болѣзней, Морца Генриха Ромберга. Томъ первый. Часть 1. Перевели съ третьяго исправленнаго изданія *студенты Кіевскаго университета*. Кіевъ. 1860. Въ 8-ую д. л. Стр. X и 259. Цѣна 1 р. 75 к. с., съ пересылкою 2 р. с.

Авторъ этой книги принадлежитъ къ числу тѣхъ корифеевъ науки, которые неусыпными трудами своими на всегда связали имя свое съ тою или другою отраслюю человѣческихъ знаній. Гдѣ только рѣчь идетъ о патологій и терапіи нервной системы, тамъ неизбѣжно упоминается имя Ромберга, и потому мы считаемъ бесполезнымъ распространяться далѣе о пользѣ, которую принесетъ гг. русскимъ врачамъ переводъ написаннаго имъ руководства. Мы не станемъ распространяться и въ похвалахъ переводу. Книга, — содержащая первый классъ нервныхъ болѣзней: неврозы чувствительности, гиперестезіи и анестезіи, — написана довольно чистымъ языкомъ и не испещрена на русской ладъ поломанными иностранными словами и терминами. — Помимо своихъ спеціальныхъ достоинствъ, книга замѣчательна въ томъ отношеніи, что она составляетъ трудъ не частнаго лица, но цѣлой корпораціи гг. студентовъ. Явленіе въ высшей степени утѣшительное. Давно пора нашимъ университетскимъ корпораціямъ записаться въ число дѣятелей отечественной литературы. Инициатива, правда, уже была положена гг. студентами санктпетербургскаго университета, но корпорація кіевскаго университета пошла другимъ путемъ и, по нашему мнѣнію, лучшимъ. Сборнику, издаваемому въ Петербургѣ, по самому составу его, предстоитъ довольно ограниченный кругъ вліянія и пользы, тогда какъ слѣдуя путемъ, открытымъ гг. кіевскими студентами, наши университетскія корпораціи въ короткое время, почти шутя, пополнили-бы всѣ пробѣлы нашей учебной литературы, и усвоили-бы ей всѣ достойныя вниманія иностранныхъ сочиненія, по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. При средствахъ научныхъ и литературныхъ, которымъ владѣетъ каждая изъ университетскихъ корпорацій, беллетристическая часть такого предпріятія не могла-бы представитъ какія-нибудь особенныя затрудненія, а за удачный выборъ матеріала ручались-бы ясно сознаваемые потребности самыхъ корпорацій. Средства ихъ такъ громадны, что при малѣйшемъ усердіи со стороны исполнителей и подѣ руководствомъ добросовѣстнаго чловѣка, сколько-нибудь опытнаго въ типографической тактикѣ и дипломатикѣ, корпораціи гг. студентовъ оставили-бы далеко за собою всѣ возможныя товарищества.

В. ХАНКИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Что такое антропология.

Anthropologie, Die Lehre von der menschlichen Seele neubegründet etc. von Imm. Herm. Fichte. 2 Aufl. 1860. (Антропология, учение о человѣческой душѣ, Имм. Герм. Фихте.)

Anthropologie der Naturvölker von Dr. Theodor Waitz; I Theil Ueber die Einheit des Menschen-Geschlechtes und den Naturzustand des Menschen, 1859. 2 Theil: Die Negervölker und ihre Verwandten, 1860. (Антропология народовъ, находящихся въ естественномъ состояніи, Теод. Вайца: ч. I. О единствѣ человѣческаго рода и о естественномъ состояніи человѣка 1859. Ч. II. Негры и родственные имъ народы, 1860.)

Предъ нами два сочиненія объ антропологии. Оба писаны людьми, имѣющими извѣстное имя въ философскомъ мірѣ Германіи. Вайцъ замѣчательный психологъ школы Гербарта, извѣстный писатель по педагогикѣ. Фихте глава одной изъ школъ современной германской философіи, боецъ за *душу*, рыцарь безнадежнаго идеализма между строгими теологами и дерзкими материалистами. Сочиненіе Фихте въ короткое время напечатано вторымъ изданіемъ; значитъ оно имѣло успѣхъ. Между тѣмъ оно не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Мы уже говорили въ этомъ журналѣ въ прошломъ году (см. Гермаскія теисты) о точкѣ зрѣнія Фихте, о его стремленіяхъ, и не видимъ нужды возвращаться къ этому вопросу. Новое изданіе его антропологии измѣнено лишь по формѣ: кое-что сокращено, кое-что прибавлено (*), но

---

*) Между прочимъ прибавлена статья Мореля (Morell) о современномъ состояніи психологии въ Англіи. Не можемъ не указать на одну частность,

духъ остался тотъ же. Подъ названіемъ антропологіи читатели имѣютъ предъ собою историческій обзоръ мнѣній о душѣ, критику ихъ и — само-собою разумѣется — доказательство необходимости половинчатой теоріи автора. Для него вся антропологія заключается въ вопросѣ о душѣ, т.-е., въ вопросѣ объ отношеніи міра духовныхъ явленій къ явленіямъ физическимъ и на оборотъ.

Совсѣмъ другая точка зрѣнія Вайца. Это настоящій, строгій ученый. Цѣль для него: достиженіе истины, въ чемъ-бы эта истина ни заключалась. Если въ его сочиненіи и проглядываетъ личная склонность къ убѣжденію въ единство человѣческаго рода, то весьма трудно сказать: предшествовала-ли эта склонность составленію сочиненія, или она есть только убѣжденіе, почерпнутое изъ фактовъ, добытыхъ изслѣдованіемъ. А фактовъ этихъ бездна. Изъ всѣхъ теорій, изъ всевозможныхъ источниковъ черпаетъ ученый писатель данныя, сближаетъ ихъ, разбираетъ, сравниваетъ, группируетъ и затѣмъ только указываетъ читателю на болѣе или менѣе вѣроятный результатъ. Вчитываясь въ эту книгу, невольно убѣждаешься, что онъ можетъ ошибиться, но едва-ли намѣренно исказитъ данныя. Для Вайца антропологія, это — отдѣлъ зоологіи, описаніе всѣхъ особенностей рода homo, его отличія отъ близкихъ къ нему родовъ, указаніе на явленія общія всему роду и на различія, проявляющіяся въ его развѣтвленіяхъ, словомъ все, что относится къ человѣку какъ животному, въ которомъ мы наблюдаемъ разнородныя явленія.

Человѣкъ, какъ животное, есть предметъ антропологіи. — Предметъ антропологіи составляетъ вопросъ о человѣческой душѣ, о ея отношеніи къ тѣлу. — Какъ разнообразны, даже противорѣчивы могутъ показаться эти точки зрѣнія! Но разсмотримъ ихъ поближе: можетъ быть противорѣчіе въ нихъ только кажущееся, а разнообразіе зависитъ только отъ того, что одинъ писатель изслѣдуетъ научный вопросъ, другой — строитъ философскую теорію.

Философія опирается на науку и ею питается. Изъ фактовъ по-

которая насъ поразила. Морель, между-прочимъ, упомянулъ о гипнотизмѣ. Профессоръ и редакторъ философскаго журнала Иммануэль Германъ Фихте счелъ полезнымъ сдѣлать выноску, гдѣ сознается, что не понимаетъ о чемъ тутъ идетъ рѣчь. Немѣцкій филистеръ въ Мартѣ 1860 г. не слышалъ еще о гипнотизмѣ. Философъ-антропологъ въ глубинѣ своего кабинета и не думалъ слѣдить за самыми интересными фактами науки о человѣкѣ.

сдѣльной философія строить одно стройное цѣлое, не имѣя права ничего выкинуть, ничему противорѣчить. Чѣмъ она ближе къ наукѣ, тѣмъ она проще, нагляднѣе, убѣдительнѣе. Чѣмъ болѣе разработана какая-либо часть науки, тѣмъ менѣе въ этой отдѣльной части остается сдѣлать философін; факты сами подсказываютъ и обязываютъ мыслителя къ такому, а не къ другому роду построения. И такъ научное основаніе должно предшествовать зданію философін. Мы и начнемъ съ перваго. Посмотримъ каковы предѣлы антропологін какъ науки, составляющей отдѣлъ зоологін, и потомъ зададимъ себѣ вопросъ: что философія можетъ сдѣлать съ фактами антропологін, при современномъ ихъ состояніи.

Человѣкъ (*homo*) есть зоологическій родъ въ разрядѣ млекопитающихся. Антропология есть отдѣлъ зоологін, занимающійся этимъ родомъ во всѣхъ его особенностяхъ. — Можетъ быть иной читатель возмущается этому сопоставленію человѣка, *царя созданія, образа и подобія Божія*, съ безсловесными. Можемъ его утѣшить тѣмъ, что нѣкоторые зоологи, въ-особенности Французы, предлагали составить для человѣка особое царство, четвертое, да какъ-то этотъ проэктъ еще не принятъ, хотя отчаяваться въ его принятіи со временемъ не слѣдуетъ.... Впрочемъ, мы отклонились отъ нашего вопроса. Поставимъ его такъ: какія явленія должны войти въ антропологию, какъ науку о зоологическомъ родѣ *homo*?

Сначала представляются явленія формы и ихъ измѣненія. Анатомія человѣка вообще, анатомія человѣческихъ расъ, анатомія уродовъ (тератологія) и т. д. и т. д. Форма отдѣльнаго человѣка не остается одинаковою; она развивается: начиная съ мгновенія оплодотворенія яйца, дѣлаясь постепенно зародышемъ, плодомъ, младенцемъ, отрокомъ, юношею, старцемъ, трупомъ, — человѣкъ проходитъ чрезъ непрерывный процессъ измѣненія формъ. — Самое измѣненіе формъ есть только измѣненіе ихъ отправления, и безъ изученія отправленій совершающихся въ человѣкѣ, — изученіе формъ его безсмысленно и даже невозможно. Чѣмъ внимательнѣе мы изучаемъ измѣняющіяся формы, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что вся сущность ихъ заключается въ явленіяхъ, которымъ они служатъ лишь временнымъ переходнымъ опредѣленіемъ. Шарикъ крови важенъ особенно какъ совершающіе процессъ кровообращенія, глазъ какъ органъ зрѣнія, первы какъ органъ чувства и воли и т. д. Такимъ образомъ анатомія человѣка — наука формъ человѣческаго тѣла ведетъ къ физиологін — наукѣ отправления, совершающихся въ человѣкѣ.

Явленія движенія, явленія измѣненія сцѣпленія, температуры, цвѣта, электрическаго состоянія, явленія измѣненія состава, явленія появленія органическихъ формъ, ихъ измѣненія, перехода однѣхъ въ другія, наконецъ перехода въ неорганическія — все это наблюдается въ человѣкѣ, все это входитъ въ его изученіе, слѣдовательно въ антропологию, хотя здѣсь мы встрѣчаемъ сомнѣніе. — Нѣтъ, говорятъ естествоиспытатели, законы движенія принадлежатъ механикѣ; законы явленій сцѣпленія, теплоты, свѣта и т. д. принадлежатъ физикѣ; законы измѣненія состава — химіи: все это не можетъ войти въ антропологию, какъ законы чиселъ не входятъ въ механику. Механика, физика, химія, — это науки, обнимающія свойства всего доступнаго чувствамъ; антропология на нихъ опирается, ими пользуется, но ихъ не заключаетъ. Точно также физиология, обнимая явленія происходящія исключительно въ живыхъ организмахъ, далеко обширнѣе антропологии; одна часть первой: физиология животныхъ заключаетъ въ себѣ всю физиологическую часть антропологии, какъ едва замѣтный частный случай, скорѣе въ видѣ примѣра, чѣмъ въ видѣ особаго отдѣла; человѣкъ не представляетъ для физиологии, взятой въ ея самостоятельности, никакой особой важности; физиология человѣка важнѣе другихъ лишь въ практическомъ медицинскомъ отношеніи. Все это: механика, физика, химія, физиология вообще — это науки законовъ, которымъ подчиняется человѣкъ, не какъ человѣкъ въ особенностяхи, а какъ часть вещества, какъ живой организмъ, какъ позвоночное животное, какъ млекопитающееся. Особенности здѣсь болѣе важны въ анатомическомъ отношеніи, чѣмъ въ физиологическомъ; отправления остаются тѣже, только формы развѣчаются болѣе или менѣе.

Оставляемъ пока все это внѣ антропологии, какъ ея основаніе, но мы еще вернемся къ этому вопросу. Пойщемъ особенностей въ явленіяхъ, происходящихъ въ человѣкѣ, пойщемъ явленій, ему исключительно принадлежащихъ, или, по крайней мѣрѣ, въ немъ одномъ изучаемыхъ.

Такия явленія есть: это явленія чувства, мысли, воли, явленія знанія и творчества; это область психологии...

«Здѣсь огромный скачекъ, говорятъ спиритуалисты, мы вступаемъ въ особое царство, въ особый міръ. Безсмертный и невещественный духъ, соединяясь сверхъ-естественнымъ образомъ съ бреннымъ тѣломъ, сообщаетъ ему мысль, беретъ его какъ орудіе и бросаетъ его, какъ негодное платье, когда оно отслужило свое время, чтобы ему, духу, продолжать свое духовное суще-

ствование вѣкъ вещества и пространства. Лишь человекъ мыслить, лишь онъ безсмертенъ, и своимъ духомъ стоитъ неизмѣримо выше всего прочаго созданія....»

«Позвольте, перебиваютъ матеріалисты, тутъ нѣтъ ни скачка, ни особаго міра. Движеніе — вотъ единый совершающійся процессъ, въ единой сущности — въ веществѣ. Теплота, свѣтъ, электричество, — это новыя, болѣе сложныя движенія. Вещество, кристаллизующееся многогранникомъ въ одномъ случаѣ, кристаллизуется кѣлочкою въ другомъ, вотъ и все. Отъ состава и формы кѣлочки зависятъ ея особыя свойства. Въ однихъ обстоятельствахъ она служитъ для питанія, въ другихъ для нагрѣванія организма, въ третьихъ для ощущенія, въ четвертыхъ для мышленія и т. д. Психическія отправления есть и въ животныхъ и различаются болѣе по степени, чѣмъ по сущности отъ психическихъ отравленій въ человекѣ. Но эта разница не болѣе велика, чѣмъ разница между позвоночными и безпозвоночными животными. Все въ природѣ постепенно; мысль развивается изъ бессознательнаго вещества, какъ организмъ изъ неорганизованнаго; уродливости однихъ породъ, способныя жить и производить себѣ подобныя особи, суть начала новыхъ породъ, и въ безконечномъ существованіи міра, было время появиться между безчисленнымъ множествомъ уродливостей, неспособныхъ къ жизни и достаточному числу уродливостей наследственныхъ, которыя даютъ все разнообразіе міра. Явленія мышленія не должно отдѣлять отъ прочихъ жизненныхъ явленій, частныхъ случаевъ движенія; точно также психологію должно разсматривать какъ главу физиологіи, разбирающую явленія психологическія въ ихъ разнообразіи въ животномъ царствѣ, а сама физиологія есть частный, довольно сложный примѣръ, прикладная часть механики....»

Позвольте, скажемъ мы въ свою очередь, дѣло идетъ пока о результатахъ, добытыхъ наукою, а не о възможномъ философскомъ построеніи ея отдѣльныхъ фактовъ во единое цѣлое. Если спиритуалистамъ можно противопоставить логическое начало Оккама: не должно безъ нужды умножать число сущностей; то матеріалисты вредятъ научному изслѣдованію, постоянно выставляя за исходную точку то, что можетъ быть лишь окончательнымъ результатомъ этого изслѣдованія. Одна-ли сущность присутствуетъ во всѣхъ явленіяхъ доступныхъ ему, двѣ-ли, или большее число, до этого наукѣ нѣтъ дѣла. Она начинаетъ съ разложенія группы явленій на простѣйшія явленія, подлежащія наблюденію, подчиняетъ эти простѣйшія явленія анализу и только

по окончаніи этого анализа восходить къ изученію группы явленій какъ нераздѣльнаго цѣлаго. Нигдѣ нѣтъ формъ безъ вещества, заключеннаго въ этихъ формахъ, нигдѣ нѣтъ жидкости, не имѣющей ни температуры, ни химическаго состава, но геометрія изучаетъ протяженныя формы отдѣльно отъ ихъ содержанія, механика жидкихъ тѣлъ изслѣдуетъ свойства послѣднихъ, не беря въ соображеніе ихъ температуру и химическій составъ. Вопросъ о механическомъ эквивалентѣ теплоты, о соотношеніи физическихъ и химическихъ явленій есть *одинъ* изъ вопросовъ физики, но прежде чѣмъ къ нему приступить, физика изучаетъ каждое изъ явленій, въ нее входящихъ, особо. Пока не создана достаточно строгая механическая теорія химическихъ замѣщений, связи между составомъ и формою кристалла, до-тѣхъ-поръ химія и кристаллографія *для ученаго* (но не для философа) суть *особыя* науки отъ механики. Пока не получена клѣточка внѣ органическаго вліянія, пока законы ея нарастанія и образованія органовъ не выведены математически изъ внѣшнихъ условій дѣйствующихъ на клѣточку, до-тѣхъ-поръ теорія организмовъ, есть *особая* область естество-знанія. Ученый задаетъ себѣ вопросъ: какъ механическія вліянія видоизмѣняютъ органическій процессъ? онъ постепенно исключаетъ изъ числа *особенныхъ* явленій все, что можетъ исключить, но останавливается тамъ, гдѣ изслѣдованія недостаточны, позволяя лишь себѣ сказать: изъ наблюденій я не вижу никакой достаточной причины допускать существованіе нѣсколькихъ различныхъ сущностей всюду, гдѣ наблюденія мои довольно полны. По *аналогіи* заключаю, что всѣ прочія явленія не представляютъ мнѣ особенныхъ сущностей, когда будутъ надлежащимъ образомъ изслѣдованы и *философски* допускаю единство сущности всего сущаго. Но это не мѣшаетъ изучить каждое явленіе какъ-бы оно было отлично; отъ всѣхъ прочихъ.

Точно тоже съ психическими явленіями. Можно-ли наблюденіемъ ихъ сблизиться съ явленіями физиологическими? и да, и нѣтъ. Безчисленное множество примѣровъ, не отразимыхъ по своей убѣдительности, доказываютъ, что измѣненіе физиологическихъ отправленій влечетъ за собою необходимое измѣненіе психическихъ явленій въ человѣкѣ, и что психическое состояніе имѣетъ вліяніе на жизненный процессъ, слѣдовательно связь обихъ родовъ явленій неоспорима; она есть *одинъ* изъ вопросовъ науки, и по мѣрѣ болѣе точнаго обслѣдованія этого вопроса можно надѣяться, что упомянутая связь будетъ выказываться все тѣснѣе. Но,

пока психическія явленія представляютъ много вопросовъ, кромѣ того, о которомъ идетъ рѣчь; внѣ его, эти явленія должны быть рассмотрѣны наукою *особо*, самостоятельно, отдѣльно отъ физиологическихъ процессовъ, ихъ обуславливающихъ, или ими обуславливаемыхъ. Итакъ психологія приступаетъ къ своему дѣлу, какъ-бы допуская спиритуализмъ; мало того: она каждое явленіе психическое разсматриваетъ какъ особенное, пока не сведетъ его на другія. Но это только приступъ къ дѣлу. Психологія не упускаетъ и не должна упускать изъ виду, что она не имѣетъ никакого права дѣлать окончательнаго заключенія о единствѣ или различіи сущностей, не переставая быть наукою. Тѣмъ менѣе она имѣетъ право остановиться на спиритуалистической точкѣ зрѣнія. Напротивъ; всѣ особенныя сущности, разсматриваемыя наукою, суть для нея лишь временныя вспомогательныя формулы; она пополняетъ ими свои пробѣлы и по мѣрѣ своего укрѣпленія приучается обходиться безъ нихъ, приучается исключать ихъ изъ своихъ изслѣдованій. Для психолога спиритуализмъ есть переходный пунктъ: онъ начинается съ безчисленнаго разнообразія явленій психическихъ и физиологическихъ, стремится къ открытію во всѣхъ ихъ единой сущности человѣческаго бытія; на этомъ пути есть одна ступень, когда всѣ психическія явленія представляются видоизмѣненіями одной группы явленій, всѣ физиологическія видоизмѣненіями другой; эту ступень обозначаетъ спиритуализмъ. Кто останавливается на немъ, тотъ уподобляется мыслителю, допускающему реальное бытіе геометрическихъ формъ безъ вещественнаго содержанія и совершеніе химическаго процесса внѣ всякой геометрической формы для преобразующагося вещества. Наука изучаетъ въ геометріи отдѣльно формы, и въ химіи отдѣльно процессъ химическихъ замѣщеній, но ученый знаетъ, что въ самомъ дѣлѣ геометрическая форма и химическій измѣняющійся составъ, составляютъ одно реальное бытіе.

Если философское мышленіе не можетъ уже остановиться на указанномъ переходномъ пунктѣ, то научное изслѣдованіе долго еще должно его удерживать, если только будетъ въ состояніи когда-нибудь осилить его. И этому есть одна очень важная причина: самый методъ изслѣдованія. Орудія внѣшняго наблюденія могутъ уловить лишь самую грубую часть психическихъ явленій: измѣненіе фізіономіи, звука голоса, наконецъ слово и дѣйствіе, составляющіе окончательный результатъ часто весьма сложнаго внутренняго процесса. Для изученія самого процесса въ его от-

тѣнкахъ, въ его дѣйствительной постепенности есть одно орудіе, совершенно отличное отъ всѣхъ орудій внѣшняго наблюденія; это *внутреннее наблюденіе*, заключенное въ психическомъ явленіи *сознанія*.

Вотъ этотъ фактъ сознанія составляетъ до-сихъ-поръ камень предковенія для всѣхъ теорій, объясняющихъ психическія явленія помощью движенія. Можно механически объяснить измѣненіе фізіономіи, измѣненіе звука голоса, процессъ слова и дѣятельности, вслѣдствіе разныхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Это все однородныя явленія, воспринимаемыя тѣми же органами. Но говорящій и дѣйствующій автоматъ, съ подвижною фізіономіею и съ измѣняющимся голосомъ, не есть еще сознательное существо. Сознаніе есть процессъ, доступный лишь *одному* наблюдателю, тому, въ которомъ онъ происходитъ, и во всемъ лексиконѣ движенія для сознанія нѣтъ еще соотвѣтственнаго выраженія. — Для безпристрастнаго наблюдателя сознаніе составляетъ особое научное явленіе, и рассматривая психическія отправления, какъ отправления преимущественно сознательныя, мы должны отрицать возможность ихъ сближенія съ фізіологическими.

Итакъ на вопросъ объ этомъ сближеніи мы могли одновременно отвѣтить: да и нѣтъ. Они сближены взаимною зависимостью въ единомъ человѣческомъ существѣ, сближены во внѣшнемъ явленіи, въ реальномъ бытіи. Они раздѣльны въ научномъ изслѣдованіи, въ своихъ существеннѣйшихъ особенностяхъ и въ этомъ отношеніи для современной науки совершенно несозвѣрны.

Но мы сдѣлали отступленіе отъ нашего пути. Намъ встрѣтились психическія явленія и мы должны были обсудить ихъ право на мѣсто въ антропологіи. Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію, намъ приходится отдѣлаться еще отъ одного вопроса въ этомъ отношеніи. Одинъ ли человѣкъ представляетъ предметъ для психологическихъ изслѣдованій, или есть психологія животныхъ? Множество внѣшнихъ аналогій указываютъ на то, что въ животныхъ происходятъ процессы подобныя человѣческому чувствуванію, человѣческому ссображенію, человѣческой волѣ. Недостатокъ точныхъ и подробныхъ изслѣдованій и еще болѣе недостатокъ научной полноты въ самой психологіи человѣка, не позволяють даже приблизительно судить о томъ, есть-ли тутъ качественная или только количественная разница въ отправленіи. Но фактовъ этихъ достаточно, что-бы мы не имѣли права исключать изъ психологіи все сущее внѣ

человѣка, и чтобы сказать: къ антропологиі относится не психологія вообще, а психологія человѣка въ-особенности. Правда, что слѣдуетъ прибавить: какъ физиологія человѣка составляетъ едва замѣтный (въ научной системѣ) отдѣлъ физиологіи вообще, такъ внѣ психологіи человѣка остается весьма незначительное число психологическихъ фактовъ, имѣющихъ смыслъ лишь тогда, когда мы ихъ освѣщаемъ данными, приобретенными помощью внутренняго наблюденія, въ антропологической части психологіи. Итакъ психологія принадлежитъ, если не исключительно, то преимущественно къ антропологиі. Выходя изъ теоріи побужденій, она обрисовываетъ рядъ измѣняющихся состояній духа, безпрестанныхъ стремленій, удовлетворяемыхъ въ трехъ главныхъ психическихъ продуктахъ: въ понятіи, въ созданіи, въ дѣйствіи. Эти продукты ложатся въ основаніе трехъ духовныхъ процессовъ: процесса знанія, процесса внутренняго творчества, и процесса внѣшняго творчества — жизни.

Точно также какъ нѣтъ физическаго дѣйствительнаго явленія, гдѣ-бы не совершались одновременно процессы измѣненія сплѣненія (увеличеніе или уменьшеніе плотности, испареніе, кристаллизація и т. п.), измѣненіе теплороднаго состоянія, электрическаго напряженія, наконецъ химическіе процессы, — какъ нѣтъ питанія безъ кровообращенія, безъ дѣятельности нервовъ и обратно, — такъ знаніе, творчество внутреннее и жизненное нераздѣльны въ дѣйствительности. Но наука ихъ различаетъ для удобнѣйшаго изученія и такимъ образомъ открываетъ ихъ законы. Логика, феноменологія духа и наука жизненной дѣятельности входятъ въ составъ антропологиі.

Мы пока остановимся на двухъ первыхъ, и послѣдняя представляетъ намъ важный предметъ изслѣдованія. Она обнимаетъ дѣятельность человѣка, употребляемую имъ для борьбы съ внѣшнимъ міромъ: всѣ *техническія знанія*. Она обнимаетъ законы питанія общества, созданнаго человѣкомъ съ тою же необходимостью, какъ создаются общества перепончатокрылыхъ (пчелъ, муравьевъ): *политическую экономію*. Она обнимаетъ юридическія формы, въ которыхъ человѣкъ попробовалъ заковать (всегда безуспѣшно) измѣняющійся идеалъ справедливаго общества: *юридическія и государственныя знанія*. Наконецъ она обнимаетъ процессъ образованія и распаденія обществъ, процессъ наростающаго знанія, процессъ видоизмѣненія внутренняго творчества человѣка, картину его внѣшняго творчества; это значитъ она обнимаетъ всю *исторію*.

И дѣйствительно исторія есть самый существенный признак, отличающій въ глазахъ науки родъ *homo* отъ другихъ зоологическихъ родовъ. Можетъ быть со временемъ найдутся аналогическіе факты и въ жизни другихъ животныхъ, но пока лишь человекъ имѣетъ исторію.

Но исторія, обнимая процессъ нарастанія знанія, предъявляетъ неоспоримыя права антропологии на всѣ факты знанія, оставленные выше нами въ сторонѣ, какъ принадлежащія механикѣ, физикѣ, химіи, физиологіи. Всѣ они суть факты человеческого знанія, приобрѣтенные въ данную эпоху, подѣ влияніемъ данныхъ обстоятельствъ. Появленіе ихъ было всегда событіемъ, иногда очень важнымъ, въ развитіи человечества. Они должны войти въ антропологию. Пожалуй, можно сказать, что они войдутъ совершенно въ другой перспективѣ. Не какъ стройная группа другъ-друга освѣщающихъ данныхъ, но какъ разбросанныя открытія, часто перемѣшанные съ самыми странными предразсудками, представляются они изслѣдователю. Они ихъ встрѣчаетъ не какъ необходимые законы природы, но какъ случайныя событія въ жизни человечества.

Правда, но намъ остались еще двѣ антропологическія науки, о которыхъ мы упомянули выше. Это наука знанія — логика; наука внутренняго творчества — феноменология духа. Первая объявляетъ всѣ методы убѣжденія въ достовѣрности, въ вѣроятности, или въ ошибочности какого-либо положенія. Вторая заключаетъ въ себѣ явленія сознательнаго научнаго творчества, явленія свободнаго и сознательнаго творчества искусствъ, явленія безсознательнаго творчества религій. Мы ограничимся сказаннымъ о послѣднихъ двухъ родахъ явленій, но обратимъ вниманіе на явленія научнаго творчества, въ ихъ связи съ логикою.

Всѣ обобщенія, позволяющія изъ отрывочныхъ наблюденій составить науку, всѣ формулы, въ которыхъ науки видятъ свои самыя блестящія результаты, суть явленія этихъ двухъ отдѣловъ антропологии. Методъ наведенія, помощью котораго естественныя науки даютъ свои законы, методъ построенія, который доставляетъ математическимъ наукамъ ихъ неотразимую убѣдительность; методъ вѣроятностей большаго числа наблюденій, лежащихъ въ основаніи всѣхъ статистическихъ заключеній; методъ критики свидѣтельствъ, составляющій основаніе всей исторіи, всякаго научнаго преданія, — все это достояніе логики. Понятіе о родѣ и видѣ, понятіе о явленіи и сущности, понятіе о причинѣ и слѣдствіи, понятіе о простотѣ и сложности, понятіе о притя-

женія, о жизни, объ организмѣ, о природѣ, опредѣленіе закона, поставленіе гипотезы, систематика каждой науки въ-особенности и всѣхъ наукъ вообще, число, пространство, время, а слѣдовательно движеніе, наконецъ бытіе и дѣйствительность, — все это явленія феноменологін человѣческаго духа.

Что касается до теплоты, свѣта, звука, сладости, и т. под. пріятнаго и непріятнаго ощущенія вообще, все это не болѣе какъ антропологическія загадки. Мы знаемъ какія перемѣщенія происходятъ въ частицахъ нашей кожи, когда намъ тепло; но какая связь между этими механическими перемѣщеніями и ощущеніемъ тепла, нами сознаваемымъ? Какая связь между волнообразнымъ движеніемъ воздуха и перепонки нашего уха съ одной стороны и ощущеніемъ звука съ другой? Что значитъ вообще пріятное ощущеніе? гдѣ отвѣты на эти вопросы? а мало-ли ихъ?

Такимъ образомъ всѣ результаты наукъ, которыя мы выше выкинули изъ антропологін, входятъ въ нее уже въ своей группировкѣ, какъ частныя приложенія логическихъ методовъ и явленій феноменологін духа къ отдѣльнымъ психическимъ даннымъ. Научное творчество обнимаетъ всѣ науки въ ихъ общихъ выводахъ и въ ихъ систематическомъ построеніи. Логика обнимаетъ всѣ ихъ методы. Наконецъ всѣ ихъ отдѣльные факты, частныя результаты, добытые случайнымъ или намѣреннымъ изслѣдованіемъ ученыхъ, входятъ въ исторію наукъ. Вся наука въ цѣломъ своемъ составѣ размѣщается по различнымъ отдѣламъ антропологін.

Но научное творчество этимъ не исчерпывается. Группировка фактовъ науки, сближеніе ихъ помощью гипотезъ составляетъ лишь простѣйшую его часть. Когда наука не можетъ уже идти далѣе, когда строгій методъ не дозволяетъ совокупить во-едино образовавшіяся группы наукъ, тогда научное творчество продолжаетъ требовать единства и стройности отъ всѣхъ процессовъ мышленія и обстрониваетъ науку болѣе или менѣе великопнымъ храмомъ философской системы.

Итакъ, разсматривая предѣлы антропологін, какъ отдѣла зоологін, мы обозрѣли всю область науки и, кончивъ этотъ обзоръ, пришли, въ средѣ самой антропологін, къ вопросу философскаго построенія.

Посмотримъ теперь на антропологію, какъ на философскую систему, т.-е., рѣшимъ вопросъ: какимъ образомъ представленіе человѣка можетъ служить въ наше время основною для построенія цѣльной системы, охватывающей собою всѣ факты науки и

искажая ихъ, и въ то же время удовлетворяющей требованіямъ единства и стройности — эстетическимъ условіямъ всякой философской системы.

Чтобы построить такую систему можно выйти изъ вѣшняго міра какъ даннаго, или можно упереться на сознаніе своего я, или можно принять за исходную точку фактъ вѣчнаго движенія историческаго процесса, или, изъ преданій выработанныхъ исторіею, принять одно за основаніе построенія, или изъ міра сознанія выбрать одно явленіе, которое-бы служило объясненіемъ всему существу, или тоже самое сдѣлать съ однимъ изъ явленій міра вѣшняго. Каждый изъ этихъ приемовъ можетъ быть облегченъ совокупленіемъ болѣе или менѣе сознательнымъ нѣсколькихъ началъ для построенія системы, и болѣе или менѣе удачно все это было испробовано. Древнѣйшіе греческіе мыслители выходили въ своемъ построеніи, изъ одной какой либо стихіи; материалисты опираются на законы вѣшняго міра какъ неоспоримые; религіозныя мнѳологіи принимали за начало свои преданія; картезианцы и новые французскіе мыслители выходили изъ факта сознанія двойственности человѣческаго существа; Гегель совокуплялъ начало мысли взятое изъ міра сознанія, съ началомъ историческаго процесса и т. д. и т. д.

Если ни одному изъ преданій, ни одному изъ отдѣльных явленій міра вѣшняго или міра внутренняго нельзя придать въ наше время исключительнаго права на преобладаніе надъ прочими, если нельзя сказать: все сущее есть вода, все сущее есть мысль, все сущее есть Богъ, — то тѣмъ не менѣе требованія вѣшняго міра какъ дѣйствительнаго, должны быть признаны на ряду съ сознаніемъ историческаго процесса какъ основнаго; но прежде всего должно взять въ соображеніе міръ сознанія. Сознаніе, вѣшность и развитіе составляютъ три начала всякой стройной метафизики для нашего времени и первое, не исключая другихъ, имѣетъ надъ ними преимущество, какъ наиболѣе неоспоримое.

Въ-самомъ-дѣлѣ фактъ развитія вытекаетъ изъ наблюденія того, что развивается: природа могла-бы не заключать въ себѣ развитія; въ этомъ нѣтъ противурѣчивыхъ условій; допуская реальное бытіе *) вѣшняго міра, мыслящая личность можетъ

---

*) Мы весьма неохотно употребляемъ иностранныя слова, но еще менѣе желаемъ составить новыя слова. Между-тѣмъ, для избѣжанія двусмысленности, приходится здѣсь употребить слово *реальное* какъ логическое отличіе. Все сущее въ нашей мысли для насъ *дѣйствительно*; все *сущее*

усомниться въ реальности явленія развитія, можетъ полагать (гипотетически), что человѣкъ вноситъ въ созерцаніе природы преломляющую призму своего творчества, и что представленіе развитія есть одно изъ явленій этого преломленія. Но допуская развитіе, мы должны допускать нѣчто развивающееся, и это нѣчто, этотъ предметъ развитія (природа, мысль, или я) составляетъ для мыслящаго существа внѣшній міръ. И такъ внѣшность есть начало логическое, предшествующее началу развитія.

Точно также начало сознанія предшествуетъ началу внѣшняго міра (не исторически, но логически). Не смотря на убѣдительность, съ которою человѣчество опиралось всегда на реальность внѣшняго міра, большая часть мыслителей, достойныхъ этого имени, неотвергаза, что эта реальность можетъ быть предметомъ сомнѣнія, что она менѣе достовѣрна для насъ чѣмъ процессъ нашего сознанія, что ее слѣдовало-бы доказать и — что этого доказательства дать нельзя. Нѣкоторые относились скептически къ внѣшнему міру и видѣли дѣйствительность лишь въ невещественномъ я мыслящей личности, или въ процессѣ безличнаго мышленія. Человѣкъ очень хорошо знаетъ, что иногда призракъ, неимѣющей существованія внѣ его мысли для него представляется вполне дѣйствительнымъ. Онъ убѣждается въ феноменальности горячечныхъ и сонныхъ видѣній ихъ внутреннимъ противорѣчіемъ или ихъ прекращеніемъ. Онъ знаетъ, что его окружаютъ другіе призраки, въ которыхъ особенные процессы внѣшняго міра принимаютъ для него формы отдѣльныхъ существъ (какъ въ радугѣ, въ зеркальномъ изображеніи, въ пламени, и т. п.). Постепенно, рядомъ научныхъ сближеній, человѣкъ пришелъ къ истинному пониманію этихъ призраковъ. До сихъ поръ, въ самыхъ развитыхъ кружкахъ людей, есть личности, вѣрящія въ реальность видѣній своей фантазіи и умѣющія найдти отговорки для очевидной несобразности этихъ явленій. Въ реальности нашего тѣла и всего внѣшняго міра убѣждаетъ насъ лишь отсутствіе противорѣчія во всѣхъ фактахъ, воспринятыхъ нами изъ этого міра и непрерывность впечатлѣній, нами отсюда

внѣ насъ *реально*; все дѣйствительное, но не реальное имѣетъ *феноменальное* бытіе. Обобщеніе реального есть *ответченное*. Напримеръ, сумасшедшій говоритъ: *у меня стеклянная голова*. Онъ *дѣйствительно* ощущаетъ, что у него стеклянная голова. Самая голова его имѣетъ *реальное* бытіе; качество стеклянной, ей приписываемое, *феноменально*. Я, о которомъ онъ говоритъ, есть *ответченное* обобщеніе совокупности процессовъ и т. д.

получаемыхъ въ продолженіи всего нашего существованія. Но ни то, ни другое не составляетъ *логическаго* аргумента для реальности чего бы то ни было. Въ гипотезѣ, что вся внѣшность есть призракъ единого мыслящаго существа, нѣтъ *логическаго* противорѣчія. Противорѣчіе здѣсь только *реальное*. Въ нашемъ реальномъ человѣческомъ бытіи мы имѣемъ столько же подтвержденій бытія внѣшняго міра, какъ и бытія нашего собственнаго мышленія; мы имѣемъ *реальную* причину полагать, что внѣшность существуетъ независимо отъ нашей мысли, что напротивъ наше сознание есть продуктъ внѣшнихъ процессовъ, что внѣшность существовала за-долго до начала процесса нашего сознания и будетъ существовать долго послѣ его прекращенія; но логически мы не въ состояніи совершить перехода отъ личнаго (субъективнаго) представленія внѣшняго міра къ его независимому отъ насъ (объективному) существованію. Логически мы не можемъ отрѣшиться никогда и никакимъ способомъ отъ убѣжденія въ дѣйствительности нашего сознания, потому что каждый аргументъ противъ него, его же необходимо предполагать; но логически можно всегда допустить личный или безличный процессъ сознания и въ то же время отрѣшиться (гипотетически) отъ убѣжденія въ реальности внѣшняго міра. Мышленіе, какъ одинъ изъ процессовъ сознания, является для насъ критеріумомъ для всего сущаго. Все сущее представляется намъ фактомъ феноменологіи духа. Поэтому сознание представляется намъ первымъ метафизическимъ началомъ, которое должно въ стройной системѣ преобладать надъ прочими, не изгоняя ихъ и не отвергая ихъ важности.

Такимъ образомъ въ основу построенія антропологіи, какъ философской системы, ложится принципъ: *процессъ личнаго сознанія дѣйствительно совершается; все явленія его дѣйствительны для этого личнаго сознанія*. Этотъ первый антропологическій принципъ, мы назовемъ *личнымъ принципомъ дѣйствительности*, потому что онъ предполагаетъ отдѣльную человѣческую личность, единицу; не отвлеченнаго человѣка, какъ одного изъ многихъ и тѣмъ менѣе человѣка, какъ спонимъ человечества. На этой точкѣ зрѣнія являются безразлично *дѣйствительными* логическія построенія, впечатлѣнія внѣшняго міра, созданія художественнаго творчества, отвлеченныя обобщенія, грезы сна, пелѣныя представленія помѣшаннаго. Все это *дѣйствительные* факты личнаго сознанія.

Но изъ этой массы *дѣйствительныхъ фактовъ* выдѣляются

факты, не заключающіе въ себѣ противорѣчія, и отдѣляютъ въ себѣ измѣняющуюся область *реальной убѣжденія* отъ области, которой само личное сознание приписываетъ лишь феноменальную дѣйствительность. Эта область *реального убѣжденія* составляетъ область *знанія*. Область феноменальной дѣйствительности есть область *творчества*. Отсюда выходитъ второй антропологическій принципъ философіи — *принципъ реального знанія*: *все что мы сознаемъ, не находя противорѣчій при этомъ сознаниі, ни въ самомъ понятіи сознаваемого, ни въ группировкѣ вновь сознаваемого съ прежде сознаннымъ, представляетъ намъ реальное бытіе*. Отсюда реальность внѣшняго міра, какъ основа науки. Отсюда необходимость критики всего, дѣйствительно происходящаго въ нашемъ сознаниі, чтобы отличить реальное отъ феноменального.

Но эти два міра, реальный и феноменальный, предстоятъ нашему сознанию не отдѣльно одинъ отъ другаго; мы сознаемъ переходъ изъ одного въ другой, переходъ ихъ связующій, поворачивающій и заимствующій изъ одного реальное, изъ другаго феноменальное начало. Сознывая реальное бытіе, мы его мыслимъ лишь какъ феноменъ, откидывая одни признаки, придавая другіе, передѣлывая особенныя впечатлѣнія въ цѣльныя представленія въ объединенныя понятія. Мы *обобщаемъ* неизбѣжно реальный міръ, чтобы его сдѣлать міромъ нашего мышленія. — Въ то же время мыслимый міръ представляется намъ въ дѣйствительномъ процессѣ нашего сознаниа, какъ нѣчто противопоставляемое нами самимъ-себѣ, какъ нѣчто, въ чемъ мы отрицаемъ часть дѣйствительности, принадлежащей намъ, какъ единственно дѣйствительному бытію. Слѣдовательно мышленіе заключаетъ въ себѣ двойной процессъ. *Мысленіе есть обобщеніе мыслимаго и въ то же время противопоставленіе мыслящимъ существомъ своей мысли, какъ реальнаго бытія, себѣ, какъ единственно дѣйствительному бытію*. Итакъ въ процессѣ мышленія есть два полюса; становясь на тотъ или на другой, мы находимся въ различныхъ метафизическихкихъ системахъ.

Становясь въ область реального и признавая мышленіе только обобщеніемъ, мы на точкѣ зрѣнія матеріализма; мысль и всѣ факты сознаниа получаютъ только феноменальное существованіе. Вещество мыслить въ насъ; явленіе сознаниа суть одинъ изъ фазисовъ его преобразованій; необходимый законъ, безъ котораго познаніе внѣшняго міра было-бы призракомъ, господствуетъ надъ нашимъ сознаниемъ; необходимо совокупленіе об-

стоятельство приводит въ немъ къ неизбежнымъ послѣдствіямъ; правило, выходящее изъ самоопредѣленія человѣка, есть такое же неизбежное событіе, какъ и нарушение этого правила.

Оставаясь въ области дѣйствительности сознанія и признавая мышленіе *только* противопоставленіемъ одного процесса сознанія другому процессу, мы на точкѣ зрѣнія идеализма. Мысль *одна* дѣйствительна. Внѣшній міръ есть призракъ, создаваемый нашею мыслию для совершенія процесса своего развитія. Знаніе отличается отъ творчества лишь ступенью, а не сущностью познаваемого предмета. Мнѣ столько же содержитъ научной истины, какъ историческое событіе. Различеніе кажущагося отъ реального есть пустое занятіе. Размѣщеніе всего сущаго по лѣстницѣ категорій мыслимаго, заключаетъ всю систему мышленія.

Антропологическій принципъ требуетъ одновременнаго допущенія того и другаго содержанія въ мышленіи. Для *человѣческаго* мышленія мысль не есть *только* обобщеніе и не *только* противопоставленіе себя-самой себѣ-же-самой. Она есть то и другое вмѣстѣ. Процессъ сознанія *дѣйствителенъ* и міръ *внѣшній реаленъ*. Это допущеніе есть уже требованіе метафизической системы, заключающей въ себѣ обѣ предъидущія, отрицающей ихъ исключительность, но допускающей одновременную возможность. Третій антропологическій принципъ есть *скептический принципъ метафизики*: *процессъ сознанія не даетъ возможности рѣшить есть ли онъ самъ, какъ дѣйствительный процессъ, результатъ реального бытія, или реальное бытіе есть его продуктъ*. Это отрицаніе немедленно обращается въ требованіе двойнаго построенія: если мы не знаемъ которое изъ двухъ рѣшеній дѣйствительно, то можемъ мыслить то и другое. *Стройная система должна выражать свой скептицизмъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ возможность двухъ различныхъ построеній*. Это приводитъ насъ къ двумъ отраслямъ теоретической философіи: къ философіи природы и къ философіи духа. *Философія природы, опираясь на реальность внѣшняго міра, должна стремиться построить процессъ сознанія какъ-бы внѣ вещественнаго міра не было ничего кромѣ феноменовъ. Философія духа, опираясь на дѣйствительность сознанія, должна стремиться построить все сущее, какъ продуктъ систематическаго развитія мышленія*.

Первая, держась возможно ближе данныхъ науки, кладетъ въ основаніе бытія, какъ оно есть, реальное бытіе сущности (субстанціи) безграничной въ пространствѣ и безпредѣльной во времени, неуничтожающей, безсознательной, слѣдовательно не

допускающей цѣлей, но способной къ взаимному дѣйствию своихъ составныхъ частей, при чемъ это взаимнодѣйствіе происходитъ по вѣчно неизмѣннымъ законамъ. Всѣ реальныя явленія представляются философски преобразованиями одного явленія въ этой сущности — движенія ея частицъ. Гипотезы болѣе или менѣе простыя служатъ къ сближенію научныхъ фактовъ, такъ, чтобы они уложились въ эту систему; рядъ системъ движущихся точекъ, при чемъ всѣ отдѣльныя системы составляютъ одну систему, всякое болѣе сложное явленіе есть неизбежный результатъ группы простѣйшихъ, ему предшествующихъ, есть необходимое условіе стройности подобной философіи природы; наконецъ главное и самое затруднительное обстоятельство при ея построеніи есть слѣдующее: она должна объяснить происхожденіе всѣхъ извѣстныхъ явленій вещественнаго бытія такъ, чтобы охватить всю непредѣльность ихъ во времени, какъ въ прошедшемъ такъ, и въ будущемъ; мало того чтобы, какъ въ теоріи Лапласа, объяснить происхожденіе міровъ изъ движущейся матеріи; надо чтобы это вѣчное движеніе имѣло причину въ данное мгновеніе безразличной вѣчности образовать міръ, чтобы отъ этого мгновенія, считая назадъ, можно было въ непредѣльные періоды опредѣлить состояніе этой матеріи. Только кругъ явленій взаимно другъ-друга обуславливающихъ, можетъ, по всей вѣроятности, удовлетворить этой теоріи. Построеніе подобной философіи природы есть desiderata, исполненія которой еще, вѣроятно, очень долго придется ждать. Но, какъ часть антропологической системы, она имѣетъ центръ, около котораго группируется. Этотъ центръ есть положеніе: *человѣкъ и его исторія могутъ быть мыслимы, какъ необходимыя продукты внѣшнихъ вліяній.*

Въ свою очередь философія духа должна прослѣдить, строго руководясь данными психологіи, логики, феноменологіи духа и эстетики послѣдовательное развитіе въ сознаніи представленій, понятій и идей, процессъ мысленнаго творчества. Строгой критикой она должна отдѣлнить феноменальныя призраки, созданныя человѣческой исторіею, отъ логическихъ обобщеній, соответствующихъ тому, что сознаніе признаетъ реальнымъ бытіемъ, она должна пытаться въ категоріяхъ мышленія найти возможность необходимаго построенія всѣхъ законовъ реального бытія, и въ идеѣ человѣка, какъ реальной личности, найти источникъ построенія природы въ ея гармоніи, вселенной въ ея разнообразіи, вещества, пространства и времени въ ихъ отвѣченности.

Тогда только она достигает своего идеала: построения мира по законам мышления. Антропологическое положение, в котором она формулируется, есть: *человекъ можетъ себя мыслить какъ источникъ вышняго мира.*

Такимъ образомъ *теоретическая философія* или метафизика, въ излагаемой нами системѣ, начинается съ трехъ антропологическихъ принциповъ *философской пропедевтики*. Первый принципъ ставитъ человека, какъ *дѣйствительную* личность, второй, какъ *познающую* личность, скептической принципъ, какъ *мыслящую* личность и въ мышлении отрицающую познание сущности вещей. Но это отрицание есть лишь требованіе двойнаго философскаго построения. *Философія природы* строитъ личность мыслящую себя, какъ продуктъ вышняго мира; *философія духа*, на оборотъ, строитъ личность мыслящую себя, какъ источникъ того же мира. Въ совокупности они заключаютъ полный кругъ всего сущаго, оставая непоколебимыми всѣ три основные принципа.

Но переходъ между міромъ реальнымъ и феноменальнымъ можетъ быть еще другой. Мышленіе переходило отъ реального бытія къ феноменальному въ его обобщеніи и противопоставляло дѣйствительному сознанію бытіе, которое признавалось реальнымъ, слѣдовательно въ которомъ отрицалась преобладающая дѣйствительность мыслящей личности. Въ обоихъ случаяхъ переходъ помощью мышления, былъ потерей части бытія или для мыслимаго или для мыслящаго. Другой переходъ долженъ быть обратнымъ: феноменъ долженъ дѣлаться реальнымъ бытіемъ, реальное бытіе должно обращаться въ дѣйствительную личность. Это имѣетъ мѣсто въ *практической философіи*. Ея процессъ есть *дѣйствіе*; личность воплощаетъ свое желаніе, свое чувство, свое понятіе въ себя, въ міръ реального бытія. Она ставитъ себѣ цѣль и эта вышняя реальная цѣль дѣлается дѣйствительнымъ побужденіемъ въ личности. Здѣсь скептическое начало не имѣетъ мѣста, потому что противоположности процессовъ въ обоихъ случаяхъ не существуетъ. Разница лишь въ томъ, что воплощеніе желанія, чувства, понятія въ дѣятельность, можетъ совершиться безсознательно или сознательно; поставленіе же цѣли есть всегда переходъ реального бытія въ *сознательную* дѣйствительность. Первая дѣятельность обширнѣе второй, но можетъ болѣе или менѣе въ нее переходить, и ни въ какомъ случаѣ ей не противопоставляется.

Отсутствіе скептическаго принципа въ построении практической философіи придаетъ ей особую прочность и независимость

отъ метафизическихъ теорій. Отсюда въ основаніе практической философіи ложится принципъ *практическій*, который соотвѣтствуетъ первому принципу пропедевтики. Въ немъ выражается независимость личности, какъ дѣйствующей, отъ всѣхъ вопросовъ о сущности ея. *Личность сознаетъ себя свободною, желающею для себя и отвѣтственною предъ собою въ своей практической дѣятельности.* Это личный принципъ свободы, отдѣляющій міръ практической философіи отъ міра теоретической. На этомъ принципѣ зиждется возможность жизненныхъ вопросовъ, возможность критики человѣческой дѣятельности, возможность требованій отъ человѣка чего-бы то ни было. Незмѣнный законъ причины и слѣдствій проникаетъ философію природы, неизмѣнный законъ стройнаго развитія создаетъ философію духа, потому что высшее бытіе въ обѣихъ находится въ началѣ, низшее въ концѣ процесса; мыслимый міръ долженъ подчиниться реальному бытію или строиться по условіямъ, налагаемымъ на него мыслящею дѣйствительностью. Въ практической философіи высшее бытіе является въ концѣ, какъ воплощеніе или цѣль: по этому законъ является неизмѣннымъ правиломъ, но дѣятельность представляетъ отъ него исключенія, уклоненія. Личность практически свободна и свобода сама является первою ея потребностью.

Второму принципу пропедевтики, источнику реального міра, соотвѣтствуетъ здѣсь принципъ *идеальнаго творчества*; какъ дѣйствительная личность въ теоріи противопоставила себѣ реальный міръ, единственный источникъ знаній, такъ дѣйствительная личность въ практикѣ противопоставляетъ себѣ *идеалы*, единственное побужденіе къ дѣятельности. Въ полномъ представленіи реального бытія заключается возрастаніе знанія. Въ полнотѣ идеаловъ, которые ставитъ человѣкъ, заключается совершенство его дѣятельности.

Если въ теоріи человѣкъ долженъ былъ, на антропологической точкѣ зрѣнія, отнестись скептически къ вопросамъ о сущности вещей, то подобное же, но не тождественное явленіе происходитъ въ практической области. Дѣятельность человѣка разнообразна; по этому идеалы, являющіеся для него практическими побужденіями, различны. Одновременное ихъ поставленіе производитъ смутныя стремленія, неразумную дѣятельность, а между-тѣмъ отрицаніе одного изъ этихъ идеаловъ сообщаетъ дѣятельности односторонность. Какъ скептическій принципъ отрицалъ односторонность объясненія, чтобы перейти въ созданіе двухъ от-

дѣловъ философія, такъ практическая философія ставитъ принципъ раздѣленія дѣятельности: *идеалъ одного рода дѣятельности не долженъ быть идеаломъ для другой* и въ тоже самое время требуетъ отъ дѣятельности *человѣчлаго* направленія, т.-е. соединенія двухъ родовъ дѣятельности въ одной дѣйствующей личности: *истинный человекъ совокупляетъ въ себѣ идеалы практической дѣятельности, не смѣшивая ихъ при самой дѣятельности.*

Для опредѣленія этихъ идеаловъ и для группировки они подвергаются взаимной критикѣ. Одни оказываются взаимно противорѣчивыми, другіе неполными, и окончателно получаемъ двѣ группы, несоединимыя по своей сущности, но соединяемыя въ идеалъ дѣйствующей *человѣчиной личности*. Въ теоретической философіи мы искали отношенія, между реальнымъ міромъ и дѣйствительнымъ сознаніемъ; давая поочередно преобладаніе тому или другому началу, мы имѣли философію природы и философію духа. Точно также здѣсь намъ нужно опредѣлить отношеніе между формою, въ которую воплощается дѣятельность, и содержаніемъ, воплощаемымъ въ эту форму. Въ одной и той же дѣятельности человекъ не можетъ одновременно ставить себѣ *цѣль прекрасную форму и нравственное содержаніе*. Цѣль его должна быть одна при каждой дѣятельности, но дѣйствующая личность можетъ ставить себѣ въ одномъ случаѣ эстетическую, въ другомъ нравственную цѣль и, проникнувшись сознаніемъ того и другаго идеала, *истинно-человѣчная личность безсознательно* нравственна при художественной дѣятельности, *безсознательно* художественна при нравственной. Это раздѣленіе, требующее новаго соединенія, даетъ двѣ отрасли практической философіи.

Философія искусства есть философское построеніе эстетики. Въ первой части своей, въ *философіи художественнаго идеала*, она ищетъ идеалъ *прекраснаго произведенія*, совокупляетъ реальный художественный идеалъ — стройную форму, съ дѣйствительнымъ художественнымъ идеаломъ — патетическимъ настроеніемъ, отвергаетъ не художественные идеалы служенія идеѣ, общественнымъ и жизненнымъ цѣлямъ и ставитъ антропологическое художественное положеніе: *художественное произведеніе есть патетическое воплощеніе личности художника въ стройныя формы*. Затѣмъ она въ *философіи искусствъ* рѣшаетъ вопросъ о воплощеніи различнаго рода патетическаго настроенія личности въ различныя формы искусства.

Философія жизни точно также ищетъ въ этикѣ или въ *философіи личности* идеалъ *человѣческаго достоинства*. Дока-

зывая неполноту или внутреннія противорѣчія въ идеалахъ эгонстической, полезной, милосердой, самоотверженной дѣятельности, она приходитъ къ идеалу *справедливой дѣятельности*, какъ дѣятельности обобщающей на всѣхъ людей признаніе *человѣческаго достоинства* и тѣмъ восходящей къ представленію *равноправнаго человѣчества*. Во имя этого идеала, этика ставитъ положеніе: *Человѣческое достоинство заключается въ справедливой дѣятельности; справедливая дѣятельность есть воплощеніе въ жизнь идеи о равноправности всѣхъ людей на всестороннее развитіе, независимо отъ всѣхъ патетическихъ настроеній дѣйствующей личности*. Тогда въ *философіи общества* она судитъ во имя идеала достойной и справедливой личности, формы семьи, рода, націи, формы промышленнаго, сословнаго, юридическаго союза, формы государства, церкви, человѣчества и человѣческаго общества вообще. Общественный союзъ является для антропологической системы средствомъ развитія личности, средствомъ воплощенія въ жизнь идеи о личномъ достоинствѣ, т.-е., идеи справедливости. Отсюда разрѣшеніе противорѣчія между общественною обязанностью и личнымъ стремленіемъ гражданина. Личность видитъ въ *справедливомъ* обществѣ воплощеніе своего достоинства. Общество *должно* имѣть цѣлью удовлетвореніе справедливымъ требованіямъ развитія всѣхъ своихъ членовъ. При столкновеніи, или личность не уяснила себѣ требованій справедливости и общество обязано развивать личность: или общество нарушило свои обязанности и обратилось въ условную форму безъ достаточнаго нравственнаго содержанія. Но поклоненіе формѣ есть идеалъ искусства, а не нравственности, и нравственная личность обязана стремиться всѣми силами внести надлежащее содержаніе въ существующія формы, или перестроить формы по требованіямъ содержанія.

Итакъ практическая философія приходитъ къ двумъ одновременнымъ процессамъ человѣческой дѣятельности. Человѣкъ создаетъ прекрасныя или только стройныя формы, въ которыя безсознательно вкладываетъ свое нравственное содержаніе; стройность и красота упрочиваютъ ихъ существованіе и оставляютъ ихъ памятникомъ человѣческой дѣятельности. Человѣкъ воплощаетъ въ жизнь нравственное содержаніе, ломая и перестраивая формы, въ которыя онъ его воплощаетъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ не удовлетворяютъ своему содержанію. Эти оба процесса вмѣстѣ составляютъ *исторію* человѣка и приводятъ къ заключительному члену антропологич., какъ стройной философской системѣ.

Этотъ заключительный членъ есть *философія исторіи*. Она

заключаетъ все предъидущее, потому что заключаетъ въ процессъ развитія то, что теоретическая и практическая философія заключаютъ въ догматической формѣ современнаго пониманія. Принципы и положенія поставленныя выше составляютъ уясняющуюся канву человѣческой дѣятельности. Во всѣхъ фактахъ исторіи, независимо отъ всякой критики, присутствуетъ убѣжденіе въ дѣйствительности человѣческаго сознанія. Постепенно округляя свое знаніе, человѣкъ овладѣваетъ болѣе и болѣе реальнымъ міромъ. Различая реальное знаніе отъ созданія своей фантазіи, онъ болѣе и болѣе убѣждается, что сущность вещей ему недоступна. Въ наукѣ онъ все рѣшительнѣе опирается на построеніе міра и человѣка, изъ бессознательнаго сцѣпленія причинъ и слѣдствій; въ философіи онъ все сущее стремится объяснить изъ явленій своего духа. Точно также исторія выдвигаетъ все болѣе на видъ личность, какъ источникъ всякой дѣятельности; причины этой дѣятельности все яснѣе выказываются, какъ внутренніе идеалы, а не какъ внѣшнія побужденія и принужденія; все болѣе человѣкъ убѣждается, что неправильность его дѣятельности зависитъ часто отъ перенесенія одного идеала въ другую область, ему непринадлежащую. Наконецъ красота, какъ патетическая стройность, и справедливость, какъ обобщеніе личнаго достоинства, дѣлаются для мыслителя все болѣе неизбѣжными источниками художественнаго творчества и нравственной дѣятельности въ личности и въ обществѣ. — Философія исторіи есть очертаніе законовъ этого развитія. Выходя изъ антропологическаго начала, она ищетъ его вездѣ и потому видитъ въ разнообразіи историческихъ измѣненій повсюду переходъ изъ менѣе сознательнаго состоянія къ болѣе сознательному. Въ теоретической дѣятельности она видитъ стремленіе перейти отъ вѣрованія къ знанію, отъ бессознательнаго построенія мнѳологическихъ системъ, къ сознательному построенію философскихъ системъ, возможно ближе подходящихъ къ наукѣ, и поставляющихъ науку какъ свой окончательный идеалъ. Въ практической дѣятельности она видитъ стремленіе, замѣтитъ повсюду бессознательную дѣятельность цѣлесообразную. Художникъ вырабатывается изъ-подъ давленія гіератическихъ формъ, условныхъ теорій, внѣхудожественныхъ обязательствъ. Жизнь личности, какъ въ частной, такъ и въ общественной дѣятельности, опирается на ея сознаніе справедливости, а не на внѣшнее принужденіе. Подчиненіе практическому праву, въ обоихъ случаяхъ замѣняется уясненіемъ себѣ идеала

эстетическаго и нравственнаго, построениемъ личной философіи искусства и жизни, и стремлениемъ воплотить эту философію въ жизнь (*). Такимъ образомъ философія исторіи обращается сама собою въ развитіе исторіи философіи, какъ стремленія къ стройному совокупленію въ знаніи, въ творчествѣ и въ жизни всего сущаго въ единое цѣлое. Но эта исторія философіи уже не есть развитіе философскихъ системъ одна изъ другой въ особенной аффилиаціи мыслителей. Философскія системы являются какъ результатъ всей жизни общества въ данную эпоху, научной эстетической, практической, философской, религіозной: онѣ являются воплощеніемъ мыслящей личности, съ ея особеннымъ развитіемъ, съ ея частнымъ, временнымъ настроеніемъ духа. Но, конечно, въ тоже время онѣ несутъ на себѣ слѣдъ необходимаго самостоятельнаго развитія идей, вырабатываемыхъ рядомъ мыслителей. Только такая исторія философіи не противорѣчитъ антропологическому началу, на которомъ построена вся система, и только она можетъ явиться заключительнымъ членомъ антропологии, какъ философской системы.

Теоретическая философія представляла человѣка, какъ личность дѣйствительную, познающую и мыслящую. Практическая философія представляла его, какъ личность сознательно свободную, творческую и человѣчную (т.-е. художническую и справедливую), философія исторіи представляетъ его какъ личность развивающуюся въ отношеніи сознанія всѣхъ своихъ предшественныхъ качествъ. Это развитіе не относится къ нему, какъ къ личности дѣйствительной и сознательно-свободной. Онъ выходилъ всегда изъ принципа своей дѣйствительности и сознательно-свободной; но онъ не мыслилъ себя такимъ и не воплощалъ это сознаніе какъ цѣль въ искусствѣ и въ жизни. Развитіе не относится также къ самому процессу мышленія и сознанія своей человѣчности. Развитіе этихъ двухъ свойствъ въ родѣ человѣческомъ есть вопросъ физиологическій: при нормальномъ мозгѣ антропологическая точка зрѣнія принимаетъ человѣка безусловно мыслящимъ и сознающимъ свою человѣчность. Но развитіе историческое относится къ человѣку, какъ познающей и творческой личности, и

*) Могутъ встрѣтиться читатели, которые найдутъ въ вышесказанномъ чрезвычайный оптимизмъ. Мы вовсе не хотимъ сказать, что-бы *теперешнее* время отличалось быстрѣйшимъ стремленіемъ впередъ въ этомъ отношеніи, но считаемъ, что въ исторіи *сознательностию* вносимую въ факты, можно объяснить и періоды явнаго развитія и кажущагося отступленія отъ прогресса.

это развитіе безконечно, или по-крайней-мѣрѣ, философія не имѣетъ причинъ строить его какъ конечное. Какъ познающая личность, человѣкъ безпрестанно расширяетъ предѣлы науки и тѣмъ даетъ все новый матеріалъ своему мышленію. Какъ творческая личность, онъ создаетъ все новые идеалы, новыя формы и дѣйствія для ихъ воплощенія, никогда не исчерпывая прекрасныхъ формъ, нравственныхъ дѣйствій и всегда стремясь далѣе и далѣе къ осуществленію человѣчности, которую онъ въ себѣ сознаетъ. Эта возможность безконечнаго развитія, не мѣшающая законченности философской системы, есть необходимое слѣдствіе антропологическаго начала, и позволяетъ построить философію исторіи, не ограничивая человѣчество въ формахъ его развитія.

Можетъ быть читатель многимъ недоволенъ въ нашемъ построеніи. Въ нашемъ очеркѣ можетъ быть не все съ перваго разу ясно, по философская система не есть воспринимаемое сознание; она должна вырости изъ сознанія самаго читателя; тогда только она дѣлается ему ясною. — Другіе читатели, по ихъ личному воззрѣнію, могутъ полагать, что слѣдовало-бы выйдти изъ другаго начала, что антропологическая точка зрѣнія не есть наилучшая. Пусть попробуютъ свою систему и сообщать намъ.

Но что же тутъ новаго? скажутъ другіе. Все это было.... Позвольте; авторъ этого очерка не выдаетъ это построеніе за новое. Пусть желающіе отъпскиваютъ, что встрѣчается у какого мыслителя. Авторъ предлагаетъ лишь пробу антропологическаго построенія философіи, какъ цѣльной системы. Для него она различна; желательно чтобы для читателей она была такою же. Вы согласны съ системой? это все, что можетъ желать авторъ. Вы не согласны? спорьте, противопоставляйте другую. Вамъ всѣ системы кажутся грушкою? и то хорошо; можете не читать вторую половину этого очерка. Антропология какъ наука имѣетъ достаточно значенія для тѣхъ, кто не хочетъ видѣть въ ея началахъ возможности философскаго построенія. Вы хотите отыскать источники всѣхъ высказанныхъ положеній въ старыхъ сочиненіяхъ? Сдѣлайте одолженіе. Авторъ готовъ признать, что эта система въ своихъ началахъ была системою всѣхъ мыслителей — если вы это докажете.

Но всего вѣроятнѣе, что вы находите эту статейку скучною для журнальнаго очерка.... Вы ищете въ журналѣ другаго. На другихъ страницахъ этой же книжки найдете себѣ полное удовлетвореніе, а мы — намъ пора кончить....

П. Д. ЛАВРОВЪ.

Вопросъ объ эмансипации въ Соединенныхъ Штатахъ, теорія рабства Фицъ-Гуга. Главная причина завоевательной политики Союза.

Life and liberty in America, by Charles Mackay. In two volumes. With ten illustrations. Second edition. London. 1859. Жизнь и свобода въ Америкѣ Карла Маккея.

Подъ этимъ заглавіемъ вышло въ свѣтъ описаніе путешествія, совершеннаго авторомъ книги, Маккеемъ, по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ въ 1857 — 1858 г. Сочиненіе обратило на себя особенное вниманіе англійской публики именно тѣмъ, что авторъ, бросивши обыкновенную рутину туристовъ пускаться въ подробное описаніе впечатлѣній, производимыхъ на Европейца своеобразностію общественной и домашней жизни въ Штатахъ, не предается критическимъ, насмѣшливымъ, юмористическимъ позрѣніямъ, и при всемъ томъ, живостью разсказа и удачнымъ выборомъ фактовъ даетъ читателю ясную картину современнаго состоянія двухъ важнѣйшихъ условій быта всякаго политическаго организма — общественной жизни и *личной свободы*. Съ точки зрѣнія общихъ началъ, внутренняя жизнь всякаго политическаго тѣла представляется только непрерывнымъ рядомъ опытовъ надъ совершеннѣйшимъ, идеально совершенномъ разрѣшеніи вопроса о личной свободѣ человѣка въ связи съ условіями существованія цѣлаго тѣла. Съ этой точки зрѣнія особенно занимательно видѣть и важно знать, къ какимъ именно результатамъ приведенъ этотъ вопросъ въ странѣ, которая приступила къ разрѣшенію его путемъ, совершенно отличнымъ отъ европейской рутинны, путемъ самоуправленія, и приступила къ тому при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не встрѣтивъ на пути своемъ препятствій, противопоставляемыхъ прогрессу вѣковыми, глубоко укоренившимися учрежденіями. Старанія Маккея, пояснить эту сторону политической жизнедѣятельности Штатовъ, придаютъ еще болѣе занимательности его книгѣ. Читая ее, проникаешься вмѣстѣ съ авторомъ глубокимъ уваженіемъ къ народу, достигшему въ короткое время самостоятельнаго существованія, громаднаго политическаго значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаешься, что не смотря на исполненіе шаговъ, сдѣланные республикою на пути прогресса, она не опередила своей метрополи въ разрѣшеніи вопроса, къ уразумѣнію и усвоенію су-

ности котораго, народы, какъ оказывается на дѣлѣ, должны быть подготовлены внутреннимъ своимъ физиологическимъ развитіемъ. Свобода представляется въ Штатахъ безстрастному наблюденію далеко не тѣмъ, чѣмъ она представлялась умамъ, положившимъ основаніе республикѣ, и еще менѣе соотвѣтствуетъ тѣмъ понятіямъ, которыя имѣютъ о ней вообще Европейцы. Мы не можемъ прослѣдить вмѣстѣ съ авторомъ эту тѣму во всѣхъ ея многосложныхъ и разнообразныхъ развѣтвленіяхъ и отношеніяхъ, но коснемся только той стороны, съ которой она представляется въ ближайшей связи съ политическими отношеніями союза. Мы разумѣемъ вопросъ о невольничествѣ.

Странное явленіе. Въ то время, когда даже на восточномъ материкѣ Европы эмансипація перестала считаться неосуществимою и ожидаетъ только послѣдней скрѣпы, чтобы перейти, не сегодня, такъ завтра, въ дѣйствительность; — въ Америкѣ вопросъ о невольничествѣ не только не сдѣлалъ ни шагу впередъ, но отодвинулся повидимому назадъ относительно своего разрѣшенія, хотя и остался по прежнему на первомъ планѣ по политическому своему значенію. Многосложный, затруднительный, отчаянный, онъ служитъ ареною взаимной борьбы партій, оселкомъ политической ихъ жизни, тѣмою соображеній и разсужденій для сената, духовныхъ и свѣтскихъ ораторовъ, для органовъ общественнаго мнѣнія. Въ этомъ вопросѣ замѣшано столько личныхъ и общественныхъ интересовъ, до такой степени онъ связанъ съ жизненнымъ вопросомъ о цѣлости и нераздѣльности союза тридцати двухъ республикъ, что многіе изъ усерднѣйшихъ поборниковъ эмансипаціи, приготовившіеся уже къ осуществленію первой части извѣстнаго девиза «*fiat justitia*», не смѣютъ и подумать о дополненіи «*quod coelum*.» Есть, правда, люди способные и серіозные, готовые на всѣ послѣдствія эмансипаціи, какъ бы послѣднія ни были злобѣщны и пагубны, но такихъ умовъ слишкомъ мало, чтобы подать хотя малѣйшую надежду на успѣхъ въ настоящее время. Вся надежда на отдаленное будущее, которому искони принадлежитъ право обращать теоріи въ факты.

Сбросивъ съ себя нго метрополи, умы, начертившіе декларацию о независимости Штатовъ, имѣли въ виду изгнать изъ послѣднихъ рабство со всѣми его атрибутами и думали въ ярмѣрь всѣму свѣту объявить, что человѣкъ, по самому естеству своему, никогда не перестаетъ быть человѣкомъ, такъ, что различіе въ цвѣтѣ кожи нисколько не измѣняетъ ни правъ, ни от-

вѣтственности его. Но къ сожалѣнію, уже съ первыхъ дней существованія Штатовъ робкія и неблагоразумныя консервативныя начала одержали верхъ и рабство было допущено въ Штатахъ потому только, что оно уже существовало тамъ, было признано, какъ совершившійся фактъ. Читая конституцію Штатовъ, грустно видѣть, какъ эти сильные въ борьбѣ за отечество умы, видимо стыдятся отступленія своего въ борьбѣ парламентской, стараются избѣгать слова *невольникъ*, обходя его выраженіемъ «и прочіе.» Такъ, напримѣръ, въ параграфѣ объ отношеніи числа депутатовъ къ народонаселенію каждаго Штата, говорится, что подъ этимъ народонаселеніемъ слѣдуетъ разумѣть всѣхъ свободныхъ людей и три пятыхъ *прочихъ*. Роковыя послѣдствія капитальной ошибки консерваторовъ не замедлили представиться.

Невольничество, которое можно было такъ легко уничтожить пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, приняло такіе грозные размѣры, что въ настоящее время трудно рѣшить: опаснѣе ли освободить невольниковъ или допустить безпрепятственное ихъ размноженіе. Исторія развитія Массачусетта, Новой Англіи, Нью-Йорка, Пенсильваніи и западныхъ общинъ, постепенно распространившихся до самой подошвы *Скалистыхъ* горъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ и дальнозоркой филантропіи и мудрости тѣхъ людей, которые съ первыхъ же дней исторической жизни Штатовъ отшатнулись отъ мысли узаконить невольничество въ своихъ частныхъ конституціяхъ. Свободные штаты въ настоящее время не только самыя населенныя и богатые въ союзѣ, но отличаются предъ прочими штатами умственнымъ и литературнымъ развитіемъ, политической и общественной, частною и коммерческою энергичностію своихъ согражданъ. Какъ ни значительна эмиграція изъ Ирландіи, Германіи и Норвегіи, однакожъ, она не могла бы сама-по-себѣ поддержать въ штатахъ прогрессивное движеніе на Западъ, если бы во главѣ этого движенія не стояли такъ называемыя янки, люди Новой Англіи, которые покидая свои дома и поселенія, отправляются къ Верхнему Миссисиппи и Миссури, чтобы тамъ въ пустынѣ строить мельницы, лавки, часовни, церкви, основать банки, университеты, издавать газеты и журналы. Проходитъ нѣсколько лѣтъ и эти переселенцы, усилившись европейскою эмиграціею, «стучатся въ порога столицы» и требуютъ присоединенія новой территоріи, — исторгнутой ими изъ нѣдръ пустыни или изъ рукъ Индійцевъ, — къ величайшей въ мірѣ конфедераціи на правахъ самостоятельнаго штата. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что одна изъ главныхъ

причинъ необыкновеннаго благоденствія и развитія этихъ новыхъ штатовъ, — отсутствіе въ нихъ невольничества. Нищій Европейецъ и бродячій, умирающій съ голоду Индіецъ, которые въ состояніи заплатить за харчи, одежду и помѣщеніе только грубою ручною работою; — умѣренный Нѣмецъ, Норвежецъ, только и мечтающіе о томъ, какъ бы приобрѣсти трудною ручною работою нѣсколько долларовъ, чтобы на эту выручку купить себѣ акръ, другой, дѣвственной земли, — эти люди рѣдко поселяются въ невольническихъ штатахъ. Тамъ, на югѣ, эти люди должны были бы вступить въ конкуренцію съ Неграми, которые, какъ только дѣло идетъ о грубой ручнѣй работѣ, удерживаютъ за собою позицію. По тяжелымъ полевымъ работамъ, на плантаціяхъ, вездѣ, гдѣ не требуется особеннаго ума, гдѣ лошадь такой же почти хорошей земледѣлецъ, какъ и человѣкъ, Негръ обходится дешевле бѣлаго.

Бѣлый человѣкъ, который не думаетъ ограничиться званіемъ водоноса или дровосѣка, отправляется въ тѣ штаты, гдѣ трудъ Негра не можетъ состязаться съ его собственнымъ, и гдѣ капитализмъ не отказываетъ ему въ высшей платѣ, на которую бѣлый изъявляетъ притязаніе въ сознаніи умственнаго своего превосходства. Мы приведемъ тутъ весьма характеристическое мнѣніе одного изъ фермеровъ Индіаны, стараго, смышленнаго, честнаго Шотландца, который къ удивленію Маккея объявилъ ему съ видимымъ прискорбіемъ, что этотъ штатъ, Индіана, весьма нездоровое и неподручное мѣсто для человѣка, родившагося на сѣверѣ. Чтобы понять удивленіе Маккея, вспомнитъ, что Индіана можетъ не только вмѣстить въ себѣ, но и прокормить все народонаселеніе цѣлаго союза и что плодородіе тамъ необыкновенно.

«Чѣмъ же не хороша для васъ эта страна?» спросилъ Шотландца Маккей. «Чѣмъ не хороша», говорите вы? Да тѣмъ только и не хороша, что слишкомъ плодородна. Почва тутъ такъ плодородна, климатъ такъ восхитителенъ, что фермеру не представляется повода къ усиленному, энергическому труду. Земля приноситъ слишкомъ скоро свою жатву и завѣщавшіи намъ прародителями нашими кресты, становится уже слишкомъ легки. Поговорка «трудиться въ потѣ лица» извѣстна намъ не по опыту, но только по книгамъ или по наслышкѣ; да и самый воздухъ тутъ какой-то раздушенный и соплявый. Лѣность единственный недугъ, съ которымъ намъ приходится бороться: а лѣность ведетъ къ пьянству, ссорамъ и вѣ-

книж порокамъ. Искушенія заглушаются только тяжелою работою, которая побѣждаетъ пскусителя лучше всякой проповѣди. «Да, да, прибавилъ онъ, треся головою: — если бы мнѣ пришлось начать мою жизнь съ начала и я зналъ бы то, что теперь узналъ изъ опыта, я избралъ бы себѣ болѣе суровую почву, болѣе холодный климатъ. Люди, которыхъ предки пришли съ сѣвера, съ здороваго сѣвера, говорю я вамъ, требуютъ мороза, чтобы остаться добрыми, порядочными людьми. Жарь пагубенъ иному Шотландцу или Англичанину; людямъ нашей крови необходима борьба; мы богатѣемъ и добрѣемъ только съ работы и препятствій; но здѣсь, въ Индианѣ, Иллиндѣ и тамъ далѣе на западъ, человѣкъ пріобрѣтаетъ себѣ насущный хлѣбъ слишкомъ легко, чтобы остаться честнымъ человѣкомъ. Народъ, разумѣется, еще не сообразилъ хорошенько этого дѣла, а между тѣмъ южные и средніе штаты придутъ со временемъ въ упадокъ именно вслѣдствіе этой причины; но сѣверъ, сѣверъ вотъ гдѣ обѣтованная страна.» Какъ ни странно кажется мнѣніе этого фермера, однакожъ, оно какъ нельзя лучше объясняетъ замѣчательный фактъ, что Индіана, не смотря на всѣ преимущества своего климата, заключаетъ въ себѣ не болѣе полутора милліона жителей. Практичность этого взгляда на относительное положеніе дѣлъ въ штатахъ союза подтверждается и рѣзкимъ различіемъ между сѣверными штатами и южными, изъ которыхъ послѣдніе не могутъ представить и тѣни общественной, коммерческой и литературной энергіи, характеризующей сѣверные штаты республики. Эта противоположность, зависящая отчасти отъ вліянія климата, и еще въ большей степени отъ вліянія рабскаго сословія на жизнь, характеръ и чувство бѣлыхъ, весьма поразительна. Между Массачусеттомъ и южною Каролиною, между Вермонтомъ и Арканзасомъ, Коннектикутомъ и Алабамою различіе во всемъ, за исключеніемъ только языка, общаго покроя одежды и стіля въ архитектурѣ, также велико, какъ между Шотландією и Португалією, Англією и Неаполемъ, Валисомъ и Ионическими островами. Въ городахъ свободныхъ штатовъ запада, «далекаго, великаго запада», какъ его называютъ Американцы, населеніе удваивается, утраивается, учетверяется въ двадцать, иногда даже въ десять лѣтъ; но въ городахъ южныхъ штатовъ и въ самыхъ штатахъ, населеніе или не увеличивается или приращается весьма медленно. Въ свободныхъ штатахъ все въ поныхъ, вездѣ шумъ, жизнь, дѣятельность: въ южныхъ все отличается изящнымъ, комфортабельнымъ, сонливымъ застоємъ. Едва только путешественникъ, проѣхавъ сво-

бодные штаты, переступить границу южныхъ, его тотчасъ же поражаютъ характеристическіе признаки рабскаго элемента общественной жизни; и эти признаки заключаются не въ присутствіи Негровъ, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагу; потому что это явленіе общее во всей Америкѣ, но въ сонливомъ состояніи земледѣлія, въ недостатокѣ дренажа, отсутствіи городовъ и сель въ земледѣльческімъ округамъ, малолюдности даже самыхъ значительныхъ городовъ. Конкуренція, эта душа всякаго прогресса, замѣтна развѣ только въ классѣ конпо-продавцевъ. Самая мысль не свободна на югѣ; вы можете, правда, говорить о вѣроятности распада сѣверо-западнаго союза, можете даже желать этой катастрофы во всеунышаніе; можете обносить президента и его министровъ, хулить конгрессъ и его членовъ, вести себя безирравственно на словахъ и на дѣлѣ, но вы не смѣете и слова промолвить противъ святости и законности невольничества. Самый Римъ съ его *Index ex purgatorius* не въ состояніи произвести такого гнетворнаго и убійственнаго дѣйствія на умственное развитіе, какое производить это запрещеніе свободно высказывать свои мысли по вопросу о невольникахъ. Допустить въ южныхъ штатахъ свободныя ирѣнія по этому предмету было бы, безъ сомнѣнія, также нелогично опасно, какъ въ Римѣ допустить общественныя ирѣнія между протестантскимъ духовенствомъ и кардиналами, и ихъ причетомъ объ истинахъ христіанской религіи или о сравнительныхъ достоинствахъ и заслугахъ Лютера и папы Гильдебрандта. Само собою разумѣется, что рассматривая невольничество, какъ свершившійся фактъ, какъ уже разъ установившееся общественное учрежденіе, поколѣніе, вмѣстѣ съ молокомъ всасавшее убѣжденіе въ пользу этого учрежденія, не можетъ или не хочетъ дозволить въ предѣлахъ своей власти, всякое ирѣніе по этому вопросу; — но какъ бы тамъ ни было, фактъ остается фактомъ, мысль въ южныхъ штатахъ не свободна, и этимъ объясняется какъ нельзя лучше отсталость южныхъ штатовъ отъ сѣверныхъ въ отношеніи къ литературѣ. Развитіе послѣдней на югѣ союза условно и обуславливается самымъ свойствомъ налагаемыхъ на нее ограниченій, такъ, что южные штаты могутъ представить нѣсколько превосходныхъ юристовъ, глубокихъ политиковъ и государственныхъ людей, прекрасныхъ ораторовъ, но не могутъ указать ни на одного великаго поэта, нувелиста, историка, философа или метафизика; они до-сихъ-поръ не представили ни одного великаго или, по крайней мѣрѣ, замѣчательнаго проповѣдника. Указывая на вредное вліяніе такой неестественной ценсуры на литературу, наука в

художество, Маккей касается и другой, характеристической черты Сѣвероамериканцевъ, находящейся въ прямой связи съ настоящимъ и будущимъ положеніемъ невольниковъ, и въ то же время доказывающей, до какой степени ошибочно господствующее въ Европѣ мнѣніе относительно понятій гражданъ республики о свободѣ, и какъ велика разланица, своеобразная впрочемъ и на сѣверѣ и на югѣ, между теоретическимъ ихъ взглядомъ на Негра и практическимъ приложеніемъ этихъ понятій къ черному племени.

Къ характеристическимъ чертамъ американской народности, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ штатахъ, принадлежитъ глубокое, сильное развитіе аристократическаго духа или, сказать вѣрнѣе, инстинкта, которымъ отличаются природные Американцы, Англо-Саксонцы и вообще все бѣлое племя. Черта — замѣченная всѣми путешественниками, но которую весьма не многіе пытались объяснить философскими умозрѣніями. Джонъ Калунъ (Calhoun), знаменитый государственный человѣкъ и ораторъ, первый провозгласилъ ученіе, которое съ его времени открыто принято южными штатами и признается отчасти, хотя и съ меньшею пылкостью, сѣверными; — что демократическая республика — дѣло невозможное, *impossibile*; что демократическая республика никогда не существовала ни въ древности, ни въ новѣйшія времена. По его мнѣнію республиканское правленіе такъ сложно и пѣжно по формѣ своей, что для поддержанія взаимной связи между общественными элементами — необходима аристократія, какого бы то ни было рода и вида. Что монархическія и деспотическія правленія могутъ обходиться безъ аристократіи доказали на дѣлѣ и Европа и Азія; но чисто демократическую республику Калунъ считаетъ рѣшительно невозможною, и въ подтвержденіе своего ученія, ссылается на Грецію и Римъ, на Венецію и Геную. Преслѣдуя далѣе свою идею, онъ объявилъ, что единственная возможная для союза аристократія — аристократія цвѣтная, племенная. Само собою разумѣется, что онъ упустилъ изъ вида или поставилъ слишкомъ низко аристократію богатства и генія, которая всегда и вездѣ, и подѣ какою бы то ни было формою правленія, удерживаетъ за собою право на преобладаніе; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что мнѣніе его о племенной аристократіи оказывается на дѣлѣ какъ нельзя болѣе справедливыми, хотя выводимыя изъ него политическія заключенія весьма различны между собою. Сѣверные штаты, отвергающіе рабство, выказываютъ свое аристократическое чувство, не допуская общественнаго равенства

между бѣлымъ и чернымъ. «Мы не допустили Негра сдѣлаться рабочимъ, мы не позволимъ торговать ими, какъ вещью, но мы не можемъ и сблизиться съ ними. Живя онъ себѣ свободно, богатымъ, если можетъ, платитъ свои повинности и служитъ, но онъ никогда не будетъ имѣть право пить и ѣсть за нашими столами, сидѣть съ нами на скамьѣ присяжныхъ, каковы бы ни были его способности, занимать судебныя мѣста, быть нашимъ адвокатомъ, представителемъ нашимъ въ конгрессѣ, лѣзть насъ, мѣшаться съ нами въ концертныхъ залахъ, библіотекахъ, по театрахъ, церквямъ, жениться на нашихъ дочеряхъ. Мы другаго племени, а его племя ниже нашего. Онъ долженъ знать себѣ свое мѣсто и держаться его». Вотъ господствующее, общественное, хотя и не явное, мнѣніе свободнаго сѣвера. Негръ не смѣетъ сѣсть въ омнибусъ или въ вагонъ, въ которомъ сидятъ бѣлые; какъ бы онъ ни былъ богатъ, они не смѣютъ взять ложу въ театрѣ или мѣста въ партерѣ; въ церкви онъ долженъ молиться въ сторонѣ вѣстѣ съ своими собратами по цвѣту кожи, чтобы не осквернить атмосферы, которую дышутъ бѣлые, испареніями своей нечистой кожи, (обвиненіе, оказавшееся по изслѣдованіямъ Маккея совершенно ложнымъ). Но какъ бы ни было впрочемъ справедливо обвиненіе въ неприятномъ впечатлѣніи, производимыми испареніями черной кожи на обонятельные нервы бѣлыхъ, очевидно, что это вліяніе должно бы выказаться сильнѣе всего на югѣ, а между тѣмъ, именно въ южныхъ штатахъ, бѣлые не выказываютъ такого отвращенія къ черному пародонаселенію, какъ на сѣверѣ. На югѣ, владѣлецъ невольниковъ не только сблизается келейно съ хорошенькими, молоденькими Негритянкамъ, но вообще, не отклоняется отъ сообщества съ Неграми всякаго возраста и пола; тогда какъ гражданинъ сѣвера, такъ усердно болтающій о свободѣ и о политическомъ равенствѣ всѣхъ людей, съ презрѣніемъ вскидываетъ голову при одной мысли о возможности сближенія съ Негромъ. На югѣ, кормилицами бѣлыхъ предпочтительно служатъ Негритянки, сохраняющія обыкновенно на всю жизнь самую преданную любовь къ своимъ питомцамъ, которые отвѣчаютъ имъ также расположеніемъ. Выкормивъ благаго ребенка, Негритянка не разстается съ нимъ, провожаетъ его въ школу, дѣлитъ съ нимъ всѣ его дѣтскія радости и горе. Обратившись потомъ, съ теченіемъ времени, въ почтенную, уважаемую цѣлымъ домомъ, хотя и скромную повѣренную своихъ господъ, она съ презрѣніемъ отвергаетъ отпускную и предпочитаетъ ей дружеское названіе бабушки, которое она, какъ другъ

дома, сохранять до самой могилы. Замѣтимъ однакожь, что эти патріархальныя отношенія между невольникомъ и владѣльцемъ съ приближеніемъ къ полосѣ сѣверныхъ штатовъ постепенно измѣняется, такъ, что въ штатахъ Виргиніи, сѣверной Каролинѣ, Кентукки, Миссури и особенно въ Мариландѣ, положеніе Негра самое ужасное. Климатъ съ руки Европейцу, съ которымъ Негръ уже не можетъ выдержать конкуренціи. Владѣтели Негровъ, находя не выгоднымъ употреблять ихъ на мѣстныя работы, *разводятъ*, въ буквальномъ смыслѣ слова, это племя для перепродажи на рисовыя, хлопчатобумажныя, сахарныя и табачныя плантаціи южной Каролины, Алабамы, Миссиссиппи, Арканзаса, Теннесси и Луизианы. Не имѣя личной нужды въ Негрѣ, эти господа повидимому не считаютъ за собою рѣшительно никакихъ обязанностей въ отношеніи къ невольнику, содержать его какъ какую-нибудь скотину, которую они желали бы продать по самой выгодной цѣнѣ, распродать цѣлое семейство въ разныя руки, мужа въ одни, жену въ другія, дѣтей въ третьи, для нихъ дѣло самое обыкновенное и обыденное.

Еслибы сѣверные штаты выказывали хотя на половину того расположенія или снисхожденія къ черному племени, которымъ черные пользуются на югѣ, то главнѣйшія затрудненія, противупоставляемая вопросамъ объ эмансипаціи, устранились бы само-собою. Но пока граждане свободныхъ штатовъ толкуютъ о политическихъ правахъ Негра, продолжая угнетать и унижать его въ общественномъ значеніи, всѣ ихъ разглагольствованія и книги, направленные противъ невольничества, всѣ рѣшенія, принимаемыя на ихъ митингахъ, отзываются лицемѣріемъ и лукавствомъ. Этого мало. Такая корыстная оппозиція, такой разладъ между словомъ и дѣломъ, только ожесточаютъ, очерствяютъ сердца плантаторовъ, которые также хорошо видятъ и понимаютъ оборотную сторону медали, какъ и аболіціонисты — янки, и безконечныя филиппики послѣднихъ лишаютъ той силы, того все-увлекающаго пыла, которые возможны только при совершенно искреннемъ, неумышломъ убѣжденіи.

Было время, и еще недавно, когда плантаторы юга и ихъ поборники, поставленные въ безвыходное положеніе доводами аболіціонистовъ, были рады тому, что могли по-крайней-мѣрѣ защищать свое дѣло тѣмъ, что рабство — свершившійся фактъ, о которомъ бесполезно спорить. Они соглашались, что рабство само-по-себѣ несправедливо и не можетъ быть защищено ни съ философской, ни съ религіозной точки зрѣнія; но они падали

на то, что допущеніе этого зла, видоизмѣняемаго сообразно обстоятельствамъ, угрожаетъ республикѣ гораздо меньшими бѣдствіями, нежели эмансипація. Другими словами, они отказались отъ спора и апеллировали къ консервативнымъ идеямъ большинства, которое лучше готово терпѣть старое зло, чѣмъ пуститься въ новые опыты; они затронули эгоизмъ и безопасность массы, готовой допустить существованіе зла, пока это зло касается посторонняго. Плантаторы подкрѣпляли свои доводы различными экономическими соображеніями, коммерческими и промышленными; они указывали на предполагаемую необходимость, въ которую поставлена Англія, подъ опасеніемъ революціи, заниматься мануфактурою хлопчатой бумаги, и на крайнюю необходимость, въ которую равнымъ образомъ поставлены южные штаты союза, подъ опасеніемъ колючаго раззоренія производить эту хлопчатку. Наивные, добродушные политики среднихъ и сѣверныхъ штатовъ, отъ Пенсильваніи до Мена, отъ Нью-Йорка до Висконнина, заботившіеся болѣе о союзѣ, чѣмъ о «правахъ человѣка», и особенно чернокожаго — удовлетворялись, какъ нельзя лучше, такими доводами въ пользу рабства. Сочувствуя теоретически эмансипаціи, они представляли всѣ покушенія осуществить ее отдаленному будущему, по пословицѣ «argèz moi le deluge.» Таковъ былъ ихъ девизъ, такова была и полтика ихъ. Напитанные такими соображеніями и доводами, они, выдавая себя за противниковъ рабства, на дѣлѣ поддерживали это зло и признавали негра человѣкомъ только теоретически, но не въ политическомъ и общественномъ значеніи слова. Отказывая ему въ правѣ ѣсть, пить, молиться съ ними, отказывая ему въ правахъ, на которыя они сами имѣли притязаніе единственно въ силу блага цвѣта своей кожи, они признавали его какимъ-то животнымъ, только высшей, отборной породы.

Но втеченіе послѣднихъ двухъ или трехъ лѣтъ въ философіи и тактикѣ плантаторовъ юга произошелъ значительный переворотъ. Сѣверъ утомился вопросомъ о Неграхъ, а югъ, чувствуя слабость своей позиціи, удержанной имъ, благодаря только снисходительности, терпимости противниковъ, перемѣнилъ свою тактику. Плантаторы, оправдывавшіе до-сихъ-поръ рабство только какъ свершившійся фактъ, пошли теперь далѣе и увѣряютъ, что рабство — рациональное, благодѣтельное, божественное учрежденіе, совершенно согласное съ естественнымъ порядкомъ вещей, и представляющее невольнику болѣе выгодъ, чѣмъ самая свобода; что оно выгоднѣе вмѣстѣ съ тѣмъ и для

владѣтеля, и для работника и для потребителя труда, какъ бы тамъ онъ не назывался, купцомъ или лавочникомъ; что рабство, основано не на цвѣтѣ кожи или племенномъ происхожденіи, но что оно одинаково выгодно какъ бѣлому, такъ и черному невольнику. Короче сказать, южные штаты признали рабство нормальнымъ и естественнымъ элементомъ общества. вмѣсто того, чтобы защищаться передъ судилищемъ всесвѣтнаго мнѣнія, они обмѣнялись ролями съ поборниками эмансипаціи и явились обвинителями европейскаго міра, осуждающаго рабство, потому что оно не только противно нравственности и религіи, но не согласно съ научными принципами торговли, политической экономіи и филантропіи. Отбросивъ всякую робость, господа плантаторы говорятъ уже не шопотомъ, но ревутъ и гремятъ съ кафедры, приглашая цѣлый свѣтъ услышать голосъ философіи, столь же древней, какъ исторія, и столь же несокрушимой въ основаніяхъ своихъ, какъ и самое человѣчество. «Рабство не зло», говорятъ они; и вмѣсто того, чтобы считать его незаконіемъ, бпчемъ человѣчества, въ немъ слѣдуетъ видѣть естественное положеніе большей массы человѣчества; оно полезнѣе массамъ, чѣмъ свобода, въ объятіяхъ которой онѣ томятся и умираютъ съ голода, замышляютъ революціи и войны, если не успѣютъ преждевременно сойти въ могилу. Черный долженъ быть рабомъ предпочтительно передъ бѣлымъ, потому что онъ глуше, нисшаго достоинства и пріобрѣтается легче бѣлаго, но и бѣлый работникъ, въ какой бы части свѣта онъ ни находился, въ сущности, *de facto*, тотъ же невольникъ, какъ скоро онъ не можетъ представить обществу ничего другаго, кромѣ мозольныхъ рабочихъ рукъ своихъ, и будь онъ рабомъ по закону, *de jure*, онъ былъ бы спокойнѣе и счастливѣе, нежели при системѣ, господствующей теперь въ Европѣ и свободныхъ штатахъ Америки. — Вотъ ученіе, проповѣдуемое новымъ поколѣніемъ писателей и публицистовъ въ южныхъ штатахъ. Между этими органами общественнаго мнѣнія самый способнѣйшій и совѣстливый мистеръ Жоржъ Фацъ-Гугъ изъ Виргиніи; человѣкъ, который пишетъ, какъ будто бы онъ вообразилъ себя проповѣдникомъ или апостоломъ новаго ученія, предназначеннаго просвѣтить блуждающее во тмѣ человѣчество и преобразовать развращенный свѣтъ. Этотъ джентельменъ съ удивительною смѣлостью, чтобы не сказать дерзостію, проповѣдуетъ теорію, по которой свободное общество — заблужденіе, капитальная политическая ошибка, и что лучшая, если не единствен-

ная надежда общества избѣгнуть, съ теченіемъ времени, самаго грубаго варварства, заключается въ возстановленіи рабства во всѣхъ частяхъ свѣта, независимо отъ племени и цвѣта кожи. Вопреки очевидности фактовъ, вопреки ученію Евангелія, вопреки всеобщему распространенію просвѣщенія, этотъ защитникъ бича и бамбука, считаетъ свою систему какъ нельзя болѣе соотвѣтствующею настоящему положенію общества. Есть много другихъ писателей, защищающихъ эти принципы, какъ общественное исповѣданіе юга, но Фицъ-Гугъ единственный, который вступилъ въ систематическое философское прѣніе по этому вопросу и изложилъ, на основаніи авторитетовъ, полную систему чистаго неприкрашеннаго рабства. Онъ предлагаетъ обращать въ рабство не только Негровъ, но и *бѣдныхъ Ирландцевъ и Германцевъ* при самомъ прибытіи ихъ въ штаты и отправлять ихъ воздѣлывать землю подъ хлопчатку и сахаръ, или *продавать ихъ* въ Чарльстонѣ или Новомъ Орлеанѣ *съ публичною торга*; «свобода — удѣлъ не многихъ, — рабство, въ различныхъ своихъ видахъ, — удѣлъ большинства.» Вотъ аксіома, которую онъ старается защитить историческими, религіозными, философскими доводами и вѣчнымъ порядкомъ вещей. Можно было бы подумать, что Фицъ-Гугъ и другіе поборники рабства пишутъ ради потѣхи; но нѣтъ; они пишутъ съ самымъ глубокимъ убѣжденіемъ въ правоту своего дѣла, какъ будто бы они были основателями новой религіи или возстановителями старой.

Помимо ссылокъ своихъ на Вѣтхій Завѣтъ, существованіе рабства у Египтянъ и Евреевъ, отсутствіе положительнаго запрещенія рабства въ Евангеліи, поборники невольничества видятъ главную опору своего ученія въ томъ, что положеніе раба лучше положенія свободнаго земледѣльца въ Европѣ. Поэты юга на перерывъ воспѣваютъ счастливую Аркадію, въ которой плантаторъ, подобно патріарху древности, возсѣдаетъ въ тѣни своего виноградника, окруженный своими рабами, съ которыми онъ обходится какъ съ членами своего собственнаго семейства, своими вѣрными, любимыми вассалами, которые имѣютъ долю въ барышахъ его, обезпечены его заботливостію, пользуются всѣми благами при счастіи его, не страдая отъ несчастія его, работаютъ на общую пользу, пока они сильны и здоровы, и, какъ скоро они больны, стары или вообще по какой бы то ни было причинѣ неспособны къ работѣ, содержатся съ такимъ же вниманіемъ, какъ бы если они все еще способствовали общему благосостоянію. Философы, à la

Фицъ-Гугъ, рисуя тѣ же свѣтлыя картины и превознося рабство какъ высшій идеалъ человѣческаго счастья, проникаютъ глубже поэтовъ въ общественныя причины превозносимаго ими порядка вещей, и доказываютъ, какъ къ собственному, такъ и къ удовольствію цѣлаго юга, что меньшинству предопредѣлено быть господами, а большинству рабами, что барство съ одной стороны и рабство съ другой состоянія равно законныя, сираведливыя и взаимно благотворныя. Разумѣется, что съ этой исключительной точки зрѣнія, сужденія господъ философовъ юга довольно здравы. Если единственная потребность, конечная цѣль и благо массы человѣчества заключается въ томъ, чтобы ѣсть и пить, быть одѣтымъ, обутымъ и прикрытымъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, не имѣя никакой нравственной отвѣтственности, не зная обязанностей, ввергающихъ въ преждевременную старость, не столько растратю физическихъ силъ, сколько душевнымъ томленіемъ, — то въ такомъ случаѣ, положеніе невольника въ южныхъ штатахъ союза, гораздо лучше состоянія свободнаго земледѣльца въ Европѣ. Если бы на эти доводы вы вздумали замѣтить, что человѣкъ живетъ не одною только пищею, что его нравственныя, умственныя и религіозныя начала, имѣютъ гораздо высшее значеніе, чѣмъ его физическое благосостояніе, должны непременно и совершенно заглухнуть въ состояніи рабства, — поборники послѣдняго отвѣтятъ вамъ съ гнѣвомъ: «Обычныя теоріи новѣйшей нравственной философіи такъ обманчивы, такъ ложны въ своихъ послышкахъ и выводахъ, что заслуживаютъ полнаго презрѣнія и должны быть замѣнены другою системою, основанною на болѣе широкихъ началахъ и въ болѣе христіанскомъ духѣ. Какъ скоро всѣ формы общественнаго быта будутъ истощены, оказавшись всѣ, одна за другою, несостоятельными, міръ обратится опять къ домашнему семейному рабству; — и часть этотъ можетъ быть уже близокъ.» Таково новое ученіе.

Сравнивая такъ называемаго бѣлаго невольника съ чернымъ, Фицъ-Гугъ выводитъ это сравненіе къ невыгодѣ перваго. Бѣлый работаетъ за нисшую плату, опредѣляемую не столько цѣнностію, присущею его труду, сколько собственною взаимною конкуренціею. Фицъ-Гугъ указываетъ на безпомощность бѣлаго, какъ скоро послѣдній дѣлается хилымъ, больнымъ, неспособнымъ къ работѣ, и забвеніе его именно со стороны тѣхъ, которые пользовались трудами рукъ его. Аболюціонисты утверждая, что трудъ бѣлаго дешевле работы чернаго, этимъ самымъ подрываютъ

собственные свои доводы, и вѣсть того, чтобы расположить здравомыслящаго человѣка къ эмансипаціи черныхъ, должны заставить, говорить Фицъ-Гугъ, всякаго истиннаго филантропа и мудраго философа, желать обращенія бѣлыхъ работниковъ въ рабское состояніе. При сравненіи выгодъ, получаемыхъ капиталистомъ или плантаторомъ отъ свободнаго труда съ барышами, получаемыми руками невольниковъ, очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ получаетъ менѣе выгодъ, потому что онъ позволяетъ невольнику удержать въ свою пользу болѣе значительную долю собственнаго труда, сравнительно съ долей, которую получаетъ свободный работникъ отъ своего наемщика. Сверхъ того положеніе бѣлаго хуже имѣнно тѣмъ, что онъ принужденъ самъ заботиться о содержаніи себя самого и семейства своего, и притомъ на счетъ той доли собственнаго труда своего, которая предоставлена ему наемщикомъ его или кредиторомъ. Окончивъ свою поденщину, бѣлый свободенъ, — это правда; но съ этой же минуты онъ обременяется заботою о семействѣ своемъ, о своемъ хозяйствѣ, и эта забота обращаетъ свободу его въ обманчивый призракъ, въ пустую насмѣшку. Наемщикъ бѣлаго, напротивъ того, дѣйствительно свободенъ, пользуясь выгодами или плодами чужаго труда, и имѣя единственную заботою собственное свое благосостояніе. — Черный невольникъ, по окончаніи поденщины своей, совершенно свободенъ и тѣломъ и душою, потому что онъ уже обезпеченъ владѣльцемъ своимъ относительно пищи, одежды, жилища, топлива и всего того, что необходимо для физическаго благосостоянія какъ самаго невольника, такъ и семейства его. Напротивъ того, съ первой же минуты отдохновенія чернаго раба, начинается *забота* о немъ владѣльца его. Можно ли удивляться, что владѣтели бѣлыхъ невольниковъ (т. е. наемщики работниковъ) предпочитаютъ ихъ чернымъ, какъ скорѣе бѣлые рабы приносятъ болѣе выгоды и рабство ихъ не сопряжено для владѣльца съ тѣми заботами и трудами, которымъ неизбежно подверженъ владѣлецъ черныхъ невольниковъ.

Негры, говоритъ Фицъ-Гугъ, счастливѣйшіе и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ свободнѣйшіе люди въ мірѣ. Дѣти, старики и болящіе между ними вовсе не работаютъ и, однакожъ, обезпечены относительно всѣхъ своихъ жизненныхъ потребностей и удобствъ. Они свободны въ полномъ смыслѣ слова, потому что не утруждены ни заботою, ни работою. Женщины заняты легкою работою и защищены отъ деспотизма мужей своихъ надзирающаго владѣльца. Мужчины и взрослые дѣти работаютъ среднимъ чи-

словъ, въ хорошую погоду, не болѣе 9 часовъ въ день; остальная часть сутокъ совершенно въ ихъ распоряженіи; кромѣ того они пользуются субботаами и праздниками. Бѣлый *умеръ бы со скуки* при такомъ избыткѣ свободнаго времени, тогда какъ Негръ процвѣтаетъ, благодаря этому умственному и физическому покою. Лежа лицомъ къ солнцу, онъ можетъ спать себѣ почти во всякое время дня, а спокойный сонъ, есть величайшее изъ всѣхъ людскихъ блаженствъ. — Напротивъ того, свободный работникъ долженъ трудиться или умереть съ голода. Онъ болѣе невольникъ, нежели самый Негръ, потому что работа его, при большей продолжительности и трудности, сравнительно съ работою Негра, вознаграждается гораздо хуже. Бѣлый не имѣетъ праздниковъ, потому что съ окончаніемъ поденщины для него начинаются житейскія, семейныя заботы. Онъ не пользуется свободою и не имѣетъ никакихъ правъ. Если и утверждаютъ, что воздухъ и вода составляютъ общее достояніе, на которое всѣ имѣютъ равное право, то и это положеніе совершенно ложно. Владѣніе землею даетъ право на исключительное владѣніе всѣмъ тѣмъ, что *надъ* или *подъ* поверхностію земли, *usque ad coelum, aut ad inferos*. Человѣкъ не можетъ дышать воздухомъ, не имѣя мѣста, съ котораго онъ могъ бы дышать, а всякое мѣсто на землѣ составляетъ чью-нибудь собственность. Рѣчная вода принадлежитъ до самой середины русла владѣльцу прибрежія; право собственности не распространяется, повидному, на морскую воду, — за-то эта вода не годна къ употребленію. — Бѣлый не пользуется и тысячною долюю правъ и свободы, которыми пользуется черныи. Бѣлому предоставлено одно только право — умереть. — Вездѣ, гдѣ только земля распределена между меньшинствомъ, эти немногіе пріобрѣтаютъ неограниченную власть надъ остальною массою общества и пользуются этою властью до-тѣхъ-поръ, пока не вмѣшастся въ дѣло новое условіе, новый элементъ — домашнее рабство, и не принудитъ земледѣльцевъ допустить и остальную массу общества къ извлеченію себѣ обезпеченнаго существованія изъ *матушки земли*. Свободное общество обезпечиваетъ или утверждаетъ право на землю за *немногими*; рабство требуетъ, чтобы это право принадлежало, хотя и въ различной степени, *всѣмъ*. — Невольникъ — единственная собственность съ дѣйствительною, присущею ей цѣнностію; всякая другая собственность имѣетъ на столько цѣны, на сколько она дастъ возможность владѣльцу усвоить себѣ трудъ другаго человѣка, т. е., закабалить себѣ послѣдняго, обратитъ его въ свое-

го, хотя и временнаго, невольника. — Пользоваться, непосредственно или косвенно, трудами ближняго, вотъ цѣль, которой всякій добивается всѣми силами.

Изъ этого краткаго обзора можно составить себѣ довольно ясное понятіе о лукавой и подлой системѣ мистера Фицъ-Гуга, о слабости ея доводовъ и шаткости ея основаній. Поборники ея прилагаютъ одни и тѣ же законы и соображенія къ лошади, собацѣ, волу и къ человѣку, бѣлому или черному, потому что съ точки зрѣнія этой системы всѣ эти существа *только различные видоизмѣненія рабочей единицы*. Положенія этой философіи, — если только подобный бредъ можно назвать, не кощунствуя, философіей, — легко опровергнуть. Маккей предпринимаетъ этотъ трудъ, но мы ограничимся только вопросомъ: что сказалъ бы самъ достопочтенный и многоуважаемый въ южныхъ штатахъ, благодаря своей теоріи, мистеръ Фицъ-Гугъ, если бы вслѣдствіе какого-бы то ни было казуса удалось продать его въ неволю и владѣлецъ его, выслушавъ всѣ сго жалобы и протесты, обратился къ нему, положивъ, съ слѣдующею рѣчью: «На что ты ропщешь, о бѣдный? Ты поработаешь не болѣе девяти часовъ въ день, будешь праздновать всѣ воскресенія и праздники, получишь все необходимое для комфортабельной и спокойной жизни. О тебѣ позаботятся, когда ты заболѣешь; будутъ пещись о тебѣ, когда ты состарѣешься. Ступай, дѣлай свое дѣло и будь счастливъ. Когда ты отработаешь, успокойся духомъ и усни, потому что сонъ есть величайшее въ мірѣ блаженство для человѣка. Но пожалѣй обо мнѣ, о твоемъ баринѣ, который принужденъ заботиться о тебѣ, охранять тебя, думать за тебя!» — Если гг. философы считаютъ такія доводы удовлетворительными какъ для чернаго, такъ и для бѣлаго человѣка, то почему не быть имъ удовлетворительными и для *блага философа*?

Не смотря на всеобщее распространеніе этой теоріи въ южныхъ штатахъ, выказывающее отчаянное намѣреніе ихъ отстоять рабство во что бы то ни стало, въ Америкѣ убѣждены, что невольничество было бы уже давно отмѣнено самымъ мнрнымъ образомъ, но-крайне-мѣрѣ, въ среднихъ штатахъ, въ которыхъ положеніе Негровъ самое отвратительное, если бы этой эманципаціи не препятствовала черезъ-чуръ неумѣренная энергія ультра-аболюціонистовъ, если бы вопросъ о Неграхъ не получилъ болѣе политическое, чѣмъ филантропическое значеніе. Средніе штаты держатся невольничества, не смотря на то, что оно уже не приноситъ особенной прибыли, единственно изъ опасенія,

чтобы эмансипація не ослабила или не разъединила союза, или перемѣстила центра власти совершенно въ руки сѣверныхъ штатовъ, которыхъ аболіціонисты рѣшительно въ пользу запретительной системы. Эти господа желали бы эмансипація, но въ то же время желали бы заковать въ цѣпи торговлю, въ пользу сѣверныхъ мануфактуръ своихъ. Свободные штаты ужасаются развитія британской мануфактурной промышленности, къ которой какъ нельзя болѣе расположены плантаторы южныхъ штатовъ, рѣшительные поборники свободной торговли; граждане юга желали бы, напротивъ того, пользоваться британскою мануфактурною дѣятельностію въ самомъ обширномъ размѣрѣ, потому что они получаютъ изъ Англіи для себя и рабовъ своихъ, всѣ предметы домашняго употребленія и роскоши за низшую цѣну и лучшаго качества, чѣмъ отъ мануфактуристовъ сѣверныхъ штатовъ. Мы уже сказали, что вопросъ о невольничествѣ имѣетъ въ настоящую минуту преимущественно политическое значеніе; и дѣйствительно, коренная причина оппозиціи южныхъ штатовъ противъ эмансипаціи заключается, къ несчастію, въ самой конституціи союза. По силѣ того документа, владѣлецъ невольниковъ имѣетъ избирательный голосъ при выборѣ депутатовъ, не только по присущему ему индивидуальному праву свободного благаго человѣка, но можетъ имѣть нѣсколько голосовъ, пропорціонно числу представляемыхъ имъ и принадлежащихъ ему невольниковъ. Такимъ образомъ сама конституція даетъ гражданину юга болѣе политическое значеніе, болѣе индивидуальнаго могущества и вліянія, чѣмъ гражданину сѣвера. Этотъ перевѣсъ узаконенный основнымъ государственнымъ документомъ и находящійся въ неразрывной связи съ вопросомъ о невольникахъ, тѣмъ болѣе возмутителенъ для сѣверныхъ штатовъ, что южные, если и содѣйствуютъ распространенію могущества и границъ союза, то не иначе какъ посягательствами на владѣнія независимыхъ европейскихъ и американскихъ государствъ. Стоя во главѣ прогрессивнаго движенія на западъ, граждане сѣвера, янки, приобрѣтаютъ себѣ состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ *фабрикуютъ союзу новые штаты, не сталкиваясь съ европейскими властями*. Янки считаютъ пустыню своимъ законнымъ, естественнымъ наслѣдіемъ; не встрѣчая сильнаго сопротивленія со стороны краснокожаго туземца, не считая препятствія время и пространство въ дѣлѣ своего собственнаго интереса, они безостановочно идутъ впередъ къ осуществленію своей цѣли — населить западныя пустыни, образовать тамъ общины, графства, штаты, слн-

вающіеся потомъ съ территоріею союза. Такимъ образомъ, путемъ мирнаго присоединенія новыхъ штатовъ, сѣверныя стремятся пріобрѣсти въ конгрессѣ тотъ политическій перевѣсъ, который по силѣ конституціи принадлежитъ индивидуально гражданамъ юга. Южныя штаты понимаютъ свое положеніе, предвидя угрожющее имъ въ будущемъ перемѣщеніе центра власти и вліянія на сѣверъ, и потому, желали бы также противодействовать политикѣ сѣвера присоединеніемъ къ союзу новыхъ штатовъ, но не въ состояніи этого сдѣлать, по естественнымъ и политическимъ границамъ своей территоріи. Они могутъ расширить предѣлы союза только на счетъ прилежащихъ къ нимъ владѣній Мексики и Испаніи. Они поставлены въ безвыходное положеніе; имъ остается на выборъ: или завоевать себѣ въ конгрессѣ политическій перевѣсъ путемъ войны, правой или неправой, противъ Мексики, Испаніи и каррикатурныхъ, изнемогающихъ республикъ, образовавшихся на югъ отъ Мексики къ Панамскому перешейку, изъ смѣси Испанцевъ съ Креолами и другими видами смѣшанныхъ породъ; или признать политическій перевѣсъ за сѣверными штатами. При поверхностномъ взглядѣ, Европейцу кажется страннымъ, непонятнымъ эта постоянная, неспособная завоевательная политика союза, это стремленіе къ покоренію Мексики, испанскихъ и другихъ прилежащихъ къ федераціи независимыхъ владѣній. Но, всматриваясь пристальнѣе въ положеніе дѣлъ, очевидно, что эта политика вынуждена самою сущностью общественныхъ условій союза. Южныя штаты должны покорить себѣ сосѣдей или покориться сами.

Соединенные Штаты находятся точно въ такомъ же отношеніи къ испанскому племени сѣверо-американскаго материка, и особенно къ Мексикѣ, въ какомъ, въ древніе времена, находились Греція къ Персіи, Римъ къ Карфагену и въ какомъ находится, со времени историческихъ, Англія къ Франціи. Между ними смертельная, наследственная вражда, поддерживаемая всеобщимъ въ республикѣ убѣжденіемъ, что рано или поздно Мексика будетъ занята, покорена и присоединена къ владѣніямъ союза. И не только Мексика, но весь материкъ на югъ, до Панамскаго перешейка преисполненъ народнымъ голосомъ къ постепенному слитію съ великою республикою. И это мнѣніе или ожиданіе раздѣляютъ не только честолюбивые политики южныхъ штатовъ, которые, считая невольничество необходимымъ общественнымъ условіемъ, воображаютъ себѣ, и довольно справедливо, что если они не въ состояніи расширить своихъ предѣловъ къ западу и

не могут какимъ-нибудь инымъ средствомъ держаться въ уровень съ возрастающимъ могуществомъ сѣверныхъ штатовъ, то имъ остается силою присоединить къ себѣ Кубу и обширныя, прекрасныя, плодородныя, но жалкія въ политическомъ значеніи, анархическія страны, простирающіяся между Техасомъ и двумя океанами, вплоть до Панамскаго перешейка. Нѣтъ, это мнѣніе раздѣляютъ и менѣе пылкіе умы умѣренной партіи политиковъ, оплакивающихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждающихъ роковую необходимость, побуждающую штаты къ этому шагу. Они видятъ въ этомъ завоевательномъ движеніи явное предназначеніе саксонскаго племени, англо-саксонскаго и скандинавскаго: — изгнать, вытѣснить извратившееся, переродившееся испанское племя и потомство его, почти столько же неспособное содѣйствовать развитію страны, сколько и краснокожіе туземцы, и совершенно безсилное установить какое бы то ни было свободное или прочное правительство. Въ этихъ странахъ положеніе дѣлъ съ каждымъ годомъ становится хуже. Перекрещиваясь породою съ Индійцами, Испанцы произвели смѣшанное племя, перенявши всѣ дурныя стороны основныхъ породъ, не позаимствовавшись хорошими. Но безопасности своей, хищности, своеволю, они приходятъ въ постоянныя столкновенія съ янками и различными искателями счастья и приключеній, которыя при всякой обидѣ, несправедливости, дѣйствительной или мнимой, вызываютъ вмѣшательство ваншингтонскаго правительства, радуясь поводу къ распрѣ, въ надеждѣ поживиться добычею на счетъ презираемаго ими племени.

Изъ всѣхъ войнъ, извѣстныхъ въ исторіи, послѣдняя война противъ Мексики, окончившаяся присоединеніемъ Калифорніи, была одною изъ самыхъ популярныхъ. Фермеры бросали свои земли, юристы свои конторы и суды, купцы свои лавки, студенты свои университеты, члены конгресса свои мѣста въ палатѣ, чтобы сразиться съ Мексикою. Не только юношество, но и среднее поколѣніе южныхъ штатовъ, и отчасти сѣверныхъ, взялось за оружіе; достаточные люди брались за винтовку и отправлялись въ качествѣ простыхъ солдатъ, не затрудняясь передрыганіи кампаніи. Число волонтеровъ было такъ велико, что правительство принуждено было скорѣе умѣрять, подавлять, чѣмъ возбуждать вопиственный жаръ своихъ согражданъ, и противуставлять энтузіазму ихъ всѣ возможныя препятствія. Найдись какаго-нибудь новая причина къ распрѣ и затѣмъ къ войнѣ съ Мексикою, — этотъ энтузіазмъ разгорится безъ сомнѣнія преж-

нею силою, и никакія мѣры, ни умѣренность, хладнокровіе или инерція новой Англій, ни благоразуміе всѣхъ государственныхъ людей союза, не будутъ въ состояніи охладить воинственный духъ и воспрепятствовать дальнѣйшимъ завоеваніямъ или присоединенію какой-нибудь новой провинціи къ республикѣ. — Популярность, которою пользуется Уокеръ, знаменитый флбустіеръ, служить, между прочимъ, также доказательствомъ тѣхъ чувствъ, съ которыми сѣверо-американская нація смотритъ на своихъ южныхъ сосѣдей. Уокеръ былъ арестованъ за нарушеніе законовъ союза послѣднимъ своимъ покушеніемъ завоевать Никарагуа, но это тюремное заключеніе было чистой мистификаціею: арестантъ имѣлъ свободный выходъ во всякое время дня и ночи, и его освободили наконецъ и отъ этого мнимаго ареста и даже надзора безъ всякаго поручительства за будущія дѣйствія. По народному праву, Уокеръ просто пиратъ и человекъ, поставленный внѣ закона, а между тѣмъ, онъ пользовался популярностью въ самомъ Вашингтонѣ, а въ Новомъ Орлеанѣ и Мобилѣ, онъ былъ встрѣченъ оваціями и самыми восторженными изъясненіями народнаго расположенія. Хотя федеративное правительство не узаконило и даже осудило образъ дѣйствій Уокера, однакожъ, явно было, что не столько самое покушеніе, сколько неудача этого нашествія была неприятна правительству. «Прийти, взглянуть и побѣдить» было бы подвигомъ, тогда какъ неудача вызвала неприятыя для правительства возраженія и замѣчанія со стороны иностранныхъ державъ и поставила исполнительную власть въ ложное положеніе. Въ Уокерѣ только случайно высказалось современное направленіе умовъ; сотни охотниковъ готова занять его мѣсто, если судьба ему измѣнитъ и приготовить вмѣсто лавроваго вѣнка и Никарагуа, — смерть пирата на висѣлицѣ.

Постоянное положеніе Мексики и всѣхъ вообще нейтральныхъ американскихъ республикъ, и будущность, повидимому ожидающая ихъ, какъ вслѣдствіе собственнаго ихъ стремленія къ внутреннему распаденію, такъ и вслѣдствіе необыкновенно быстро возрастающаго вліянія политическаго, коммерческаго и нравственнаго со стороны союза, — вотъ вопросы, столько же близкіе и полныя значенія для Англій, сколько и для всего образованнаго міра. Не имѣя средствъ лично изслѣдовать настоящее состояніе всѣхъ этихъ мнимыхъ республикъ, и анархій и убоѣдиться, въ какой степени справедливо господствующее въ обществѣ мнѣніе о неизбежности ихъ паденія и снтія съ великою республикою, — Маккей обратился къ г. Тремеру изъ Нью-Йорка.

занимавшему в течение нѣсколькихъ лѣтъ важный оффиціальныи постъ въ Кубѣ и въ Мексикѣ, и просилъ его сообщить ему письменно результаты его наблюденій по этому вопросу.

Приступая къ краткому обзору, говоритъ Тремеръ въ своемъ очеркѣ, политическаго и общественнаго состояннiя испанскихъ республикъ сѣверной Америки и южной, необходимо имѣть въ виду тотъ несомнѣнный и странный фактъ, что всѣ эти государства постоянно старались слѣдовать политическому примѣру Соединенныхъ Штатовъ, и постоянно не имѣли успѣха. Причины этой неудачи очевидны. Всякая нація, отдѣляясь отъ метрополн, чтобы образовать самостоятельное политическое тѣло, по необходимости получаетъ при такомъ переворотѣ политическнй толчекъ, которымъ опредѣляется и будущее политическое направленiе страны.

Такъ, едва только британскiя американскiя колонiи отдѣлились отъ метрополн, первымъ побужденiемъ ихъ было учредить между собою общiй центръ дѣйствiй; результатомъ этого побужденiя было учрежденiе федеративнаго правительства, и вотъ, Сѣверо-Американскiе Штаты до-сихъ-поръ постоянно выказываютъ невольное политическое стремленiе; усилить влiянiе федеративной исполнительной власти и федеративнаго конгресса. Въ испанскихъ колонiяхъ случилось совершенно противное. При управленiи ими метрополiею, формою колониальнаго правительства была совершенная централизацiя, такъ, что тогдашнiя вице-королевства Мексики, Перу, Буеносъ - Айресъ, и генералъ-капитанства Гуатемала, Новая Гренада, Венесуела и Хили были раздѣлены на провинцiи и такъ называемыя интенданства единственно въ видахъ мѣстной администрацiи. Въ борьбѣ, окончившейся эмансипацiею ихъ, эта нація получила политическiй толчекъ въ направленiи къ децентрализацiи, такъ-что невольное инстинктивное политическое стремленiе ихъ всегда клонилось къ ограниченiю власти центрального или федеративнаго правительства. Такимъ образомъ перевороты, повидимому тождественные между собою по началу, привели къ совершенно-противоположнымъ результатамъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ средства федеративнаго правительства къ подавленiю внутреннихъ возмущенiй постоянно увеличивались, и оно никогда еще не было такъ сильно, какъ въ настоящее время; въ испанскихъ американскихъ штатахъ, напротивъ того, федеративная власть постоянно ослабѣвала и никогда еще не была такъ слаба, какъ нынѣ, къ подавленiю возмущенiй и революцiи. Упадку этихъ штатовъ со-

дѣйствовали сверхъ того и другія причины, между которыми первое мѣсто принадлежитъ необыкновенно быстро привившимся идеямъ первой французской революціи и послѣдней, ставящимъ интересы недѣлимаго выше интересовъ государства, на томъ основаніи, что общество болѣе обязано недѣлимому, чѣмъ недѣлимое обществу. Въ то самое время, пока, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ, политическая организація испанской Америки клонилась къ упадку, въ общественномъ ея организмѣ произошли не менѣе важныя измѣненія. Демаркаціонная линія, существовавшая между враждебными другъ-другу нисшими племенами народонаселенія была уничтожена; всѣ старинныя испанскіе законы, клонившееся къ организаціи труда, были отбѣнены, не замѣнившись новыми. Мексика можетъ служить типомъ этого результата, потому что тѣ-же самые перевороты, съ небольшими только измѣненіями, произошли во всѣхъ прочихъ испанскихъ штатахъ. Всѣ политическія и общественныя условія, на основаніи которыхъ бѣлое племя старались сохранить свою кровную самостоятельность и чистоту, устранилось, и оно постепенно смѣшалось, слилось съ нисшими племенами, такъ-что послѣднія при числительномъ превосходствѣ своемъ — семи милліоновъ противъ одного милліона бѣлыхъ — успѣли поглотить бѣлое племя втеченіе одного поколѣнія со временъ эмансипаціи штатовъ изъ подъ ига метрополіи. Слѣдствіемъ всего этого было то, что сѣверные штаты Мексики почти совершенно утратили свое бѣлое народонаселеніе, между тѣмъ какъ неорганизовшіеся еще туземныя ихъ общины не въ состояніи держаться противъ нападений Апаховъ, Команчей, семиноловъ и другихъ индійскихъ племенъ, вытѣсняемыхъ изъ своихъ охотничьихъ округовъ на югъ безостановочнымъ натискомъ англосаксонскаго прогресса съ востока. Въ прекрасной провинціи Сонорѣ власть мексиканскаго правительства распространяется только на нѣсколько городовъ, Hermosilla, Guaymas и Ures, въ Чагуагуа необходимы постоянныя экспедиціи и наѣзды для защиты разсѣяннаго, раздробленнаго сельскаго народонаселенія; въ Дуранго Индійцы бродятъ себѣ безпрепятственно, небольшими партіями по всему штату и образованные классы народа принуждены держаться въ городахъ и большихъ общинахъ ради взаимной защиты. Степные округа Coahuila, Leok, Zacatecos Linaloa постоянно подвергаются набѣгамъ небольшихъ индійскихъ шаекъ, угонающихъ у жителей скотъ и увозящихъ женъ и дѣтей въ свои горныя укрѣпленія. Въ подобномъ же положеніи находятся дѣла и

въ южной Мексики. Генералъ Альварецъ (чистѣйшій самбо, хотя онъ и хвастаетъ своимъ испанскимъ происхожденіемъ), уже съ давняго времени управляетъ штатомъ Гуерреро съ деспотическою властію и покорилъ себѣ господствующее туземное племя, Пинтосовъ, подчиняясь только для вида федеративному правительству и этимъ только мнимымъ повиновеніемъ и грозю своего имени удерживая прочія племена туземцевъ въ повиновеніи центральной власти. Но въ послѣднее время эти племена возмутились и теперь, восьмидесяти-лѣтній старикъ, Альварецъ принужденъ вести войну, весьма сомнительнаго исхода, съ индійскими племенами Чилара и Оаяса, которыхъ подстрекаетъ духовенство, непризнающее федеративнаго мексиканскаго правительства. Въ Юкатанѣ дикія племена завоевали себѣ обратно почти все пространство штата и вогнали такъ называемое бѣлое племя въ города Sisal, Campeachy, постоянно угрожая сильными скопищами самой столицѣ штата, Меридѣ. При такомъ всеобщемъ разгнѣвѣ и политическомъ упадкѣ федеративная власть, постоянно слабѣя, дошла до того, что утратила почти всякое вліяніе на болѣе отдаленныя части республики, такъ - что въ Гуерреро, Сонорѣ, Новомъ Леонѣ явились независимые правители, деспотически управляющіе штатами и только для вида повинующіеся центральному правительству. Само-собою разумѣется, что такое положеніе дѣлъ должно было вызвать въ остаткахъ бѣлаго племени потребность и желаніе въ кровномъ, племенномъ обновленіи; такъ, что при занятіи Мексики американскими войсками, главнокомандующему ихъ, генералу Скотту было предложено 200,000 фунтовъ стерлинговъ, съ тѣмъ чтобы онъ отказался отъ своего поста и иринялъ на себя верховное управленіе Мексикою. Скоттъ отклонилъ это предложеніе, имѣвши въ то время виды на президенство въ Соединенныхъ Штатахъ. Какъ бы то ни было, опытъ прошедшаго, экспедиціи Лопеца въ Кубу, Уокера въ нижнюю Калифорнію, Карвайлы въ Тамоліпу и Рауссе де-Бульбонъ и Кроббе въ Сонору ведутъ къ заключенію, что хотя всѣ эти покушенія оказались неудачными, однакожь за ними послѣдуетъ другія, которыя наконецъ удадутся, благодаря той настойчивости въ преслѣдованіи цѣли своей, которою отличаются американскіе флибустиеры.

Обращаясь далѣе къ югу, Тремеръ замѣчаетъ въ своемъ политическомъ обзорѣ, что и первоначальная республика центральной Америки, повинувась полученному при самомъ зарожденіи ея политическому толчку, вскорѣ уничтожила у себя федеративное

правительство, которое она также учредила у себя по образцу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и распалось на пять независимыхъ штатовъ: Гуатемала, Санъ-Сальвадоръ, Гондурасъ, Никарагуа и Коста-Рика. Въ Гуатемалѣ, послѣ непрерывнаго ряда революцій, индійскія покорѣнія одержали наконецъ верхъ и сдѣлали верховнымъ правителемъ полу-Креола, Карреру, котораго управленіе очень сходно съ правленіемъ Монтезумы и Атегульпы, хотя и приняло отчасти колоритъ просвѣщеннаго правительства. По нѣкоторымъ округамъ этого штата правительство все еще опредѣляетъ декретомъ какія именно земли должны засѣиваться пшеницею, какія кукурузою или пшеницы произведеніями земли. Каррера централизовала правленіе въ Гуатемалѣ, и страна пользуется на время тишиною. Въ Санъ-Сальвадорѣ, Гондурасѣ и Никарагуа втеченіе многихъ лѣтъ постоянно господствовали внутреннія междоусобія, при которыхъ бѣлое племя постепенно вымерло или поглотилось другимъ, такъ-что въ настоящее время оно не имѣетъ тамъ ни одного представителя, депутата. Туземныя и смѣшанныя племена, предводительствуемыя и руководимыя Креолами, одержали верхъ. Въ штатѣ Коста-Рика племенное различіе нѣсколько явственнѣе и бѣлое племя, удержавшее за собою верховное управленіе, имѣетъ до-сихъ-поръ еще перевѣсъ надъ африканскимъ элементомъ и индійскимъ.

Положеніе дѣлъ въ южной Америкѣ, на всемъ пространствѣ занятомъ испанскимъ племенемъ, также близко къ перевороту. Не вдаваясь въ подробности, приводимыя Тремеромъ, замѣтимъ только, что и тамъ, по всѣмъ штатамъ, за немногими только исключеніями, болѣе случайными, нежели основанными на прочныхъ политическихъ или общественныхъ началахъ, — вездѣ почти, повторяемъ, бѣлое племя утративъ постепенно свое значеніе или отступило на задній планъ, или вымерло, или близко къ поглощенію другимъ смѣшаннымъ или туземнымъ племенами. Нельзя, однакоже, не обратить особеннаго вниманія на замѣчательный и чрезвычайно важный фактъ, приводимый Тремеромъ, на всеобщій упадокъ римской католической церкви, организациія которой служить по всей испанской Америкѣ ипшенью для нападеній со стороны образованнаго класса народа, между тѣмъ какъ высшіе классы отшатнулись отъ нея. Образованная часть народонаселенія напиталась какимъ-то рационализмомъ, заимствованнымъ частью изъ французской школы, частью изъ нѣмецкой; тогда какъ невѣжественный классъ народа усвоилъ себѣ какіе-

то варварскіе религіозные обряды, сильно отзываются паганствомъ.

При этомъ торжественномъ растлѣніи, политическомъ, общественномъ и духовномъ, непремѣнный племенной законъ принадлежитъ, какъ мы уже видѣли, къ главнымъ элементамъ той испанской народной драмы, которая готова въ скоромъ времени разыгратъ на политической сценѣ. Племена, сильныя численностію, поглощаютъ малочисленные; такъ, что туземцы испанской Америки успѣли постепенно воротить себѣ утраченную ими прежнюю власть свою. Этимъ фактомъ объясняется явленіе въ Америкѣ, которому нѣтъ ничего подобнаго въ Европѣ. Умирающая цивилизація этихъ странъ инстинктивно ищетъ себѣ поддержки и кровнаго обновленія въ бѣлыхъ переселенцахъ, и ожидаетъ помощи отъ Европы и сѣверной Америки. Въ Аржентинской конфедераціи уже установилось довольно дѣятельное переселеніе изъ Испаніи и другихъ частей южной Европы. Отдаленность этой конфедераціи отъ Соединенныхъ Штатовъ безъ сомнѣнія предохранитъ ее отъ саксонскаго наплыва изъ сѣверной Америки, такъ - что кровно-обновленному европейскому элементу вѣроятно возможно будетъ самостоятельно устроить свои судьбы на будущее время безъ посторонняго вмѣшательства. Что касается до Мексики и центральной Америки, то эти страны слишкомъ близки къ великой республикѣ, чтобы избѣгнуть вліянія дѣятельнаго, предприимчиваго и честолюбиваго духа союзной націи и отклонить вмѣшательство послѣдней. Въ настоящее время торговые пути Американцевъ, между Атлантическимъ океаномъ и Тихимъ, уже во-многихъ мѣстахъ пересекаютъ владѣнія испанскихъ республикъ, и естественными послѣдствіями этого факта будутъ тѣ же самые результаты, которые слѣдовали и слѣдуютъ по пятамъ англо-саксонскаго племени по всѣмъ пяти частямъ свѣта. За исключеніемъ полнаго присоединенія мексиканской территоріи, половина которой уже вошла теперь въ составъ союза, федеративное правительство великой республики уклоняется сколько можно отъ дальнѣйшаго расширенія предѣловъ своихъ, и Бульверъ — кейтонская конвенція преградила пути къ новымъ колонизаціямъ или завоеваніямъ. Но предъ великими государственными интересами и нуждами политика неизбѣжно измѣняетъ свое направленіе, и всякіе трактаты становятся не дѣйствительными. Поэтому, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что рано или поздно, вмѣшательствомъ федеративнаго правительства или дѣйствіями флибустеровъ, — которымъ

унѣкоторые изъ друзей Уокера даютъ скромное и вѣжливое названіе «частныхъ предпріятій», — разьединенные штаты и общины Мексики и центральной Америки обновятся жизнью при посредствѣ Англо-Саксовъ сѣверной Америки.

Мы покончимъ этимъ наши извлеченія изъ книги Маккея, занимательной отъ первой страницы до послѣдней. Мы уже предупредили читателя, что Маккей рисуетъ общественную сторону жизни въ штатахъ и политическую такими, какими онѣ представляются безстрастному наблюденію, а не умозрѣнію, и потому неудивительно, если представленный нами краткій очеркъ въ совершенномъ разладѣ съ господствующимъ въ массѣ европейской публики мнѣніемъ, относительно состоянія тамъ вопроса о личной свободѣ, который получилъ уже разрѣшеніе въ Европѣ по крайней-мѣрѣ въ главнѣйшихъ основаніяхъ своихъ. Служа дополненіемъ къ картинѣ политической жизни союза, набросанной въ рецензіи замѣчательной книги Лабуле (*Histoire politique des Etats-Unis, depuis les premiers essais de colonisation jusqu'à l'adoption de la constitution fédérale, 1620 — 1729, par Edouard Laboulay **), нашъ очеркъ очевидно приводитъ къ заключеніямъ, довольно несогласнымъ съ тѣми выводами, къ которымъ пришелъ Лабуле, утверждая, «что американскіе штаты гораздо ближе къ условіямъ человѣческой природы, уваженіе къ которой есть величайшій долгъ законодателя, и она столько же успѣла въ дѣлѣ равенства, сколько и въ дѣлѣ свободы». Противорѣчіе очевидное, но объясняемое весьма легко разностию путей и матеріаловъ изслѣдованія. Американцы дѣйствительно успѣли въ дѣлѣ свободы и равенства, но успѣли только относительно. Они успѣли повидимому болѣе прочихъ народовъ потому именно, что прогрессивное ихъ движеніе имѣло болѣе одностороннее направленіе. Развивая конституціонные принципы только въ приложеніи ихъ къ бѣлому племени, Американцы повидимому совершенно упустили изъ вида, что Homo sapiens Линнея обвиняетъ собой и африканское племя, и такимъ образомъ вопросъ, казавшійся такимъ близкимъ къ разрѣшенію, пока онъ былъ единственно дѣломъ совѣсти, обратился въ неразрѣшаемый Гордіевъ узелъ, которымъ ушедшіе было впередъ на пути прогресса штаты удерживаются въ уровень съ *отсталюю* Европою.

В. ХАНКИНЪ.

---

*) См. Русское Слово. Мартъ, 1860 г. Отдѣлъ иностранной литературы. Стр. 151—184.

Исторія Джованни Прочиды и Сицилійская вечерня.

Histoire de Jean Procide et des Vêpres Siciliennes, un vol. Paris.

Въ исторіи народовъ часто представляются явленія, которыя, можно сказать, концентрируютъ въ себѣ цѣлый періодъ событій, выражая отличительныя черты народнаго духа, представляя выводъ изъ историческаго развитія націй.

Такія событія служатъ началомъ новой эры, и дальнѣйшее развитіе народа совершается медленно, но постоянно, если только реакція не успѣла остановить его. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, по прошествіи нѣкотораго времени, событіе давшее толчокъ народу повторяется снова, разумѣется съ тѣми измѣненіями, которыя произведены въ народѣ историческимъ ходомъ событій. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ Сицилійская Вечерня.

Право господства, предоставленное Норманами папамъ послужило источникомъ многихъ золъ для Сициліи... Борьба первосвященниковъ съ Гогенштауфенами достигла своего апогея при Фредерикѣ II. Представитель цивилизаціи, поэтъ, философъ, натуралистъ, чуждый религиозной нетерпимости, онъ служилъ олицетвореннымъ антагонизмомъ папства. Гвельфизмъ, Тоскана, монашескіе ордена, отлученія, были орудіями папы; гибеллины, Сицилія, Сарацины — орудіями императора. Борьба была почти равна; но на сторонѣ римскаго первосвященника была интрига, право разрѣшать себя отъ самыхъ священныхъ обязательствъ. Напрасно Сарацины, презирая папскія проклятія, приводили въ ужасъ духовенство; напрасно Едзелино ди-Романе проливалъ кровь потоками — папизмъ на минуту сгибался, чтобъ потомъ, когда буря пронеслась, подняться съ новой силой. Самыя благія намѣренія императора встрѣчали препятствія со стороны римскаго двора: Аристотель, разосланный Фредерикомъ въ университеты въ переводахъ Михаила Скотта и Якова Антоли; переводъ романа Сидрака, покровительство университетовъ — все служило источникомъ для клеветы: о Фредерикѣ говорили, что онъ приказывалъ разрѣзывать животы, чтобъ изслѣдовать процессъ пищеваренія; отнималъ дѣтей у родителей и воспитывалъ ихъ въ уединеніи, чтобъ узнать на какомъ языкѣ они заговарятъ сперва. Его упрекали въ сношеніяхъ съ могометанами, и евреями

и въ еретическихъ мѣшпяхъ; его называли предшественникомъ антихриста. Уничтоженіе права верховнаго суда у бароновъ, уничтоженіе морскаго права, по которому остатки кораблекрушенія принадлежали прибрежнымъ жителямъ, самое распредѣленіе водатей и строгій контроль надъ ними возбуждали неудовольствіе, — папы пользовались этимъ; бунты вспыхивали и неутомимый Фредерикъ принужденъ былъ провести всю жизнь на конѣ. Последнее время его царствованія было несчастливо: смерть Таддео де-Суесса, измѣна Піетро деле Вигне, (Pietro delle Vigne), плѣнь Энзю, потеря Пармы, возстаніе Луниджіаны, Гарфаньяны и Романьи — все обрушилось на голову несчастнаго императора. Разстроенное здоровье его не выдержало, и онъ скончался въ замкѣ Фіоренцуола 13-го Декабря 1250 г., оставивъ имперію Конраду и назначивъ намѣстникомъ Сициліи побочнаго сына своего Манфреда.

Между тѣмъ, какъ новый императоръ боролся съ антицесарями, Манфредъ продолжалъ идти по стопамъ Фредерика.

Сицилія въ это время стояла на высокой степени коммерческаго и умственнаго развитія. Палермо считался однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ; Пизане, Генуезцы, Венеціане останавливались въ его портѣ для отдыха; Мессина была центромъ торговли попеременно то Генуезцевъ, то Пизанъ; въ Трапани заходили крестовые флоты, направляясь къ берегамъ Сиріи; покровительство Евреямъ еще болѣе развивало торговлю; сахарные заводы, шелковыя и суконныя фабрики процвѣтали еще при Норманахъ; соль, желѣзо, плоды, вино, хлѣбъ, золоченныя кожи составляли предметъ вывоза. Въ умственномъ отношеніи Сицилія была много обязана Сарацинамъ; всѣ открытія ихъ перешли туда при посредствѣ Фредерика и Манфреда. Еще прежде ихъ мавританская архитектура оказала вліяніе на итальянское зодчество: образцомъ этого смѣшенія разнородныхъ стилей является палермскій каедральный соборъ: изящество и азіатская роскошь портала; легкость и пріятное очертаніе арокъ, лѣпныя украшенія фасада; блестящій эффектъ, производимый фронтономъ и маленькими колоннами; легкость и смѣлость куполовъ, — все невольно очаровываетъ и придаетъ зданію граціозный, но величавый видъ *). Соборъ въ Мессинѣ, монастырь въ Монреалѣ, церковь св. Франческо д'Ассизи, королевскій дворецъ въ Палермо

---

*) Передѣлки и пожаръ 1811 года во многомъ измѣнили это зданіе.

и другія зданія служатъ еще и доселѣ памятниками прошедшаго величія.

Другое не менѣе важное хотя кратковременное участіе въ развитіи острова имѣли провансалы: въ царствованіе Фредерика считалось до двѣнадцати замѣчательныхъ трубадуровъ, въ числѣ которыхъ онъ самъ былъ не изъ послѣднихъ. Рожденный и воспитанный въ Италіи, онъ былъ Итальянецъ не только по матери, но и по языку и привязанностямъ. Быстро образовалась итальянская поэзія подѣ влияніемъ этой школы, и приняла названіе сицилійской. Гимны дамъ избранной трубадуромъ, хвала ея красотѣ, восторги, желанія, надежды — вотъ общее содержаніе этой поэзіи; политическій мотивъ рѣдко слышится въ ней, но за то онъ, можно сказать, господствуетъ въ пѣсняхъ трубадуровъ за альпійскихъ, которые по временамъ приходили въ Италію. Сочувствіе къ императору, ненависть къ папамъ, разорившимъ ихъ родину, внушаютъ имъ хвалебные гимны первому и ядовитыя сатиры на пороки духовенства вообще и папъ въ-особенности.

Таковъ былъ дворъ Фредерика и Манфреда: трубадуры, Арабы, Евреи, ученые, фокусники толпились около щедрыхъ государей. Турниры, праздники, пиры быстро слѣдовали одни за другими, страсть къ удовольствіямъ доходила даже до разврата: въ числѣ придворныхъ чиновъ считались *королева любви* и *король суетности* (*roi des vanités*), обязанность котораго состояла въ томъ, что онъ преподавалъ молодымъ людямъ обоюдо пола все, что относилось до любви.

Разумѣется, при такой роскоши, при постоянныхъ войнахъ подати должны были увеличиться до чрезмѣрности, и дѣйствительно, на что только не было подати? Право бросанія якоря и выгрузка, право плаванія въ открытомъ морѣ, право рыбной ловли, проѣзда черезъ мосты — все было обложено пошлиною. Не довольствуясь этимъ, правительство получало десять процентовъ съ мнѣнъ, разрабатываемыхъ частными людьми, и присвоило себѣ исключительную продажу соли, желѣза, смолы и золоченыхъ кожъ; кромѣ того оно требовало иногда субсидій, даже до шести разъ въ годъ, не исключая никого; были годы, что духовенство, во время войны императора съ папою, платило первому половину своихъ доходовъ.

Не смотря на все это, Сицилія благоденствовала: ужасы войны едва коснулись ея, а правосудіе императора и строгій надзоръ надъ сборщиками податей не допускали разоренія.

Съ другой стороны положеніе папы было совсѣмъ не такъ хорошо, какъ казалось съ перваго взгляда. Иннокентій обрадованный послѣдними успѣхами и смертью Фредерика, спѣшилъ въ Италію. Торжественно встрѣтили своего соотечественника Генуэзцы; еще торжественнѣе Миланцы: до 15,000 одного духовенства присутствовало при вѣздѣ его въ Миланъ — но этимъ дѣло и кончилось — недостатокъ въ деньгахъ заставилъ папу переѣхать въ Болонью, а оттуда въ Перузу (Perugia). Изъ этого города онъ послалъ тучи монаховъ для возмущенія Неаполя и Сициліи. По голосу ихъ возстали Неаполь, Капуа, Фоджіа, Аверза — но были скоро укрощены Манфредомъ. Въ это время явился Конрадъ; побѣды его и Едзелино поставили партію гвельфовъ на край гибели; но, не смотря на то, папа продолжалъ упорствовать и во время мирныхъ переговоровъ предъявлялъ самыя неумѣренныя требованія. Видя свое безсиліе, онъ предложилъ сицилійскую корону сперва Карлу Анжуйскому, но съ такими обязательствами, что тотъ отказался; тогда онъ обратился къ Ричарду Корнваллійскому, а по отказѣ его къ королю Англій, Генриху, который хотя и согласился принять ее для сына своего Эдмунда, но ограничился только посылкой небольшой суммы денегъ. Между тѣмъ положеніе папы стало вскорѣ еще хуже. Римляне избрали сенаторомъ Бранкалеоне, который формальнымъ образомъ потребовалъ папу въ Римъ и угрожалъ Перузѣ войной, если она будетъ укрывать его. Вынужденный обстоятельствами, Иннокентій покорился — и былъ принятъ въ Римѣ съ радостью; но вскорѣ расточительность и безпорядочность его заставили народъ питать къ нему ненависть, и онъ, чтобъ спастись отъ своихъ кредиторовъ, принужденъ былъ прибѣгнуть къ сенатору. Казалось, эти неудачи смирили его гордость, и можно было надѣяться на миръ; но смерть Конрада избавила его отъ страшнаго непріятеля, и вражда запыхала съ новой силой.

Послѣ Конрада остался двухлѣтній сынъ Конрадъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Конрадина. Опека надъ нимъ была назначена Бертольду фонъ-Гогенбургу, ближайшему его родственнику по матери; сверхъ того завѣщаніе покойнаго императора ставило его въ такія же отношенія къ папѣ, въ какихъ былъ Фредерикъ къ Иннокентію III. Обрадованный первосвященникъ обѣщалъ воспитаннику свою милость, а потомъ по достиженіи имъ совершеннолѣтія хотѣлъ разсмотрѣть права его на Сицилію; въ то же время онъ вступилъ въ сношенія съ раз-

ныи вельможами и городами королевства, надѣясь овладѣть частью его съ помощью интриги.

Между тѣмъ Бертольдъ, видя всеобщее волненіе, захватилъ королевскую казну и сложилъ съ себя регентство. Оно перешло въ руки Манфреда. Находясь въ такомъ стѣсненномъ положеніи, онъ принужденъ былъ покориться папѣ; но потомъ, видя, что его хотятъ лишить власти, снова взялся за оружіе. Побѣда увѣнчала его, и онъ, пользуясь слухами о смерти Конрадина, короновался въ Палермо (1258 г.). Напрасно Александръ IV и мятежные бароны вздумали оспаривать его санъ. Онъ не только не уступилъ имъ, но еще расширилъ гибеллинское вліяніе на сѣверѣ Италіи побѣдою при Монте-Аперти, вслѣдствіе которой Флоренція впала во власть гибеллиновъ.

Урбанъ IV продолжалъ дѣло своего предшественника; онъ не принялъ мирныхъ предложеній Манфреда, и вступилъ въ сношенія съ Карломъ Анжуйскимъ, предлагая ему сицилійскую корону; съ тѣмъ, чтобы онъ ежегодно платилъ 1,000 золотыхъ унцій и доставлялъ бѣлаго коня, какъ признакъ вассальства; сверхъ того онъ обязанъ былъ не принимать достоинства императора, признавать права духовенства и принять королевство въ тѣхъ границахъ, какія назначить папа.

Карлъ согласился на все, и Урбанъ снова проклялъ Манфреда.

Пока тянулись переговоры, Римляне выбрали сенаторомъ этого-же самаго Карла; устрашенный первосвященникъ требовалъ, чтобы онъ отказался отъ этого званія, сдѣлавшись королемъ, или если приметъ его, то носилъ-бы не долгое время.

Карлъ съ своей стороны хотѣлъ осуществленія обѣщаній данныхъ прежде. Время проходило; папа медлилъ; но внезапныя обстоятельства заставили его быстро перемѣнить намѣреніе. Когда представитель Карла прибылъ въ Римъ для принятія сенаторскаго сана, гибеллины и въ главѣ ихъ Пьетро Вико едва не овладѣли городомъ. Урбанъ удалился въ Перузу, и вскорѣ тамъ умеръ. Преемникомъ его былъ Климентъ IV, уроженецъ Прованса, вполне преданный Карлу. Онъ успѣшилъ пригласить его и грозный воинъ скоро явился. Прибытіе его кончило переговоры: подтвердивъ прежнія условія, онъ согласился сложить званіе сенатора и немедленно послѣ окончательной побѣды заплатить папѣ значительную сумму денегъ. Между тѣмъ вспомогательная армія прибыла въ Римъ и Карлъ выступилъ въ по-

ходъ вскорѣ послѣ коронаванія, хотя еще не успѣлъ сосредото-
чить всѣхъ силъ. Пребываніе его арміи въ Римѣ ознаменовалось
такими беспорядками, жадность и эгоизмъ его такъ подѣйстви-
тели на папу, что онъ готовъ былъ вступить въ переговоры съ
Манфредомъ, Карлъ зналъ объ этомъ и послѣдшилъ развязкою.
Самая наружность и манеры брата св. Лудовика не могли пра-
виться народу и внушали справедливыя опасенія владѣтелямъ:
онъ говорилъ мало, дѣйствовалъ много, смѣялся рѣдко; цѣломуд-
ренный и религіозный, какъ монахъ, онъ былъ жестокъ въ своихъ
приговорахъ. Гордый взглядъ, высокій станъ, смуглое лицо,
большой носъ — все выражало въ немъ суровое величіе. Бд-
тельный, неутомимый, онъ былъ жаденъ къ приобрѣтеніямъ,
хотя ничего не щадилъ для солдатъ своихъ. Онъ никогда не
шутилъ съ придворными и не любилъ менестрелей и мимовъ.
Такой человѣкъ былъ чуждъ итальянской національности, и от-
правленіе его въ походъ обрадовало Римлянъ. Манфредъ пред-
ложилъ ему заключить миръ или перемиріе, и хотѣлъ знать его
условія. «Ступайте и скажите дочерскому султану, что или я его
отправлю въ адъ, или онъ меня въ рай» *) отвѣчалъ Карлъ и
двинулся къ Гарильяно.

Измѣна графа Казерты открыла ему переправу. Противники
сошлись при Беневентѣ. Карлъ велѣлъ поражать лошадей непріа-
телей, что считалось тогда безчестнымъ. Видя, что сраженіе
проиграно, Манфредъ бросился въ средину схватки и погибъ.
На другой день нашли трупъ его и хотѣли похоронить съ честью,
но Карлъ не позволилъ этого, потому-что противникъ его былъ
отлученъ отъ церкви. Тогда Манфреда погребли у беневентскаго
моста подъ грудой камней; но папскій легатъ приказалъ вырыть
его трупъ и бросить въ рѣку.

Неаполь и Сицилія покорились. Супруга Манфреда и его дѣти
были заключены въ тюрьму, гдѣ послѣдніе скоро скончались.
Но оставался еще мститель — сынъ Конрада, достигшій въ это
время шестнадцати лѣтъ. Обстоятельства заставляли его дѣй-
ствовать. Мать его вышла замужъ за Мейнгарда Герца, и онъ
принужденъ былъ удалиться ко двору дяди своего Лудовика Ба-
варскаго, прозваннаго строгимъ **). Здѣсь онъ получилъ приглаше-

---

*) *Ales et dicte a le sultan de Nocere, hoggie metterai lui en enfer, ou il mettera moi en paradis.* Султаномъ Ночеры Манфредъ названъ потому что уступилъ этотъ городъ Сарацинамъ.

***) Отецъ императора Лудовика Баварскаго.

ніе отъ гибеллиновъ явиться въ Италію. Бернгардъ и Лудовикъ совѣтовали принять ихъ предложеніе, Пиза предлагала деньги и флотъ; многіе нѣмецкіе рыцари изъявляли желаніе поступить въ его войско — и Конрадинъ съ десятью тысячами двинулся въ долину Адижа, осенью 1267 года. Число войскъ превышало его средства, и онъ принужденъ былъ заложить наслѣдственныя свои земли Лудовику и Бернгарду, которые, достигнувъ этого предмета своихъ желаній, оставили Конрадина въ Веронѣ. Не смотря на значительное уменьшеніе своихъ силъ, онъ продолжалъ подвигаться, и скоро проникнулъ въ Тоскану. Этому онъ былъ обязанъ Генриху Кастильскому, который привелъ къ нему на помощь пятьсотъ человекъ. Генрихъ былъ братомъ Альфонсу X, и долгое время воевалъ въ Испаніи и Африкѣ. Онъ сначала предложилъ свои услуги папѣ и Карлу, надѣясь получить отъ перваго инвеституру на островъ Сардинію, изъ которой хотѣлъ сдѣлать наслѣдственное королевство. Но Карлъ не только воспротивился его намѣреніямъ, но еще не отдалъ 40,000 золотыхъ, которые занялъ у него прежде. Раздраженный Генрихъ, бывший въ это время сенаторомъ, воспользовавшись отсутствіемъ Карла, изгналъ папу въ Витербо, захватилъ значительнѣйшихъ партизановъ короля и конфисковалъ въ свою пользу ихъ имущество. Послѣ того онъ перешелъ на сторону Конрадина.

Сначала все улыбалось юному герою: Сарадины Лучерин (Luceria) взбунтовались; часть Апуліи также возстала; Конрадъ Капаче (Carpacci) и Фредерикъ братъ Генриха высадились въ Сициліи, которая приняла ихъ сторону вся, исключая Палермо, Мессины и Сиракузъ; Пизане разбили провансальскій флотъ, но это счастье продолжалось не долго. Конрадинъ проигралъ битву при Тальякоццо, хотѣлъ бѣжать въ Сицилію, но былъ выданъ Карлу однимъ изъ фамиліи Франджипани. Побѣдитель велѣлъ судить его какъ бунтовщика. Онъ и другъ его Фридрихъ, сынъ Германа Баденскаго, были осуждены на смерть. Конрадинъ игралъ въ тюрьмѣ въ шахматы, когда объявили ему приговоръ. Черезъ нѣсколько минутъ повели его на казнь. Взойдя на эшафотъ, онъ снялъ плащъ и преклонилъ колѣна, обратясь съ молитвой къ небу.... Воспоминаніе о матери, уговаривавшей его не начинать войны, мелькнуло въ душѣ его въ эту страшную минуту, и онъ вскричалъ. «О мать моя! какъ глубоко огорчить тебя вѣсть о моей смерти!» Сѣкира блеснула и послѣдняго Гогенштауфена не стало.

Вѣстѣ съ Конрадиномъ погибли Фридрихъ и одиннадцать знатнѣйшихъ вельможъ. Жестокости продолжались и въ другихъ мѣстахъ: въ Галиполи были повѣшены восемнадцать дюрянъ, въ Корнето—сто; въ Лючерѣ Карлъ велѣлъ обезглавить начальниковъ Сарадинъ, а жителей изгнать; въ Римѣ велѣлъ отрубить ноги своимъ врагамъ, потомъ запереть несчастныхъ въ одинъ деревянный домъ и сжечь; въ Сициліи ярость его была еще ужаснѣе. Гильомъ Этандаръ, посланный туда, осадилъ Агосту, куда укрылись остатки конрадинова войска. Измѣнники предали городъ. Гильомъ приказалъ истребить всѣхъ жителей безъ различія пола и возраста. Послѣ рѣзни на улицахъ, солдаты бросились въ подвалы и на чердаки и отсюда вытаскивали свывавшихся. Палачи, поставленные на берегу рѣки, рубили имъ головы и бросали трупы въ воду. Никто не спасся — даже измѣнники, предавшіе городъ, погибли въ суматохѣ. Конраду Каличе, попавшемуся въ плѣнъ, вырвали глаза и потомъ повѣсили. Имущества всѣхъ приверженцовъ Гогенштауфеновъ были конфискованы и розданы баронамъ Карла; столица перенесена въ Неаполь и, хотя побѣдитель сначала не тронулъ конституціи острова и не увеличилъ податей, но потворство его войскамъ и сборщикамъ податей скоро довело Сицилію до разоренія. По смерти Конрадина, могущество новаго короля быстро увеличивалось и съ нимъ вѣстѣ росло его честолюбіе.

Сыновья его были женаты одинъ на дочери венгерскаго короля, другой на Изабеллѣ Вильгардусентъ, наслѣдницѣ княжества ахайскаго; дочери его были замужемъ одна за сыномъ графа фландрскаго, другая за Филиппомъ де-Куртенэ; самъ онъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью герцога бургундскаго; времѣ того, онъ получилъ инвеституру на королевство іерусалимское, (потому что Марія, дочь Богемонда IV, передала ему права свои); и сверхъ того властвовалъ въ Римѣ какъ сенаторъ, въ Тосканѣ—какъ императорскій намѣстникъ, въ Романѣ—какъ болонскій губернаторъ; Корфу и берега Албаніи также принадлежали ему. Не мудрено, что въ головѣ его родилась мысль завоевать восточную имперію. Но разныя препятствія ожидали его: первое препятствіе было со стороны папъ. Григорій X, преданный мечтѣ о завоеваніи Іерусалима, употреблялъ всѣ силы для возбужденія новаго крестоваго похода, и съ этой цѣлью онъ стремился во что бы ни стало умпротворить Италію. Видя, что Рудольфъ Габсбургскій и Филиппъ, король французскій, приняли крестъ, Карлъ рѣшился послѣдовать ихъ примѣру, тѣмъ болѣе что Михаилъ Палеологъ

успѣлъ отстранить отъ себя грозу, обѣщая папѣ соединеніе церквей. Преемникъ Григорія Николай III-й изъ дома Орсини *) пошелъ даьше. Онъ заставилъ императора отказаться отъ правъ на Сицилію и Провансъ и взаимѣнъ потребовалъ, чтобы Карлъ отказался отъ титула римскаго сенатора и императорскаго викарія; не довольствуясь такимъ ослабленіемъ слишкомъ могущественнаго союзника, онъ заставилъ гвельфовъ принять гибеллиновъ во Флоренцію, примирилъ партіи въ Болоньѣ, способствовалъ возвышенію Висконти въ Миланѣ и даже вступилъ въ сношенія съ врагами Карла. Ненависть и политика сдѣлали этого папу однимъ изъ самыхъ страшныхъ непріятелей неаполитанскаго короля. Стремясь увеличить могущество своего дома, Николай просилъ руки одной изъ дочерей Карла, для своего племянника Бертольдо Орсини.. «Неужели эти Орсини считаютъ себя достойными союза съ королевскимъ французскимъ домомъ, потому что носятъ красные сапожки, надменно отвѣчалъ король — и съ этого дня борьба загорѣлась съ большимъ ожесточеніемъ. Въ Сициліи разразился громовой ударъ надъ головою Карла.

Положеніе острова было ужасно.

Перенесеніе столицы въ Неаполь разорило Палермо этотъ великолѣпный городъ не удостоился даже сдѣлаться мѣстопробываніемъ королевскаго намѣстника, который предпочелъ Мессину, какъ ключъ острова. Затѣмъ послѣдовалъ пересмотръ грамотъ, данныхъ баронамъ на владѣніе ленами; большинство было признано недѣйствительными; у однихъ отняли землю совершенно всю, у другихъ только часть, третья должны были для удержанія правъ своихъ купить ихъ вновь, сыновья знатнѣйшихъ вельможъ были взяты въ аманаты, дочери выданы замужъ за Французовъ или заключены въ монастырь, для того чтобы овладѣть ихъ имуществомъ. Низшій классъ тоже испыталъ всю тяжесть бѣдствій: Карлъ съ каждымъ годомъ увеличивалъ подати, продавалъ мѣста королевскихъ судей, стараясь въ то же время удалять Итальянцевъ отъ всѣхъ должностей по сбору податей и судопроизводству; къ этому присоединилась еще порча монеты. Новые бароны и чиновники Карла позволяли себѣ всѣ возможныя злоупотребленія. Если Французъ встрѣчалъ Сицилійца верхомъ, онъ заставлялъ его слѣзть съ лошади, самъ садился на нее и приказывалъ ограбленному провожать себя пѣшкомъ

---

*) Между Григоріемъ X и Николаемъ III были Иннокентій V, Адрианъ V, Іоаннъ XXI, но правленіе ихъ было кратковременно и безцвѣтно.

до дому; если какая-нибудь дѣвушка имѣла несчастье поправиться одному изъ побѣдителей — безчестіе ожидало ее.... Алчные притѣснители врывались всюду: тамъ требовали въ королевскую службу лучшее населеніе края, и въ случаѣ бѣгства несчастныхъ, схватывали ихъ матерей и сестеръ и заключали въ тюрьму; здѣсь, осматривая шелковыя фабрики, подвергали жестокимъ встязаніямъ тѣхъ, которыя не употребили всѣхъ мотковъ или спрятали какую-нибудь работу. Вопли и стоны раздавались по всей Сициліи: пастухъ отвѣчалъ за стадо и по истеченіи года обязанъ былъ представить опредѣленную прибыль; земледѣлецъ также, не смотря на погоду и урожай, долженъ былъ доставить опредѣленное количество ржи — при малѣйшей несправности паки, конфискація или тюрьма ожидали несчастныхъ; всѣ обдѣляли: золото и серебро было отобрано въ казну, а въ замѣнъ его выдали монету дурнаго качества; число обитателей быстро уменьшалось въ каждой комунѣ, а подати не уменьшались. Трогательными жалобами исполнены хроники этого печальнаго времени.

При такомъ положеніи дѣлъ Сицилія не могла оставаться спокойною. Подкопъ былъ готовъ, оставалось зажечь фитиль — это сдѣлалъ Джованни Прочида. Онъ родился около 1225 года въ Сазерно и считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ медяковъ своего времени. Фредерикъ II любилъ и уважалъ его и въ числѣ свидѣтелей, подписавшихся на духовномъ завѣщаніи императора, находился и онъ. Манфредъ продолжалъ покровительствовать ему — но Карлъ конфисковалъ все его имущество. Прочида обратился къ Клименту IV, и тотъ успѣлъ выпросить ему прощеніе. Возстаніе Сициліи въ пользу Конрадина обнаружило истинныя его чувства — онъ ревностно подвизался за послѣдняго Гогенштауфена. На этотъ разъ раскаяніе было бесполезно: Карлъ не прощалъ двухъ разъ. Прочида спасся къ Педро III королю аррагонскому, но имущество его было снова конфисковано. Жена изгнанника Ландольфина умѣла сохранить свое приданое въ этомъ переворотѣ, какъ говорятъ, цѣною своей чести. Это еще болѣе возбудило негодованіе Прочиды. Такимъ образомъ всѣ страсти, которыя возбуждаютъ къ отчаяннымъ предпріятіямъ, бушевали въ его груди. Мечь за оскорбленіе чести, мечь за друга и государя; желаніе возратить похищенное имущество — все питало страстный патріотизмъ этого необыкновеннаго человѣка, все поддерживало его неутомимую дѣятельность. Философъ и политикъ, онъ былъ человѣкъ дѣйствія, и по образованію своему стоялъ выше современныхъ ему пред-

равсудковъ. Его упрекали въ измѣнчивости мнѣній, по политическій дѣятель разнится отъ политическаго проповѣдника. Первый, человѣкъ дѣйствія, долженъ сообразоваться съ обстоятельствами, быть порою уступчивымъ, порою твердымъ, одиными словомъ, долженъ, по выраженію Маккиавелли, имѣть волчьи зубы и лисій хвостъ; сфера дѣйствій его въ настоящемъ. Второй же, человѣкъ слова, напротивъ отличается непреклонностью убѣжденій: его дѣло не отъ міра сего, идеаль его въ будущемъ и вся жизнь его должна гармонировать съ его идеями. Рѣдко попадаетъ во всея чистотѣ типъ этотъ; большею частію онъ сливается съ типомъ политическаго дѣятеля; бываютъ моменты, когда послѣдній надѣваетъ на себя маску политическаго проповѣдника, чтобы ускорить осуществленіе своихъ плановъ; бываютъ случаи, когда политическій проповѣдникъ, начавши свою миссію въ чистосердечномъ энтузіазмѣ, скоро приходилъ къ убѣжденію, что для торжества его доктрины необходима сила и, пользуясь благоприятными обстоятельствами, переходитъ въ политическаго дѣятеля, потому что во всякомъ убѣжденіи есть частица деспотизма. Представляя такое раздѣленіе реформаторовъ, мы не имѣемъ въ виду оправдать уклоненія ихъ отъ истины, мы не признаемъ законности такихъ дѣйствій, но признаемъ ихъ разумность, какъ факта, вызваннаго ненормальнымъ положеніемъ общества. Иногда для него необходимы Лудовики XI и Цесари Борджіа, по этому безусловная оцѣнка историческихъ личностей невозможна, и часто дѣйствіе противное нравственнымъ законамъ взятымъ абстрактно, заслуживаетъ похвалы, если мы примемъ во вниманіе обстоятельства, при которыхъ оно совершилось. Всякое историческое лицо задаетъ себѣ опредѣленную цѣль и вращается въ извѣстной средѣ; эта цѣль и среда обуславливаютъ его дѣйствія, и только основательно изучивъ ихъ, можно произнести справедливый судъ надъ дѣятелемъ съ точки зрѣнія нравственной, или историко-философской. Такимъ образомъ Прочида не былъ измѣнникомъ своихъ убѣжденій: онъ умѣлъ только покоряться обстоятельствамъ, избѣгать опасности, но гдѣ было нужно не колебался жертвовать своею жизнью. Удаляясь ко двору Педро III, онъ сталъ обнадеживать короля возможностью завоевать Сицилію, на которую тотъ имѣлъ права по женѣ своей Констанціи, дочери Манфреда. Но Педро былъ слишкомъ слабъ въ сравненіи съ Карломъ, и потому долженъ былъ выжидать благоприятныхъ обстоятельствъ. Между тѣмъ онъ не терялъ времени и дѣятель-

но готовился къ войнѣ, подѣ предлогомъ похода противъ Туниса. Храбрый, но осторожный и скрытный, онъ представлялъ вѣтинный типъ итальянскаго сеньора. Предпріятіе его оставалось тайною для всѣхъ: объ немъ догадывались, но не могли представить никакихъ данныхъ въ подтвержденіе своей догадки. Одинъ Николай III зналъ настоящую цѣль экспедиціи, потому что, вслѣдствіе просьбъ Прочиды, отправленнаго къ нему тайнымъ посломъ, далъ Констанціи письменное дозволеніе предъявить права свои на Сицилію. Сверхъ того Прочида успѣлъ добиться денежнаго вспоможенія отъ Михаила Палеолога, и могъ надѣяться навѣрно на общее возстаніе на островѣ, умѣвъ войти въ сношенія съ недовольными баронами.

Между тѣмъ Николай III умеръ и на мѣсто его, интригами Карла, былъ избранъ Мартинъ IV *), родомъ Французъ, вполнѣ преданный неаполитанскому королю.

Надѣ Византіей снова повисла громовая туча. Новый папа не довольствовался обѣщаніями восточнаго императора о соединеніи церквей и требовалъ немедленнаго ихъ выполненія; видя же уклончивость Михаила и сопротивленіе греческаго духовенства, дозволилъ Карлу начать войну противъ византійской имперіи. Король осадилъ Бѣлградъ, но не могъ взять этого города, потому что на защиту его пришла греческая армія. Принужденный возвратиться въ Италію, онъ съ новой энергіей принялся за военныя приготовленія, чтобы въ слѣдующемъ году нанести непріятелю рѣшительный ударъ.

Между тѣмъ ропоть въ Сициліи усиливался. Карлъ отвѣчалъ новыми строгостями: отправивъ подкрѣпленія намѣстнику своему на островѣ, онъ приказалъ отобрать у жителей оружіе. Это послужило новымъ источникомъ притѣсненій и мѣра народнаго долготерпѣнія преисполнилась. Въ XIII вѣкѣ южное палермское кладбище, обыкновенно служило мѣстомъ отдыха въ торжественные дни. Отслушавъ мессу, народъ толпился подѣ тѣнью апельсиновыхъ, лимонныхъ деревьевъ и лавровъ и развлекался разными невинными играми. Такъ было и въ понедѣльникъ святой

---

*) Вѣрнѣе Мартинъ II, потому что въ число папъ этого имени помѣстили Мартино I и II.

недѣли 30 Марта 1282 года. День былъ прекрасный; безоблачное небо, яркое солнце; тихій вѣтерокъ, разносившій аромать—все соединилось, чтобъ дать несчастнымъ минуту забвенія, минуту мира ихъ уязвленному сердцу. Но присутствіе Французовъ мѣшало полному наслажденію. Подозрительные и дерзкіе, они вмѣшивались въ толпы жителей, желая участвовать въ ихъ забавахъ; но видя, что предложенія ихъ дурно принимаются, они вздумали обыскивать наиболѣе пылкихъ молодыхъ людей подъ предлогомъ, что они имѣютъ на себѣ оружіе. Праздникъ начиналъ принимать мрачный видъ; угрожающій ропотъ слышался въ нѣкоторыхъ группахъ — но Французы не обратили на это вниманія. Такъ прошло время до вечерни, раздался звонъ ангелуса и палермитяне поспѣшили въ церковь. Въ это время одинъ изъ Французовъ, по имени Друэ (Drouet), подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, принадлежавшей къ почтенной фамилии, и, подъ предлогомъ, что она скрыла оружіе, занесъ руку на ея грудь. Крикъ ярости былъ отвѣтомъ на это оскорбленіе. «Смерть Французамъ, раздалось повсюду — и Друэ палъ первый, пронзенный женихомъ обиженной дѣвушки. Взрывъ былъ ужасенъ; двѣсти чело­вѣкъ пало въ первое мгновеніе. Восстаніе быстро распространялось, Руджіеро Мастранджело сталъ въ главѣ инсургентовъ и придалъ болѣе правильный характеръ движенію: Французовъ останавливали и заставляли произносить слова *ciceri* (*cecì*); если они дурно произносили ихъ — смерть была неизбѣжна. Ожесточеніе дошло до такой степени, что нѣкоторыя Сициліянки погибли за то, что чувствовали любовь къ Французамъ. Всѣ непріатели, находившіеся въ Палермо, были истреблены; главный судья съ двумя слугами успѣлъ спастись въ замокъ Викари, но былъ осажденъ тамъ. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, замокъ былъ взятъ и весь гарнизонъ перебитъ. .

Побѣда была одержана, но надо было удержать завоеванную свободу, надо было организовать правительство. Народъ выбралъ пятерыхъ начальниковъ и къ каждому изъ нихъ присоединилъ по пяти совѣтниковъ. Начались пренія. Большинство было въ пользу республики, подъ покровительствомъ папы; мнѣнія партизановъ Дона Педро были опровергнуты, и народъ рѣшилъ отправить къ папѣ посольство изъ лицъ духовнаго званія. Въ то же время, желая усилиться, жители Палермо отправили эмиссаровъ въ другіе города для возбужденія ихъ къ возстанію.

Медленно подвигалось оно: Чефалу, Калатафими, Агригентъ

Катана — то же истребили или прогнали Французовъ, но не одновременно и побѣда тамъ не была ознаменована такими жестокостями, какъ въ Палермо. Въ Калатафини Гильомъ де Порсе, отличавшійся справедливостью и человеколюбіемъ, былъ отлученъ безъ всякаго вреда; городъ Сперлига не хотѣлъ омочить рукъ своихъ въ крови неприятели — но это были рѣдкія исключенія, большинство же убійствомъ скрѣпило союзъ свой въ Палермо. Но Мессина оставалась спокойна. Гербертъ Орлеанскій съ многочисленнымъ гарнизономъ хранилъ ея стѣны. «Честолюбие привязывало многихъ къ Карлу; ищенье его должно было унасть на нее въ случаѣ возстанія; торжество Палермо ставило городъ на второй планъ — естественно, что Мессина задумалась. Сначала она не только не хотѣла присоединиться къ Палермитянамъ, но и, по требованію губернатора, послала противъ нихъ шесть галеръ и двѣсти стрѣлковъ. Но едва Мессинскій флотъ приблизился къ порту, возмущившіеся подняли подлѣ своего знамени, мессинскій флагъ и простерли руки къ своимъ соотечественникамъ. Радостныя восклицанія были отвѣтомъ и недавніе враги сѣнялись и составили вскорѣ одну группу, одушевленную пламеннымъ патріотизмомъ. Со стрѣлками случилась подобная же исторія. Мессина возстала. Гербертъ заперся въ своемъ дворцѣ, но вскорѣ принужденъ былъ капитулировать. Ему позволили удалиться со всеѣмъ имуществомъ въ Провансъ, онъ высадился въ Калабрию. Народъ, раздраженный его вѣроломствомъ, ринулся въ ярости на другихъ плѣнниковъ — и въ Мессинѣ повторились кровавыя сцены Палермо.

Что же дѣлали Карлъ и донъ Педро Арагонскій? Первый съ гнѣвомъ узналъ о возстаніи острова. Любимый проэктъ его встрѣчалъ препятствіе: нападеніе на Византію пришлось отсрочить. Немедленно приказалъ онъ флоту своему, собранному въ Бриндизи явиться въ Неаполитанскій заливъ, на берегахъ котораго сосредоточилъ силы, назначенныя для усмиренія Сициліи. Между-тѣмъ посланники Мессины явились къ папѣ. Гнѣвно принялъ ихъ первосвященникъ въ полномъ собраніи римской курии. Ни просьбы, ни лести не могли смягчить его, онъ отлучилъ Сицилійцевъ отъ церкви и послалъ къ Карлу кардинала Жерара пармсаго съ самыми обширными полномочіями, для дѣйствія съ нимъ въ совокупности. Посольство къ нему жителей Мессины увѣнчалось не лучшимъ успѣхомъ: Карлъ отвѣчалъ, что для нихъ не будетъ пощады, и что они должны сдаться безу-

словно или защищаться, если могут. Отчаяніе придадо храбрости жителямъ Мессины: они опустошили окрестности города, чтобы лишитъ враговъ пристанища, и неутомимо воздвигали укрѣпленія. Алаимо Лентини, назначенный комендантомъ Мессины, и жена его Макальда Скалетта были неутомимы. Многія Сициліянки добровольно поступили въ войско и раздѣляли тягости войны наравнѣ съ прочими. Всѣ были оживлены чистѣйшимъ патриотизмомъ и готовились умереть или побѣдить грознаго непріятеля. Наконецъ онъ явился.

25-го Іюля Карлъ со всѣми силами высадился въ четырехъ миляхъ отъ Мессины; онъ надѣялся выманить непріятелей въ открытое поле, но тѣ не поддались и онъ принужденъ былъ приступить къ правильной осадѣ, потому что хотѣлъ присвоить себѣ сокровища богатаго города, въ случаѣ же приступа они дѣлались добычею солдатъ.

Осада началась. Осажденные сопротивлялись мужественно. Нѣсколько приступовъ было отбито. Карлъ вздумалъ употребить хитрость. Кардиналъ Жераръ отправился въ городъ, и былъ принятъ съ величайшимъ почтеніемъ, но когда онъ потребовалъ сдачи города, обѣщая помщаду всѣмъ, кромѣ зачинщиковъ, яростныя крики прервали его.... Видя безуспѣшность своихъ усилій, онъ успѣвшигъ оставить городъ, чтобы избавиться отъ оскорбленій и, можетъ быть, смерти.

Въ это время донъ Педро накодился въ Колло, на берегу Африки сѣвернѣе Константины. Здѣсь онъ рѣшился выжидать событий. Расчетъ его былъ вѣренъ: онъ понималъ, что народъ не вынесетъ волненій неизбежныхъ со свободой, и обратиться къ нему. Это было тѣмъ вѣроятнѣе, что арагонская партія, а во главѣ ея Прочида, не понимали свободы иначе, какъ подъ королевской властью, и нашествіе Карла представляло новые шансы королю, приверженцы республики были въ небольшомъ числѣ; масса же повиновалась движенію вѣтра. Сверхъ того Сицилія пережила эпоху отъ графовъ до сектъ включительно и быстро приближалась къ смиренію. Остатки коммунальнаго духа были несовременны и не могли болѣе существовать. Для скрѣпленія острова необходима была централизція — а представителями ея были Карлъ и донъ Педро. Такимъ образомъ все соединилось въ пользу арагонскаго короля

и духъ времени, и сила обстоятельствъ. Устроивъ себѣ отступление изъ этого лабиринта политики, онъ ничего не терялъ; въ случаѣ призыва на тронъ, онъ выигрывалъ Сицилію; въ случаѣ упорства Сицилійцевъ быть республиканцами — ему улыбались завоеванія въ Африкѣ.

Надежды его осуществились: мало-по-малу во всѣхъ городахъ во главѣ управленія стали бароны, приверженцы королевской власти. Вліяніе ихъ постепенно приготовило народъ въ пользу Дона Педро. Черезъ три мѣсяца послѣ Сицилійской Вечерни онъ высадился въ Трапани и двинулся къ Палермо, Карлъ увидѣлъ что нельзя терять времени и сдѣлалъ общій преступъ къ Мессинѣ. Цѣлый день продолжалось сраженіе, и Французы вездѣ были отбиты. Попытка подкупить Алаимо Лентини также не удалась: напрасно неаполитанскій король послалъ ему бланкъ за своей подписью, обѣщалъ 10,000 унцій золота единовременно, и 200 унцій дохода, напрасно предлагалъ онъ прощеніе всѣмъ Мессинцамъ, кромѣ шести зачинщиковъ, — предложенія его были отвергнуты.

Между тѣмъ донъ Педро не дремалъ, онъ издалъ указъ по которому всѣ Сицилійцы отъ 15 до 60 лѣтъ должны были явиться въ Палермо втеченіе двухъ недѣль. Въ ожиданіи же ихъ онъ отправилъ двѣ тысячи Альмогаваровъ на помощь осажденной Мессинѣ. Прибытіе ихъ произвело неописанный восторгъ, послѣ того какъ они въ одной удачной вылазкѣ истребили до тысячи Французовъ. Въ то же время король аррагонскій потребовалъ, чтобъ Карлъ очистилъ Сицилію. Поставленный въ стѣсненное положеніе съ арміей обезсиленной и упавшей духомъ, побѣдитель Манфреда, побѣжденный теперь въ свою очередь, долженъ былъ повиноваться. «Скажите вашему королю, отвѣчалъ онъ посланникамъ Педро, что онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ королей, и если я выхожу изъ своей земли, то за тѣмъ только, чтобы явиться въ Каталоніи».

Вскорѣ началось очищеніе Сициліи. Карлъ переправился однимъ изъ первыхъ, но остатокъ флота его потерпѣлъ сильное пораженіе отъ непріятельскаго адмирала Лорія. Черезъ нѣсколько дней новое пораженіе ожидало Карла. Лорія проникъ въ портъ Реджіо и тамъ въ присутствіи неаполитанскаго короля съѣлъ транспортный флотъ его, состоявшій изъ 80 судовъ. Карлъ въ ярости схватилъ зубами жезлъ, который носилъ постоянно съ со-

бою, и воскликнул: «Боже, Боже! долголи мнѣ еще терпѣть? объ одномъ прошу, дай сойти внизъ потихоньку! «Но и этимъ несчастія для него не кончились; пришла пора возмездія и за частныя обиды. Нѣсколько времени тому назадъ онъ соблазнилъ жену французскаго рыцаря Гуго Клермонта; тотъ выждалъ благоприятный моментъ и на дочери соблазнителя выместилъ свою обиду; потомъ съ женою и сыномъ убѣжалъ къ дону Педро. Но и это не истощило несокрушимой энергій Карла. Онъ приказалъ собирать войско во Франціи и вызвалъ на дуэль своего противника. Сто рыцарей должны были сразиться съ каждой стороны подъ личнымъ начальствомъ вѣяченосцевъ. Педро согласился и назначилъ мѣстомъ сраженія Бордо. Напрасно папа противился этому поединку, напрасно король англійскій отказался обезпечить мѣстность и не согласился быть судьей турнира—Карлъ стоялъ на своемъ, явился въ Бордо, но не нашелъ тамъ Педро. Король аррагонскій былъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, передѣтый, но, узнавъ, что противъ него составляется заговоръ, съ цѣлью удержать его въ Бордо, возвратился въ Аррагонъ. Другіе историки говорятъ, что вызовъ былъ посланъ донемъ Педро, съ тѣмъ, чтобы замедлить военныя приготовленія Карла, и что въ назначенный день онъ явился къ Ивану Грилю генскому сенешалю, назначенному судьей турнира, но что другой стороны, т. е., короля неаполитанскаго, не было на лицѣ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ надо разсмотрѣть характеры дѣйствующихъ лицъ и выгоды, какія могли произойти отъ побѣды для той и другой стороны.

Безспорно оба монарха были храбры, не боялись смерти, но храбрость Карла считала всѣ средства дозволенными для одержанія побѣды. Аррагонскій король былъ тонкимъ политикомъ не менѣе Карла; онъ также не чуждался хитростей и обмановъ; но старательно избѣгалъ всего, что могло бы позорить черное пятно на его имя; тогда, какъ имя Карла было запятнано многими преступленіями. Вѣроломство ничего не стоило ему, а папу онъ уважалъ на столько, сколько входило это въ его виды. Было время, когда онъ по неудовольствію съ папою запретилъ своимъ подданнымъ торговлю въ церковной области; точно также и теперь не поколебался бы онъ совершить выгодное преступленіе, тѣмъ болѣе что донъ Педро былъ отлученъ отъ церкви, и что отъ папы нельзя было ожидать сопротивленія въ этомъ случаѣ. Поединокъ въ Бордо нисколько не оста-

навливать военных приготовлений Карла, вся выгода отъ него обращалась въ его пользу въ случаѣ побѣды; а онъ готовъ былъ упрочить ее всѣми средствами. Если донъ Педро принялъ вызовъ, то потому, что хотѣлъ сохранить свою репутацію и имѣлъ всѣ средства избѣжать разставленныхъ ему сѣтей. Побѣда его надъ Карломъ дѣлала его владѣтелемъ только того, чѣмъ онъ уже владѣлъ; продолженіе войны было не страшно, потому что аррагонскій флотъ первенствовалъ передъ французскимъ; сверхъ того возстаніе стало распространяться въ Калабріи — изъ этого всего можно заключить, что если была тутъ интрига, то со стороны Карла, который всегда могъ оправдать свои дѣйствія разрѣшеніемъ Мартина.

Вслѣдъ за несостоявшимся соединеніемъ, война возгорѣлась съ бдальшею силою; но счастье было постоянно на сторонѣ донъ Педро: онъ остановилъ Филиппа III въ Пиренеяхъ, а Лоріа успѣлъ выманить сына Карла изъ Неаполитанскаго залива въ открытое море, разбилъ его и ввѣлъ въ плѣнъ. Переговоры объ освобожденіи его не удались; Карлъ въ ярости предпринялъ зимній походъ, но это ускорило его смерть 7-го Января 1286 года его не стало, два мѣсяца спустя послѣ кончины донъ Педро III.

Великіе актеры сошлись со сцены: трагедію кончили ихъ преемники: Сицилія образовала самостоятельное королевство подъ именемъ Тринакрии.

Вотъ что было ближайшимъ плодомъ Сицилійской Вечерни. Короткій промежутокъ времени отъ смерти Фредерика II до Педро ясно показалъ въ чемъ сила и слабость Италіи. Папа и императоръ всегда являлись противниками прогрессивнаго движенія на полуостровѣ; влияние перваго на Сицилію, хотя и усиливалось правомъ сюзеренитета, но за то съ другой стороны уменьшалось счастливой случайностью, давшей острову рядъ энергическихъ королей. Какъ только Сицилія освобождалась отъ папскаго ига, такъ начинала блаженствовать, какъ скоро падала подъ него — начинала страдать. Греки и Аравитяне сдѣлали для ней больше, чѣмъ Французы и Испанцы, если изъ числа первыхъ, мы исключимъ Нормановъ. Коммунальное начало, такъ могущественное въ Сѣверной Италіи, никогда не могло достаточно укрѣпиться въ Южной. Съ одной стороны религіо-

зная ненависть, съ другой сильный феодализм мѣшали этому; первая не допускала слитія враждебныхъ націй, или лучше сказать поглощенія могометанскаго элемента итальянскимъ, потому что исламизмъ неблагопріятенъ коммуѣ, хотя въ тоже время неблагопріятенъ и папству, такъ, что на сколько онъ затруднялъ организацію Сициліи, на столько-же уменьшалъ вліяніе главнаго зла Италіи папскаго преданія. Умѣренность и сила норманскихъ владѣльцевъ отнимала предлогъ къ возмущеніямъ и легко уничтожали слабыя отдѣльныя попытки. Централизація Гогенштауфеновъ работала въ пользу буржуазіи; терпѣли отъ ней только бароны; если увеличеніе податей и было чувствительно для средняго класса, то оно вполнѣ вознаграждалось безопасностью внутри, обширною торговлею и покровительствомъ наукамъ и литературѣ. Но стоило дохнуть тлетворному генію папства — и все измѣнилось: цвѣтущій садъ обратился въ дикую пустыню, вопли и стоны раздались вмѣсто радостныхъ криковъ, звукъ трубы вмѣсто лиры трубадуровъ — и надо всѣмъ этимъ носился въ парахъ кроваваго тумана суровый духъ Карла Анжуйскаго, смѣнявъ граціозные образы послѣднихъ Гогенштауфеновъ. Но королевство и папство невозможны вмѣстѣ при ихъ стремленіяхъ къ распространенію власти и бѣднымъ Сицилійцамъ пришлось расплачиваться за ссоры своихъ владѣтелей, и нести двойное иго, когда они были въ мирѣ. Нѣсколько возстаній не облегчили ихъ участи, потому что производились безъ сознанія, кончаясь уничтоженіемъ личностей, но не принциповъ. Феодализмъ пустилъ слишкомъ глубокіе корни въ Сициліи, народная ненависть Сицилійцевъ къ другимъ Итальянцамъ была слишкомъ велика; народное невѣжество съ умысломъ распространяемое правительствомъ проникло слишкомъ глубоко. Чтобъ Сицилія могла составить самостоятельное королевство или принять участіе кстаті въ общемъ движеніи полуострова. Но мало-по-малу гнетъ неаполитанскихъ королей сглаживалъ эти препоны къ народному сознанію, и общее бѣдствіе научило Сицилійцевъ не отдѣлять своего дѣла отъ дѣла Италіи.

Сицилійская Вечерня показала силу народа и осталась въ исторіи живымъ урокомъ для потомковъ.

Всѣ лица этой драмы типичны, какъ нельзя болѣе: возьмите Карла — и вы увидите цѣлый рядъ неаполитанскихъ королей, безумно-жестокихъ, которые обѣщаютъ все при наступленіи опа-

сности и нарушаютъ свои обѣщанія по прошествіи ея; которые изъ-за клочка земли, для осуществленія своихъ честолюбивыхъ видовъ, готовы проливать потоками кровь своихъ подданныхъ. Климентъ и Мартинъ не представляютъ ли типы тѣхъ беза-
раактерныхъ папъ, которые готовы начать всемірную войну изъ пустяковъ, которые постоянно преданы реакціонерамъ и постоянно преслѣдуютъ прогрессъ во всѣхъ его видахъ. Джованни Прочида выражаетъ типъ патріота; Алаимо Лентини — народнаго военачальника. —

В. ПОПОВЪ.

С М Ъ С Ъ.

Судебныя слѣдователи.

Важнѣйшее изъ постановленій, вышедшихъ въ нынѣшнемъ году — есть учрежденіе *Судебныхъ Слѣдователей*. Оно важно не только потому, что ввело благотворное измѣненіе въ порядкѣ производства слѣдствія, важнѣйшаго акта уголовного процесса, — но и по тѣмъ новымъ началамъ въ великомъ вопросѣ о личной свободѣ и судопроизводствѣ, которыя доселѣ были повсе неизвѣстны нашему законодательству.

Разсматривая три акта этой реформы. «Наказъ полиціи о производствѣ дознанія по происшествіямъ, могущимъ заключать въ себѣ преступленіе или проступокъ», «учрежденіе судебныхъ слѣдователей» и «наказъ судебнымъ слѣдователямъ», — мы видимъ, что законодатель, не могши найти въ исторіи русскаго права никакого подобнаго установленія, заимствовалъ ихъ въ главныхъ чертахъ изъ законодательства французскаго, — но съ важными измѣненіями.

Французское уголовно-слѣдственное законодательство представляетъ превосходную, стройно-развитую систему, — но она крайне односторонняя. Она вся направлена въ одну сторону, — къ такъ-называемой защитѣ общественнаго интереса, — подозрѣваемый въ преступленіи лишень многихъ необходимыхъ гарантій, напротивъ того слѣдователь вооруженъ самою грозною властью. Правда, что во Франціи бытіе въ состояніи подсудимаго весьма не продолжительно, рѣдко болѣе двухъ, трехъ мѣсяцевъ, — и то по важнымъ преступленіямъ; правда и то, что

на судъ обвиняемый пользуется большими гарантиями — но всё это не можетъ служить полнымъ оправданіемъ французской системы.

Что бы взвѣсить значеніе новаго установленія судебныхъ слѣдователей, мы разберемъ его сравнительно съ его прототипомъ — французскимъ Juge d'instruction и съ тѣмъ порядкомъ, который ему предшествовалъ у насъ.

Первое основное правило французскаго уголовного судопроизводства есть необходимость существованія *преслѣдующей стороны* (partie poursuivante). Право преслѣдовать, «вчинать уголовный искъ» принадлежитъ во Франціи только одному наркету или публичной министеріи, организованной на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Публичная министерія состоитъ изъ множества лицъ: во-первыхъ — генераль-прокуроръ съ большимъ штатомъ помощниковъ при каждомъ апелляціонномъ судѣ, — дагѣ при каждомъ уѣздномъ судѣ — прокуроръ съ помощниками, — наконецъ всѣ чины исполнительной полиціи: — комиссары, жеры, жандармскіе офицеры, — вмѣстѣ съ тѣмъ считаются и чиновниками судебной полиціи (officiers de police judiciaire) и въ этомъ отношеніи подчинены прокурору.

Мы сказали, что вчинать уголовный искъ можетъ только прокуроръ. Объяснимъ смыслъ этого важнаго постановленія. Коль скоро совершено преступленіе, то объ этомъ доноситъ полиція или лицо пострадавшее прокурору, — и если прокуроръ найдетъ доносъ неосновательнымъ, то оставляетъ дѣло безъ послѣдствій, — если же основательнымъ, то сообщаетъ о немъ слѣдственному судѣ (или по нашему судебному слѣдователю), — который и производитъ слѣдствіе. И такъ, первая черта, и черта огромной важности, — что инициатива уголовного преслѣдованія принадлежитъ только прокурору, — не только исполнительная власть, но и судъ не можетъ самъ отъ себя дать приказаніе слѣдователю производить слѣдствіе. Французскій судъ въ этомъ отношеніи совершенно пасивенъ, — онъ только тогда дѣйствуетъ, когда ему представляютъ обвиняемаго, — а самъ онъ не отыскиваетъ его, и не знаетъ, что дѣлается за его спи-
нами *).

*) Впрочемъ законъ даетъ право апелляціоннымъ судамъ, по дошедшимъ до нихъ свѣденіямъ объ оставшемся безъ преслѣдованія преступленіи, пригласить прокурора начать преслѣдованіе. Но это право обставлено разными формальностями и условіями, и вообще считается крайней, исключительной мѣрой.

Легко понять какую грозную власть почерпаютъ изъ этого положенія французскіе прокуроры, — однимъ почеркомъ пера они могутъ остановить всякій доносъ.

Наше Положеніе счастливо избѣжало этой крайности. — Право вчинать уголовныя слѣдствія предоставлено не однимъ прокурорамъ и стряпчимъ, но также *судебнымъ мѣстамъ*, полиціи — и даже самимъ судебнымъ слѣдователямъ, такъ, что судъ не только судить, но и преслѣдуетъ преступленія: узнавъ о совершеніи преступленія, онъ имѣетъ право дать приказаніе судебному слѣдователю отправиться для произведенія слѣдствія; точно также и самъ слѣдователь можетъ, по дошедшимъ до него свѣденіямъ, производить слѣдствія, не дожидая ни донесенія полиціи, ни указа суда. Вотъ текстъ одиннадцатой статьи наказа, опредѣляющей слѣдственную инициативу: «судебный слѣдователь приступаетъ къ производству слѣдствій и къ исполненію отдѣльных по онымъ дѣйствій: по письменнымъ требованіямъ судебныхъ мѣстъ, губернскаго прокурора, стряпчихъ, градскихъ и земскихъ полицій, исправника и станovýchъ приставовъ того уѣзда, въ которомъ слѣдователь состоитъ на службѣ; всѣ прочія мѣста и лица обязаны о производствѣ слѣдствій относиться въ уѣздный судъ.

Далѣе эта же статья опредѣляетъ право слѣдователя самому начинать слѣдствіе: «*Непосредственно* судебный слѣдователь начинаетъ слѣдствіе въ случаѣ явки къ нему преступника съ повинною, или же когда преступленіе или проступокъ усмотрѣны имъ во время ихъ совершенія или обнаружены при производствѣ слѣдствія по какому-либо другому преступленію или проступку, или же по словесному или письменному объявленію полицейскихъ служителей, чиновъ водостной и сельской полиціи и даже частныхъ лицъ, когда сія лица извѣщаютъ его о совершающемся или только-что совершившемся преступленіи или проступкѣ, подлежащемъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ».

Мы говорили, что по французскому закону слѣдователь не можетъ непосредственно начинать слѣдствія; тамъ строго раздѣлены двѣ власти: одна, которая находитъ основательнымъ произвести слѣдствіе (прокурорство), — другая которая производитъ слѣдствіе (слѣдственный судья); присвоеніе одной изъ нихъ функцій другой допускается только на время и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, — о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи. Этимъ разграниченіемъ французскій законодатель полагалъ достигнуть безпристрастнаго слѣдствія: если-бы прокуроръ или подчиненный

ему чиновникъ судебной полиціи (лица, которыя производятъ дознанія, открываютъ фактъ преступленія) вмѣстѣ съ тѣмъ и производили полное слѣдствіе. то ясно, что они не могли бы сохранять должное хладнокровіе и безпристрастіе; какъ скоро они подняли дѣло, то самолюбіе, ревность, желаніе отличиться побуждало-бы ихъ стараться во что бы то ни стало всѣми натяжками открыть, что дѣйствительно было преступленіе, что есть виновный. Извѣстно изъ нашей русской практики, что молодые чиновники слѣдователи именно часто раздуваютъ ничтожное дѣло, чтобъ показать начальству свою энергію и искусство. Съ другой стороны французскій законъ не дозволяетъ и слѣдственному судѣв начинать непосредственно слѣдствія по тѣмъ же самымъ причинамъ, т.-е., чтобъ онъ не былъ лицомъ лично заинтересованнымъ. Нашъ законъ отступаетъ въ этомъ случаѣ отъ французскаго, — именно даетъ судебному слѣдователю право непосредственно вчинать слѣдствія — безъ указа суда и безъ донесенія полиціи. Но это право ограничено слѣдующими условіями: 1) что бы виновный самъ явился къ нему съ повинною т.-е. съ доносомъ на самаго себя, — въ этомъ случаѣ дѣйствительно была-бы только проволочка времени — отправить виновнаго въ полицію и ждать отъ нея предложенія о производствѣ слѣдствія, — 2) когда слѣдователь лично *усмотрѣлъ* преступленіе *во время его совершенія*, — это случай называемый въ наукахъ *flagrant delit*, — для котораго всегда и вездѣ дѣлаются всякаго рода исключенія; 3) если преступленіе или проступокъ обнаружены имъ при производствѣ слѣдствія по другому преступленію. Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ *flagrant delit*, слѣдователь не *усмотрѣлъ лично* преступленія; но онъ также не долженъ ждать предложенія полиціи или указа судебного мѣста о производствѣ слѣдствія, когда получивъ уже полномочіе на производство по другому случаю, нашелъ хотя и во вѣшной связи, и даже безъ всякой связи съ нимъ другое преступленіе. Во Франціи онъ долженъ былъ-бы отнестись къ прокурору, и только вслѣдствіе его разрѣшенія начать это новое слѣдствіе о совершенно другомъ дѣлѣ. Но нашъ законъ не ставитъ для слѣдователя этого ограниченія. Французскій законъ затрудняетъ слѣдователя, приказывая ему ждать разрѣшенія прокурора на каждую новую фазу слѣдствія, — хотя на практикѣ принято спрашивать согласія прокурора только въ важныхъ случаяхъ. Но право предоставляемое ему у насъ послѣдней изъ приведенныхъ статей есть въ сущности право самому лично безъ всякаго вѣщи-

няго наведенія (явки съ повинной, *flagrant delit* и проч.) поды-
мать уголовное дѣло. 4) Наконецъ слѣдователь можетъ начинать
слѣдствіе по словесному или письменному объявленію «полицей-
скихъ служителей, чиновъ волостной и сельской полиціи и даже
частныхъ лицъ, когда *сіи лица* извѣщаютъ его о совершающемъ-
ся или только-что совершившемся преступленіи или проступкѣ, под-
лежащемъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ». Изъ этой статьи
совершенно ясно слѣдуетъ, что по доносу частныхъ лицъ слѣ-
дователь можетъ приступить къ слѣдствію только тогда, когда
дѣло идетъ о *совершающемся* или только-что *совершившемся* пре-
ступленіи, слѣдовательно когда оно сохраняетъ тѣ горячіе слѣды,
по которымъ всего удобнѣе раскрыть его,—и гдѣ по этому пред-
варительное дѣйствіе полиціи можетъ только повредить успѣху;
во всѣхъ другихъ, случаяхъ по смыслу наказа, частныя лица дол-
жны предварительно обращаться къ полиціи. Во всякомъ случаѣ
эта статья даетъ много поводовъ для непосредственныхъ отно-
шеній частныхъ лицъ къ судебнымъ слѣдователямъ. Она даетъ
ему также и полицейское значеніе — предупредить совершеніе
преступленія, потому-что онъ дѣйствуетъ, когда получаетъ объ-
явленіе о *совершающемся* преступленіи, — а въ этомъ случаѣ
прежде слѣдствія, необходимо принять мѣры къ тому, что-бы
преступленіе не совершилось вполнѣ.

Мы полагаемъ, что оговорка: «когда *сіи лица* извѣщаютъ его
о совершающемся или только-что совершившемся преступленіи»,
относится только къ частнымъ лицамъ. Но не распространяется
ли она и на предшествовавшія слова: полицейскіе служители,
чины волостной и сельской полиціи? Полиція, въ смыслѣ учреж-
денія, власти, — дѣлаетъ слѣдователю предложеніе, имѣющее
для него обятельную силу начать слѣдствіе. По этому, если го-
ворится о полицейскихъ служителяхъ и *чинахъ* (?) волостной и
сельской полиціи, которые получаютъ право непосредственно,
по мимо своего начальства, объявлять судебному слѣдователю о
преступленіи; то здѣсь они сводятся на степень частныхъ лицъ,—
иначе это было бы не объявленіе, а растрожаніе права
дѣлать слѣдователю предложенія на самыхъ мелкихъ лицъ по-
лицейской части. А между тѣмъ если къ этимъ лицамъ не от-
нести того же ограниченія, которое поставлено при частныхъ
лицахъ, т.-е. что слѣдователь тогда только начинаетъ слѣдствіе
по ихъ объявленію, когда оно касается факта совершающагося или
только-что совершившагося, — если оставить ихъ безъ всякаго
ограниченія, т.-е., что они могутъ прямо объявлять слѣдователю

о всякихъ преступленіяхъ, давно или недавно совершившихся, — тогда очевидно, что слѣдователь сдѣлался бы начальникомъ полиціи. А это было бы противно смыслу главныхъ началъ положенія.

Переходимъ теперь къ другому вопросу, — къ производству слѣдствія.

Подѣйствовавшему до сихъ поръ закону все производство слѣдствій лежало на полиціи (Свод. Зак. т. XV, книга 2, ст. 2); теперь роль полиціи сдѣлалась второстепенной, предварительной а главная передана новому юридическому агенту — судебному слѣдователю.

Новый Наказъ полиціи говоритъ слѣдующее: «Слѣдствія о маловажныхъ проступкахъ и преступленіяхъ, подлежащихъ судебно-полицейскому разбору и самыя разрѣшенія сихъ дѣлъ, производятся полиціей на основаніи существующихъ узаконеній» (ст. 1-я).

«По преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ уголовныхъ мѣстъ, обязанности полиціи ограничиваются производствомъ только дознанія» (ст. 2-я).

Въ юридической терминологіи, принятой нашей наукой, слово преступленіе — соответствуетъ французскому crime, и означаетъ важное нарушеніе закона, за которое слѣдуетъ ссылка въ каторжную работу или на поселеніе, вообще такое наказаніе, которое нашъ сводъ называетъ въ специальномъ смыслѣ уголовнымъ; — проступокъ соответствуетъ французскому delit и обозначаетъ такое нарушеніе закона, за которое слѣдуетъ исправительное наказаніе. Слово слѣдовательно выраженіе «маловажное преступленіе» — не можетъ быть употреблено. Но Сводъ Законовъ даетъ другое значеніе словамъ «преступленіе» и «проступокъ». Онъ называетъ преступленіемъ всякое нарушеніе правъ общества или частныхъ лицъ, а проступкомъ — нарушеніе правъ, установленныхъ для охраненія правъ общества и частныхъ лицъ. (Св. Зак. т. XV, кн. I, ст. 1-я и 2-я). Поэтому понятно, что по принятой Сводомъ терминологіи могутъ быть маловажныя преступленія и весьма важныя проступки. Впрочемъ мы будемъ держаться терминологіи, принятой наукой и общимъ употребленіемъ во избѣжаніе смѣшенія понятій, — и будемъ называть преступленіемъ, такое дѣйствіе, за которое слѣдуетъ уголовное наказаніе, и проступкомъ — за которое слѣдуетъ исправительное.

Какіе же проступки предоставляются разбирательству (т. е. и слѣдствію и рѣшенію) полиціи, — безъ участія и судебного слѣдователя и судебныхъ мѣстъ?

Извѣстно, что на Западѣ полиція не имѣетъ никакой, даже малѣйшей судебной власти. То что во Франціи называется судомъ исправительной полиціи (tribunal de police correctionnelle)— есть не полицейское, а чисто судебное мѣсто, даже трибуналь простой полиціи (tribunal de simple police), имѣющій право налагать незначительные штрафы и арестъ не болѣе пяти дней состоитъ изъ судьи, а не изъ полицейскаго чиновника. Но у насъ подъ именемъ судебнo-полицейскаго вѣдомства, разумѣется полицейское мѣсто (полиція исполнительная): въ уѣздахъ—земскій судъ, въ городахъ—присутствіе полиціи, въ столицахъ—управа благочинія. Эти мѣста состоятъ впрочемъ не изъ однихъ полицейскихъ чиновниковъ, а также изъ выборныхъ.

Такой составъ нашихъ полицейскихъ мѣстъ, особенно земскаго суда, гдѣ большинство членовъ выборные, — дѣлаетъ понятной возможность предоставленія имъ судебной власти въ маломъ размѣрѣ. Судебная власть полиціи имѣетъ у насъ своеобразное значеніе; тогда какъ судебныя мѣста назначены для всѣхъ сословій, — полиція можетъ судить *только крестьянъ*; дворяне, духовные, купцы, даже мѣщане не могутъ быть судимы ею ни въ какихъ, самыхъ маловажныхъ преступкахъ, — а отсылаются въ судебныя мѣста (Св. Зак. т. XV, кн. 2-я ст. 856) *) Крестьяне подлежатъ суду полиціи въ проступкахъ: воровствѣ — кражѣ и воровствѣ мошенничествѣ, — если цѣна похищеннаго не болѣе 30 руб., — если выше этой суммы, или когда проступокъ совершенъ въ третій разъ, — то предаются судебнымъ мѣстамъ, — и вообще по всѣмъ проступкамъ, за которыя по закону полагается денежный штрафъ несвыше 30 рублей, или арестъ до трехъ мѣсяцевъ или наказаніе розгами не болѣе 30 ударовъ. (Тамъ же, ст. 842).

Такимъ образомъ судебная компетенція полиціи ограничивается только маловажными проступками **) и притомъ сопер-

*) Кроме того — отставные военные и гражданскіе чиновники (особый классъ, несвязанный съ другими сословіями), въ случаѣ буйства и подобныхъ проступковъ подлежатъ суду полиціи, — но при томъ приговоръ въ такихъ случаяхъ долженъ быть утвержденъ главнымъ начальникомъ губерніи.

**) Замѣтимъ, что нѣкоторые изъ этихъ маловажныхъ проступковъ, за которые крестьяне подлежатъ полицейской расправѣ и легкому наказанію, напримѣръ: поровство, — для дворянъ и купцевъ составляютъ преступленіе, наказываемое несравненно строже.

иенными лицами только одного — высшего, крестьянского сословія.

Другое значеніе полиціи — общее состоитъ въ прозаведеніи дознанія по всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ.

«Дознаніе, говоритъ третья статья Наказа полиціи, заключается въ собраніи свѣдѣній, необходимыхъ для удостовѣренія въ томъ, что прошествіе дѣйствительно было и что оно соединено съ преступленьемъ или проступкомъ».

И такъ двѣ черты опредѣляютъ характеръ дознанія и отличія его отъ слѣдствія. Оно состоитъ во 1-хъ) въ удостовѣреніи того, что фактъ дѣйствительно былъ; напр. сдѣланъ доносъ о поджогѣ, — сначала надобно удостовѣриться былъ-ли тотъ фактъ, который можетъ служить поводомъ къ преступленію, т. е. пожаръ; не было его — не могло и быть преступленія; во 2-хъ) если фактъ дѣйствительно былъ, напр. сгорѣло зданіе, — надобно удостовѣриться соединены ли онъ съ преступленіемъ, — т. е., былъ ли умышленный поджогъ.

Только этимъ сознаніемъ факта ограничивается роль полиціи, дознаніе. Она дѣлаетъ распросы всѣмъ, кто можетъ сообщить какія-либо свѣдѣнія, собираетъ и сохраняетъ для слѣдователя вещественныя доказательства, задержавъ людей, о подозрѣніяхъ въ совершеніи преступленія. Но призывать экспертовъ, производить осмотры, обыски или выемки, или же отбирать показанія подъ присягою и давать очныя ставки, она можетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть опасеніе, что доказательства преступленія могутъ быть уничтожены, если обряды сии не будутъ исполнены своевременно» (Наказ. Пол. ст. 8).

Впрочемъ мы увидимъ дальше, что эти дѣйствія полиціи, относящіяся къ слѣдствію, не стѣсняють свободы слѣдователя, — такъ напримѣръ, онъ можетъ передопрашивать свидѣтелей.

Какъ скоро судебный слѣдователь прибудеть, то хотя-бы полиція еще не кончила дознанія и не нашла виноватаго, она передаетъ ему дальнѣйшее производство. Другими словами, — одинъ фактъ появленія судебного слѣдователя прекращаетъ дѣйствіе полиціи, хотя-бы она не пришла еще къ полному удостовѣренію въ событіи и его преступности. Такого начала нѣтъ во французскомъ правѣ, — потому что тамъ не дано слѣдователю права непосредственно вчинать слѣдствіе, — у насъ оно дано ему въ опредѣленныхъ случаяхъ и производство полиціей дознанія, хотя и не исполнѣ конченнаго, есть для него достаточный поводъ.

Если полиція, кончивши дознаніе, увидитъ, что происшествіе во всей вѣроятности заключаетъ въ себѣ преступленіе или проступокъ, то, препровождаетъ его немедленно къ судебному слѣдователю. — Но если-бы слѣдователь не прибылъ, а полиція не нашла-бы въ происшествіи преступленія? По французскому праву прокуроръ, получивши такое донесеніе и согласясь съ намъ, прекращаетъ дѣло. Въ этомъ заключается одно изъ основаній чрезмѣрной власти прокурора: онъ можетъ, по своему усмотрѣнію, затушить дѣло даже и такое, въ которомъ очень вѣроятно присутствіе проступка. У насъ прокурорамъ дано другое значеніе, — они не имѣютъ никакой власти относительно движенія дознанія. Но можетъ ли полиція сама собою рѣшить, что нѣтъ преступленія и прекратить дальнѣйшій ходъ дѣла? Законъ молчитъ объ этомъ, онъ не говоритъ, что полиція должна представить отчетъ о такого рода дознаніяхъ судебному слѣдователю. Соображая 20-ю и 21-ю статьи Наказа полиціи можно прямо заключить, что полиція не обязана увѣдомлять о дознаніяхъ, имѣвшихъ по ея мнѣнію такой результатъ, судебного слѣдователя. А если полиція ошиблась? Судебный слѣдователь, хотя-бы и извѣстился стороною о происшествіи и видѣлъ бы въ немъ признаки вѣроятности преступленія, не всегда можетъ начать непосредственно слѣдствіе, — законъ, какъ мы видѣли, полагаетъ статья II-я Учрежд. Судеб. Слѣд.) для этого опредѣленные условія. Эта важная часть процесса преслѣдованія преступленія вообще представляется неясной, — особенно если сообразить 18-ю статью Наказа полиціи, — по которой слѣдователь прибывши самъ-собою на мѣсто, гдѣ производится дознаніе, отстраняетъ полицію и беретъ въ свои руки ходъ дѣла *).

Наконецъ, полицейскимъ мѣстамъ предоставлена (статья 20-я и 21-я Нак. Пол.) право рѣшать важный вопросъ о компетенціи. Въ случаѣ сомнѣнія, — «Кому слѣдуетъ передать дознаніе» земскій судъ или градская полиція разрѣшаютъ сомнѣніе. Что значить кому? Которому слѣдователю или какому мѣсту — судебному или полицейскому? Кажется послѣднее, потому что слѣдующая статья (22-я) говоритъ: «Дознанія, которыя земскій судъ

*) По удостовѣреніи въ томъ, что происшествіе, заключающее въ себѣ во всей вѣроятности, проступокъ или преступленіе, подлежащее рассмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, дѣйствительно совершилось, или же по прибытіи судебного слѣдователя (NB. стало бытъ и безъ означеннаго впереди условія, т. е. увѣренности полиціи), полиція немедленно передастъ ему произведенное его дознаніе, хотя бы виновный и не былъ обнаруженъ.

или градская полиція признаетъ подлежащими разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, передаются непосредственно судебному слѣдователю для дальнѣйшаго производства.» Изъ этого можно заключить обратно: что такія дознанія, которыя земскій судъ или градская полиція признаютъ подлежащими, судебному полицейскому разбирательству, они оставляютъ у себѣ для рѣшенія.

Наконецъ дознаніе кончено и передано судебному слѣдователю, или онъ нашелъ случай, непосредственно взять дѣло въ свои руки, — и тогда начинается формальное слѣдствіе, выступаетъ во всей силѣ этотъ новый и превосходный магистратъ.

Юридическое положеніе судебного слѣдователя заимствовано изъ французскаго законодательства, это французскій *juge d'instruction*. Нашъ слѣдователь подобно французскому — членъ уѣзднаго суда и участвуетъ, когда не занятъ производствомъ слѣдствія, въ сужденіи наравнѣ съ другими членами, — исключая тѣхъ дѣлъ, о которыхъ онъ производилъ слѣдствіе. При каждомъ уѣздномъ судѣ полагается по нѣскольку слѣдователей. До сихъ поръ наши уѣздные суды состояли только изъ выборныхъ лицъ (предсѣдатель (судья) и два засѣдателя отъ дворянъ, другія два отъ крестьян); теперь въ составъ суда входитъ новый элементъ.

До-сихъ-поръ положеніе нашего слѣдователя сходно съ французскимъ *juge d'instruction*; но дальше — большое различіе.

Французскій слѣдователь пользуется всѣми правами членовъ судебной магистратуры, и, между прочимъ, безсмѣнностью (*inamovibilité*), которая считается во Франціи лучшей гарантіей для независимости отъ всякихъ вліяній при отправленіи такой важной должности, каковы судъ и слѣдствіе. Подъ безсмѣнностью разумѣется право судьи (и слѣдователя) лишаться своей должности не иначе, какъ по судебному приговору за вину предвиденную закономъ.

Нашъ судебный слѣдователь поставленъ не такъ какъ французскій, — но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его положеніи есть нѣкоторое различіе въ сравненіи съ другими чиновниками административной и судебной части.

Вотъ постановленія Учрежденія Судебныхъ Слѣдователей по этому вопросу: «Административнымъ взысканіямъ, означеннымъ въ примѣчаніи къ статьи 73-ей Уложения о наказаніяхъ, кромѣ удаленія отъ должности судебные слѣдователи подвергаются судами второй степени: *Отъ должности своей судебный слѣдователь можетъ быть удаленъ не иначе какъ съ преданіемъ суду.* (Статья 28).

Какой смыслъ этого постановленія? Какимъ преимуществомъ предъ другими чиновниками пользуются судебныя слѣдователи? Для этого надобно взглянуть на значеніе нашихъ административныхъ наказаній, и въ особенности *удаленія* отъ должности. Лишеніе должности происходитъ въ трехъ видахъ: 1) исключеніе изъ службы, 2) отрѣшеніе отъ должности, 3) удаленіе отъ должности. Всѣ эти выраженія — техническія. *Исключеніе* изъ службы имѣетъ слѣдующія послѣдствія, объясненныя закономъ (70 ст. Угол. Улож.): «Исключенный изъ службы лишается права вступать снова въ какую либо государственную службу, участвовать въ выборахъ, и быть избираемымъ въ должности по назначенію дворянства, городовъ и селеній. *Отрѣшеніе* имѣетъ менѣе тяжкія послѣдствія: «Отрѣшенный отъ должности лишается права, втеченіе трехъ лѣтъ со дня отрѣшенія, вступать на службу въ государственную или общественную (71 статья Уг. Улож.)» Двумъ этимъ важнымъ наказаніямъ чиновникъ можетъ быть подвергнутъ не иначе, какъ по судебному приговору, послѣ формальнаго слѣдствія. Что касается до *удаленія* отъ должности, то законъ неопредѣляетъ значенія этой мѣры. Изъ соображенія различныхъ статей уголовныхъ законовъ можно заключить, что оно бываетъ или рѣшительное, т. е. увольненіе въ отставку (безъ прошенія), — или только предварительная мѣра. Объ этомъ мы сейчасъ скажемъ. Удаленію отъ должности чиновникъ можетъ быть подвергнутъ за вину, признанную судомъ, по его приговору, — или и безъ суда и слѣдствія тѣмъ начальствомъ, которое опредѣляло его къ должности.

Кромѣ лишенія должности есть еще нѣсколько родовъ низшихъ взысканій: вычеты изъ жалованья, арестъ не свыше семи дней, замѣчанія и выговоры, — всѣмъ этимъ наказаніямъ чиновникъ можетъ быть подвергнутъ безъ суда и формальнаго слѣдствія не только тѣмъ начальствомъ, которое его опредѣлило, но и непосредственнымъ *). (Уг. Улож. ст. 73 примѣч.) Эти-то послѣднія наказанія а также и удаленія отъ должности называются *административными наказаніями*.

---

*) Извѣстно, что у насъ чиновникъ опредѣляется къ должности не непосредственнымъ начальствомъ, а высшимъ — одного или двумя степенями, — отсюда различіе «непосредственнаго начальства» отъ «начальства опредѣляющаго къ должности».

Говорить, — мы это читали въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, — что есть неопубликованное постановленіе, по которому опредѣляющее начальство можетъ безъ суда не только удалить, но и отставить съ тѣми послѣд-

Теперь обратимся къ правамъ, предоставленнымъ судебнымъ слѣдователямъ 28-ой статьей Учрежденія.

Во 1-хъ. Низшимъ административнымъ взысканіямъ они подвергаются судами второй степени, — которые слѣдовательно для нихъ въ этомъ случаѣ составляютъ непосредственное начальство. Понятно, что въ этомъ случаѣ судъ второй степени дѣйствуетъ не какъ судебная, а какъ административная власть, какъ начальство. Слѣдовательно, если уголовная палата дастъ слѣдователю выговоръ, — то это не значитъ, что онъ былъ подѣ уголовнымъ судомъ и формальнымъ слѣдствиемъ, — нѣтъ, въ этомъ случаѣ другая процедура и другое значеніе: онъ получилъ выговоръ отъ начальства.

Во 2-хъ. Удаленъ отъ должности, онъ можетъ быть не иначе, какъ съ преданіемъ суду. Какому суду? На общемъ основаніи, какъ для всѣхъ чиновниковъ, — уголовной палатѣ, которая составляетъ первую инстанцію по преступленіямъ по службѣ. Но въ этомъ случаѣ уголовная палата будетъ дѣйствовать не какъ начальство, — а какъ судъ, — слѣдователь можетъ быть ей представленъ, какъ подсудимый, только министромъ юстиціи.

Если бы выраженіе: «не иначе какъ съ преданіемъ суду» было равнозначительно: «не иначе, какъ по судебному приговору», тогда бы слѣдователь пользовался несмѣняемостью. Но едва-ли это такъ. Слѣдователь отъ должности можетъ быть удаленъ не иначе, какъ съ преданіемъ суду.» И такъ: начальство его опредѣлившее (министръ юстиціи) можетъ удалить его отъ должности прежде преданія суду, — оно обязано только предать его суду удаливши отъ должности. По нашимъ законамъ чиновникъ во 1) можетъ быть удаленъ отъ должности безъ преданія суду, по одному усмотрѣнію его высшаго начальства, 2) можетъ быть (этимъ же начальствомъ) преданъ суду безъ удаленія отъ должности, если вина не велика.

Какое значеніе имѣетъ удаленіе отъ должности, какъ придаточная мѣра къ преданію суду? Есть ли это мѣра предосторожности и приличія, которая оканчивается, коль скоро судъ не признаетъ факта, за который чиновникъ преданъ суду, преступленіемъ? Другими словами, если чиновникъ, преданный суду съ удаленіемъ отъ должности, будетъ оправданъ, то съ тѣмъ вѣ-

---

ствіями, какія сопровождаютъ отрѣшеніе, — т. е. съ лишеніемъ втеченіи 3-хъ лѣтъ права вступать въ службу, — слѣдовательно отрѣшить. Но въ новомъ изданіи Свод. Зак. ничего не сказано объ этой мѣрѣ.

стѣ возвращается ли ему должность? Законъ молчитъ объ этомъ. Двѣ статьи уголовного судопроизводства, именно 704 и 705, кажедся рѣшаетъ дѣло утвердительно: «Кто признанъ будетъ по суду невиннымъ, тому зачитается время нахождения подъ судомъ и слѣдствіемъ въ дѣйствительную службу,» — «когда должностное лице, подвергнутое слѣдствію съ *удаленіемъ отъ должности*, признано будетъ невиннымъ при разсмотрѣніи произведеннаго слѣдствія тѣмъ правительственнымъ мѣстомъ или лицомъ, отъ котораго зависитъ преданіе обвиняемаго суду; то сіе мѣсто или лице, дѣлая постановленіе о признаніи невиннымъ подвергнутаго слѣдствію чиновника, обязано распорядиться о зачетѣ ему времени нахождения подъ слѣдствіемъ въ дѣйствительную службу.»

Кромѣ того, кажется что и общій смыслъ законовъ, говоритъ въ пользу возстановленія оправданнаго судомъ чиновника въ его должности.

Удаленіе есть наказаніе, которому чиновникъ можетъ быть подвергнутъ за вину своимъ высшимъ начальствомъ непосредственно, или судомъ. Слѣдовательно, если начальство не желая пользоваться своимъ правомъ, передаетъ дѣло суду, — то тѣмъ самымъ налагаетъ на себя моральное обязательство уважить его приговоръ во всей силѣ и послѣдствіямъ, — и если судъ признаетъ его невиннымъ, то возстановитъ его въ должности.

Тѣмъ болѣе въ отношеніи къ судебнымъ слѣдователямъ. Начальство не можетъ удалить ихъ административнымъ путемъ, безъ суда и формальнаго слѣдствія. Такъ прямо слѣдуетъ изъ первой половины 28-ой статьи «Административнымъ наказаніямъ *кромя удаленія отъ должности*... слѣдователь подвергается судамъ второй степени.» Вторая половина той же статьи говоритъ, что онъ можетъ быть подвергнутъ удаленію не иначе, какъ съ преданіемъ суду. Если бы послѣ оправданія судомъ слѣдователь не былъ возстановленъ въ должности, то начальства получило бы въ сущности право удалять его безъ суда: что изъ этого, что судъ признаетъ его невиннымъ, если онъ останется удаленнымъ отъ должности. Тогда онъ очевидно сравнивается съ административными чиновниками, — а законъ хочетъ дать ему привилегированное положеніе: онъ говоритъ, что административнымъ взысканіямъ, *кромя удаленія отъ должности*, слѣдователь подвергается такимъ-то мѣстомъ, — а удаленію отъ должности *иначе* ...» Всѣ отдѣльныя выраженія и тонъ статьи говорятъ въ пользу того мнѣнія, что начальство можетъ собственно только *отстранить* его до рѣшенія суда.

Такъ можно объяснить постановленія касающіяся слѣдователей. Есть однако-же возможность и другаго пониманія. Законы у насъ должны быть исполняемы буквально, а при этомъ выраженіе «можетъ быть удаленъ, инаиначе какъ въ преданіи суду,» — должно быть объяснено въ томъ смыслѣ, что начальство *можетъ удалить его*, предавши только послѣ этого суду, — и что за тѣмъ оно не имѣетъ больше никакихъ обязанностей.

Власть и права слѣдователя весьма обширны.

Онъ можетъ дополнять дознанія полиціи; онъ допрашиваетъ свидѣтелей, производитъ выемки и осмотры и проч. и проч.

Замѣтимъ, что новый законъ сдѣлалъ важное и благотѣльное нововведеніе относительно свидѣтельскихъ показаній. Имено: 1. Слѣдователь имѣетъ право призывать къ допросу въ *качество свидѣтелей* не только тѣхъ, на коихъ сдѣлана ссылка обвиняемыми, истцами и другими участвующими въ дѣлѣ, но всякаго, кто можетъ доставить нужныя свѣденія; 2. Должностныя и частныя лица, распорядившіеся поимкою и задержаніемъ преступника также могутъ быть допрашиваемы на правахъ свидѣтелей, 3. Лицо спрошенное безъ присяги, можетъ быть передопрошено подъ присягою, — давшіе показанія подъ присягою могутъ быть вновь передопрошены. — Особенно важно новое постановленіе о передопросѣ подъ присягою лицъ, спрошенныхъ прежде безъ присяги. По нашему праву показаніе свидѣтеля только тогда имѣетъ силу, когда дано подъ присягою; а показаніе свидѣтелей подъ присягою имѣетъ великую важность, — такое показаніе двухъ лицъ составляетъ полное доказательство. Поэтому понятно, что при существованіи прежняго постановленія о запрещеніи спрашивать подъ присягою, т. е., давать права свидѣтеля, лицъ допрошенныхъ прежде безъ присяги ставило часто въ невозможность доказать преступленіе самое явное. Достаточно было (и это случалось часто), что недобросовѣстный полицейскій чиновникъ подвергнетъ распросу безъ присяги именно тѣхъ лицъ, которыя могутъ представить полныя улики, и такимъ образомъ лишитъ возможности обвинить злодѣя. По мнѣнію практиковъ новое постановленіе принесетъ великую пользу.

Распространеніе права быть свидѣтелями на должностныхъ лицъ, участвовавшихъ въ поимкѣ преступника, — также чрезвычайно важно, потому что во многихъ случаяхъ одни эти лица могутъ дать главныя показанія. Напримѣръ, полицейскія служители схватываютъ бѣжавшаго вора, представляютъ его даже съ по-

личнымъ ; воръ говоритъ : что они напали на него по злобѣ и подвернули полицное, — такія дѣла не рѣдки, — а между тѣмъ служители не могли быть свидѣтелями, слѣдовательно и дѣло не могло рѣшиться. На Западѣ, напротивъ того, показанія чиновника и даже служителя полиціи, участвовавшаго въ поимкѣ, считается самымъ важнымъ, болѣе вѣрнымъ нежели показанія частныхъ лицъ. Конечно, — это основывается и на томъ, что полиція тамъ составляется съ строгимъ выборомъ. Но, если наша полиція и не такого состава, какъ англійская или французская, все же нѣтъ никакого основанія довѣрять членамъ ея менѣе, нежели частнымъ лицамъ.

Другое начало выражено относительно самихъ слѣдователей : «Судебный слѣдователь можетъ быть отводимъ и обязанъ самъ устранять себя отъ производства слѣдствія въ тѣхъ случаяхъ, — которые по законамъ уголовного судопроизводства могутъ быть основаніемъ къ отводу судей» (Учрежд. Суд. Слѣд. ст. 21-я).

Отвода слѣдователя не существуетъ въ западныхъ законодательствахъ, — его не существовало и у насъ до-сихъ-поръ, когда слѣдствіе производила полиція; и по новому положенію нельзя отводить полицейскаго чиновника отъ дознанія. Такимъ образомъ отводъ слѣдователя есть явленіе новое, оригинальное, не только въ сравненіи съ западнымъ законодательствомъ, но и съ отечественнымъ.

Право отвода судей, распространенное теперь и на слѣдователей, существуетъ у насъ въ самыхъ широкихъ и неопредѣленныхъ размѣрахъ ; оно при томъ основано на началахъ патріархальныхъ, взятыхъ изъ узложенія царя Алексѣя Михайловича, странныхъ для нашей настоящей общественной жизни. Вотъ причины, по которымъ подсудимый можетъ отводить судью, а теперь слѣдователя : 1) когда судья имѣетъ собственное участіе въ дѣлѣ. Какого рода это участіе впрочемъ неопредѣлено точно; 2) когда судья находится въ родствѣ, свойствѣ, супружествѣ, дружбѣ или пріязни съ доносителемъ; 3) когда судья имѣлъ или имѣетъ приказную вражду, собственную свою, или родителей своихъ, жены и дѣтей съ подсудимымъ; 4) когда судья у доносителя или отца вскормленъ былъ или служилъ; 5) когда ясно доказано, что судья взялъ или договаривался взять посулы, или когда доказано будетъ, что судья въ дѣлѣ находилъ свою пользу; 6) когда судья находясь часто въ сообществѣ съ доносителемъ, имѣетъ тайное съ нимъ обхожденіе, или когда видѣли его часто

шептавшимся съ доносителемъ на ухо; 7) когда судья самъ имѣеть въ другомъ судебномъ мѣстѣ дѣло, однородное съ тѣмъ которое подлежитъ его сужденію. — По всѣмъ этимъ причинамъ, и кромѣ того и по другимъ, которыхъ законъ не исчисляетъ, предостовляя ихъ умотрѣнію суда, — судья можетъ быть отводимъ подсудимымъ. Но если судья состоитъ съ однимъ изъ участвующихъ въ дѣлѣ въ родствѣ, какъ ближнемъ, такъ и дальнемъ, и въ свойствѣ до вначатаго, то *долженъ* устранять себя, независимо отъ желанія подсудимаго. (Угол. Судопроиз. статья 296—303) Не можетъ ли это быть сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами? Членъ суда, живущій долго въ одномъ мѣстѣ, съ кѣмъ только онъ не будетъ въ пріязни? Конечно съ сотнями лицъ. А въ дальномъ родствѣ или свойствѣ до вначатаго? Судья — дворянинъ, конечно, совсѣмъ дворянствомъ своего уѣзда, — не говоря уже о пріязни. Достаточно, чтобъ судья *шептался на ухо* въ обществѣ съ однимъ изъ участвующихъ въ дѣлѣ, чтобъ другой отвелъ его. Въ приложеніе къ судьямъ, эти правила еще не могутъ быть особенно вредны, — они не могутъ остановить хода дѣла, потому что судей нѣсколько, а всѣхъ членовъ суда не дозволяется отвести. Гораздо большія неудобства могутъ быть сопряжены при приложеніи этихъ правилъ къ слѣдователямъ. Слѣдователь пріѣзжаетъ въ конецъ уѣзда производить важное уголовное слѣдствіе, надобно дѣйствовать быстро и рѣшительно, иначе виновный найдетъ возможность увернуться, скрыть улики, — и вдругъ обвиняемый отстраняетъ его, придираясь къ какому-нибудь незначительному обстоятельству. Слѣдствіе останавливается. Что останется дѣлать усердному слѣдователю, чтобъ его не отводили отъ слѣдствій, особенно касающихся лицъ того круга, среди котораго онъ долженъ жить по своему общественному положенію?

Опускаемъ правила, предписанныя слѣдователю для произведенія обысковъ, выемокъ, собранія доказательствъ и прочее, — переходимъ къ важнѣйшей части, къ тому положенію, въ которое поставлена личная свобода гражданина въ отношеніи къ слѣдователю. Въ западныхъ законодательствахъ, не смотря на то, что положеніе обвиняемаго, т. е. время отъ произведенія слѣдствія до окончательнаго судебного приговора, бываетъ очень непродолжительно, принять мѣры къ огражденію личной свободы; право гражданина быть подвергнутому предварительному лишенію свободы (аресту) не иначе, какъ въ слѣдствіе важныхъ причинъ, составляетъ одно изъ главныхъ положеній конституціи.

Извѣстно до какой степени обвиняемый пользуется свободою въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Во Франціи права его далеко не такъ обширны; нашъ новый законъ заимствовавши изъ французскаго весь порядокъ движенія власти слѣдователя, даетъ однако обвиняемому или подозрѣваемому гораздо болѣе гарантій, въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ.

Власть французскаго слѣдователя относительно всѣхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ участіи или могущихъ дать свѣдѣнія о преступленіи, выражается въ правѣ давать имъ или объ нихъ акты четырехъ родовъ, *mandats de comparation, d'amener, d'arret, de dépot*: *Mandat de comparation*, есть объявленіе лицу предложенія явиться къ слѣдователю. Съ этого акта долженъ начинаться слѣдователь, относительно всѣхъ лицъ, на счетъ которыхъ существуетъ только подозрѣніе. Если вызванное лицо не явится, тогда слѣдователь даетъ противъ него *mandat d'amener* приказъ привести. Впрочемъ эта бумага не означаетъ того, что исполнитель немедленно беретъ команду и силою ведетъ призываемаго; онъ долженъ объявить ему, что имѣетъ противъ него *mandat d'amener*, и если тотъ немедленно не послѣдуетъ за нимъ, тогда ужь онъ имѣетъ право призвать команду и силою взять приглашеннаго.

Тоже самое предоставлено и нашему судебному слѣдователю, именно: 1) «призывать» (*mandat de comparation*); 2) «взятіе и представленіе къ слѣдствію» (*mandat d'amener*). Притомъ слѣдователь можетъ прибѣгнуть прямо ко второму акту, минуя первый, относительно: а) обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, если обвиненіе достаточно подтверждается обстоятельствами дѣла, б) тѣхъ обвиняемыхъ въ менѣе важныхъ преступленіяхъ, которые сдѣлали побѣгъ или укрылись отъ слѣдствія болѣе мягкихъ постановленій невозможно было издать, не подвергая общество великой опасности: оставить безнаказаннымъ преступленія. Мало того, статья 31-я опредѣляетъ, чтобы слѣдователь въ своемъ *mandat d'amener* требованіи о взятіи, обозначилъ основанія, по которымъ онъ прибѣгаетъ къ этой мѣрѣ, — слѣдовательно даетъ полное удобство обиженнымъ искать удовлетворенія.

Естественно, что приказанія о взятіи лица и представленіе его превратилось бы въ арестъ, еслибы не было опредѣлено краткаго времени продолженія этого состоянія. Еслибы слѣдователь имѣлъ право допросить такое лицо черезъ мѣсяць, то оно было бы подъ мѣсячнымъ арестомъ, другими словами приказъ о взятіи (*mandats d'amener*) фактически превратился бы въ другой, — на который слѣдователь не имѣетъ полнаго права, въ

приказъ объ арестѣ и заключеніи. По этому въ 76-ой ст. Наказа Слѣдователямъ опредѣлено: обвиняемыхъ *взятыхъ* къ допросу (противъ которыхъ данъ *mandat d'ammener*) допросить ни въ какомъ случаѣ не позднѣе сутокъ послѣ привода, — и даже, если они были допрошены во второй половинѣ сутокъ, спустя 12 часовъ послѣ привода, то слѣдователь долженъ означить въ протоколѣ причину замедленія, слѣдовательно нормальное состояніе «взятія» не должно продолжаться болѣе 12 часовъ.

Переходимъ къ самому важному праву слѣдователя, — опредѣленію ареста, Заключеніе въ тюрьму до окончанія суда есть само по себѣ весьма тяжкое наказаніе: обвиняемый отрывается отъ общества, отъ семьи отъ своихъ занятій. Если оно продолжительно (у насъ часто оно продолжается по нѣскольку мѣтъ) — то обвиняемый будетъ жестоко пораженъ и въ моральномъ и въ матерьяльномъ отношеніи. Поэтому справедливость требуетъ, чтобъ къ этой тяжелой мѣрѣ прибѣгали только въ самыхъ важныхъ случаяхъ, — и притомъ, чтобы опредѣленіе ея не зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія одного человѣка. Такъ, именно, рѣшаетъ этотъ вопросъ новый законъ.

Во Франціи задержаніе лица до прибытія слѣдователя зависитъ отъ усмотрѣнія полиціи, — а опредѣленіе ареста до представленія къ суду можетъ быть постановлено слѣдственнымъ судьей съ согласія только прокурора. Правда, что во Франціи, такое отсутствіе гарантій, не имѣетъ особенно вредныхъ слѣдствій потому, что въ случаѣ обвиненія въ проступкѣ обвиняемый немедленно предается суду, — и притомъ судъ можетъ предварительно снять арестъ, — а при обвиненіи въ пресупленіи, о чемъ судъ производится не въ уѣздномъ трибуналѣ, а прямо въ ассизахъ, которыя собираются всего три раза въ годъ и когда слѣдовательно пребываніе въ состояніи обвиненія можетъ быть довольно продолжительное, — постоянно присутствующій департаментъ апелляціоннаго суда (*chambre des mises en accusation*) разсматриваетъ силу узикъ, и утверждаетъ или уничтожаетъ постановленіе объ арестѣ.

Наше уголовное законодательство опредѣляетъ содержаніе подъ стражей для обвиняемыхъ во всѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, исключая тѣхъ, за которыя слѣдуетъ наказаніе несвыше краткаго тюремнаго заключенія, и то въ томъ случаѣ, когда обвиняемый представитъ поруку. Но усмотреніе во сколько сильны узикъ представлялось безконтрольно полиціи.

Новый законъ даетъ несравненно болѣе гарантій для личной свободы.

Полиція, при совершеніи дознанія, можетъ подвергать личному задержанію только оподозрѣнныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, за которыя полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія или потеря всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, — и притомъ при слѣдующихъ условіяхъ: 1) Когда преступникъ захваченъ на мѣстѣ и при совершеніи преступления (*flagrant delit*); 2) Когда преступленіе учинено явно и гласно; 3) Когда очевидцы преступления укажутъ прямо на лицо преступника; 4) Когда на подозрѣваемомъ, или въ его жилищѣ, найдены будутъ очевидные слѣды преступления или вещественныя онаго доказательства; 5) Когда оподозрѣнный сдѣлавъ покушеніе на побѣгъ, или былъ пойманъ послѣ побѣга. Если нѣтъ ни одного изъ пяти исчисленныхъ условій, то и обвиняемый въ значительныхъ преступленіяхъ и проступкахъ оставляется на свободѣ до прибытія слѣдователя, и даетъ только подписку немедленно явиться по требованію власти.

Полиція собственно не *арестуетъ*, а только производитъ *задержаніе*; задержаніе отличается отъ ареста тѣмъ, что подвергшійся ему содержится не въ тюрьмѣ, а при становыхъ квартирахъ, при волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ, или въ обывательскихъ домахъ.

Таковы ограниченныя права полиціи. Слѣдователь лично имѣетъ правъ не болѣе полиціи въ вопросѣ о временномъ лишеніи свободы. «Если слѣдователь признаетъ, что обвиняемый въ преступленіи или проступкѣ долженъ быть подвергнутъ личному задержанію, то сдѣлавъ о семъ постановленіе, обязанъ въ тотъ же день или не поздиѣ слѣдующаго дня донести судебному мѣсту, разсмотрѣнію котораго подлежитъ дѣло о преступленіи или проступкѣ, какъ о распоряженіи своемъ, такъ и о причинахъ, по которымъ оно сдѣлано» (Наказъ ст. 86). Слѣдственно, только судъ опредѣляетъ, долженъ ли обвиняемый быть арестованнымъ, или нѣтъ. Хотя въ законѣ не сказано прямо, что судъ можетъ снять арестъ наложенный предварительно слѣдователемъ, но это слѣдуетъ изъ смысла приведенной статьи, изъ отношеній полнаго подчиненія, въ которыя поставленъ слѣдователь къ суду, а также прямо изъ 90-й статьи: «Отмѣна судебнымъ мѣстомъ распоряженій слѣдователя о задержаніи подозрѣваемаго, если послѣ отмѣны слѣдователь откроетъ новыя улики или доказательства его виновности не препятствуетъ ему сдѣ-

дать *новое* постановление о личном задержаніи подозрѣваемаго и привести это постановление въ исполненіе, съ соблюденіемъ порядка, указаннаго въ статьяхъ 86—88 сего Наказа». Изъ этой статьи прямо слѣдуетъ: 1) Что постановление слѣдователя о задержаніи можетъ быть уничтожено судомъ, 2) Что въ случаѣ, если онъ послѣ этой отѣны найдетъ новыя доказательства, то можетъ сдѣлать *новое* постановление о задержаніи (потому что прежнее уничтожено), — и это новое постановление, основанное на другихъ доказательствахъ, подчиняется тому же порядку. — т. е. слѣдователь представляетъ его на усмотрѣніе суда.

Такимъ образомъ право личности по новому закону гарантировано на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ западныхъ законодательствахъ. Судебный слѣдователь во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ подчиненъ только суду, — только судъ можетъ давать ему указы и предписанія, повѣрять его дѣйствія, останавливать производствъ слѣдствія, или передавать его другому слѣдователю. (Учрежд. слѣд. ст. 23). Этимъ важнымъ постановленіемъ значительно совращена слѣдственная власть начальниковъ губерній. По прежнимъ постановленіямъ, когда слѣдствіе производила полиція, губернаторъ, какъ начальникъ полиціи, совершенно управлялъ слѣдствіемъ; онъ могъ поручать производство его не только полиціи, но и состоящимъ при немъ чиновникамъ для особыхъ порученій, — послѣдніе и производили обыкновенно важнѣйшія слѣдствія. По новому постановленію слѣдственная власть губернатора ограничивается только назначеніемъ отъ себя одного чиновника въ комиссію, *) которая наряжается по его требованію, или по требованію прокурора, или по усмотрѣнію суда для производства важныхъ слѣдствій, но въ этой комиссіи судебный слѣдователь предсѣдательствуетъ, и при томъ ходъ и направленіе слѣдствія зависятъ отъ него, — и только судебное мѣсто вправѣ дать другое направленіе слѣдствію, или и вовсе остановить его. (Наказъ слѣд. ст. 15, 18). Такъ, что административной власти и ея агентамъ не дано не только исключительнаго права въ производствѣ слѣдствій, какъ было прежде, — но даже вліянія на ходъ и направленіе слѣдствія; — роль ея болѣе наблюдательная. Все предоставлено судебному слѣдователю и суду.

Таковы превосходныя начала введенныя новымъ закономъ въ слѣдственную часть.

*) Комиссія составляется изъ судебного слѣдователя, члена суда или магистрата и чиновника полиціи.

Одна реформа необходимо влечетъ за собою другія, — и конечно полезныя измѣненія въ другихъ частяхъ нашего судопроизводства и судоустройства не замедлятъ появиться.

А. ЛОХВИЦКІЙ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Чѣмъ занимался Петербургъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ, что его веселило и печалило, что волновало и тревожило? Если-бы, подобно Лесажеву бѣсу, мы могли снимать крыши домовъ и заглядывать въ ихъ внутренность, если-бъ я владѣлъ шапкой невидимкой, знаменитой тростью Балзака или лорнетами г-жи Жирарденъ, много, безконечно много разсказалъ-бы вамъ о Петербургѣ исторій страшныхъ и комическихъ, грустныхъ, забавныхъ и сердце надрывающихъ.

Но что же можетъ быть въ Петербургѣ страшнаго и сердце-надрывающаго? Ужъ конечно ничего! Развѣ изрѣдка сломаетъ себѣ ктонибудь руку или ногу, свалившись ночью въ одну изъ безчисленныхъ ямъ, которыми украсили петербургскія улицы газовое и водопроводное общество, утонетъ какойнибудь бѣднякъ, подгулявшій съ горя на послѣднюю, трудовую кофѣйку, сгоритъ два или три дома, и потомъ опять все пойдетъ своимъ ровнымъ и мѣрнымъ ходомъ, какъ часовая стрѣлка на старомъ циферблатѣ. Загляните въ *дневникъ приключеній* Полицейскихъ Вѣдомостей и тамъ все обыкновенные случаи: одинъ сломалъ себѣ руку, работая на фабрикѣ, другой свалился съ крыши, третій умеръ отъ удара, четвертый пойманъ въ воровствѣ или обанкротился и т. д. Впрочемъ, есть одно и трагическое происшествіе, разсказанное въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, а потомъ перепечатанное во всѣхъ петербургскихъ газетахъ — почти одновременная гибель цѣлаго семейства. Гдѣ-то на югѣ Россіи, изволите видѣть, одинъ изъ чиновниковъ, уволенный отъ службы, до того обѣднѣлъ, что нуждался въ дневномъ пропитаніи. Жена его была больна, новорожденный ребенокъ тоже. Съ величайшимъ трудомъ чиновный горемыка досталъ 10 рублей и спѣшилъ окрестить младенца. Пришедши домой, онъ положилъ ассигнацію на столъ, а самъ вошелъ въ спальню къ женѣ, чтобъ ее успокоить; когда онъ возвратился въ комнату, ассигнаціи уже

небыло на столѣ. Пораженный этимъ неожиданнымъ случаемъ, онъ сталъ искать пропавшее. — Папа, что ты ищешь? спросилъ четырехлѣтній сынъ его. — На столѣ была красная бумажка, съ волненіемъ сказалъ отецъ. — А, картпика; я разорвалъ ее и бросилъ въ печь... При этихъ словахъ у бѣднаго чиновника кровь бросилась въ голову, рассудокъ помрачился; непомня себя, онъ схватилъ ребенка и бросилъ его на полъ такъ сильно, что дитя въ мученіяхъ немедленно умеръ. Опомившись и увидѣвъ безжизненный трупъ сына, несчастный отецъ, какъ помѣшанный, выбѣжалъ въ сѣни. Встревоженная шумомъ больная, стала звать мужа, сына — никто не отвѣчалъ на ея громкія крики. Она рѣшилась встать съ постели, вышла въ сосѣдную комнату, и увидѣла, на облитомъ кровью полу мертваго сына. Несчастливая зоветъ мужа, бѣжить въ сѣни и наталкивается на трушъ мужа: онъ повѣсилъ. Бѣдная женщина бѣгаетъ изъ комнаты въ комнату, цѣлуя и обнимая несчастныя жертвы, и въ это время ожидаетъ ее въ спальнѣ еще новое несчастье: грудной ребенокъ, оставленный съ соскою вору, подавился! Мать пришла въ отчаяніе, била себя въ грудь, рвала волосы и, увидѣвъ кухонный ножъ, схватила его и съ безумнымъ хохотомъ заколола себя.

Исторія дѣйствительно страшная, трагическая; но, во первыхъ, она случилась не въ Петербургѣ, а гдѣ то на югѣ; во вторыхъ она такъ невѣроятна и драматична, что съ трудомъ вѣрится ея подробностямъ.

О петербургѣ такъ много говорили, что, кажется, нечего сказать новаго. За всѣмъ тѣмъ, никто не рѣшился опредѣлить истинной физиологіи Петербурга; а она есть и должна быть, потому что нѣтъ ни одного города безъ своей особенной личности. Физиономія Петербурга тѣмъ замѣчательна, что она не имѣетъ собственнаго характера, и носитъ отпечатокъ всевозможныхъ типовъ, — какіе только существуютъ въ божьемъ мірѣ. Снаружи это Французскій фатъ съ итальянскаго бульвара, чистый и опрятный; слоемъ пониже — это нѣмецкій мастеровой пли чиновникъ берлинской канцеляріи, точный, застегнутый на всѣ пуговицы, причесанный и окуратный. Еще пониже, и тамъ начинается Петербургъ Русскій, небритый и бородатый, со всѣми драгоценными качествами времени Олега и совсѣми помыслами и чувствами блаженной памяти попа Сильвестра и его книги: «Домостроя.» Въ провинціяхъ вообще думаютъ, что Петербургъ необыкновенно вѣжливъ, до утонченности деликатенъ. И это такъ; но вѣжливость его вся исходитъ на фразахъ, пѣзъ которыхъ на десять одна го-

ворится искренно, — вся истощается въ манерахъ, поклонахъ, туалетѣ, экипажахъ, избытыхъ комплиментахъ; что же до внутренней деликатности — здѣсь ея вовсе нѣтъ и даже не чувствуется въ ней особенной потребности. Насплетничать, наклеветать, нагло обмануть, дать слово и не исполнить, столкнуть съ мѣста и самому усѣсться на немъ, выругать за глаза, а въ глаза пожать руку и облобызать — все это считается самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Но бывають и у Петербурга минуты искренняго увлеченія; онъ доказалъ это на похоронахъ Мартынова. Надъ гробомъ любимаго артиста Петербургъ плакалъ, и тѣмъ заявилъ, что ему доступны и уваженіе къ таланту и сочувствіе несчастію.

Гробъ Мартынова привезенъ изъ Харькова черезъ Москву, 18 Сентября, въ восемь часовъ вечера. За долго до этого времени, площадь передъ станціей желѣзной дороги кипѣла народомъ; на встрѣчу вагону, въ которомъ стоялъ гробъ покойника, былъ отправленъ особенный локомотивъ. Стоявшіе на платформѣ вынесли гробъ изъ вагона и на рукахъ донесли его до церкви Знаменія Божіей Матери, не смотря на значительную его тяжесть. Гробъ вѣсилъ 35 пудовъ. Густая, сплошная толпа, молча, торжественно шла за гробомъ, наполнила церковь, окружила и усыпала его цвѣтами.

Во вторникъ, съ восьми часовъ утра, начали сходиться къ церкви, которая къ десяти часамъ наполнилась множествомъ народа. Здѣсь были люди всѣхъ сословій. Русская драматическая труппа — почти въ полномъ своемъ составѣ; много было артистовъ русской оперной труппы, балетной, французской, нѣмецкой и итальянской; почти всѣ наши литераторы и журналисты находились на лицѣ.

Гробъ, поставленный на катафалкѣ, подъ балдахиномъ, былъ украшенъ вѣнками и цвѣтами.

По окончаніи службы, гробъ поставили на траурную колесницу. Публика выпрягла лошадей и повезла ее. Впереди этого торжественнаго шествія, артисты русскаго театра, по два въ рядъ, несли десять вѣнковъ; къ нимъ безпрестанно подходили лица всѣхъ сословій, прося хоть одинъ листикъ на память. «Это ордена Мартынова», говорили они.

Невскій проспектъ, во всю длину свою, былъ покрытъ народомъ. Всѣ окна, балконы, даже крыши домовъ были заняты зрителями.

Въ числѣ везшихъ колесницу было много студентовъ С. Пе-

тербургскаго Университета и воспитанниковъ другихъ учебныхъ заведеній. Четыре студента стояли на самой колесницѣ, на которой пріютились и двое сыновей Мартынова.

Тихо и торжественно двигалось шествіе по главнѣйшей улицѣ Петербурга; подошедъ къ Александринскому театру, оно свернуло въ сторону. Колесницу обвезли вокругъ театра, мимо театрального училища, передъ которымъ шествіе на нѣсколько мгновеній остановилось, затѣмъ пошло далѣе, по Невскому, къ Адмиралтейской площади.

Никогда еще не случалось мнѣ видѣть подобнаго торжества.

Отъ церкви и до Смоленскаго кладбища, на протяженіи, по крайней мѣрѣ, восьми верстъ, колесницу везъ народъ; утомленные замѣнялись новыми лицами безостановочно. Во время пути, по Невскому, по Адмиралтейской и Исакиевской площадяхъ, на Английской набережной, на Васильевскомъ острову, къ шествію присоединялись толпы. Народъ стоялъ на всѣхъ перекресткахъ съ обнаженной головой.

Должно быть у этого человѣка была большая сила, сказалъ одинъ попавшійся намъ на встрѣчу мужикъ, снимая шапку и крестясь.

Онъ не ошибся — Мартынова была огромная сила, свойственная каждому таланту.

Площадь передъ нѣмецкимъ кладбищемъ была установлена множествомъ экипажей; передъ воротами русскаго кладбища встрѣтила насъ многочисленная толпа. Шествіе прошло безпрепятственно: здѣсь, какъ и на всемъ пути, толпа разступилась при первомъ приглашеніи со стороны участвовавшихъ въ шествіи. Путь до могилы былъ свободенъ; но по сторонамъ не было вершка свободнаго мѣста. Очень многіе плакали.

Когда опустили гробъ въ могилу, товарищъ покойнаго, актеръ Григорьевъ прочелъ извѣстное стихотвореніе:

Миръ праху твоему, артистъ нашъ незабвенный;
Ты преданъ былъ душой искусству своему;
Что создалъ ты у насъ, въ искусствѣ современномъ,
Того не создавать ужъ больше никому.

Затѣмъ актеръ французской труппы, г. Невиль, произнесъ нѣсколько словъ отъ имени своихъ товарищей, которые, какъ онъ выразился, поручили ему сказать послѣднее прости *величайшему* актеру нашего времени. Рыданія прервали рѣчь г. Невилля.

Такъ кончилось погребеніе человѣка, котораго жизнь оста-

вила благотворныя слѣды въ нашемъ сценическомъ искусствѣ. Дарованіе Мартынова поддержало и возвысило нашу драму, въ періодѣ ея литературнаго оскуденія.

Къ числу свѣжихъ новостей Петербуга принадлежитъ открытіе Маріинскаго театра; о немъ говорится въ нашемъ журналѣ особенно.

Къ театральнымъ-же новостямъ должно отнести присужденіе Уваровскихъ премій, изъ которыхъ двѣ полныя преміи въ 1500 рублей получили гг. Островскій за драму «Гроза» и г. Писемскій за драму «Горькая Судьбина». Рецензистами этихъ піесъ были гг. Хомяковъ, недавно умершій въ Москвѣ отъ холеры, Гончаровъ, Галяховъ, Плетневъ и Ахмарумовъ, получившій за свою рецензію о «Горькой Судьбинѣ» золотую медаль. Извлеченіе изъ этихъ рецензій помѣщено въ отчетѣ Академіи, напечатанномъ въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Любопытно-бы знать, представлялъ-ли на конкурсъ г. Мей свою «Псковитянку»? Ужъ не ее-ли отложили до будущаго конкурса, потому что рецензентъ не представилъ о ней рецензіи? объ одной такой піесѣ упоминается въ отчетѣ, безъ означенія, разумѣется, ея названія.

Чтобъ покончить съ театральной хроникой, упомянемъ, что и Кронштадтъ скоро будетъ имѣть свой собственный театръ. Явленіе отрадное въ томъ отношеніи, что драматическое искусство всегда и вездѣ облагораживало нравы и чувство массъ. Скучные вечера кронштадтской зимы давно нуждались въ сценическихъ развлеченіяхъ. Говорятъ, что владѣлецъ его, г. Цѣхоновскій, употребилъ на его постройку значительную сумму и сформировалъ уже труппу, состоящую изъ шестнадцати члoвѣкъ. Театръ откроютъ въ половинѣ Ноября. Предполагаютъ даже, втеченіе зимы, сорокъ восемь представленій; кстати будутъ въ кронштадтскомъ театрѣ концерты.

Журналистика, послѣ лѣтняго отдыха, по немногу оживляется. На мѣсто почпвшихъ періодическихъ изданій (а кладбище ихъ съ каждымъ годомъ раздвигается), являются новыя; если не качествомъ, то возьмемъ количествомъ. Воплнѣ сочувствуя распространенію умственной и эстетической потребности, мы объ одномъ жалѣемъ, что большая часть журналовъ возникаетъ безъ всякаго внутренняго содержанія и отношенія къ общественнымъ интересамъ. Оттого, между прочимъ, отсутствіе строгаго направленія составляетъ преобладающую черту нашихъ періодическихъ изданій. Притомъ пора признаться, что откупа

заразили нашу литературу духом спекуляціи, сѣнной площади, чего прежде во все не было. Неуваженіе къ идеѣ, прежде всего выражается въ томъ, что ее обращаютъ, наравнѣ съ саломъ и ненькой, въ предметъ торговаго оборота. Здѣсь кстати мы встрѣчаемся съ объявленіемъ о выходѣ Отечественныхъ Записокъ въ 1861 году. Редакція, подбпрая достоинства своего журнала, между прочимъ ставитъ ему въ особенную заслугу дѣятельность Бѣлинскаго. Конечно, критики этого таланта создали «Отечественныя Записки»; до него онѣ были чѣмъ-то въ родѣ страннаго приключенія, а послѣ него обратились въ запасную кладовую всѣхъ умственно-мануфактурныхъ произведеній. Но мы не понимаемъ, какъ г. Краевскій, рѣшается напомнить себѣ имя Бѣлинскаго и поставить его щитомъ своего изданія? тамъ-же въ числѣ *обезличенныхъ* сотрудниковъ, мы находимъ имя г. Костомарова. Что это такое? Ужъ не по особенной-ли дружбѣ? Вотъ вамъ одинъ изъ образчиковъ той внутренней деликатности, о которой мы сказали выше; но разъ *resipiam* — *virtus*.

Отдѣльными сочиненіями, внѣ журналовъ, современная литература крайне-бѣдна. Только изрѣдка появляются переводы иностранныхъ книгъ, къ сожалѣнію, безъ критической оцѣнки ихъ и безъ всякаго отношенія къ данному времени и подробностямъ науки и общества. Мы порадавались было появленію «Демократіи» Токвиля на русскомъ языкѣ; но второй томъ не выходитъ, и мы начинаемъ бояться, что это превосходное изданіе прекратится на первомъ выпускѣ. Въ будущемъ Ноябрьѣ, говорятъ, выйдетъ первый томъ Энциклопедическаго лексикона. Это курьезная исторія! Онъ принесетъ пользу, не говоримъ публикѣ, изъ опасенія обмануться, а редактору — въ чемъ никто не сомнѣвается.

Въ заключеніе пожелаемъ нашей журналистикѣ побольше уваженія къ общественному мнѣнію и поменьше сапожниковъ для печенья шпировъ и пирожниковъ для питья сапоговъ.

В. П.

О ВЫСТАВКѢ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Письмо 1.

Выставка въ академіи художествъ 7-го Октября была закрыта для публѣки. — Быть можетъ, теперь самое удобное время писать о ней; теперь можно-бы смѣло писать не только о выставкѣ, но и о газетныхъ статьяхъ объ ней, и о посѣтителяхъ выставки и о тѣхъ толкахъ, которые впродолженіи цѣлаго мѣсяца носились по разнымъ уголкамъ столицы. Но вы просили меня быть какъ можно короче, — и я не знаю съ чего начать.

Начну съ того, что газетныя статьи о выставкѣ прочтены съ жадностью въ кругу художниковъ, — и, какъ я навѣрное знаю, ни одинъ изъ нихъ не остался доволенъ своими судьями. Все то, что про насъ пишутъ, говорили они, мы и сами знаемъ, а о томъ, какъ составленъ каталогъ, мы и знать не хотимъ; нѣтъ, — мы хотимъ такого критика, который-бы прямо указалъ намъ — на наши недостатки и достоинства, такого критика, котораго статью не безъ пользы прочитали бы наши братья, молодые художники.

Я это слышалъ не разъ — и... признаюсь вамъ, это одно уже заставляло меня колебаться и медлить писать вамъ что-либо о нашей выставкѣ; — написать *съ пользою для художниковъ*, это едва-ли не выше силъ моихъ, — а писать для того только, чтобъ прочитать нѣсколько страницъ въ вашемъ журналѣ, — едва-ли стоитъ.

Толки о выставкѣ — также какъ и статьи о ней, были такого рода, что право надо имѣть геніальную догадливость, чтобъ что-нибудь положительно-вѣрное извлечь изъ нихъ. Попробуйте хоть сами сдѣлать какой-нибудь выводъ изъ слѣдующихъ, наприимѣръ, сужденій.

а) Выставка не дурна, но ничего нѣтъ особеннаго; — мы ожидали лучшаго.

б) Выставка — такая, какой давно не было.

с) Выставка хороша, только дрянн много.

д) Историческихъ картинъ совсѣмъ нѣтъ на выставкѣ; видно византийское направленіе совершенно убило ихъ.

е) Ничего нѣтъ геніальнаго на выставкѣ.

г) Много, очень много появилось новыхъ замѣчательныхъ талантовъ и проч. и проч.

✠

Изъ этихъ толковъ, конечно, ничего не поймешь.—Вы итѣ на это скажете: охота же вамъ прислушиваться къ нимъ?

Признаюсь вамъ; публика — толпа, поставленная лицомъ къ лицу съ лучшими произведеніями нашей части, для меня много значить.—Можно-ли пренебрегать толпой, когда всѣ эти художники, всѣ эти образы, выглядывающіе на васъ съ холста, всѣ эти чудеса природы, заключенныя въ золоченыя рамы, все это вышло изъ той же толпы, воспиталось подъ вліяніемъ толпы, и если и ждешь себѣ чего-нибудь, то ужъ, конечно, ждешь, не изъ заморскихъ странъ, не изъ облаковъ, не отъ Юпитера и Афродиты, а отъ этой толпы, которая ходитъ цѣлый мѣсяцъ по академическимъ заламъ, превращеннымъ въ улицу, для всѣхъ сословіи равно доступную.

Изучить эту толпу было-бы дѣломъ весьма не легкимъ. Для того, чтобъ ее изучить, надо имѣть особенное чутье и проницательную наблюдательность. Толпа эта вообще не получила никакого эстетическаго воспитанія; для нее смотрѣть на картину, на фокусъ, или на какія-нибудь привозные товары, совершенно одно и то же, она не чувствуетъ, что художники — родныя дѣти ея, и что она родная мать ихъ, что все прекрасное въ искусствѣ, носить на себѣ черты ея... Видалъ я въ Петербургѣ дамъ и дѣвицъ, приходящихъ въ громогласный восторгъ отъ какой-нибудь вновь полученной материн, но на выставкѣ не видалъ я ни одной изъ нихъ въ восторгѣ отъ картины. Вы, конечно, итѣ скажете, что неприлично же восхищаться въ слухъ, — но почему же прилично — публично восторгаться голосомъ примадонны, игрой актера, смычкомъ артиста, и не прилично выражать свое удовольствіе при видѣ художественныхъ произведеній кисти или рѣзца, которое поразило насъ. Нѣтъ, такихъ праздниковъ не скоро еще дождутся наши художники.

Вотъ въ главныхъ чертахъ характеристика той публики, которая посѣщаетъ художественныя выставки. Но смотря на эту, повидному холодную и равнодушную массу посѣтителей и посѣтительницъ, нельзя однакоже лишнить ее того инстинкта, по которому она невольно узнаетъ истинно прекрасное и останавливается передъ нимъ столпившись, и стоитъ долѣе чѣмъ передъ другими картинами, и глядитъ съ большимъ вниманіемъ. Пусть же художники пользуются хоть этимъ инстинктомъ публики, и пусть счи-

таютъ лучшей похвалою своему произведенію — ту тѣсноту, которая образуетъ толпа передъ ихъ картинами. Такая похвала — вѣрнѣе всѣхъ печатныхъ похвалъ. У критика можетъ-быть свой, не рѣдко ложный взглядъ; онъ можетъ-быть и разсѣянъ и даже пристрастенъ, а у инстинкта толпы — нѣтъ ни ложнаго взгляда, ни пристрастія. Въ этомъ инстинктѣ скрывается справедливѣйшій судъ надъ художникомъ, безотчетное, но меткое пониманіе искусства. За всѣмъ тѣмъ, лишенный художественнаго развитія и образованія, народный инстинктъ не можетъ быть единственнымъ и полнымъ цѣнителемъ нашего искусства: ему не достааетъ того, что называютъ эстетической критикой подробности, тѣхъ неуловимыхъ и тонкихъ оттѣнковъ, которые теряются въ идеѣ художника и ея выполненіи. Такая критика еще не по плечу нашего общества; для нея необходимо избранный кругъ людей специальныхъ, компетентныхъ знатоковъ искусства, что представляетъ у насъ Академія художествъ. Закройте ее и наша живопись, не говорю, перестанетъ существовать, но навѣрное перейдетъ въ школу суздальскаго малеванья, упадетъ до степени площаднаго ремесла. Академія, это оранжерея; искусство на Русси, — пока еще тепличное растеніе, и до-тѣхъ-поръ будетъ оно тепличнымъ, пока не оклиматизируется, а оклиматизируется оно тогда только, когда для этого растенія почва будетъ готова на всемъ пространствѣ русской земли, отъ бѣдной жижины и до аристократической палаты. Этого мы тогда только дождемся, когда искусство станетъ такой же потребностью для русскаго народа, какъ литература стала потребностью нашего грамотнаго сословія. «Отцы наши жили безъ картинъ и мы безъ нихъ проживемъ», сказалъ одинъ русской вельможа времени Петра Великаго; — теперешній вельможа, быть-можетъ, этого и не скажетъ, но масса людей, толпа, едва-ли не такого же мнѣнія. И такъ, безъ академіи плохо было-бы нашему оранжерейному растенію. Въ нашихъ фельетонахъ шумѣли — зачѣмъ фотографіи Деньера попали на выставку, зачѣмъ картины поставлены такъ-что жанръ перемежанъ съ пейзажами и проч. и проч. На первое отвѣчалъ самъ Деньеръ, на второе отвѣчать легко, жанръ перемежанъ съ пейзажами не безъ умысла. Отъ такого смѣшенія картины выигрываютъ. Положимъ, что академія не всегда права, но я ей за одно готовъ простить тысячу недостатковъ, а именно за то, что она всякаго человѣка съ талантомъ дѣлаетъ лицомъ свободнымъ, за-то, что вчерашній крѣпостный человѣкъ, черезъ посредство академіи, будетъ нынче же

приглашенъ вами какъ членъ одного съ вами общества, за то, что она не хѣшаетъ таланту развиваться свободно и не излагаетъ на него никакихъ цѣпей. Довольно признать за нашей академіей эти двѣ великія заслуги, чтобъ всѣ ея недостатки показались мелочью, достойной вниманія только литературнаго кумовства.

Но, пзвините, я заговорился, пора, наконецъ, сказать что-нибудь о выставкѣ, и сказать именно такъ, какъ вы желаете, т. е., не сказавъ ничего лишняго.

Изъ разнообразныхъ толковъ о нынѣшней академической выставкѣ можно только одно заключить съ достовѣрностью, а именно то, что ни одна картина никого не озадачила своей гениальностью, ни одна не поразила глазъ, не ослѣпила публику до такой степени, чтобъ заставить кричать о себѣ, какъ о какомъ-то необыкновенномъ, неожиданномъ явленіи.

Дѣйствительно, на выставкѣ не было ни одной картины, которая-бы такъ озадачила публику, какъ нѣкогда озадачила ее Брюловъ своимъ послѣднимъ днемъ Помпеи; но по нашему крайнему разумѣнію, отъ этого выставка нынѣшняго года ни сколько не проигрываетъ въ глазахъ истинныхъ поклонниковъ искусства, хотя и проигрываетъ въ глазахъ толпы; она, не поражая глазъ—гораздо больше говоритъ уму и сердцу, чѣмъ многія изъ лучшихъ нашихъ выставокъ, и подаетъ намъ больше надежды въ будущее, чѣмъ когда-то подавали ее послѣдователи Брюлова; знатоки искусства давно предвидѣли, что изъ этихъ послѣдователей ничего не будетъ. Брюловъ остался единственнымъ и не создалъ такой школы, которая-бы шла по слѣдамъ его. Въ этомъ случаѣ Ивановъ можетъ благотворно подѣйствовать на молодое поколѣніе нашихъ историческихъ живописцевъ, не смотря на то, что картина его кажется такою блѣдною, такую безцвѣтною сравнительно съ яркостью и блескомъ недоконченной картины Брюлова «Осада Пскова.»

Проходя по заламъ нынѣшней академической выставки—сначала, признаюсь вамъ, я былъ пораженъ безвкусіемъ и пестротою множества картинъ, помещенныхъ въ пятой залѣ Брюлова: въ четвертой, въ третьей и даже во-второй залѣ Рафаэля, краски такой поднимали крикъ, что я не безъ смущенія сталъ озираться на всѣ стороны. Но не стану упоминать о такихъ произведеніяхъ, которые поставлены на выставку съ явной цѣлью поощрить вниманіемъ молодья дарованія. Глаза мои скоро усно-

коплись и ребяческія произведенія не помѣшали мнѣ въ тѣхъ же заявкахъ разглядѣть картины съ печатью несомнѣннаго таланта. Перечислить ихъ было-бы достаточно; но художникъ непременно *требуетъ замѣчаній*. Взять на себя роль судьи, мнѣ-бы вовсе не хотѣлось, а молчать — молчаніе въ пныхъ случаяхъ обиднѣе всякихъ замѣчаній для людей съ самолюбіемъ.

Пропускаю на этотъ разъ произведенія иностранныхъ художниковъ, которые не прочтутъ статьи, и которые, на этотъ разъ ни чѣмъ не превзошли русскихъ художниковъ.

1. Картина — г. Мясоедова, ученика академіи, «*Знахарь*».

Картина эта изобличаетъ песомнѣнный талантъ, хорошо сочинена, и пріятно написана, у ней одинъ недостатокъ — неопредѣленность содержанія. Всѣ три фигуры, очень типичны — особенно дѣвушка, но, безъ объясненія въ каталогѣ (подъ N 11); мы-бы не скоро догадались что это знахарь, а если-бы и догадались, то все-таки по выраженію лица молоденькой крестьянки, ни какъ-бы не поняли: за-чѣмъ пришла она къ знахарю, вѣрить или не вѣрить его колдовству, о женихѣ гадаетъ или выслушиваетъ старуху о томъ, какъ у ней спина болитъ.

2. К. А. Трумовскаго — Академика, «*Сцена передъ кабакомъ*». По сочиненію этой части народной сцены, по выраженію и разнообразію лицъ, это замѣчательное произведеніе. Можно цѣлые часы стоять и любоваться; отъ картины этой вѣетъ правдой; ся недостатки въ краскахъ; въ нихъ мало силы, мало свѣта.

3. Ивана Реймерса, академика, «*Горе матери*». Эта небольшая картинка — невольно приковываетъ вниманіе, сочинена она мастерски, и сѣренькій, отчасти грязноватый колоритъ ея, до такой степени гармонируетъ съ содержаньемъ картины, что о краскахъ забываешь. — Но почему это горе матери, а не горе сестры или невѣсты, — мы не знаемъ; замѣтили, что женщина для тоскующей матери, провожающей гробъ, слишкомъ кокетлива. — Во всякомъ случаѣ впечатлѣніе картины неотраимо, чье бы это не было горе, оно такъ понятно, что ему нельзя не сочувствовать.

4. В. П. Цушкова — ученика академіи, собственный портретъ: портретъ очень не дуренъ, — рука написана едва ли не лучше головы, — что, впрочемъ, вовсе не составляетъ недостатка.

5. М. П. Пескова — ученика академіи: «*Ермакъ, стоваривающій атамановъ волжскихъ шаекъ къ походу въ Сибирь*». Въ этой картинѣ много достоинствъ, — много и недостатковъ. — Достоинства

ся въ частяхъ, недостатки въ цѣломъ. — Картина слишкомъ вышла пестра. — Нравится глазамъ, но не дѣлаетъ впечатлѣнiя.

6. И. Нерадовскаго — ученика академiи: *«Молочница, разбавляющая молоко водою.»* Небольшая картина эта изобличаетъ въ художникѣ изящный талантъ и наблюдательность. — Она написана немного сухо, нѣтъ свободы въ кисти, но сочинена прекрасно. — Фигура молочницы хотя и писана съ натуры, — но это не молочница, а натурщица, наряженная въ охтенку. — Это правда, а не обманъ; такая же точно правда и въ мелкихъ подробностяхъ, въ убранствѣ комнаты и проч. — Вся картина не производитъ прiятное впечатлѣнiе.

7. Князя С. П. Черкаскаго — ученика академiи: *«Шошникъ, выслушивающiй жалобы крестьянъ.»* Въ этой картинѣ много лицъ, но изъ нихъ немногiе остаются въ памяти. Помѣщикъ такой, какихъ много — и въ этомъ главное достоинство этой плотной, спокойной, само-довольной фигуры. Голова бурмистра или старосты — также выразительна. Художникъ — не безъ таланта, не безъ наблюдательности. — Все исполненное имъ — исполнено добросовѣстно, и не смотря на это, чего-то не достаетъ въ его картинѣ; быть можетъ недостаетъ опредѣленности, ясности? что именно хотѣлъ сказать художникъ своимъ, какъ видно, не съ вѣтру художественнымъ произведенiемъ? — Впечатлѣнiе этой картины таково, что мнѣ кажется, будто я только прошелъ черезъ эту комнату, гдѣ сидитъ знакомый мнѣ баринъ, гдѣ стоитъ кучка крестьянъ, старуха о чемъ-то проситъ; прошелъ, а не остался въ комнатѣ, и незнаю, въ чемъ состоитъ эта жалоба и что будетъ, когда ее дослушаютъ, — однимъ словомъ, впечатлѣнiе не полное.

8. Р. К. Жуковскаго: *«Крестины въ сельской церкви.»* — Небольшая картина эта — не безъ достоинствъ. — Ясно, что художникъ, изучилъ предметъ свой, но въ этой картинѣ костюмы играютъ бѣольшую роль, чѣмъ лица. Колоритъ прiятный, но свѣтъ, наполняющiй картину, какой то искусственный, мало настоящаго, деннаго свѣта. — Впечатлѣнiе слабо.

9. Леонардъ Шодейко, — академикъ: *«Женская головка, этюдъ.»* Головка эта такъ миловидна — и такъ прiятно написана, что едва ли не первая была куплена на выставкѣ.

10. Я. С. Кирилова, — художника: *«Двушка съ виноградомъ.»* Картина эта написана бойко, жарко, — но, къ сожалѣнiю, пестритъ красками, какъ коверъ. Въ композиции мало самостоятелно-

сти, — такъ и кажется, что уже гдѣ-то видѣлъ картину въ этомъ родѣ. — Впрочемъ художникъ не безъ замѣтнаго таланта, и много общается въ будущемъ.

11. И. П. Петрова, ученика академіи: «*Сцена изъ басни Крылова — Три мужика* —». Если исполненіе этой картины не совсѣмъ художественно, если она и написана жестко, такъ, какъ будто на политурѣ у художника было слишкомъ мало «битюму» или другихъ коричневыхъ красокъ, — но все таки, выраженіе спорящихъ лицъ и плутовская харя мужика, доѣдающаго кашу — очень удачно передаютъ задуманную мысль художника. — Много жизни, много движенія, много правды.

12. С. Плисова — собственный портретъ — не дуренъ. — Впрочемъ, въ эту минуту, я его не такъ ясно помню, чтобъ сказать о немъ что-нибудь другое.

Такимъ образомъ мы дошли до малой Библіотеки, которая составляетъ какъ-бы средину выставки. — Вотъ все, что до этой комнаты показалось мнѣ замѣчательнымъ, — кромѣ архитектурныхъ рисунковъ и плановъ. — Но подробно судить о нихъ могутъ только спеціалисты, скажу только, что еслибъ когда-нибудь Петербургъ выстроилъ такую биржу, какую проектировалъ наприимѣръ г. Гартманъ — биржа была-бы великолѣпная. — Во всѣхъ иллюстраціяхъ помѣстили бы видъ, — но для такого колоссальнаго, монументальнаго сооруженія, увы! нужны милліоны, чтобъ превратить Гутуевскій островъ, въ такое чудо. Кажется, г. Гартманъ построилъ свою биржу на воображаемыхъ милліонахъ, но построилъ ее великолѣпно. — Другіе проекты нашихъ молодыхъ архитекторовъ, признанныхъ академиками, также обнаруживаютъ много вкуса и стремленія къ самостоятельности. Глядя на эти чертежи нечего бояться за красоту нашихъ будущихъ зданій — были бы только деньги.

Въ слѣдующемъ письмѣ, скажу вамъ объ остальныхъ залахъ нашей выставки.

Я. — ИИ.

Маринскій Театръ.

Древніе, эти великіе дѣятели во всѣхъ отрасляхъ изящныхъ искусствъ, въ особенности были неподражаемы въ искусствахъ ваянія и зодчества, доведенныхъ ими до высшей степени совершенства. Всѣ сооруженія ихъ колоссальны, величественны и служатъ громадными памятниками цивилизаціи древняго міра. Таковъ Колизей, этотъ колосъ цирковъ, построенный въ честь императора Веспасяна руками двѣнадцати тысячъ плѣнныхъ Евреевъ. Напрасно пронеслись надъ нимъ вѣка съ своею разрушительною силою, напрасно свирѣпствовали около его гигантскихъ стѣнъ варвары, феодилы и разрушали его южную часть конскіе непоты Форнезе и Барберини, вырывая изъ зданія мраморъ и употребляя его на постройку своихъ дворцовъ; напрасно овладѣвали имъ Франчинини и Аннибальди, и, укрѣпившись въ немъ, выдерживали и отражали напоры своихъ соперниковъ, напрасно какъ Сакилъ V замышлялъ устроить въ галереяхъ прядильня, а подъ арками — лавки, — напрасно, — Колизей, и по нынѣ, величественно возвышается среди вѣчнаго города и съ сѣверной стороны сохранилъ всю свою высоту: три яруса аркадъ, нижній съ дорическими полуколоннами, средній съ іоническими, верхній съ коринтскими, и надъ ними стѣна съ окнами и коринтскими пиластрами. При видѣ этихъ развалинъ, все еще поразительно-изящныхъ въ своемъ разрушеніи, путешественнику не много надо имѣть воображенія, чтобъ мысленно возсоздать все зданіе съ его восьмидесятью арками въ каждомъ этажѣ, украшенными мраморными и бронзовыми изваяніями, и пятидесятью уступами внутри амфитеатра, на которыхъ усаживались до ста тысячъ Римлянъ, привѣтствовавшихъ громкими рукоплесканіями мученія хрстіанъ, разрываемыхъ африканскими львами для удовольствія и потѣхи великаго народа. Но Колизей спасенъ отъ окончательнаго разрушенія, не прочностью сооруженія, ни ревностью и усердіемъ поклонниковъ древняго искусства, — онъ сохраненъ фанатизмомъ, обратившемъ этотъ громадный циркъ въ святыню, въ воспоминаніе совершившихся въ немъ мученичествъ. «*No fortitudinis martyrum excideret memoria*», сказалъ папа Клементъ X и водрузилъ посреди арены колоссальный крестъ, защищающій съ-тѣхъ-поръ Колизей отъ дальнѣйшихъ покушеній вандализма.

Таковъ замѣчательнѣйшій изъ сохранившихся театровъ древняго міра, которые, вообще, никогда не подводились подъ крышу и оставляли зрителей безъ защиты отъ дождя и солнца. Это устройство перешло и въ среднія вѣка. Извѣстно, что мистеріи разыгрывались на подмосткахъ подъ открытомъ небомъ, и, что только по возобновленіи древней трагедіи, начали строить особые театры, во всемъ, однакожъ, сходные съ древними; такъ, напримѣръ, въ 1486 году въ Феррарѣ былъ, по приказанію Эрколе д'Эсте, выстроенъ во дворцѣ замка театръ для представленія «Близнецовъ» и «Цефала» Плавта. Строеніе не имѣло кровли и когда на слѣдующій годъ помѣшалъ представленію «Амфитріона» сильный проливной дождь, то рѣшили не играть болѣе подъ открытымъ небомъ, а устроить для спектаклей большую залу дворца.

Первый извѣстный театръ, подведенный подъ крѣпкую и не подвижную крышу, былъ оманнической театръ въ Виченцѣ, построенный Андреемъ Палладіо въ XVI столѣтіи. Во всемъ остальномъ онъ былъ вѣрнѣйшею копіею древнихъ театровъ. Мѣста для зрителей возвышались полукругомъ напротивъ сцены, которая раздѣлялась на двѣ части: дальняя часть была возвышена и скрыта занавѣсомъ, при поднятіи котораго открывалась сцена, гдѣ и происходило главное дѣйствіе. Эта часть театра называлась *Palco*. Съ нея, по лѣстницѣ, спускались въ другую часть сцены, называемую общимъ именемъ *Teatro*; она была круглая и на ней помѣщались хоры, на которыхъ пѣли, играли или танцевали. Вокругъ ея находились мѣста зрителей. Съ обѣихъ сторонъ сцены было по высокому балкону, изъ которыхъ одинъ назначался для важныхъ особъ, другой для оркестра. Главныя лица показывались на *Palco* и сходили на *Teatro* только тогда, когда говорили съ хорами. За *Palco* былъ еще одинъ оркестръ, acompанирующий пѣнію главныхъ лицъ, но невидимый для зрителей. Очевидно, что во всемъ было подражаніе древнимъ театрамъ: *Orchestra*, *Logeane*, *Proescororium*. Подражаніе весьма естественное и вполне соответствующее самому содержанію и ходу представленій. Съ измѣненіемъ же формы драматическаго искусства и со внесеніемъ въ него романтическихъ элементовъ, измѣнилась и архитектура театровъ и дошла наконецъ до настоящаго своего вида.

Въ Россіи, какъ и въ остальной Европѣ, драматическое искусство началось мистеріями, содержаніе которыхъ было заним-

ствовано изъ Св. писанія. Въ стѣнахъ кіевской академіи разыгрывались студентами духовныя драмы, сочинителями которыхъ были семинаристы или монахи: св. Дмитрій Ростовскій, Симеонъ Полоцкій, Θεоданъ Прокоповичъ. Первоначально эти представленія давались на польскомъ языкѣ, но впоследствии были играны и на церковно-славянскомъ. Вскорѣ студенты, во время канпулъ, на пути къ своимъ домамъ, желая отчасти выказать свою ученость, отчасти снискать себѣ пропитаніе, разыгрывали эти драмы, переходя съ мѣста на мѣсто, а иногда импровизировали комическіе формы, въ которыхъ дѣйствующими лицами обыкновенно были цыгане или жида, обманывавшіе крестьянина, и русскій солдатъ, смѣшившій его. Въ Москвѣ же, драматическое искусство началось при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ первоначально представленіями нѣмецкихъ актеровъ, которые, какъ сказано въ разрядныхъ книгахъ, тѣшили царя разными потѣхами, сопровождая ихъ музыкою и танцами. Велѣдъ за этимъ, въ домѣ боярина Матвѣева разыгрывались духовныя драмы св. Дмитрія Ростовскаго, сочиненныя имъ въ молодые годы. При Софьѣ Алексѣевнѣ театральныя представленія не только прекращались, но нашли въ царевнѣ самую ревностную покровительницу. Она сама съ придворными дѣвицами и знатѣйшими царедворцами играла драмы въ своихъ комнатахъ и даже сочинила одну пьесу, которая, къ сожалѣнію, не дошла до насъ. Въ то же время, въ Заиконоспаскомъ монастырѣ играны были комедіи, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія. Послѣднія были: «Шемякинъ Судъ» и Мольерова комедія «по не волю», въ славянскомъ переводѣ. Въ продолженіи всего царствованія Петра Великаго труппа нѣмецкихъ актеровъ давала театральныя представленія и одна часть репертуара состояла изъ пьесъ, нарочно сочиненныхъ для торжественныхъ случаевъ. Первый же театръ въ Петербургѣ устроенъ былъ стараніями сестры императора, царевны Натальи Алексѣевны, въ особенномъ деревянномъ домѣ. Актеровъ было десять, музыкантовъ шестнадцать. При императрицѣ Аннѣ Иоановнѣ появилась при дворѣ итальянская опера и выписаны были нѣмецкіе и французскіе актеры. Театръ былъ устроенъ во дворцѣ, мѣста отводились бесплатно, по чинамъ зрителей. Въ 1750 году основанъ театръ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ съиграли «Семиру» Суморокова. Съ этой эпохи можно считать начало русскаго театра, для котораго, какъ видно изъ книги «театраль», отводились въ разные времена помѣщенія въ манежахъ: сперва въ домѣ герцога

Курляндскаго Бирона, потомъ у Казанскаго моста; послѣдній сгорѣлъ въ 1749 году. Въ 1750 году же выстроенъ былъ большой деревянный театръ на царицыномъ лугу, гдѣ теперь находится домъ принца Ольденбургскаго. Въ 1759 году театръ переведенъ былъ въ зданіе лѣтняго дворца, у нынѣшняго полицейскаго моста, гдѣ теперь домъ Елисеѣвыхъ, въ которомъ помещалось благородное собраніе. Въ 1779 г. построенъ былъ небольшой театръ на царицыномъ лугу, близъ набережной мойки, во сломанъ уже въ 1797 г. Послѣ бывшаго въ 1766 г. большаго каруселя, построенный для того амфитеатръ перенесенъ былъ на порожнее мѣсто между мойкою и кривковымъ каналомъ, и на немъ представлялись народныя игрища. Въ 1783 г. онъ былъ сломанъ и вмѣсто него выстроенъ нынѣшній большой театръ архитекторомъ Тимбейномъ подъ главнымъ смотрѣніемъ генераль-поручика Бауера, и перестроенъ въ 1802 г. архитекторомъ Шомономъ. Онъ сгорѣлъ 1-го Января 1811 г. и возобновленъ въ 1818 г. архитекторомъ Модюи. Послѣдняя капитальная его перестройка, произведенная архитекторомъ Кавосомъ, окончена въ 1836 г. и открытіе послѣдовало 23 Октября первымъ представленіемъ оперы «Жизнь за Царя» М. И. Глинки.

Съ-тѣхъ-поръ прошло двадцать четыре года, и этой-же оперѣ суждено было открыть Маринскій театръ 8 Октября 1860 года.

Неправильно всѣ журналы и газеты сравниваютъ этотъ великолѣпный театръ съ фениксомъ, возродившемся изъ груды пепла, въ которую онъ былъ обращенъ пожаромъ, случившемся въ ночь на 26 Января 1859 года. Настоящая перестройка и отдѣлка не возрожденіе, а чистое перерожденіе: пожаръ все уничтожилъ, не осталось ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ, и на долю архитектора вышла трудная задача, которую онъ однако, разрѣшилъ съ рѣдкимъ искусствомъ и глубокимъ знаніемъ дѣла.

Новая театральная зала нисколько не напоминаетъ старой, которая имѣла довольно правильную форму полукруга, вслѣдствіе первоначальнаго ея назначенія. Нынѣшній контуръ залы; напротивъ, вполнѣ соответствуетъ всѣмъ правиламъ оптики и акустики и, вообще, ничего не упущено изъ виду, чтобъ достигнуть наилучшихъ условій резонанса: стѣны обшиты чрезвычайно тонкими досками, а потолокъ устроенъ на подобіе инструмента, который отражаетъ звукъ безъ всякой утраты и не измѣняющая полноты. Зала окружена пятью ярусами ложъ, которыя всѣ,

безъ исключенія, отличаются просторомъ: каждая ложа имѣетъ два съ половиною аршина ширины и шесть аршинъ глубины; самая ложа отдѣлена отъ аванъ-ложи, изъ которой зрители присутствуютъ при спектаклѣ, и которую, по этому, можно назвать балкономъ-живописно драпированными портьерами, и образуетъ маленькій салонъ, весьма удобный для приѣма обычныхъ театральныхъ визитовъ. Салоны эти, свѣтло-сѣраго цвѣта, не вредящаго никакому туалету, а, напротивъ, выдающаго впередъ даже самые простѣйшіе, имѣютъ диванъ, столикъ, зеркало и освѣщаются газовыми рожками. Самое зало имѣетъ ширину чetyрмя вершками болѣе московской, которая, какъ извѣстно, величайшая въ свѣтѣ. Въ сравненіи съ аванъ-сценою большого театра, аванъ сцена Маринскаго — шире въ пять съ половиною аршинъ, т.-е., она шире аванъ-сценъ театра де-ла Скала въ Миланѣ и Сан-Карло въ Неаполѣ. Вообще зала Маринскаго театра, не только великолѣпна для глазъ, но и очень удобна для зрителей, которые хорошо видятъ сцену со всѣхъ мѣстъ, не рискуя притомъ вывихнуть себѣ шею.

Большая люстра въ залѣ сдѣлана изъ позолоченной бронзы и хрусталя, и, по всей справедливости, заслуживаетъ названіе чисто — художественнаго издѣлія. Отлитая на фабрикѣ гг. Генке и Плеске, она имѣетъ триста восемь газовыхъ рожковъ, яркій свѣтъ которыхъ удивительнымъ образомъ выдаетъ впередъ всѣ отдѣльныя части этой залы. Блнстательное освѣщеніе, нисколько не безпокоющее зрѣніе, удачное соединеніе цвѣтовъ голубаго, бѣлаго и золотого, богатая обивка ложъ и креселъ — все вмѣстѣ содѣйствуютъ къ воспроизведенію дивнаго эфекта. Потолокъ небесно-голубаго цвѣта, украшенъ изображеніемъ хорова, составленнаго изъ фигуръ классической древности. Потолокъ этотъ величественно простъ; онъ компонованъ профессоромъ Дусси и исполненъ превосходно и отчетливо г. Франціолли, который также рисовалъ прямо-угольный потолокъ аванъ-сцены. Украшенія каронетовъ ложъ сдѣланы изъ кармона (cartou—piégre) г. Адисомъ въ Мюнхенѣ, каріониды-же большой царской ложи работы г. Шварца, скульптора, проживающаго въ Петербургѣ. Занавѣсъ изображаетъ освященіе Колизея императоромъ Титомъ, и этотъ выборъ сюжета, кажется нѣкоторымъ довольно неудачнымъ. Впрочемъ этотъ недостатокъ, если дѣйствительно онъ недостатокъ, далеко не такъ важенъ какъ слѣдующій, замѣченный нами, а именно: рѣзкій переходъ изъ теплой температуры уютныхъ корридоровъ и великолѣпныхъ фойе въ холодную тем-

пературу сѣней, поддерживаемую довольно сильнымъ сквознымъ вѣтромъ; изображеніе на занавѣсѣ поражаетъ только непріятно зрѣніе, послѣднее же влечетъ за собою насморки, простуды, горячки, воспаленія легкихъ и тѣмъ другихъ недуговъ, могущихъ обратиться въ настоящія несчастія... И какъ легко было отвратить это!.. Мы уже выше сказали, что фойе великолѣпны, въ особенности-же хорошъ потолокъ главнаго изъ нихъ: на немъ изображены портреты Глинки, Варимовскаго, Кавоса, Львова, Доницетти, Беллини, Россини, Моцариса, Обера, Верди, Мейербера, Флотова, Вебера и Благовена, т.-е., тѣхъ композиторовъ, сочиненія которыхъ исполняются на русской сценѣ. Выборъ опять не совсѣмъ удачный: помѣстивши Варимовскаго и Львова, слѣдовало удѣлить мѣстечко и гг. Рубинштейну и Даргомыжскому, не говоря уже о гг. Фитингофѣ и князѣ Вяземскомъ, которые, въ-особенности же послѣдніе, вправѣ претендовать за то на г. Франціоли, рисовавшемъ этотъ потолокъ. Остальныя принадлежности театра, какъ-то: уборныя, кассы и т. п., вполне соотвѣтствуютъ цѣлому и отличаются уютностью, богатствомъ и изящностью.

Устройство сцены превосходно; она была возложена на извѣстнаго машиниста Ѳ. Вальца, который взялъ на себя и самую поставку декораций, частью заказанныхъ имъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ у гг. Гронніуса и Рама, частью изготовленныхъ русскими художниками гг. Исаковымъ, Шишковымъ, Бредовымъ, Шеньяномъ и Шангинымъ. Г. Вальцъ совѣстливо и отчетливо выполнилъ принятую на себя обязанность и въ этомъ отношеніи много содѣйствовалъ ему машинистъ Маріинскаго театра Воронцовъ, человекъ одаренный большимъ талантомъ, неоднократно выказаннымъ имъ на дѣлѣ. Наконецъ желаемъ полнаго успѣха Маріинскому театру; пусть архитектурный его блескъ станетъ наравнѣ съ блескомъ драматическихъ произведеній.

П. В.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 22.

(ВТОРОЙ ГОДЪ.)

Бѣдность свѣдѣній объ исторіи шахматной игры въ Россіи. — Краткій очеркъ моей шахматной жизни. А. Петрова. — Савойскій крестъ (проблема). — Матчъ Морфи съ Монгредиеномъ. — Корреспонденція. — Задачи.

Объ исторіи развитія и распространенія шахматной игры въ Россіи мы не имѣемъ никакихъ почти свѣдѣній. Что предки наши играли въ шахматы еще во времена Московскаго царства, а можетъ быть и ранѣе, въ этомъ нѣтъ ни какого сомнѣнія; достовѣрно также то, что царственная игра перешла въ Россію не изъ западной Европы, куда занесена была Аравитянами, а непосредственно съ Востока*). Но какимъ значеніемъ пользовались шахматы въ древнемъ русскомъ обществѣ и въ какой мѣрѣ предки наши постигли тайны хитрѣйшей изъ умственныхъ забавъ, — этого мы рѣшительно не знаемъ. Трудно впрочемъ предполагать, чтобъ въ числѣ ихъ были игроки особенно сильные, такъ какъ для достиженія большой силы необходимо, между прочимъ, изученіе теоріи, а съ ней русскіе познакомились не прежде какъ по сближеніи съ Европою. И такъ, нечего очень сокрушаться если шахматныя комбинаціи до-Петровской Россіи исчезли безслѣдно. Гораздо прискорбнѣе то, что о времени позднѣйшемъ, весьма близкомъ къ намъ, времени, когда въ числѣ русскихъ любителей были уже, безъ сомнѣнія, игроки замѣчательной силы

---

*) Последнее подтверждается между прочимъ тѣмъ, что двѣ шашки (ферзь слонъ) сохранили у насъ правильное названіе, тогда какъ на Западѣ наименованіе ихъ, вслѣдствіе страннаго недоразумѣнія, совершенно исказилось. См. Anal. Nouv. T. I. Discours préliminaire.

мы тоже имѣемъ лишь весьма немногo указаній. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія русскіе могли уже гордиться однимъ изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ шахматнаго міра: А. Петровымъ, игрокомъ, который и до нынѣ не имѣетъ равнаго себѣ въ Россіи. Онъ не имѣлъ случая помѣряться съ европейскими знаменитостями того времени: Дешапелемъ, Лабурдгеномъ, Макъ-Доннелемъ; но стоить прочесть его партіи, чтобы убѣдиться, что онъ смѣло можетъ быть поставленъ на ряду съ этими игроками. Не даромъ прозвали его русскимъ Филлдоромъ. Никто лучше Петрова не постигъ *стиль* Филлдоровой игры, его умѣнья дѣйствовать вѣсками, укрѣплять ихъ въ центрѣ и пни рѣшать сраженіе: вспомните партію противъ варшавскаго клуба*). При томъ игра его не рѣдко оживляется самыми блестящими, изумляющими пожертвованіями: вспомните жертву ферзя въ партіи съ Гофманомъ**). Понятно, что какъ бы ни были велики природныя способности г. Петрова, онѣ не могли бы развиться съ такою полнотою и блескомъ, еслибъ онъ не имѣлъ, съ молодыхъ лѣтъ, случая упражняться съ сильными соперниками; по этому то мы и говоримъ, что въ началѣ настоящаго вѣка, а можетъ и въ концѣ минувшаго, у насъ были уже замѣчательные шахматисты. Но кто именно? Сохранились ли ихъ игры? Бывали ли у насъ шахматныя собранія, матчи, турниры? Изучали ли они теорію, а главное, какъ относилось ихъ искусство къ искусству позднѣйшихъ шахматистовъ? Вотъ вопросы, которые не могутъ не интересовать русскихъ любителей и на которые, къ сожалѣнію, они не находятъ отвѣта. Сочиненіе г. Петрова***), напечатанное въ 1824 году и посвященное преимущественно образцовымъ играмъ Филлдора, не заключаетъ никакихъ свѣдѣній о шахматной игрѣ собственно въ Россіи; книга Бутрюмова, изданная нѣсколько прежде, ничто иное какъ краткое извлеченіе изъ нѣмецкаго сочиненія Коха. Можно представить себѣ послѣ этого какъ много мы были обрадованы, получивъ недавно отъ г. Петрова статью, въ которой онъ, передавая воспоминанія своего дѣтства и молодости, знакомитъ насъ съ шахматною жизнью того времени.

*) См. Anal. nouv. Т. I, p. 201—208.

**) См. Шахм. Лист. за 1859 г. стр. 242.

***) Шахматная игра, приведенная въ систематическій порядокъ, съ совокупленіемъ игоръ Филлдора и примѣчаній на оныя, изданная Александромъ Петровымъ. 2 т. С. П.-бургъ. 1824 г.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ МОЕЙ ШАХМАТНОЙ ЖИЗНИ.

(Посвящено К. А. Янишу.)

Я родился 1-го февраля*) въ Псковской губерніи въ селѣ Бисеревѣ, близъ города Опочки. Изъ раннихъ лѣтъ моего дѣтства болѣе всего осталось въ моей памяти: песчаные берега рѣки Великой, комната, въ которой я родился, оклеенная бумажками въ шахматное поле съ китайскими изображеніями, и рѣзные шахматы, подаренныя мнѣ на именины дѣдушкой по матери, Иваномъ Алексѣвичемъ Соколовымъ, когда мнѣ было четыре года. Шахматы эти были первыми моими игрушками. Я разставлялъ ихъ на шашечницѣ по своему и двигалъ, какъ играютъ дѣти солдатиками.

Отецъ мой довольно хорошо игралъ въ шахматы. Онъ показалъ мнѣ ходы шашекъ и первоначальныя правила игры. Семилѣтъ я игралъ изрядно.

Переѣхавъ съ родителями въ С.-Петербургъ, я поступилъ въ частный институтъ протоіерся Каменскаго. Тогда мнѣ было 10 лѣтъ. Тамъ, въ свободное отъ уроковъ время, игралъ въ шахматы съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей и, не смотря на то, что они были старше меня лѣтами, побивалъ ихъ немилосердно.

Эти первоначальныя успѣхи поселили во мнѣ страсть къ шахматамъ, а дѣтское самолюбіе укоренило во мнѣ мысль, что я играю лучше всѣхъ на свѣтѣ, и что въ шахматахъ также силенъ, какъ Наполеонъ на полѣ битвы.

Дѣдушка мой, узнавъ о моихъ необыкновенныхъ способностяхъ къ игрѣ, превезиченныхъ городскою молвою, вздумалъ испытать меня.

Дѣдушка считался хорошимъ игрокомъ. (Смотри о немъ статьи въ Отечественныхъ Запискахъ сороковыхъ годовъ подъ заглавіемъ «Сцены изъ жизни шахматнаго игрока.»**) Мнѣ было

---

*) Въ рукописи г. Петрова годъ не означенъ.

Прим. ред.

**) Первая изъ этихъ статей, — фантастическій рассказъ о состязаніяхъ дѣдушки нашего Филidora съ африканскимъ асмодеемъ, — помѣщенная въ Отечественныхъ Запискахъ за октябрь 1844 года, получила извѣстность даже за границу. Она переведена на французскій языкъ въ Паламедѣ 1845 года и, на англійскій въ замѣчательномъ по изяществу изданіи сборникѣ шахматныхъ рассказовъ, Chess for Winter Evenings by H. R. Agnel New-York, 1848.

Прим. ред.

тогда двѣнадцать лѣтъ. Я шелъ на экзаменъ, какъ на великое дѣло, и, помню, усердно молился Богу о дарованіи мнѣ побѣды. Со страхомъ и біеніемъ сердца сѣлъ я за шахматный столикъ. Это было въ воскресенъе. Дѣдушка предложилъ мнѣ ладью впередъ. Предложеніе это нѣсколько оскорбило мое самолюбіе. Я говорилъ дѣдушкѣ, что до сихъ поръ игралъ со всѣми на ровную, и что взявши впередъ, нѣтъ славы выиграть. — Но онъ отвѣчалъ: «выиграешь, такъ будемъ играть и на ровную».

Взявши ладью впередъ, я былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Эта самонадѣянность дѣлала игру мою отважною: съ первыхъ ходовъ я бросился въ атаку, пожертвовалъ нѣсколькими пѣшками и даже оѣцеромъ и надѣялся въ концѣ игры изумить дѣдушку неожиданными ударами. Въ концахъ партій я былъ силенъ и часто съ однимъ конемъ дѣлалъ матъ моимъ неопытнымъ противникамъ. Но дѣдушка былъ очень остороженъ. Какія я ни ставилъ ловушки, онъ имъ не поддавался, и вскорѣ игра приняла такой оборотъ, что я долженъ былъ проиграть. Когда я увидѣлъ близкій матъ, слезы навернулись на глазахъ моихъ. А дѣдушка былъ такъ жестокъ, что замѣтивъ мое смущеніе, сказалъ: «подайте, Александршкѣ платочекъ, онъ скоро заплачетъ». . . . и я зарыдалъ. Вотъ мой первый дебютъ! Судьба наказала мою гордость — дѣдушка выигралъ первую партію. Это была самая тяжкая минута въ моей жизни. Въ тотъ день я не могъ болѣе играть.

Идя отъ Симеона на Петербургскую сторону домой, я во всю дорогу плакалъ и мысленно повторялъ партію. Память моя была такъ свѣжа, что я не забылъ ни одного хода. Дома разсмотрѣвъ внимательно игру, я замѣтилъ ошибки мои, произошедшія отъ скорости и недостатка терпѣнія въ расчетѣ, или, лучше сказать, отъ живости и опрометчивости. А дѣдушка былъ медлителенъ, обдумывалъ каждый ходъ.

Чувствуя огромное превосходство его и умѣнье вести игру, я, въ первыя минуты, хотѣлъ было совершенно бросить шахматы и отказаться отъ игры; но страсть къ шахматамъ превозмогла — и предстоявшій трудъ сравняться съ дѣдушкой показался мнѣ даже пріятнымъ.

Днемъ и ночью я занимался только разборомъ игранный партіи и забывалъ школьные свои уроки. Матушка моя, заставши меня однажды ночью за шахматами, смѣшала всѣ пашки и разбросала ихъ. Я, ложась въ постель и закрывъ глаза, игралъ по памяти, пока усталость и сонъ не погружали меня въ забвеніе. Центральное положеніе пѣшекъ, какое дѣдушка имѣлъ въ своей

партии, умѣнье подвигать ихъ впередъ и стѣснять ими игру противника, показали мнѣ еще тогда, что пѣшки рѣшаютъ бой. Я же атаковалъ до того времени одними офицерами, то есть игралъ болѣе на ловушку, которымъ неопытные противники мои поддавались, — или приготовлялъ имъ какой нибудь неожиданный матъ, рассчитывая на ихъ ошибки.

Черезъ двѣ недѣли, я вновь явился къ дѣдушкѣ, который опять далъ ладью впередъ, но ни одной уже партии не выигралъ, — а только изрѣдка удавалось ему дѣлать ничью.

Силы мои возрастали съ каждымъ воскресеньемъ и чрезъ годъ я игралъ съ дѣдушкой à but, и выигрывалъ чаще чѣмъ проигрывалъ.

Дѣдушка былъ очень доволенъ моими успѣхами, и смотрѣлъ на меня, тринадцатилѣтняго ребенка, какъ на чудо.

У него были рукописи и замѣтки изъ разныхъ шахматныхъ книгъ; но онъ не давалъ мнѣ ихъ, говоря, что книжное изученіе только портитъ игрока, и что практика есть лучший учитель. Вотъ его слова: «доходи до всего самъ, собственными силами, и никогда не собьешься въ хаосъ шахматныхъ комбинацій»*).

Привожу здѣсь одну изъ партій игранныхъ мною съ дѣдушкой въ то время, когда онъ былъ еще сильнѣе меня; она внесена была мною въ особую тетрадь, куда я записывалъ игранныя мною партии и примѣчательные маты. Тетрадь эту я отыскалъ недавно между моими школьными бумагами; не многое въ ней уцѣлѣло: она вполовину разорвана.

Бѣлые (Я). Черные (Дѣдушка).

1) e2—e4	e7—e5
2) g1—f3	f7—f6
3) f3—e5°	f6—e5°
4) d1—h5+	g7—g6
5) h5—e5°+	d8—e7
6) e5—h8°	g8—f6

*) Впослѣдствіи дѣдушка предпочиталъ играть въ четверную шахматную игру съ крѣпостями. Игра весьма занимательная и не такъ утомительная какъ обыкновенная вдвоемъ. Игроками были: дѣдушка, отецъ мой, Илья Семеновичъ Котельниковъ и я. Я съ дѣдушкой, противъ батюшки и Котельникова. Давали мы имъ двѣ ладьи изъ крѣпостей. Въ запасѣ былъ еще игрокъ, Александръ Васильевичъ Кашинъ, который игралъ, когда не было Котельникова или батюшки. Смотри объ этого рода игрѣ статью мою въ Schachzeitung 1850 года.

7) d2—d3	d7—d5
8) c1—h6	b8—d7
9) h6—f8°	d7—f8°
10) b1—c3	c8—e6
11) e4—e5	f6—h5
12) g2—g4	0—0—0
13) g4—h5°	f8—d7
- и мой ферзь потерянь*).

Года чрезъ два, Дмитрій Осиповичъ Барановъ, узнавъ о необыкновенной силѣ моей, пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ и представилъ мнѣ соперника, Алексѣя Даниловича Копьева, считавшагося тогда однимъ изъ бойкихъ игроковъ. Я помню, что къ этому единоборству мнѣ сдѣлали новое вооруженіе: суконную курточку съ позолоченными пуговицами.

У Дмитрія Осиповича въ тотъ день было много гостей и собораны были лучшіе игроки. Онъ и самъ любилъ играть. Первую партію начали играть до обѣда — и я выигралъ. Послѣ обѣда съиграли шесть партій. Общій результатъ былъ такой: четыре я выигралъ двѣ проигралъ и одна ничья. Слѣдовательно я вышелъ изъ этого перваго моего единоборства съ знаменитымъ игрокомъ со славою. Копьевъ, начиная, игралъ всегда гамбитомъ, а я былъ еще въ этомъ дебютѣ неопытенъ, нечиталъ никакихъ книгъ и не зналъ правильной защиты. (Впослѣдствіи я давалъ Копьеву коня впередъ.)

У Дмитрія Осиповича я игралъ также часто съ полковникомъ Путей Сообщенія Ганри. Давалъ ему пѣшку и ходъ. Онъ говорилъ мнѣ, что въ Парижѣ игралъ часто съ Дешапелемъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Филиама*, и получалъ онъ отъ него пѣшку и два хода. Этому полковнику можно было дать коня.

Года чрезъ два явился я къ Николаю Петровичу Брусилову, бывшему правителю канцеляріи статсъ-секретаря Кикина. Игралъ съ нимъ, — побѣдилъ, и онъ опредѣлилъ меня въ канцелярію статсъ секретаря. У него много было книгъ о шахматной игрѣ, которыми я пользовался, не смотря на запрещеніе дѣдушки.

---

*) Партія, какъ видно, играна совершенно по дѣтски и любопытна только какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ нашего Филидора. Жаль, что она не доведена до конца; потеря ферзя еще не рѣшаютъ партіи, такъ какъ бѣлые имѣютъ за него двѣ ладьи.

Въ 1821 году, у Ѳедора Васильевича Самарина, я имѣлъ честь познакомиться съ генераломъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Паскевичемъ*). Онъ былъ свидѣтелемъ игры моей съ Казмыцкимъ Княземъ. Въ жизнь мою не случилось мнѣ встрѣчать болѣе сильнаго игрока. Въ окончаніяхъ партій, Казмыцкій Князь былъ неподражаемъ, и если я выигрывалъ у него изъ трехъ игоръ двѣ, то единственно оттого, что онъ не зналъ нѣкоторыхъ книжныхъ тонкостей въ дебютахъ, и правильной защиты противъ гамбита.

Графъ Юлій Помпеевичъ Литта часто приглашалъ меня къ себѣ играть въ шахматы. Тамъ встрѣчалъ я хорошихъ игроковъ: барона Шиллинга де Канштадта, графа Шлатера и графа Грохольскаго. Однажды баронъ Шиллингъ, неожиданно, вызвалъ меня сыграть партію такъ, чтобъ мы оба не смотрѣли на шашечницу**). Я принялъ вызовъ. На мѣсто мое сѣлъ графъ Литта, а на мѣсто барона Шиллинга графъ Самойловъ. Графиня Паленъ записывала ходы. Мы сдѣлали до 40 ходовъ и игра кончилась ничьей. Помнится оттого, что оба не сдумѣли другъ другу сдѣлать мата, и подъ конецъ ходили какъ слѣпныя курицы. Графъ Литта заставлялъ меня иногда играть съ нимъ не смотря, и это я дѣлалъ въ угодность вельможѣ, которому удавалось такимъ образомъ иногда выигрывать. О побѣдахъ своихъ онъ рассказывалъ при дворѣ.

Въ 1821 году познакомился я съ Василемъ Васильевичемъ Погодинымъ. У него были шахматныя собранія. Число членовъ небольшое, но между ними были игроки сильные, какъ то: Павелъ Ивановичъ Дегай, Николай Ивановичъ Бахтинъ, Андрей Андреевичъ Карнѣевъ, Токаревъ, Петерсонъ, Розенъ. Въ особенності же хорошо игралъ Александръ Андреевичъ Карнѣевъ. Собирались два раза въ недѣлю: по средамъ и пятницамъ. Уставъ шахматныхъ собраній, и книга, въ которую записывалось, кто съ кѣмъ игралъ и какой былъ результатъ, и теперь еще хранятся у меня.

Эти собранія много содѣйствовали распространенію въ С.-Петербургѣ шахматной игры.

Кромѣ дней урочныхъ, я бывалъ у Василя Васильевича и въ другіе дни, и состязался съ нимъ въ шахматы. Машутка, дочь его, садилась на софу и играла шашками, которыя снима-

---

*) Впослѣдствіи генераль-фельдмаршалъ князь Варшавскій.

***) Я и въ послѣдствіи пробовалъ играть такимъ образомъ, но считалъ это фанфаронствомъ и напраснымъ утомленіемъ, безъ всякой пользы.

лись съ доски. Часто случалось, что въ этихъ занятіяхъ она засыпала на софѣ. Нянюшка ея, Евва Яковлевна, уносила ее спящую. Эта малютка впоследствии сдѣлалась царицею моей души — и теперь у насъ на шахматномъ полѣ пять пѣшекъ, изъ которыхъ три смотрятъ уже въ царицы душъ . . . . Шахматной игрѣ я обязанъ знакомствомъ съ Васильемъ Васильевичемъ и счастьемъ моей жизни.

А. Петровъ.

Варшава. Іюнь 1860 г.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, во время самыхъ дружескихъ отношеній Франціи къ Сардиніи, когда правительства обоихъ государствъ то-и-дѣло мѣнялись взаимными любезностями, французскій шахматный журналъ *la Régence* тоже выразилъ общій энтузіазмъ своей страны къ Виктору Эммануилу, выразилъ разумѣется по своему т. е. по шахматному, посвященіемъ королю Пиемонта проблемы подъ названіемъ: *La croix de la maison de Savoie*. Проблема эта (см. діагр. А стр. 273) задана такъ: *Les blancs font mat en quatre coups avec la condition qu'ils forceront les quatre pions noirs à venir occuper chacune des quatre cases blanches qui sont autour de leur Roi. Le problème étant résolu on verra briller sur l'échiquier la croix de la maison de Savoie.* И дѣйствительно послѣ ходовъ:

- 1) c2—c5† d7—d5
- 2) b1—e4† f5—e4°
- 3) g8—g5† f7—f5
- 4) f3—f4

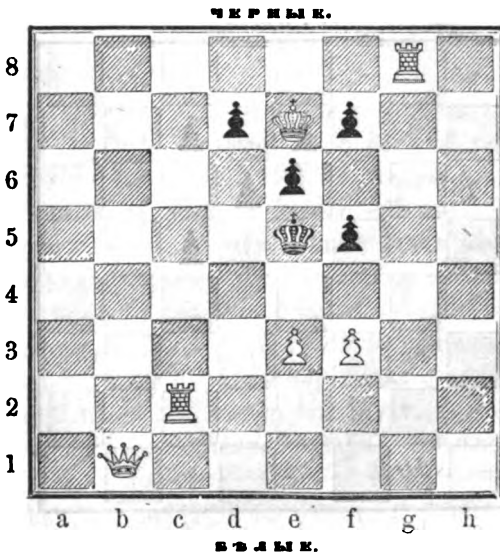
Черному королю матъ и шашки расположились крестомъ, какъ показано на діаграммѣ В. Почему это именно крестъ Савойскаго дома, это ужъ фантазія автора задачи, графа Франческо Ансидеи, — но, къ сожаглвнню, крестъ то не совсѣмъ правильный: онъ испорченъ присутствіемъ

пѣшки f4. Эту неправильность можно исправить легкимъ измѣненіемъ первоначальнаго расположенія пашекъ и самыхъ условій проблемы, а именно: пашки разставляются какъ показано на діаграммѣ С и проблема предлагается такъ: *бѣлые, въ четыре хода дѣлаютъ черному королю патъ*. Рѣшеніе слѣдующее:

- 1) c2—c5† d7—d5
- 2) b1—c4† f5—e4°
- 3) h4—h5† f7—f5
- 4) h5—g5

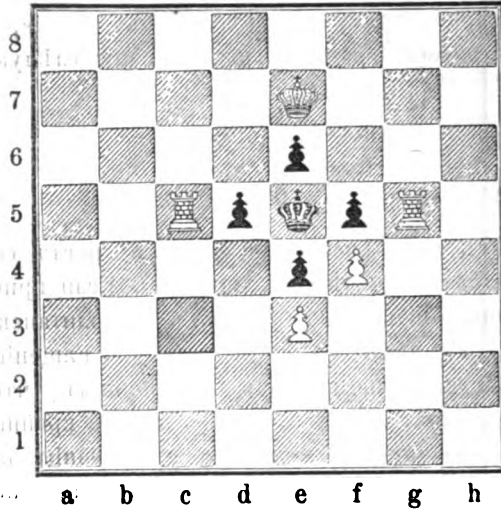
Чернымъ нѣтъ ходу (патъ) и Савойскій крестъ совершенно явственно рисуется на доскѣ (см. діагр. D). Если прибавимъ къ этому, что черныя пашки изображаютъ неаполитанскую армію, а бѣлыя войско Гарибальди, то и самое посвященіе Виктору Эммануилу, дѣлается замысловатѣе. Припомнимъ, что патъ не означаетъ еще окончательной гибели, а только крайне стѣсненное положеніе, совершенно подобное пребыванію въ Гаэтѣ; стало быть и наиревностиѣйшимъ приверженцамъ неаполитанскихъ Бурбоновъ нельзя оскорбляться нашею проблемой. По шахматнымъ уставамъ патъ равняется розыгрышу; а ужъ конечно бурбонисты охотно признали-бы за ничью партію, такъ *каламбрійски* начатую ихъ противникомъ.

А.

B.

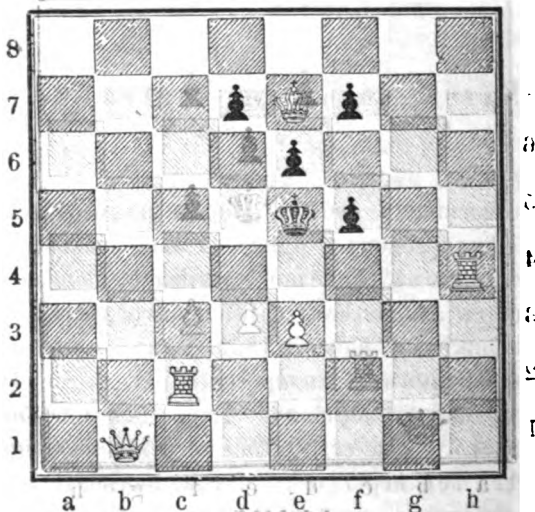
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

C.

ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

ПАРТІЯ № 131.

ПЕРВАЯ ИГРА МАТЧА.

ДВОЙНОЙ ГАМБИТЬ МАКЪ-ДОННЕЛЯ.

МОНГРЕДИЕНЪ. (Бѣлые.)	МОРФЪ. (Черные.)	13) d3—e2°	f6—d5°
1) e2—e4	e7—e5	14) e2—f3	c7—c6
2) f1—c4	f8—c5	15) a1—b1	d8—e7
3) b2—b4	c5—b4°	16) c4—d5°	c6—d5°
4) f2—f4(1)	d7—d5(2)	17) c3—c4(3)	d5—c4°
5) e4—d5°	e5—e4	18) b1—b7°	b8—d7
6) g1—e2	g8—f6	19) g1—h1	f8—e8
7) c2—c3	b4—c5	20) a3—c4°	e7—e6
8) d2—d4	e4—d3°(на прох.)	21) c4—e5	d7—e5°
9) d1—d3°	0—0	22) f4—e5°	e8—f8
10) c1—a3	c5—a3°	23) f3—b3(4)	e6—b3°
11) b1—a3°	c8—g4	24) a2—b3°	a8—b8
12) 0—0	g4—e2°	25) b7—a7°	b8—b3°

игра ничья.

Примѣчанія къ партіи № 131.

(1) Очень смѣлый дебютъ, особенно если принять въ соображеніе отноительную силу состязателей.

(2) Лучшій ходъ; онъ открытъ великимъ Лабурдоне въ его состязаніяхъ съ Макъ-Доннелемъ.

(3) Очень хорошо; вообще Монгрэдиенъ играетъ эту партію съ замѣчательнымъ искусствомъ.

(4) Допуская мѣну ферзей, бѣлые даютъ возможность противнику сдѣлать ничью, тогда какъ передъ настоящимъ ходомъ, они имѣли нѣкоторое превосходство положенія. Безъ сомнѣнія, со всякимъ другимъ соперникомъ Монгрэдиенъ не удовлетворился бы такъ легко розыгрышемъ.

ПАРТІЯ № 132.

ВТОРАЯ ИГРА МАТЧА.

ГАМБИТЬ ЭВАНСА.

Морфи. (Бѣлые.)	Монгредиенъ. (Черные.)	12) f3—e5°	d6—e5°
1) e2—e4	e7—e5	13) b2—e5°	f8—e8
2) g1—f3	b8—c6	14) e5—f6°	d8—f6°
3) f1—c4	f8—c5	15) g1—h1	b6—a5(1)
4) b2—b4	c5—b4°	16) d1—a4	b7—b5
5) c2—c3	b4—c5	17) a4—b5°	c8—a6
6) 0—0	d7—d6	18) b5—a5°	a6—c4°
7) d2—d4	e5—d4°	19) d2—c4°	e8—e4°
8) c3—d4°	c5—b6	20) a5—c7°	a8—e8
9) c1—b2	g8—f6	21) c4—d6	f6—a1°(2)
10) b1—d2	0—0	22) c7—f7°†	и бѣлые выигрываютъ.
11) d4—d5	c6—e5		

Примѣчанія къ партіи No. 132.

(1) Грубая ошибка, послѣ которой партія черныхъ неминуемо проиграна.

(2) Отчаянный, но красивый ходъ. Очевидно, что если бѣлые возьмутъ ферзя, то имъ матъ въ два хода.

ПАРТІЯ № 133.

ТРЕТЬЯ ИГРА МАТЧА.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЬ.

Монгредиенъ. (Бѣлые.)	Морфи. (Черные.)	8) f1—e2	0—0
1) d2—d4	e7—e6	9) 0—0	h7—h6
2) c2—c4	f7—f5	10) b2—b3	d7—d6
3) f2—f4(1)	g8—f6	11) c1—b2	b8—d7
4) g1—f3	b7—b6	12) a1—c1	g8—h7
5) a2—a3	a7—a5	13) e2—d3	g7—g6
6) b1—c3	c8—b7	14) h2—h3	d8—e8
7) e2—e3	f8—e7	15) d1—e1	f6—e4
		16) d3—e4°	f5—e4°

17) f3—d2	d7—f6	35) g3—e2	a6—b7
18) g1—h2(2)	e8—d7	36) c4—d5°	e6—d5°
19) f1—g1	d6—d5	37) f4—f5	g7—e6
20) c1—c2(3)	g6—g5	38) g2—f4	e6—f4°
21) d2—f1	g5—f4°	39) e2—f4°	f8—c8
22) e3—f4°	e7—d6	40) c1—e3	c5—d4°
23) g2—g3	c7—c6	41) b2—d4°	d6—a3°
24) f1—e3	f8—g8	42) d4—b6°	a3—b4
25) c2—g2	a8—f8	43) e1—d1	c8—c3
26) c3—e2	b7—c8	44) e3—d4	e7—h4
27) g3—g4	d7—c7	45) d1—g1	f7—g7
28) g2—f2	f6—e8	46) d4—e5	g7—e7
29) e1—f1	f8—f7	47) e5—d4	b4—d6(5)
30) h2—h1	g8—f8	48) d4—c3°	d5—d4
31) e3—g2	c8—a6(4)	49) c3—d4°	d6—f4°
32) f1—c1	c7—e7	50) h1—g2	e4—e3+
33) e2—g3	e8—g7		и бѣлые сдаются.
34) g1—e1	c6—c5		

Примѣчанія къ партии No. 133.

(1) Всѣ почти противники Морфи, послѣ двухъ-трехъ съгранныхъ съ нимъ партий, прибѣгаютъ къ крайнимъ неправильнымъ дебютамъ; вспомните напримѣръ дебютъ Андерсена a2—a3.

(2) Пустой ходъ; слѣдовало играть d4—d5 и бѣлые непременно приобрѣли бы атаку.

(3) Опять потеря времени, вслѣдствіе которой атака переходить въ руки черныхъ.

(4) Атака черныхъ усиливается съ каждымъ ходомъ.

(5) Рѣшительный ударъ.

ПАРТІЯ № 134.

ЧЕТВЕРТАЯ ИГРА МАТЧА.

ЗАЩИТА ДВУМЯ КОНЯМИ.

Морфи. (Бѣлые.)	Монгредикъ. (Черные.)	6) d2—d3(2)	h7—h6
1) e2—e4	e7—e5	7) g5—f3	c8—g4(3)
2) g1—f3	b8—c6	8) h2—h3	g4—f3°
3) f1—c4	g8—f6	9) d1—f3°	f8—d6(4)
4) f3—g5	d7—d5	10) c4—b5+	c7—c6
5) e4—d5°	c6—a5(1)	11) d5—c6°	b7—c6°
		12) b5—c6°+	a5—c6°

13) f3—c6°+	e8—e7	22) g1—g2	e8—h8
14) b1—c3	a8—c8	23) f1—h1	c8—c7
15) c6—f3	h8—e8	24) h1—h2	d8—c8
16) 0—0	e7—f8	25) f5—c8°	h8—c8°
17) c1—d2	g7—g5(5)	26) a1—h1	h7—f8
18) h3—h4	f6—h7	27) c3—b5	c7—d7
19) f3—f5	f8—g7	28) b5—d6°	d7—d6°
20) h4—g5°	h6—g5°	29) d2—b4	и черные сдаются.
21) g2—g3	f7—f6		

Примѣчанія къ партіи №. 134.

(1) Брать непосредственно пѣшку конемъ (5) $\frac{f6-d5^\circ}{}$, какъ это игралось прежде, очень не хорошо; тогда: 6) $\frac{g5-f7^\circ}{e8-f7^\circ}$ 7) $\frac{d1-f3+}{f7-e6}$

8) $\frac{b1-c3}{}$ и бѣлые имѣютъ чрезвычайно сильную атаку, съ избыткомъ вознаграждающую пожертвованіе коня.

(2) Изобрѣтеніе этого хода ошибочно приписывается Морфи; онъ находится въ книгѣ Гейдебранта (Handbuch des Schachspiels стр. 158).

(3) Слабый ходъ; слѣдовало подвигать королевскую пѣшку.

(4) И теперь лучше бы играть e5—e4.

(5) Какъ бы черные не играли имъ трудно было бы спасти партію, но настоящій ходъ уже рѣшительно ее губить.

ПАРТІЯ № 135.

Пятая игра матча.

ГАМБИТЪ КОРОЛЕВСКАГО СЛОНА.

Монгредивъ. (Бѣлые.)	Морфи. (Черные.)	13) g1—h1	e6—g4
1) e2—e4	e7—e5	14) e2—d2	h8—e8
2) f2—f4	e5—f4°	15) a1—e1	g4—f3°
3) f1—c4	d7—d5(1)	16) f1—f3°	e8—e1°+
4) c4—d5°	g8—f6° (1)	17) d2—e1°	c6—d4
5) d2—d3(2)	f6—d5° (1)	18) f3—f1(4)	d4—c2°
6) e4—d5°	d8—d5° (2)	19) e1—c1	c2—d4
7) d1—e2+	c8—e6° (1)	20) b2—b4(5)	c5—d6
8) c1—f4°	b8—c6° (0)	21) f4—d6°	d8—d6°
9) g1—f9	0—0—0 (1)	22) c1—e3°	d4—f5
10) b1—c3	f8—b4° (2)	23) e3—f3°	h5—f3°
11) 0—0	d5—h5	24) f1—f5°	d6—c6° (1)
12) a2—a3(3)	b4—c5+	25) c3—e2°	f5—d4° (1)
- и черные выигрываютъ.

Примѣчанія къ партіи № 135.

(1) Этими ходомъ черныя лишаются пѣшки, но за то развертываютъ свою игру. Мы встрѣчаемъ его въ первый разъ въ англійскомъ журналѣ Chess Player's Chronicle (1841 г. стр. 337), въ партіи Бильгера съ Бледовымъ.

(2) b1—c3 или g1—f3 было бы безъ сомнѣнія лучше.

(3) Дурной ходъ; надо было играть c3—d4.

(5) Лучше бы играть ладью на h3.

(5) Еще потерянный ходъ!. Странно, замѣчаетъ Стаунтонъ, что столь опытный игрокъ какъ Монгредиенъ такъ мало подвижному сознаетъ важность *времени* въ шахматномъ состязаніи. Если вмѣсто безплоднаго нападенія пѣшкой, онъ взялъ бы пѣшку ферзева слона слонкомъ, то игра получала бы иной оборотъ, а именно 20) $\frac{f4-c7^{\circ}}{c8-c7^{\circ}}$ 21) $\frac{c3-e4}{b7-b6}$ 22) $\frac{b2-b4}{d4-e2}$ 23) $\frac{c1-c4}{}$ и партія равна.

ПАРТІЯ № 136.

ШЕСТАЯ ИГРА МАТЧА.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОНТРЪ-ГАМБИТЪ НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

Морфи. (Бѣлые.)	Монгредиенъ. (Черные.)	12) 0—0—0	g8—f6
1) e2—e4	e7—e5	13) d1—e1	0—0
2) g1—f3	d7—d5(1)	14) f2—f3	b7—b5
3) e4—d5°(2)	e5—e4	15) f3—e4°	f5—e4°
4) d1—e2	d8—e7	16) d2—e4°	b5—c4°
5) f3—d4	e7—e5	17) e2—c4	g8—h8
6) d4—b5	f8—d6	18) f1—d3	c8—b7
7) d2—d4	e5—e7	19) e4—f6°	e7—f6°
8) c2—c4	d6—b4+	20) h1—f1	f6—d8
9) c1—d2	b4—d2°+	21) f1—f8°+	d8—f8°
10) b1—d2°	a7—a6	22) c4—b4(3)	и бѣлые выигрываютъ.
11) b5—c3	f7—f5		

Примѣчанія къ партіи No. 136.

(1) Этотъ центральный контръ-гамбитъ относится къ числу неправальныхъ защитъ и далеко уступаетъ болѣе обыкновеннымъ оборонамъ: b8—c6, d7—d6, g8—f6; нельзя однако сказать, чтобъ онъ непремѣнно велъ къ проигрышу и на практикѣ его можно даже употреблять иногда съ пользою, особенно противъ игрока сильнѣйшаго.

(2) Лучшій ходъ. Брать королевскую пѣшку кономъ вело бы къ уравненію партіи (см. Anal. nouv. стр. 4—5).

(3) Мастерской ходъ; какъ бы не играли черные они или теряютъ офицера или получаютъ матъ. Конечно партія бѣлыхъ была бы во всякомъ случаѣ выиграна, такъ какъ они имѣютъ уже двѣ лишнія пѣшки, но Морфи, какъ и всегда, нашелъ именно тотъ ходъ, который разомъ рѣшаетъ игру.

ПАРТІЯ № 137.

Седьмая игра матча.

ГАМБИТЬ ЭВАНСА.

Монгредиенъ. (Бѣлые)	Морфи. (Черные)	10) h2—h3(2)	e ⁷ —g6
1) e2—e4	e7—e5	11) f3—h2	f6—h5
2) g1—f3	b8—c6	12) c4—b3(3)	h5—f4
3) f1—c4	f8—c5	13) c1—f4°	g6—f4°
4) b2—b4	c5—b4°	14) d3—f3	f7—f5(4)
5) c2—c3	b4—a5	15) e4—f5°	c8—f5°
6) 0—0(1)	g8—f6	16) g2—g4	f5—d3
7) d2—d4	0—0	17) f3—e3	a5—b6
8) d4—d5	e6—e7	18) e3—d2	d8—h4
9) d1—d3	d7—d6	и бѣлымъ нѣтъ спасенія.	

Примѣчанія къ партіи No. 137.

(1) Обыкновенно играется d2—d4, что по общему мнѣнію, сильнѣе.

(2) Къ чему это? атаки этотъ ходъ не усиливаетъ, для обороны онъ въ настоящемъ положеніи тоже ненуженъ.

(3) Опять престранный ходъ.

(4) Очень сильный ходъ.

ПАРТІЯ № 138.

Восьмая игра матча.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

Морфи. (Бѣлые.)	Монгредиенъ. (Черные.)	16) c3—d5	d7—f6
1) e2—e4	e7—e5	17) d5—e7°	d8—e7°
2) g1—f3	d7—d6	18) f1—e1	e7—d7
3) d2—d4	e5—d4°	19) d2—g5	h7—h6
4) d1—d4°	a7—a6(1)	20) g5—h4	a8—e8
5) c1—g5	f7—f6	21) c2—c3	e8—e4(3)
6) g5—e3	c8—e6	22) e1—e4°	f6—e4°
7) b1—c3	g8—e7	23) h4—h6°+	f5—h7
8) f1—e2	e7—c6(2)	24) d1—e1	c7—c5
9) d4—d2	f8—e7	25) e1—e4°	c5—d4°
10) 0—0	0—0	26) h6—h5	g7—g6
11) a1—d1	b8—d7	27) h5—h6	f8—e8
12) f3—d4	c6—d4°	28) h1—f4	h8—g7
13) e3—d4°	f6—f5	29) e4—e8°	d7—e8°
14) e4—f5°	e6—f5	30) f4—d4°+	бѣлые вы-
15) e2—c4+	g8—h8		грываютъ партію и матчъ.

Примѣчанія къ партіи No. 138.

(1) Конечно съ тѣмъ, чтобъ помѣшать ходу f1—b5, но того же самого можно бы достигъ съ игрой слона на d7, и это было бы лучше.

(2) Выгоднѣе было бы поставить на эту же клѣтку другаго коня, вводя такимъ образомъ новаго офицера въ игру. Вѣроятно черные не сдѣлали этого, желая поскорѣе рокировать.

(3) Жестокій промахъ! Теперь чернымъ нѣтъ спасенія.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ Листкѣ за августъ мѣсяцъ, отлагается на нѣкоторое время.

Корреспонденція. Г-ну Юкельзону (въ Умань). Получивъ письмо Ваше передъ самымъ выпускомъ настоящаго Листка, мы не успѣли еще разобрать Вашей партіи и замѣчанія на проблемы.

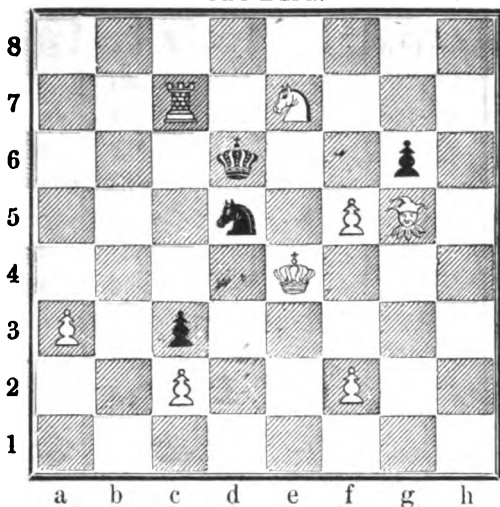

Задачи.

№ 59.

МАРАША (въ Нью-Йоркѣ).

ЧЕРНЫЕ.

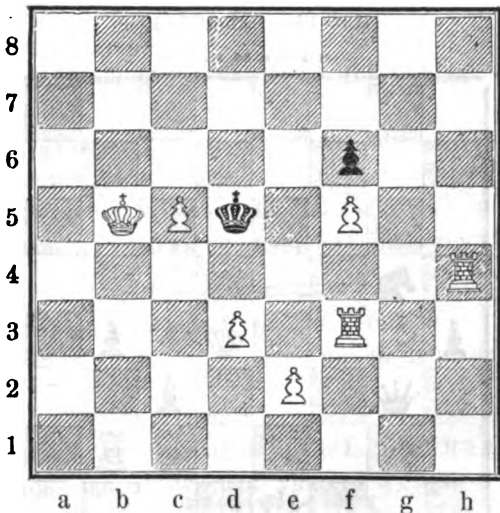
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 7 ходовъ пѣшкой*).

№ 60.

С. Лойда (въ Нью-Йоркѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

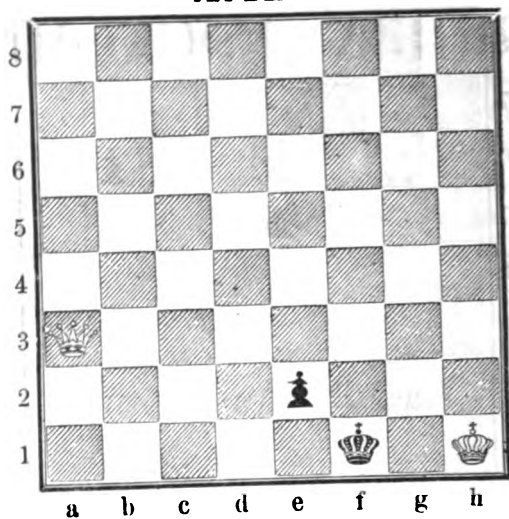
БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

*) Очевидно, что если бы не было условия матовать непременно пешкою, то бѣлые могли бы дать матъ гораздо скорѣе.

№ 61.

Его же.

ЧЕРНЫЕ.

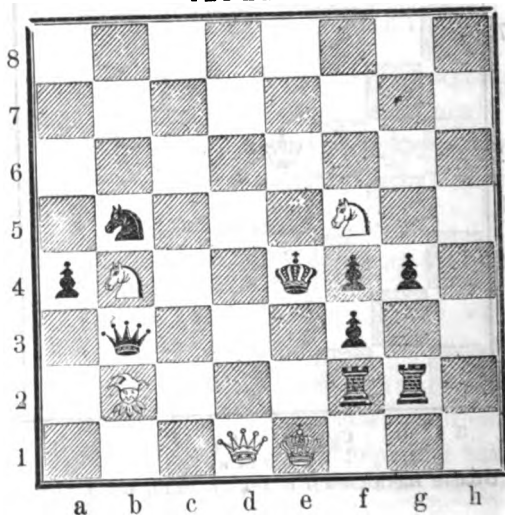
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 5 ХОДОВЪ.

№ 62.

(Изъ Chess Monthly.)

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 4 ХОДА.

МАРКИЗА Д'ЭСКОМАНЪ

(Les Drames Galants)

Романъ А. Дюма (отца)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Издание «Русскаго Слова.»

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи С. Свѣдннкова, въ Торговой ул., № 17.

1860

МАРКИЗА Д'ЭСКОМАНЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ШВАЛЬЕ ПОПАДАЕТЪ ПАЛЬЦЕМЪ ВЪ НЕБО.

На другой день, послѣ бурной ночи, Лудовикъ де-Фонтанье случайно встрѣтился съ швалье де-Монгла на улицѣ. Долго они шли молча; наконецъ послѣдній остановился и пристально взглянулъ въ лицо своему пріятелю.

— И такъ, сказалъ швалье.

— И такъ, повторилъ за нимъ Лудовикъ.

— И такъ вамъ нуженъ мой совѣтъ?... Пожалуй! только въ чемъ же дѣло?

Де-Фонтанье подумалъ, что ему нельзя быть слишкомъ откровеннымъ, а надо дѣйствовать дипломатически.

— А вотъ въ чемъ: знаете ли вы маркизу д'Эскоманъ и ея семейныя отношенія къ мужу? При такомъ вопросѣ я долженъ замѣтить, что все, что будетъ говоритья между нами должно остаться глубокой тайной: въ этомъ я требую отъ васъ честнаго рыцарскаго слова, которому, надѣюсь, швалье де-Монгла не измѣнитъ.

— Конечно, милый другъ; разъ данное мною слово не измѣнно, какъ теченіе этого солнца, — и вы совершенно можете положиться на вѣрность вашего стараго друга.

— Теперь позвольте узнать: сочувствуете ли вы женщинѣ, которая страдаетъ: готовы ли вы подать ей руку помощи, если-бы отъ этой руки зависѣло ея счастье?

— Почему же и не сочувствовать? отвѣчалъ плавъ таннымъ тономъ, по которому легко было видѣть, что ему все равно, хоти-бы провалялась вся вселенная, со всѣми красавицами міра. — Но въ чемъ же ваша тайна? прибавилъ онъ.

Де-Фонтань, озадаченный такимъ хладнокровіемъ, приостановился: онъ подумалъ, что выборъ де-Монгла въ повѣренныя задушевнаго и очень деликатнаго плана во все не достигалъ цѣли. Съ другой стороны, онъ разсудилъ, что де-Монгла единственный человѣкъ, который можетъ дать ему нѣсколько полезныхъ совѣтовъ.

— И такъ, прибавилъ .Лудовикъ, дѣло идетъ о спасеніи прекрасной Эммы; вы, разумѣется, знаете, что маркизь д'Эскоманъ безсовѣстно обманулъ ея юношескія надежды, ея супружескую любовь, онъ принесъ ее въ жертву своему разврату, не пощадивъ въ ней ни одного благороднаго чувства. Вамъ вѣроятно покажется страннымъ, но я вполне убѣжденъ, что маркизь еще можетъ быть возвращенъ своей милой женѣ и если не дастъ ей полного счастья, то, по-крайней-мѣрѣ, успокоитъ ее. Согласны-ли вы принять участіе въ этомъ дѣлѣ?

— Извините, возразилъ де-Монгла, я не совсѣмъ понимаю васъ. Вы, кажется, хотите составить общество цѣломудрія мужей въ Шатоденѣ и назначить меня главнымъ учредителемъ этого новаго и, безъ-сомнѣнія, самаго филантропическаго заведенія. Мысль гениальная: вѣдь есть же общества противъ пьянства, жестокаго обращенія съ животными; почему же не устроить особенной компаніи, охраняющей цѣломудріе супруговъ. Это совершенно въ духѣ нашего вѣка, и если угодно, въ характерѣ нашего общества. И если-бы вы положили мнѣ хорошую премію съ каждаго рога, отъ котораго я избавляю чело шатоденскаго жителя, я охотно вошелъ-бы въ ваши планы и намѣренія...

— Со всѣмъ не то, любезный де-Монгла, остановилъ его .Лудовикъ. Мои желанія отнюдь не такъ далеко простираются; я говорю вамъ о маркизѣ д'Эскоманѣ; и только ее одну хочу помирить съ ея безцутнымъ мужемъ.

— Но позвольте, я опять не понимаю васъ; наше поколѣніе и день и ночь хлопотало о томъ, чтобы ссорить супруговъ и потому въ мутной водѣ ловить рыбу или, какъ говорилось въ наше время, *тащить черта за хвостъ*, а вы мечтаете о какомъ-то примпреніи. Да гдѣ же ваша выгода въ томъ? Признаюсь, я думалъ прежде лучше о вашихъ соображеніяхъ. Я хотѣлъ познакомить васъ съ Маргаритой Жели, обѣщавъ вамъ полный успѣхъ, а вы разыгрываете роль какого-то аркадскаго пастушка съ розовымъ оттѣнкомъ на щекахъ.

— Вы можете думать все, что вамъ угодно. Но разубѣдить меня въ моемъ намѣреніи очень трудно. Я прошу васъ объ одномъ — укажите мнѣ средство, какъ разлучить маркиза д'Эскоманъ съ Жели, заставить его почувствовать всю пошлость его жизни и оцѣнить рѣдкія достоинства Эммы.

— Это очень просто; влюбите въ себя Маргариту, тогда она броситъ маркиза, а онъ спокойно усѣвшись у камина, будетъ восхищаться прелестями своей очаровательной супруги.

— Но вы шутите, а я говорю съ вами совершенно серьезно.

— Нисколько не шучу; повторяю вамъ, что вы можете излѣчить маркиза отъ его страсти той же страстію, т. е., клинь клиномъ надо выбивать. Замѣьте, что между Эммой и Маргаритой для него нѣтъ больше выбора; если вы сдумаете отбить у него любовницу, онъ поневолѣ обратится къ женѣ. Всякая другая мѣра—могу увѣрить васъ впередъ, окончится ничѣмъ, и вы, милый Лудовикъ, вмѣсто лавра, увѣнчаете себя колпакомъ самаго простаго смертнаго.

— Но почему вы думаете, что я успѣю расположить къ себѣ Жели? спросилъ Лудовикъ съ видимымъ сомнѣніемъ.—Объясните мнѣ, любезный де-Монгла.

— Извольте. Я буду ясенъ какъ день. Слушайте со вниманіемъ, мой другъ, и не пророните ни одного слова. Городу Шатоденъ все извѣстно: онъ очень хорошо знаетъ, что дѣлается въ сердцахъ его обитателей и сколько лежитъ въ ихъ кошелькахъ; не дагѣ какъ вчера онъ единогласно утверждалъ, что ни одна юпка, ни шелковая ни кисейная, еще не произвела впечатлѣнія на Лудовика де-Фонтанье, — и я вполне раздѣляя съ нимъ это мнѣніе до-тѣхъ-поръ, пока вы не вынули изъ кармана кошелекъ, такъ чудно предохранившій васъ отъ смерти. Я повѣлъ тогда, что и ваше сердце не безъ крови, что и ему доступны болѣе нѣжныя чувства, чѣмъ черствая обязанность примирителя супруговъ. Въ то время мнѣ показалось, что подъ

этими кроется не игрушка, а любовь и, по моему мнѣнію, любовь свѣжая и, можетъ быть, первая.

— И вы заключили...

— Да, я перебралъ въ своей памяти всѣхъ шатоленскихъ красавицъ и не нашелъ между ними ни одной, кромѣ Маргариты Жели, способной такъ быстро измѣнить ваши строгія правила.

— И вы убѣждены, что я влюбленъ въ Жели. Неужели вы не предвидите никакихъ препятствій на дорогѣ къ ея сердцу?

— Напротивъ, огромныя, отвѣчалъ швалье де-Монгла.

— Но что же она за чародѣйка, эта Маргарита Жели, — эта голубиная душа вашего общества?

— Да, совершенная чародѣйка; но я боюсь за васъ вовсе не по тому, — нѣтъ! Я опасаюсь за васъ, какъ за моего молодого друга: она увлечетъ васъ, заставитъ сойтись съ нашимъ разгульнымъ кружкомъ, чего мнѣ вовсе не хотѣлось-бы.

— Вы очень добры, швалье; но меня сбиваетъ одно обстоятельство.

— Какое?

— Вѣдь тотъ кругъ, о которомъ вы такъ относитесь, — ваши друзья.

— А! хороша рекомендація! Не правда ли?

— Въ такомъ случаѣ, что-жь будетъ дурнаго въ моемъ сближеніи съ ними.

— Очень много.

— Но что-жь именно?

— Вамъ придется поплатиться бессонными ночами, свѣжетью вашего сердца и, главное, самолюбіемъ, поставивъ вашу бѣдность противъ ихъ богатства.

— Но какъ-бы я ни былъ бѣденъ, отвѣчалъ, покраснѣвъ Лудовикъ де-Фонтанье: — однакожь я все-таки считаю этихъ господъ себѣ равными и положеніе мое въ обществѣ нисколько не ставитъ меня ниже ихъ.

— Гмъ! Я вижу теперь, что вамъ нужна голая истина, въ томъ натуральномъ костюмѣ, въ которомъ она вышла изъ своего знаменитаго колодца. Хорошо... положитесь на меня и я разоблачу ее передъ вами. Теперь вся сила заключается въ богатствѣ и если вы не въ состояніи противопоставить ему вашей звонкой моне-

ты, то вамъ придется купить себѣ ваше воображаемое равенство цѣною низостей, подлостей и униженія. Что-жь? нравится ли вамъ такое положеніе, мой другъ? Отвѣчайте!... У меня сохранились такія воспоминанія, что если я ими подѣлюсь съ вами, то вы на всегда возненавидите это равенство во имя золотого тельца. А вѣдь я давно уже рассчитываюсь за него по дорогой цѣнѣ. Покупая себѣ равенство цѣной пороковъ, вы будете также смѣшны какъ и Донъ-Кихоть. Вспомните только, что на вашихъ рукахъ мать и кузина, что вы обязаны обѣихъ содержать, а послѣднюю выдать замужъ; сверхъ того вамъ необходимо приобрести прочное положеніе въ обществѣ, чего достигъ бѣдному человѣку можно только трудомъ и терпѣніемъ. Правда, все это не очень весело — но чтожь дѣлать.

— Благодарю, сказала Лудовикъ, смотря съ изумленіемъ на швалье де-Монгла. Я васъ больше не узнаю! Мнѣ такъ и кажется, что я вижу предъ собой одного изъ семи мудрецовъ.

— Добрый другъ, отвѣчалъ де-Монгла, положивъ руку на плечо молодого человѣка: — когда передо мною нѣтъ ни бутылки, ни зеленого поля, я удивляюсь ясности своей головы; но повѣрьте мнѣ, что я дѣлюсь своимъ смысломъ не со всѣми.

— Вы очень любезны, г. де-Монгла; но позвольте обратиться къ прежнему вопросу: желаете ли вы содѣйствовать мнѣ въ задуманномъ планѣ? Если только желаете, я могу увѣрить васъ, что остановлюсь именно тамъ, гдѣ требуетъ долгъ сына и порядочнаго человѣка.

— Сомнѣваюсь; но я обязанъ вамъ благодарностью, и потому прошу распорядиться мной, какъ найдете лучше. Въ одномъ предупреждаю васъ, милый Лудовикъ, что вы начинаете игру, которую легко проиграть.

— На первый разъ я попросилъ бы васъ, любезный швалье, познакомить меня съ Маргаритой Жели, по-крайней-мѣрѣ, от-рекомендовать меня съ благопріятной стороны. Кажется теперь вы должны убѣдиться, что таинственный кошелекъ вовсе не оправдываетъ вашего предположенія.

— Современемъ, надѣюсь, вы откроете мнѣ тайну его, когда увѣритесь, что старый де-Монгла никогда не измѣнялъ секретамъ своихъ друзей. Что же касается вашего знакомства съ Маргаритой, ничего не можетъ быть легче. Если хотите, вы

можете видѣть, говорить и понравиться ей даже сегодня, только....

— Позвольте остановить васъ на послѣднемъ словѣ. Я дѣйствительно, хотѣлъ бы понравиться Жели, но какъ? — въ этомъ будетъ вашъ первый совѣтъ, какъ опытнаго наставника въ любовныхъ похожденияхъ.

— Одно могу подтвердить, что выборъ ванъ недурень, положитесь на меня вполне, и я сослужу вамъ службу, за которую старые короли награждали замками и жезлами маршаловъ. Чтобы не откладывать дѣло въ длинный ящикъ, я долженъ напередъ познакомить васъ съ характеромъ Маргариты. Вы ужъ видѣли ее одинъ разъ, и, конечно, нашли ее очень смазливой дѣвушкой. Надо вамъ замѣтить, что она дочь шатодѣнскаго фермера, оставленная сиротой въ ранней юности. Первое столкновение ея съ жизнью, нѣтъ сомнѣнія, было все нерадостное. Переходя изъ рукъ въ руки чѣрствыхъ эгоистовъ, добывая хлѣбъ тяжелымъ трудомъ—часто съ униженіемъ и затаенной ненавистью въ сердцахъ, она приобрѣла ту естественную независимость, которая отличаетъ бѣдную, но свободную женщину. Пожертвовавъ все, что было для нея болѣе дорогаго, — именемъ, честью и лучшими надеждами, она, разумѣется, не легко проститъ эти жертвы обществу, которое заставило ее упасть такъ низко. Она не такъ глупа, чтобы не понимать, кто отнялъ у нея право на жизнь, и на столько развита, чтобы не быть безмолвной рабой чужаго каприза. Поэтому будьте осторожны, и не оскорбляйте въ ней ни одного женскаго чувства. Надо замѣтить, что маркизь д'Эскоманъ, — ея третій любовникъ а первыхъ двухъ она бросила именно съ той минуты, когда они стали смотрѣть на нее, какъ на игрушку своей пошлой прихоти. Съ этой независимостью въ Маргаритѣ много гордости. Это не та гордость, которую мы привыкли видѣть въ нашемъ безцвѣтномъ обществѣ, гдѣ послѣ заносчивой и чванливой фразы слѣдуетъ подлый поступокъ; нѣтъ, эта гордость женщины, которая, при всемъ сознаніи своего достоинства, доведена была нуждой до самооскорбленія. Она чувствуетъ это постоянно, но не позволить другому касаться больной раны своего сердца. Съ несчастіемъ, говорить, растеть самолюбіе, по-крайней-мѣрѣ, оно раздражается, и я понимаю, что если сила обстоятельствъ унизила насъ, то мы не хотимъ, чтобы другіе напоминали намъ объ этомъ униженіи. Повѣрьте, что въ дочери угольщика всегда найдете гораздо больше самоувѣренности и самолюбія, чѣмъ въ

дочери французскаго пера. Наконецъ долженъ прибавить, что Маргарита не корыстолюбива, но любить деньги, какъ средство своей общественной независимости. Она не продастъ ни одного пощѣлу за всѣ помѣстья д'Эскомана, если-бъ онъ былъ совершенно противенъ ей, но и не откажется отъ кашемировоіи шали или изумруднаго ожерелья, подареннаго ей любимымъ человекомъ. Вотъ вамъ портретъ Маргариты Жели; по его чертамъ вы сѣумѣете составить планъ вашего дѣйствія, а остальное я предоставляю волю судьбы и вашей собственной.

Окончивъ свой длинный монологъ, какой только когда-либо онъ говорилъ въ одинъ приемъ, де-Монгла съ особеннымъ удовольствіемъ посмотрѣлъ на Лудовика. Не трудно было догадаться, что швалье думалъ въ эту минуту: «видишь-ли, хотѣлось ему сказать своему молодому ученику, какой палатой ума была нѣкогда эта сѣдая и лысая голова».

Лудовикъ де-Фонтанье, какъ-будто подмѣтивъ заднюю мысль швалье, сказалъ ему съ увлеченіемъ:

— Я безконечно обязанъ вамъ, любезный де-Монгла; такого умнаго и обязательнаго друга, какъ вы, мнѣ вѣрно не удастся еще разъ встрѣтить въ жизни...

— Погодите, милый юноша, сказалъ швалье, перебивая Лудовика на половинѣ фразы. Что до моего ума, прощу не слишкомъ увлекаться имъ: это солнце рѣдко выходитъ изъ облаковъ и затмѣнія моеіи головы такъ обыкновенно, что вѣрно еще разъ въ жизни вы не увидите меня въ такомъ философскомъ настроеніи. Притомъ, не думайте, чтобъ я былъ очень обязателенъ. Мое дѣло удить рыбку, гдѣ она лучше ловится. За всѣ мои совѣты я попрошу васъ поставить сегодня десять червонцевъ на мою карту, противъ д'Эскомана. Если я выиграю, возвращаю вамъ деньги, если проиграю — зачтите ихъ за мои будущіе уроки. ●

— Охотно предлагаю вамъ весь мой кошелекъ, какъ онъ ни пусть въ настоящую минуту; но гдѣ же вы проводите свой вечеръ?

— Какъ? развѣ вы не приглашены маркизомъ провести съ нами безпутную ночь за городомъ, въ извѣстной гостинницѣ Полиньяка?

— Нѣтъ; я не видѣлъ сегодня д'Эскомана.

— Такъ ступайте домой и вы навѣрно найдете записку на столѣ, которая приглашаетъ васъ раздѣлить съ нами нашу дружескую пирушку. И я совѣтую вамъ непременно пріѣхать, — тамъ

будет Жели, и это самый удобный случай завязать съ ней первое знакомство.

— Если я буду званъ, надѣюсь увидѣть васъ сегодня вечеромъ, сказалъ Лудовикъ, подавая руку де-Монга.

— И такъ быть поспе! Теперь идите въ вашу прокуратуру, и спасайте Францію вашими декретами и безграмотными отношеніями деревенскихъ меровъ.

Друзья разстались и пошли въ разные стороны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВЪ КОТОРОЙ ШВАЛЬЕ ДЕ-МОНГЛА УЧИТЬ СВОЕГО МОЛОДАГО
ДРУГА УДИТЬ.

Гостинница Полиньяка была единственнымъ мѣстомъ, послѣ заведенія Бертрана, куда сходились шатодѣнскіе разгульные юноши, не желавшіе беспокоить буйными ночами мирныхъ жителей города. Она находилась въ двухъ миляхъ отъ Шатодѣна, и занимала великолѣпное мѣстоположеніе. Передъ ней текла небольшая, но чистая и быстрая рѣчка, съ ровнымъ и обширнымъ берегомъ, замкнутымъ на далекомъ горизонтѣ высокими горами. На другомъ, поднятомъ берегу, зеленѣли виноградники, растворявшіе воздухъ своимъ цѣлебнымъ благовоніемъ; не вдалекѣ лежалъ темный боръ, окруженный засѣянными полями и пастбищами. Окрестная сцена не была разнообразна, но не обыкновенно граціозна. Долины и горы, горы и долины перемежались такъ симметрично, что глазъ не утомлялся ни однимъ предметомъ на этой художественной картинѣ.

Самое зданіе гостинницы стояло на отлогой мѣстности и было обнесено бѣлой каменной стѣной. Длинный рядъ оконъ, обращенныхъ къ восточной, самой лучшей сторонѣ окрестностей, составлялъ единственное украшеніе постройки. Все прочее было крайне-незатѣливо и даже ветхо. Осунувшійся балконъ, съ потрескавшимся гранитомъ и заржавленной рѣшеткой, давно отжилъ свое назначеніе; только трактирный слуга выходилъ на него, не за тѣмъ, чтобъ дохнуть свѣжимъ воздухомъ или полю-

боваться воспитательнымъ видомъ, а вывѣсить мокрую салфетку или швырнуть въ рѣку разбитую рюмку.

Внутреннее убранство пріемной комнаты состояло изъ двухъ козетокъ, подюжены кресель, дюжины стульевъ краснаго дерева, уже довольно подержанныхъ и обитыхъ темно-малиновымъ сукномъ съ черными рисунками, столы были накрыты синими суконными скатертями, покрытыми пятнами всевозможныхъ цвѣтовъ и рисунковъ.

Окна залы были драпированы ситцемъ съ красными и черными цвѣтами, съ вышитою отдѣлкою того же цвѣта въ видѣ желудей и бубенчиковъ: занавѣски по краямъ были окаймлены галуномъ, и прихвачены къ косякамъ бронзовыми розетками. На стѣнахъ комнаты висѣли двѣ плохія гравюры; одна представляла сраженіе Мазены, а другая .Лудовика XIV въ версальскомъ саду. На каминѣ стояли вызолоченные часы съ изображеніемъ Психей, надѣвающей узкое платье, на подобіе гусарскихъ рейтузъ, съ коротенькой и тонкой таліей и съ крыльями бабочки за спиной. Подлѣ Психей скульпторъ изобразилъ какую-то мебель, такой загадочной формы, что она постоянно служила посѣтителямъ предметомъ ежедневныхъ насмѣшекъ. Вотъ и вся изящная обстановка, которой славилось заведеніе Полиньяка.

Когда де-Монгла вошелъ сюда, здѣсь находилось уже нѣсколько молодыхъ людей, приглашенныхъ на вечеръ. Около восьми часовъ явился и .Лудовикъ. Наконецъ двери растворились съ шумомъ и самъ толстенный и угловатый Полиньякъ, содержатель гостиницы, ввелъ маркиза и Маргариту въ освѣщенный залъ.

Едва Желп показала на порогѣ, какъ ее встрѣтили залпомъ рукоплесканій; она раскланялась со всѣми, но остановила особенно-любопытный взглядъ на .Лудовикѣ де-Фонтаньѣ. Костюмъ ея былъ свѣжъ, но простъ. Она пріѣхала въ домашнемъ платьѣ, которое особенно любила надѣвать, потому что казалась въ немъ гораздо интереснѣе. На ней былъ надѣтъ шелковый голубой капоть съ пунцовыми отворотами, лифъ его, вырѣзанный спереди, обрисовывалъ округленные формы ея прекрасной груди и открывалъ полныя плечи, бѣлыя какъ мраморъ; пышные складки капота обхватывали стройный и гибкій станъ, который, судя по лѣтамъ ея, казался слишкомъ тонкимъ. На рукахъ ея, довольно дѣлнчатныхъ отъ природы, были однаковъ

сгѣды прежней трудовой жизни, легкой загаръ и морщинки покрывали тонкую кожу.

Между тѣмъ какъ гости, изъ которыхъ многіе хотѣли польстить маркизу въ лицѣ его любовницы, съ восторгомъ и удивленіемъ приняли Жели, одинъ Лудовикъ де-Фонтанье остался холодно-равнодушнѣе. При взглядѣ на Жели, въ душѣ его поднялся очаровательный образъ маркизы д'Эскоманъ; подъ вліяніемъ этого воспоминанія, Маргарита потеряла для него всякую обаятельную силу. Сравнивъ этихъ двухъ соперницъ, одну страдающую и другую пиршествующую, онъ вполне оцѣнилъ достоинства первой и недостатки второй. Въ эту минуту ему представилась Жели тираномъ, который разлучивъ супруговъ, играетъ своею жертвой, какъ кошка пойманной птичкой. «Неужели, подумалъ онъ, это олицетвореніе мѣщанскаго сладострастія способно было замѣнить д'Эскоману прелестную Эмму?» Но чѣмъ глубже Лудовикъ почувствовалъ печальное положеніе маркизы, приготовленное ей куртизинкой, тѣмъ рѣшительнѣе приступилъ къ исполненію своего плана.

Онъ внимательно сталъ наблюдать за молодой четой, постоянно встрѣчаясь съ ободрительнымъ взглядомъ де-Монгла. Когда маркизъ д'Эскоманъ и его подруга замѣтили Лудовика среди гостей, то первый поклонился ему съ привѣтливой улыбкой, а у послѣдней глаза сдѣлались еще болѣе томными и на щекахъ сильнѣе заиграли румянецъ. Швалье де-Монгла все это видѣлъ, и съ удовольствіемъ потиралъ руками.

Молодой человѣкъ былъ представленъ Маргаритѣ самимъ маркизомъ д'Эскоманъ. Въ обхожденіи послѣдняго съ своей любовницею не видно было ни той пошлой небрежности, ни того надменнаго тона, съ которымъ онъ обращался къ Эммѣ. Напротивъ, онъ держалъ себя почти съ уваженіемъ, стараясь тѣмъ возвысить ее въ глазахъ своихъ друзей. Видно было по всему, что маркизъ д'Эскоманъ вовсе не былъ свободенъ отъ вліянія своего идола.

За каждымъ движеніемъ, за каждымъ взглядомъ Жели, онъ слѣдилъ съ истинно-рабскимъ угожденіемъ.

— Ну, какъ вы находите ее? спросилъ онъ, проводивъ Маргариту къ креслу и подходя къ Лудовику.

— Кого?

— Маргариту Жели.

— Я не позволю себѣ неприличнаго сравненія, но если вы требуете полной откровенности, то, признаюсь вамъ, мое вче-

раннее знакомство съ маркизой сильно вредитъ первому впечатлѣнію при взглядѣ на Маргариту.

— Странный вкусъ, проговорилъ маркизъ д'Эскоманъ съ такимъ равнодушіемъ, какъ-бы говорилъ о посторонней для него женщинѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ лицѣ его проглянуло сомнѣніе.

Отвѣтъ маркиза словно раскаленнымъ желѣзомъ коснулся сердца молодого человѣка. Лудовикъ вдругъ почувствовалъ страшную ненависть къ Жели: могъ ли онъ простить ей, что ее сравниваютъ съ его свѣтиломъ.

Швалье, подслушавъ этотъ разговоръ, такъ весело и выразительно посмотрѣлъ на Лудовика, что послѣднему сдѣлалось не совсѣмъ ловко отъ этого взгляда.

— Превосходное начало, мой гениальный другъ! сказалъ де-Монгла, проходя мимо Лудовика. Затроньте ревность въ одномъ любовникѣ въ другой, — и побѣда на вашей сторонѣ.

Между тѣмъ маркизъ д'Эскоманъ, проникнутый отзывомъ Лудовика о Маргаритѣ или оттого, что не хотѣлъ показаться смѣшнымъ ревнищемъ, только потребовалъ, чтобы молодой человѣкъ, какъ герой этого вечера, непременно сѣлъ за ужиномъ подлѣ Маргариты.

Говорять, что наши чувства принимаютъ особенный характеръ, какъ скоро мы скрываемъ ихъ, и что этотъ отбѣнокъ легко замѣтить, когда дѣло касается чувства любви. Ложь и лѣсть болѣе всего походятъ на правду, и женщины гораздо легче увлекаются похвалами, чѣмъ самою любовью.

Въ положеніи Маргариты эта рефлексія чувства должна быть еще сильнѣе: для нея любовь не была новостью, а лѣсть кружила ей голову тѣмъ превосходствомъ, котораго она, на самомъ дѣлѣ, не имѣла, но тѣмъ болѣе о немъ мечтала.

Лудовикъ де-Фонтанье понялъ эту истину: онъ осыпалъ свою молодую сосѣдку предупредительною услужливостью и самой нѣжной любезностью, но, къ величайшему удивленію его, Маргарита принимала все это очень холодно и равнодушно, отвѣчая ему не иначе какъ общими мѣстами. Такимъ обращеніемъ она чрезвычайно затруднила Лудовика поддерживать съ нею разговоръ въ томъ же тонѣ, въ какомъ онъ началъ его.

За то маркизъ д'Эскоманъ сердито нахмурилъ брови, видимо желая тѣмъ показать, что подобное обращеніе его новаго друга не совсѣмъ ему нравится.

Ужинъ кончился. Хозяинъ гостинницы и прислуга приня-

ли десертъ и приготовляли карточный столъ. Въ это время швалье де-Монгла подошелъ къ Лудовику, стоявшему еще въ раздумьи отъ гордаго и чопорнаго поклона, которымъ отвѣтила Маргарита на рыцарскую вѣжливость его во время ужина.

— Ну что, каково идутъ дѣла? спросилъ швалье Лудовика.

— Плохо, отвѣчалъ онъ, улыбаясь: — кажется вы оговорили Маргариту.

— Полно!.. продолжайте такъ, какъ вы начали. Какъ я вижу—вы хорошій тактикъ, но дурной дипломатъ. Развѣ вы не понимаете, что если женщина, на первый разъ, прикидывается сдержанной, холодной и молчаливой, значить она ни равнодушна къ вамъ.

— Вы полагаете?

— Ну да; только мнѣ сдается, что вы ужъ слишкомъ ухаживаете за ней, продолжалъ швалье де-Монгла:—кажитесь болѣе искреннимъ и менѣ приторнымъ. А умѣете ли вы удить?

— Нѣтъ; но къ чему такой вопросъ?

— А къ тому, что въ настоящемъ вашемъ положеніи это знаніе было-бы очень полезно вамъ. Представьте себѣ, что предъ вами плаваютъ лакомыя рыбки, и вы хотите поймать хотя одну изъ нихъ: вы бросаете имъ подъ самый носъ удочку съ приманкой, и выжидаете,—рыбка играетъ удочкой, но не наклеивается. Тогда вамъ надо показать будто вы хотите выдернуть удочку, замѣтивъ это, рыбка бросится на приманку и попадетъ на вашу удочку. Точно также надо ловить и женщинъ, мой другъ.

— Совѣтъ вашъ какъ всегда, отличается совершеннымъ знаніемъ жизни, и я постараюсь воспользоваться имъ.

— Непремѣнно — и вы увидите, что я не ошибаюсь, сказалъ де-Монгла. А чтобъ воспользоваться моимъ наставленіемъ, я совѣтовалъ-бы вамъ на нѣсколько минутъ оставить Маргариту и сѣсть за карты.

Предложивъ швалье половину денегъ, взятыхъ съ собой, Лудовикъ согласился попробовать счастья, не менѣ сѣбпаго, чѣмъ самая любовь.

И друзья усѣлись рядомъ за карточнымъ столомъ.

Маргарита, облокотясь на ручку кресла, стояла близь маркиза. Цѣлудя его, она въ тоже время обратила взоры свои въ сторону Лудовика и тутъ только онъ замѣтилъ въ первый разъ, что въ глазахъ ея, полузакрытыхъ, полныхъ нѣги и подерну-

тых томной влагой, мелькнулъ страстный взглядъ, расходившійся съ направлениемъ губъ молодой дѣвушки.

Какъ новпчекъ, Лудовикъ былъ необыкновенно счастливъ и въ карточной игрѣ: ему удавались самыя отчаянныя ставки, онъ выигрывалъ безумныя пароля, такъ-что кучи золота, серебра и банковыхъ билетовъ все больше и больше росли передъ нимъ. Волненіе, испытанное Лудовикомъ отъ прикосновенія къ картамъ пары крѣпкихъ напитковъ, поощренія его азартнаго дольщика—де-Монгла, воспламененнаго необыкновенной удачей — все это, подобно яду, заразило кровь де-Фонтанье; онъ разгорячился и вѣроятно, надѣлалъ-бы множество глупостей, если-бъ не вспомнилъ, что у него есть бѣдная мать, передъ которой онъ былъ въ эту минуту преступникъ.

Хотя маркизь д'Эскоманъ владѣлъ всею опытностью игрока, но огромный проигрышъ, выпавшій на его долю, вывелъ его изъ обычнаго хладнокровія.

— Двѣсти пятьдесятъ лудировъ на-слово! сказали маркизь, проигравъ всѣ наличныя деньги.

— Сколько вамъ угодно, мой другъ, отвѣчалъ Лудовикъ де-Фонтанье, прокинувъ двѣ фигуры, изъ которыхъ послѣдняя уже столько разъ выпадала, что нельзя было ожидать, что-бы она нашлась еще въ талии.

— Теперь ужъ слишкомъ поздно гнуть пароль! воскликнулъ швалье де-Монгла, опасаясь за увлеченіе Лудовика и общій ихъ интересъ.

— Но мнѣ, право, стыдно этого счастья, которое сегодня преслѣдуетъ меня, возразилъ молодой человекъ.

Лудовикъ прокинулъ третью карту, она была одинаковаго куша со второй; онъ опять выигралъ и видимо разсердился на свою глупую удачу.

— Bravo, мой безцѣнный другъ! радостно вскричалъ швалье де-Монгла.— Дразните счастье! покажите ему, что вы вовсе не нуждаетесь въ немъ, и оно, какъ женщина, еще съ болѣею настойчивостью пойдетъ за вами.

Между тѣмъ какъ игра продолжалась, Лудовикъ даже не взглянулъ на Маргариту. Она находилась близъ него, за тѣмъ же карточнымъ столомъ, украдкой поглядывая на него очень нѣжно,— но онъ какъ будто забылъ о ея присутствіи.

Такая рѣзкая перемѣна въ обращеніи Лудовика съ Маргаритой, не ускользнула отъ ея вниманія и сильно ее удивила не подозрѣвая съ его стороны особеннаго расчета, она пред-

пологала, что онъ остался недоволенъ ея равнодушiемъ и потому старалась подстрекнуть въ немъ новую страсть кокетствомъ.

Теперь де-Фонтанье былъ для нея совершеннѣйшимъ идеаломъ: какъ женщину, ее ослѣпилъ этотъ необыкновенный успѣхъ игрока, этотъ блескъ золота, самая отвага его и пламенный взглядъ молодаго человѣка, такъ вѣрившаго въ свое счастье.

— Пятьсотъ лудировъ! кто держитъ пятьсотъ лудировъ? вскричалъ г. де-Монгла, подражая пронзительному голосу крупѣровъ.

— Я держу, сказалъ маркизь д'Эскманъ, котораго лицо—то блѣдное, то багровое, необыкновенно расширенные зрачки и тяжелое дыханiе обнаруживали сильное волненiе.

Лудовикъ де-Фонтанье наклонилъ голову въ знакъ согласiя.

Въ это время, онъ почувствовалъ что-то похожее на головокруженiе. Не смотря на то, что онъ искренно желалъ проиграть, сердце его надрывалось, вполне поддаваясь могущественному влiянiю страсти, и у него не доставало силъ избавиться отъ мучительнаго томленiя, сжимавшаго его грудь, — томленiя, которое испытываютъ всѣ игроки. Въ эту минуту для него не существовало Маргариты и только прелестный образъ Эммы, призываемый имъ въ душѣ, неясно носился въ какомъ-то туманѣ передъ его глазами.

Воцарилась торжественная тишина, прерываемая только шелестомъ прокидываемыхъ картъ, счастье и въ этотъ разъ измѣнилось маркизу д'Эскману: на него было жалко и страшно взглянуть.

— Пойдемте! сказалъ онъ наконецъ, взявъ за руку Маргариту.

Молодая женщина не трогалась съ мѣста, продолжая вертѣть межъ пальцами карточку, которую за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ она исколола булавкой.

— Нѣтъ! отвѣчала она маркизу: — мнѣ хочется попробовать, не будетъ-ли счастье г. де-Фонтанье благосклоннѣе ко мнѣ чѣмъ къ вамъ.

— Идетъ тысячу лудировъ! вскричалъ швалье де-Монгла, нѣсколько сдавленнымъ голосомъ.

— Къ чему такъ много, де-Монгла? мои желанiе гораздо скромнѣе: я только домагаюсь браслета, такъ долго обѣщаннаго маркизомъ, и ставлю на карту цѣну этой вещи — 25 луди-

доровъ; мосѣ де-Фонтанье вѣроятно согласится принять эту ставку!

— У васъ нѣтъ денегъ, проговорилъ д'Эскоманъ съ нетерпѣніемъ.

— Также точно, какъ и у васъ маркизъ; но завтра... и въ ожиданіи этого завтра, я увѣрена, что де-Фонтанье не откажется отъ моего векселя, и Маргарита бросила на столъ передъ Лудовикомъ свою исколатую карту, согнутую въ четверо.

— Рыбка наклеивается, тихо проговорилъ швалье де-Монгла, своему молодому сосѣду: — приготовьтесь во-время вытянуть удочку.

Безумная надежда раздраженнаго игрока, часто переживающая послѣдній червонецъ, уязвила маркиза д'Эскоманъ въ самое сердце. Разсудокъ совѣтовалъ ему уйти, а страсть только искала какого-нибудь повода, чтобъ ему остаться; въ подобномъ случаѣ она всегда беретъ верхъ и заглушаетъ голосъ разума. Такъ случилось и съ маркизомъ: онъ провозгласилъ, что держитъ остальную часть тысячи луддоровъ,

Но счастье и на этотъ разъ не измѣнило двумъ друзьямъ, и Маргарита, вставая изъ-за стола, со вздохомъ проговорила:

— Увы! прощай мой прелестный браслетъ.

При этихъ словахъ швалье де-Монгла толкнулъ Лудовика колѣномъ.

— Со всѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ ей де-Фонтанье, мое капризное счастье должно смириться передъ вами,—и если маркизъ позволитъ, то завтра же браслетъ будетъ на вашей рукѣ.

— Очень жаль, что вы не миллионеръ, сказалъ швалье де-Монгла такъ громко, чтобъ Маргарита его услышала: — при вашей щедрости было-бы чрезвычайно приятно быть вашей любовницей или, по-крайней-мѣрѣ, другомъ.

Маркизъ д'Эскоманъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ этого намека и, обратясь къ Маргаритѣ, простился съ ней поцѣлуемъ означавшимъ, что ей пора уже удалиться; потомъ онъ началъ смѣшивать карты съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ: руки его дрожали, кровь прилилась къ вискамъ и глаза выражали бѣшеный гнѣвъ, чуть-чуть сдержанный необыкновеннымъ усиленіемъ воли. Немного погодя онъ вышелъ изъ комнаты, сказавъ что ѣдетъ домой за деньгами и тотчасъ вернется.

Послѣдній проигрышъ, и внезапный отъѣздъ маркиза произвели нѣкоторую суматоху общества и каждый изъ присутствующихъ спѣшилъ ею воспользоваться, чтобъ свободно вздохнуть.

Швалье де-Монгла собралъ со стола кучу золота и банковые билеты, лежавшіе передъ Лудовикомъ де-Фонтанье, отнесъ ихъ въ смежную съ залой комнату и, выложивъ тамъ на столикъ весь свой выигрышь, раздѣлилъ его, какъ слѣдовало, по поламъ.

— А вѣдь чудное дѣло — игра! вскричалъ онъ, перебирая пальцами золото и судорожно сжимая банковые билеты. Посмотрите-ка, мой другъ, этотъ глупый металлъ и эти бумажные доскутки заключаютъ въ себѣ цѣлый міръ наслажденій и счастья. Все это укладывается въ горсти, но въ этой горсти заключено все. Да, все; тутъ и молодость и любовь, тутъ всё удокольствія и дружба. Хорошо живется съ ними! — сказавъ это, швалье де-Монгла замѣтилъ, что молодой его другъ, не обращая особеннаго вниманія на свой довольно значительный выигрышь, стоялъ, прислонившись къ окну, и погруженный въ задумчивость, о чемъ-то мечталъ, смотря на звѣздное небо. — Э! да вы меня не слушаете! продолжалъ де-Монгла звоня золотомъ по земленому сукну.

— Я никогда не рассчитывалъ жить выигрышемъ, сказалъ де-Фонтанье, и потому, можетъ быть, мнѣ хочется спать послѣ цѣлаго вечера такихъ глупыхъ впечатлѣній.

— Очень жалко, замѣтилъ де-Монгла, что вы любите разсуждать тамъ, гдѣ вовсе не надо. Игра и любовь должны быть далеки отъ всякаго сомнѣнія, а сомнѣніе есть первый шагъ къ разсужденію, какъ говаривалъ мой ученый дѣдушка. Кстати, прибавилъ онъ, показывая на стѣну, вѣдь она здѣсь.

— О комъ вы говорите?

— О Маргаритѣ, чертъ возьми! Васъ раздѣляетъ съ ней одна тоненькая перегородка, въ послѣднее время она посѣлилась здѣсь, ради наслажденія природой и утреннихъ освѣжительныхъ прогулокъ. Не хотите-ли вы, чтобъ я постучалъ къ ней въ стѣну и заговорилъ о васъ?

— Но вы забыли, что маркизь д'Эскоманъ вѣроятно теперь у нея.

— Да развѣ вы не слышали, что онъ поѣхалъ домой — набить свой кошелекъ золотомъ своей законной супруги.

При послѣднемъ замѣчаніи де-Монгла у молодого человѣка потѣмнѣло въ глазахъ; онъ двойнѣ почувствовалъ презреніе къ своему золоту, выигранному у маркиза.

— Ба! ба! вскричалъ де-Монгла, непереставая и зрѣніемъ, и осязаніемъ наслаждаться своимъ выигрышемъ: — какъ это пала въ мои билеты вещь — совершенно посторонняя?

— Что такое?

— Карточка Маргариты!... и больше ничего.

— Изорвите ее; навѣрно вы не предполагаете, чтобъ я пришла отъ Маргариты 25 лудировъ взамѣнъ обѣщаннаго ей браслета?

— Конечно нѣтъ! Но такъ-какъ все, что принадлежитъ любимому нами существу, должно быть для насъ драгоцѣнно, то сохраните у сердца эту карту. Та, та, та! да здѣсь что-то написано, — на картѣ брошенной вамъ такъ равнодушно.

Швалье де-Монгла развернулъ карту и дѣйствительно оказалось, что на ней булабочные проколы означали буквы, а буквы эти сложились въ одно слово: *любите*.

— «Тяни черта за хвостъ!» какъ говаривали въ наше время, воскликнулъ де-Монгла. И такъ рыбка наклеивается гораздо скорѣй, чѣмъ я думалъ. Позвольте, милый другъ, полакомится на вашъ счетъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О непостоянствѣ добродѣтели, когда вмѣшается дьяволъ.

Швалье де-Монгла подошелъ къ Лудовику де-Фонтань, еще стоявшему у окна.

— О чемъ вы такъ задумались? спросилъ первый.

— О томъ, что я во всю мою жизнь не уставалъ такъ, какъ сегодняшній вечеръ, отвѣчалъ Лудовикъ.

— Тѣломъ или сердцемъ? сказалъ де-Монгла съ лукавой улыбкой.

— И тѣмъ и другимъ; но посмотрите на эту спящую окрестность полей, на это ясное небо: какой разительный контрастъ съ нашей душевною комнатою и съ этою пошлою обстановкою игорной залы. И Лудовикъ опять задумался.

Дѣйствительно, восхитительная южная ночь унасла на окрестности Шатодёна. Зелень, облитая луннымъ свѣтомъ, играла всевозможными переливами цвѣтовъ; надъ рѣкой и полями лежалъ легкій и прозрачный туманъ, освѣженный влагой росы; на склонахъ горъ, одѣтыхъ тѣнью, рѣзко отдѣлялись лѣса отъ общей панорамы. Глубокое и нѣсколько страшное для человѣка спокойствіе природы нарушалось кой-гдѣ чирканьемъ наскокыхъ и крикомъ ночной птицы. Но швалье де-Монгла, взглянувъ на эту картину, вынулъ носовую платокъ, очень громко пошморкался и отвернулся отъ окна.

— Я люблю, сказалъ онъ, прекрасные виды и сентиментальныя настроенія только тогда, когда у меня нѣтъ въ карманѣ ни

одного су и когда моя голова свѣжа отъ винныхъ паровъ. И такъ, прибавилъ де-Монгла, обращаясь къ Лудовику:—съ чего же мы начнемъ и чѣмъ окончимъ наше любовное приключеніе?

— Вы знаете, любезный швалье, мои намѣренія: кажется, они совершенно согласны съ вашими добрыми совѣтами.

— Опять философія! да перестанемъ говорить объ этомъ. Теперь вовсе не время пренебрегать шалостями, которыя такъ удались намъ сегодня.

Эта выходка, нисколько не сконфузила Лудовика де-Фонтанье.

— Если я кажусь нѣсколько заинтересованнымъ Маргаритой, сказалъ онъ: то единственно потому, чтобъ доказать маркизу д'Эскоманъ, какъ его дурачить эта женщина. а онъ, между тѣмъ, покинулъ для нея чудную Эмму.

Послѣ этихъ словъ шевалье де-Монгла вскочилъ съ мѣста и, ударивъ себя въ лобъ, поднялъ руки къ небу, какъ человекъ, сильно озадаченный неожиданной встрѣчей. Онъ хотѣлъ было что-то отвѣчать, но въ это самое время нѣсколько голосовъ изъ залы позвали туда обонхъ друзей. Они вошли въ залъ. Выраженіе глубокаго изумленія еще не сошло съ лица де-Монгла: такъ—что каждый изъ гостей обратился къ нему съ вопросомъ: что такое съ нимъ случилось?

— Не пугайтесь! отвѣчалъ послѣдній. Все дѣло въ томъ, что де-Фонтанье сообщилъ мнѣ теорію охоты въ одинъ разъ за двумя зайцами, что меня очень изумило.

На этомъ разговорѣ, къ общему удовольствію всѣхъ, оборвался. Гости, еще не оставившіе игорныхъ столовъ, продолжали атаки и пораженія на зеленомъ полѣ. Мрачные и молчаливые, они сосредоточили все свое вниманіе на картахъ: это уже не было простымъ увлеченіемъ игрою, но походило на иступленіе. Глядя на играющихъ, невольно представлялся воображенію одинъ изъ тѣхъ вѣщескихъ поединковъ, столь обыкновенныхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда отважныя шайки дворянъ нападали одна на другую, съ той единственной разницею, что вмѣсто прежняго бряцанія стальнымъ оружіемъ теперь слышался звонъ проклятаго металла; вмѣсто вызововъ на смерть—игорные термны; вмѣсто стога умирающихъ—крики досады проигравшихся.

Посреди взволнованнаго общества одинъ только швалье де-Монгла не поддавался общему настроенію и сохранилъ спокой-

ствіе и хладнокровіе. Онъ началъ играть вторую партію, и на этотъ разъ отчаянно проигрался.

Странное, но обыкновенное противорѣчіе! Человѣкъ, выказавшій въ началѣ вечера, когда выигрывалъ, истинно ребяческую радость переносилъ теперь съ необыкновеннымъ равнодушіемъ несчастіе и отодвигалъ отъ себя проигранныя кучи золота съ изумительнымъ хладнокровіемъ.

Не прошло и получаса, какъ швалье де-Монгла проигралъ все свое золото и всѣ банковые билеты, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ казавшіеся ему цѣлымъ состояніемъ.

При восклицаніяхъ всеобщаго удивленія, онъ спокойно всталъ изъ-за стола и взялся за шляпу.

— Вы не намѣрены ли уйти первымъ? спросилъ его д'Эскоманъ, — уже давно сидѣвшій между игроками.

— Да, ухожу, любезный маркизь, отвѣчалъ де-Монгла, ударяя по пустымъ карманамъ своего жилета.

— Ба! да вы очень хорошо знаете, что мы отвѣчаемъ на сколько вамъ будетъ угодно.

Веселое расположеніе духа опять возвратилось маркизу д'Эскоманъ, успѣвшему на половину отыгратъся.

— Я повѣрилъ-бы вашимъ словамъ, маркизь, отвѣчалъ де-Монгла: — если-бы вы не высказали мнѣ еще такъ недавно ваше недовѣріе.

— Швалье де-Монгла! вскричалъ маркизь. Неужели вы способны такъ долго помнить случайно брошенное слово? Доселѣ мы знали васъ за великодушнѣйшаго дворянина, о какомъ только сохранились воспомнанія въ нашихъ пыльныхъ архивахъ. Но если вы ужъ рѣшились испортить нашъ общій вечеръ, то дайте же намъ, по-крайней-мѣрѣ, выпить за ваше здоровье. Пусть этотъ тостъ будетъ дополненіемъ моего нѣжнѣйшаго извиненія передъ вами господа! выпьемте же за достойнаго представителя стараго времени и сильныхъ кутилъ прошлаго вѣка— за здоровье швалье де-Монгла!

Тостъ былъ принятъ съ удовольствіемъ. Де-Монгла, разсыпавшись въ благодарностяхъ и поклонахъ à la Louis XIV, поспѣшилъ выйти изъ залы, шепнувъ нѣсколько словъ Лудовику мимоходомъ.

Вскорѣ затѣмъ кончилась игра, и гости стали расходиться по домамъ.

Прежде чѣмъ маркизь вышелъ изъ гостинницы, онъ посту-

чался тихонько въ дверь Маргаритиной комнаты: ключъ оставался въ замкѣ, но изъ комнаты никто не подалъ голоса.

Лудовикъ де-Фонтанье проводить маркиза до дому, и когда тотъ вопиеть къ себѣ, онъ остался одинъ на улицѣ.

Сильныя душевныя движенія, испытанныя имъ въ продолженіе цѣлаго дня, бросили его въ лихорадочное состояніе, взволновалъ и разгорячили воображеніе. Лудовикъ де-Фонтанье, хотя и былъ утомленъ съ непривычки такъ долго заспикиваться на вечерахъ, однакожь, не нормальное настроеніе его духа, придаю ему столько энергій, что онъ, еще нѣсколько времени, ходилъ взадъ и впередъ мимо высокихъ мрачныхъ стѣнъ, за которыми жила маркиза д'Эскманъ. Подъ вліяніемъ новыхъ утомительныхъ впечатлѣній, мысль его мало-по-малу прояснилась, и любовь Эммы снова представилась ему во всей чистотѣ и прелести.

Въ домѣ маркиза д'Эскманъ мелькалъ свѣтъ изъ одного окна въ другое, вѣроятно отъ свѣчи, освѣщавшей ему дорогу по темнымъ комнатамъ. Когда Лудовикъ увидѣлъ этотъ свѣтъ, впервые овладѣло имъ чувство ревности и онъ сталъ внимательно слѣдить, гдѣ остановится маркизъ и войдетъ-ли онъ въ тотъ завѣтный альковъ, который составлялъ для Лудовика символъ святости.

Пылокое воображеніе молодого человѣка нарисовало ему безъ покрывала картину, отъ которой онъ содрогнулся въ припадкѣ досады. Одна только мысль о любви маркиза къ Маргаритѣ не допустила Лудовика профанировать пошлыми догадками свой высокій идеалъ. Но въ его-ли власти было разсѣять черныя думы?...

Съ той самой минуты, когда эгоистическая мысль запала ему въ душу, святая любовь его померкла предъ нечистыми побужденіями, въ которыхъ до-сихъ-поръ онъ еще колебался.

Въ послѣдній разъ Лудовикъ взглянулъ на домъ маркизы, намѣреваясь бѣжать того мѣста, которое такъ сильно возмутило его, какъ вдругъ онъ почувствовалъ на своемъ плечѣ легкое прикосновеніе чьей-то руки, и женскій голосъ позади его сказалъ:

— Господинъ де-Фонтанье, мнѣ необходимо переговорить съ вами.

Подъ вліяніемъ испуга, Лудовикъ не имѣлъ времени одуматься; онъ принялъ говорившую съ нимъ женщину за маркизу и почувствовалъ что силы его оставляютъ: онъ судорожно ухватился за ея руку, лежавшую на груди ея.

Дама хотѣла отступить; но при этомъ движеніи съ ея голо-

вы упалъ капишонъ и молодой человекъ увидѣлъ предъ собою вмѣсто Эммы — Маргариту.

— Маргарита здѣсь! такъ поздно! вскричалъ онъ.

— Да, отвѣчала она. Мнѣ необходимо было сегодня видѣться съ вами: я не могу принять васъ у себя, квартиры вашей я не знала и мнѣ оставалось одно — идти слѣдомъ за вами.

— Могу ли узнать, чему я обязанъ такой честью? спросилъ Лудовикъ де-Фонтанье голосомъ, возможно болѣе спокойнымъ.

— Мнѣ, господинъ де-Фонтанье, слѣдуетъ спросить васъ, чему я обязана вашей ненавистью ко мнѣ?

— Ненавистью! воскликнулъ Лудовикъ, смущенный такимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Да!... Я буду съ вами откровенна!... Въ то время, когда вы разговаривали съ швалле де-Монгла у раствореннаго окна, я стояла у другаго, смежнаго съ нимъ, и, разумѣется, слышала весь вашъ разговоръ: вы хотите меня раздучить съ маркизомъ.

— Со всѣмъ нѣтъ, я только хочу возвратить маркиза его несчастной супругѣ.

— Въ чемъ-бы ни состояла цѣль ваша, г. де-Фонтанье, но надо быть отъявленнымъ негодяемъ, чтобъ рѣшиться похитить любовь женщины съ тѣмъ, чтобъ продать эту любовь.

— Продать?...

— Да, продать! Вѣдь вы не разувѣрите меня и не убѣдите общества, что ваше непонятное участіе къ кому-то, кого вы едва знаете со вчерашняго дня, отъ кого вамъ ни тепло ни холодно, что это участіе не основано на торгѣ, разумѣется, тайномъ.... Послушайте! Поклянитесь мнѣ, что ваше расположеніе къ маркизѣ никогда не переступало предѣловъ чистой дружбы, какую только молодой человекъ вашихъ лѣтъ можетъ чувствовать къ женщинѣ моего возраста; — и тогда — жертва или нѣтъ, вашего каприза или вашей страсти, я сама помогу вашимъ желаніямъ, сама разорву свою связь съ маркизомъ д'Эскоманъ.

Лудовикъ де-Фонтанье молчалъ. Его любящее сердце еще слишкомъ сильно билось отъ впечатлѣній, навѣянныхъ на него сладострастными мыслями, чтобъ онъ могъ въ эту минуту солгать.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Маргарита, всплеснувъ руками. — И эти люди, съ сердцемъ полнымъ разврата, еще осмѣливаются клеймить падшихъ и осуждать развратъ.

И она зарыдала.

Плачущей женщинѣ мы всегда болѣе сочувствуемъ: слезы Маргариты скорѣе растрогали Лудовика, чѣмъ ея упреки. Онъ смягчился и, взявъ молодую Дюнуазску за обѣ руки, влажныя и горячія, заговорилъ съ ней болѣе нѣжнымъ голосомъ.

— Успокойтесь! — сказалъ онъ. Вы очень ошибаетесь, если подозрѣваете въ моемъ участіи къ маркизѣ д'Эскоманъ какую-нибудь своекорыстную цѣль. Увѣряю васъ, что я былъ сильно тронутъ положеніемъ этой женщины: молодой, прелестной, богатой, необыкновенно симпатичной, а между тѣмъ лучшіе годы ея жизни проходятъ въ постоянныхъ слезахъ и въ полномъ забвеніи. Вы виновница ея несчастія, конечно, не сознавая того. Я васъ не зналъ и потому ошибся въ выборѣ средствъ: конечно было-бы лучше, если-бъ я обратился къ вамъ и откровенно объяснилъ страданіе маркизы, о которыхъ вы не знаете; нѣтъ сомнѣній, вы оцѣнили-бы ея грустное положеніе и почувствовали-бы состраданіе къ ея горю.

При этихъ словахъ Маргарита сѣла на скамью подлѣ дома, закрыла лицо руками и, послѣ минутнаго молчанія, заговорила глухимъ и задыхающимся голосомъ.

— Понятно, почему вы принимаете въ ней участіе: она богата, прекрасна, и, по словамъ вашимъ, вовсе не заслужила такихъ страданій. Но развѣ вы думаете, что моя жизнь — дочери простаго фермера, — менѣе печальна и не стоитъ вашего состраданія? Неужели вы полагаете, что наше сердце не обливается точно также кровью, когда мы дѣлаемся прихотью вашихъ животныхъ апетитовъ?... Мнѣ хотѣлось-бы разсказать вамъ повѣсть моей жизни, но впрочемъ къ чему это послужить? подобная жизнь, общій удѣлъ дѣтей нашего сословія. Представьте себѣ дѣвушку въ пятнадцать лѣтъ, съ сердцемъ еще не испорченнымъ, у которой есть уже женихъ, какой-нибудь честный ремесленникъ; но въ это самое время испрошенная гостыя — страшная нищета — исподволь подтачиваетъ въ сердцѣ ея матери всѣ чистыя убѣжденія, и, хотя материнское сердце, изъ любви къ своему ребенку, твердо переноситъ всѣ несчастія, но нищета, какъ ржавчина съѣдающая сталь, одолеваетъ наконецъ самое святое чувство. Бѣдная мать! Повѣрьте, какъ-бы расудокъ мой ни обвинялъ ее, но сердце всегда ее оправдываетъ!... Скорби прошедшаго заставили ее бояться за мое будущее и сколько разъ она твердила сама про себя: «Моя маленькая Маргарита, теперѣ ты такъ весела, такъ беззаботна, такъ любишь

цвѣты и пѣсни и большую часть дня бѣгаешь за бабочками въ полисадникѣ, вдали отъ мастерской, — а потомъ?... что ожидаетъ тебя въ жизни? Та же гнѣтущая бѣдность, которую я кой-какъ перенесла, но ты не перенесешь ее. И вотъ, въ то самое время, когда она такъ разсуждала, является молодой человѣкъ, гораздо красивѣе и увлекательнѣе бѣднаго мастераго: онъ сыпетъ золотомъ, толкуетъ о любви и безпредѣльномъ счастьи и сулитъ богатства!... Боже мой! Да развѣ вы не знаете, де-Фонтанье, что такое воздушные замки для молодой дѣвушки? Она съ довѣренностию смотритъ вдаль жизни, и пренаивно думаетъ, что ее ожидаютъ одги радости и удовольствія съ тѣмъ, кого избираетъ ее сердце. И вотъ мать, воображая себѣ, что она вѣряетъ дочь свою благородному и великодушному человѣку, молчитъ, смотритъ на все сквозь пальцы, пока не узнаетъ послѣдней потрясающей развязки. А потомъ что?... старая мать умираетъ съ горя, а обманутая, дочь ея, у которой отняли послѣднее сокровище, опускается въ омутъ разврата, испытывая все, что есть самаго грязнаго и пошлаго въ нашемъ, такъ-называемомъ, образованномъ обществѣ. Вотъ, де-Фонтанье, грустная повѣсть падшей женщины! И послѣ этого, неужели вы скажите, что мы не вправѣ проклинать свою судьбу?... Неужели послѣ этого мнѣ еще надо увѣрить васъ, что мы также страдаемъ, также плачемъ, когда видимъ, что мы обмануты, унижены, и понимаемъ все преврѣнне къ себѣ любовника, чувство котораго онъ никогда не въ состояннн скрыть отъ насъ. И вы рѣшаетесь бросить камень въ насъ, у которыхъ менѣе всего защиты и даже права на нее?... Вѣдь я хорошо поняла смыслъ только-что сказанныхъ вами словъ! Они ясно говорили:» по какому праву ты носишь на груди своей атласъ, на плечахъ — бархатъ, въ волосахъ — цвѣты, когда въ награду за-то, что у тебя отняли, — тебя ожидаетъ таже нищета, въ которой ты родилась. За-чѣмъ же ты загородила дорогу къ счастьяю знатной маркизы!» по какому праву, я спрошу васъ, эта знатная и богатая дама, сама не зная того, заѣдаетъ жизнь и счастье миллионновъ подобныхъ мнѣ? По какому праву вы сами, г. де-Фонтанье, такъ или иначе участвуете въ нашемъ убійствѣ, и не хотите позволить намъ единственной отрады, — любви?

Маргарита говорила съ такимъ горячимъ увлеченіемъ, въ словахъ ея было такъ много убѣдительнои энергн, что Лудовикъ нѣсколько изумился такой силѣ искренняго негодованія, такому ясному пониманію своего положенія.

— Въ словахъ вашихъ очень много правды, дитя мое! отвѣчалъ ей молодой человекъ. Вы возстаете противъ общества, противъ людскихъ пороковъ, — но вѣдь это избитая тема. Никто не сомнѣвался, что въ жизни, какъ она есть, на одно благословеніе приходится тысяча проклятій; что человечество идетъ путемъ страшной борьбы, оставляя за собой цѣлое море слезъ и крови. Но загляните въ мансарду, гдѣ томится голодомъ мать съ кучей полунагихъ дѣтей, и сравните свое положеніе съ этой семьей, и вы по завидуете себѣ.

— Вы плачете здѣсь. — подлѣ этого дома, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ, въ его стѣнахъ, за этими кружевными и шелковыми гардинами тоже плачетъ женщина, — прибавилъ Лудовикъ, указывая на безмолвныя и мрачныя окна замка. Вѣрьте мнѣ, что эта женщина, какъ-бы вы ее не оскорбили, не задумалась-бы осушить ваши слезы, если-бъ только это зависѣло отъ нея. Слова ваши совершенно убѣждаютъ въ томъ, что не вы виноваты въ вашихъ прошлыхъ ошибкахъ, но теперь остается вамъ доказать, что вы вполне имѣете право на сочувствіе и уваженіе общества...

— Я больше не люблю маркиза д'Эскоманъ, прервала его Маргарита, проговоривъ это голосомъ тихимъ и дрожащимъ. Ея глаза, устремленные въ эту минуту на Лудовика, блеснули въ темноте ночи, какъ молнія.

Послѣ вечернихъ происшествій эти слова были понятны Лудовику, если-бъ даже голосъ молодой дѣвушки не высказывалъ того, что таилось въ ея сердцѣ.

Большую частію добровольное признаніе женщины въ любви производитъ въ мужчинѣ или крайнее отвращеніе, или непреодолимое желаніе...

Когда чаша полна, то стоитъ пошатъ въ нее одной лишней каплей, будетъ-ли та капля нектора или капля воды, и жидкость перельется чрезъ край. — Такъ было и съ Лудовикомъ де-Фонтанье.

— Нѣтъ, сказалъ онъ нѣхотя и заливаясь, какъ будто-бы слова срывались съ его губъ, какою-то невидимою силою, противъ желанія его сердца. Но, наконецъ, кого же вы любите, Маргарита?

— Васъ, мой милый Лудовикъ, сказала Жели въ порывѣ огненной страсти, и упала на грудь де-Фонтанье.

Въ ту самую минуту окно дома съ шумомъ растворилось надъ ними.

Маргарита пронзительно вскрикнула и мгновенно исчезла въ темнотѣ: а Лудовикъ скорыми шагами пошелъ за нею.

Разговоръ молодыхъ людей не достигъ ушей маркиза д'Эс-команъ, но онъ услыхалъ послѣдній крикъ Маргариты, и узналъ ее по голосу. Спусти нѣсколько минутъ, маркизъ сѣлъ на коня и полетѣлъ къ гостинницѣ Полиньяка, чтобъ убѣдиться въ своихъ подозрѣнiяхъ. Не заставъ Маргариту дома, онъ воротился къ себѣ и легъ спать, но сонъ не сомкнулъ его глазъ цѣлую ночь. Онъ часто вставалъ съ постели, бѣгалъ по комнатамъ въ сплномъ волненiи, и только по утру, утомленный выдержанной имъ бурей, опустился въ кресло и задремалъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Что оказалось подъ корою?

Современные писатели очень подробно анализировали человеческое сердце и съ изумительною точностью опредѣлили всѣ малѣйшіе его изгибы, источникъ разныхъ побужденій инстинктовъ и желаній.

Но, не смотря на глубину и тонкость этихъ замѣчательныхъ анализовъ, намъ кажется что писатели не совсѣмъ удовлетворительно опредѣлили причину того смѣшенія разнообразныхъ чувствъ, которое часто замѣчается въ человеческомъ сердцѣ и бываетъ причиной поразительныхъ противорѣчій между нравственными убѣжденіями и поступками человѣка. Мы думаемъ, что никто не страдаетъ столько отъ измѣны женщины, какъ самый холодный эгоистъ. Полное самоотверженіе во всякомъ случаѣ ничто иное какъ заблужденіе, и потому-то эгоистъ всегда сохраняетъ къ самому себѣ такую дозу любви, какой душа человеческая никогда не удѣляетъ постороннему существу. Поэтому всякой ударъ нанесенный идолопоклонству эгоиста отзывается въ сердцѣ его гораздо глубже, чѣмъ въ сердцахъ людей раздѣляющихъ свои привязанности между многими. Только великодушіе въ состояніи смягчать человеческія скорби и страданія. Есть люди, для которыхъ страданія другихъ составляютъ ихъ собственное страданіе. Не отдѣляя себя отъ общей массы, и живя съ ней однимъ впечатлѣніями, желаніями и интересами, эти люди, ради счастья близкихъ имъ, готовы на всѣ пожертвованія, — кромѣ одного — перестать любить.

Не так поступают эгоисты. Для них истинной любви, со всѣми ея увлеченіями и ошибками, не существуетъ. Она проходитъ въ ихъ сердце чрезъ самолюбіе, и самолюбіе составляетъ главную пружину ихъ дѣйствій; всѣ же остальные чувства занимаютъ нѣмыя роли на сценѣ и если главному актеру, самолюбію случится быть освѣщеннымъ — паденіе антуража полное и неизбежное.

Но обратимся къ маркизу. Онъ страдалъ бессонницей вовсе не потому, чтобъ очень любилъ Маргариту или былъ задѣтъ заживое сомнѣніемъ въ ея вѣрности, — ему просто не спалось оттого, что онъ ея держался. Вотъ и новое слово употребляемое прежде только въ отношеніи къ собакамъ и лошадямъ, теперь примененное и къ женщинамъ.

Честолюбецъ держится женщины съ цѣлью посредствомъ нея возвыситься: тщеславный — потому, что женщина, съ огромной извѣстностью въ обществѣ, придаетъ своему любовнику столько же вѣса и значенія, сколько и свора отличныхъ гончихъ собакъ и великолѣпная четверня кровныхъ лошадей. Простакъ держится женщины потому только, что до него содержали ея нѣсколько сотенъ значительныхъ особъ; скупой потому, что она ему стоитъ не дорого; большая же часть людей держится женщинъ изъ-за того, что уже много денегъ на нихъ потратила. Последнее положеніе мужчины чрезвычайно мѣтко обрисовывается обычаемъ, существующимъ между азартными игроками: обыкновенно горячій игрокъ, проигравъ значительную сумму и пытаясь отыграться, прибѣгаетъ къ послѣднему отчаянному средству, называемому на языкѣ игроковъ — мартингалъ. Мартингалъ ни что иное, какъ ставка на карту суммы равной всему проигрышу, съ надеждою постоянного куша. Такого рода игра въ любви составляетъ не послѣднее благо для женщины, потому что сумма на ея содержаніе значительно возрастаетъ прежде, чѣмъ ея обладатель хладнокровно подумаетъ объ этомъ. Точно такъ игрокъ удесятеритъ кушъ каждой новой ставки, прежде чѣмъ онъ зашишетъ и сочтетъ, свой проигрышъ и выигрышъ, всякій разъ приводя въ свое оправданіе двадцать самыхъ основательныхъ причинъ, чтобы тѣмъ убѣдить самого себя, что расчетъ его совершенно вѣренъ. Но мы избавимъ читателей отъ мелкихъ подробностей этой житейской комедіи, развязка которой составляетъ тотъ же пошлый пучокъ. Маркизъ д'Эскоманъ принадлежалъ къ этому разряду людей. Онъ приводилъ въ оправданіе своего

бѣшенства двѣ самыя основательныя причины: что Маргарита стояла ему и много денегъ и много труда.

И въ-самомъ-дѣлѣ она была его твореніе. Онъ принялъ ее изъ рукъ одного армейскаго офицера, жестокаго и грубаго, какъ лошадиная скребница.

Такой любовникъ разумѣется, не могъ сообщить Жели ни изящнаго воспитанія женщины, ни свѣтскихъ манеръ. Когда она разсталась съ своимъ пьянымъ гренадеромъ, на ней остался отпечатокъ казарменной дикости въ обхожденіи, языкѣ и во взглядѣ на вещи. Нельзя сказать, чтобъ маркизь д'Эскманъ былъ въ состояніи облагородить или перевоспитать ее: на это онъ былъ не способенъ; но его мелкій и свѣтскій развязный умъ во многомъ преобразовалъ Маргариту. Онъ ввелъ ее въ болѣе приличное, по-крайней-мѣрѣ, менѣе грубое общество; онъ посвятилъ ее въ тайны туалета, музыки и общественнаго обращенія. Наконецъ, какъ онъ былъ счастливъ, когда замѣтилъ, что она успѣшно воспользовалась его уроками, съ той изумительной легкостью, на которую способны только женщины. Маркизь наряжалъ свою куклу, не стѣсняясь расходами; онъ тратилъ на ея платья, блонды и драгоценности такой капиталъ, на проценты котораго можно было-бы безбѣдно существовать честному семейству.

Но были и другія причины, по которымъ маркизь д'Эскманъ жилъ Маргаритой.

Она развлекала его праздность, льстила его самолюбію выражая собою, нѣкоторымъ образомъ часть его капитала. Сверхъ того истощенному не по лѣтамъ, маркизу очень нравилась пылкая энергическая Дюнуазска. Но что особенно беспокоило маркиза — это извѣстная молва Шатодѣна: онъ думалъ что скажутъ въ обществѣ, что скажутъ въ клубѣ, что наконецъ скажетъ швадье де-Монгла, когда всѣ узнаютъ, что красавецъ д'Эскманъ, цвѣтъ дюнуазскихъ цеголей, предполагавшій пересоздать все городское общество, — обмануть, покинуть и обмѣнять женщиной, только-что имъ выведенной изъ жалкой среды гризетокъ.

Мечтая о своей потерѣ, маркизь только тяжело вздыхалъ; наконецъ когда же прошелъ первый порывъ гнѣва, онъ заплакалъ съ досады, доказавъ тѣмъ, что слезы, этотъ символъ горя, не всегда имѣютъ источникомъ своимъ челоуѣческое сердце.

Онъ поблѣднѣлъ; губы его судорожно сжались, и лицо приняло то мрачное выраженіе, которое оно имѣло наканунѣ вечеромъ во время проигрыша. Онъ мысленно задавалъ себѣ вопросъ:

чтобы изъ окружающихъ его могъ похитить сердце Маргариты: или иначе, кто тотъ счастливецъ, для кого она измѣнила ему? Перебирая въ своей памяти всѣхъ знакомыхъ и друзей, онъ менѣе всего заподозрилъ Лудовика де-Фонтанье. Наконецъ онъ остановился на мысли, что со стороны Маргариты это ничто иное, какъ женскій капризъ въ отношеніи какого-нибудь актера или гарнизоннаго сержанта.

Эта мысль нѣсколько успокоила его. «Если такъ, — думалъ онъ, — стоить-ли она сожалѣнія? послѣ этого можно-ли вѣрить ея словамъ?» — И если она позволила себѣ измѣнить одинъ разъ, то кто же поручится, что она не измѣнитъ двадцать разъ? Связь его съ Маргаритой уже настолько устарѣла, что ему очень можно было-бы воспользоваться удобнымъ случаемъ, при переѣмѣ своихъ рысаковъ, переѣмъ одну любовницу на другую. Все это думалъ онъ, будетъ одобрено членами клуба, въ-особенности, если ему удастся ихъ увѣрить, что все совершилось единственно по его желанію. Но какъ маркизъ не преувеличивалъ недостатки своей любовницы, внутренній голосъ сильно говорилъ ему въ ея пользу, и, чтобы какъ-нибудь заглушить его, онъ старался поставить себя въ то апатичное состояніе, въ которое обыкновенно впадаетъ человѣкъ, разрѣшая гамлетовскій вопросъ: *«быть или не быть»*. Маркизу слышался какой-то грустный монотонный звонъ похороннаго колокола; потомъ мало-по-малу этотъ неопредѣленный гулъ сталъ уясняться и наконецъ превратился въ звукъ голоса, складывавшій и повторявшій буква-за-буквой имя Маргариты. Это имя невольно напомнило ему о прошломъ, въ воображеніи его прошли одно за другимъ давнишнія впечатлѣнія — и первое знакомство съ Маргаритой, и сладострастные ночи, и ея горячіе поцѣлуи, и многое другое...

Такой кошмаръ раздражилъ его до крайности и когда онъ пробудился отъ забытья, тотчасъ же сталъ обвинять и упрекать Маргариту въ неблагодарности; въ числѣ своихъ благодѣяній онъ не забылъ даже той чести, которой она пользовалась, имѣя такого любовника, какъ маркизъ д'Эскоманъ.

Потомъ въ головѣ его мелькнула на мгновеніе мысль о мщеніи, но онъ разсудилъ, что месть увеличитъ только смѣшную сторону его положенія; онъ понялъ, что сознаніе собственнаго достоинства требуетъ, чтобы онъ казался равнодушнымъ къ потери Маргариты и, что ему необходимо заставить всѣхъ предполагать, что

онъ самъ разрываетъ связь съ женщиной, которая ему наскутила.

Подобныя размышленія придали живую силу душѣ, такъ-что опасаясь показаться смѣшнымъ въ глазахъ общества, онъ сумѣлъ скрыть свое горе и преодолѣть въ себѣ негодованіе. И такъ какъ ему было необходимо первому разгласить по городу эту новость, то онъ поспѣшно одѣлся и вышелъ изъ дому.

Было еще слишкомъ рано и большая часть друзей еще спала, кромѣ двухъ драгунскихъ поручиковъ, которые вслѣдствіе приглашенія ко вчерашнему ужину нарочно приѣхали въ городъ и по обязанностямъ службы должны были рано утромъ воротиться на кантонирь-квартиру, чтобы забыть усталость минувшей ночи.

Маркизь д'Эскоманъ, выйдя изъ дому направился въ ихъ сторону, они встрѣтились на улицѣ, остановились, и завели общій разговоръ. Къ счастью, переходя съ предмета на предметъ, наконецъ они попали на тѣму, которой желалъ маркизь, и тогда онъ съ величайшею небрежностью объявилъ имъ, что разстался съ своей любовницей, прибавивъ съ улыбкой, что если она интересуется кого-нибудь изъ нихъ, то онъ съ удовольствіемъ готовъ оказать свое содѣйствіе. За тѣмъ послѣдовало довольно наглое похвальное слово всѣмъ прекраснымъ качествамъ Маргариты.

Маркизь д'Эскоманъ хорошо понималъ, что разговоромъ своимъ онъ подаетъ офицерамъ новую тѣму для разговора за завтракомъ въ кофейной, что они вѣроятно будутъ говорить во всеуслышаніе объ этой новости въ кругу многочисленныхъ слушателей, и тѣ въ свою очередь разнесутъ молву по всѣмъ знакомымъ, мнѣніемъ которыхъ онъ такъ дорожилъ.

Д'Эскоманъ воротился домой, гдѣ не имѣя надобности притворяться, сбросилъ съ себя маску равнодушія и сталъ еще суровѣе прежняго къ женѣ.

Онъ даже увѣрилъ себя въ томъ, что жена его должна отблагодарить его за безнравственное поведеніе его любовницы.

Вечеромъ, въ обычный часъ, маркизь отправился въ клубъ гдѣ на этотъ разъ собраніе было многочисленное, и не такъ раздѣленно, какъ прежде, потому что всѣ присутствующіе столпились во кругъ одного стола, за которымъ молодежь играла въ карты.

При входѣ маркиза д'Эскоманъ, по заглѣ пронесся шопотъ всеобщаго удовольствія.

Минута рѣшительной борьбы наступила для маркиза: онъ

это зналъ и потому собралъ послѣднія свои силы, чтобъ выдержать ее съ достоинствомъ.

Первое лицо, попавшееся на глаза маркизу, былъ швалье де-Монгла; увидя вошедшаго, глаза де-Монглу заблестали лукавствомъ, а на губахъ, заиграла довольно ясная улыбка.

— Вы никогда не приходили такъ кстати, мой милый д'Эскманъ, сказалъ одинъ изъ игроковъ, на лицѣ котораго выразилось какое-то безпокойствіе: — по-крайней-мѣрѣ теперь мы окончимъ нашу нелѣпую партію, предложенную швалье де-Монгла.

— Съ какихъ это поръ мое присутствіе мѣшаетъ вашей игрѣ. Напротивъ, если вамъ нуженъ партнеръ, то я готовъ.

— Ну не говорилъ ли я вамъ, что маркизъ непременно найдетъ мое предложеніе превосходнымъ? — вскричалъ швалье де-Монгла.

— Не торопитесь! сказалъ начавшій разговоръ молодой человѣкъ. Подождите, пока онъ узнаетъ въ чемъ дѣло, и тогда уже хвалите, сколько вамъ угодно. Потомъ, обратясь къ маркизу д'Эскманъ, онъ продолжалъ: вообразите себѣ, мой дорогой маркизъ, что въ городѣ распустили слухъ о разрывѣ вашемъ съ Маргаритой. Намъ невѣрится!

— Благодарю васъ за такое лестное мнѣніе обо мнѣ, отвѣчалъ маркизъ съ разсчитанной проницей: — а почему бы мнѣ и не бросить Маргариту? Развѣ въ подобныхъ связяхъ такая развязка ненатуральна и нелогична?

Связь эта продолжалась почти три года и казалась чѣмъ-то въ родѣ брака; я чувствую отвращеніе ко всему, что только отзывается бракомъ и особенно къ этимъ постояннымъ слезамъ, крикамъ, скрежету зубовъ; чтобы избавится всего этого я поспѣшилъ разрывомъ.

— Она плакала, бѣдняжка! вскричалъ де-Монгла голосомъ притворнаго состраданія.

— Bravo! возразилъ одинъ изъ игроковъ; и такъ, мы смѣло можемъ продолжать нашу партію! тасуйте же карты любезнѣйшій.

— Но что же тутъ общаго между моею связью съ Маргаритой и вашей партіей.

— Огромная!.. Узнавъ что красавица свободна, мы всѣ единодушно положили стать въ ряды ея поклонниковъ; но, какъ ваше послѣдство, дорогой маркизъ, не принадлежитъ къ числу до-

стающихся даромъ, то швалье де-Монгла предложилъ бросить жребій на шпагахъ.

При этихъ словахъ маркизь д'Эскоманъ поблѣднѣлъ, не смотря на то, что во всякой борьбѣ увлеченье всегда удваиваетъ въ бойцѣ моральныя и физическія силы.

— Ну не правъ ли я, маркизь?.. Скажите: вѣдь моя мысль прекрасная? спросилъ де-Монгла.

— Я нахожу, отвѣчалъ маркизь д'Эскоманъ немного взволнованнымъ голосомъ: — Я нахожу, что эта мысль отзывается временами Регенства, для насъ слишкомъ старыми временамъ.

По выраженію лица маркиза д'Эскоманъ, по грѣ его мускуловъ швалье де-Монгла ясно видѣлъ, что происходило въ его сердцѣ; отъ наблюдательности старца не скрылось ни бѣшенство, ни досада, ни даже затаенное чувство мести.

Злопамятный де-Монгла, желая отплатить маркизу за его прежнія насмѣшки, старался поставить его въ самое затруднительное положеніе передъ обществомъ. Онъ настаивалъ на примиреніи, превозносилъ достоинства Маргариты и совѣтовалъ д'Эскоману возвратиться къ своей любовницѣ. Швалье напередъ зналъ, что маркизь разыграетъ въ этомъ свиданіи роль «зеленаго осла» изъ старой провансальской легенды.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Лудовикъ де-Фонтанье жилъ въ домѣ префектуры. Въ квартирѣ его расположенной въ нижнемъ этажѣ, былъ устроенъ особый подъездъ, выводившій на улицу.

Рано утромъ, около шести часовъ, дверь этого подъезда тихо растворилась, и въ дверяхъ показалась женская головка. Осмотрѣвшись кругомъ и выждавъ болѣе удобной минуты, она юркнула на улицу и скрылась въ полусвѣтѣ сумерекъ.

Она пошла быстро и скоро, жадно вдыхая въ себя полной грудью свѣжій воздухъ.. На лицѣ ея выражалось одушевленіе, но не было замѣтно ни физической, ни моральной усталости.

Нетрудно угадать, что женщина, вышедшая изъ квартиры Лудовика, была Маргарита Жели. Она увлеклась имъ, но увлеченіе ея походило на одну изъ тѣхъ бурныхъ прихотей, которыя въ-особенности свойственны женщинамъ, не умѣющимъ ограничивать свои желанія законами стыдливости или сознаниемъ обязанностей. Но настоящая прихоть Маргариты завела ее впоследствии гораздо далѣе, чѣмъ она думала.

Искренность чувствъ и пылкость сердца маркиза д'Эскоманъ и его друзей, растраченныя въ безумныхъ оргіяхъ разгульной жизни, замѣнялись однимъ притворствомъ и лицемеріемъ, а потому Маргаритѣ пришлось еще въ первый разъ встрѣтиться въ лицѣ Лудовика де-Фонтанье — молодаго человѣка, полного жизни и неподдѣльнаго жара страсти. Избытокъ его молодыхъ, еще нестоценныхъ силъ, свѣжесть чувства, наивная откровенность, были для Маргариты совершенной новостью. Она поняла, что добрякъ д'Эскоманъ, бѣшенный и заносчивый, старикъ, которымъ се до-сихъ-поръ утѣшали, былъ только пародією на лю-

бовь; и, когда мишура мало-по-малу распалась передъ глазами Маргариты, тогда ея взору открылся новый безпредѣльный горизонтъ молодой и свѣжей любви. Въ одно мгновеніе ея бурная прихоть обратилась въ жгучую страсть.

Она была въ упоеніи отъ счастья; и сердцу было тѣсно въ груди ея. Несмотря на свѣжій рѣзкій воздухъ, она откинула вуаль, чтобъ освѣжить свое пылающее лице, легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ. Ей казалось нестерпимо душно въ городѣ, и потому она направила свой путь за-городъ, избравъ ту дорогу, которая вела на равнину. Вышедши въ поле, она сѣла на краю глубокаго рва и, сорвавъ Маргаритку, начала, какъ въ дни своей юности, срывать съ нея лепестокъ за лепесткомъ, и спрашивать: любить ли ее или нѣтъ тотъ, о которомъ она думаетъ.

Въ любви подобныхъ женщинъ есть всегда что-то идилическое и мистическое если только къ ней не примѣшивается положительный денежный расчетъ.

Окрестность, какъ нельзя болѣе согласовалась съ идилическимъ настроеніемъ души Маргариты. По мѣрѣ того, какъ солнце освобождалось отъ густаго утренняго тумана, лежавшаго на всемъ пространствѣ равнины, — деревня просыпалась, жаворонки вѣли въ разряженномъ воздухѣ и куропатки кудахтали по бороздамъ засѣянныхъ нивъ; большая дорога, ведущая въ городъ, мало-по-малу оживлялась; крестьяне, везли хлѣбъ и зелень на городской рынокъ, пастухи перегоняли черезъ дорогу свои стада на тучныя пастбища, съ которыхъ разносился по всей окрестности тихій и рѣдкій звонъ колокольчиковъ; земледѣльцы отправлялись на полевныя работы и наконецъ съ громкимъ говоромъ и веселымъ смѣхомъ или подгородныя молочницы въ своихъ пестрыхъ матеряхъ съ черными и бѣлыми полосками, неся на головахъ жестяныя бѣлыя кувшины съ молокомъ. Всѣ прохожіе и проѣзжіе, поравнявшись съ Маргаритой, останавливались и съ любопытствомъ глядѣли на молодую женщину, одѣтую въ шелкъ и бархатъ, а между тѣмъ сидѣвшую такъ рано утромъ на голой землѣ.

Такое назойливое любопытство наскучило Маргаритѣ: она встала и пошла домой.

Легко и весело вбѣжала она въ свою комнату, съ намѣреніемъ немедленно оставить гостинницу Полиньяка. Открывъ окно, молодая дѣвушка принялась укладываться. Время отъ времени, складывая платье или заворачивая какую-нибудь вещь, она под-

ходила къ окну, высовывалась, съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ осматривая всю улицу. Недавняя разлука ея съ **Лудовикомъ де-Фонтань** казалась ей уже слишкомъ продолжительною.

Но Лудовикъ не приходилъ и Маргарита уже начинала безпокоиться. Въ недоумѣніи она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, стала чаще и чаще подходить къ окну и долѣе про-сиживать возлѣ него; она извиняла себя въ такомъ нетерпѣли-вомъ желаніи видѣться съ Лудовикомъ весьма основательной при-чиной: тотъ, кому она отнынѣ принадлежала, долженъ былъ бы непремѣнно находиться около нея, чтобы устроить ей будущую жизнь.

Объясняя медленность своего возлюбленнаго только его скром-ностью, она сѣла къ столику, написала ему письмо сложила его и запечатала, какъ вдругъ кто-то постучался къ ней въ двери.

— Это онъ! вскричала молодая женщина и въ одинъ скачокъ очутилась у двери, отперла ее и столкнулась лицомъ къ лицу съ маркизомъ д'Эскоманъ.

Блѣдный и въ сильномъ волненіи, онъ принужденъ былъ сѣсть прежде, чѣмъ начать разговоръ.

Лицо Маргариты, напротивъ, невыразимо ни малѣйшаго за-мѣшательства, и скорѣе на немъ можно было прочесть чувство неудовольствія при такомъ свиданіи. Съ неподражаемой само-увѣренностью она холодно спросила маркиза, что ему угодно.

Маркизъ д'Эскоманъ, конечно ожидалъ совершенно иной встрѣчи. Но вмѣсто слезъ и раскаяній, на которыя такъ раз-считывало его великодушіе, онъ встрѣтилъ безпечное забвеніе и полное отрѣченіе отъ него: необыкновенное присутствие духа Жели разомъ поставило ее на высоту той роли, которую намѣ-ревался разыграть онъ самъ.

Такая встрѣча была для него гальваническимъ ударомъ. Онъ не зналъ, что говорить, съ чего начать, и только въ источникѣ своего гнѣва нашель силы, чтобъ нѣсколько оправиться передъ Маргаритой.

Но первое его предложеніе о примиреніи было принято съ ѣдкой насмѣшкой. Маргарита на-отрѣзъ сказала маркизу, что между ними все кончено, что она разрываетъ эту связь един-ственно потому, что ей такъ правится.

Послѣдняя фраза сильно озадачила маркиза. Онъ ни какъ не предполагалъ такой силы воли, такой власти надъ собой какую приняла въ эту минуту Жели.

Прикинувшись заботливымъ родителемъ, онъ сталъ толковать ей о послѣдствіяхъ, которыя ожидаютъ ее, если она свяжетъ свою участь съ какимъ-нибудь бѣднякомъ, какъ предполагалъ маркизь д'Эскоманъ: Маргарита съ гордостью въ отвѣтъ ему произнесла имя .Людвика де-Фонтанье.

Маркизь былъ пораженъ какъ громомъ. Такое открытіе въ одинъ моментъ разрушило всѣ его планы. Теперь интрига стала ясна ему, какъ день: онъ тотчасъ же понялъ, что всѣми ея иружинами руководилъ швалъе де-Монгла, и предвидѣлъ, что послѣдній не упуститъ случая передать обществу подлинную причину разрыва съ Маргаритой.

Убѣдившись, что соперникъ его не продастъ своей побѣды дешево, маркизь совершенно измѣнилъ свои намѣренія. Онъ понялъ, что Маргарита потеряна для него навсегда, и всю злобу ревности и уязвленнаго самолюбія перенесъ на .Людвика де-Фонтанье.

Не сказавъ ни слова, д'Эскоманъ схватилъ шляпу и быстро вышелъ изъ комнаты, не простясь съ Маргаритой.

По возвращеніи домой, онъ встрѣтилъ Эмму, ожидавшую съ нетерпѣніемъ его прихода.

Сусанна Моле, интересуюсь всѣмъ, что только прямо или косвенно относилось до ея госпожи, узнала разумѣется не изъ послѣднихъ, новость, о которой трубили въ городѣ и поспѣшила сообщить ее Эммѣ.

Эта новость еще разъ обманула надеждой несчастную женщину. Еще разъ она подумала, что маркизь разставшись съ Маргаритой, теперь обратится къ ней, къ своей Эммѣ, которая такъ надолго была разлучена съ нимъ.

Съ вѣрой, столь свойственной женскому сердцу, она приняла самый разрывъ за его искреннее желаніе возвратить себя семейству и всю вину прежнихъ его ошибокъ отнесла на счетъ Жели.

Не такъ легковѣрна была опытная Сусанна. Она не предвидѣла ничего хорошаго отъ маркиза и старалась убѣдить Эмму, что ея надежды слишкомъ наивны,

— Подождите еще, сказала она; маркизь д'Эскоманъ, кажется не изъ тѣхъ, чтобъ такъ скоро и легко раскаяться въ своихъ поступкахъ.

Въ эту самую минуту раздался звонокъ у подъѣзда. Маркиза вышла на-встрѣчу своему мужу, встрѣтивъ его на первыхъ ступенькахъ лѣстницы. По какому-то безотчетному инстинкту

она готова была броситься ему нъ шею и разцѣловать, какъ цѣлуютъ любимаго человѣка, возвратившагося изъ дальняго пути, но холодный взглядъ маркиза остановилъ первое движеніе Эммы. И когда она взглянула на него своими нѣжными и пріятными глазами, онъ принялъ этотъ взглядъ за упрекъ, за выраженіе оскорбленной любви, и потому грубо оттолкнулъ ее отъ себя и молча прошелъ мимо.

Отброшенная маркиза потеряла равновѣсіе, упала навзничь и разшибла до крови лобъ о каменные ступеньки лѣстницы. Прежде чѣмъ Сусанна, издали видѣвшая всю эту сцену, подошла на помощь къ Эммѣ, та уже поднялась съ пола и рѣшительно пошла вслѣдъ за мужемъ.

Но теперь въ душѣ ея пробудилось другое чувство, грозное и мстительное, во всемъ величій женскаго достоинства и не заслуженнаго оскорбленія. Первымъ побужденіемъ ея было высказать мужу всѣ прожитыя ею страданія, всю пошлость его поведенія, всю низость его поступка и рѣшительно объявить, что она считаетъ себя свободной отъ всякаго нравственнаго и общественнаго обязательства въ отношеніи его. И въ эту минуту Эмма была чрезвычайно хороша! На лицѣ ея выступила вся внутренняя энергія, вся твердость характера, вся ненависть такъ долго таимая въ ея сердцѣ, однимъ словомъ, это было олицетворенная буря, готовая разразиться надъ головой труса-преступника. Съ этой цѣлью Эмма вошла прямо въ кабинетъ мужа, заперла за собой дверь, желая остаться съ нимъ наединѣ.

Но маркизъ д'Эскоманъ, замѣтивъ судорожное выраженіе на лицѣ жены, пятна крови на ея бѣломъ и прекрасномъ лбу, совершенно растерялся своимъ мелкимъ духомъ и, первый разъ притворился умоляющимъ о прощеніи. Подъ вліяніемъ этой мысли и подъ покровомъ этой личины, онъ, не давъ Эммѣ ни слова сказать, подошелъ къ ней, взялъ ее за руки, поцѣловалъ ее въ щеку и усадилъ на кресло.

— Я виноватъ передъ вами, сказалъ онъ тѣмъ, тономъ, который ясно показывалъ, что между словами и внутреннимъ убѣжденіемъ его не было ни малѣйшаго согласія; — я виноватъ передъ вами, повторилъ онъ, и залился слезами.

Если бъ кто нибудь со стороны посмотрѣлъ въ это время на маркиза, тотъ увидѣлъ бы въ немъ замѣчательнаго актера, способнаго плакать и смѣяться въ одну и ту же минуту. Но слова «я виноватъ передъ вами» и слезы маркиза успокоили Эмму;

она приняла их за искреннее раскаяние мужа, и опять увлеклась надеждой на примирение.

Кто наблюдалъ за странными капризами женскаго сердца, тотъ знаетъ, что ревность служитъ источникомъ самыхъ непонятныхъ противорѣчій въ чувствахъ и поступкахъ страдательнаго лица. Отъ презрѣнія женщина легко переходитъ къ снисхожденію, если только видитъ хоть малѣйшую возможность побѣды. Въ этомъ, кажется, ея полное торжество, за которымъ она выше ничего не желаетъ. Эмма уже давно разлюбила маркиза, давно перестала считать его своимъ мужемъ и за день прежде не могла подойти къ нему безъ нѣкотораго отвращенія, но когда она узнала о разрывѣ его съ Маргаритой, у нея родилась новая иллюзія примириться съ нимъ.

Плачь, плачь, мой другъ! говорила она: слезы облегчаютъ страданія; втеченіе долгаго времени я не знала иного утѣшенія; но тебѣ будетъ легче: жертва, которую ты приносишь своему долгу конечно тяжела, — за-то я подлѣ тебя, — продолжала она при видѣ усиленныхъ рыданій маркиза, вызванныхъ воспоминаніями о его страстной любви къ Маргаритѣ — можетъ быть и не права, что такъ горячо желаю твоего семейнаго счастья, но повѣрь, что ты будешь еще счастливѣе. Ты еще не знаешь сколько любви и нѣжности таятся въ моемъ любящемъ сердцѣ; ты до сихъ поръ не обращалъ на него никакого вниманія, но теперь тебѣ будетъ все извѣстно.... Да, наконецъ, посмотри на меня — развѣ я дурна, вѣдь мнѣ только двадцать лѣтъ?... О! я заставлю тебя также любить меня, какъ ты любилъ.... Говорятъ что эти женщины владѣютъ какой-то тайной очаровывать васъ, мужчинъ; но я не знаю этой тайны; за-то сумѣю найти силу любви въ свѣжести и неиспорченности моего сердца.

Всей этой сценой маркизъ видимо тяготился; и когда Эмма произносила свой лирическій монологъ, онъ думалъ о Маргаритѣ и о примиреніи не съ женой, его умолявшей, а съ любовницею, покинувшей его. Когда маркиза умолкла, онъ извинился, что желалъ бы остаться одинъ, что покой и уединеніе ему необходимо. Эмма исполнила его желаніе, вышла изъ кабинета и, повстрѣчавшись съ Сусанной, шепнула ей на ухо:

— «Ты ошиблась; маркизъ дѣйствительно раскаялся въ своей прежней жизни.

Но едва она переступила за порогъ кабинета, какъ совершенно довольный д'Эскоманъ успѣшилъ опять запереть дверь

и бросившись къ письменному столу, наскоро написалъ слѣдующую записку:

«Не могу существовать безъ тебя; забываю все; — черезъ два часа мы ѣдемъ въ Парижъ, гдѣ, клянусь тебѣ честью дворянина, такъ устрою твое положеніе, что всё будутъ тебѣ завидовать.»

«Ночью Германъ пріѣдетъ за тобой; карета будетъ ожидать на дорогѣ къ Орлеану.»

Кончивъ писать, маркизъ запечаталъ записку своей гербовой печатью и на конвертѣ надписалъ адресъ на имя Маргариты Жели.

Объясненіе Эммы сильнѣе подѣйствовало на воображеніе маркиза: всё страстныя, задушевныя выраженія, въ которыхъ бѣдная маркиза высказывала свою любовь еще болѣе возбуждали въ немъ сожалѣніе о разрывѣ съ любовницею. Вся любовь его сосредоточилась въ одной Маргаритѣ и ему казалось невозможнымъ раздѣлать эту страсть съ другою.

Вообще всё испорченные люди, которымъ въ жизни все легко удается, не могутъ равнодушно переносить никакихъ препятствій, на пути своихъ желаній; и потому сердце маркиза возмутилось при смѣломъ сопротивленіи со стороны Маргариты и оскорбленное его самолюбіе, какъ капризь упрямаго избалованнаго ребенка, непременно требовало себѣ удовлетворенія.

Наконецъ онъ позвонилъ и приказалъ вошедшему камердинеру отнести записку по адресу: черезъ полчаса Германъ (такъ звали камердинера) воротился съ отвѣтомъ.

Онъ засталъ Жели въ ужасномъ раздраженіи, котораго невозможно было бы описать. Съ распущенными волосами, съ необычайнымъ блескомъ въ глазахъ она металась по комнатѣ, какъ разъяренная тигрица въ своей клеткѣ, и чтобы выместить на чемъ нибудь свое раздраженіе, — била стекла, хозяйскую посуду и безжалостно рвала свои кружевыя платья.

Очевидно, что она была раздражена вовсе неожиданнымъ отвѣтомъ Лудовика на письмо свое, которое писала къ нему поутру.

Въ то самое время Германъ подаль ей записку маркиза д'Эсконанъ. Она съ нетерпѣніемъ сорвала печать, быстро пробежала письмо, и потомъ, скомкавъ его въ рукѣ, съ сердцемъ бросила въ каминъ.

— Скажите вашему господину, закричала она, что онъ мнѣ надоѣлъ и если мнѣ вздумается путешествовать, то я навѣрно обойдусь и безъ него.

Когда камердинеръ передалъ маркизу такой рѣшительный отвѣтъ, лицо д'Эскомана изъ блѣднаго сдѣлалось блѣдно-желтымъ; онъ тотчасъ велѣлъ закладывать лошадей, собрать въ дорогу самыя необходимыя вещи, снести ихъ въ карету и когда все было готово, уѣхалъ изъ Шатодёна.

На первой станціи отъ города онъ перемѣнилъ своихъ лошадей на почтовыхъ и, бросившись въ карету, закричалъ почтальону: «въ Парижъ!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СТРАДАНІЯ СЧАСТЛИВАГО ЛЮБОВНИКА.

Когда Маргарита Жели оставила Лудовика рано утромъ, онъ проснулся уже поздно. Солнце просвѣчивало сквозь рѣшетчатые ставни и испещрило занавѣсы оконъ свѣтлыми пурпуровыми полосами, затѣмниа своимъ блескомъ блѣдный свѣтъ горѣвшей на каминѣ свѣчи.

Лудовикъ приподнялся и сѣлъ на кровать, смутно припоминая всѣ происшествія минувшей ночи. Ему казалось, что съ нимъ случился кошмаръ; но окружавшій его безпорядокъ, ясно свидѣтельствовалъ, что это былъ не сонъ, а дѣйствительность.....

Лихорадочное волненіе, {сладѣвшее пмъ наканунѣ, совершенно затихло; винные пары, отуманившіе не надолго разсудокъ молодаго человѣка, разсѣялись, и онъ, освободившись наконецъ отъ всѣхъ матеріальныхъ побужденій, омрачавшихъ его душу, снова обратился къ Эммѣ съ спокойной и чистой любовью.

Тогда въ Лудовикѣ сильно заговорило угрызеніе совѣсти и раскаяніе, которое было тягостнѣе самыхъ упрековъ совѣсти. Теперь онъ сознавалъ, что зашелъ слишкомъ далеко, что чистота его побужденій потеряла свою силу, что онъ измѣнилъ собственному слову и оправдалъ предсказанія де-Монгла, надъ которыми вчера готовъ былъ подсмѣиваться.

Сначала Лудовикъ осыпалъ себя проклятіями; но потомъ, какъ обыкновенно бываетъ съ слабыми характерами, сталъ извинять свое увлеченіе бессознательнымъ состояніемъ.

Весь день онъ провелъ въ какомъ-то странномъ волненіи и дѣлалъ самыя несбыточные предположенія: то думалъ идти къ швалье де-Монгла, желая рассказать ему ночныя приключенія, то хотѣлъ ѣхать къ Эммѣ и предупредить ее откровенно насчетъ своего поступка, о которомъ она рано или поздно узнаетъ.

Такъ размышляя, Лудовикъ проспѣлъ до четырехъ часовъ въ грустной нерѣшимости. Въ это время онъ получилъ письмо Маргариты, полное ягучей страсти, доходившей до бреда горячки: она писала о страстной любви, наполнявшей всю ея душу, и описаніе это было просто, безъ всякихъ притязаній на краснорѣчіе и литературу. Чувства ея вылились на бумагу, съ той изумительной легкостью и вѣрностью, которыми отличаются только эскизы знаменитыхъ художниковъ.

Письмо ея испугало Лудовика. Въмѣсто женской прихоти и случайнаго расчета со стороны Маргариты, онъ вдругъ встрѣтилъ самую жгучую, страстную любовь, какой онъ не могъ представить въ самомъ смѣломъ предположеніи.

Маргарита настоятельно требовала къ себѣ Лудовика де-Фонтанье. Никогда еще любовныя посланія не содержали въ себѣ такого точнаго приказанія, но Лудовикъ все-таки не послушался, чувствуя въ себѣ, пока онъ находился вдали отъ нея, необыкновенную твердость характера. Онъ сѣлъ къ письменному столу, чтобъ написать отвѣтъ на такое импровизованное посланіе впечатлительной Маргариты, и, перепортивъ двадцать листовъ бумаги, разорвалъ ихъ одинъ за другимъ. Наконецъ ему удалось сочинить двусмысленное письмо, исполненное лестныхъ обѣщаній и громкихъ словъ со множествомъ *но*. Впрочемъ двуличность письма была такъ очевидна, что дѣвушка и менѣе умная, чѣмъ Маргарита, могла понять его смыслъ. Представьте себѣ женщину, упавшую съ луны на площадь Шатоде́на, — эта женщина была-бы менѣе изумлена своимъ положеніемъ, чѣмъ Жели, по прочтеніи посланія своего возлюбленнаго.

Смертный приговоръ, посланный Маргаритой прежнему ея любовнику, ни сколько не успокоилъ ее, точно также, какъ и опустошеніе, произведенное ею между форфоромъ, платьями и шальями, на которыхъ она выместила свое негодованіе, за невѣріемъ ничего лучшаго подъ рукой.

Приходъ швалье де-Монгла очень обрадовалъ Лудовика. Молодой человѣкъ принялся было рассказывать ему происшествія минувшей ночи, но тотъ въ самомъ началѣ прервалъ де-Фон-

танье, подавъ ему его собственное письмо, которое произвело такую сильную бурю.

— Вотъ, любезный другъ, сказалъ швалье де-Монгла: — вашъ автографъ. Нехудо-бы вамъ запомнить первое правило любовнаго устава — объяснять все на словахъ и ничего на письмѣ; злоупотребляйте сколько угодно словомъ, оно все терпитъ; но не подавайте повода усложнить кляузы нашимъ старымъ подъячимъ.

— Какимъ образомъ мое письмо попало въ ваши руки?

— По дипломатическому расчету, который-бы сдѣлалъ честь самому Талейрану. Меня отправили къ вамъ посланникомъ, слѣдовательно мнѣ необходимо было получить окредитованную грамоту — и я потребовалъ вотъ это письмо. Ну теперь сожгите его и, не говоря болѣе ни слова, берите шляпу, палку, и идите за мной.

— Куда?

— Къ повелителю, котораго я представителемъ!... Къ Маргаритѣ Желл, чертъ возьми!

— Но вы вѣроятно не читали моего письма, швалье!

— Я слишкомъ скромнень, чтобъ позволить себѣ такое любопытство; но мнѣ его прочли и вотъ именно почему я пришелъ сказать вамъ: идите за мной.

— Да неужели вы не поняли, что я вовсе не люблю Маргариту?

— Напротивъ!... О, если-бы вы ее любили, то я не говорилъ-бы такъ съ вами.

— Деликатность, швалье, не позволяетъ мнѣ замѣтить вамъ, что вы не много рехнулись; но я предоставляю вамъ право догадываться, что я такого мнѣнія. Не вы-ли старались, не дагѣ какъ вчера, возбудить во мнѣ отвращеніе къ Маргаритѣ, а сегодня вдругъ становитесь чуть-ли не рыцаремъ ея ордена.

— Вы правы; даже чѣмъ-то больше.... Но во всякомъ случаѣ я вижу необходимость разъяснить вамъ мое поведение относительно васъ. И такъ объяснимся. Вы были свидѣтелемъ оскорбленія, нанесеннаго мнѣ маркизомъ: вызвать его на дуэль было-бы безразсудно съ моей стороны, да и притомъ что-жъ это за мщеніе?—дуэль никогда не причиняетъ вреда остающемуся въ живыхъ; слѣдовательно надо было изобрѣсти мщеніе гораздо болѣе чувствительное для маркиза, такъ чтобы оно прямо ударило его въ сердце, — и вотъ я выбралъ васъ моимъ орудіемъ.... Что-жъ прикажете дѣлать, любезнѣйшій другъ, когда я не въ си-

лахъ самъ дѣйствовать?... Но если вы, счастливѣйшій изъ смертныхъ, не любите Маргариту, то по-крайней-мѣрѣ позвольте ей любить себя. Ваше равнодушіе къ ней ставитъ васъ въ завидное положеніе — смѣло играть огнемъ, нисколько не опасаясь имъ обжечься.

— Поговоримъ же серьезно, швалье, отвѣчалъ Лудовикъ де-Фонтанье. Въ порывѣ минутнаго увлеченія я сблизился съ Маргаритой — и теперь раскаиваюсь; однакожъ я не думаю, чтобъ это сближеніе служило уважительной причиною заставить меня еще дольше раскаиваться. Избавьте меня, пожалуйста отъ вашей просьбы или, лучше, приказанія — идти, куда мнѣ не слѣдуетъ.

— Теперь я понимаю и, не смотря на вашу скрытность, начинаю отгадывать, что вы влюблены въ маркизу д'Эскоманъ — эту добродѣтельную женщину, подарившую вамъ знаменитый зеленый кошелекъ. Признаюсь вамъ, что я ничего не смыслю въ книгахъ, но довольно удачно читаю на людскихъ физиономіяхъ самыя сокровенныя тайны, — и потому-то я хорошо знаю всю подноготную вашей маленькой исторіи. Вы хотите, чтобъ я говорилъ серьезно — пусть будетъ по вашему. Я считаю такую же нецѣлостью положительно опредѣлять характеръ женщины, какъ и цвѣтъ хамелеона. Предположимъ однакожъ, что прекрасная маркиза на столько добродѣтельна, на сколько Богу угодно допустить къ тому женщину, развѣ въ такомъ случаѣ вамъ будетъ пріятно разыграть роль влюбленнаго простака? Но если добродѣтель маркизы только одно лицемѣріе, то скажу вамъ откровенно, — тогда еще хуже!... Я готовъ въ томъ побожиться!.. Гмъ! вы не такъ богаты, чтобъ волочиться за великосвѣтской дамою. Бѣдный безумецъ! Да развѣ вамъ неизвѣстно, что намъ всегда обходится гораздо дороже то, за что не берутъ съ насъ денегъ. Вамъ дорого время и свобода — великосвѣтская дама отниметъ у васъ и то и другое... Я отсюда уже вижу, какъ вы понесете за ней шаль и букетъ цвѣтовъ и, зѣвая, внимательно будете слушать пошлости ея мужа. Такимъ-то образомъ захваченный въ тиски супружеской жизни, совсѣмъ усталый, разоренный и измученный, наконецъ — вы очутитесь въ положеніи, среднемъ между слугою и кавалеромъ. Нѣтъ, вы уже слишкомъ занеслись въ заоблачный міръ — остановитесь, пока есть время, и не мѣняйте теплаго чувства простой дѣвушки, на гордое сношеженіе къ вамъ титулованной кокетки.

Наконецъ швалье де-Монгя рассказалъ Лудовику, что Мар-

гарпта Жели поссорилась и совсѣмъ разошлась съ маркизомъ д'Эскоманъ, что объ этомъ происшествіи уже трубить весь городъ и что вѣроитно маркиза д'Эскоманъ одна изъ первыхъ узнала о томъ. Въ заключеніе де-Монгла напомнилъ Лудовику его обязанности въ отношеніи къ дѣвушкѣ, покинутой изъ-за него маркизомъ д'Эскоманъ.

Но Лудовикъ де-Фонтанье все еще не убѣждался.

Чтобъ одержать рѣшительную побѣду надъ нимъ, шваье употребилъ послѣднее средство, и сталъ наружно превозносить то, что самъ въ душѣ считалъ безуміемъ: онъ разсказалъ о сильной любви маркиза д'Эскоманъ къ Маргаритѣ Жели, о богатыхъ подаркахъ, которые тотъ дѣлалъ ей въ его присутствіи; хвалилъ благородную преданность своего молодаго друга Эмми и потомъ незамѣтно далъ почувствовать ему, что эта преданность, пожалуй, кончится ничѣмъ, если Маргарита согласится на предложеніе маркиза д'Эскоманъ и уѣдетъ съ нимъ въ Парижъ.

Послѣднихъ доводовъ, приведенныхъ шваье де-Монгла, было слишкомъ достаточно, чтобъ наконецъ разстрогать, увлечь, убѣдить, раздражить до слезъ Лудовика де-Фонтанье и, наконецъ, привести его къ Маргаритѣ Жели.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О ТОМЪ, КАКЪ ИНОГДА МОЖНО ОДИНАКОВО МЫСЛИТЬ И ВО
ВСЕ НЕ ПОНИМАТЬ ДРУГЪ-ДРУГА.

Лудовикъ де-Фонтанье былъ совершенно правъ, когда желалъ разорвать едва начавшуюся связь, потому что въ немъ не было той силы, которою владѣлъ счастливецъ Робертъ Абрисель.

Онъ явился къ Маргаритѣ точно въ такомъ положеніи, въ какомъ находится школьникъ, пойманный на мѣстѣ самаго проступка. Жели, замѣтивъ плаксивое настроеніе Лудовика, постаралась скрыть свое собственное неудовольствіе. Въмѣсто града упрековъ, жалобъ и слезъ—посыпались поцѣлуи, сопровождаемые радужной улыбкой. Ставъ на колѣна передъ своимъ возлюбленнымъ, она начала ласкать и увѣрять его въ своей пламенной и безграничной любви. Швалье де-Монгла, не желая быть свидѣтелемъ одной изъ деликатныхъ любовныхъ сценъ, оставилъ Жели и де-Фонтанье вдвоемъ, отправившись къ своему другу де-Гискару.

Положеніе Лудовика еще сдѣлалось болѣе затруднительнымъ съ отсутствіемъ де-Монгла, онъ почувствовалъ себя одинокимъ и слишкомъ слабымъ, чтобъ бороться съ неотразимой силой огненной женской страсти. Отдавшись на волю судьбы, онъ рѣшился выждать первой удобной минуты, чтобъ вырваться изъ крѣпкихъ объятій Донуазки и бѣжать къ себѣ, въ свое уединеніе. Но Маргарита употребила все средства, какія только могутъ быть

во власти женщины, чтоб овладѣть еслн не душой, то по-крайней-мѣрѣ тѣломъ Лудовика де-Фонтанье.

Чувственное раздраженіе ея доходило до болѣзненныхъ судорогъ; она вливалась въ Лудовика съ бѣшенымъ увлеченіемъ, прижимала его къ своей груди, какъ мать прижимаетъ своего ребенка въ минуты опасности или ночнаго испуга. Де-Фонтанье не могъ устоять противъ этого бурнаго сладострастія; въ нѣсколько минутъ, и теперь уже въ трезвомъ состояніи, съ полнымъ сознаніемъ своихъ дѣйствій, онъ находился въ рукахъ Маргариты, какъ дитя въ рукахъ своенравной няньки.

Но чѣмъ сильнѣй уносила его волна чувственныхъ порывовъ Жели, тѣмъ больше отвращенія онъ чувствовалъ къ своему деспоту. Ему было жалко свои юношескія мечты, въ которыхъ онъ рисовалъ образъ любви во всей прелести идеальнаго наслажденія; ему было стыдно за поруганіе собственнаго чувства, которому онъ придавалъ такъ много нравственной энергіи и чистоты. «А что сказала-бы Эмма, еслн-бъ она увидѣла меня въ эту минуту?»—думалъ Лудовикъ, освобождаясь изъ объятій Маргариты.

Когда она оставила его, онъ опрометью бросился по лѣстницѣ и безъ оглядки побѣжалъ въ свою квартиру. Долго еще преслѣдовалъ его голосъ Жели, кричавшей ему вслѣдъ; «До вечера, cher ami!», но онъ не слышалъ ни голоса Маргариты, ни насмѣшекъ толпы, глумившейся надъ его растрепаннымъ костюмомъ; онъ не видѣлъ ни лицъ, ни предметовъ, встрѣченныхъ имъ на дорогѣ: все — и небо и земля и солнце и вода — слились для него въ одну безразличную картину, на которой ясно обозначался одинъ печальный и грозный ликъ маркизы д'Эскоманъ.

Въ такомъ лунатическомъ состояніи возвратился де-Фонтанье домой. Когда прошелъ первый симптомъ горячки, его раздраженная фантазія уступила мѣсто холодному размышленію. Лудовикъ глубоко призадумался надъ своимъ положеніемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, оно было въ высшей степени непріятное; съ одной стороны, онъ зналъ, что вѣсть о его посѣщеніи Маргариты разнесется по всему городу, первый де-Монгла постарается распространить ее вездѣ, гдѣ только можно. Послѣ этого отступленіе — почти невозможно. Оставить Жели послѣ перваго ночнаго свиданія еще было легко, но теперь всѣ обвинять Лудовика въ несчастіи и оскорбленіи молодой дѣвушки. Съ другой стороны, она отравляла его лучшія мечты, разлучая его съ Эммой. Эт-

борьба до того измучила де-Фонтанье, что онъ въ нѣсколько дней почувствовалъ припадки хронической меланхолии. Волею-неволею, поддерживая натянутую и противную ему связь съ Маргаритой, онъ въ тоже время сталъ избѣгать общества своихъ товарищей, и болѣе искалъ уединенія, въ которомъ только и могъ сблизиться и разговаривать съ идеаломъ своей мечты, занимавшимъ всѣ его помыслы. Лудовикъ проводилъ каждый вечеръ на берегу рѣки Луары, гдѣ, сидя по цѣлымъ часамъ, неподвижно слѣдилъ за потокомъ воды или прислушивался къ монотонному шелесту окрестной дубравы. Но видѣлъ-ли онъ то, на что такъ пристально смотрѣлъ, погруженный въ свои грезы? Но слышалъ-ли онъ то, къ чему, повидимому, съ такимъ вниманіемъ прислушивался? Едва-ли! Сколько разъ уже случалось, что простодушные поселяне останавливались и съ любопытствомъ смотрѣли на непонятное для нихъ раздумье молодого человѣка: но мечтатель даже не удостоивалъ ихъ взгляда.

Шатоде́нская хроника находила героя нашего немного помѣшаннымъ; но, безъ-сомнѣнія, эта же самая хроника была-бы гораздо снисходительнѣе къ нему, если-бъ моральныя страданія его не оказались прилипчиваго свойства.

Съ-тѣхъ-поръ какъ Маргарита Жели разсталась съ маркизомъ д'Эскоманъ и сблизилась съ Лудовикомъ де-Фонтанье, ее нельзя было узнать.

Понятія Маргариты были довольно ограничены. Одаренная пылкой душой, способной къ всестороннему развитію, она однакожь не имѣла ни достаточнаго образованія, ни твердо-сформированнаго характера. Въ сердцѣ ея было много добрыхъ побужденій, но они выражались дикими порывами и не заключали въ себѣ ничего реальнаго.

Любовь не составляла для Маргариты такой головоломной задачи, которой праздность изнѣженныхъ людей придаетъ столько значенія. Вся сущность любви заключалась для нея только въ сильныхъ движеніяхъ необузданной страсти; но болѣе возвышенныхъ чувствъ Маргарита не искала въ ней.

Цвѣтушая, и вмѣстѣ съ тѣмъ роскошная красота молодой Дюнуазки, казалось, еще болѣе развилась съ того времени, когда она сошлась съ Лудовикомъ де-Фонтанье, и Маргарита была ему благодарна. Она любила его безкорыстно, и эта любовь была первая по ея собственному выбору; правда, въ ней преобладали чувственные аппетиты, но за то она была такъ сильна.

какъ только можетъ быть истинная страсть въ ея натуральномъ состояніи.

Съ своей стороны Лудовикъ де-Фонтанье былъ слишкомъ деликатенъ, чтобъ напрасно огорчать Маргариту Жели; онъ даже скрывалъ отъ нея, по возможности, настоящее состояніе души, объясняя свое дурное расположеніе совершенно посторонними причинами.

Поэтому молодая Дюнуазка вовсе не подозрѣвала, въ какихъ ложныхъ отношеніяхъ она находилась къ Лудовику, и, не смотря на видимое охлажденіе взаимной любви ихъ, Маргарита, въ продолженіе довольно долгаго времени, считала себя одной изъ самыхъ любимыхъ и счастливейшихъ женщинъ въ мірѣ.

И это, еще никогда неиспытанное ею счастье, произвело въ ея характерѣ такую сильную переměну, что она удивила собой цѣлый городъ.

Прежде Маргарита была лѣнива и небрежна и ни что не могло вывести ее изъ невозмутимой апатіи; она боялась, повидимому, утомить себя даже самой легкой улыбкой,—но за то теперь, когда она оставалась одна, на нее находили порывы радости, выражавшіеся страшными криками и сильнымъ топаньемъ, такъ-что ея сосѣди не разъ уже жаловались на нее за беспокойство. Когда же облокотясь на окно, она съ нетерпѣніемъ ждала къ себѣ Лудовика, взглядъ ея былъ необыкновенно кроткій и нѣсколько задумчивый. Въ эту минуту она походила на воркующую горлицу, потерявшую свое гнѣздо и любовника. Но вотъ Лудовикъ показывался въ улицѣ, и Маргарита вдругъ переходила къ безграничному восторгу.

Вполнѣ преданная своей любви, она хотя и была счастлива, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась совершенной нелюдимкой, что не мало беспокоило ея друзей. За исключеніемъ Лудовика де-Фонтанье, всѣ мужчины стали ей противны и она, нисколько не стѣсняясь, давала имъ это чувствовать; но такъ-какъ они не хотѣли повидимому понимать ее, то Маргарита безъ всякой церемоніи перестала ихъ принимать. И вотъ наконецъ Жели — эта душа и звѣзда разгульнаго кружка шатоуэнской молодежи, эта краса позднихъ веселыхъ ужиновъ, къ общему прискорбію вдругъ обратилась въ совершенную кармелитку.

Каждый толковалъ по своему о причинахъ, заставившихъ ее такъ внезапно измѣниться. Вообще такую переměну приписывали ревности Лудовика де-Фонтанье и, не смотря на то, что Маргарита переměнила трактирную комнату на хорошенькую квар-

тиру въ улицѣ Клычи, не смотря на то, что .Лудовикъ де-Фонтанъ весь свой вынгрыпъ употребилъ на любовницу, все-таки многіе изъ молодыхъ людей позволяли себѣ жаловаться на тягостную судьбу несчастной жертвы.

Но эта бѣдная жертва отъ души хохотала, когда до нея доходили слухи о сожалѣніяхъ шатоленской молодежи.

Впрочемъ то время было недалеко, когда беззаботная Маргарита должна была убѣдиться, что за счастьемъ почти всегда скрывается горе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЗАМЫСЕЛЬ СУСАННЫ МОЛЕ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ разсказаннаго нами случая, и городъ Шато-дёнъ снова принялъ свою скучную физиономію.

Съ отъѣздомъ маркиза, президента кутежей и буйныхъ оргій развратнаго юношества, кружокъ его разстроился. Матери свободнѣй вздохнули, охраняя своихъ дочерей; старики спокойнѣй засыпали послѣ обѣда и молодые люди чаще проводили вечера у домашняго очага. Гостинница Бертрана совершенно опустѣла; нѣкоторыя окна, съ разбитыми ставнями, были закрыты наглухо; подъѣздъ осунулся; на лѣстницѣ, и прежде не отличавшейся особенной чистотой, валялись ворохи грязи и сору, и въ двѣнадцать часовъ ночи рѣдко свѣтился огонь и раздавались шумные крики.

Зеленая зала клуба, назначенная для куренья, всегда была предметомъ постоянныхъ споровъ между курильщиками и, такъ названными, *париками*, которые поддерживали чистоту нравовъ, играя въ вистъ только по два су за фишку. Эта зала окончательно была завоевана послѣдними, и съ-тѣхъ-поръ въ ней болѣе не курили.

Переворотъ былъ рѣшительный.

При всемъ своемъ желаніи, швалье де-Монгла никакъ не могъ сохранить духъ своей партіи. У него не было на то ни денегъ, ни ловкости. Но тѣмъ грустнѣе было для него, что онъ

одинъ былъ на похоронахъ своего любимаго общества. Досадно было старику смотрѣть, какъ все присмирѣло кругомъ его.

Не стало болѣе ни веселыхъ ужиновъ, ни азартной игры; конюшни опустѣли, щегольскіе экипажи перестали бороздить шатоуэнскія улицы и горожане, выходя изъ дому, снова увидѣли себя хозяевами города; а мостовая вскорѣ пуще прежняго поросла травой. Никто не отвлекалъ уже болѣе богомолковъ отъ ихъ утреннихъ усердныхъ молитвъ, а физіономія швалъе де-Монгла, вытянулась до невѣроятности.

Тутъ только онъ сталъ раскаиваться, что слишкомъ поспѣшили отмстить маркизу разрывомъ его съ Маргаритой.

Но вдругъ разнесся слухъ, что маркизъ вернулся. Новость эта была принята очень равнодушно городскимъ обществомъ.

Онъ потерялъ для него прежнее обаяніе, и многимъ наскучилъ. На-счетъ его возврата сочинили нѣсколько самыхъ нелѣпыхъ сплетней, и затѣмъ перестали говорить о немъ.

Маркиза д'Эскоманъ первая узнала о пріѣздѣ мужа. Послѣдній поступокъ его, когда онъ уѣхалъ отъ жены, не сказавъ ей даже *прости*, окончательно убѣдилъ ее, что она ошиблась въ своихъ надеждахъ.

Повѣряя все, что она пережила и почувствовала въ послѣдній годъ, ей становилось страшно самой себя. Сомнѣнія, и прежде волновавшія ея сердце, теперь обратились для нея въ жизненную стихію; она не вѣрила ничему ее окружающему, ни собственному разуму, ни даже преданности Сусанны, которую такъ задушевно любила. Съ каждымъ новымъ событіемъ въ своей жизни, она привыкла ожидать новое потрясеніе и горе. Даже та уединенная роца, въ которой Эмма такъ часто проводила свои меланхолическія минуты, утратила для нея свою прелесть. Еще повременамъ она вспоминала о мужѣ, и эти воспоминанія, къ сожалѣнію, совпадали съ ея дѣвственными лучшими грезами, но она старалась заглушить въ себѣ внутренній голосъ и оттолкнуть этотъ убійственный образъ маркиза. Умъ внятно говорилъ ей, что пора забыть неблагодарнаго мужа, а сердце все еще подсказывало упованіе и надежду.

Кормилица Эммы понимала источникъ страданій своей питомицы и старалась воспользоваться расположеніемъ ея духа. Она немолчно повторяла ей, что маркизъ будетъ обманывать ее до конца; она не упускала ни одного пошлаго поступка съ его стороны, чтобъ не сообщить Эммѣ съ приличнымъ комментариемъ; она готова была скорѣе оклеветать его, чѣмъ извинить какую

нибудь ошибку д'Эскомана. И во всемъ этомъ Сусанна дѣйствовала съ такимъ неподражаемымъ тактомъ, какой дается только глубокому чувству. И наконецъ, она успѣла возстановить Эмму противъ маркиза. Сколько послѣдняя не сердилась на свою кормилицу за ея постоянные намеки и рассказы о безпутной жизни своего мужа, но въ душѣ она соглашалась съ ней, и къ старымъ впечатлѣнiямъ каждый день прибавляла новое.

Въ такомъ состоянiи находилась Эмма, когда маркизь прiѣхалъ въ Шатодеънъ. Вѣроятно, онъ долго прогостилъ-бы въ Парижѣ, — въ этой обѣтованной Меккѣ пустаго и свѣтскаго міра, но промотавъ нѣсколько десятковъ значительныхъ банкирскихъ векселей, высылаемыхъ ему деликатной Эммой, [онъ наконецъ истощилъ терпѣніе ея и получилъ рѣшительный отказъ въ контрсигнировкѣ новаго заемнаго письма. Такое извѣстіе вовсе не обрадовало его и онъ, оставшись въ долгу какъ въ шелку, постышиль успокоить дракона Гесперидовъ, охранявшаго его сокровище. Съ этой единственной цѣлью онъ простился съ парижскими кофейнями и игорными домами, и отправился на лоно родныя.

Онъ прiѣхалъ вечеромъ и, на другой день передъ завтракомъ, послалъ спросить маркизу, — можетъ-ли она принять его.

Опасаясь, чтобъ потухшая любовь Эммы къ мужу не пробудилась съ новой силой при ихъ свиданiи и не разрушила всѣ ея прежнія совѣты, Сусанна Моле настойчиво домогалась позволенія присутствовать при свиданiи супруговъ; но маркиза на отрѣзъ отказала ей въ этой просьбѣ, боясь, что вспылчпвая кормилица легко сконфузитъ ее своею заносчивостью.

Маркизь д' Эскоманъ вовсе не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые легко отступаются отъ своихъ намѣренiй и потому, принявъ высокомерный тонъ челоуѣка, глубоко оскорбленнаго, онъ передалъ женѣ все, что претерпѣлъ вслѣдствіе полученнаго отъ нея отказа.

Въ отвѣтъ на его жалобы Эмма довольно хладнокровно, но чрезвычайно умно представила ему плачевное состояніе своего имѣнiя и то разореніе, до котораго оно доведено мотовствомъ маркиза, прибавивъ, что она отказываетъ ему въ новомъ займѣ, не вслѣдствіе своихъ эгонстическихъ расчетовъ, — а единственно потому, чтобъ избѣжать совершеннаго разоренiя и тѣмъ предоставить маркизу возможность не измѣнять привычекъ его роскошной жизни. Но при этомъ она согласилась ссудить его деньгами, которыми, нисколько не стѣсняясь, могла располагать

въ настоящую минуту, не прибѣгая къ обременительнымъ займамъ.

Спокойствіе Эммы, еще такъ недавно и краснѣвшей, и блѣднѣвшей отъ одного суроваго взгляда своего мужа, а теперь разговаривавшей съ нимъ о дѣлахъ съ увѣренностію опытнаго адвоката, совершенно ошеломило маркиза д'Эскоманъ; но всего болѣе его поразило равнодушіе Эммы, съ которымъ она положила передъ нимъ обѣщанныя ему деньги.

Первой мыслью его было отказаться отъ нихъ; но потомъ онъ разсудилъ, что передъ нуждой самая гордая спѣсь ломится, и потому поспѣшилъ сунуть ихъ въ карманъ.

Послѣ свиданія съ женой, маркизъ отправился въ клубъ и увидѣлъ, что онъ утратилъ тамъ свое вліяніе, точно также какъ и у себя въ семействѣ.

И такъ, ему снова приходилось завоевывать шагъ-за-шагомъ свою потерянную почву. Впрочемъ маркизъ д'Эскоманъ ни сколько не потерялъ присутствія духа, и тотчасъ сообразилъ, что самое вѣрное средство — возстановитъ общее къ нему вниманіе и задобрить Эмму — состояло въ совершенномъ измѣненіи его прежняго образа жизни.

Послѣ обѣда, въ тотъ же самый день, онъ выпросилъ у жены позволеніе провести съ нею часть вечера, что случилось продолженіе всего ихъ супружества не болѣе двухъ разъ. Хотя во все время свиданія съ женою онъ былъ чрезвычайно предупредителенъ и любезенъ, но не могъ скрыть своего презрѣнія къ Сусаннѣ, которая, не считая необходимымъ измѣнять своего обыкновенія, помѣстилась съ чулкомъ въ рукахъ, какъ вѣрная собаченка, на табуретѣ у ногъ своей госпожи.

Во все время свиданія, маркиза слушала любезности своего мужа съ безпокойнымъ и задумчивымъ видомъ; наконецъ, около десяти часовъ вечера она простилась съ нимъ. Эмма вошла въ свою комнату, и едва только Сусанна заперла за собою дверь, какъ маркиза бросилась въ ея объятія, и заплакала слезами.

Напрасно Сусанна старалась разузнать у своей штомницы настоящую причину ея горя. Эмма плакала и молчала.

Что-же касается маркиза, то онъ преспокойно отправился въ клубъ и провелъ тамъ остальную часть ночи.

Появленіе его въ зеленой залѣ, произвело нѣкоторое волненіе въ обществѣ. Новые владѣльцы этой залы опасались, что

блистательный маркиз найдетъ еще въ себѣ настолько смѣлости и вліянія, что-бы заявить прежнія свои права.

Но маркизъ д'Эскоманъ слишкомъ былъ далекъ отъ такой мысли и, уступая необходимости, онъ бросилъ свою спгару въ камень, присоединился къ играющимъ въ вистъ, и весьма учтиво, даже можно сказать почтительно, спросилъ своего партнера, почему они играютъ.

Партнеръ его, старый совѣтникъ префектуры, отвѣчалъ ему, запинаясь и моргая глазами, что обыкновенно они играютъ по десяти сантимовъ фишку, но если маркизу будетъ угодно...

— Игра ваша должна быть и моею, прервалъ его маркизъ голосомъ серьезнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень вѣжливимъ. — Я обязанъ принаравливаться къ вашимъ привычкамъ.

И въ тоже время, чтобы на-самомъ-дѣлѣ подтвердить сказанное, онъ вынулъ изъ кармана горсть мелкой монеты и положилъ ее передъ собой.

При видѣ такого смиренія со стороны маркиза, у всѣхъ партнеровъ какъ-будто отлегло отъ сердца, и они вздохнули свободнѣе.

Маркизъ д'Эскоманъ такъ внимательно игралъ, оберегая свой интересъ въ пятьдесятъ сантимовъ, такъ искусно скрывалъ свою зѣвоту, что партнеры и прочіе зрители разошлись въ полномъ восхищеніи отъ него.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Лудовикъ де-Фонтанъ сошелся съ Маргаритой, онъ постоянно сидѣлъ дома и велъ жизнь самую уединенную; но узнавъ о возвращеніи маркиза д'Эскоманъ, тотчасъ отправился въ клубъ.

Побудительной причиною къ тому былъ слухъ, доведенный до Лудовика, что маркизъ возвратился единственно за тѣмъ, чтобы вызвать его на дуэль. Герои нашъ, не желая подать поводъ думать, что онъ избѣгаетъ встрѣчи съ д'Эскоманомъ, рѣшился видѣться съ нимъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Лудовикъ де-Фонтанъ скорѣе былъ расположенъ принять этотъ вызовъ, чѣмъ отступить отъ него: нѣсколько взглядовъ, брошенныхъ имъ въ клубъ на маркиза д'Эскомана, казалось, искали только случая затѣять ссору, о которой, повидимому, послѣдній вовсе и не думалъ, потому-что, кончивъ свою игру, онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ своему сопернику и съ жаромъ, пожавъ ему руку, которую Лудовикъ впрочемъ самъ не протягивалъ, началъ дружески говорить съ нимъ. Наконецъ, когда всѣ члены клуба, за исключеніемъ

швалье де-Монгла, разошлись,—маркизь д'Эскоманъ хладнокровно и съ видомъ простодушія спросилъ Лудовика, какъ поживаетъ Маргарита.

Лудовикъ всего менѣе ожидалъ такого вопроса, и потому принялъ его съ уклончивымъ равнодушіемъ; за то де-Монгла былъ въ неописанномъ восторгѣ и, потирая руки, отъ удовольствія говорилъ про себя:

— Bravo! это мнѣніе превосходное, жаль только, что маркизь измѣнился въ лицѣ, когда произнесъ имя своей возлюбленной; но что же въ мірѣ совершенно?

Старый швалье вообще не довѣрялъ искренности перерожденія людей и въ-особенности маркиза д'Эскомана; хорошо зная, что сердце и голова этого человѣка одинаково пусты, опытный старикъ догадывался, что подъ утонченной любезностію маркиза непремѣнно скрывается какая-нибудь хитрость; но во всякомъ случаѣ, чтобы не произошло отъ нея, ему предстояло нѣсколько пріятныхъ дней.

На другой день весь городъ зналъ о перемѣнѣ въ поведеніи маркиза; онъ сдѣлался предметомъ всѣхъ разговоровъ: всѣ захотѣли увѣриться въ его обращеніи и бѣдная Эмма по неволѣ должна была принимать поздравленія людей, которыхъ она никогда не видѣла.

Принимая эти поздравленія, она не умѣла скрывать своей печали, и потому всякій, уходя отъ нея, уносилъ убѣжденіе, что раскаяніе маркиза было неискренно. Но всѣ эти слухи были приняты имъ съ презрѣніемъ; онъ не считалъ нужнымъ оправдываться, хотя прежняя любовь его къ Маргаритѣ еще не совсѣмъ исчезла.

Наконецъ маркизь д'Эскоманъ сталъ ухаживать за женой, какъ онъ не ухаживать ни за одной любовницей.

Съ разбѣяннымъ видомъ слушала Эмма страстные его увѣренія, повременамъ устремляя на него взоръ, полный грусти и отчаянія. Повидимому она спрашивала себя: «неужели это тотъ самый Рауль, о которомъ я нѣкогда мечтала?... Но почему же его взглядъ не производитъ во мнѣ прежняго волненія?» Затѣмъ она тяжело вздыхала и часто вздохи ея сопровождались слезами.

Видя эти слезы, маркизь бросался на колѣна передъ Эммою и клялся всѣми святыми, что все прошедшее умерло и никогда болѣе не воскреснетъ. Увѣренія его, казалось, были искренни и потому еще болѣе усиливали рыданія маркизы.

Если кто слѣдилъ съ жаднымъ любопытствомъ за фразами этого примиренія, то это была Сусанна Моле.

Она готова была даже простить маркизу д'Эскоманъ всѣ прошлыя обиды, если-бъ только жертва эта была необходима для совершеннаго примиренія супруговъ. Но отъ глазъ проникательной Сусанны ничто не ускользало: ни неловкое положеніе супруговъ, ни скрытность, ни страданія маркизы, и добрая кормилица все болѣе и болѣе убѣждалась, что маркизъ играетъ самую лицемѣрную роль.

Явныхъ уликъ въ этомъ лицемѣрїи не было; но какой-то внутренней голось нашептывалъ Сусаннѣ, что Эмма опять будетъ обманута.

Но происшествія шли своимъ чередомъ.

Маркизъ д'Эскоманъ, затворившись однажды на цѣлый вечеръ съ Эммою, бесѣдовалъ съ ней далеко за полночь. Моле подслушивала ихъ во всѣ щели и скважинки, но ничего не могла узнать.

На другой день слѣды слезъ, лихорадочная дрожь, пробѣгавшая повременамъ по тѣлу маркизы, ясно объяснили Сусаннѣ, что вчерашнее свиданіе супруговъ было первой важности.... И все это заставило ее задуматься. Вечеромъ, когда маркизъ уѣхалъ изъ дому, съ Эммой сдѣлался сильный нервный припадокъ, который привелъ Сусанну въ отчаяніе. Она не знала чему приписать такую непредвидѣнную болѣзнь своей госпожи, и заподозрила, что Эмма скрываетъ отъ нея какую-то тайну. Вообще преданная кормилица не могла переносить терпѣливо никакихъ страданій и такая скрытность ея питомицы жестоко огорчила ее, тѣмъ болѣе, что она считала себя въ правѣ на полное довѣріе со стороны Эммы.

Наконецъ, желая во что-бы то ни стало доискаться причины горя, такъ сильно изнурявшаго Эмму, Сусанна Моле пустилась припоминать прошедшее и перебрала въ своей памяти всѣ случившіяся происшествія, всѣ мысли, которыя когда-либо читала въ ея глазахъ, всѣхъ посѣтителей замка маркиза д'Эскомана, перебивавшихъ втеченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ; но не смотря на все это, она не нашла аriadниной нити въ лабиринтѣ своихъ догадокъ и предположеній.

Прошедшая жизнь Эммы протекла спокойно и была ясна, какъ небо. Грозная туча, предвѣщавшая сильную бурю, еще не показывалась на горизонтѣ.

Сусанна Моле начала доискиваться истины съ другой сто-

роны, и вмѣсто того, чтобъ теряться въ соображеніяхъ прошедшаго, она стала анализировать обстоятельства настоящей жизни Эммы.

Маркиза вела жизнь правильную. Она рѣдко показывалась въ обществѣ, но за то по утрамъ и передъ обѣдомъ нѣсколько времени каталась въ экипажѣ, или гуляла въ паркѣ. Каждый шагъ ея былъ на виду у Сусанны, въ домѣ всегда знали, куда отправилась Эмма и когда возвратится; и за всѣмъ тѣмъ тайна грусти маркизы оставалась не проницаемой для бѣдной кормилицы.

Эмма съ каждымъ днемъ становилась задумчивѣе, и наконецъ меланхолія ея, столь сильно беспокоившая Сусанну, приняла такой серьезный характеръ, что добрая Моле, бросивъ всѣ свои догадки, стала объяснять ее болѣзненнымъ состояніемъ груди и желудка, называемымъ на языкѣ простыхъ женщинъ, сухоткою. Превозмогая свою ненависть къ маркизу, Сусанна рѣшилась поговорить съ нимъ о здоровьѣ Эммы и убѣдить его призвать доктора.

Въ тотъ самый день, когда они намѣревались говорить съ маркизомъ д'Эскоманъ, Сусанна, провожая госпожу свою до экипажа, услышала, что кучеръ спросилъ лакея, затворявшаго двери кареты, куда прикажетъ маркиза вести себя, на что лакей отвѣчалъ ему: «туда, куда ѣздимъ каждый день».

Отвѣтъ слуги подстрекнулъ любопытство подозрительной Сусанны, и она, не дожидаясь возвращенія маркизы, вздумала лично удостовѣриться, какое мѣсто Эмма предпочитаетъ для своихъ прогулокъ. Поспѣшно надѣвъ чепчикъ и шаль и взявъ извѣстный уже намъ зонтикъ, которымъ она такъ ловко отпарировала когда-то наступленіе Лудовика де-Фонтанье, храбро побѣжала догонять карету, запряженную парой англійскихъ расыковъ.

Когда Моле вышла изъ дома, то замѣтила, что карета повернула за уголъ направо, и заключила изъ этого, что цѣль прогулки маркизы — большая парижская дорога. Чтобъ сократить себѣ путь, Сусанна, прибавивъ шагу, пошла переулками предмѣстья и спрашивала каждаго встрѣчнаго не видалъ-ли онъ куда поѣхала карета, — но изъ проходящихъ никто не встрѣчалъ всѣмъ извѣстнаго экипажа маркизы д'Эскоманъ. Бѣдная кормилица выходила изъ себя, бросаясь и туда и сюда, и впередъ и назадъ: наконецъ, по разспросамъ и разнымъ признакамъ, ей удалось кое-какъ узнать, что карета спустилась къ берегу рѣки Луары.

Когда Сусанна проходила послѣдніе дома предмѣстія, ей

представилась въ облакъ пыли карета Эммы. Поспѣшно распутивъ свой зонтикъ, она скрылась за нимъ, какъ солдатъ за фашинной.

Прогулка кончилась и маркиза д'Эскоманъ воротилась домой. За ней пришла и Сусанна, ровно ничего не узнавъ; однакожь она осталась увѣренною, что въ этихъ прогулкахъ кроется какая-нибудь тайна. При самомъ выѣздѣ изъ города, когда Сусанна остановилась, чтобъ перевести духъ и обереть потъ, въ это самое время мимо ее прошелъ Лудовикъ де-Фонтанье.

Она не обратила на него ни малѣйшаго вниманія, потому что молодой человекъ со дня перваго посѣщенія, когда онъ былъ представленъ маркизѣ, не рѣшался показываться въ ея домъ, потому что открытая связь его съ Маргаритой Жели была извѣстна всему городу.

На другой день, прежде чѣмъ маркиза приказала закладывать экипажъ, чтобъ ѣхать кататься, Сусанна уже, вышла на парижскую дорогу и помѣстилась для наблюденій на правой ея сторонѣ за небольшимъ холмомъ, откуда свободно могла обозрѣвать все пространство дороги.

Карета, не останавливаясь, проѣхала четыре раза взадъ и впередъ; но къ дверцамъ ея никто не подходилъ.

Сусанна Моле, полагая, что она и въ этотъ разъ только напрасно прождала, уже готовилась выйти изъ своей засады, какъ вдругъ увидѣла Лудовика де-Фонтанье. Она, какъ говорится о гонимыхъ собакахъ, наострила уши и стала искать по-вѣтру, или, проще сказать, начала разсматривать любителя береговъ Луары съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ наканунѣ.

Къ удивленію своему она замѣтила, что на лицѣ молодаго человека точно также, какъ и у Эммы, проглядывала тоска, вѣрный признакъ душевнаго страданія: онъ также, какъ и Эмма, былъ блѣденъ, — словомъ: повсему было видно, что онъ страдалъ одинаковымъ съ нею горемъ.

Моле воротилась домой уже въ то время, когда кучеръ откладывалъ лошадей.

Она послѣнно вошла въ комнату Эммы и увидала ее еще болѣе грустной, еще болѣе задумчивой чѣмъ прежде.

Добрая кормилица имѣла обыкновеніе всегда употреблять въ болѣзняхъ самыя сильныя средства, а потому она отрывисто спросила Эмму: отгадайте сударыня, кого я сейчасъ не признала?

— Кто-бы онъ ни былъ, а вы все-таки очень хорошо сдѣ-

ляли, любезная Сусанна. Я так устала, что не хотѣла-бы никого видѣть.

— Гм! когда я скажу вамъ имя гостя, то увѣрена, что вы разцѣлуете меня въ знакъ благодарности.

— Говорите яснѣе: я не расположена сегодня къ загадкамъ.

— Понимаете-ли вы, сударыня, начала Сусанна, скрестивъ руки и стараясь притворнымъ негодованіемъ подтвердить свою ложь: понимаете-ли вы всю дерзость этого господина?

Блѣдныя щеки Эммы вдругъ покрылись румянцемъ. Прежде чѣмъ кормилица dokonчила свою рѣчь, маркиза уже догадалась, о комъ она говоритъ.

— Тотъ самый господинъ, который разъ вечеромъ встрѣтился съ вами на берегу Луары и такъ былъ наглъ и невѣжливъ; тотъ самый негодяй, который нянчится теперь съ одной изъ самыхъ безстыдныхъ женщинъ въ городѣ. И этотъ-то человекъ осмѣлился просить позволенія видѣться съ маркизой д'Эскоманъ!... Какъ вамъ это нравится?

И по свойственной Сусаннѣ болтливости, она продолжала-бы свою нескончаемую филиппику, но вдругъ румянецъ на щекахъ Эммы скрылся и лицо ея стало блѣдно, какъ батистовый бѣлый платокъ. Она остановила кормилицу и велѣла ей принести себѣ стаканъ воды.

Идя за водой, Сусанна Моле была встревожена не менѣе своей госпожи и всю дорогу ворчала про себя:

— Боже мой! Боже мой! да что-жъ это, наконецъ, будетъ съ нами?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ЛЮБОВЬ НЕ ВСЕГДА — ПРИЯТНАЯ МЕЧТА.

Наконецъ Сусанна Моле, въ-самомъ-дѣль, отгадала тайну своей госпожи.

Эмма любила Лудовика де-Фонтанье. Долго она боролась съ этимъ чувствомъ, но послѣдніе поступки маркиза и упадокъ ея собственныхъ силъ разрушили въ ней всякое уваженіе къ долгу, или, лучше, заставили ее презирать супружескія связи. Душа ея наконецъ запросила жизни, а нѣтъ жизни безъ любви для женщины.

Съ перваго свиданія Эмма была заинтересована Лудовикомъ де-Фонтанье. Ей нравилось въ немъ отсутствіе всякой надутости: она замѣтила въ немъ много теплоты и откровенности, что такъ рѣдко встрѣчается въ свѣтской, преждевременно изношенной, молодежи. Лудовикъ еще болѣе выигралъ въ глазахъ Эммы своимъ горячимъ сочувствіемъ ея горю и энергическою готовностію устроить ея счастье. Эмма на-самомъ-дѣль убѣдилась, что молодой человѣкъ сдержалъ свое слово. Ея мягкая душа не оскорбилась даже скандалѣзными разсказами о связи Лудовика съ Маргаритой, потому что Эмма извиняла этотъ поступокъ увлеченіемъ де-Фонтанье при исполненіи своего обѣщанія: она считала его — и конечно справедливо — выше этой связи, и объясняла ее себѣ неопытностью Лудовика и дурнымъ постороннимъ вліяніемъ на него. Наконецъ, самая привлекательная сторона

въ Лудовикѣ заключалась для нея въ томъ, что онъ первый по-
нялъ и оцѣнилъ ея страданія. Она увидѣла въ немъ своего есте-
ственного друга, что въ ея одинокомъ положеніи было очень
важно. Эта первая искра любви, случайно зароненная въ душу
маркизы, подъ влияніемъ обстоятельствъ, обратилась въ широкое
пламя. Чѣмъ больше маркизъ огорчалъ и чѣмъ дальше отталки-
валъ отъ себя Эмму, тѣмъ она сильнѣй привязывалась къ Лудо-
вику.

За всѣмъ тѣмъ, послѣ перваго свиданія, онъ не былъ у мар-
кизы.

Онъ избѣгалъ ея, затрудняясь явиться къ знатной дамѣ, ко-
торой, при первомъ знакомствѣ, осмѣлился говорить о любви, а
потомъ такъ легко измѣнилъ ей.

Такая застѣнчивость Лудовика де-Фонтанье гораздо болѣе
послужила въ его пользу, чѣмъ самое тонкое искусство владѣть
собой въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Онъ не прѣхалъ извѣстить Эмму о разрывѣ Жели съ д'Эско-
маномъ, и эта скромность была отнесена молодой женщиной къ
необыкновенной его деликатности: съ-тѣхъ-поръ онъ сталъ въ
глазахъ Эммы идеаломъ самыхъ возвышенныхъ и нѣжныхъ
чувствъ.

Маркиза д'Эсманъ такъ еще мало знала свѣтъ, что ея ин-
ститутскія понятія сохранились во всей своей наивности, а всѣмъ
извѣстно, какое влияніе имѣютъ на умъ институтокъ подобнаго
рода герон. Послѣ свиданія съ Лудовикомъ де-Фонтанье, Эмма
промечтала цѣлую ночь. Мечты эти мало-по-малу приняли для
нея характеръ дѣйственности, и Лудовикъ сдѣлался любимой
тѣмой ея уединенныхъ размышленій.

Съ отъѣздомъ мужа—маркиза, все еще робкая, но болѣе рѣ-
шительная, искала сближенія съ де-Фонтанье и, не говоря ни
слова Сусаниѣ, часто подумывала о приглашеніи Лудовика въ
свой домъ. Но когда рука ея бралась за перо, чтобъ написать
ему это приглашеніе, щеки ея загорались яркимъ румянцемъ отъ
стыда, и кровь приливала къ вискамъ; она, обыкновенно, опуска-
лась въ кресло и откладывала письмо до другаго дня.

Всѣ эти чувства Эмма принимала за мечты, и только по воз-
вращеніи маркиза д'Эсманъ, — котораго сначала интересъ, а
потомъ уже оскорбленное самолюбіе и капризъ привели къ но-
гамъ жены, — она поняла, что въ этихъ мечтахъ была силь-
ная потребность сердца: любовь Эммы къ Лудовику обратилась
изъ неопредѣленной грѣзы въ живую и глубокую страсть.

Съ этой минуты между Эммой и маркизомъ сталъ призракъ, — призракъ неумолимый въ своихъ преслѣдованіяхъ: онъ неотступно сторожилъ супруговъ во время ихъ прогулокъ; онъ подслушивалъ ихъ разговоры; онъ проникалъ даже въ спальню Эммы, и всѣ старанія ея избавиться отъ него были безуспѣшны: онъ не переставалъ преслѣдовать ее всюду, и даже въ то время, когда она закрывала глаза, чтобъ только не видѣть его болѣе передъ собой, въ воображеніи ея все-таки обрисовывался его образъ.

Онъ, какъ вѣрный часовой, оберегалъ ея альковъ и внушалъ ей холодность, недопускаящую мужа переступить порогъ ея спальни.

Наконецъ дошло дотого, что когда маркизу случалось поцѣловать жену, она съ ужасомъ вздрагивала; ей казалось, что къ губамъ ея прикасался не мужъ, а неотлучный ей призракъ, которому смущенное воображеніе молодой женщины придавало и тѣло и жизнь и даръ слова, понятный только для нея одной. Слыша звуки его голоса, сочувствуя рѣчамъ его, Эмма трепетала, какъ листокъ подъ холоднымъ вѣтромъ, и сердце ея щемила тоска.

Воображеніе Эммы такъ сильно работало, что въ самое непродолжительное время эти неотступныя мечты произвели на нее столь могущественное вліяніе, что совершенно покорили себѣ ея разумъ: она была уже не въ силахъ отказаться отъ зараждавшихся въ ней желаній, хотя-бы они переступали даже предѣлы простой плюзии. И вотъ почему, не внимая упрекамъ своей совѣсти, маркиза д'Эскманъ ѣздила каждый день кататься туда, гдѣ первый разъ встрѣтилась съ Лудовикомъ де-Фонтанье, и куда молодой человѣкъ являлся подъ вліяніемъ того же чувства.

Сусанна Моле допускала только два рода любви: безграничную любовь кормилицы къ своему питомцу, извиняя ей всякое увлеченіе, и любовь жены къ мужу, назначая впрочемъ этому чувству самые тѣсныя предѣлы. Ей казалось невозможнымъ, чтобы робкая молодая дѣвушка, какою она еще представляла себѣ Эмму, могла дойти когда-нибудь до изступленной страсти къ человѣку, подобному Лудовику де-Фонтанье.

Глубокое моральное потрясеніе Эммы вредно подѣйствовало на ея здоровье и Сусанна Моле, крайне испуганная и изумленная, увидѣла, что изнеможеніе ея госпожи перешло въ довольно опасную болѣзнь.

Призванный ею докторъ довольно удачно угадалъ причины болѣзни маркизы. Удостоверившись, что организмъ ея страдалъ только послѣдовательно и что эта болѣзнь обнаруживалась перемежающимися припадками, соединенными съ нервной мозговой системой, онъ заподозрилъ въ больной глубокое нравственное потрясеніе, которое, разумѣется, и приписалъ страданіямъ ея въ семейномъ быту.

Сусанна Моле наружно согласилась съ опытнымъ медикомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ внутренно сознавала, что Эмма давно уже не любила своего мужа.

Преданная кормилица никого не допускала ухаживать за своей больной; цѣлыя ночи напролетъ просиживала она возлѣ нее, на половину скрытая въ широкихъ складкахъ шелковой драпировки алькова, и при едва мерцающемъ свѣтѣ лампы, внимательно слѣдила за всѣми движеніями Эммы, и за тяжелымъ ея дыханіемъ. При этомъ Сусанна жадно любовалась прелестной головкой и матовой бѣлизной личика маркизы, и чтобы лучше видѣть ее, она время-отъ-времени отбрасывала съ ея головы кружева подушки.

Въ одну изъ такихъ ночей, когда щеки больной опять покрылись лихорадочнымъ румянцемъ и припадки поддерживали въ ней постоянное волненіе, не смотря на ея дремоту, Сусаннѣ показалось, что Эмма прошептала, невыразимо нѣжнымъ тономъ, чье-то мужское имя.

Спустя нѣсколько дней, докторъ, котораго добрая кормилица ежедневно съ грустью и тоскою спрашивала о положеніи больной, отвѣчалъ только пожатіемъ плечъ и краснорѣчивымъ молчаніемъ.

Всемирный потопъ вѣроятно не произвелъ-бы такого страшнаго дѣйствія на Сусанну Моле, какъ этотъ нѣмой, но выразительный докторскій приговоръ. Въ ту же минуту, неистово вскрикнувъ какъ львица, у которой безжалостный охотникъ отнимаетъ дѣтенышей, любящая кормилица опрометью бросилась въ спальню своей госпожи.

Не сообразивъ, что выраженія ея горести и страха, могли испугать Эмму и тѣмъ значительно усилить ея болѣзнь, Сусанна, припавъ къ постели, приподняла больную, прижала ее къ груди своей, и покрыла лицо ея поцѣлуями и слезами. Бѣдной Сусаннѣ уже представилась смерть и потеря ея единственнаго сокровища въ мірѣ.

Наконецъ Сусанна Моле впала въ изступленіе, вызванное

безпредѣльной любовью къ Эммѣ и бредомъ отчаянія, прерываемаго рыданіями, криками ярости и угрозъ страшному призраку — смерти. Во время этихъ припадковъ иступленія, Сусанна, то казалась страшной, то опять проявлялись въ ней и нѣжность и заботливость; она то хохотала какимъ-то дикимъ смѣхомъ, то падала ницъ передъ мадонной и рыдала отчаяннымъ рыданіемъ.

Теперь только, въ первый разъ Сусанна произнесла передъ госпожей своею имя Лудовика и произнесла безъ малѣйшей гѣни упрека, потому-что, при видѣ угрожающей опасности, въ глазахъ кормилицы казалось все прощительнымъ. Мало того, она старалась оправдать Эмму въ собственныхъ глазахъ, даже одобряла ея любовь, обѣщая ей взаимность и счастье.

— Умереть, говорила Сусанна: — умереть вамъ прежде меня! да развѣ это возможно? Неужели такая несправедливость имѣеть оправданіе? Развѣ зима не всегда предшествуетъ веснѣ? Доктора!... продолжала Сусанна проницески и, вмѣстѣ съ тѣмъ, презрительно улыбаясь: — Неужели мы нуждаемся въ нихъ? развѣ я не подлѣ васъ?... ха, ха, ха! Да если-бы они знали, какъ я смѣюсь надъ ихъ учеными разсужденіями!... Нѣтъ! вы выздоровѣете, моя несравненная Эмма, непременно должны выздоровѣть — это вѣрно, потому что я такъ хочу. Но прежде всего перестаньте мучить себя глупыми огорченіями.... И кто запрещаетъ вамъ любить де-Фонтанье, если вы дѣйствительно любите его?... Ужъ не мужъ-ли вашъ? — Да развѣ не онъ первый измѣнилъ вамъ?... Мужъ!... вотъ прекрасно; вотъ было-бы мило! Развѣ онъ не предался опять безпутной жизни, съ-тѣхъ-поръ какъ вы заболѣли?... Если ужъ нужно бросить въ кого камень, то конечно не въ васъ: быть молодой и жить безъ любви — невозможно.... Нѣтъ, невозможно!... Я также любила, какъ и другія.... (не мѣшаетъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи Сусанна отчаянно клепала на себя). Будьте же спокойны, — продолжала кормилица: послѣ всего что съ вами сдѣлалъ,—вамъ все прощительно.

Въ эту минуту Эмма лежала въ томъ оцѣпенѣніи, въ которое обыкновенно впадаютъ послѣ лихорадочнаго пароксизма; она была болѣе удивлена, чѣмъ испугана такой восторженностію своею кормилицы.

Потомъ, когда Сусанна нѣсколько разъ произнесла имя Лудовика, имя, которое и безъ того уже само сердце поминутно подсказывало Эммѣ, — она закрыла глаза, какъ-бы опасаясь,

что-бы неисчезло такое приятное сновидѣніе. Она уснула съ улыбкой на устахъ, почти успокоенная словами Моле, которая приняла живое участіе въ этомъ дѣлѣ, и предсказывала ей несомнѣнный успѣхъ.

За этимъ кризисомъ болѣзни, послѣдовало легкое поправленіе въ положеніи больной, такъ-что простодушная кормилица окончательно убѣдилась въ своихъ самонадѣянныхъ предположеніяхъ, только-что высказанныхъ ею и внушенныхъ отчаяніемъ. Съ этого времени докторъ сталъ въ глазахъ ея круглымъ невѣждой и она не только перестала спрашивать его о состояніи здоровья маркизы, но даже на всѣ его вопросы о томъ, что происходило съ больной во время его отсутствія, Сусанна отвѣчала ему съ оскорбительнымъ лаконизмомъ.

Легко догадаться, что добрая кормилица не ограничилась однимъ только, на этотъ разъ довольно удачнымъ, испытаніемъ своихъ цѣлебныхъ средствъ.

Сусанна Моле, безъ всякаго затрудненія, находила разные предлоги, чтобы оставаться съ госпожею своей наединѣ, и не упускала тогда случая постоянно говорить Эммѣ о чувствахъ Лудовика де-Фонтанье съ такою подробностію, какъ будто-бы она собственно своею особою проникла въ сердце молодаго человѣка, котораго почти не знала. Она щедро украшала его всевозможными добродѣтелями и превосходнѣйшими качествами, не останавливаясь ни передъ какими преувеличеніями, лишь только-бы оправдать любовь Эммы.

Вообще вошло въ обыкновеніе уже слишкомъ много поэтпзировать человѣческіе недуги. Чтобъ болѣзнь дѣйствительно была чѣмъ-нибудь серьезнымъ, она непременно должна быть нѣсколько матеріальнѣе, или, такъ-сказать, должна быть вещественнѣе. Въ виду наступающаго разложенія въ человѣческомъ организмѣ все мало-по-малу слабѣетъ, увядаетъ и уменьшается: организмъ начинаетъ походить тогда на ткань, цвѣтъ которой разрушенъ, а нити всѣ разведишены и разорваны какой-нибудь ѣдкою ядкостью. Дѣйствія недуга рѣдко ограничиваются однимъ физическимъ разрушеніемъ: большею частію онъ поражаетъ и умственные способности и тогда распространяется даже на самую душу человѣка.

Такъ было и съ маркизой д'Эскомань. Во время своей болѣзни, она совсѣмъ потеряла способность различать добро и зло, а потому и не подумала оттолкнуть отъ себя чашу съ отравкою, подносимою къ губамъ ея Сусанною Моле. И не удивительно.

Касаясь этой чаши, Эмма находила въ ней забвеніе своимъ горестямъ; эта чаша сушила ей надежды, а съ надеждами здоровье и, следовательно, самую жизнь.

Но когда слезы снова возвратились къ маркизѣ д'Эскоманъ, инстинктъ долга и чувство женщины опять заговорили въ ней и она снова вступила въ борьбу съ своей любовью, такъ далеко уже закравшейся въ ея душу. Однажды, по выздоровленіи Эммы, Сусанна Моле распространилась было, по обыкновенію, о будущемъ счастья своей госпожи, но маркиза неожиданно прервала ее, сказавъ, что это счастье не для нея, потому что она должна была-бы купить его цѣною преступленія, не говоря уже о другихъ непреодолимыхъ препятствіяхъ. Притомъ, краснѣя отъ стыда, она произнесла имя Маргариты и скрыла лицо свое на груди доброй своей кормилицы, обливая ее слезами.

Сусана Моле была поражена.

Она совершенно растерялась, и тутъ только поняла, какъ далеко увлеклась своимъ воображеніемъ. Она создала какое-то фантастическое существо, стараясь олицетворить въ немъ Людовика де-Фонтапье и соединить съ этимъ добрымъ геніемъ, свою непорочную Эмму, забывъ, что на-самомъ-дѣлѣ если не сердце, то воля молодого человѣка принадлежала другой женщинѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

СЛИШКОМЪ ВОЛЬНАЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ ПРАВСТВЕННЫХЪ И СЛИШКОМЪ ПРАВСТВЕННАЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ ПОРОЧНЫХЪ.

Сколько ни старалась Маргарита Жели возстановить свое чувственное вліяніе на Лудовика де-Фонтанье, которое замѣтно съ каждымъ днемъ утрачивалось все болѣе и болѣе, но всѣ старанія ея остались безуспѣшны.

Хотя это было ясно, но бѣдняжка сомнѣвалась еще въ своемъ несчастіи, потому что Лудовикъ де-Фонтанье не высказывался вполнѣ, сознавая, что разрывъ ихъ слишкомъ сильно поразилъ-бы Жели.

Многіе вѣроятнo осудятъ нашего героя, взваливъ на него одного всю вину въ настоящемъ затруднительномъ положеніи, а потому мы спѣшимъ оправдать Лудовика и скажемъ, что Маргарита Жели, стараясь всею душою поправить дѣло, еще болѣе испортила его своею безтактностью.

Связь между ними завязалась совершенно неожиданно для обоихъ; Маргарита знала, что сердце Лудовика не принимало въ этой связи особеннаго участія и сама сказала ему объ этомъ, потому-что, еще въ первое свое свиданіе съ молодымъ человѣкомъ, она подслушала его откровенный разговоръ съ швалье де-Монгла, когда Лудовикъ рассказывалъ ему проектъ свой о

возвращенія маркиза д'Эскоманъ къ ногамъ жены его. Такъ весьма естественно, что при видѣ охлажденія къ ней Лудовика де-Фонтанье, которое онъ давалъ ей чувствовать, не высказывая его, ее стало терзать ужасное подозрѣніе, что причиною такой холодности — любовь его къ другой женщинѣ.

У всякой женщины фizioномія имѣеть свой особенный характеръ и эту своеобразность фizioноміи женщина можетъ употреблять точно также вовредъ себѣ, какъ и въ свою пользу. Такъ, напримѣръ, одной женщинѣ дано въ удѣлъ постоянно-веселое расположеніе духа, такъ-что даже самый неистовый смѣхъ бываетъ ей къ лицу; другая получила на долю всегдашнюю грусть и непрерывныя слезы; но нѣтъ женщины, для которой не было-бы точно также опасно придать своему лицу чуждое ему выраженіе, какъ брюнеткѣ опасно надѣть голубую наколку, а блондинкѣ ярко пунцовый вѣнокъ. — Такого рода эксцентричности позволительны только однѣмъ царицамъ, потому что онѣ прекрасны по праву своего рожденія...

Маргарита Жели, не подозрѣвая этихъ условій, разумѣется, каждый день безсознательно впадала въ крайности подобнаго рода, стараясь, какимъ-бы то ни было способомъ, понравиться Лудовику де-Фонтанье.

Глаза Маргариты Жели постоянно противорѣчили ея поступкамъ: хотѣла-ли она казаться веселой, что-бы развлечь мрачное настроеніе Лудовика, желала-ли она прельстить молодого чело-вѣка грустной томностью, подражая въ этомъ маркизѣ д'Эскоманъ, глаза ея постоянно измѣняли ей и, противъ воли ея, выражали одну только страстную чувственность молодой Дюнуазки. Притомъ она была слишкомъ однообразна въ своихъ разговорахъ, такъ-что все это вмѣстѣ еще болѣе усиливало равнодушіе, съ которымъ Лудовикъ обыкновенно принималъ ея ласки и кокетство.

Такому равнодушію со стороны молодого чело-вѣка способствовала и его собственная мечтательность. Онъ постоянно жилъ только однѣми грѣзами, искалъ совершенства ихъ въ дѣйстви-тельномъ мірѣ.

Но это было еще не все. Не понимая какъ иногда бываетъ опасно разногласіе въ любви, Маргарита Жели, въ простотѣ души своей, была рѣшительно не способна прочувствовать всю деликатность и нѣжность платонической страсти, которую нашъ герой питалъ въ своемъ сердцѣ къ маркизѣ д'Эскоманъ. Жели

вмѣсто того, чтобы противопоставить этой любви вкрадчивость и хитрость, которыми она успѣла-бы, можетъ-быть, преодолѣть это чувство въ Лудовикѣ, стала, напротивъ того, совершенно безъ такта нападать на Эмму и клеветать на нее, что, само-собою разумѣется, еще болѣе возвышало въ глазахъ Лудовика достоинства любимой имъ женщины. Стараясь ее защищать, онъ искалъ для этого доказательства и, припоминая всѣ ея прекрасныя качества, вмѣстѣ съ тѣмъ открывалъ въ ней новыя, существованіе которыхъ и не подозрѣвалъ. И это повторялось каждый разъ, какъ только Маргарита прибѣгала къ обыкновенному оружію всѣхъ ревнивыхъ женщинъ и начинала укорять и чернить свою соперницу.

Но когда молодая Дюнуазка старалась казаться грустною,— она окончательно портила дѣло.

Въ истинную меланхолію впадаютъ только души съ нѣкоторою энергіей; слабымъ знакомы — только печаль и томленіе.

Неоступно-господствовавшая въ умѣ Лудовика мысль сдѣлала ненавистными для него прежнія развлеченія; но у него не доставало силъ бѣжать отъ нихъ и онъ терпѣлъ ихъ, потому-что, при такомъ настроеніи его души, всякое новое волненіе или усиленіе было ему также не выносимо, какъ и всякій шумъ, нарушавшій покой его въ то время, когда онъ уносился въ міръ фантазій.

При такихъ обстоятельствахъ онъ не переставалъ посѣщать Маргариту Жели, поддерживая прежнія отношенія къ ней единственно только изъ сожалѣнія.

Нѣтъ роли, которая доставляла-бы столько тайныхъ удовольствій, игрокамъ ея, какъ роль несчастной жертвы. Такъ и Лудовикъ де-Фонтанье не безъ удовольствія думалъ о томъ, что онъ пожертвовалъ собою для счастья страстно-любимой имъ женщины.

Болезнь Эммы послужила поводомъ къ сблизженію Лудовика съ маркизомъ. Слухи, носившіеся въ обществѣ о болѣзни Эммы, были до крайности сбивчивы и, постоянно протпворѣча одни другимъ, сильно беспокоили Лудовика. Желая узнать истину, онъ сталъ бродить каждый день около дома Эммы, чтобы встрѣтить и распросить Сусанну о состояніи здоровья маркизы; но Сусанна, какъ нарочно, ни шагу не отходила отъ больной, такъ что герой нашъ былъ принужденъ обратпться за этими свѣдѣніями къ самому маркизу д'Эскоманъ.

Когда Эмма слегла въ постель, маркизь опять повелъ прежнему развратную жизньъ. Получивъ отъ нея деньги, онъ опять вернулся къ своимъ привычкамъ, — и снова собралъ свой разгульный кружокъ, намѣреваясь завербовать въ него и своего соперника. Онъ имѣлъ на это много причинъ и потому сталъ оказывать .Лудовику де-Фонтаньѣ самое дружеское расположеніе; но, при всемъ томъ онъ, отвѣчалъ очень не удовлетворительно на вопросы нашего героя объ Эммѣ, считая ихъ однимъ только приличіемъ.

Съ-тѣхъ-поръ какъ .Лудовикъ замѣтилъ, что маркизь д'Эскоманъ вовсе не думаетъ о Маргаритѣ, посѣщенія къ ней молодого человѣка стали рѣже. Однажды, спускаясь отъ нея по слабоосвѣщенной лѣстницѣ, онъ встрѣтился съ женщиной, которой наружность и ростъ показались ему, не смотря на полу-мракъ, знакомыми. Онъ былъ пораженъ, узнавъ въ этой женщинѣ кормилицу маркизы д'Эскоманъ.

Появленіе Сусанны Моле въ домѣ, въ которомъ жила Маргарита, показалось ему очень страннымъ, и потому, хотъ онъ уже вышелъ на улицу, но подстрекаемый любопытствомъ и не много подумавъ, снова поднялся по лѣстницѣ.

Маргарита Жели занимала первый этажъ дома, въ улицѣ Клюни.

Второй этажъ состоялъ изъ трехъ маленькихъ комнатъ: въ двухъ жили подмастерье и ученики шляпнаго мастера, имѣвшаго внизу этого же дома лавку, такъ-что жильцы двухъ верхнихъ комнатокъ только ночевали въ нихъ; въ третьей комнаткѣ жила башмашница, которую всѣ называли матушка Бригита. Вмѣстѣ съ ней жилъ ея внукъ, десяти или одиннадцатилѣтній ребенокъ, оставшійся сиротой на ея попеченіи послѣ смерти ея дочери и зятя.

Сострадательная, какъ всѣ вообще молодыя дѣвушки, Маргарита Жели часто описывала .Лудовику бѣдность матушки Бригиты, и онъ уже не разъ подавалъ старухѣ милостыню. Подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ, онъ вздумалъ и теперь войти въ комнатку бѣдной женщины.

.Лудовикъ смѣло постучался въ дверь. Едва только руки его дотронулись до скобки двери, какъ она уже отворилась и на порогъ ея появилась Бригита. Все это произошло такъ быстро, что старуха казалось ожидала посѣщенія молодого человѣка. Она поклонилась ему низко, почти до земли, и .Лудовикъ вос-

пользовался этимъ движеніемъ, чтобъ окинуть глазами комнату Бригиты; а сдѣлать это было вовсе не трудно.

Лудовикъ увидѣлъ маленькаго внука старухи, котораго все вниманіе было совершенно поглощено двумя одновременными занятіями, такъ-что онъ даже не обернулся при стукѣ растворившейся двери.

Николай, такъ звали мальчика, одной рукой съ усиленіемъ расчесывалъ свои сбившіеся волосы, употребляя для того вмѣсто гребня собственныя пять пальцевъ, другою же — онъ старался ознакомиться заблаговременно съ объѣдомъ и вытащить что-нибудь изъ стоявшаго на печкѣ горшка.

Три стула, составлявшіе всю мебель Бригиты, стояли по мѣстамъ своимъ, да и самая горенка была такъ мала, что не только не было мѣста, гдѣ спрятаться Сусаннѣ, но даже нѣгдѣ было-бы скрыть ея платье. Очевидно, что кормилица Эммы пропала не къ матушкѣ Бригитѣ, если только на лѣстницѣ дѣйствительно встрѣтилась Лудовику Сусанна Моле.

Молодой человекъ спросилъ старуху о Сусаннѣ, но матушка Бригита по глухотѣ своей не разслышала его вопроса и отвѣчала низкимъ поклономъ и изъявленіями благодарности за его благодѣянія.

Сильно заинтересованный нечаянной встрѣчей, Лудовикъ де-Фонтанъ, давъ старухѣ пятифранковую монету, поспѣшилъ выйти изъ комнатки для дальнѣйшихъ розысканій, и, какъ у бѣдныхъ мастеровыхъ комнаты обыкновенно никогда не запираются, то онъ неприминулъ заглянуть въ растворенныя двери двухъ смежныхъ горенокъ, а потомъ поднялся на чердакъ; но нигдѣ не нашелъ ни малѣйшаго слѣда той женщины, которая встрѣтилась ему за десять минутъ передъ тѣмъ.

Это непонятное обстоятельство принимало видъ какого-то чуда, потому что герою нашему казалось невѣроятнымъ, чтобъ Сусанна Моле могла имѣть крылья; однакожъ, не находя никакой возможности разъяснить себѣ эту загадку, онъ заключилъ, что кормилица Эммы присматриваетъ за нимъ.

Такое предположеніе имѣло свою хорошую и дурную сторону. Если за нимъ слѣдили, то изъ этого слѣдовало, что имъ интересовались въ домѣ маркизы д'Эскманъ. Съ другой стороны, послѣ разговора его съ Сусанной, онъ смѣло могъ думать, что она имѣетъ злыя намѣренія противъ него, которыя старается скрыть подъ личиною заботы о его поведеніи.

Во всякомъ случаѣ, Лудовикъ де-Фонтанье далъ себѣ слово, что онъ отброситъ свою робость и, какъ только здоровье маркизы д'Эскоманъ позволитъ ей принять его, непременно поидетъ туда и откровенно сознается ей въ своемъ поведеніи. Съ этою цѣлью онъ старался, какъ мы уже сказали, поддерживать то дружеское расположеніе, которое выказывалъ къ нему маркизъ д'Эскоманъ.

Надежда увидѣться съ Эммой не переставала занимать молодого человѣка, съ той самой минуты, какъ онъ задумалъ это свиданіе; онъ приготовился заранѣе о чемъ говорить съ маркизой и старался угадать ея отвѣты.

Черезъ два дни послѣ непонятной встрѣчи на лѣстницѣ Маргаритиной квартиры, Лудовикъ де-Фонтанье, бродя по обыкновенію вокругъ дома маркизы д'Эскоманъ, повстрѣчался съ швалье де-Монгла.

Хотя было только семь часовъ утра, но старый швалье шелъ въ бальномъ костюмѣ и въ бѣломъ галстукѣ; жилетъ его былъ растегнутъ. Швалье де-Монгла поднялъ воротникъ фрака, чтобъ сколько-нибудь предохранить свое горло и лицо отъ утренняго холода, и какъ на фракахъ того времени носили очень длинныя воротники, то издали казалось, будто-бы на старикѣ былъ надѣтъ капюшонъ. Но при всемъ циническомъ безпорядкѣ своего костюма, швалье былъ въ веселомъ расположеніи и, замѣтивъ еще издали Лудовика, прямо пошелъ къ нему.

— И такъ, мы все еще мечтаемъ о ней? сказалъ швалье де-Монгла, ласково подмигивая на домъ маркизы д'Эскоманъ.

Лудовикъ де-Фонтанье понялъ, что предъ старикомъ нельзя притворяться, и уже не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что швалье остался въ душѣ своей честнымъ человѣкомъ, неспособнымъ измѣнить тайнѣ того, въ дружбѣ котораго онъ былъ увѣренъ.

— Постоянно! отвѣчалъ отрывисто Лудовикъ де-Фонтанье.

— И я также постоянно считаю васъ сумасшедшимъ. Ну, какого черта вы хотите отъ трупа?... Я слышалъ, что она умираетъ.

При этомъ печальномъ извѣстіи, Лудовикъ де-Фонтанье измѣнился въ лицѣ.

— Напротивъ, я слышалъ что ей стало лучше.

— Тѣмъ хуже, чертъ возьми!

— Какъ хуже?

— Да, тѣмъ хуже для васъ. Я сдѣлалъ съ своей стороны все, что могъ, — чтобъ только изгладить пэъ вашего воображеніи

эту прихоть. Повѣрьте, другъ мой, если она выздоровѣетъ и увидитъ себя снова покинутой мужемъ, то — держу пари двадцать противъ одного, — она непременно сдѣлается ханжей.

— Признаюсь, швалье, что даже и такая перспектива меня вовсе не пугаетъ.

— Вы очень храбры!... Но ханжа, мой любезнѣйшій, всегда надѣется, что ей будутъ зачтены въ заслугу тѣ испытанія, которыя она перенесла на землѣ за всѣхъ влюбленныхъ въ нее.

— Но вы несете вздоръ, который можно объяснить въ васъ только недоспанной ночью.

— Объ этомъ послѣ. Послушайте меня, мой милый другъ, будьте разсудительнѣе и бросьте мечтать о ней!... Посмотрите на себя, какъ вы похудѣли въ эти послѣдніе четыре мѣсяца!... Я говорю вамъ не шутя.

— И я отвѣчаю вамъ также серьезно, что нѣтъ никакой возможности охладить такую сильную любовь, какую я чувствую къ ней.

— Любите ее сколько вамъ угодно, но!... чѣртъ возьми!... не будьте же по-крайней-мѣрѣ смѣшны! — вскричалъ швалье де-Монгла, сдѣлавъ гнѣвный жестъ, отъ котораго поднятый воротникъ его фрака внезапно отогнулся и обнаружилъ его лицо.

— Объяснитесь, швалье; я васъ не понимаю, отвѣчалъ Людовикъ де-Фонтанье.

— Ну разумѣется объясню, потому что окажу тѣмъ услугу. Сердиться на маркиза д'Эскоманъ мнѣ больше не приходится мы расквитались; я доказалъ всю ничтожность этихъ господъ, блестящихъ повѣсь нынѣшняго времени. Куда имъ тягаться съ нами — они намъ не по плечу. Вѣдь не все то золото, что блеститъ. Теперь я ничего не имѣю противъ маркиза, но при всемъ томъ совѣтую вамъ быть съ нимъ осторожнымъ.

— Чтѣ вы хотите этимъ сказать?

— Неужели вы не догадываетесь, что маркизъ д'Эскоманъ ищетъ только случая расквитаться съ вами той-же монетой.

— Вы думаете, что онъ разсчитываетъ на Маргариту?

— Чѣртъ возьми!

— Но почему вы такъ думаете, швалье? Съ-тѣхъ-поръ какъ маркизъ возвратился въ Шатодеъ, онъ еще ни разу не былъ у Маргариты.

— Очень можетъ быть. Но вмѣсто себя онъ подсылаетъ лазутчика.

— Ба! воскликнулъ Лудовикъ де-Фонтанье, вовсе не столь удивленный и испуганный, какъ-бы хотѣлось старыку!

— Ба! повторилъ де-Монгла, иронически подражая интонаціи его голоса. Пожалуй, если хотите — не стойте очень за Маргариту, но такъ-какъ въ этомъ дѣлѣ замѣшена ваша честь, то по-крайней-мѣрѣ поберегите ее.

Лудовикъ де-Фонтанье не могъ не улынуться, когда швалье де-Монгла такъ серьезно вмѣшалъ въ это дѣло его честь, какъ будто рѣчь шла объ измѣнѣ первой имперіи.

— Такъ вотъ какъ — у него свой лазутчикъ! Надо же его узнать, поспѣшно сказалъ Лудовикъ, чтобы скрыть насмѣшливое выраженіе глазъ.

— Я предоставляю вамъ угадать его изъ десяти тысячъ человѣкъ.

— Предположимъ, что я перебралъ въ своей памяти девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять именъ, неотгадавъ изъ нихъ ни одного; — такъ скажите мнѣ теперь десятитысячное.

— Это Сусанна, мой другъ, та самая Сусанна, которая, какъ полицейскій агентъ, неотступно сопровождаетъ маркизу, и изъ которой этотъ дьяволъ д'Эскоманъ уже успѣлъ сдѣлать существо, преданное ему и тѣломъ и душой.

— Этого не можетъ быть, швалье!

— Какъ не можетъ быть? да я говорю вамъ, что собственными своими глазами видѣлъ ее два раза, и оба раза въ разные дни, выходящей изъ дома, въ которомъ живетъ Маргарита.

— Все-таки этого не можетъ быть, потому что Сусанна Моле ненавидитъ маркиза д'Эскоманъ.

Разставаясь съ своимъ старымъ другомъ, Лудовикъ де-Фонтанье обѣщался воспользоваться его предостереженіями. Герой нашъ, оставшись одинъ, призадумался: {совпаденіе встрѣчи его и швалье де-Монгла съ Сусанной Моле въ домѣ, гдѣ живетъ Маргарита Жели, совершенно сбилось его съ толку.

Въ то самое утро Лудовикъ де-Фонтанье составилъ себѣ два плана, которые, повидимому, рѣшился непременно исполнить.

Первый — совершенно разстаться съ Маргаритой.

Онъ избавлялся этимъ отъ неприятнаго и утомительнаго надзора и предохранялъ свою честь, какъ выразился швалье де-Монгла.

Сверхъ того, Лудовикъ могъ-бы тогда представиться марки-

зѣ д'Эскманъ съ спокойнымъ сердцемъ и въ доказательство искренности своей любви, откровенно разсказать ей о внезапномъ разрывѣ своемъ съ Маргаритой.

Второй планъ Лудовика де-Фонтанье касался Сусанны Моле.

Онъ хотѣлъ убѣдиться, во что-бы то ни стало, дѣйствительно-ли женщина, подававшая ему на лѣстницѣ, была Сусанна Моле и если-бъ это было такъ, то узнать отъ нея, съ какой цѣлью она приходила туда.

Оба эти намѣренія Лудовикъ де-Фонтанье рѣшился исполнить въ тотъ же самый день.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	стр.	
РЕФОРМА И КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ ВЪ ВЕНГРИИ. (статья вторая.) С. Н. ПАЛАУЗОВА.	1	
ТРУДЪ И КАПИТАЛЪ. Романъ. Ф. Г. ТОМЛЯ.	67	✓
ДѢДЫ. Повесть Адама Мицкевича. А. С.	174	✓
ВПЕЧАТЛѢНІЯ РУССКАГО ВЪ АМЕРИКѢ. Н. П. СОКАЛЬСКАГО.	197	✓
ПОЛИТИЧЕСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И СУДЕБНОЕ УСТРОЙСТВО ФИНЛЯНДИИ. А. В. ЛОХВИЦКАГО.	237	
ДРЕВНѢЙШІЯ ЭПИЧЕСКІЯ ПРЕДАНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ. Ө. И. БУСЛАЕВА.	246	✓
ИСЛАМЪ. А. К. КАЗЕМЪ-БЕКА	270	✓

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛИТИКА. Обзоръ современныхъ событій. — Казни въ Сиріи.	1	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Записки Гавриила Романовича Державина. В. И. ВОДОВОЗОВА	17	✓
КУРСЪ ИСТОРИИ ПОЭЗИИ, для воспитанницъ женскихъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій, составилъ А. Линниченко. А.	32	
ПАМЯТНАЯ КНИЖКА ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ на 1860 годъ. Г. ПОТАНИНА.	38	
Р. . . . . ство къ познанію душевной дѣятельности въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи челоука. Соч. д-ра Г. Кленке. — Руководство къ химическому изслѣдованію важнѣйшихъ		

сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Соч. д-ра Э. Вольфа. — Гигиена, руководство къ сохраненію здоровья. Ст. Барановскаго. — Александръ Гумбольдтъ. Биографическій очеркъ, изд. С. О. Лукина. — Руководство къ изученію нервныхъ болѣзней М. Г. Ромберга. — В. Л. ХАНКИНА. 42

✓ **Иностранная литература.** Что такое Антропология. П. Л. ЛАВРОВА. 53

Вопросъ объ эмансипаціи въ Соединенныхъ Штатахъ, теорія рабства Фицъ-Гуга. Главная причина завоевательной политики Союза. В. Л. ХАНКИНА. . 77

Исторія Джованни Прочиды и Сицилійская Вечерня. В. П. ПОПОВА 103

ОТДѢЛЪ III.

Сябрь. Судебные следователи. А. Г. ЛОХВИЦКАГО. 4

Петербургская летопись. В. П. 21

О выставкѣ Академіи Художествъ. Я. — АГО. 27

Маринскій театръ. П. В. 34

Шахматный листокъ. В. М. МИХАЙЛОВА.

✓ Къ этой книжкѣ прилагается вторая часть романа А. Дюма, **Маркиза д'Эскоманъ.**

Редакція «Русскаго Слова» имѣетъ честь извѣстить своихъ подписчиковъ, что сочиненіе Михайлова въ «Провинціи» *первая часть* (изданная въ прошломъ году) выдается редакціей съ платой по 1 р. (включая сюда и пересылку), для прочихъ же — по 4 р. 20 к. Точно на томъ же условіи выдается и *вторая часть.*